ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
**А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.**

№ 5. Май. 1913.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1913.

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ.

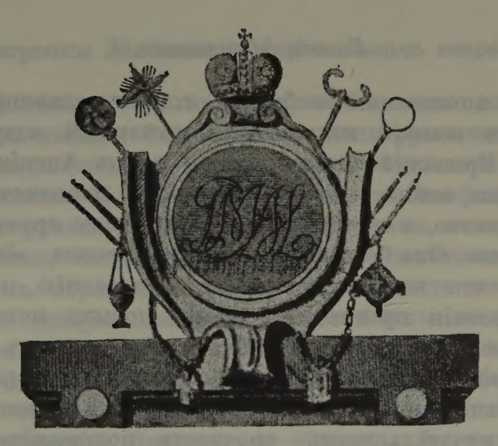
I. Статьи:

II. Воспоминанія:

III. Матеріалы:

IV. Обзоръ журналовъ:

V. Критика и библіографія:



Джузеппе Мадзини о національномъ вопросѣ.

I.

Важнѣйшимъ элементомъ историко-философской доктрины Джузеппе Мадзини и путеводною звѣздой всей его боевой жизни было глубокое убѣжденіе, что «національности непобѣдимы, какъ совѣсть: можно усыпить ихъ на короткое время, но не уничтожить». Окрыленный этою вѣрою, онъ проявлялъ особенную чуткость къ освободительнымъ движеніямъ, стимулируемымъ національнымъ чувствомъ, и съ чисто религіозною убѣжденностью вѣрилъ въ ихъ неизбѣжное торжество. Онъ поэтому нисколько не сомнѣвался, что разнородные національные элементы, составлявшіе въ первой половинѣ XIX вѣка населеніе Балканскаго полуострова, сохранили во всей своей неприкосновенности свои жизненныя силы и, рано или поздно, поднимутъ движеніе, которое приведетъ къ разложенію Оттоманской имперіи на ея составныя этническія единицы. Съ этой точки зрѣнія онъ разсматривалъ и всю совокупность промблемъ, составлявшихъ въ то время содержаніе такъ называемаго Восточнаго вопроса.

Впервые подробно онъ заговорилъ о немъ въ статьѣ «О международной политикѣ Англіи во время Восточной войны», напечатанной въ 1855 году въ видѣ открытаго письма къ P. Taylor'y. Мадзини старается убѣдить своего корреспондента въ принципіальной несостоятельности и практической нецѣлесообразности участія Англіи въ Крымской войнѣ. Взгляды великаго итальянца всего лучше выясняются изъ его собственныхъ словъ, и потому общимъ характеристикамъ мы предпочитаемъ подлинныя цитаты какъ изъ названной, такъ и изъ другихъ статей, въ которыхъ Мадзини трактуетъ интересующую насъ сейчасъ тему.

«Война, неосвященная идейнымъ началомъ, написаннымъ на ея знамени, есть,—замѣчаетъ Мадзини въ письмѣ къ Taylor'y,—самое страшное изъ всѣхъ преступленій. Солдатъ, когда онъ не является

вооруженнымъ апостоломъ свободной и прогрессивной жизни, — не что иное, какъ жалкій наемникъ, получающій мзду за убійство ближняго». А Крымскій походъ продиктованъ Англіи не идейными мотивами. «Ваша война — не та, о которой первоначально мечтало англійское общество, а та, которую затѣяло ваше правительство — не священная война». Она безцѣльна и безнравственна. «Это война безъ цѣли, потому что не направлена къ завоеванію постоянной матеріальной гарантіи противъ появленія новыхъ поводовъ для вооруженныхъ конфликтовъ». Подобная цѣль можетъ быть достигнута только «воздвигнувъ новый барьеръ между Россіей и предметомъ ея амбиціи при посредствѣ третьяго элемента, который служилъ бы ручательствомъ прочности положенія». Дальше мы убѣдимся, что такимъ третьимъ элементомъ Мадзини считаетъ самыя балканскія народности, освобожденныя отъ турецкаго ига и отъ небезкорыстной опеки европейскихъ державъ и прочно сорганизованныя въ единое политическое тѣло на федеративныхъ началахъ. Съ этой точки зрѣнія рѣшительно не выдерживаетъ критики указанный актъ англійской дипломатіи. Онъ «безнравственъ, потому что продиктовавшая его политика стремится достичь безнравственныхъ цѣлей аморальными средствами: удержать неправильный территоріальный укладъ 1815 г., — это отрицаніе идеи національности, — при помощи союза съ Франціей». Между тѣмъ война могла бы имѣть оправданіе только въ томъ случаѣ, если бы она дѣйствительно была предпринята во имя интереса культуры и прогресса. Но для этого слѣдовало «понять, что война противъ Россіи должна была быть войною свободы противъ европейскаго деспотизма; что равновѣсіе, приводящее къ миру, безплодная ложь, разъ оно не является равновѣсіемъ справедливости; что для созданія послѣдняго необходимъ пересмотръ тѣхъ несправедливыхъ, неправыхъ, тираническихъ конвенцій, въ которыхъ народы не участвовали и которыхъ они никогда не одобряли; что нужно передѣлать карту Европы согласно естественнымъ тенденціямъ, традиціямъ и законнымъ стремленіямъ, свободно выраженнымъ націями». Нужно понять, что «ни Австрія, съ ея недовольными національностями, съ ея милліонами славянъ, съ режимомъ тождественнымъ самодержавію, съ проклятіемъ Европы на ея знамени; ни обреченная Турецкая имперія, — проекція Азіи на европейскомъ мірѣ, — съ ея милліонами христіанъ, подчиненныхъ все возрастающему меньшинству магометанъ, съ ея очевидною неспособностью къ прогрессу, — не смогутъ никогда образовать стойкую защиту противъ молодой, растущей, сплоченной русской державы». Эту миссію съ успѣхомъ выполнитъ только послѣдовательное проведеніе національнаго принципа въ жизни всей Европы. Съ этой цѣлью слѣдовало бы «обратиться съ призывомъ къ Польшѣ, германской націи, къ Венгріи, къ Италіи и ко всѣмъ тѣмъ ру-

мынскимъ, сербскимъ, болгарскимъ, албанскимъ элементамъ, которые рано или поздно, быть-можетъ, подъ руководящимъ импульсомъ нынѣ обезсиленной и придавленной эллинской расы, должны будутъ, согласившись, образовать великую конфедерацію» и отвлечь ихъ отъ русскаго вліянія, «оказавъ имъ помощь для достиженія той жизни, которую они напрасно надѣются получить отъ Россіи». Такимъ образомъ удалось бы «поднять вокругъ Московскаго царства живую загородь сплоченныхъ молодыхъ націй». Однако Мадзини не ждетъ отъ современныхъ ему англійскихъ дипломатовъ осуществленія подобной программы. Чтобы подняться до этого идеала, требуется человѣкъ, который «вмѣстѣ съ энергіей Кромвеля и доблестью Вашингтона обладалъ бы вдобавокъ искрой Наполеоновскаго генія». А тогдашнею Англіею, по его мнѣнію, управляли люди, лишенные идеальныхъ стремленій и чуждые программамъ сколько-нибудь широкаго историческаго розмаха. «Политическіе атеисты и воспитанники той, лишенной прочной опоры, жизни и движенія матеріалистической школы, которая, преклоняясь предъ призракомъ реальности одного дня и преходящимъ фактомъ, измѣняетъ вѣчной истинѣ и которая обрекла на распаденіе великія монархіи прошлаго времени; лишенные генія и той горячей, глубокой, преданной любви къ родинѣ, которая является призваніемъ сердца, они начали войну неосторожно, необдуманно безъ опредѣленнаго намѣренія, безъ надлежащимъ образомъ выработаннаго плана, безъ подготовки, безъ мысли о будущемъ, довѣрившись преходящимъ обстоятельствамъ, случаю и доблести солдатъ, жизнью которыхъ они рисковали съ пренебреженіемъ». Главною задачею англійской дипломатіи было въ ту пору «не побѣдить ради всеобщаго блага, не обезпечить справедливый, почетный, устойчивый миръ, но удержать повсюду существующее положеніе вещей и помѣшать угнетаемымъ націямъ подняться». Великій итальянскій патріотъ и революціонеръ выражаетъ по этому поводу свое глубокое негодованіе и изумленіе, почему отличающіе англо-саксонскую расу здравый смыслъ и чувство свободолюбія не подымутъ протестующаго голоса противъ столь позорнаго безчестія и не потребуютъ очистить «англійское знамя отъ всякаго соприкосновенія съ деспотизмомъ».

Спустя двѣнадцать лѣтъ, въ 1867 г., въ статьѣ, написанной по поводу перваго конгресса мира и свободы, созваннаго въ Женевѣ европейской демократіей, онъ вновь подвергаетъ рѣзкому осужденію дипломатическую программу англійскаго правительства. Здѣсь, между прочимъ, онъ выступаетъ съ критикой принципа невмѣшательства, походъ противъ котораго онъ началъ еще за тридцать лѣтъ до того, въ 1835 г., въ рядѣ статей, посвященныхъ разсмотрѣнію различныхъ вопросовъ международной жизни. Судьба этого принципа общеизвѣстна. Провозглашенный въ качествѣ необходимаго

условія національной самостоятельности и продиктованный уваженіемъ къ принципу національнаго самоопредѣленія, онъ на самомъ дѣлѣ, въ конкретной средѣ тогдашнихъ политическихъ условій европейской жизни, превратился въ могучее орудіе поддержанія деспотическаго владычествованія надъ подавленными народами. Получился такой результатъ, главнымъ образомъ, благодаря тому, что въ то самое время, какъ невмѣшательство было включено въ программу Англіи, самой либеральной изъ европейскихъ державъ, противоположный принципъ вмѣшательства усвоили отсталыя восточныя монархіи во главѣ съ Австріей, бывшей въ то время самой абсолютистской державой въ Европѣ. И, въ концѣ-концовъ, вышло такъ, что пока западныя конституціонныя монархіи—Англія и Франція — держались пассивно по отношенію къ внутренней политикѣ различныхъ странъ, три восточныя державы: Австрія, Россія и Пруссія, объединившись, присвоили себѣ роль общеевропейскаго политическаго верховнаго суда и взяли въ свои руки международную полицію для обузданія революціи, при чемъ этимъ послѣднимъ терминомъ обозначались малѣйшія проявленія умственной и общественной самодѣятельности. Революціонеръ и апостолъ международной солидарности, Мадзини, разумѣется, со всѣмъ доступнымъ ему гнѣвомъ негодованія обрушился на подобное, продиктованное реакціонными вожделѣніями, вмѣшательство во внутреннюю жизнь народовъ, но одновременно онъ принципіально былъ и противъ самаго начала невмѣшательства, такъ какъ считалъ нравственнымъ долгомъ и требованіемъ разумнаго расчета для прогрессивныхъ элементовъ каждой страны и для либеральныхъ правительствъ оказывать поддержку угнетеннымъ народамъ въ ихъ борьбѣ съ реакціей и деспотизмомъ, гдѣ бы таковая ни происходила. Въ силу этого, онъ въ помянутой только что статьѣ осуждаетъ политическую дѣятельность мирной манчестерской школы Кобдена и Брайта, хотя и признаетъ крупныя ея заслуги для Англіи въ области экономической. Послѣднее не помѣшало, однако, тому, что въ сферѣ международныхъ отношеній вліяніе названныхъ крупныхъ дѣятелей оказалось пагубнымъ. У Англіи, замѣчаетъ Мадзини, была, хоть и не всегда ею послѣдовательно проводившаяся, но все же опредѣленная программа, которая служила одобреніемъ и нравственной поддержкой для европейскихъ народовъ. Краткая ея формула гласила: «религіозная, гражданская и экономическая свобода во всемъ мірѣ». И вотъ, помянутая школа «замѣнила эту программу политикою невмѣшательства, каковая, не будучи усвоена деспотическими правительствами, утратила характеръ идейнаго принципа, чтобы стать выраженіемъ фактическаго положенія вещей», при которомъ «не вмѣшивались, ради блага (pel Bene)» въ то самое время, какъ «деспоты единодушно вмѣшивались ради зла (pel Male)».

Политика невмѣшательства «ослабила, притупила нравственное чувство человѣчности (senso umano) и духъ солидарности, которые должны были бы объединить всѣхъ дѣтей Божьихъ подъ единымъ знаменемъ всеобщаго совершенствованія». Вмѣсто того, такая политика внесла въ душу эгоизмъ, провозгласивъ формулу «ciascuno nei proprì confini, ciascuno per se». Она «продлила австрійскую узурпацію и мусульманское владычество въ Европѣ, которое будетъ побѣждено только востаніемъ и войною»; отчасти она же создала Крымскую войну, «поселивъ въ Россіи убѣжденіе, что Англія всегда будетъ оставаться инертною, а изолированная Франція отступитъ отъ борьбы».

Указывая затѣмъ на близорукость, обнаруженную англійской дипломатіей, которая не догадалась, хотя бы уже послѣ возникновенія столь необдуманно начатой войны использовать положеніе для того, чтобы оказать серьезную помощь національно-освободительнымъ стремленіямъ, одушевлявшимъ тогда многія народности Восточной Европы, Мадзини выражаетъ опасеніе, какъ бы преждевременный пацифизмъ не распылилъ «силы, предназначенныя для народныхъ войнъ», отнюдь не помѣшавъ «войнамъ королей». Миръ невозможенъ безъ свободы и справедливости, а для этого прежде всего необходимо освобожденіе всѣхъ европейскихъ народовъ, которые еще томятся подъ чужеземнымъ игомъ.

«Цѣль, которую указываетъ намъ долгъ въ этомъ мірѣ, предоставленномъ угнетенію, нравственной анархіи, язвѣ привилегій, капризу отдѣльныхъ лицъ и поддерживающей его грубой силѣ, заключается въ торжествѣ нравственнаго закона, въ устраненіи всего, что мѣшаетъ его осуществленію, въ упорядоченіи Европы».

Упорядоченіе же Европы требуетъ прежде всего «возстановленія Польши, завершенія германскаго единства, итальянскаго объединенія, эллинскаго объединенія» и затѣмъ «дунайской конференціи, вмѣсто Австрійской имперіи, и восточной Швейцаріи, вмѣсто Турецкой имперіи въ Европѣ». Эти и подобныя частичныя объединенія (въ родѣ, напримѣръ, объединенія народовъ Скандинавскаго и Пиренейскаго полуострововъ и т. д.), были въ представленіи Мадзини обязательными подготовительными шагами для перехода къ будущимъ республиканскимъ Соединеннымъ Штатамъ Европы.

Болѣе подробно и обстоятельно коснулся Мадзини вопроса о славянахъ и балканской конференціи за десять лѣтъ до упомянутой только что статьи, въ спеціальныхъ «Lettere slave» (Славянскія письма), появившихся въ 1857 г.

«Славянское движеніе,—писалъ онъ,—самое важное послѣ итальянскаго для будущности Европы. Оно медлительно, но постоянно. Тенденція, призывающая славянскую расу сорганизоваться въ націи, идетъ нынче подпочвенными путями», но напряженіе ея велико и огромно. Вся прошлая исторія убѣждаетъ, что «славян-

скія тенденціи не мимолетное кипѣніе, вызванное преходящими причинами, но естественный плодъ долгихъ историческихъ традицій». Учитывая матеріальную силу и географическое положеніе славянской расы, Дж. Мадзини придавалъ огромное значеніе попытками національной концентраціи въ различныхъ группахъ славянскихъ народовъ, томившихся тогда подъ чужеземнымъ игомъ. Въ томъ, что, рано или поздно, это движеніе увѣнчается успѣхомъ, онъ ни на минуту не сомнѣвался. Онъ полагалъ, что, въ концѣ-концовъ, славянская раса разобьется на четыре группы, одна изъ которыхъ и должна будетъ «обнять въ политическомъ союзѣ съ федеративнымъ управленіемъ сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, далматовъ, словаковъ и кроатовъ». Эта послѣдняя группа, пророчествовалъ Мадзини, «возбудивъ эллинскія племена, оттолкнетъ турокъ въ Азію и совершенно измѣнитъ картину Восточнаго вопроса». «Политическая карта этихъ провинцій будетъ перекроена, славянскій духъ, соединившись съ эллинскимъ элементомъ, опрокинетъ турецкое владычество въ Европѣ». Тутъ же онъ бѣглыми штрихами рисуетъ отличительныя особенности національнаго характера балканскихъ славянъ. «Всѣ эти народности, — одни изъ которыхъ принадлежатъ европейской цивилизаціи, а другія стоятъ на перепутьи между культурнымъ состояніемъ и примитивнымъ варварствомъ — всѣ онѣ мужественны, крѣпки тѣломъ, энергичны и тверды волею. Пѣсни, баюкающія ихъ дѣтство, дышатъ горячей жаждой дѣятельности. Въ нихъ слышится отголосокъ какой-то мрачной скорби, но часто къ концу прорывается смѣлый вызовъ горю, словно протестъ Прометея, непокорное сознаніе силы, которая восторжествуетъ когда-нибудь надъ деспотизмомъ природы и людей».

Въ этой же статьѣ Мадзини пытается заглянуть въ грядущія судьбы австрійскихъ славянъ. Онъ напоминаетъ, между прочимъ, что въ концѣ XVIII вѣка императоръ Іосифъ II уже «предвидѣлъ, что славянскій элементъ призванъ преобразовать имперію» и «обсуждалъ со своими совѣтниками, не разумнѣе ли добровольно отмѣнить германское верховенство (supremazia) въ имперіи и провозгласить ее славянскимъ государствомъ». Но тогда «осилила германская сторона, а нынѣ, особенно послѣ разочарованій, послѣдовавшихъ за 1848 г., всякая попытка примиренія оказалась бы запоздалою и невозможною».

Дальше Мадзини набрасываетъ картину прошлыхъ движеній среди австрійскихъ славянъ и намѣчаетъ пути, по которымъ, по его мнѣнію, направятся въ будущемъ національно-освободительныя теченія въ Габсбургской монархіи. Наконецъ, ту же тему трактуетъ онъ, между прочимъ, и въ статьѣ «Politica internazionale» (Международная политика), опубликованной въ 1871 г., которая является въ нѣкоторомъ родѣ его политическимъ завѣщаніемъ. Въ той ея

части, которая посвящена анализу Восточнаго вопроса, онъ вновь заявляетъ о своей безусловной вѣрѣ въ успѣхъ славянскаго движенія, «возникшаго спонтанно изъ инстинктовъ и справедливаго чувства національнаго достоинства, изъ сѣмянъ будущаго, скрытыхъ въ историческихъ традиціяхъ», подъ вліяніемъ «примѣровъ другихъ націй и пробужденія идей, рвавшихся наружу, но не находившихъ себѣ свободнаго выхода». И первыми же «самыми важными послѣдствіями будетъ разложеніе Австріи и Турецкой имперіи въ Европѣ». Кто не предвидитъ неизбѣжности «обоихъ этихъ фактовъ и не чувствуетъ необходимости стимулировать ихъ развитіе такъ, чтобы это пошло на пользу общему прогрессу цивилизаціи», тотъ пусть «не узурпируетъ для своей политики имени международной политики».

Европейская Турція, добавляетъ Мадзини, обречена распасться, быть-можетъ, раньше Австрійской монархіи, но паденіе одной обозначаетъ близкое паденіе другой, ибо «народности, которыя подымутся въ Турціи, чтобы стать націями, почти всѣ распредѣлены между обѣими имперіями и не могутъ объединиться, не освободившись отъ одной и отъ другой». Габсбургская монархія—«администрація, а не государство», а Турецкая имперія въ Европѣ есть «чужой лагерь, изолированно держащійся на чужихъ земляхъ, безъ общности вѣры, традицій, тенденцій, дѣятельности, безъ собственной агрикультуры, безъ способности къ управленію». «Раса воинственная, скованная магометанскимъ фатализмомъ и тонущая среди христіанскихъ народностей, оживленныхъ дыханіемъ западной свободы, она вотъ уже больше столѣтія, какъ не даетъ ни единой идеи, ни пѣсни, ни промышленнаго открытія», да вдобавокъ насчитываетъ «менѣе 2 милліоновъ людей, окруженныхъ 13 или 14 милліонами представителей европейскихъ расъ—славянскихъ, эллинскихъ, дако-романскихъ, жаждущихъ жизни, дышащихъ жаждой востанія». И для того, чтобы этому скрытому революціонному стремленію обратиться въ быструю побѣду, не хватаетъ лишь «соглашенія между тремя названными элементами», разъѣдаемыми завистью и соперничествомъ, какъ пережитками былыхъ ненормальныхъ взаимоотношеній.

Юго-славянское движеніе, полагалъ онъ, обязательно распространится «на Карпаты чрезъ Галицію и богемо-моравскую группу и на Польшу», возрожденія которой онъ чаялъ съ особенной вѣрой. Подобный строй европейскихъ государствъ, основывающійся на національномъ принципѣ и федеративной связи между самостоятельными національно-политическими единицами, представлялся единственно способнымъ дать радикальное рѣшеніе ближне-восточнаго вопроса одновременно какъ въ справедливыхъ интересахъ самыхъ народовъ Балканскаго полуострова, такъ и въ интересахъ гармоніи и мира для всей Европы. Организація балканской федераціи, гаран-

тируя прочнымъ образомъ проведеніе въ жизнь формулы «Балканы—для балканскихъ народовъ», тѣмъ самымъ въ корнѣ уничтожитъ тотъ источникъ, который питаетъ своекорыстные аппетиты и соперничество великихъ державъ, сталкивающихся на аренѣ Балканскаго полуострова по разнымъ поводамъ. «На сѣверѣ славянская федерація, протиснувшись между Россіей и Германіей... станетъ когда-нибудь защитою Германіи противъ русскаго преобладанія и защитою для Франціи и Италіи противъ угрожающаго тевтонскаго преобладанія: въ союзѣ съ славянами Италія могла бы въ случаѣ надобности угрожать завоевательной Германіи съ тылу». «А на югѣ и на востокѣ, разъ Константинополь навсегда будетъ отданъ западной свободѣ и вокругъ русскаго самодержавія возникнетъ барьеръ молодыхъ народовъ, объединенныхъ федеративно для защиты собственной независимости, Россія будетъ введена въ ея естественныя границы». Вмѣстѣ съ тѣмъ европейская цивилизація и европейское производство пріобрѣтутъ огромную и исключительную плодородную почву для посѣва; «два новыхъ великихъ пути къ азіатскому міру» откроются для Европы.

Историческую миссію Италіи Мадзини и видѣлъ именно въ томъ, чтобы содѣйствовать осуществленію обрисованнаго процесса преобразованія Европы.

II.

Читатель, хотя бы поверхностно знакомый съ исторіей Ближняго Востока второй половины XIX вѣка и перваго десятилѣтія двадцатаго, безъ труда увидитъ самъ, что оправдалось и что не оправдалось, по крайней мѣрѣ, пока, изъ историческаго прогноза, нѣкоторыя части котораго были высказаны свыше пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Останавливаться на этой сторонѣ дѣла, стало-быть, нѣтъ нужды. Но не мѣшаетъ, кажется, нѣсколькими пояснительными замѣчаніями установить естественную историческую перспективу для правильной оцѣнки кое-какихъ конкретныхъ аргументовъ, которыми пользуются Дж. Мадзини для доказательства своей общей мысли о балканской федераціи, какъ обязательномъ условіи европейскаго равновѣсія. Слѣдуетъ помнить, что, напримѣръ, его «Славянскія письма» появились сейчасъ же вскорѣ послѣ Парижскаго конгресса и писались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Крымской кампаніи. Изъ политическаго ли оппортунизма и желанія оправдать союзъ либеральныхъ государствъ—Англіи, Франціи и Пьемонта—съ Турціей, или по какимъ-либо инымъ причинамъ, но въ тогдашней европейской печати господствовало отрицательное отношеніе къ Россіи и благопріятное къ Турціи. Возникла довольно обширная литература, старавшаяся убѣдить общественное мнѣніе въ обязательности для демократической Европы позаботиться о сохраненіи въ Европѣ турецкаго владычества, которое

должно было играть роль провиденціальной плотины противъ натиска русскаго деспотизма на Западъ. Значительная часть европейскаго общественнаго мнѣнія, безусловно, раздѣляла тогда настроеніе, когда-то продиктовавшее Наполеону I афоризмъ: «Когда Россія будетъ въ Константинополѣ, колоколамъ всей Европы придется ударить въ набатъ». Правда, отдѣльные голоса сохраняли чувство мѣры какъ въ тотъ моментъ, такъ и раньше.

Къ чести Мадзини слѣдуетъ отнести то именно обстоятельство, что, — далекій отъ крайностей и преувеличеній и чуждый національныхъ пристрастій и предубѣжденій, — онъ мѣрилъ русскую опасность тою же мѣркою, какъ и нѣмецкую и всякую другую, т.-е. считался со всѣми посторонними вліяніями на Балканскомъ полуостровѣ, принимая въ соображеніе ту, заключенную въ каждомъ изъ нихъ, потенціальную возможность превратиться изъ силы, помогающей добывать свободу, въ орудіе порабощенія, какая опредѣляется для каждой исторіей и географическимъ положеніемъ. Другъ Герцена и многихъ другихъ эмигрантовъ славянъ, онъ всегда чутко отдѣлялъ русскій народъ отъ русскаго правительства, выступавшаго въ роли защитника свободы противъ архаической турецкой государственности, но забывавшаго объ установленныхъ имъ турецкихъ порядкахъ у себя на родинѣ. Пожалуй, менѣе свободны отъ подобнаго упрека тѣ мѣста въ статьяхъ Мадзини, гдѣ онъ говоритъ о Турціи. Кто знакомъ, въ какой мѣрѣ идеалы универсальнаго братства пропитывали собой всю мысль, всѣ чувства, всю жизнь великаго итальянца, тотъ ни на минуту не заподозритъ его въ томъ, будто въ данномъ пунктѣ онъ погрѣшилъ противъ собственныхъ убѣжденій. Однако нельзя отрицать, что его отзывъ о Турціи способенъ дать поводъ къ недоразумѣнію, именно благодаря тому, что въ немъ не оговорено съ полной опредѣленностью, что рѣчь идетъ собственно объ офиціальной Турціи, а не о турецкомъ народѣ. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ, Мадзини въ данномъ случаѣ дѣйствительно отмѣчаетъ исключительно отрицательныя черты, забывая упомянуть о положительныхъ свойствахъ характера турецкаго народа. Упущеніе это не случайное, а нарочитое. Объясняется оно условіями момента, при которыхъ писались «Славянскія письма» и которыя заставляли придать имъ, какъ разъ въ интересующемъ насъ пунктѣ, характеръ чисто полемическій. Дѣло въ томъ, что въ эпоху Крымской войны европейская печать, и англійская въ частности, поддаваясь естественному желанію оправдать собственную дипломатическую программу, основанную на мысли, что Турція должна и способна противостоять натиску Россіи на Балканы, разрисовывала Турцію чрезмѣрно розовыми красками. Вспомните, напримѣръ, туркофильскія страницы Мишле въ его «Исторіи Франціи», или слова Ламартина, провозгласившаго, что «въ Турціи есть живой народъ,

который мы считали мертвымъ и который стоитъ въ авангардѣ нашей свободы».

Ламартиновская сентенція сжато и ярко формулируетъ мысль, которая стала руководящимъ и направляющимъ началомъ программы внѣшней политики либеральныхъ западно-европейскихъ государствъ въ Восточномъ вопросѣ въ половинѣ прошлаго вѣка. Противъ утвержденія о жизнеспособности турецкаго народа, разумѣется, ничего не могъ имѣть и Мадзини, считавшій всякую націю способною пріобщиться къ культурѣ и прогрессу и работать на общую пользу всего человѣчества, но возлагать на Турцію миссію защиты западно-европейской свободы, естественно, представлялось ему верхомъ дипломатическаго іезуитизма. Вотъ почему онъ и вынужденъ былъ съ такою рѣзкою полемическою запальчивостью критиковать указанный пунктъ дипломатической программы и вскрывать практическую его нецѣлесообразность.

Гораздо вѣрнѣе, конечно, вело къ однородной цѣли отстаивавшееся имъ требованіе о содѣйствіи тому національно освободительному движенію среди народовъ Балканскаго полуострова, которое уже и тогда заявило себя и, по его глубокому убѣжденію, въ конечномъ итогѣ должно было привести къ самостоятельному государственному существованію балканскихъ народностей, объединенныхъ федеративною связью. Но, защищая эти идеи, ему приходилось итти противъ господствующаго теченія европейской мысли. Отсюда неизбѣжно должна была получиться указанная односторонность характеристики Турціи.

Въ заключеніе два-три слова по поводу мнѣнія Мадзини объ Австріи. Въ этомъ пунктѣ прогнозъ его, пока, не оправдался. Однако слѣдуетъ внести нѣкоторый коррективъ, ограничивающій категоричность и безапелляціонность подобнаго заключенія. Распада Австріи не произошло — это фактъ. Что будетъ дальше — Богъ вѣсть! Но возникнетъ вопросъ, такъ ли далеко уклоняется отъ истины предсказаніе Мадзини, если имѣть въ виду не «событіе», а «состояніе», укладъ національныхъ отношеній въ Австріи. Само собой понятно, что разложеніе послѣдней казалось Мадзини обязательнымъ отнюдь не потому, чтобы мирное сожительство нѣмцевъ и славянъ подъ одною государственною кровлею признавалось имъ абсолютною невозможностью, ибо никакой мистической борьбы двухъ разнородныхъ и яко бы непримиримыхъ культурно-національныхъ началъ онъ въ этомъ столкновеніи не видѣлъ. Указанный выводъ диктовался ему болѣе реальными мотивами—учетомъ тогдашней архаической австрійской государственности, безпощадно подавлявшей проявленія духовной и матеріальной жизни подвластныхъ ей славянскихъ и другихъ племенъ въ томъ числѣ и Италіи. Съ тѣхъ поръ Австрія—что бы тамъ ни говорить,—кое-чему научилась. Германизаторскій централизмъ сильно

пошелъ на убыль, и сейчасъ довольно замѣтно идетъ процессъ выработки федеративныхъ отношеній между націями, населяющими Габсбургскую монархію. Если принять въ соображеніе эту сторону дѣла, то резонно будетъ сказать, что «состояніе» современнаго австрійскаго общества, взятаго въ цѣломъ, вполнѣ отвѣчаетъ внутреннему смыслу и основному содержанію прогноза Мадзини, хотя привели къ данному «состоянію» и не тѣ «событія», какія предсказывалъ онъ.

Въ pendant къ прогнозу Мадзини, интересно припомнить неудачное предсказаніе Карла Маркса относительно судьбы автрійскихъ славянъ. Увлеченный тенденціей, требовавшей стройнаго классоваго истолкованія историческаго процесса, Марксъ, какъ извѣстно, слишкомъ не дооцѣнивалъ энергію національныхъ движеній и чувствъ. И, разсматривая подъ такимъ угломъ зрѣнія грядущія судьбы австрійскихъ славянъ, онъ рѣшительно ставилъ надъ ними крестъ: не признавалъ ихъ исторіи, отрицалъ ихъ жизнеспособность, обрекалъ ихъ на поглощеніе нѣмецкимъ и мадьярскимъ элементамъ.

Реальная жизнь доказала ошибочность предвидѣній Маркса относительно судьбы австрійскихъ славянъ.

Рядомъ съ этимъ крупнымъ промахомъ особенно ярко и выпукло выступаетъ мѣткость сужденій «утописта» Мадзини.

И. И. Шрейдеръ.

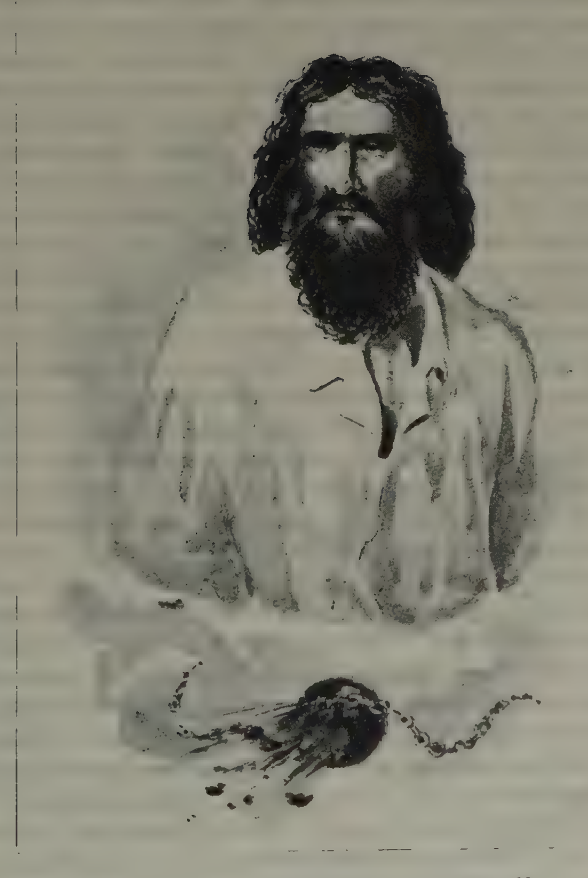
Валеріанъ Лукасинскій.

(Szymon Askenazy. Łukasiński. T. I—II. Warszawa. 1908.) [1]).

Озаглавливая свой трудъ забытымъ именемъ скромнаго майора IV пѣхотнаго полка царства польскаго Валеріана Лукасинскаго, проф. Аскеназы признаетъ, что герой его—человѣкъ не крупный, что задуманное имъ предпріятіе погибло въ самомъ зародышѣ, что мученія его были безплодны. Но въ Лукасинскомъ онъ видитъ выразителя современныхъ чаяній и порывовъ боровшагося со своимъ предназначеніемъ, оскорбляемаго, обольщаемаго, дурно, лицемѣрно и неразумно управляемаго польскаго народа. Своею страдальческою жизнью Лукасинскій ярко засвидѣтельствовалъ силу того неумирающаго въ польскомъ народѣ духа, который донынѣ поддерживаетъ поляковъ въ ихъ трудной борьбѣ за свое національное существованіе.

Для проф. Аскеназы Лукасинскій лишь живой факелъ, освѣщающій темную глубь исторической арены, на которой разыгрывались событія въ царствѣ польскомъ. Онъ старается проникнуть въ эту глубь, разъяснить остававшіяся до того времени въ полумракѣ закулисныя интриги и тайныя пружины, которыми обусловливался въ значительной степени ходъ событій царства. Интересно задуманное сочиненіе проф. Аскеназы представляетъ первостепенное значеніе и для русской исторіи, особенно въ той его части, которая посвящена изображенію польской политики Александра I, находившейся въ тѣсной причинной связи съ его русской политикой, дѣятельности администраціи въ царствѣ, нарушеніямъ дарованной полякамъ конституціи и т. п. И это значеніе, быть можетъ, усугубляется въ настоящее время, когда съ личности Александра I снятъ тяготѣвшій надъ нею цензурный запретъ, и свободное критическое обсужденіе его дѣятельности стало, наконецъ, достояніемъ русской исторической науки

[1]) Талантливая книга извѣстнаго польскаго историка, краковскаго профессора С. В. Аскеназы совсѣмъ неизвѣстна русскому обществу; это побуждаетъ редакцію «Голоса Минувшаго» напечатать составленный по ней очеркъ. *Ред.*



Вал. ЛУКАСИНСКІЙ.

(Одинъ изъ немногихъ достовѣрныхъ портретовъ, любезно предоставленный намъ редакц. «Tygodnik Illustrowany»).

I.

На вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. значительная часть созданнаго Наполеономъ варшавскаго герцогства была присоединена къ Россійской имперіи въ видѣ отдѣльнаго государства, надѣленнаго собственной, сравнительно либеральной конституціей. Принимая въ свои руки бразды правленія вновь образованнымъ «царствомъ польскимъ», Александръ I, находившійся тогда въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ, имѣлъ въ виду не только точное исполненіе и дальнѣйшее развитіе данной полякамъ конституціи, но и территоріальное расширеніе царства посредствомъ присоединенія къ нему пяти литовскихъ губерній: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской, отошедшихъ къ Россіи еще при Екатеринѣ II, и отвоеванія отъ Пруссіи великаго княжества познанскаго, составлявшаго существенную часть варшавскаго герцогства. Оставаясь, однако, вѣрнымъ двойственному характеру своего ума, онъ одновременно сохранялъ за собою возможность нарушенія конституціи и отказа отъ территоріальнаго расширенія царства. «Двѣ эти идеи,—говоритъ проф. Аскеназы,—прогрессивная и реакціонная, реституціонная и репрессивная, соприсутствуя въ его головѣ, не отступали никогда окончательно одна передъ другой: первая преобладала въ начальной, вторая въ послѣдней половинѣ того десятилѣтія, въ теченіе котораго ему суждено было еще жить и царствовать въ Польшѣ». Двойственность Александра явно выразилась уже при первомъ посѣщеніи имъ польской столицы въ ноябрѣ 1815 г. Посѣщеніе это ознаменовалось, съ одной стороны, многообразными выраженіями симпатіи и расположенія монарха къ своимъ польскимъ подданнымъ и успокоительными завѣреніями, данными члену литовской депутаціи, гр. Огинскому, относительно сліянія Литвы съ Польшей, а съ другой—существенными ограниченіями, лично введенными Александромъ въ основныя начала конституціонной хартіи, уже утвержденныя въ маѣ 1815 г., и предоставленіемъ всего царства польскаго во власть в. кн. Константина Павловича и императорскаго комиссара при правительствѣ царства Н. Н. Новосильцова.

«Изъ четырехъ сыновей Павла, — пишетъ проф. Аскеназы, — в. кн. Константинъ наиболѣе походилъ на своего отца; вслѣдъ за нимъ онъ съ особенною ненавистью относился къ памяти Екатерины II. Къ Александру, старшему его двумя годами, онъ былъ искренно привязанъ, зналъ его грѣхи и слабости, зналъ нравственное преимущество и превосходство его, любилъ его по-своему, порывисто, то поддаваясь этому чувству, то протестуя противъ него, смотрѣлъ на него снизу вверхъ, уступалъ не безъ нѣкотораго тайнаго страха, особенно въ послѣдніе годы, когда тотъ побѣдоносно выходилъ изъ суроваго наполеоновскаго испытанія. но, рѣзко отличный отъ него взглядами и темпераментомъ, онъ и ранѣе и позднѣе всту-

палъ неоднократно въ глухую къ нему оппозицію, грызъ удила, не разъ становился на дыбы. Николая онъ прямо не выносилъ; съ самымъ младшимъ братомъ Михаиломъ не считался. Въ семьѣ его признавали за l'enfant terrible; онъ наводилъ ужасъ на людей, лишь только получалъ надъ ними нѣкоторую власть. Къ смерти отца Константинъ былъ непричастенъ, но, совершенно чистый въ этой трагедіи, онъ еще въ молодости запятналъ себя другими поступками. Отвергнувшій молодую жену, бездѣтный, погруженный въ безпутнѣйшія развлеченія, затѣмъ порабощенный простой интриганкой, окруженный толпою ничтожныхъ фаворитовъ, онъ безцѣльно потерялъ лучшіе годы, доставляя лишь мученія всѣмъ, кто долженъ былъ подчиняться ему, и особенно подвластнымъ ему войскамъ. Съ перваго же взгляда онъ поражалъ и отталкивалъ своимъ внѣшнимъ видомъ. На громадномъ плечистомъ туловищѣ, обыкновенно наклоненномъ впередъ, на короткой, толстой шеѣ, сжатой тугимъ мундирнымъ галстукомъ, покоился огромный лысый черепъ съ рѣзко выступающимъ тупымъ лбомъ; лицо широкое, надутое, толстое, румяное, съ рѣдкою, рыжею по бокамъ, растительностью, почти безъ носа; изъ-подъ стянутыхъ густыхъ бровей, очень свѣтлыхъ, почти бѣлыхъ, такъ же, какъ и рѣсницы, сверкали маленькіе, неспокойные, пронизывающіе свѣтло-голубые глаза; голосъ былъ хриплый, движенія порывистыя. Въ этомъ нескладномъ тѣлѣ бурлила дикая, изломанная, безудержная, до неистовства запальчивая душа. Сугубую унаслѣдованную имъ тягость носилъ онъ на себѣ: развращенность Екатерины и тиранство Павла. Отъ рожденія предназначенный занять самыя высокія ступени, воспитываемый бабкой въ византійскіе императоры, окруженный выписываемыми изъ Аѳинъ няньками, онъ бѣгло говорилъ по-гречески: Екатерина приказывала ему въ оригиналѣ читать Плутарха, а жизнью своею знакомила его со Светоніемъ. Впослѣдствіи онъ получилъ отъ Павла наглядные уроки деспотизма и раболѣпства. Тогда-то самъ, чуждый истиннаго военнаго духа и даже личнаго мужества, онъ проникся слѣпымъ пристрастіемъ не къ настоящей, основывающейся на самопожертвованіи и долгѣ чести военной службѣ, но къ мирной, казарменной и парадной солдатчинѣ, признающей лишь желѣзную дисциплину и немилосердную суровость — это образцовое воплощеніе мертваго рабьяго принципа. И при всемъ этомъ въ немъ были, хотя и въ зачаточномъ состояніи, и положительныя качества, заглушаемыя чадомъ крови и обычаями, но проявлявшіяся подчасъ наружу и даже склонныя развиваться. Въ характерѣ его, болѣзненно вспыльчивомъ и въ сущности слабомъ, были болѣе чистые, болѣе благородные задатки, какъ и въ темной душѣ его отца, на котораго онъ болѣе другихъ дѣтей походилъ и дурными и хорошими качествами. Въ минуты благоразумія и спокойствія, правда, рѣдкія, было въ немъ тайное сознаніе справедливости, уваженія къ чужой добродѣтели, былъ и

здравый разсудокъ, мѣткое, иногда весьма глубокое сужденіе о вещахъ и людяхъ».

Назначенный главнокомандующимъ польской арміей вопреки желанію польскаго общества, прочившаго на этотъ постъ Тадеуша Косцюшко, и сосредоточившій въ своихъ рукахъ все управленіе царствомъ польскимъ, Константинъ Павловичъ явно обнаруживалъ враждебное отношеніе и къ отдѣльному польскому войску и къ дарованной полякамъ конституціи; будучи сторонникомъ простой инкорпораціи перешедшихъ къ Россіи польскихъ земель, онъ не могъ, конечно, допускать мысли о сліяніи литовскихъ губерній съ царствомъ польскимъ. Его деспотичное и оскорбительно вызывающее поведеніе какъ будто свидѣтельствовало о желаніи его провоцировать всю страну, создать такое настроеніе и такія условія, которыя на самой зарѣ новой эры сдѣлали бы невозможнымъ мирное сожительство поляковъ съ русскими подъ одною государственною кровлею. Императоръ Александръ, освѣдомленный черезъ кн. Адама Чарторыскаго о чувствахъ, которыя вызывало въ полякахъ назначеніе вел. князя, мотивировалъ свой поступокъ соображеніями высшаго характера, необходимостью освоить Константина Павловича, будущаго россійскаго императора и царя польскаго—объ отреченіи Константина отъ престола тогда еще не было рѣчи—съ Польшей и польскими учрежденіями и примирить его съ конституціей царства польскаго, какъ переходною ступенью къ представительному образу правленія въ Россіи. «Многое, конечно, можно бы сказать,—замѣчаетъ проф. Аскеназы,—противъ подобной аргументаціи, считающейся болѣе съ темпераментомъ одного человѣка, чѣмъ съ правами народа; условная и неосуществимая выгода, разсчитанная на завтра, не перевѣшивала осязательныхъ обидъ нынѣшняго дня; Константину, который никогда не достигнетъ престола, никогда и не придется вознаграждать за тотъ вредъ, который онъ успѣлъ причинить царству. Но все же нельзя совершенно отвергать эти побужденія, которыя могли до нѣкоторой степени повліять на назначеніе Константина и въ извѣстной мѣрѣ должны быть принимаемы во вниманіе при оцѣнкѣ этой мѣры Александра».

Уѣзжая изъ Варшавы въ 1815 г., Александръ подписалъ указъ о назначеніи сенатора тайн. сов. Н. Н. Новосильцова полномочнымъ императорскимъ делегатомъ (délégué et fondé de pouvoirs) при правительствѣ царства польскаго. Согласно указу, должность эта должна была носить временный характеръ. На обязанности делегата лежало, главнымъ образомъ, разрѣшеніе сомнѣній, могущихъ возникнуть при введеніи новаго конституціоннаго строя въ царствѣ польскомъ; государственному совѣту царства предписывалось видѣть въ императорскомъ делегатѣ лицо, освѣдомленное о высочайшихъ намѣреніяхъ (le dépositaire de Nos intentions), и посредника, избраннаго для ихъ сообщенія (l'organe choisi pour en donner

connaissance). По мнѣнію проф. Аскеназы, должность императорскаго делегата при существованіи должностей намѣстника, ведшаго отъ имени царя управленіе, и особаго польскаго министра статсъ-секретаря, постоянно находившагося при особѣ царя, была совершенно излишней, и учрежденіе ея вызывалось лишь присущею Александру недовѣрчивостью и подозрительностью, желаніемъ имѣть въ царствѣ польскомъ своего блюстителя и доносчика, установить въ Польшѣ бдительное древне-русское «государево око».

«Вступая въ должность полномочнаго императорскаго комиссара въ царствѣ польскомъ почти старикомъ, 50-ти слишнимъ лѣтъ, Николай Николаевичъ Новосильцовъ,—пишетъ проф. Аскеназы,—имѣлъ за собою продолжительную, казалось бы, уже закрытую карьеру. Успѣвшій испытать всѣ превратности судьбы, человѣкъ какъ будто бы конченный, онъ, однако, полонъ былъ еще адской энергіи, которой предполагалъ дать исходъ здѣсь, на новомъ посту, во вредъ и на пагубу Польши... Очень спокойный, еще болѣе цѣпкій, расторопный, ловкій, одаренный блестящею памятью и большою сообразительностью, онъ отличался большимъ умѣніемъ вести устный споръ и рѣдкою легкостью и ясностью въ письмѣ; умъ исправнаго древнерусскаго канцелярскаго дьяка съ поверхностнымъ европейскимъ лоскомъ, онъ усвоилъ себѣ массу безпорядочныхъ непереваренныхъ свѣдѣній по исторіи, праву, администраціи, дипломатіи, политической экономіи, частью изъ самой русской жизни, частью изъ иностранныхъ книгъ. При всеобщемъ невѣжествѣ, господствовавшемъ среди тогдашнихъ общественныхъ и государственныхъ русскихъ дѣятелей, онъ завоевалъ себѣ этимъ дешевымъ способомъ славу всевѣдущаго и всемогущаго человѣка. Типичный, какъ называли его пріятели, «Пико делла Мирандола», съ поразительною самоувѣренностью разсуждавшій de omni re scibili, навязывавшій себя на всѣ видныя должности, особенно на наиболѣе вліятельныя, хорошо оплачиваемыя или доходныя, онъ подъ маской великаго государственнаго дѣятеля и патріота былъ въ дѣйствительности лишь великимъ карьеристомъ и политическимъ кондотьеромъ высокаго пошиба, но самаго опаснаго и самаго низкаго сорта.

Дитя любви, онъ тѣмъ не менѣе отталкивалъ уродливостью своего лица; типъ рѣзко монгольскій, даже на прикрашенномъ изображеніи въ портретномъ залѣ Петербургской академіи наукъ, пользующейся сомнительною честью считать его въ числѣ своихъ предсѣдателей: на обвисломъ, нечистомъ, обыкновенно багровомъ лицѣ, внезапно зеленѣющемъ отъ злости или страха, на чувственныхъ и умныхъ губахъ, искривленныхъ сардонической полуулыбкой, особенно въ пронизывающемъ взглядѣ мутныхъ, косыхъ глазъ онъ носилъ явно отпечатанное клеймо дурной, отравленной, испорченной души. Въ царствованіе Екатерины онъ добился лишь скромнаго чина майора и ордена Владимира; тѣмъ временемъ выслуживался богатому

дядѣ[1]), ѣздилъ въ революціонный Парижъ въ своей первой полицейской роли—спасать оттуда, отъ якобинской заразы, двоюроднаго своего брата Павла Строганова, благороднаго юношу, искренно преданнаго освободительнымъ идеямъ Запада. При Павлѣ Новосильцовъ, донынѣ майоръ-служака, познакомился черезъ молодого Строганова съ кн. Адамомъ Чарторыскимъ и, будучи введенъ ими въ интимный либерально-оппозиціонный кружокъ, окружавшій наслѣдника престола, быстро оріентировался въ положеніи дѣла, предусмотрѣлъ непрочность правленія Павла, возможность и даже неизбѣжность скораго насильственнаго переворота, тѣмъ болѣе, что за спиной Чарторыскаго онъ имѣлъ касательство къ дѣлу заговора, веденному Панинымъ въ соглашеніи съ Англіей и вел. княземъ. Руководствуясь вѣрнымъ инстинктомъ карьериста и царедворца, онъ сразу перекинулся въ открытую фронду противъ царствующаго императора, мгновенно преобразился въ рѣшительнаго вольнодумца и либерала... Демонстративно и сознательно навлекши на себя немилость Павла, Новосильцовъ уѣхалъ въ Англію, точнѣе, былъ туда отправленъ вел. кн. Александромъ и его совѣтчиками для посредничества въ рискованной работѣ, завязавшейся между Лондономъ и Петербургомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ тогда... непосредственно участвовалъ въ тайныхъ подготовительныхъ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ страшной ночи въ Михайловскомъ дворцѣ и смерти Павла... И здѣсь именно въ значительной степени коренится секретъ его возвышенія, ключъ того довѣрія, съ которымъ съ того времени относился Александръ къ испытанному слугѣ своему. При первомъ извѣстіи о перемѣнѣ правленія Новосильцовъ поспѣшилъ въ Петербургъ, занялъ мѣсто въ интимномъ совѣтѣ, состоявшемъ при Александрѣ, заключилъ «тріумвиратъ» съ Чарторыскимъ и Строгановымъ, не имѣвшими никакого отношенія къ перевороту, и, осыпанный отличіями, сталъ камергеромъ, тайнымъ совѣтникомъ, товарищемъ министра юстиціи, членомъ законодательной комиссіи, попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, предсѣдателемъ академіи наукъ и, last non least, чиновникомъ для особо важныхъ порученій при особѣ императора и для разсмотрѣнія дѣлъ и прошеній частныхъ лицъ. Эта послѣдняя обязанность представляла для него особенную прелесть, такъ какъ давала ему возможность стать «опекуномъ бѣдныхъ вдовъ»: Щенской, Потоцкой, Ржевуской, жены гетмана Браницкаго, кн. Радзивиллъ, Зубовой и многихъ другихъ, принужденныхъ обращаться къ его обязательному посредничеству въ важныхъ имущественныхъ процессахъ. Отсюда забилъ для него тихій и неизсякаемый источникъ обильныхъ доходовъ. А деньги ему нужны были безъ конца, такъ какъ, не имѣя состоянія, онъ не могъ даже значительными сановничьими окладами

---

[1]) Гр. А. С. Строганову.

удовлетворить прихотямъ своихъ низкихъ страстей. Необузданный и всесторонній циникъ, онъ, уже убѣленный сѣдинами, оставался рабомъ болѣзненнаго, дешеваго салоннаго и уличнаго разврата; гастрономъ и пьяница, онъ тратилъ тысячи на столъ и вино; и еще передъ самою смертью, маститый графъ и предсѣдатель государственнаго совѣта, онъ доставлялъ назидательное зрѣлище, когда въ нетрезвомъ видѣ его выносили изъ англійскаго клуба въ Петербургѣ. А сколько разъ передъ тѣмъ удивлялась Варшава и Вильна, когда послѣ обильныхъ возліяній, обыкновенно съ наиболѣе приличествовавшимъ столь крѣпкой головѣ излюбленнымъ настоящимъ ямайскимъ ромомъ, появлялся на улицѣ багрово-красный, неувѣренно двигающійся всемогущій сенаторъ и, съ трудомъ поддерживая развивавшуюся и волочившуюся по землѣ альмавиву, блистая параднымъ галстукомъ и орденскими звѣздами на сенаторскомъ фракѣ, направлялся, шатаясь, туда, куда призывалъ его высокій долгъ, на засѣданіе административнаго совѣта или для слѣдствія и суда надъ государственными измѣнниками, надъ безчестной, безнравственной и нелойальной польской молодежью.

Все это, женщины, карты, кухня, погребъ, обходилось ему дорого, поэтому онъ продавался. Взятки и злоупотребленія, полученныя и допущенныя имъ на продолжительномъ и трудолюбивомъ его поприщѣ, были такъ разнообразны, такъ обширны и совершены такъ искусно, съ такимъ талантомъ и даже геніальностью, что нынѣ они лишь приблизительно могутъ быть вскрыты и оцѣнены. Онъ не ограничивался щедрыми пособіями, получаемыми запросто, по-пріятельски, отъ названныхъ великосвѣтскихъ дамъ и иныхъ вельможныхъ просителей и ходатаевъ. Рѣдкостно всесторонній, свободный отъ предразсудковъ, вѣрный принципу non olet, онъ не брезгалъ и покорной просьбой еврейскихъ кагаловъ въ царствѣ польскомъ, отъ которыхъ вынудилъ нѣсколько десятковъ тысячъ червонцевъ за дѣло о винокуреніи; при случаѣ онъ бралъ единовременныя болѣе скромныя даянія и отъ богатыхъ виленскихъ купцовъ и отъ бѣдныхъ варшавскихъ лавочницъ за содѣйствіе при подрядахъ или за разрѣшеніе торговли на главныхъ улицахъ... Въ одной только области онъ соблюдалъ полное безпристрастіе и не дѣлалъ никакой разницы между Россіей и Польшей: изъ русской казны онъ кралъ такъ же основательно и такъ же художественно, какъ изъ польской... Доказано, что политическія слѣдствія въ царствѣ польскомъ и Литвѣ служили для него постояннымъ источникомъ его тайныхъ доходовъ... Извѣстно также, что не даромъ онъ съ такимъ усердіемъ трудился надъ запрещеніемъ масонства въ царствѣ польскомъ; послѣ закрытія масонскихъ ложъ онъ богато нажился на отданныхъ въ депозитъ крупныхъ капиталахъ польскаго великаго востока... Существуютъ также улики настолько серьезныя, насколько это вообще возможно въ подобнаго рода ма-

теріяхъ, что въ теченіе всей своей службы въ Варшавѣ онъ состоялъ на жалованіи прусскаго правительства... Онъ постоянно выдавалъ въ Берлинъ документы, представлявшіе величайшую государственную тайну, какъ-то: собственные интимные рапорты, составляемые имъ для Александра, или редактируемые имъ по порученію императора проекты русской конституціи; подлинники этихъ документовъ донынѣ хранятся въ сокровеннѣйшихъ хранилищахъ петербургскихъ государственныхъ архивовъ, а прекрасныя копіи ихъ, писанныя рукою сенатора, обнаруживаются неожиданно въ тайномъ берлинскомъ архивѣ... Мѣриломъ поразительной изворотливости его можетъ служить то обстоятельство, что онъ единственный (?) не только сумѣлъ избѣгнуть неумолимой ненависти, съ которою вдовствующая императрица, супруга Павла, преслѣдовала участниковъ цареубійственнаго заговора 1801 г., но даже пріобрѣсти ея протекцію, сдѣлаться ея легатаріемъ и душеприказчикомъ, добиться постоянной ея поддержки передъ Александромъ и еще при изъявленіи послѣдней ея воли быть порученнымъ ею Николаю... Назначенный полномочнымъ императорскимъ комиссаромъ, онъ изъ этой временной должности сумѣлъ вскорѣ сдѣлать постоянную и непоколебимую; онъ не позволитъ вытѣснить себя съ нея ни съ перемѣной политики, ни со смѣной правленія; онъ пребудетъ на ней и пуститъ корни не только при Александрѣ, но въ той же роли, съ тѣмъ же формально возобновленнымъ полномочіемъ, при Николаѣ I, въ качествѣ офиціальнаго представителя польско-русскаго монарха, въ дѣйствительности, по мѣткому современному выраженію, въ качествѣ «представителя русской ненависти». Ему сразу полюбилась Польша, онъ почувствовалъ здѣсь подходящее для себя поприще, вонзился какъ вредный, смертоносный вампиръ и не отпадетъ до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ своего посланничества, окончательнаго разрушенія образованнаго на вѣнскомъ конгрессѣ царства польскаго».

Нельзя не признать, что возвышеніемъ своимъ Новосильцовъ въ значительной степени обязанъ былъ кн. Адаму Чарторыскому, который слишкомъ поздно узналъ этого человѣка, слишкомъ долго идеализировалъ его, вѣрилъ его мнимому либерализму, гуманности и расположенію къ Польшѣ, видѣлъ въ немъ опору послѣдней и поддерживалъ передъ государемъ тогда, когда еще пользовался достаточнымъ для того вліяніемъ, чтобы отстранить его совершенно или отодвинуть на второй планъ.

В. кн. Константинъ Павловичъ на посту главнокомандующаго польской арміей и Н. Н. Новосильцовъ на посту полномочнаго императорскаго комиссара не оставляли для Чарторыскаго мѣста въ царствѣ польскомъ. Единственною приличествовавшею ему въ царствѣ должностью была бы должность намѣстника, но, занимая ее, онъ не могъ бы примириться ни съ самовольнымъ хозяйничаніемъ в. князя ни съ провокаторскою дѣятельностью Новосильцова; глав-

ное, онъ не былъ бы въ необходимомъ для вице-короля согласіи съ самимъ монархомъ. Хотя добрыя отношенія, завязавшіяся въ молодости между Чарторыскимъ и Александромъ, никогда не порвались окончательно, хотя еще въ послѣднее время, при образованіи царства польскаго, Александръ обращался къ услугамъ и содѣйствію Чарторыскаго, но, какъ во всѣхъ болѣе важныхъ своихъ предпріятіяхъ, такъ и теперь онъ, со свойственною ему двойственностью, подозрительностью и осторожностью, оставлялъ за собой полную свободу дѣйствія и не допускалъ никакого давленія на свою самодержавную волю, никакихъ толчковъ и побужденій извнѣ. А въ этомъ отношеніи наибольшая опасность грозила именно со стороны патріота и защитника конституціи Чарторыскаго, съ которымъ въ теченіе 20-ти лѣтъ Александръ дѣлился своими широкими планами относительно Польши, и который на правахъ стараго друга и совѣтника могъ настаивать на приведеніи этихъ плановъ въ исполненіе. Признанный въ виду этого неподходящимъ для поста намѣстника и даже польскаго министра, онъ былъ лишь для вида помѣщенъ безъ портфеля въ варшавскомъ административномъ совѣтѣ и такимъ образомъ совершенно отстраненъ отъ участія въ правленіи царствомъ польскимъ.

Безъ предубѣжденія, съ вѣрою въ благожелательность монарха и съ надеждою на исполненіе данныхъ имъ обѣщаній вступала усталая, изнуренная, жаждавшая покоя страна въ новую полосу своей жизни подъ русскимъ скипетромъ. Но на первыхъ же порахъ появились тренія, обнаружились признаки, разсѣивавшіе эту вѣру, вызывавшіе безпокойство, разочарованія и сомнѣнія. Тяжелую руку Константина Павловича первымъ почувствовало польское войско. Съ неумолимою послѣдовательностью задѣвалъ онъ въ польскихъ офицерахъ то, что было для нихъ наиболѣе дорого и свято: чувство любви къ своему отечеству и чувство личной чести. Предварительно онъ удалилъ съ дѣйствительной службы наиболѣе заслуженныхъ польскихъ полководцевъ, сдѣлалъ безногаго старика кн. Іосифа Заіончка намѣстникомъ царства польскаго, превративши его на этомъ посту въ послушнаго слугу своего, отстранилъ Генриха Домбровскаго, наградивши его высокимъ чиномъ генерала отъ кавалеріи и значительной пенсіей, уволилъ военнаго министра Віельгорскаго при первой же его попыткѣ воспротивиться великокняжескому самоволію и назначилъ на его мѣсто ген. Гауке, заслуженнаго и безукоризненнаго солдата, но слабаго и безхарактернаго человѣка. Избавившись такимъ образомъ отъ возможности протеста съ чьей бы то ни было стороны, в. князь принялся за муштровку ввѣреннаго ему войска, сталъ устраивать знаменитые парады на Саксонской площади въ Варшавѣ, бывшіе предметомъ ужаса и невыразимыхъ мученій для польскихъ офицеровъ, публич-

но, передъ фронтомъ, оскорблялъ ихъ, приказывалъ русскимъ капраламъ заковывать и бить плетьми польскихъ солдатъ, ввелъ за малѣйшій проступокъ наказаніе палками, заставляя всѣмъ этимъ искать спасенія въ дезертированіи и въ самоубійствѣ. Дѣйствительно, въ теченіе первыхъ же четырехъ лѣтъ командованія польскимъ войскомъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ 49 однихъ только польскихъ офицеровъ покончило съ собою, не вынесши наносимыхъ имъ оскорбленій. Одинъ изъ этихъ самоубійцъ, офицеръ Вильчекъ, писалъ въ предсмертной запискѣ: «Никогда царствующій въ Польшѣ монархъ, ни даже близкіе его, не погибали отъ руки поляка; оскорбленія, наносимыя намъ в. княземъ, таковы, что только кровь можетъ смыть ихъ; возможенъ моментъ, когда я перестану владѣть собою; поэтому я предпочитаю убить самого себя, чѣмъ на несчастный, но безпорочный народъ мой бросить пятно убійства».

Описанные поступки Константина Павловича являлись не только непосредственнымъ слѣдствіемъ его суроваго и деспотическаго характера; въ значительной степени они вызывались подстрекательствами придворной и бюрократической камарильи Петербурга и Москвы, враждебной царству польскому и стремившейся вызвать преждевременное движеніе въ войскѣ, чтобы при подавленіи его разрушить молодую конституцію царства; добрые «друзья» и совѣтники Константина не прочь были провоцировать даже покушеніе на его жизнь. Эти тайные происки враждебной Польшѣ части русскаго общества принимали иной разъ слишкомъ неприкрытую, даже грубую форму. Случалось, что жители Варшавы являлись свидѣтелями того, какъ русскіе капралы, ведя закованнаго польскаго солдата, увѣщевали его останавливаться на улицахъ и призывать населеніе къ состраданію и къ освобожденію отъ оковъ...

Освѣдомленный и о враждебномъ къ Польшѣ настроеніи русскаго общества, и о вызывающемъ поведеніи Константина Павловича, Александръ продолжалъ настаивать на необходимости сохраненія его въ Варшавѣ. Эксцессы и издѣвательства великаго князя являлись выгоднымъ контрастомъ для благожелательности монарха по отношенію къ полякамъ. Александру пріятно было сознавать, что вел. князь играетъ при немъ, по выраженію Чарторыскаго, роль Домиціана при Титѣ. Прибывши въ концѣ сентября 1816 г. вторично въ Варшаву, Александръ въ интимныхъ бесѣдахъ, которыя онъ велъ, по своему обыкновенію, преимущественно съ дамами, вновь увѣрялъ въ непоколебимости своего рѣшенія соединить въ одно цѣлое всю историческую Польшу и въ стремленіи превратить царство польское въ жемчужину (un bijou), которая обладала бы притягательною силою для остальныхъ частей Польши. Вскорѣ послѣ этого онъ, казалось, приступилъ къ дѣйствительному осуществленію нѣкоторыхъ своихъ обѣщаній. 13 іюля 1817 г. онъ издалъ указъ объ образованіи особаго литовскаго

корпуса исключительно изъ уроженцевъ пяти западныхъ губерній. Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской, и Бѣлостокской области, предназначенныхъ къ будущему сліянію съ царствомъ польскимъ, и о назначеніи командиромъ этого корпуса главнокомандовавшаго польской арміей, в. кн. Константина Павловича; новому корпусу, являвшемуся какъ будто бы реальнымъ выраженіемъ отдѣленія литовскихъ губерній отъ имперіи и переходною ступенью къ соединенію Литвы съ Польшею, онъ даровалъ знамена съ особымъ гербомъ въ видѣ литовской погони на груди двуглаваго россійскаго орла и мундиры съ малиновыми воротниками по польскому образцу. Указъ объ образованіи литовскаго корпуса Александръ подписалъ въ самый день бракосочетанія Николая Павловича съ прусской принцессой Александрой Ѳеодоровной; имѣя уже тогда въ виду предоставленіе престола младшему брату, онъ словно предназначалъ старшему особо выдѣленныя польско-литовскія земли. И тутъ-то, въ отношеніи русскаго и польскаго общества къ указу 13 іюля, характерно сказались послѣдствія двойственной политики Александра: актъ, совершонный безъ всякой задней мысли, свидѣтельствовавшій о дѣйствительномъ желаніи монарха «сдѣлать изъ поляковъ своихъ венгерцевъ» и дававшій полякамъ въ руки могущественное орудіе, встрѣченъ былъ и въ Россіи съ враждебностью и въ Польшѣ не безъ подозрительности: русскіе въ образованіи особаго литовскаго корпуса увидѣли шагъ, направленный къ ослабленію монархіи, а поляки — шагъ къ обрусенію своего народа.

Открывая 15 — 27 марта 1818 г. первый варшавскій сеймъ, Александръ произнесъ знаменитую рѣчь, заключавшую въ себѣ обѣщаніе ввести конституцію въ Россіи и присоединить Литву къ царству польскому. И хотя в. кн. Константинъ Павловичъ не замедлилъ охладить поляковъ заявленіемъ, что слова императора являются лишь «фальшивой монетой» (les paroles de l'Empereur sont de la fausse monnaie), но на практикѣ они оказались таковыми лишь впослѣдствіи; въ минуту, когда они произносились, они «фальшивой монетой» не были; Александръ тогда, несомнѣнно, стремился къ дѣйствительному использованію своихъ обѣщаній, къ осуществленію той національной польской идеи, которую при каждомъ удобномъ случаѣ онъ представлялъ въ видѣ девиза, признаннаго и санкціонированнаго имъ. Впрочемъ, 1818 годъ является кульминаціоннымъ пунктомъ въ благожелательномъ отношеніи Александра къ царству польскому. Уже въ слѣдующемъ году дѣла принимаютъ худшее положеніе; уже обнаруживаются колебанія Александра и сомнѣнія его въ правильности своей польской политики, и начинаются нарушенія присяги, данной Александромъ относительно соблюденія конституціонной хартіи Польши. Поводомъ къ этимъ опасеніямъ монарха и антиконституціоннымъ поступкамъ правитель-

ства послужили самые мелкіе факты, имѣвшіе мѣсто въ царствѣ польскомъ. Весною 1819 г. въ варшавской «Ежедневной газетѣ» (Gazeta Codzienna), издававшейся Кицинскимъ и Теодоромъ Моравскимъ, появилось нѣсколько оппозиціонныхъ статей; вел. князь вызвалъ къ себѣ виновныхъ издателей, сдѣлалъ имъ строгій выговоръ и объявилъ о закрытіи ихъ типографіи; подъ его же давленіемъ намѣстникъ Заіончекъ издалъ собственной властью, помимо сейма, указы о введеніи предварительной цензуры для періодическихъ изданій и книгъ. Одновременно съ этимъ, въ іюнѣ того же 1819 г., въ крѣпости Замость произошелъ случай, сильно раздражившій Константина Павловича, съ особенною чуткостью относившагося къ вопросамъ военной дисциплины. Содержавшійся въ этой крѣпости въ заключеніи подпоручикъ II пѣхотнаго стрѣлковаго полка Игнатій Погоновскій, горячій, начитавшійся Шиллера, юноша, предпринялъ замыселъ овладѣть крѣпостью, увлечь за собою крѣпостной гарнизонъ и проникнуть съ нимъ въ Галицію. Замыселъ Погоновскаго, вскорѣ открытый и не повлекшій за собою никакихъ послѣдствій, послужилъ, однако, подозрительному Константину Павловичу основаніемъ для представленія Александру объ опаснѣйшемъ настроеніи умовъ въ всемъ царствѣ польскомъ, представленія, вызвавшаго угрозу Александра не только отказаться отъ присоединенія къ царству литовскихъ губерній, но и отнять то, что уже было даровано имъ.

Въ томъ же 1819 г. Новосильцовъ, вырабатывавшій согласно данному ему порученію проектъ «уставной грамоты» для Россіи, воспользовался этимъ случаемъ для представленія Александру во время пребыванія его въ Варшавѣ секретнаго меморіала относительно полнаго уничтоженія конституціонной обособленности Польши. Сославшись на акты польско-литовской уніи 1413 и 1501 гг., онъ указывалъ Александру, предполагавшему отдать Константину Павловичу во временное владѣніе литовскія губерніи, на необходимость закрѣпленія ихъ за Россійской имперіей, подобно тому, какъ Ягайло, уступивши брату своему Витовту Литву, присоединилъ ее на вѣчныя времена къ Польшѣ и сохранилъ за собою верховную надъ нею власть. Находя далѣе, въ случаѣ обнародованія выработанной имъ русской конституціи, излишнимъ существованіе двухъ конституцій «въ одной и той же имперіи» (dans le même empire), Новосильцовъ предлагалъ превратить царство польское въ простое намѣстничество Россіи, управляемое согласно русской конституціонной хартіи, особое польское войско — въ «западную армію» Россійской имперіи. Проектъ Новосильцова не былъ приведенъ въ исполненіе, «но,—говоритъ проф. Аскеназы,—одна только возможность формулировки подобной идеи и представленія ея монарху довѣреннымъ совѣтникомъ, освѣдомленнымъ о его настроеніи, являлась весьма характернымъ показателемъ того, какъ далеко

успѣлъ отойти Александръ отъ первоначальной своей точки зрѣнія на польскій вопросъ». Вскорѣ недовольство Александра царствомъ обнаружилось болѣе нагляднымъ образомъ. Закрывая 1/13 окт. 1820 г. второй сеймъ царства и будучи раздраженъ сеймовой оппозиціей съ калишскимъ посломъ Викентіемъ Нѣмоевскимъ во главѣ, Александръ упрекнулъ депутатовъ въ томъ, что сами они задерживаютъ дѣло возстановленія своего отечества и принимаютъ тѣмъ самымъ тяжелую на себя отвѣтственность за будущее. Возложивши такимъ образомъ на чужія плечи отвѣтственность за неисполненіе собственныхъ обѣщаній, признавши непосильнымъ для себя окончаніе начатаго дѣла, не рѣшаясь итти впередъ и не будучи въ состояніи остановиться на мѣстѣ, Александръ долженъ былъ повернуть вспять. Такъ онъ и сдѣлалъ. «Рѣшительно покончивши счеты съ конституціей, онъ открылъ настежь ворота для реакціи и репрессіи».

Замѣняя либеральнаго министра вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія Станислава Потоцкаго креатурой Новосильцова Станиславомъ Грабовскимъ, заслужившимъ въ исторіи прозвище «министра омраченія», предоставляя портфель министра финансовъ непопулярному и угодливому кн. Друцкому-Любецкому, служакѣ и другу Новосильцова, угрожая полякамъ подъ предлогомъ дефицитовъ въ польскомъ бюджетѣ отмѣной дарованной имъ конституціи, реорганизуя секретную полицію, усиливая цензуру, устраняя отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа кн. Адама Чарторыскаго, реформируя школьное дѣло въ клерикально-полицейскомъ направленіи, удаляя изъ Варшавы неугоднаго калишскаго посла, вождя сеймовой оппозиціи, Викентія Нѣмоевскаго, отсрочивая въ 1822 г. на неопредѣленное время созывъ сейма, долженствовавшаго собираться каждые два года, наконецъ запрещая публичность сеймовыхъ преній, — конституціонный монархъ Александръ I наглядно выражалъ всѣми этими поступками свое враждебное отношеніе къ имъ же созданной польской конституціи. Его полномочный комиссаръ Новосильцовъ захватывалъ въ свои руки все большую власть, являлся вдохновителемъ почти всѣхъ реакціонныхъ распоряженій правительства, подстрекалъ монарха къ нарушеніямъ конституціи, забрасывалъ его сообщеніями о мнимыхъ польскихъ заговорахъ и все глубже погружалъ его въ удушливую атмосферу страха передъ несуществовавшею польскою опасностью, съ тонкимъ чутьемъ искуснаго гипнотизера приспособляя эти внушенія къ духовнымъ наклонностямъ своего вѣнценоснаго медіума. Руководимое Новосильцовымъ правительство царства польскаго подрывало престижъ представительныхъ учрежденій края и сводило на-нѣтъ ихъ значеніе. Состоявшееся въ 1882 г. распоряженіе намѣстника Заіончка о конфискаціи дневника сенатскихъ засѣданій 1820 г., отданнаго согласно постановленію сената на

складъ въ типографію Глюксберга, пользовавшуюся плохой репутаціей вслѣдствіе либеральнаго образа мыслей ея владѣльца, не вызвало даже какихъ бы то ни было протестовъ, хотя глубоко задѣвало достоинство и конституціонную независимость сената царства.

II.

«Существуетъ въ достаточной степени распространенная легенда,—пишетъ проф. Аскеназы,—объ особливыхъ способностяхъ и склонностяхъ поляковъ, о какомъ-то исключительномъ психическомъ предрасположеніи ихъ къ тайнымъ союзамъ и конспиративной дѣятельности. Это мнѣніе изошло отъ подѣлившихъ Польшу сосѣдей, изъ прусскихъ, австрійскихъ и русскихъ кабинетовъ, отъ тамошнихъ политиковъ, ученыхъ и публицистовъ. Оно изобрѣтено было тамъ для возбужденія отвращенія къ Польшѣ и полякамъ и оттуда пущено въ свѣтъ. Эта легенда ложна. Она извращаетъ очевиднѣйшую историческую истину. Вездѣ, пожалуй, легче доискаться могущества конспиративныхъ факторовъ, на востокѣ ли, въ новой Россіи, неустанно сотрясаемой подземнымъ ихъ дѣйствіемъ, или на западѣ, во Франціи, еще со временъ Лиги и Фронды, въ Шотландіи или Венгріи, Испаніи или Италіи, — вездѣ легче, чѣмъ въ Польшѣ. Нѣтъ на свѣтѣ народа, который отличался бы меньшимъ тяготѣніемъ и меньшими способностями къ заговорамъ, чѣмъ польскій народъ. Въ свободной Польшѣ злоумышляли тайно и незаконно магнаты противъ короля, противъ страны или другъ противъ друга, злоумышляла корона противъ олигархіи или противъ страны, но народъ никогда. Собственно конспиративная дѣятельность навязана была этому народу лишь чужимъ насиліемъ, непосредственной, осязательной опасностью упадка и уничтоженія государства. Въ виду троекратной убійственной угрозы раздѣла приходилось втайнѣ подготавливать барскую конфедерацію, конституцію 3 мая и возстаніе 1794 г.»

Окончательный раздѣлъ Польши въ 1795 г. вызвалъ рядъ попытокъ къ возвращенію утраченной поляками независимости. Мысль о воскресеніи родины съ одинаковой силой поглощаетъ отнынѣ всѣхъ польскихъ патріотовъ, но стремленія ихъ, направленныя къ этой главной цѣли, подвергаются нѣкоторой внутренней диференціаціи подъ вліяніемъ двухъ главныхъ факторовъ: реальнаго и идейнаго, эмиграціи людей и модификаціи понятій. Оторванные отъ родной почвы, отъ условій мѣстной жизни, польскіе эмигранты обнаруживаютъ на чужбинѣ сильное тяготѣніе къ посторонней директивѣ и къ абстрактнымъ иностраннымъ вліяніямъ. Сознавая необходимость демократизаціи національнаго дѣла, они слишкомъ слѣпо подражаютъ ультрареволюціоннымъ французскимъ образцамъ, слишкомъ рано и неосторожно стремятся къ чисто внѣшней радикализаціи польскаго общества. Въ 1795 г. польскіе

«якобинцы» учреждаютъ въ Парижѣ т. наз. «польскую депутацію». Не вѣря въ возможность завоеванія свободы для своей родины путемъ участія поляковъ въ борьбѣ революціонной Франціи съ Европой, они отрицаютъ цѣлесообразность польскихъ легіоновъ и настойчиво призываютъ къ организаціи новаго возстанія въ самой Польшѣ и къ подготовкѣ его мѣстными тайными союзами. Съ этою цѣлью они основываютъ въ мартѣ 1796 г. т. наз. «варшавскую централизацію», реорганизованную спустя два года въ «общество польскихъ республиканцевъ». Формула присяги новаго общества гласила, что «цѣлью его является освобожденіе народа изъ-подъ ига тираніи и учрежденіе демократическаго правительства на началахъ дѣйствительнаго равенства и правъ человѣка». Оно призывало къ «ненависти противъ тираніи, анархіи и монархизма», къ «отреченію отъ шляхетства, отъ всякихъ чиновъ и привилегій»; оно заключало въ себѣ обѣщаніе «посвятить половину имущества для спасенія отечества». Но за этими громкими словами скрывалась чисто дѣтская трактовка предмета. «Общество польскихъ республиканцевъ», предписывавшее, между прочимъ, своимъ уполномоченнымъ наводить справки о лицахъ, способныхъ защищать дѣло свободы, начиная съ 12-тилѣтняго возраста, запрещавшее «довѣряться женскому полу», открывавшее благодаря крайне несовершенному своему уставу доступъ полицейскому сыску, никогда не достигло сколько-нибудь серьезнаго значенія и не сумѣло даже, вопреки надеждамъ Наполеона, поднять при его появленіи въ Польшѣ въ 1806 г. Варшаву, несмотря на сравнительную легкость этого дѣла въ виду охватившей прусскія власти паники. Якобинскія тайныя организаціи вообще не нашли для себя въ Польшѣ благодатной почвы. Среди польскихъ якобинцевъ не было сколько-нибудь выдающихся людей, людей съ характеромъ и съ сознательнымъ отношеніемъ къ своимъ поступкамъ. Чуждые истиннаго патріотизма и склонности къ самопожертвованію, они руководствовались въ своей дѣятельности лишь честолюбіемъ и жаждой власти и почета.

Иной характеръ носили тайныя организаціи въ царствѣ польскомъ. Преслѣдуя ту же конечную цѣль политической реставраціи Польши, онѣ отличались большею умѣренностью и большею осторожностью. Одна изъ этихъ организацій, «національное польское масонство», воспользовалась готовыми формами разрѣшённаго правительствомъ обыкновеннаго польскаго масонства и лишь придала установленнымъ каменщицкимъ символамъ особое, отвѣчавшее ея видамъ, толкованіе, особую національную окраску. Она дѣйствовала съ тѣмъ большею увѣренностью, что самъ имп. Александръ оффиціально состоялъ членомъ польскаго великаго востока и не отказывалъ ему въ значительныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ. Покровительствуя польскому масонству, Александръ преслѣдо-

валъ вполнѣ опредѣленныя политическія цѣли, придерживался той тактики, которую онъ усвоилъ себѣ послѣ вѣнскаго конгресса.

Три вопроса первостепенной важности занимали Александра послѣ 1815 г. и настойчиво требовали отъ него своего разрѣшенія: восточный, касавшійся освобожденія отъ турецкаго ига грековъ и славянъ Балканскаго полуострова, русскій, сводившійся къ переустройству имперіи на конституціонно федеративныхъ началахъ, и польскій, состоявшій, главнымъ образомъ, въ территоріальномъ расширеніи царства польскаго. Для успѣшнаго рѣшенія этихъ вопросовъ Александръ старался оказать давленіе на общественное мнѣніе Европы, Россіи и Польши, расположить широкіе общественные военные круги въ пользу своихъ либеральныхъ и освободительныхъ замысловъ. Послѣ вѣнскаго конгресса онъ сталъ играть роль, странную для вождя европейской коалиціи—роль руководителя европейскаго либерализма. Проживавшіе въ Брюсселѣ французскіе эмигранты довѣрчиво обращались къ нему съ просьбою о содѣйствіи къ сверженію Людовика XVIII, сурово преслѣдовавшаго республиканцевъ и бонапартистовъ, и къ возведенію на французскій престолъ сына нидерландскаго короля, Вильгельма Оранскаго, женатаго на в. кн. Аннѣ Павловнѣ. Подъ руководствомъ Александра русскій министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Каподистрія подготовлялъ, какъ извѣстно, греческое возстаніе. Его лихорадочная подпольная дѣятельность, охватывавшая весь Балканскій полуостровъ, распространялась и на Италію. Россійскіе генеральные консулы, въ Венеціи Наранци и въ Тріестѣ Пелегрини, кратковременный «капризъ» Екатерины II кавалеръ Альтести, позднѣе тайный агентъ Александра въ Италіи, Германіи и Польшѣ, и мн. др. внушали итальянцамъ ненависть къ деспотическому австрійскому режиму и неограниченное довѣріе къ освободительной миссіи русскаго императора. Эта агитаціонная дѣятельность русскаго правительства не была тайной для бдительнаго кн. Меттерниха; австрійскій канцлеръ прямо обвинялъ Александра въ томъ, что «русскіе агенты предсѣдательствуютъ въ клубахъ карбонаріевъ». Итальянскіе революціонеры, дѣйствительно, возлагали большія надежды на русскаго императора, видя въ немъ въ первые годы послѣ вѣнскаго конгресса либеральнаго мессію; недаромъ, обманутые впослѣдствіи въ своихъ ожиданіяхъ, они клеймили его именемъ «Іуды либерализма» (il Giuda del liberalismo europeo). Дѣйствуя во вредъ Австріи, естественной противницы «греческаго проекта» и соперницы Россіи на Ближнемъ Востокѣ, и имѣя въ виду возможность вооруженнаго столкновенія съ нею, Александръ не оставлялъ безъ вниманія и австрійскихъ славянъ: Хорватія, Славонія и угорская Русь были переполнены русскими агентами, и даже самъ государь имѣлъ обыкновеніе дѣлать здѣсь остановки по пути на европейскіе конгрессы и вести милостивыя бесѣды съ уніатскими

священниками, возстанавливая въ ихъ памяти принадлежность ихъ къ великой православной россійской праматери. Ореоломъ убѣжденнаго сторонника и усерднаго насадителя освободительныхъ началъ окружалъ Александра и нѣмецкій народъ; въ русскомъ императорѣ, даровавшемъ либеральную конституцію побѣжденнымъ полякамъ, онъ видѣлъ живой укоръ для своихъ монарховъ, не исполнявшихъ конституціонныхъ обѣщаній, данныхъ собственному народу; онъ признавалъ Александра своимъ духовнымъ союзникомъ, сторонникомъ той національной всенѣмецкой идеи, которая проповѣдывалась и тугендбундомъ и буршеншафтами. Во всякомъ ослабленіи реакціонныхъ тисковъ, во всякомъ поворотѣ въ сторону либерализма, происходило ли это въ Виртембергѣ, въ которомъ молодой король Вильгельмъ I, женатый на в. кн. Екатеринѣ Павловнѣ, выступалъ на защиту сельскаго населенія передъ привилегіями высшихъ классовъ, или въ Баденѣ, которому король Карлъ, братъ имп. Елизаветы Алексѣевны, даровалъ конституцію вскорѣ послѣ перваго варшавскаго сейма, въ августѣ 1818 г.,— вездѣ нѣмецкій народъ доискивался благотворнаго вліянія Петербурга и съ благоговѣніемъ взиралъ на свободолюбиваго сѣвернаго монарха.

«Первый, — по выраженію проф. Аскеназы, — конспираторъ своего времени», обращавшійся еще въ 1814 г. во время своего пребыванія въ Англіи къ лидеру виговъ лорду Грею со страннымъ для самодержавнаго монарха вопросомъ: «Какъ устроить въ Россіи очагъ оппозиціи (un foyer d'opposition)?». . . ., имп. Александръ, оказывая польскому масонству свое высокое покровительство, преслѣдовалъ двоякую цѣль: созидательную и охранительную. Съ одной стороны, онъ хотѣлъ использовать польское масонство для проведенія своего проекта касательно сліянія Литвы съ Польшей и, насаждая масонскія ложи одновременно въ царствѣ польскомъ и Литвѣ, вліять при ихъ посредствѣ на общественное мнѣніе, подготовить путемъ возстановленія прежней польско-литовской масонской уніи унію политическую; ему не было безызвѣстно враждебное отношеніе къ занимавшему его проекту нѣкоторыхъ круговъ литовскаго общества, опасавшихся, главнымъ образомъ, усиленія податного бремени и крестьянской реформы въ Литвѣ. Съ другой стороны, Александръ стремился къ секуляризаціи польскаго масонства, къ приданію ему характера государственнаго учрежденія, къ подчиненію его собственному контролю, къ руководительству имъ. Съ этого цѣлью онъ добился въ 1816 г. избранія замѣстителемъ великаго мастера польскаго великаго востока ген. Александра Рожнецкаго, близкаго Новосильцову человѣка, начинавшаго тогда свою карьеру шефа жандармовъ и начальника тайной полиціи въ царствѣ польскомъ и долженствовавшаго играть въ польскомъ масонствѣ ту же до извѣстной степени роль, какую въ

русскомъ играли еще съ 1810 г. министры полиціи, масоны, ген.-адъютантъ Балашовъ и гр. Вязмитиновъ, а впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, дававшіе масонскимъ властямъ соотвѣтственныя инструкціи къ свѣдѣнію и руководству, присутствовавшіе на засѣданіяхъ масоновъ, дѣлавшіе о нихъ государю періодическія донесенія и т. п. Однако дѣятельность Рожнецкаго, направленная согласно наполеоновскому методу къ количественному усиленію масонскихъ ложъ и къ качественному ослабленію ихъ, къ измѣненію устава великаго востока въ централистическомъ духѣ и къ подчиненію всего польскаго масонства видамъ и интересамъ правительства, вызывала сильную оппозицію въ средѣ польскихъ масоновъ, сталкиваясь съ рѣзко выраженными националистическими стремленіями послѣднихъ.

Основателемъ и руководителемъ польскаго національнаго масонства былъ майоръ 4-го линейнаго пѣхотнаго полка арміи царства польскаго Валеріанъ Лукасинскій [1]). Человѣкъ образованный и начитанный, проникнутый разумнымъ патріотизмомъ, дѣльный и добросовѣстный офицеръ, отличаемый в. кн. Константиномъ Павловичемъ, Лукасинскій долгое время чуждъ былъ всякой революціонной дѣятельности и совершенно не участвовалъ въ тайныхъ организаціяхъ, предшествовавшихъ учрежденію царства польскаго. Какъ общественный дѣятель, онъ высказывался въ печати въ пользу равноправности евреевъ и допущенія ихъ на военную службу и живо интересовался крестьянскимъ вопросомъ, но, отличаясь сравнительно умѣренными взглядами, выступалъ противникомъ отчужденія помѣщичьей земли и требовалъ лишь постепенно, за достаточное вознагражденіе, выкупа ея въ пользу крестьянъ. При учрежденіи въ 1819 г. національнаго масонства онъ, какъ ему казалось, шелъ лишь навстрѣчу первоначальнымъ замысламъ Александра I относительно Польши. Далекій отъ мысли о поднятіи возстанія противъ Россіи, но вѣрившій въ искренность обѣщаній монарха, Лукасинскій преслѣдовалъ цѣль укрѣпленія національнаго духа во всей странѣ и особенно въ войскѣ, сплоченія разрозненныхъ польскихъ гражданъ и подготовленія ихъ къ совмѣстной жизни подъ русскимъ скипетромъ. Съ этой точки зрѣнія организація Лукасинскаго не могла считаться революціонной по отношенію къ Александру, который многократно, и въ рѣчахъ и въ манифестахъ, признавалъ идею національности главнымъ звеномъ, связующимъ три разрозненныя польскія области. Самая мысль объ образованіи подобной тайной организаціи, долженствовавшей ускорить реализацію обѣщаній, данныхъ Александромъ поля-

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Лукасинскомъ русскій читатель найдетъ въ очеркѣ проф. Аскеназы «Лукасинскій», переведенномъ проф. Карѣевымъ и помѣщенномъ въ I т. «Галлереи шлиссельбургскихъ узниковъ», Спб., 1907 г., стр. 29—36.

камъ, внушена была Лукасинскому со стороны; возникши во время сейма 1818 г. въ близкихъ къ государю правительственныхъ кругахъ Варшавы, она была подсказана Лукасинскому ген. Рожнецкимъ, хорошо освѣдомленнымъ о настроенiи монарха.

Согласно выработанному Лукасинскимъ уставу, членами нацiональнаго масонства могли быть только военныя лица и свободные каменщики. Въ духѣ простѣйшей англiйской системы приняты были три масонскiя степени: ученика, товарища и мастера. Декорацiей ложи первой степени служилъ столъ, покрытый голубой матерiей, и на немъ бюстъ Александра I; на этотъ бюстъ предсѣдательствующiй указывалъ ученику со словами: «Это изображенiе отечества и его великодушнаго воскресителя». Во второй степени легальная сторона организацiи подчеркивалась менѣе рѣзко; на столѣ безъ бюста монарха находилась надпись «adhuc stat»; на обращенный къ принимаемому въ товарищи вопросъ: «Какъ велика твоя ложа?» давался отвѣтъ: «Высокiя горы, два великихъ моря и двѣ рѣки служатъ ея границами»; на другой вопросъ: «Гдѣ собираются товарищи?» отвѣтъ гласилъ: «У алтаря отечества, который поврежденъ сверху, но основанiя его держатся съ надписью «adhuc stat»; затѣмъ предсѣдательствующiй обращался къ собравшимся со словами: «Завяжемъ узелъ единенiя и силы, подавая другъ другу братскiя руки въ знакъ взаимнаго ручательства въ томъ, что если мы не будемъ въ состоянiи воздвигнуть этотъ алтарь во всемъ его блескѣ, то, по крайней мѣрѣ, не позволимъ ему упасть». Декорацiю ложи третьей степени составлялъ столъ, покрытый черной матерiей, и на немъ символы смерти и воскресенiя нацiи — человѣческiй черепъ, мечъ, молотокъ и урна. Только посвящаемымъ въ эту степень принимавшiй ихъ мастеръ, перевязанный черной лентой съ бѣлой каймой и съ надписью «vincere aut mori», открывалъ сокровенное значенiе нацiональнаго масонства; въ этой степени извѣстная масонская легенда о главномъ строителѣ Соломонова храма, Гирамѣ или Адонирамѣ, раненомъ тремя предателями-товарищами у западныхъ, южныхъ и восточныхъ вратъ и завѣщавшемъ своимъ преемникамъ святое дѣло мести и возстановленiя изъ развалинъ храма, толковалась въ примѣненiи къ Польшѣ, трижды подѣленной тремя державами, но безсмертной, вѣрящей въ возрожденiе и ждущей отмщенiя.

Лукасинскiй, по собственному его признанiю, стремился къ насажденiю нацiональныхъ масонскихъ ложъ во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ распространенъ польскiй языкъ; характерно, однако, что, усердно развѣтвляя созданную имъ организацiю въ царствѣ польскомъ, въ Литвѣ и особенно въ великомъ княжествѣ познанскомъ, онъ оставлялъ безъ достаточнаго вниманiя галицiйскую область; онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ въ полномъ соотвѣтствiи съ той постановкой вопроса, съ какой отъ имени имп. Але-

ксандра выступилъ на вѣнскомъ конгрессѣ кн. Адамъ Чарторыскій, добивавшійся сохраненія всей территоріи бывшаго великаго герцогства варшавскаго, стремившійся къ будущему соединенію литовскихъ губерній съ царствомъ польскимъ, но не имѣвшій пока въ виду расширенія вновь формируемаго польскаго государства за счетъ Галиціи.

Число дѣйствительныхъ членовъ національнаго масонства не было велико, но самое существованіе организаціи, преслѣдовавшей высокія патріотическія цѣли, являлось могущественнымъ факторомъ въ дѣлѣ укрѣпленія національнаго польскаго духа и поощрительнымъ толчкомъ къ созданію другихъ, хотя бы въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, патріотическихъ организацій. Особенно сильное вліяніе національное масонство оказывало на польскую учащуюся молодежь, въ средѣ которой еще нѣсколько раньше сформировался рядъ полуявныхъ и тайныхъ организацій въ трехъ университетскихъ городахъ, Варшавѣ, Краковѣ и Вильнѣ, за границей, въ центрахъ скопленія польскихъ студентовъ, и въ провинціальныхъ городахъ царства польскаго и Литвы, въ которыхъ примѣру академической молодежи стали слѣдовать болѣе зрѣлые гимназисты. «Эти многочисленные ученическіе союзы высшей и низшей категоріи, — пишетъ проф. Аскеназы, — обыкновенно основываемые со всею дѣтскою обрядовою пышностью, свойственною молодой фантазіи, со страшными присягами, съ пистолетами за пазухой, съ человѣческими черепами на столѣ, ночными собраніями на кладбищахъ или въ старыхъ подвалахъ, эти союзы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нелѣпые и ненужные, но всегда почти служившіе выраженіемъ чистѣйшихъ движеній юныхъ душъ, являлись въ своей основѣ организаціями, лишенными всякаго революціоннаго характера и дававшими исходъ благороднымъ порывамъ наиболѣе дѣльныхъ элементовъ учащейся молодежи, чувству взаимнаго братства, преклоненія передъ идеалами знанія, красоты, доблести и свободы и, прежде всего, горячей любви къ родной странѣ—порывамъ и стремленіямъ, заслуживавшимъ во всѣхъ отношеніяхъ самой широкой гласности и единственно вслѣдствіе нездоровыхъ политическихъ условій, въ виду угрозы преслѣдованій, обреченнымъ на принудительную потаенность и на неизбѣжныя конспиративныя формы».

Первымъ болѣе серьезнымъ студенческимъ союзомъ въ варшавскомъ университетѣ былъ «союзъ друзей» (związek przyjaciół), основанный въ 1817 г. подъ девизомъ «panta koina» студентомъ-медикомъ Людвикомъ Мауэрсбергеромъ, впечатлительнымъ и всесторонне развитымъ юношей, зачитывавшимся произведеніями Руссо. «Союзъ друзей» ставилъ своею цѣлью товарищескую взаимопомощь и духовное единеніе членовъ на почвѣ совмѣстныхъ научныхъ занятій и развлеченій; возможно, впрочемъ, что онъ преслѣдовалъ также болѣе широкія національныя задачи и даже стремился

къ братскому сплоченію всѣхъ свободныхъ народовъ. Уѣхавши въ Берлинъ для довершенія образованія, Мауэрсбергеръ основалъ въ 1819 г. отдѣленіе варшавской panta koin'ы среди тамошнихъ студентовъ - поляковъ, сорганизовавшихся затѣмъ, главнымъ образомъ, подъ впечатлѣніемъ убійства Коцебу Карломъ Зандомъ, въ берлинскую «полонію», принявшую девизъ «свобода и отечество» и ставившую своею цѣлью «упроченіе дружбы, заботу о доброй славѣ находящихся на чужбинѣ поляковъ и сохраненіе національнаго духа». Независимо отъ panta koin'ы, фактически переставшей существовать въ декабрѣ 1820 г., въ Варшавскомъ университетѣ возникло въ 1818 г. нѣсколько явныхъ студенческихъ союзовъ, преслѣдовавшихъ товарищескія и научныя цѣли. Таковыми были «общество почитателей наукъ» (czciciele nauk) и «литературное общество» (Towarzystwo literackie), не чуждыя національныхъ стремленій, но не нарушавшія ни въ чемъ университетскаго устава, запрещавшаго лишь союзы, «противные порядку и нравственности». Однако даже эта легальная дѣятельность студенческихъ обществъ встрѣчала серьезныя затрудненія при томъ положеніи дѣлъ, какое создалось въ царствѣ польскомъ. «Литературное общество», носившее въ тѣсномъ кругу своихъ членовъ болѣе опредѣленное названіе «любителей національности» (miłośnicy narodowości), вооружило противъ себя власти выраженіемъ сочувствія упомянутымъ раньше пострадавшимъ редакторамъ «Ежедневной Газеты» Кицинскому и Моравскому, устройствомъ въ ихъ честь банкета и поднесеніемъ имъ перстней отъ молодежи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ іюлѣ 1819 г., около ста варшавскихъ студентовъ подписало актъ «всеобщаго союза Варшавскаго университета» (powszechny związek uniwersytetu warszawskiego); но эта ихъ попытка создать большую академическую организацію по образцу нѣмецкихъ буршеншафтовъ не только не получила утвержденія со стороны университетскаго начальства, но даже вызвала немедленное закрытіе всѣхъ уже разрѣшенныхъ студенческихъ союзовъ и запрещеніе на будущее время какихъ бы то ни было обществъ и собраній въ Варшавскомъ университетѣ. Вслѣдствіе этого распоряженія единственно возможными студенческими организаціями стали организаціи тайныя.

Первую такую организацію основалъ въ 1819 г. слушатель Варшавскаго университета Викторъ Гельтманъ, живой, мыслящій, преданный наукѣ, но робкій и слабый характеромъ человѣкъ, съ цѣлью «насажденія чувствъ свободы, любви къ отечеству и народу, со скрытой въ сердцахъ мыслью о борьбѣ съ тираніей, фанатизмомъ и о возстановленіи независимости Польши». Организація эта просуществовала недолго; уже въ началѣ слѣдующаго года мѣсто ея занялъ новый тайный союзъ «свободныхъ поляковъ» (wolni polacy), учрежденный тѣмъ же Гельтманомъ и другомъ его Людвикомъ Піонткевичемъ, уроженцемъ Львова, сыгравшимъ

впослѣдствіи, въ эпоху революціи 1830—31 гг., видную, но сомнительную роль. Усвоивши себѣ масонскія формы, союзъ «свободныхъ поляковъ» обставлялъ пріемъ новыхъ членовъ сложными ребяческими обрядами, съ возложеніемъ на столъ трехъ череповъ, кинжала, горящаго спирта, съ присягами, пѣніемъ гимновъ и т. п.; членовъ союза обязывалъ при встрѣчѣ своеобразный пароль, «примѣненный къ представленію о соединенной Польшѣ»: привѣтствующій подавалъ три первыхъ пальца, раздѣляя ихъ и вновь собирая со словами: «Все и ничего», на что привѣтствуемый отвѣчалъ: «Отечество и смерть». Цѣлямъ, преслѣдуемымъ союзомъ «свободныхъ поляковъ», долженъ былъ содѣйствовать также издаваемый имъ органъ «Польская Декада». Въ разыгрывавшейся въ то время въ царствѣ польскомъ острой борьбѣ независимой печати съ цензурнымъ гнетомъ Гельтманъ и Піонткевичъ являлись непосредственными преемниками редакторовъ Кицинскаго и Моравскаго, которые послѣ закрытія въ 1819 г. «Ежедневной Газеты» сдѣлали попытку замѣнить ее сначала неперіодической «Современной Хроникой» (Kronika Tegoczesna), а затѣмъ «Бѣлымъ Орломъ» (Orzeł Biały), но уже спустя годъ должны были опять сойти со сцены; издаваемый ими «Бѣлый Орелъ», удачно перемѣшивавшій оригинальныя статьи съ перепечатками изъ парижскаго «Constitutionnel», закрытъ былъ знаменитымъ цензоромъ Шанявскимъ, съ поразительною легкостью превратившимся на этомъ новомъ своемъ посту изъ ученаго философа и яраго якобинца въ усерднаго гонителя свободнаго слова и въ послушное орудіе сенатора Новосильцова. Продолжательницей «Бѣлаго орла» являлась «Польская Декада», принявшая девизъ «nil desperandum» и издававшаяся по образцу парижской «Minerve». Вскорѣ, однако, Гельтмана и Піонткевича постигла еще болѣе тяжелая участь, чѣмъ редакторовъ, на смѣну которыхъ они явились. Въ маѣ 1821 г. они навлекли на себя преслѣдованіе выпускомъ въ видѣ безплатнаго приложенія къ своей газетѣ текста конституціи 3 мая 1791 г.; въ этомъ поступкѣ в. кн. Константинъ Павловичъ увидѣлъ революціонный замыселъ и стремленіе къ подражанію аналогичному дешевому изданію французской charte, выпущенной въ Парижѣ извѣстнымъ издателемъ дешевыхъ оппозиціонныхъ листковъ полковникомъ Туке. Злополучнымъ редакторамъ «Декады» приказано было явиться въ великокняжескую резиденцію, Брюлевскій дворецъ; здѣсь самъ в. кн. Константинъ Павловичъ нанесъ имъ личное оскорбленіе, а затѣмъ, послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, Гельтманъ былъ сосланъ въ литовскій корпусъ «канониромъ первой батарейной роты XXIV артиллерійской бригады», а Піонткевичъ, отказавшись отъ предложеннаго ему мѣста въ тайной полиціи, препровожденъ въ качествѣ несовершеннолѣтняго иностранца подъ охраной жандармеріи на галиційскую границу. Съ исчезновеніемъ главныхъ руководителей союза «сво-

бодныхъ поляковъ» перестала существовать и созданная ими организація.

Худшіе элементы союза, Фердинандъ Келлеръ, работавшій при дядѣ своемъ Штембертѣ, тайномъ полицейскомъ агентѣ, Бенедиктъ Калиновскій, втиравшійся въ многочисленныя польскія и иностранныя тайныя организаціи, ведшій знакомство съ другомъ Занда, извѣстнымъ Карломъ Фолленомъ, «нѣмецкимъ Пестелемъ въ академической формѣ», но остававшійся всегда неуязвимымъ для полиціи, и нѣкоторые другіе удаленные студенты Варшавскаго университета, перебравшись въ началѣ 1821 г. въ Краковъ, выступили здѣсь въ роли уполномоченныхъ якобы существующаго въ Варшавѣ всеобщаго польскаго буршеншафта и основали среди краковскихъ товарищей подъ девизомъ «независимость и слава отечества» общество буршей съ двумя степенями «шпаковъ» (фуксовъ) и «буршей», въ видѣ организаціи, долженствовавшей подготовить учрежденіе въ Краковѣ союза «свободныхъ поляковъ». Дѣятельность Калиновскаго и его товарищей, внушающая сильное подозрѣніе въ провокаторскихъ замыслахъ, чревата была послѣдствіями для организацій царства польскаго; хотя краковскій буршеншафтъ просуществовалъ очень недолго, но члены его, поддавшись вліянію доходившихъ до нихъ слуховъ о возникшихъ въ 1821 г. въ средѣ французской и нѣмецкой молодежи обществахъ угольщиковъ или карбонаріевъ и неосторожно завязавши сношенія съ варшавскими академическими организаціями, предоставили столь желанный Новосильцову матеріалъ для возбужденія первыхъ широкихъ политическихъ преслѣдованій въ Варшавѣ.

Въ меньшей зависимости отъ Варшавы развивалась дѣятельность академическихъ союзовъ въ Литвѣ. Съ одной стороны, сюда непосредственно проникали вліянія прусскаго тугендбунда, а съ другой, самыя мѣстныя условія, менѣе благопріятныя, чѣмъ въ конституціонномъ и этнографически однообразномъ царствѣ польскомъ, способствовали сознательному отношенію университетской молодежи къ культурнымъ и политическимъ нуждамъ своего народа. Уже въ 1817 г. въ Виленскомъ университетѣ возникла по инициативѣ Томаша Зана и Адама Мицкевича серьезная тайная организація «филоматовъ» съ девизомъ «отечество — наука», развившаяся въ 1820 г. въ общество «лучезарныхъ» (promieniści), а затѣмъ «филаретовъ» (друзья доблести, Tugendfreunde). — Тайныя, чисто дѣтскія общества, «ученыя», «моральныя» и др., существовали и въ среднихъ школахъ Литвы; среди нихъ особенно выдѣляется не столько дѣйствительнымъ значеніемъ, сколько крайне печальною участью своихъ юныхъ членовъ, школьная организація въ Кейданахъ и организація «черныхъ братьевъ» въ Крожахъ — результатъ проникшихъ съ далекой Германіи слуховъ объ основанныхъ Фолленомъ обществахъ «Schwarze Brüder» и «Die Unbedigten».

Аналогичные дѣтскіе союзы распространены были и въ среднихъ школахъ царства польскаго. Такъ, ученики 6-го класса варшавскаго лицея, сорганизовавшись въ 1819 г. подъ руководствомъ 16-тилѣтняго Маврикія Мохнацкаго, будущаго участника и историка революціи 1830 — 31 гг., устраивали на Дынасовскихъ горахъ собранія, приносили на нихъ подъ ученическими шинелями счастливо пріобрѣтенный старый пистолетъ или заржавѣлую шпагу и давали страшныя присяги въ неустанной борьбѣ съ деспотами и фанатиками; воспитанники калишской школы основали союзъ «кавалеровъ Нарцисса», управлявшійся «архонтомъ» и избираемыми «ареопагомъ», «сенаторами» и т. п.

Съ національнымъ масонствомъ Лукасинскаго всѣ эти студенческіе и ученическіе союзы находились въ самой отдаленной связи, но они обнаруживали инстинктивное къ нему тяготѣніе, обусловливавшееся общностью преслѣдуемыхъ задачъ; одновременно съ этимъ названные союзы, какъ вслѣдствіе своей многочисленности, такъ и вслѣдствіе неосторожности и горячности своихъ незрѣлыхъ членовъ, подвергали большой опасности широко задуманное предпріятіе Лукасинскаго. Помимо этого, въ самомъ національномъ масонствѣ дѣла стали принимать крайне нежелательный оборотъ. Лукасинскому трудно было удержать въ границахъ разумной предусмотрительности организацію, сосредоточивавшую въ себѣ много горячихъ, экспансивныхъ элементовъ, не удовлетворявшихся туманными національными цѣлями и стремившихся къ болѣе активной дѣятельности, къ агитаціи въ войскѣ, къ возбужденію крестьянскихъ массъ и привлеченію ихъ къ движенію предоставленіемъ даровыхъ земельныхъ надѣловъ, къ революціонизированію городскихъ классовъ Варшавы и т. п. Когда національные масоны въ Познани, уничтоживши эмблемы ложъ первой степени — гипсовый бюстъ Александра I и текстъ дарованной имъ царству польскому конституціи, сорганизовались подъ предсѣдательствомъ отставного генерала Станислава Мелжинскаго въ тайное общество косиньеровъ и вступили въ сношенія съ итальянскими карбонаріями, ввели ихъ ритуалы на мѣсто масонскихъ и замѣнили изображеніе Александра I изображеніемъ Косцюшки, Лукасинскій формально закрылъ въ августѣ 1820 г. свою организацію. Помимо сознанія внѣшней и внутренней опасности, угрожавшей національному масонству, Лукасинскій стремился къ очищенію послѣдняго, къ изъятію изъ него сомнительныхъ элементовъ и къ ослабленію правительственной бдительности; онъ имѣлъ въ виду не прекращеніе дѣятельности національнаго масонства, а преобразованіе его въ болѣе независимую организацію. Такой организаціей и было возникшее въ слѣдующемъ 1821 г. «патріотическое общество». Но оно развивалось при иныхъ, еще болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ прототипъ его, національное масонство. Къ этому времени

уже окончательно опредѣлился поворотъ правительственной политики въ сторону реакціи и вполнѣ сформировалась усердная приспѣшница этой реакціи — реорганизованная Новосильцовымъ тайная полиція.

III.

Польская Рѣчь Посполитая не знала тайной полиціи въ современномъ значеніи этого слова. Она обходилась безъ нея до самаго конца своего существованія, и нельзя сказать, чтобы отсутствіе этого учрежденія неблагопріятно отзывалось на общественной безопасности Польши. Въ Рѣчь Посполитую тайная полиція проникла изъ Россіи первоначально подъ дипломатическимъ покровомъ: русскіе послы въ Варшавѣ содержали при себѣ тайныхъ политическихъ агентовъ — при Августѣ II Долгорукій, при Августѣ III и Станиславѣ Понятовскомъ Кейзерлингъ, Репнинъ, Штакельбергъ, Булгаковъ, Сиверсъ, Игельстромъ. Имп. Александръ, уничтожившій въ самомъ началѣ своего царствованія русскую тайную полицію, которая при Павлѣ приняла столь широкіе размѣры, но не спасла его отъ катастрофы 11 марта, возстановилъ ее уже въ 1805 г., въ виду близившейся первой войны съ Наполеономъ; онъ поддался въ данномъ случаѣ настойчивымъ убѣжденіямъ Новосильцова, прирожденнаго любителя полиціи и тонкаго спеціалиста по этой части, являющагося также дѣйствительнымъ творцомъ реорганизованной тайной полиціи царства польскаго, ея законнымъ отцомъ, заботливо всегда опекавшимъ это излюбленное свое дѣтище. Согласно выработанному Новосильцовымъ плану, русская тайная контръ-полиція въ царствѣ польскомъ носила характеръ противовѣса явной польской полиціи. Помимо существовавшихъ до того времени должностей директора варшавской полиціи и восьми участковыхъ комиссаровъ, по проекту Новосильцова устанавливались новыя должности русскаго оберъ-полицмейстера Варшавы и русскихъ инспектирующихъ полицейскихъ чиновниковъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи опредѣленное количество лазутчиковъ нѣмецкаго и еврейскаго происхожденія, обязанности и даже самое существованіе которыхъ должны были оставаться тайной для польской полиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Варшавѣ учреждался центральный полицейскій совѣтъ и бюро для распечатыванія писемъ на варшавской почтѣ, и вводился тайный надзоръ за лѣсной стражей съ цѣлью освѣдомленія правительства о происходящемъ въ лѣсахъ, этихъ будущихъ убѣжищахъ польскихъ повстанцевъ.

Ближайшимъ помощникомъ Новосильцова въ дѣлѣ развитія тайной контръ-полиціи царства польскаго былъ Александръ Рожнецкій. Боевой генералъ, участникъ девяти кампаній 1792—1813 гг., пятикратно раненый и награжденный многими орденами, въ томъ числѣ крестомъ французскаго почетнаго легіона, Рожнецкій на-

чалъ свою карьеру въ рядахъ сражавшейся съ войсками Кречетникова въ 1792 г. польской арміи и подъ знаменами Костюшки и польскихъ легіоновъ, а закончилъ ее на посту сановнаго русскаго шпіона. Сибаритъ, честолюбецъ и взяточникъ, единственный изъ польскихъ генераловъ, запятнавшій себя грабежомъ во время похода въ Россію въ 1812 г. и вывезшій вопреки суровому приказу кн. Іосифа Понятовскаго обильную добычу на болѣе, чѣмъ десяти возахъ, подозрѣваемый въ измѣнѣ французамъ при Мирѣ въ 1812 г., Рожнецкій особенно выдвинулся послѣ поступленія въ 1815 г. въ армію вновь образованнаго царства польскаго. Одаряемый наградами и отличіями, вплоть до Александра Невскаго и Бѣлаго Орла, онъ еще до начала своей дѣятельности на полицейскомъ поприщѣ пользовался особеннымъ расположеніемъ всемогущаго Аракчеева, а при посредствѣ послѣдняго и самого Александра I; нужно думать, что уже раньше онъ успѣлъ внушить къ себѣ довѣріе какими-то особенными, донынѣ неизвѣстными, заслугами. Его, какъ руководителя тайной полиціи, считалъ незамѣнимымъ и в. кн. Константинъ Павловичъ; впрочемъ, впослѣдствіи, послѣ разрыва съ покровительствовавшей Рожнецкому г-жей Фредериксъ и женитьбѣ на Іоаннѣ Грудзинской, вел. князь, уже нѣсколько сроднившійся съ Польшей, не скрывалъ своего презрительнаго и даже брезгливаго отношенія къ провокаторской и доносчичьей дѣятельности этого помощника и правой руки сенатора Новосильцова.

Первымъ болѣе крупнымъ дѣломъ Рожнецкаго въ области развитія тайной полиціи была организація въ Варшавѣ и другихъ городахъ царства польскаго жандармскихъ корпусовъ и учрежденіе особаго жандармскаго отдѣла, состоявшаго въ распоряженіи в. кн. Константина Павловича. Задуманная въ 1816 г. въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ польская жандармерія послужила первообразомъ для столь внушительной впослѣдствіи русской жандармеріи. Имп. Александръ, очевидно довольный новымъ полицейскимъ учрежденіемъ, дарованнымъ имъ царству польскому, поспѣшилъ перенести его на русскую почву; уже въ февралѣ 1817 г., вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Варшавы, онъ издалъ указъ объ установленіи жандармскихъ корпусовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, всѣхъ губернскихъ и трехъ портовыхъ городахъ; «не лишено интереса, — замѣчаетъ по этому поводу проф. Аскеназы, — что столь характерное учрежденіе, первоначально предназначенное къ обузданію царства польскаго, примѣнено было въ свою очередь для обузданія самой имперіи, тогда какъ изъ польской конституціи родился лишь мертворожденный плодъ конституціи для Россіи».

Наиболѣе дѣятельными сотрудниками и въ то же время противниками шефа жандармовъ Рожнецкаго были тайные агенты Шлей и Макротъ. Матвѣй Шлей, сынъ варшавскаго столяра, вос-

питанникъ варшавскихъ школъ ордена піаровъ, впослѣдствіи боевой офицеръ, участвовавшій между прочимъ въ рядахъ французской гвардіи въ походѣ 1812 г. въ Россію и раненый на обратномъ пути изъ Москвы, состоялъ на службѣ варшавской тайной полиціи съ 1814 г. вплоть до своей кончины на уличномъ фонарѣ Варшавы въ ночь на 15 авг. 1831 г. Непосредственныя обязанности Шлея сводились къ внутреннему тайному надзору въ Варшавѣ и царствѣ польскомъ и внѣшнему, въ Галиціи, особенно во время турецкой войны при Николаѣ I. Его обширнѣйшіе рапорты, представляемые начальнику штаба в. кн. Константина Павловича ген. Курутѣ, содержатъ доносы на мѣстныхъ жителей, свѣдѣнія о дислокаціи австрійскихъ войскъ въ Галиціи, сообщенія о настроеніи умовъ среди галичанъ и т. п. Помимо этого, Шлей стоялъ во главѣ особой секретной личной контръ-полиціи в. кн. Константина Павловича, оплачиваемой изъ частныхъ его средствъ; онъ производилъ самыя интимныя политическія дознанія, которыхъ великій князь не считалъ возможнымъ поручить общей тайной полиціи, наблюдалъ за дѣятельностью Новосильцова и Рожнецкаго, контролировалъ ихъ частныя и служебныя злоупотребленія и провѣрялъ поступавшіе отъ нихъ доносы, отдѣляя заслуживающіе дѣйствительнаго вниманія отъ вымышленныхъ съ цѣлью провокаціи и по личнымъ побужденіямъ. Существованіе тайной великокняжеской контръ-полиціи не было тайной для Рожнецкаго, который подсылалъ къ Шлею собственныхъ агентовъ съ выраженіемъ мнимой готовности своихъ услугъ и нерѣдко улавливалъ его въ свои умѣло разставленныя сѣти.

Генрихъ Макротъ, сынъ Товіи Макрота, по профессіи парикмахера, состоявшаго въ 1794 г. начальникомъ подвластной Игельстрому варшавской тайной полиціи, еще ученикомъ 6-го класса піарской школы зачисленъ былъ, благодаря стараніямъ своего отца, въ списокъ тайныхъ агентовъ, успѣшно доносилъ на своихъ школьныхъ товарищей и на товарищей по медицинскому факультету варшавскаго университета, затѣмъ занялъ должность помощника Шлея со скромными первоначально обязанностями наблюденія за общественными мѣстами, трактирами, клубами и т. п., но вскорѣ, какъ трудолюбивый и дѣйствительно способный въ избранной имъ области человѣкъ, получилъ самостоятельный отдѣлъ съ правомъ дѣлать доклады ген. Курутѣ и непосредственно вел. князю. Съ помощью десяти агентовъ, въ томъ числѣ собственнаго отца, онъ доставлялъ свѣдѣнія о дѣятельности польскаго великаго востока, наблюдалъ за посольской избой и пользовался выданнымъ ему комендантомъ г. Варшавы особымъ passe-partout — любопытная иллюстрація къ гарантированному конституціей праву: neminem captivari permittemus, nisi jure victum, — предоставлявшимъ въ его распоряженіе воинскую силу для задержанія, обыска и ареста

указанныхъ имъ лицъ. Повѣшенный вмѣстѣ со Шлеемъ въ ночь на 15 авг. 1831 г., Макротъ при жизни велъ совмѣстно съ нимъ упорную подпольную борьбу противъ Рожнецкаго, достигавшую не только великокняжеской резиденціи, но и Петербурга, и не лишенную въ конечномъ своемъ результатѣ извѣстнаго политическаго значенія.

Ген. Рожнецкому подчинена была также высшая военная секретная полиція (haute police secrète militaire), обнимавшая весь внутренній и заграничный сыскъ въ военно-политической области. Самъ Рожнецкій руководилъ тайной освѣдомительной службой въ сосѣднихъ государствахъ, Австріи и Пруссіи, и особенно во входившихъ въ составъ этихъ государствъ польскихъ областяхъ, Галиціи, Познани и Силезіи; болѣе отдаленныя страны, Саксонію, южн. Германію, Швейцарію, Италію и Францію, онъ поручилъ состоявшему при в. кн. Константинѣ Павловичѣ русскому жандармскому полковнику, курляндцу барону Зассу, «служившему еще при имп. Павлѣ, бывавшему во всѣхъ европейскихъ столицахъ, посвящавшему свои досуги романтической поэзіи, автору сентиментальной печатной нѣмецкой новеллы, горячему поклоннику лорда Байрона, самыя послѣднія запрещенныя сочиненія котораго онъ первымъ выписывалъ въ Варшаву и съ вдохновеніемъ собрата по перу декламировалъ своимъ вѣрнымъ друзьямъ, демонстрируя съ восхищеніемъ знатока вслѣдъ за декламаціей выписанные одновременно съ Байрономъ новѣйшіе усовершенствованные приборы для распечатыванія писемъ». Помимо освѣдомительной службы, возложенной на него вел. кн. Константиномъ Павловичемъ, Зассъ исполнялъ еще другую секретнѣйшую обязанность, порученную ему имп. Николаемъ I: онъ регулярно отправлялъ послѣднему тайныя донесенія о вел. кн. Константинѣ Павловичѣ, адресуя ихъ на имя друга Рожнецкаго, шефа русскихъ жандармовъ А. Х. Бенкендорфа; незадолго же до того, во время пребыванія Николая Павловича еще въ качествѣ великаго князя въ Берлинѣ, Зассъ имѣлъ за нимъ тайный надзоръ, выслѣживалъ всѣ его слова и поступки къ свѣдѣнію и по точному приказу Константина Павловича.

Въ близкомъ соприкосновеніи съ дѣятельностью бюро барона Засса находилась дипломатическая канцелярія вел. князя Константина Павловича, состоявшая подъ управленіемъ барона Моренгейма, женатаго на дочери министра внутреннихъ дѣлъ въ царствѣ польскомъ Тадеуша Мостовскаго, принятаго въ высшихъ кругахъ польскаго общества и прекрасно освѣдомленнаго о мѣстныхъ дѣлахъ и настроеніяхъ. Дипломатическая канцелярія вела переписку съ иностранными властями относительно тамошнихъ секретныхъ полицейскихъ распоряженій, находившихся въ связи съ политическими слѣдствіями въ царствѣ польскомъ, исполняла нѣкоторыя наиболѣе

трудныя перлюстраціонныя работы и т. п. Впрочемъ, какъ уже сказано, въ Варшавѣ дѣйствовало особое перлюстраціонное бюро, находившееся въ завѣдываніи полковника Сегтинскаго и удѣлявшее особенное вниманіе корреспонденціи иностранныхъ консуловъ въ Варшавѣ и министровъ царства польскаго, преимущественно съ петербургскими министрами статсъ-секретарями по польскимъ дѣламъ, но вскрывавшее также по приказу Константина Павловича письма всѣхъ сколько-нибудь выдающихся лицъ, за исключеніемъ писемъ княг. Ловичъ, единственнаго человѣка, внушавшаго полное довѣріе своему подозрительному супругу. Есть также основаніе предполагать существованіе особой тайной полиціи, состоявшей въ распоряженіи близкаго друга сенатора Новосильцова и бар. Моренгейма, прусскаго консула въ Варшавѣ Юлія Шмидта, сообщавшаго вел. кн. Константину Павловичу въ видѣ доброжелательныхъ предостереженій результаты своихъ наблюденій надъ внутреннимъ положеніемъ царства польскаго. Кромѣ того, доподлинно извѣстна вполнѣ самостоятельная розыскная дѣятельность собственной канцеляріи Новосильцова, установленной въ 1816 г. и оплачиваемой изъ средствъ царства польскаго.

Тайныя донесенія изъ Литвы сосредоточивались въ отдѣленіи по дѣламъ западныхъ губерній, управляемыхъ тайн. сов. Гинтцомъ. Особымъ отдѣломъ собственной полиціи вел. кн. Константина Павловича завѣдывалъ бывш. адъютантъ вел. князя, блестящій, отличавшійся прекраснымъ манерами, генералъ Фансгэвъ (Fanshave), англичанинъ по происхожденію, наблюдавшій, главнымъ образомъ, за русскими офицерскими кругами въ царствѣ польскомъ при содѣйствіи состоявшаго при вел. князѣ генерала Жандра, «доносчика, презираемаго столько же русскими, сколько и поляками», убитаго въ самомъ началѣ революціи 1830 г. Наконецъ, на западныхъ границахъ царства польскаго, несли полицейскую службу казаки; они производили аресты, эскортировали болѣе важныхъ политическихъ преступниковъ, слѣдили за подозрительными лицами и т. п., произвольно расширяя иногда кругъ своей дѣятельности; такъ, командиръ расположеннаго въ Калишѣ казацкаго донского полка подполковникъ Катасоновъ II вмѣшался въ дѣло о неповиновеніи, оказанномъ учениками 6-го класса калишской воеводской школы своему чрезмѣрно строгому учителю, носившему, кстати сказать, характерную фамилію Нагаевича, и посылалъ по этому поводу секретныя донесенія въ Варшаву.

Хотя тайная полиція царства польскаго должна была, какъ уже сказано, служить противовѣсомъ явной польской полиціи, но въ дѣйствительности организаторы первой не замедлили сблизиться съ руководителями послѣдней на почвѣ совмѣстныхъ злоупотребленій и незаконныхъ поборовъ. Главнымъ связующимъ звеномъ являлось въ данномъ случаѣ дѣло снабженія квартирами распо-

ложенныхъ въ Варшавѣ войскъ. Въ состоявшемъ при варшавской муниципальной полиціи отдѣлѣ по военному постою засѣдали на ряду съ муниципальными чиновниками, вице-президентомъ г. Варшавы, ничтожнѣйшимъ человѣкомъ, Матвѣемъ Любовидзкимъ, совѣтникомъ Михаиломъ Чарнецкимъ и др., представители военной власти, Рожнецкій, Жандръ, Курута и др. Занимая обширные казенные апартаменты, они получали также подъ видомъ квартирныхъ денегъ значительныя суммы въ 40, 60, 80 тысячъ польскихъ злотыхъ; обременяя гражданъ города чрезмѣрными, превосходившими надобности войскъ, требованіями и настаивая на замѣнѣ натуральныхъ повинностей денежными, они дружески дѣлились вытекавшими отсюда доходами до тѣхъ поръ, пока установленная съ вѣдома вел. кн. Константина Павловича особая комиссія не приступила къ ревизіи дѣятельности названнаго отдѣла. Тогда, стремясь спрятать концы въ воду и направить вниманіе правительства въ иную сторону, Рожнецкій и его товарищи прибѣгли къ старому испытанному средству, къ политической провокаціи, и подняли тревогу по поводу открытаго ими «заговора».

«Заговоръ» открылъ помощникъ Любовидзкаго, крещеный еврей Іосифъ — Матвѣй (Іоэль — Моисей) Бирнбаумъ, сынъ варшавскаго шинкаря, управлявшій слѣдственнымъ отдѣломъ при варшавской муниципальной полиціи, избиравшій жертвами своихъ преслѣдованій и вымогательствъ преимущественно бывшихъ единовѣрцевъ, занимавшихся торговлею евреевъ, жестоко пытавшій ихъ при дознаніяхъ, управлявшій также правительственною конторою для найма прислуги и пользовавшійся ею какъ для организаціи систематическаго сыска въ домахъ подозрѣваемыхъ властями лицъ, въ томъ числѣ министра финансовъ кн. Друцкаго-Любецкаго и супруги намѣстника княг. Заіончекъ, такъ и для другихъ, не поддающихся изложенію въ печати цѣлей. Столь разностороннюю дѣятельность въ самой Варшавѣ, закончившуюся на веревкѣ во время революціи 1830 г., Бирнбаумъ соединялъ съ исполненіемъ тайныхъ заграничныхъ миссій, возлагаемыхъ на него вполнѣ довѣрявшимъ ему ген. Рожнецкимъ. Въ началѣ 1821 г. онъ былъ отправленъ послѣднимъ въ турнэ по нѣмецкимъ университетамъ и здѣсь, выступая въ академическомъ костюмѣ, громя деспотовъ и широко распространяясь о своихъ патріотическихъ и революціонныхъ убѣжденіяхъ и о связяхъ съ масонами и буршами, втерся въ среду обучавшихся въ Германіи поляковъ и по возвращеніи въ Варшаву сдѣлалъ подробный доносъ о существованіи какого-то тайнаго революціоннаго академическаго интернаціонала, обнимающаго не только Германію, но и всю Европу, съ главнымъ очагомъ въ Бреславлѣ, откуда бы долженъ быть данъ сигналъ къ революціи при дѣятельномъ участіи краковскихъ и варшавскихъ студентовъ. Доносъ Бирнбаума, заключавшій при всей своей бездоказательности

обороты, свидѣтельствующіе о редактированіи его болѣе интеллигентными лицами, Любовидзкимъ, Рожнецкимъ или самимъ Новосильцовымъ, послужилъ предлогомъ къ первымъ широкимъ политическимъ слѣдствіямъ въ царствѣ польскомъ. Въ возбужденіи этихъ слѣдствій въ равной мѣрѣ были заинтересованы всѣ три предполагаемыхъ редактора доноса: Новосильцовъ съ цѣлью реализаціи реакціоннаго настроенія имп. Александра, погребенія мысли объ инкорпораціи литовскихъ губерній, задержанія созыва сейма, срокъ которому наступалъ въ слѣдующемъ 1822 г., разгромленія польскаго масонства и разрушенія просвѣтительнаго дѣла въ царствѣ польскомъ; Любовидзкій—съ цѣлью расширенія предѣловъ своей власти и своихъ доходовъ и пріобщенія къ доходнымъ секретно-полицейскимъ занятіямъ; наконецъ Рожнецкій — съ цѣлью сосредоточенія въ своихъ рукахъ всѣхъ тайно-полицейскихъ развѣтвленій и обезвреженія опасной для него контръполиціи.

Доносъ Бирнбаума, представленный въ іюнѣ 1821 г. вел. кн. Константину Павловичу, сильно раздраженному въ послѣднее время извѣстіями о союзѣ калишскихъ лицеистовъ, объ академическихъ обществахъ въ Варшавскомъ университетѣ и дѣломъ Гельтмана и Піонткевича, возымѣлъ своимъ слѣдствіемъ приказъ вел. князя о принятіи мѣръ къ обузданію польскихъ студентовъ. Начертаніе плана этихъ мѣръ поручено было сенатору Новосильцову. Исполняя данное ему предписаніе, Новосильцовъ выработалъ проектъ... централизаціи и усиленія тайной полиціи, видя въ немъ наиболѣе дѣйствительное средство къ умиротворенію польской молодежи. Ему нетрудно было подтвердить настоятельную необходимость своего проекта ссылкой на «тревожныя событія» самаго послѣдняго времени, на появленіе въ іюлѣ того же 1821 года на дверяхъ варшавской публичной библіотеки крайне подозрительной надписи: «Угроза покушенія на жизнь его имп. велич. великаго князя» и на обнаруженіе при заарестованномъ въ польской пограничной таможнѣ Гербы по указанію Бирнбаума студентѣ Мошинскомъ опасныхъ, признанныхъ «карбонарскими», пѣсенъ, бумагъ, касавшихся организаціи краковскихъ буршей, формулъ дѣтскихъ присягъ въ соблюденіи союзныхъ тайнъ и т. п. Проектъ Новосильцова вскорѣ получилъ санкцію вел. князя Константина Павловича. Уже въ половинѣ августа 1821 г. открыло свои дѣйствія «центральное бюро полиціи для Варшавы и царства польскаго» (bureau central de police) подъ главнымъ предсѣдательствомъ Рожнецкаго, ставшаго, благодаря этому назначенію, во главѣ всей тайной полиціи царства. Это новое учрежденіе, явившееся прототипомъ знаменитаго петербургскаго третьяго отдѣленія, подчиняло своей власти участковыхъ комиссаровъ, жандармскихъ офицеровъ и всѣхъ низшихъ полицейскихъ чиновъ и стремилось къ обузданію столь

неудобныхъ employés, какъ Шлей и Макротъ, т.-е. контръ-полиціи. Немедленно послѣ установленія «центральнаго бюро» произведена была реорганизація и усиленіе муниципальной варшавской полиціи, получившей, несмотря на протестъ министра внутреннихъ дѣлъ Мостовскаго, но при поддержкѣ министра финансовъ кн. Друцкаго-Любецкаго особый отдѣлъ тайной городской полиціи.

Реформированная въ 1821 г. тайная полиція царства польскаго, усиленная въ своемъ составѣ и располагавшая значительными матеріальными средствами, выпущена была теперь за добычей; она погналась сначала за мелкимъ звѣремъ—за гимназистами и студентами, но вскорѣ напала на болѣе крупный слѣдъ, на національное масонство. Въ это именно время Лукасинскій основывалъ свое «патріотическое общество».

IV.

Непосредственная побудительная причина, заставившая Лукасинскаго прекратить дѣятельность организованнаго имъ національнаго масонства, исходила изъ великаго княжества познанскаго. Княжество это, оторванное на вѣнскомъ конгрессѣ стараніями прусскихъ дипломатовъ отъ бывшаго варшавскаго герцогства, имѣло крупное значеніе для польской политики Россіи. Согласно первоначальнымъ планамъ Александра I оно должно было послужить къ территоріальному расширенію образованнаго въ 1815 г. царства польскаго наравнѣ съ пятью литовскими губерніями, пріобрѣтенными Екатериной II. Считаясь съ этими намѣреніями русскаго императора и предвидя возможность вооруженнаго столкновенія съ Россіей изъ-за познанскаго княжества, прусское правительство стремилось доброжелательнымъ отношеніемъ къ своимъ познанскимъ подданнымъ, предоставленіемъ поста намѣстника великаго княжества познанскаго кн. Антону Радзивиллу и другими національными и политическими послабленіями и уступками создать въ средѣ тамошняго польскаго общества нѣкоторую конкуренцію первоначальной либеральной политикѣ Александра. Образованіе польской арміи въ царствѣ вызвало въ прусскихъ сферахъ проектъ организаціи въ великомъ княжествѣ познанскомъ особыхъ польскихъ войскъ. Женитьба Константина Павловича на励полькѣ Іоаннѣ Грудзинской, встрѣченная въ Берлинѣ съ крайнею враждебностью, едва не привела къ браку кн. Вильгельма прусскаго съ кн. Элизой Радзивиллъ. Въ рѣчахъ Александра I на варшавскомъ сеймѣ 1818 г. и во всей его тактикѣ по отношенію къ полякамъ въ первые годы послѣ вѣнскаго конгресса прусское правительство видѣло открытое выраженіе наступательныхъ намѣреній императора. «Для Россіи, переступившей Вислу,—писалъ въ 1818 г. кн. Антону Радзивиллу ген. Амилькаръ Косинскій, которому прусское правительство поручило организацію польскихъ войскъ въ познанскомъ

княжествѣ,—является абсолютно необходимымъ передвинуть еще дальше свои границы; оба русскихъ фланга висятъ теперь въ воздухѣ, а съ праваго собственныя польскія владѣнія Россіи окружены Пруссіей; Россія принуждена поэтому обезопасить свои границы, опереться на р. Одеръ, стародавній рубежъ славянскихъ народовъ, и тогда это соединеніе поляковъ съ русскими обезпечитъ первымъ ихъ независимость».

Изложенными обстоятельствами выясняется въ значительной степени роль національнаго масонства въ великомъ княжествѣ познанскомъ: укрѣпляя національный духъ въ тамошнихъ польскихъ гражданахъ, оно должно было подготовить почву къ сліянію познанскаго княжества съ царствомъ польскимъ. Въ виду этого, замѣна бюста имп. Александра изображеніемъ Косцюшки, совершонная, какъ сказано выше, познанскими масонами, находилась въ противорѣчіи съ цѣлями, которыя преслѣдовалъ Лукасинскій, развивавшій дѣятельность національнаго масонства соотвѣтственно реституціоннымъ обѣщаніемъ Александра I; эта замѣна, желанная, конечно, съ польской національной точки зрѣнія, могла отшатнуть Александра отъ исполненія его первоначальныхъ плановъ, ускорить его поворотъ съ сторону реакціи; она отвѣчала лишь видамъ прусскаго правительства, менѣе опасавшагося, по выраженію проф. Аскеназы, появленія въ познанскомъ княжествѣ тѣни почившаго вождя Косцюшки, чѣмъ образа живого польскаго короля Александра.

Лукасинскій и его единомышленники сознавали, что объединеніе разрозненныхъ польскихъ областей возможно только при содѣйствіи одной изъ державъ, подѣлившихъ Рѣчь Посполитую; они возлагали въ данномъ случаѣ надежды не на Пруссію и не на Австрію, считая ихъ противницами возстановленія самаго имени «полякъ», а на одну только Россію, какъ на державу, уже многое сдѣлавшую въ этомъ направленіи на вѣнскомъ конгрессѣ; репрессіи и обиды, испытанныя ими со стороны Россіи, они признавали явленіемъ временнымъ и твердо вѣрили въ возможность мирнаго сожительства всѣхъ поляковъ подъ одною русскою кровлею. Какъ при основаніи національнаго масонства, такъ и теперь, организуя патріотическое общество, Лукасинскій не стремился ни къ сверженію установленнаго въ царствѣ правительства ни къ измѣненію дарованной полякамъ Александромъ конституціи; онъ высоко цѣнилъ эту конституцію и на ней именно строилъ свои планы; онъ хотѣлъ лишь оберечь ее отъ всякихъ посягательствъ и нарушеній, тѣсно связывая мысль о сохраненіи конституціоннаго царства польскаго съ мыслью о сліяніи его съ другими польскими областями и особенно съ Литвой и великимъ княжествомъ познанскимъ. Противникъ республиканской формы правленія, Лукасинскій протестовалъ даже противъ навязываемаго ему ретроспективнаго идеала конституціи 3 мая 1791 г., которая почти ничего

не сдѣлала для разрѣшенія столь близкаго ему крестьянскаго вопроса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не считалъ возможнымъ оставаться пассивнымъ зрителемъ происходившей въ царствѣ польскомъ реакціонной оргіи, нарушеній конституціи и отказовъ въ созывѣ сейма; настражѣ находившихся въ опасности конституціонныхъ благъ страны онъ хотѣлъ поставить сознательное, сорганизованное польское общество, пробудить его отъ спячки и укрѣпить его энергію. Этимъ именно цѣлямъ должно было содѣйствовать основываемое имъ патріотическое общество.

По образцу карбонарскихъ организацій, въ патріотическомъ обществѣ примѣнялась т. наз. цѣпная система съ подраздѣленіемъ на провинціи, округа и гмины. Провинцій было семь: варшавская, познанская, литовская, волынская, краковская, львовская и военная. Въ составъ провинціи входило не менѣе трехъ округовъ; въ составъ округа—не менѣе трехъ и не болѣе девяти гминъ; въ составъ гмины—не менѣе трехъ и не болѣе десяти членовъ. Принимаемый въ члены давалъ присягу употребить всѣ силы для «воскрешенія своей несчастной, но дорогой матери», посвятить для ея свободы и независимости имущество и жизнь, не открывать довѣренныхъ ему тайнъ и не щадить крови какъ измѣнника, такъ и всякаго злоумышляющаго противъ родины. Фактическимъ руководителемъ всего союза былъ Лукасинскій; онъ же занялъ наиболѣе опасное и наиболѣе отвѣтственное мѣсто начальника военной провинціи, обнимавшей всю армію царства польскаго и, какъ кажется, отчасти литовскій корпусъ. Онъ обнаружилъ большую энергію въ дѣлѣ распространенія своей организаціи, объединилъ съ нею учрежденное капитаномъ 1-го полка польскихъ улановъ Францомъ Маевскимъ общество польскихъ «тампліеровъ», основалъ четыре округа въ войскѣ и обратилъ особенное вниманіе на литовскія губерніи имперіи, перенеся центръ своей дѣятельности съ запада на востокъ, изъ великаго княжества познанскаго въ Литву. Но онъ не добился сколько-нибудь существенныхъ результатовъ и не пріуготовилъ почвы для болѣе или менѣе широкаго политическаго предпріятія. Его новое общество охватывало слишкомъ большое пространство—всю историческую Польшу—и разсчитано было на слишкомъ продолжительное для конспиративной органицаціи существованіе; оно основывалось на непониманіи коренныхъ чертъ польскаго народа, мало склоннаго къ конспиративной работѣ, и находилось въ противорѣчіи съ самою сущностью польскаго вопроса въ тогдашнемъ его фазисѣ, такъ какъ не признавало его проблемой международнаго характера, а только внутреннимъ польско-русскимъ споромъ.

Дѣятельность патріотическаго общества, какъ уже сказано, протекала въ значительно менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ дѣятельность національнаго масонства. Національное масонство было основано, какъ извѣстно, въ 1819 г., въ промежуточный

моментъ между оканчивавшимся конституціоннымъ періодомъ въ жизни царства польскаго и воцарявшейся въ немъ реакціей. Хотя сокровенныя цѣли, преслѣдуемыя имъ, оставались достояніемъ однихъ только главныхъ организаторовъ, но самый фактъ существованія этого союза не былъ тайной для правительства; прикрываясь формами терпимаго обыкновеннаго масонства и дѣйствуя въ согласіи съ первоначальной либеральной политикой Александра I, національное масонство гарантировало себѣ нѣкоторую безопасность на случай возбужденія противъ себя преслѣдованія. Патріотическое же общество было учреждено въ 1821 г., когда и Александръ успѣлъ сжечь за собой либеральные мосты и Новосильцовъ реорганизовать тайную полицію; оно ставило своею цѣлью не поддержку либеральныхъ намѣреній Александра — въ этихъ добрыхъ намѣреніяхъ поляки уже окончательно извѣрились, — а осуществленіе ихъ помимо государя; совершенно подпольное, дѣйствовавшее безъ вѣдома правительства, оно основывалось исключительно на безусловной, строжайшей тайнѣ. Особенной опасности оно подвергалось съ ноября 1821 г., когда Новосильцову удалось добиться изданія указа о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ царствѣ польскомъ. Впрочемъ, указъ этотъ не былъ направленъ непосредственно противъ патріотическаго общества — о существованіи его Новосильцову тогда еще не было извѣстно, — а имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, варшавскій великій востокъ.

Съ начала 1821 г. великій востокъ находился въ состояніи агоніи. Ген. Рожнецкій, занявшій въ этомъ году постъ великаго мастера, стремился къ ускоренію конца всей масонской организаціи, не только переставшей интересовать имп. Александра, но даже являвшейся для него теперь неудобнымъ и компрометирующимъ балластомъ. Въ своей новой роли великаго мастера ген. Рожнецкій продолжалъ оставаться прежде всего главноначальникомъ тайной полиціи; онъ сносился съ верховнымъ варшавскимъ капитуломъ черезъ завѣдывавшаго тайной полиціей полк. Кемпена, словно признавая масонскія дѣла простою отраслью полицейской службы. Умирающую масонскую организацію доконалъ названный уставъ о закрытіи тайныхъ союзовъ; къ польскому великому востоку онъ былъ примѣненъ какъ къ обществу, которое хотя дѣйствовало наполовину явно и въ теченіе нѣкотораго времени даже удостоивалось высокаго покровительства самого имп. Александра, но не пользовалось, конечно, офиціальнымъ «разрѣшеніемъ начальства». За закрытіемъ польскаго масонства послѣдовала его ликвидація; она сводилась къ конфискаціи масонскихъ архивовъ, декорацій и знаковъ и къ распоряженію значительнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ великаго востока. Этимъ послѣднимъ вопросомъ особенно заинтересовался сенаторъ Новосильцовъ, главный виновникъ гибели польскаго масонства. Особая центральная ко-

миссія, установленная подъ предсѣдательствомъ Рожнецкаго, предназначила одну часть бывшихъ масонскихъ капиталовъ на нужды... центральнаго бюро полиціи, а другую на дѣла благотворенія, но хитроумные счеты этой комиссіи донынѣ не поддаются провѣркѣ; она оцѣнила все масонское наслѣдіе въ 300 тысячъ польскихъ злотыхъ, тогда какъ по свѣдѣніямъ, идущимъ отъ самихъ масоновъ, имущество ихъ достигало 2 милліоновъ. Расхищеніе масонскихъ капиталовъ, формально законченное въ 1829 г., продолжалось, однако, и впослѣдствіи, и только при намѣстникѣ царства польскаго гр. Паскевичѣ этотъ обильный источникъ доходовъ былъ исчерпанъ до дна.

Одновременно съ походомъ противъ польскихъ масоновъ Новосильцовъ велъ слѣдствіе по поводу организацій среди польской учащейся молодежи въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Краковѣ и Варшавѣ. «Для глубокаго стратега, каковымъ былъ Новосильцовъ, — говоритъ проф. Аскеназы, — не существовало малыхъ дѣлъ». Противъ игравшихъ въ «буршей» дѣтей могущественный сенаторъ ополчился съ той же энергіей, какую обнаружилъ въ борьбѣ съ масонами. Ему нужно было обезпокоить имп. Александра, разъярить Константина Павловича и подкопаться подъ виленскаго попечителя кн. Чарторыскаго. Бумаги, найденныя при задержанномъ по указанію Бирнбаума студентѣ Мошинскомъ, новые матеріалы касательно организацій краковскихъ буршей и сношеній ихъ съ варшавскими студентами, полученные изъ Кракова, наконецъ обнаруженіе при содѣйствіи русскаго посла въ Берлинѣ Алопеуса, состоявшаго на жалованіи прусскаго правительства, берлинской полоніи и варшавской пантакойны дали основаніе Новосильцову потребовать заарестованія Мауэрсбергера и многихъ другихъ студентовъ и установленія чрезвычайной слѣдственной комиссіи вопреки точному смыслу конституціи царства польскаго и въ нарушеніе гарантируемыхъ ею неприкосновенности и независимости судопроизводства. На совѣщаніи съ представителями гражданской власти края и въ рапортахъ къ имп. Александру Новосильцовъ представлялъ все поднятое имъ дѣло въ видѣ государственнаго преступленія, предусмотрѣннаго уголовнымъ кодексомъ. Но слѣдственная комиссія не согласилась съ этой квалификаціей проступка заарестованныхъ студентовъ; руководимая честнымъ человѣкомъ, замѣстителемъ военнаго министра ген. Гауке — на предоставленіи послѣднему обязанностей предсѣдателя комиссіи настоялъ в. кн. Константинъ Павловичъ, не довѣрявшій Новосильцову и видѣвшій въ немъ ложнаго доносчика, — она отвергла обвиненіе въ государственномъ преступленіи и признала лишь легкомысліе, проявленное въ организаціи тайнаго союза, возникшаго впрочемъ до изданія указа о запрещеніи тайныхъ обществъ; съ мнѣніемъ комиссіи согласился административный совѣтъ царства и постановилъ освободить заарестованныхъ.

Неудача эта не обезкуражила Новосильцова. Черезъ годъ, лѣтомъ 1823 г., онъ возобновилъ свои слѣдственныя дознанія, на этотъ разъ въ Литвѣ. Дѣло, давшее Новосильцову поводъ поднять тревогу, представляло въ сущности дѣтскую шалость. Ученикъ 5-го класса виленской гимназіи Михаилъ Плятеръ написалъ на классной доскѣ 3 мая 1823 г., въ день годовщины конституціи 1791 г.: «Да здравствуетъ конституція 3 мая», а другіе товарищи добавили къ этому: «Какое пріятное воспоминаніе для насъ, соотечественниковъ, но некому о ней напомнить». Черезъ недѣлю послѣ этого на стѣнѣ виленскаго доминиканскаго монастыря появилась новая, начертанная таинственною рукою на польскомъ языкѣ надпись: «Да здравствуетъ конституція 3 мая, смерть *диспотимъ*, дай Богъ, чтобы это сбылось». Характерное содержаніе этой второй надписи, особенная ея орѳографія и моментъ, избранный для ея появленія, живо напоминающій обнаруженныя два года тому назадъ въ нужное Новосильцову время революціонныя надписи на дверяхъ варшавской публичной библіотеки, позволяютъ думать, что въ обоихъ случаяхъ, и въ Варшавѣ, въ 1821 г., и теперь въ Вильнѣ, въ 1823 г., дѣйствовала рука одного и того же режиссера-провокатора. Мѣстный военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ отнесся къ проступку Плятера и къ монастырской надписи съ большимъ вниманіемъ, лично съ необычайной для него энергіей вмѣшался въ это дѣло и представилъ Константину Павловичу рапортъ съ обвиненіемъ начальства Виленскаго университета, подъ надзоромъ котораго состояли учебныя заведенія Виленскаго округа, въ преступнѣйшемъ попустительствѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что за спиною этого стараго, неподвижнаго, лишеннаго всякой иниціативы и мало склоннаго къ доносамъ губернатора скрывался самъ Новосильцовъ. Подпольная работа его была направлена въ первую очередь противъ кн. Адама Чарторыскаго, занимавшаго въ то время постъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, реформировавшаго Виленскій университетъ, пригласившаго на каѳедры крупнѣйшія ученыя силы, высоко поднявшаго преподаваніе въ подчиненныхъ университету учебныхъ заведеніяхъ восьми литовскихъ губерній, но ведшаго воспитаніе молодежи въ національномъ польскомъ духѣ и, по собственному признанію Новосильцова, задержавшаго этою своею дѣятельностью на сто лѣтъ руссификацію Литвы. «Ненависть, которую Новосильцовъ питалъ къ Чарторыскому, — говоритъ проф. Аскеназы, — была однимъ изъ наиболѣе сильныхъ чувствъ, господствовавшихъ въ гнилой душѣ этого человѣка; эта ненависть впрочемъ вполнѣ понятна, такъ какъ, помимо политическаго антагонизма, у Новосильцова было даже слишкомъ много личныхъ побужденій къ ней: онъ обязанъ былъ кн. Адаму своей карьерой, долженъ былъ ему деньги, обидѣлъ его; и чѣмъ болѣе онъ обижалъ его, тѣмъ сильнѣе долженъ былъ ненавидѣть согласно

старой аксіомѣ: odisse quem laeseris... Онъ лишилъ уже Чарторыскаго монаршаго довѣрія, отстранилъ его отъ власти, удалилъ изъ Варшавы, но не довольствовался этимъ, не считалъ дѣла оконченнымъ; онъ опасался, что имп. Александръ вновь начнетъ прислушиваться къ голосу Чарторыскаго, что тотъ вновь пріобрѣтетъ утраченное вліяніе, и для предотвращенія этого порѣшилъ свергнуть его съ послѣдняго офиціальнаго поста, занимаемаго имъ, съ должности виленскаго попечителя».

В. кн. Константинъ Павловичъ, подстрекаемый Новосильцовымъ, который выставлялъ рапортъ Римскаго-Корсакова въ видѣ доказательства перенесенія въ Литву одного изъ звеньевъ громадной цѣпи польскихъ заговоровъ, тайно поддерживаемыхъ Виленскимъ университетомъ и попечителемъ Виленскаго округа, постановилъ дать устрашающій примѣръ наложеніемъ возможно суровой кары на виленскую учащуюся молодежь. Онъ приказалъ арестовать ректора Виленскаго университета Твардовскаго и директора гимназіи, въ которой обучался Плятеръ, Скочковскаго, а самого Плятера и троихъ его товарищей заключить въ тюрьму; одновременно съ этимъ онъ донесъ имп. Александру о случившемся въ Вильнѣ, какъ о дѣлѣ весьма серьезномъ, и совѣтовалъ четверыхъ виновныхъ учениковъ «опредѣлить въ дальнѣйшіе сибирскіе гарнизоны рядовыми»; «мнѣніе мое,— писалъ в. князь государю,— основывается на томъ, что духъ въ воспитанникахъ Виленскаго университета всегда былъ и не перестаетъ быть весьма безпокойнымъ и возмутительнымъ, что начальство университета оному явно потворствуетъ». Для производства дознанія отправленъ былъ въ Вильну Новосильцовъ. Онъ учредилъ здѣсь лѣтомъ 1823 г. особую слѣдственную комиссію по университетскимъ дѣламъ въ составѣ директора своей варшавской канцеляріи ст. сов. Байкова, полицмейстера г. Вильны Шлыкова, совѣтника виленскаго губернскаго правленія Лавриновича и виленскаго губернскаго прокурора Ботвинки. Комиссія, напавши на слѣдъ существовавшаго въ Свислочи «ученаго», позднѣе «моральнаго» ученическаго общества и дознавшись объ участіи въ этомъ обществѣ Іосифа Гельтмана, произвела внезапную ревизію у брата послѣдняго, уже знакомаго намъ Виктора Гельтмана, нѣкогда редактора «Польской Декады», а нынѣ канонира 1-ой батареи артиллерійской бригады, расположенной вблизи Бреста, подвергла его допросу и добилась отъ него весьма существенныхъ показаній. Оторванный отъ родственниковъ и друзей, духовно измученный, думавшій теперь лишь о собственномъ спасеніи, Викторъ Гельтманъ сознался въ своей принадлежности къ тайному варшавскому союзу «свободныхъ поляковъ», оговорилъ цѣлый рядъ лицъ, разсказалъ о собраніяхъ варшавскихъ лицеистовъ на Дынасовскихъ горахъ, далъ новыя свѣдѣнія о гимназическомъ обществѣ въ Свислочи, утверждая всѣмъ этимъ вел. князя

Константина Павловича въ представленіи о какой-то вездѣсущей, широко развѣтвленной, тѣсно сплоченной и постепенно проникающей наружу конспиративной польской сѣти, успѣвшей уже проникнуть въ армію царства польскаго и грозящей литовскому корпусу, выставляемому вел. княземъ въ видѣ образца политической лойяльности.

Показанія Гельтмана вызвали обостреніе и расширеніе слѣдственныхъ репрессій въ Вильнѣ и возобновленіе уже прекращенныхъ было слѣдствій въ Варшавѣ. Задержанный по указанію Гельтмана на ряду со многими другими лицами бывшій членъ «моральнаго» общества въ Свислочи Янъ Янковскій, принятый впослѣдствіи въ общество филаретовъ въ Вильнѣ, раскрылъ на допросѣ все извѣстное ему объ этомъ послѣднемъ обществѣ, вызывая новые массовые аресты въ средѣ литовской молодежи съ Мицкевичемъ и Заномъ во главѣ. Къ дѣлу о филаретахъ присоединились вскорѣ новыя дѣла о литовскихъ ученическихъ организаціяхъ въ Крожахъ, Кейданахъ, Поневѣжѣ, Ковнѣ. Установленный въ Вильнѣ подъ предсѣдательствомъ ген. Розена военный судъ приговорилъ въ февралѣ 1824 г. двухъ членовъ общества «черныхъ братьевъ» въ Крожахъ, Виткевича и Янчевскаго, къ смертной казни, замѣненной десятилѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости; четверыхъ другихъ — къ сдачѣ безъ выслуги въ солдаты. Въ апрѣлѣ тотъ же судъ приговорилъ двухъ малолѣтнихъ учениковъ кейданской школы, Молесона и Тира, къ смертной казни, замѣненной каторжными работами въ Нерчинскихъ рудникахъ; четверыхъ другихъ — къ работамъ въ Бобруйской крѣпости, а затѣмъ къ сдачѣ въ солдаты въ тобольскій гарнизонъ, сама же кейданская школа была закрыта, какъ зловредный очагъ. Затѣмъ уже не за участіе въ тайныхъ обществахъ, а просто за воззванія и стишки, виленскій военный судъ приговорилъ въ маѣ ученика поневѣжской школы Венцковича къ сдачѣ въ солдаты въ оренбургскій гарнизонъ; въ іюнѣ—двухъ учениковъ ковенской школы, Ольшевскаго и Дембинскаго, къ смертной казни, замѣненной крѣпостными работами и гарнизонной службой. Наконецъ, особый петербургскій комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія дѣлъ о безпорядкахъ въ Виленскомъ университетѣ и свислочской гимназіи, въ составѣ ген. Аракчеева, министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова и самого Новосильцова, приговорилъ изъ общаго числа 108 подсудимыхъ 20 человѣкъ къ тюремному заключенію на разные сроки, а другихъ къ ссылкѣ въ Уфу, Оренбургъ, Архангельскъ, къ переводу на службу въ русскія губерніи — этому наказанію былъ среди другихъ подвергнутъ Мицкевичъ — и т. п.; постановленіемъ комитета увольнялось нѣсколько талантливыхъ профессоровъ Виленскаго университета, въ томъ числѣ Лелевель, усиливался школьный надзоръ, вводилась строгая цензура и измѣнялась въ реакціонномъ духѣ вся система обществен-

наго воспитанія въ Литвѣ. Переводя въ Россію виновныхъ студентовъ, петербургскій комитетъ, по собственному его признанію, руководствовался желаніемъ лишить ихъ возможности распространять въ польскихъ губерніяхъ «неразумную польскую національность». «Въ этомъ именно, — говоритъ проф. Аскеназы, — былъ корень дѣла, въ этомъ главное торжество Новосильцова, въ этомъ болѣе глубокое и болѣе общее политическое значеніе всѣхъ этихъ литовскихъ процессовъ... Публично признавалось «неразумнымъ», недопустимымъ самое понятіе польской національности въ Литвѣ, публично отмѣнялось и осуждалось первоначальное обѣщаніе соединенія Литвы съ царствомъ, закрывались виды на легальное осуществленіе реституціонной идеи, и оставлялся лишь выборъ между безропотнымъ подчиненіемъ и вступленіемъ на революціонный путь».

Показанія Гельтмана, какъ сказано, вызвали возобновленіе слѣдствій въ Варшавѣ. Самъ Гельтманъ избѣжалъ, конечно, наказанія и даже былъ произведенъ въ офицеры. Впослѣдствіи, во время польской революціи 1830—31 гг., онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ арміи Дибича противъ польскихъ повстанцевъ, но, раненый поляками и взятый ими въ плѣнъ, перешелъ на ихъ сторону и сражался въ рядахъ польскихъ революціонныхъ войскъ до самаго конца возстанія. Послѣ подавленія послѣдняго онъ эмигрировалъ въ Парижъ и былъ здѣсь однимъ изъ руководителей т. наз. демократическаго общества, стремившагося къ «неразрывному объединенію интересовъ Польши съ интересами всего человѣчества» и заключавшаго символъ своей вѣры въ краткомъ девизѣ: «Все для народа и черезъ народъ». Что касается оговоренныхъ Гельтманомъ членовъ союза «свободныхъ поляковъ», Брониковскаго, Мохнацкаго и др., то они послѣ продолжительнаго предварительнаго заключенія были выпущены на свободу какъ за давностью ихъ преступленія, такъ и за недоказанностью существованія организованнаго ими союза послѣ изданія указа о запрещеніи тайныхъ обществъ. Впрочемъ, освобожденіемъ своимъ «свободные поляки» въ еще большей степени обязаны были тому обстоятельству, что къ этому времени успѣли пасть болѣе крупныя и болѣе достойныя полицейскаго рвенія Новосильцова жертвы, а именно Лукасинскій и его товарищи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ основанія Лукасинскимъ патріотическаго общества тайна существованія его стала постепенно проникать наружу. Уже лѣтомъ 1821 г. в. кн. Константинъ Павловичъ получилъ отъ одного изъ учредителей національнаго масонства, бывшаго полковника Августина Шнайдера, нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи патріотическаго общества, именно 4-ый § устава, трактующій о гминахъ; въ мартѣ слѣдующаго года многія данныя о польской «конспираціи» стали достояніемъ министра ино-

странныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде, которому русскій посолъ въ Парижѣ гр. Поццо ди-Борго переслалъ содержаніе доноса отставного артиллерійскаго офицера Яна Карскаго, получившаго отъ одного изъ близкихъ Лукасинскому лицъ порученіе напечатать во французскихъ газетахъ статью о роли Новосильцова въ царствѣ польскомъ, о цензурномъ гнетѣ, преслѣдованіи молодежи и т. п. Лукасинскій, заарестованный 25 окт. 1822 г. и отданный въ руки «комиссіи для разслѣдованія національнаго масонства» — о существованіи патріотическаго общества у правительства все еще не было достаточныхъ свѣдѣній — сознался въ основаніи имъ національнаго масонства, представляя его въ видѣ особой масонской ложи, преслѣдующей чисто идейныя, національныя цѣли, указалъ на иниціативу въ данномъ случаѣ ген. Рожнецкаго, но охотно бралъ на себя всю отвѣтственность, заботливо выгораживая другихъ заключенныхъ товарищей и стараясь связать нѣкоторыя уже обнаруженныя подробности объ организаціи патріотическаго общества съ дѣятельностью національнаго масонства. Преданный съ пятью другими товарищами военному суду, онъ былъ приговоренъ 14 іюня 1824 г. къ 9-тилѣтнему тюремному заключенію, сокращенному имп. Александромъ до 7-ми лѣтъ. Этотъ суровый обвинительный приговоръ не вызывался, однако, убѣжденностью судей въ преступности Лукасинскаго и его товарищей. «Я знаю ихъ, — говорилъ про подсудимыхъ предсѣдатель суда ген. Гауке, — такъ какъ они служили подъ моимъ начальствомъ въ Замостскомъ гарнизонѣ; это честные люди и патріоты, поэтому они несомнѣнно виновны». Осужденіе Лукасинскаго признавалось необходимымъ для блага страны, для сохраненія ея учрежденій, для удовлетворенія имп. Александра, отрекшагося отъ мысли о соединеніи разрозненныхъ польскихъ областей, отъ той реституціонно-національной идеи, которую нѣкогда онъ признавалъ и проповѣдывалъ, которая раздѣлялась значительною частью польскаго общества и самоотверженнымъ выразителемъ которой являлся майоръ Лукасинскій.

Утвержденный государемъ приговоръ прочитанъ былъ Лукасинскому 2 окт. 1824 г. въ лагерѣ за Повонзковскою заставою въ присутствіи войскъ варшавскаго гарнизона и многочисленныхъ зрителей. Въ сѣромъ тюремномъ халатѣ вмѣсто офицерскаго мундира, сорваннаго рукою варшавскаго палача, въ кандалахъ, съ бритою головою, съ телѣжкою въ рукахъ, Лукасинскій промаршировалъ при барабанномъ боѣ передъ фронтомъ выстроенныхъ войскъ; затѣмъ непосредственно съ мѣста своей гражданской казни онъ былъ доставленъ въ крѣпость Замость для отбыванія наказанія. Въ Замостѣ онъ на ряду съ другими приговоренными къ каторжнымъ работамъ занимался ежедневно, не исключая праздниковъ, возведеніемъ валовъ, тасканіемъ мусора и песка, тесаніемъ камня, выдѣлкой извести; на ряду съ другими онъ подлежалъ примѣняв-

шимся въ крѣпости тѣлеснымъ наказаніямъ, для которыхъ употреблялись установленнаго образца палки въ полтора дюйма толщиной, на ременномъ темлякѣ. Помѣщенный въ палатѣ съ десятью другими каторжанами, Лукасинскій любилъ въ долгіе вечера разсказывать своимъ товарищамъ по заключенію незнакомые имъ эпизоды изъ древней исторіи, говорилъ о Спартѣ, Мессинѣ и Ѳивахъ, о Пелопидѣ и Эпаминондѣ, о сверженіи ѳиванцами спартанскаго ига, о греческихъ герояхъ, боровшихся за свободу; говорилъ также о Польшѣ. Вскорѣ послѣ его заключенія и съ его вѣдома организованъ былъ среди замостскихъ узниковъ подъ непосредственнымъ руководствомъ нѣкоего Тадеуша Суминскаго, сына помѣщика, рядового I пѣхотнаго линейнаго полка имени в. кн. Михаила Павловича, отбывавшаго наказаніе за нарушеніе военной дисциплины и за побѣгъ, заговоръ, направленный къ захвату крѣпости и бѣгству въ Галицію. Заговоръ этотъ не удался, а главные виновники его, Лукасинскій и Суминскій, были приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, которую в. кн. Константинъ Павловичъ замѣнилъ удвоеніемъ срока заключенія и тѣлеснымъ наказаніемъ. 17 окт. 1825 г. Суминскій въ присутствіи Лукасинскаго получилъ 400 ударовъ. Въ тотъ же день Лукасинскій сдѣлалъ впервые подробное признаніе о патріотическомъ обществѣ, объ организаціи и развѣтвленіи его. Трудное и неблагородное дѣло доискиваться причинъ этого шага со стороны Лукасинскаго, но, несомнѣнно, что, чѣмъ бы шагъ этотъ ни былъ вызванъ,— инстинктомъ ли самосохраненія или безнадежностью отчаянія— проф. Аскеназы склоняется къ послѣднему мнѣнію, — онъ не повлекъ за собою преслѣдованій другихъ участниковъ патріотическаго общества. Аресты, произведенные въ Варшавѣ въ началѣ 1826 г. по приказанію Николая I, находились въ связи не съ показаніями Лукасинскаго, а со слѣдствіемъ по дѣлу декабристовъ, которое привело къ обнаруженію сношеній патріотическаго общества съ русскимъ южнымъ обществомъ; заарестованный еще въ 1822 г., Лукасинскій не зналъ даже о переговорахъ, которые вели въ 1824 г. гвардейскій полковникъ Кржижановскій съ Бестужевымъ - Рюминымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ - Апостоломъ и въ 1825 г. кн. Антонъ Яблоновскій съ Пестелемъ и кн. Волконскимъ.

Откровенное признаніе Лукасинскаго не облегчило ему участи. Изъ Замостя онъ быъ переведенъ въ Варшаву, изъ Варшавы въ Бобруйскъ, а оттуда въ Шлиссельбургъ. Жители Влодавы послѣдними видѣли его веденнымъ по дорогѣ въ Бобруйскъ пѣшимъ, на веревкѣ, въ убогой сермягѣ, съ бородою по поясъ, подъ конной стражей съ обнаженными саблями. Заточенный въ Шлиссельбургѣ въ январѣ 1831 г. въ подземелье т. наз. секретнаго замка, Лукасинскій прожилъ въ полнѣйшей оторванности отъ міра и людей болѣе тридцати лѣтъ; согласно приказу свыше, онъ

содержался «самымъ тайнымъ образомъ, такъ чтобы кромѣ коменданта никто не зналъ бы его имени и откуда онъ привезенъ». Съ теченіемъ времени пребываніе въ Шлиссельбургѣ загадочнаго узника стало непонятнымъ даже для лицъ, наиболѣе освѣдомленныхъ въ силу своего служебнаго положенія въ подобнаго рода вопросахъ. Такъ, когда въ маѣ 1850 г. управляющій III отдѣленіемъ собственной его импер. величества канцеляріи обратился къ военному министру Чернышеву съ вопросомъ, въ чемъ состоитъ вина старика-поляка, содержащагося въ Шлиссельбургской крѣпости, Чернышевъ могъ только отвѣтить, что Лукасинскій содержится по личному приказу имп. Николая I. Первое извѣстіе о Лукасинскомъ получено было отъ М. А. Бакунина, который въ 1854 г., во время своего заключенія въ Шлиссельбургѣ, случайно увидѣлъ Лукасинскаго, когда тотъ по болѣзни былъ выпущенъ изъ подземелья на прогулку. «Однажды, — разсказывалъ позднѣе, уже на свободѣ, Бакунинъ, — когда насъ повели на воздухъ, меня поразила впервые видѣнная мною фигура старца съ длинной бородой, хотя и согбеннаго, но со слѣдами военной выправки. Его особо караулилъ дежурный офицеръ, чтобы никто не могъ приблизиться къ нему. Старецъ этотъ шелъ медленнымъ, слабымъ, какъ бы мѣрнымъ шагомъ, ни на кого не глядя. Среди дежурныхъ офицеровъ былъ одинъ честный и сострадательный человѣкъ; онъ мнѣ довѣрилъ тайну, что этотъ узникъ — Лукасинскій. Съ этого времени я направилъ все свое усиліе на то, чтобы еще разъ увидѣть его и заговорить съ нимъ; благородный офицеръ облегчилъ мнѣ это. Спустя нѣсколько недѣль, во время дежурства этого офицера, Лукасинскій былъ выпущенъ подъ его надзоромъ; заранѣе условленнымъ способомъ я незамѣтно для другихъ заключенныхъ близко подошелъ къ нему и вполголоса произнесъ: «Лукасинскій». Тотъ вздрогнулъ и повернулъ ко мнѣ свои наполовину померкшіе глаза. «Кто?» спросилъ онъ. Я отвѣтилъ: «Узникъ съ этого года». «Какой годъ?» Я сказалъ. «Кто въ Польшѣ?» —«Николай». «А Константинъ?» — «Нѣтъ въ живыхъ». «Что въ Польшѣ?» — «Скоро будетъ хорошо». Онъ рѣзко повернулся, остановился, замѣтно было его учащенное дыханіе, оглянулся, и черезъ минуту опять сталъ ходить своимъ обычнымъ слабымъ и мѣрнымъ шагомъ, медленно, съ опущенной головой. Когда снова наступила очередь дежурства этого офицера, первымъ моимъ вопросомъ былъ вопросъ о Лукасинскомъ. Офицеръ сказалъ, что въ теченіе нѣскольких дней Лукасинскій былъ безпокоенъ, бредилъ; это приписывалось воздуху; затѣмъ онъ вернулся въ свое полусонное состояніе. Я спросилъ офицера, не можетъ ли онъ заговорить какъ-нибудь съ несчастнымъ, помочь ему въ чемъ-нибудь. Онъ отвѣтилъ, что въ камеру Лукасинскаго входятъ только втроемъ, иначе запрещено, поэтому ничего и никогда нельзя сдѣлать. Больше я не видалъ Лукасинскаго».

Лишь въ 1862 г. нѣсколько измѣнилось къ лучшему положеніе Лукасинскаго; въ этомъ году ему, уже 75-тилѣтнему старцу, разрѣшено было, вслѣдствіе ходатайства новаго шлиссельбургскаго коменданта ген.-м. Лепарскаго, перейти въ одну изъ палатъ расположеннаго въ нижнемъ этажѣ каземата и прогуливаться внутри крѣпости. Здѣсь въ лучшемъ, болѣе свѣтломъ помѣщеніи, больной, плохо видѣвшій и плохо слышавшій Лукасинскій занялся составленіемъ записокъ, заключающихъ въ себѣ и завѣщаніе его, и отрывочныя воспоминанія, и размышленія на политическія темы. Старческою дрожащею рукою онъ заносилъ на бумагу сохранившіяся въ его памяти свѣдѣнія изъ эпохи великаго герцогства варшавскаго и царства польскаго, затѣмъ переходилъ къ событіямъ, участникомъ которыхъ онъ уже не былъ и о которыхъ зналъ лишь по наслышкѣ или изъ доставляемыхъ ему въ послѣднее время русскихъ періодическихъ изданій, скорбѣлъ о несогласіи поляковъ во время возстанія 1830—31 гг., о мстительности Николая I, о бѣдствіяхъ, обрушившихся на поляковъ при Александрѣ II, сурово порицалъ публицистическую дѣятельность М. Н. Каткова, какъ направленную къ возбужденію ненависти къ полякамъ, и искалъ утѣшенія въ словахъ, въ которыхъ Наполеонъ формулировалъ передъ смертью свои убѣжденія: La force ne crée rien. Но даже теперь, послѣ многолѣтняго заключенія, не было мѣста чувству озлобленія въ израненномъ сердцѣ этого заживо погребеннаго человѣка. «Надѣясь вскорѣ предстать передъ престоломъ Всевышняго,—писалъ Лукасинскій,—я... просить буду не о карѣ, не объ отмщеніи и даже не о суровой справедливости, но лишь объ отеческомъ исправленіи виновныхъ, утѣшеніи и облегченіи страждущихъ, согласіи и мирѣ обоихъ народовъ и благословеніи на нихъ».

Записки Лукасинскаго заканчиваются слѣдующей характерной «молитвой», составленной имъ незадолго до смерти и ежедневно имъ произносимой: «Il y a quelque chose en haut qui derange les desseins des mortels. Великій Боже! Ты подѣлилъ землю между народами и языками, дабы каждый народъ жилъ въ назначенномъ ему мѣстѣ и, оросивши при жизни родную землю своимъ потомъ, смѣшалъ съ нею послѣ смерти прахъ свой и придалъ ей плодородіе. По этой причинѣ кочевыя и даже дикія племена почитаютъ и любятъ землю, на которой они молились и возросли, на которой жили и умирали ихъ предки. У осѣдлыхъ народовъ еще больше основаній любить свою родину и жертвовать ради нея своею жизнью: они съ дѣтства работали для ея блага, оставили на многихъ мѣстахъ слѣды трудовъ своихъ и нерѣдко, защищая ее, обагряли ее кровью своею. Поэтому человѣкъ, утратившій свою родину, почти перестаетъ быть человѣкомъ»... «Быть-можетъ,—продолжаетъ Лукасинскій, вспоминая вѣру своихъ соотечественниковъ въ «вос-

кресителей» Польши — Наполеона и Александра I, — мы погрѣшили, возлагая чрезмѣрныя надежды на людей, среди которыхъ встрѣчаются и могущественные и мудрые, но которые не перестаютъ быть людьми и слѣпыми орудіями воли Твоей... Милосердный Боже! Мы молимъ Тебя..., если Ты желаешь еще испытать насъ и очистить отъ грѣховъ нашихъ продленіемъ нашихъ страданій, то исполни сердца наши вѣрою въ Тебя, и вѣра эта придастъ намъ отвагу, стойкость и терпѣніе и спасетъ отъ отчаянія. Вооруженные вѣрою, мы не страшимся совѣтовъ и намѣреній гонителей нашихъ, изъ которыхъ одни хотятъ отнять у насъ религію отцовъ нашихъ, а другіе стереть насъ съ лица земли. Стоны и плачъ живыхъ, кровь дорогихъ намъ жертвъ, пролитая за родину, мольбы ея павшихъ доблестныхъ сыновъ, предстоящихъ нынѣ предъ лицомъ Твоимъ, даютъ намъ надежду на скорое окончаніе нашихъ страданій. Если будетъ воля Твоя, Ты возстановишь изъ праха Спасителя, одаришь его мудростью, надѣлишь мощью слабую руку его, и онъ пойдетъ во имя Твое и пристыдитъ сильныхъ, и заставитъ ихъ признать, что есть еще нѣчто наверху, что разстраиваетъ планы смертныхъ. Il y a quelque chose en haut qui dérange les desseins des mortels».

Умеръ Лукасинскій въ Шлиссельбургѣ 27 февр. 1868 г. на 82-мъ году жизни.

Настоящая статья далеко не исчерпываетъ, конечно, богатаго матеріала, заключающагося въ цѣнномъ трудѣ проф. Аскеназы. Ограниченная извѣстными размѣрами, она исполнитъ свое назначеніе, если послужитъ толчкомъ къ скорѣйшему переводу книги о Лукасинскомъ на русскій языкъ.

R.

М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

I.

Общія замѣчанія о народничествѣ 70-хъ годовъ.

Когда говорятъ о народничествѣ 70-хъ гг., то противопоставляютъ обычно два крупныхъ имени—П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина. Этотъ обычай до такой степени укоренился въ русской литературѣ, что всякое отступленіе отъ него кажется логически недопустимымъ и невозможнымъ практически. Всякій, кто пишетъ о народничествѣ 70-хъ гг., характеризуетъ прежде всего П. Л. Лаврова съ его журналомъ «Впередъ» и М. А. Бакунина съ брошюрой «Наука и насущное революціонное дѣло» и съ трактатомъ о «Государственности и анархіи». Есть и свѣжій примѣръ такого отношенія къ идейнымъ теченіямъ нашего прошлаго — книга В. Я. Богучарскаго «Активное народничество 70-хъ гг.». Здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ работахъ, имена П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина покрываютъ собой все остальное, на «лавристовъ» и «бакунистовъ» дѣлится все общественное движеніе, хотя самъ авторъ признаетъ, что между этими фракціями не было въ сущности программныхъ разногласій, а были только расхожденія по вопросамъ тактическимъ...

Задача моей статьи, какъ видно по ея заглавію, иная. Я намѣренъ противопоставить М. А. Бакунину не П. Л. Лаврова, а Н. К. Михайловскаго. Я думаю даже, что если не съ П. Л. Лавровымъ, то съ Михайловскимъ у Бакунина были большія программныя, а не только тактическія разногласія. Тутъ было расхожденіе двухъ политическихъ темпераментовъ и двухъ системъ общественно-политическаго мышленія, изъ которыхъ одна, бакунинская, выступила на общественную арену въ началѣ 70-хъ гг. вполнѣ готовой, вторая же, Михайловскаго, сложившись къ этому времени въ своей соціологически-теоретической части, лишь значительно позже, къ концу десятилѣтія, опредѣлилась, какъ система политическая и опредѣлилась какъ разъ на борьбѣ съ бакунинскимъ типомъ воззрѣній.

Бакунинымъ началось общественное движеніе семидесятыхъ годовъ, Михайловскимъ оно закончилось. Для конца той эпохи

Михайловскій былъ даже типичнѣе Лаврова, такъ какъ онъ полнѣе воспринялъ тѣ «методы борьбы», въ которыхъ В. Я. Богучарскій видитъ основной признакъ тогдашняго движенія. Какъ понимаетъ самъ читатель, параллель между Бакунинымъ и Михайловскимъ пріобрѣтаетъ при такихъ условіяхъ крупный интересъ и большое значеніе. Нѣтъ нужды, что ни Бакунинъ о Михайловскомъ ни Михайловскій о Бакунинѣ никогда другъ о другѣ прямо не писали. Для ихъ противопоставленія есть достаточно матеріала и безъ того. Было бы ошибкой этимъ матеріаломъ не воспользоваться, такъ какъ, пользуясь имъ, мы восполняемъ большой пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, въ частности мы этимъ значительно дополнимъ картину «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», нарисованную В. Я. Богучарскимъ, и, дополняя, вмѣстѣ съ тѣмъ ее существенно видоизмѣнимъ.

Что Михайловскій до сихъ поръ оставался какъ бы затѣненнымъ другими именами въ революціонной журналистикѣ 70-хъ гг., это не удивительно. «Я не революціонеръ, каждому свое» — говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ П. Л. Лаврову. Для его моральнаго самочувствія и для его общественной позиціи характерна какъ разъ эта внѣшняя отчужденность отъ внутренне ему близкой среды. Онъ никогда не вступалъ, и въ интересахъ того же революціоннаго движенія не долженъ былъ вступать открыто въ ряды «нелегальныхъ» поборниковъ русской свободы. Онъ былъ какъ бы *зрителемъ* той борьбы, литературнымъ оправданіемъ которой были его же литературныя работы. «Тамъ въ живой жизни происходили событія огромной важности, небывалыхъ размѣровъ и почти сказочнаго характера. Но читатель, — по словамъ Михайловскаго, — былъ тутъ не при чемъ. Онъ былъ зритель и только и могъ, что трепетать нервами».

Но *зрителемъ* былъ не одинъ читатель, «зрителемъ» былъ и самъ Михайловскій, вынужденный постоянно скрывать свои истинныя симпатіи и въ качествѣ легальнаго русскаго журналиста не считавшій возможнымъ говорить прямо отъ лица тѣхъ интересовъ, которые онъ представлялъ. Порой было и такъ, что Михайловскій, какъ Петръ, принужденъ былъ чуть что не формально «отрекаться» отъ своего Христа. Въ этомъ была трагедія его положенія, чрезвычайно глубоко отразившаяся въ его сочиненіяхъ, но въ этомъ же объясненіе, почему его имя оставалось въ тѣни, и первое мѣсто въ исторіи революціоннаго движенія должны были занять офиціальные представители той эпохи, П. Л. Лавровъ и М. А. Бакунинъ...

Теперь настало время эту несправедливость по отношенію къ Михайловскому исправить. Такъ же, какъ Лавровъ и Бакунинъ, Михайловскій былъ несомнѣннымъ «властителемъ думъ» наиболѣе активной части своего поколѣнія. Онъ былъ соперникомъ Бакунина и во многихъ случаяхъ достойнымъ собратомъ Лаврова. Но, ста-

раясь привести къ историческому равновѣсію вліяніе этихъ трехъ именъ, не забудемъ еще одной особенности моральнаго склада Михайловскаго. Семидесятые годы были сильны порывомъ къ дѣйствію, способностью броситься цѣликомъ, безъ дальнихъ колебаній, въ самый омутъ общественной жизни. Это была эпоха повышеннаго активизма въ соціальной борьбѣ. Тѣмъ же повышеннымъ, активнымъ отношеніемъ къ жизни отличается и вся соціально-философская система Михайловскаго, отсюда ея огромная популярность среди активнаго народничества. Однако, несмотря на эту популярность, у тогдашняго Михайловскаго и его радикальныхъ современниковъ временами проблескивали искры взаимнаго отчужденія и недовольства. Не даромъ Михайловскій одно время подписывалъ свои нелегальныя статьи псевдонимомъ «Гроньяра», — ворчуна, — человѣка чѣмъ-то недовольнаго въ практикѣ ему очень дорогихъ, быть-можетъ, людей. Не случайно также первое изъ «Политическихъ писемъ соціалиста» начинается словами: «Жадно и скорбно слѣдилъ я за всѣмъ, что дѣлается въ измученной родной странѣ. Вами я любовался. Но — простите, дѣло прошлое, подчасъ много укоризны слагалъ вамъ мысленно».

Вообще начало семидесятыхъ годовъ представляетъ намъ одинъ очень любопытный фактъ, отмѣченный многими мемуаристами, но недостаточно разъясненный историками. Этотъ фактъ мы и положимъ въ основу всего дальнѣйшаго изложенія. Когда мы теперь мысленно обращаемся къ прошлому, то для насъ стушевывается отчужденность Михайловскаго отъ народничества первой половины семидесятыхъ годовъ. Мы знаемъ, что онъ подписывалъ свои статьи «Гроньяромъ», но что собственно возбуждало его критику, для насъ остается невыясненнымъ и полузабытымъ. Между тѣмъ эта критика не только была, она несомнѣнно доходила и до тѣхъ, кто былъ критикуемъ, и съ ихъ стороны вызывала извѣстную реакцію. Чрезвычайно любопытный фактъ сообщаетъ въ этомъ отношеніи Н. А. Морозовъ въ своихъ воспоминаніяхъ «Въ началѣ жизни», написанныхъ имъ по просьбѣ В. Н. Фигнеръ еще въ Шлиссельбургѣ.

«Къ числу либераловъ, — говоритъ Н. А. Морозовъ, — въ то время (то-есть въ первой половинѣ 70-хъ гг.) причислялись учащейся молодежью и всѣ передовые писатели легальной литературы до сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ»: Салтыкова, Михайловскаго, Некрасова включительно... Только потомъ уже по прекращеніи движенія въ народъ на передовыхъ дѣятелей легальной литературы стали смотрѣть иначе» [1]).

---

[1]) См. «Русское Богат.», 1906 годъ, май-іюнь. Цитир. мѣсто на стр. 117, май. Ср. также «Воспоминанія чайковца» покойнаго С. С. Синегуба въ «Быломъ», октябрь, 1906 г. Здѣсь особенно характеренъ разсказъ Синегуба о томъ, какъ Н. К. Михайловскій во время процесса 193-хъ приходилъ въ

Считать Михайловскаго «либераломъ» въ общеупотребительномъ у насъ смыслѣ можно было, разумѣется, только по недоразумѣнію. Какъ разъ въ то время, къ которому относятся приведенныя строки Н. А. Морозова, Михайловскій, называя «Отечеств. Записки» — «либеральными», прибавлялъ: «Если бы вы знали, читатель, какъ мнѣ противно писать истасканное [1]) это слово». Т.-е. противно писать его въ примѣненіи къ журналу, всегда бывшему органомъ русскаго радикализма. Но, съ другой стороны, дыма безъ огня не бываетъ. Характерно, что подлинные радикалы въ силу какихъ-то соображеній отказывались признать вполнѣ своими, казалось бы, наиболѣе близкихъ имъ по духу писателей, въ частности Михайловскаго. Почему же это происходило и почему «по прекращеніи движенія въ народъ на передовыхъ дѣятелей легальной литературы стали смотрѣть иначе»?

Вотъ въ этомъ вопросѣ и заключается вся суть дѣла. Незначительный и какъ бы мелькомъ отмѣченный фактъ въ разсказѣ Н. А. Морозова заставляетъ по сопоставленіи его съ рядомъ другихъ обстоятельствъ отнестись къ нему самымъ внимательнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что онъ совпадаетъ съ показаніями самого Михайловскаго о томъ, какъ «подчасъ, дѣло прошлое, много укоризны» слагалъ онъ мысленно по адресу своихъ единомышленни-

---

домъ предварительнаго заключенія на свиданіе къ Говорухѣ-Отроку, «литературный талантъ котораго онъ очень цѣнилъ». Говоруха-Отрокъ былъ родственникомъ Н. К. Михайловскаго. Впослѣдствіи онъ сдѣлался реакціоннымъ писателемъ. Сообщая о свиданіи съ нимъ Михайловскаго, Синегубъ прибавляетъ, что ходили слухи о несочувственномъ отношеніи Михайловскаго къ «движенію въ народъ» тогдашнихъ революціонеровъ. Едва ли эти слухи были сколько-нибудь основательны, но наличность ихъ симптоматична. Что касается Говорухи-Отрока, то см. о немъ статью Михайловскаго въ томѣ сочин.—«Гамлетиризованные поросята». Ср. также въ «Запис. Соврем.», гл. XII, стр. 596 и сл. Тотъ же Говоруха-Отрокъ выведенъ Михайловскимъ въ романѣ «Карьера Оладушкина», подъ видомъ главнаго героя. Карьера Оладушкина очень характерна — раскаиваясь, онъ превращается изъ бывшаго революціонера въ иниціатора извѣстныхъ «Священныхъ Дружинъ», въ этомъ и состоитъ его «карьера». Ср. объ этомъ въ моей замѣткѣ «О беллетристикѣ Н. К. Михайловскаго» въ журн. «Новая Литература», № 3—4 за 1907 г. СПБ. — О разногласіяхъ Михайловскаго съ революціонной молодежью первой половины 70-хъ см. также въ статьяхъ Н. С. Русанова: «Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ» въ книгѣ «Соціалисты Запада и Россіи». СПБ. 1909, 2-е изд. и въ статьѣ «Политика Н. К. Михайловскаго», «Былое», 1907, № 7. Ср. также его «Идейныя основы партіи Народной Воли», «Былое», 1907 г., сентябрь. Фактъ отчужденности Михайловскаго отъ «активнаго народничества 70-хъ гг.» всѣми этими данными устанавливается съ полной несомнѣнностью.

[1]) См. «Зап. Профана», Сочин., томъ III, стр. 442. Май 1875 г. Вообще наше изложеніе имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, годы 1873—1876, но, конечно, и въ слѣдующіе два года, 1877 и 1878, у Михайловскаго и его современниковъ далеко еще не установилось полное единомысліе. Оно начинается съ 1879 г. Большое значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи статья Михайловскаго «Житейскія и художественныя драмы», написанная въ началѣ 1879 г.

ковъ изъ среды радикальной интеллигенціи. Очевидно, тутъ дѣло было не въ разногласіяхъ по какимъ-нибудь частнымъ и случайнымъ поводамъ, а въ расхожденіи по глубокимъ и серьезнымъ мотивамъ, быть-можетъ, затрогивавшимъ наиболѣе интимныя стороны въ мышленіи разныхъ группъ «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ». Очевидно также, съ цѣлью выяснить источникъ и предѣлы этихъ разногласій, мы должны предварительно познакомиться съ тѣмъ, какъ смотрѣли на свои задачи Н. А. Морозовъ и его друзья и въ какомъ видѣ складывалось тогда общественное настроеніе самого Михайловскаго. А все это заставляетъ насъ предварительно сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній вообще объ «активномъ народничествѣ семидесятыхъ годовъ».

Чтобы не загромождать изложенія подборомъ излишнихъ цитатъ, вернемся снова къ извѣстному намъ уже разсказу Н. А. Морозова, благо это источникъ вполнѣ надежный. Вотъ какъ онъ рисуетъ отличительныя черты въ общественномъ настроеніи первой половины 70-хъ годовъ. «При всѣхъ моихъ попыткахъ разобраться въ различныхъ соціальныхъ вопросахъ, которые меня интересовали, я ни отъ кого не получалъ помощи... Каждый разъ, когда заходила рѣчь о деталяхъ будущаго общественнаго строя, всякое затрудненіе устранялось однимъ и тѣмъ же стереотипнымъ отвѣтомъ: «Мы ничего не хотимъ навязывать народу... Мы вѣримъ, что, какъ только онъ получитъ возможность распоряжаться своими судьбами, онъ устроится такъ хорошо, какъ мы даже вообразить себѣ не можемъ. То, что мы должны сдѣлать, это освободить его руки, и тогда наше дѣло будетъ закончено, и мы должны будемъ совсѣмъ устраниться».

Для насъ, людей XX вѣка, умудренныхъ тяжелымъ историческимъ опытомъ, эти слова могутъ показаться преувеличеніемъ, настолько намъ чужда ихъ психологія, между тѣмъ въ нихъ, какъ свидѣтельствуетъ другой семидесятникъ изъ кружка Н. А. Морозова, покойный Л. Э. Шишко,— чрезвычайно точно переданы «тѣ заключительные выводы, на которыхъ остановились тогда представители движенія начала семидесятыхъ годовъ». И дѣйствительно, въ то время, подобно Н. А. Морозову, Л. Э. Шишко и ихъ друзьямъ, разсуждали вполнѣ сложившіеся люди, съ большимъ прошлымъ и тяжелымъ жизненнымъ опытомъ за плечами. Основательны или нѣтъ сами по себѣ такія разсужденія, выдерживаютъ они критику или всецѣло могутъ быть, особенно теперь, опровергнуты, не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что было время, когда *такъ* думали, и такая вѣра была типичной для самыхъ широкихъ слоевъ народнической интеллигенціи и даже для ея различныхъ фракцій.

«Пытаясь строить будущее человѣчества по своимъ личнымъ взглядамъ, по своимъ личнымъ планамъ, *мы непремѣнно повредимъ его здоровому прогрессу*. А потому мы должны отказаться отъ навязыванія массамъ какого-либо своего плана для будущей по-

стройки. Естественныя потребности массъ, при отсутствіи искажающихъ вліяній, по мѣрѣ пріобрѣтенія знаній, выработаютъ себѣ гораздо лучшій строй жизни, чѣмъ мы могли бы *сочинить* въ нашемъ кабинетѣ» [1]).

Чьи это слова? Это буквально то же самое, что слышалъ «въ началѣ жизни» Н. А. Морозовъ отъ своихъ товарищей и сверстниковъ, принадлежащихъ къ молодому поколѣнію, тогда какъ это писано П. Л. Лавровымъ [2]), далеко не бывшимъ тогда ни сверстникомъ Н. А. Морозова ни молодымъ революціонеромъ вообще.

Далѣе. Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 193-хъ есть конспектъ записки кн. Кропоткина, представлявшей какъ бы программу и вмѣстѣ съ тѣмъ организаціонный уставъ кружка чайковцевъ, который былъ, какъ извѣстно, основной ячейкой и зародышемъ всего послѣдующаго общественнаго движенія въ Россіи. Характерно въ этой запискѣ прежде всего ея заглавіе: «Должны ли мы заниматься разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя». Но ясно, разъ поставленъ такой вопросъ, отвѣтъ на него будетъ отрицательный: нѣтъ, не должны, ибо иначе его и ставить не пришлось бы. И неудивительно, что въ означенной запискѣ, по словамъ обвинительнаго акта, — «разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя общества предоставляется народу», самъ же кн. Кропоткинъ, какъ и П. Л. Лавровъ, довольствуется выясненіемъ «непригодности всѣхъ существующихъ формъ государственной жизни» и отъ П. Л. Лаврова отличается лишь тѣмъ, что болѣе рѣзко подчеркиваетъ необходимость насильственныхъ средствъ для переворота, а это различіе ужъ не такъ существенно [3])...

---

[1]) См. «Въ началѣ жизни», «Русское Богат.», май 1906 года, стр. 117. Къ этому авторъ прибавляетъ: «Такъ говорили всѣ наиболѣе искренніе представители этого движенія, по крайней мѣрѣ, имъ казалось въ такихъ случаяхъ, что они именно такъ думаютъ». Ср. съ этимъ приведенныя ниже въ текстѣ слова Л. Эм. Шишко. Статью Шишко, представляющую весьма существенный коррективъ къ нѣкоторымъ обобщающимъ оцѣнкамъ Н. А. Морозова, читатель найдетъ въ томъ же «Русскомъ Богатствѣ», въ 10 кн. за 1906 г. Она озаглавлена «Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ гг.» Нужно замѣтить, что Л. Эм. Шишко гораздо глубже и вѣрнѣе понимаетъ соціологическую сущность движенія 70-хъ гг., чѣмъ Н. А. Морозовъ, представляющій его однимъ лишь «проявленіемъ борьбы русской учащейся молодежи, полной жизненныхъ силъ интеллигенціи со стѣсняющимъ ее правительственнымъ и административнымъ произволомъ». Насколько такое пониманіе общественнаго движенія 7 -хъ гг. узко, прекрасно выяснено въ указанной статьѣ Л. Эм. Шишко

[2]) См. «Впередъ», томъ III, годъ 2-ой, стр. 36, ст. «Неизбѣжная вражда»; статья анонимна, но принадлежность ея Лаврову несомнѣнна.

[3]) Обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ см. въ 3-емъ томѣ сборниковъ В. Базилевскаго (В. Богучарскаго) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Изд. «Донской Рѣчи». О программѣ кн. Кропоткина тамъ говорится дважды, на стр. 6 — 7 и 15 — 16. Въ спискѣ произведеній П. А. Кропоткина, составленномъ М. Нетлау (см. «Рабочій Міръ», № 4), говорится,

Шишко, Кропоткинъ, Лавровъ, Морозовъ — эти имена достаточно авторитетны, чтобы ихъ нельзя было признать выразителями народничества 70-хъ гг. Правда, въ средѣ широкихъ народническихъ круговъ уже наростало тогда же отрицательное отношеніе къ старымъ богамъ. «Въ 1874 году я былъ убѣжденъ, — разсказываетъ одинъ изъ участниковъ тогдашняго движенія, — что намъ нечего заботиться о программѣ дѣятельности во время революціи, ибо народъ самъ сумѣетъ распорядиться съ собой и своимъ имуществомъ. Теперь я думаю наоборотъ» [1]. Но этому отрицательному отношенію было еще далеко до полнаго торжества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать стр. 221—222 новой книги В. Я. Богучарскаго, гдѣ говорится, какъ въ 1876 году московскій кружокъ Бардиной, Джабадари и др. участниковъ будущаго процесса 50-ти, задумавши осуществить «Всероссійскую соціально-революціонную организацію», на первомъ же своемъ засѣданіи занялся вопросомъ: «Слѣдуетъ ли вырабатывать детали будущаго строя» и, занявшись имъ, рѣшилъ его такъ: «Выработку деталей будущаго экономическаго и общественнаго строя мы предоставили, — говоритъ одинъ изъ участниковъ этого кружка, — тѣмъ, кому посчастливится присутствовать при ликвидаціи стараго порядка, на развалинахъ котораго придется осуществлять новыя политическія и экономическія формы, сообразно условіямъ времени и свободнаго желанія народа».

что этой программы «имѣлось два экземпляра, оба отобраны русской полиціей». Слѣдовательно, обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ есть единственный источникъ для знакомства съ нею. Насколько же взгляды кн. Кропоткина были типичны для того времени, показываютъ слѣдующія справки изъ того же обвинительнаго акта. Ср., напр., на стр. 91 мѣсто о Ковапикѣ, одномъ изъ самыхъ крупныхъ народниковъ начала 70-хъ гг.: «Коваликъ внушалъ семинаристамъ, что задача каждаго изъ нихъ должна состоять лишь въ разрушеніи существующихъ въ государствѣ порядковъ, такъ какъ впослѣдствіи народъ уже самъ создастъ новый порядокъ и, по всей вѣроятности, введетъ общинное устройство такъ, что Россія будетъ представлять изъ себя множество мелкихъ общинъ, ни отъ кого не зависящихъ и никѣмъ не управляемыхъ». На стр. 126 о кружкѣ бр. Жебуневыхъ, Франжоли и др. бывшихъ членовъ «ордена сенъ-жебунистовъ»: «Совѣщанія членовъ кружка привели къ рѣшенію произвести революцію, но не регулировать ее, а предоставить народу полную автономію» и пр. На стр. 224: «По показанію Монстрова, Петропавловскій сообщилъ ему въ разговорѣ, что въ Самарѣ существуетъ партія, признающая необходимость пропаганды противъ существующаго порядка вещей, что означенная партія ставитъ своей задачей лишь уничтоженіе нынѣшняго строя, предоставляя самому обществу установить новый порядокъ вещей впослѣдствіи». Къ Самарской «партіи» принадлежали Войнаральскій, Дм. Рогачевъ, Ип. Мышкинъ и др. Какъ видитъ читатель, во всѣхъ этихъ справкахъ мы беремъ самыя крупныя имена среди народниковъ первой половины 70-хъ гг. и убѣждаемся, что ихъ разсужденія о задачахъ общественнаго движенія совершенно тождественны.

[1]) См. Сб. Базилевскаго «Револ. журн. 1870-хъ гг.», стр. 104.

У идей есть своя логика. Старая психологія, разъ завладѣвши человѣкомъ, ужъ не такъ легко оставляетъ его. А здѣсь къ тому же рѣчь шла не только объ извѣстной психологіи, тутъ рѣчь шла о цѣлой общественной программѣ, которая отъ чайковцевъ была пронесена въ полной почти неприкосновенности къ самому порогу 80-хъ годовъ. У чайковцевъ, поскольку можно говорить о ихъ программѣ, направленіе мысли было полуанархическое. Они были гораздо болѣе революціонно настроены, чѣмъ о нихъ принято обычно думать. Ихъ смѣнила впослѣдствіи организація «Земли и Воли», охватившая почти всѣ наличныя революціонныя силы и фактически сдѣлавшаяся «Всероссійской соціально-революціонной организаціей», лелѣемой въ мечтахъ кружкомъ Бардиной, Джабадари и др. Но развѣ землевольцы по своимъ взглядамъ и настроенію такъ ужъ отличались отъ чайковцевъ, съ которыми они были связаны даже общностью своего личнаго состава?

Общество «Земля и Воля», по сравненію съ первымъ фазисомъ движенія, дѣлало огромный шагъ впередъ, но этотъ шагъ впередъ относился не къ выработкѣ новыхъ основъ для «міровоззрѣнія», эту задачу исполнила впослѣдствіи «Народная Воля», а къ выработкѣ новыхъ основъ для «міровоздѣйствія», какъ выражался Михайловскій. Землевольцы были организаторами, поднявшими знамя чайковцевъ, выбитое изъ ихъ рукъ реакціей. По роду же дѣятельности, по своей психологіи, по своимъ задачамъ они оставались на почвѣ прежнихъ понятій. Какъ чайковцами, такъ и ими «русское крестьянство признавалось способнымъ создать новый строй жизни послѣ переворота на почвѣ общиннаго землевладѣнія» (слова Шишко). Какъ у чайковцевъ, такъ и у нихъ направленіе мысли было антипарламентарное. Либо конституція либо переворотъ, вооруженное возстаніе,—вотъ народническая дилемма землевольцевъ. Если же крестьянство, нисколько не нуждаясь въ «конституціи», способно создать лучшій строй, способно кореннымъ образомъ, на почвѣ бытовыхъ формъ своей жизни, обновить весь соціальный строй, то не повредимъ ли мы ему, пытаясь строить будущее общество по своимъ личнымъ взглядамъ, по своимъ «программамъ», каковое слово землевольцы писали не иначе, какъ въ ироническихъ кавычкахъ. И до какой степени землевольцы близко подходили въ этомъ случаѣ къ психологіи чайковцевъ, показываетъ разсказъ О. В. Аптекмана объ одной вечеринкѣ въ Петербургѣ, на которой офиціальный ораторъ отъ нихъ, задаваясь вопросомъ: «Въ какой формѣ можетъ или должна вылиться ближайшая народная революція», на это очень опредѣленно, при поддержкѣ своихъ товарищей, отвѣтилъ: «Мы не предрѣшаемъ никакихъ вопросовъ. Мы это предоставимъ самому народу»... [1])

[1]) См. О. В. Аптекманъ «Изъ исторіи революціоннаго народничества. «Земля и Воля» 70-хъ годовъ. По личнымъ воспоминаніямъ». Изд. А. Суратъ.

II.

Н. К. Михайловскій—противъ М. А. Бакунина и „бакунистовъ“.

Отмѣченныя нами особенности общепрограммныхъ воззрѣній «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», не оставались, конечно, неизвѣстными историкамъ русской общественности. Какъ мы знаемъ, говоритъ о нихъ и В. Я. Богучарскій. «Не только въ кружкѣ чайковцевъ, но и гораздо раньше, много дебатировались,— по его словамъ,—вопросы о «будущемъ строѣ» и о томъ, въ какія именно формы строй этотъ отольется послѣ грядущей «соціальной революціи». Затѣмъ вопросы о «будущемъ строѣ» и «будущемъ обществѣ» получили разрѣшеніе въ томъ смыслѣ, что заниматься ими «не наше дѣло»... что, совершивши «соціальную революцію», самъ народъ лучше насъ и безъ всякихъ съ нашей стороны совѣтовъ и наставленій устроитъ свою жизнь наилучшимъ и наисправедливѣйшимъ образомъ» (стр. 221).

Нѣкоторымъ, весьма, впрочемъ, относительнымъ исключеніемъ изъ этого правила является, по мнѣнію В. Я. Богучарскаго, программа московскаго кружка Бардиной и др., постановившая не заниматься разсмотрѣніемъ *деталей* будущаго строя, такъ какъ «цѣлые десятки лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ него». Въ *этомъ* отношеніи мысль москвичей была, находитъ г. Богучарскій,—несомнѣнно зрѣлѣе ихъ предшественниковъ, пропагандистовъ 1874 года, хотя, замѣтимъ отъ себя, и пропагандисты 1874 года отказывались разсуждать какъ разъ тоже лишь, если вѣрить показанію Н. А. Морозова,—«о деталяхъ общественнаго строя». Суть, впрочемъ, не въ этомъ, суть въ общемъ типѣ такихъ разсужденій и въ томъ, что собственно считать *деталями*, опредѣляя характеръ будущей общественной организаціи. На этотъ вопросъ особенное вниманіе обращаетъ и В. Я. Богучарскій.

«Въ самомъ дѣлѣ, — спрашиваетъ онъ, — какое содержаніе вкладывали «москвичи» въ свой отказъ вырабатывать «*детали*» будущаго экономическаго и политическаго строя»... Напр., принципъ народоправства—это деталь или нѣтъ?.. Рѣшивши совершенно правильно, что «деталями будущаго строя», т.-е. соціалистическаго строя, заниматься не слѣдуетъ, «москвичи» отнесли къ «деталямъ» и такіе *основные* вопросы программы, безъ рѣшенія которыхъ въ ту или другую сторону обойтись, конечно, невозможно (стр. 222, курс. подл.)...»

Передъ поколѣніемъ семидесятыхъ годовъ стояла простая, но чрезвычайно серьезная задача: народъ долженъ быть счастливъ, *все для народа*. Было, разумѣется, странно разсчитывать, что народъ самъ, безъ нашей помощи, сумѣетъ міръ мечты и «рай небесный сюда на землю перенесть», надо только развязать ему руки. Но

въ этой, по современнымъ понятіямъ, пусть даже наивно-утопической и «дѣтской» мысли нетрудно видѣть отблескъ великой идеи. Все для народа, но и *все черезъ народъ*, — вотъ что намъ говорятъ программныя построенія семидесятыхъ годовъ и вотъ въ чемъ искупленіе наиболѣе очевидныхъ промаховъ въ разсужденіяхъ тогдашнихъ народниковъ.

Дѣлая въ первой главѣ сводку общепрограммныхъ воззрѣній «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», мы видѣли тамъ, что съ тѣмъ же народничествомъ въ какомъ-то антагонизмѣ находился Н. К. Михайловскій. Самъ по себѣ этотъ антагонизмъ, или точнѣе, нѣкоторая отчужденность, неудивителенъ, такъ какъ прежде всего онъ объясняется общими свойствами политическаго темперамента Михайловскаго. Михайловскій обладалъ острымъ, критическимъ умомъ, способнымъ къ разъѣдающему и раздражающему людей догматическихъ «ворчливому» анализу. Для характеристики общественнаго міровоззрѣнія Михайловскаго существуетъ даже особый терминъ—*критическое* народничество, о каковомъ терминѣ, между прочимъ, какъ-то странно ни разу не вспоминаетъ въ своей книгѣ В. Я. Богучарскій, предпочитающій рисовать народниковъ сплошь догматиками. Между тѣмъ, вотъ этимъ критицизмомъ, выдѣлявшимся и въ чисто теоретическихъ трудахъ Михайловскаго, онъ, главнымъ образомъ, и отличался отъ тогдашняго пророка революціонной молодежи — М. А. Бакунина.

Разумѣется, и Бакунинъ могъ быть въ разныхъ случаяхъ своей жизни «гроньяромъ», «ворчуномъ», но мотивы его неудовольствія бывали и должны были быть иными. Бакунинъ прежде всего не могъ возставать противъ той системы воззрѣній, которую мы характеризовали въ предшествующей главѣ, такъ какъ эта система была его личнымъ созданіемъ, и собственно основная формула «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», приведенная у Н. А. Морозова — «мы ничего не навязываемъ народу», взята цѣликомъ изъ статей Бакунина, не однажды категорически заявлявшаго: «Никакой ученый не въ состояніи научить народъ, не въ состояніи опредѣлить даже для себя, какъ народъ будетъ жить и долженъ жить на другой день революціи». — «Чему вы станете учить народъ? — спрашиваетъ тотъ же Бакунинъ представителей пропагандистскаго направленія 70-хъ гг. — Не тому ли, чего вы сами не знаете, не можете знать и чему сами должны научиться прежде всего у народа»?

Агитаторъ по натурѣ, Бакунинъ могъ критиковать не направленіе дѣятельности активныхъ народниковъ, имъ же самимъ указанное, а только ея недостаточную рѣшимость. И не критицизмъ, не рѣжущая способность къ анализу, а воля къ дѣйствію была отличительнымъ признакомъ Бакунина, создавшимъ ему такую популярность въ ту эпоху. Напротивъ, у Михайловскаго рѣзко-активное отношеніе къ дѣйствительности, то, что называется «субъек-

тивизмомъ», и практически вылилось въ признаніе «роли личности въ исторіи», осложнялось элементомъ критически-аналитическаго настроенія, и это одно проводило грань между нимъ и общимъ бакунински-активнымъ настроеніемъ той эпохи. Правда, для насъ, людей XX столѣтія, отодвинутыхъ въ глубь временъ отъ эпохи 70-хъ гг., даже странно слышать о граняхъ между Михайловскимъ и его современниками землевольческаго періода. Не онъ ли такъ упорно, на закатѣ своихъ дней, отстаивалъ «наслѣдство 70-хъ гг.» отъ всякихъ нападеній? Не онъ ли пріучилъ насъ къ мысли, что это прошлое безукоризненно хорошо для него, ушедшаго въ своего рода «культъ предковъ», что онъ съ нимъ солидаризуется во всѣхъ его частяхъ.

Таково было общераспространенное мнѣніе о Михайловскомъ въ послѣдніе годы его жизни. Едва ли нужно доказывать, насколько оно неосновательно. Какъ ни высоко цѣнилъ Михайловскій «наслѣдство 70-хъ гг.», онъ никогда не относился къ нему какъ къ чему-то не подлежащему критикѣ, а въ отдѣльныхъ частяхъ даже осужденію. Семидесятые годы возлагали всѣ свои упованія на народъ, но этотъ самый народъ, его психологію, его стремленія, люди того времени понимали далеко не единообразно, а въ зависимости отъ этого столь же различно складывались ихъ общественныя программы. На этотъ фактъ Михайловскій неоднократно указывалъ какъ разъ въ концѣ своей жизни, и тогда же въ одной полемической статьѣ онъ далъ схематическую характеристику разныхъ фракцій «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», на разницѣ въ пониманіи народа отмѣтивъ разницу въ своемъ тогдашнемъ программномъ настроеніи и въ настроеніи бакунинскаго народничества. Такъ какъ эти указанія представляютъ для насъ чрезвычайно крупный интересъ, то мы приведемъ ихъ полностью.

«Кто видѣлъ въ мужикѣ,—говоритъ Михайловскій объ отношеніи къ народу въ семидесятыхъ годахъ,—великую, историческую силу, активную, грозную, буйную, мало обращая вниманія на нравственныя качества, «добродѣтели», выкованныя извѣстными общественными формами трудовой жизни; кто требовалъ уваженія къ «интересамъ» народа, а кто настаивалъ и на святости его «мнѣній»; кто вѣрилъ, что великія силы лежатъ въ народѣ въ зародышѣ, подавленномъ вѣковыми неблагопріятными условіями; а кто утверждалъ, что онъ—великая и благая сила сейчасъ, какъ онъ есть; кто разумѣлъ подъ народомъ исключительно мужика, а кто—всю совокупность людей труда» [1]).

Нетрудно, разумѣется, понять, кто это видѣлъ въ мужикѣ активную силу, грозную, буйную, кто это утверждалъ, что онъ ве-

---

[1]) См. «Послѣднія сочиненія», томъ I, стр. 94 — 95. Статья «О нѣкоторыхъ мнѣніяхъ г. Невѣдомскаго». Августъ, 1899 г.

ликая и благая сила сейчасъ, какъ онъ есть. Все это яркіе и основные признаки чисто бакунинскаго отношенія къ народу. Утверждая, что народъ великая и грозная сила, бакунинская фракція тогдашняго движенія и полагала, что достаточно вывести этотъ народъ изъ состоянія равновѣсія, достаточно просвѣтить его на счетъ истиннаго положенія дѣлъ въ Россіи, какъ онъ безъ нашей помощи, безъ нашихъ «программъ» создастъ гораздо лучшій строй жизни, чѣмъ мы могли бы *сочинить* въ нашемъ кабинетѣ». Эта увѣренность была въ семидесятыхъ годахъ главенствующей, и ею объясняются чуть ли не всѣ особенности тогдашнихъ программъ «активнаго народничества». И въ самомъ дѣлѣ, если творческій инстинктъ народа самъ подскажетъ ему, куда направить свои силы и какъ распорядиться съ собой и своимъ имуществомъ, то были вполнѣ правомѣрны всѣ тѣ упованія, о которыхъ мы говорили выше...

Однако не всѣ люди вѣрили тогда, что народъ есть по преимуществу грозная и буйная сила, не всѣ видѣли въ немъ благую силу «сейчасъ, какъ онъ есть», не всѣ разумѣли подъ народомъ исключительно мужика. Были и такіе, которые во всѣхъ этихъ случаяхъ держались особаго мнѣнія. Они, эти послѣдніе, полагали, напр., что — «великія силы лежатъ въ народѣ въ зародышѣ, подавленномъ вѣковыми неблагопріятными условіями». Центръ своего вниманія они полагали не въ *мнѣніяхъ*, а въ *интересахъ* народа. Они видѣли въ народѣ вообще людей труда и сообразно этому расширяли свое и практическое, и теоретическое представленіе о мірѣ. Понятно, что люди эти, — а въ томъ числѣ Н. К. Михайловскій, какъ наиболѣе крупный среди нихъ—должны были, въ силу только что указанныхъ особенностей, разойтись съ бакунинской фракціей въ цѣломъ рядѣ пунктовъ и ея программѣ противопоставить свою собственную программу общественной дѣятельности.

Попробуемъ теперь намѣтить, въ какихъ конкретныхъ формахъ можно противопоставить направленіе мысли Бакунина направленію мысли Михайловскаго. Бакунинъ звалъ молодежь къ опредѣленному дѣйствію. Рабочій вопросъ въ Россіи для него былъ вопросомъ ультра-революціоннымъ. Съ неотразимой силой прирожденнаго агитатора — даже чисто теоретическіе труды Бакунина, если только можно говорить о немъ, какъ о теоретикѣ, написаны, какъ агитаціонно-политическіе памфлеты,—съ талантомъ чисто стихійнымъ онъ увѣрялъ всѣхъ и самъ вѣрилъ, что любая русская деревня во всякую минуту готова къ возстанію, стоитъ только умѣлой рукой бросить въ нее искру возмущенія. Что же касается Михайловскаго, онъ въ такой формѣ выразилъ свой скептицизмъ по отношенію къ революціонному характеру русскаго рабочаго вопроса, въ какой, по свидѣтельству, напр., В. Я. Богучарскаго, выражали его въ нашей литературѣ только славянофилы.

Именно Михайловскій, подобно Ив. Аксакову, о чемъ подробно говоритъ авторъ «Активнаго народничества», утверждалъ, какъ бы въ противовѣсъ М. А. Бакунину, что «экономическое зерно соціализма не представляетъ у насъ въ Россіи ничего революціоннаго, такъ какъ большинство нашего народа владѣетъ продуктами своего труда при помощи ассоціаціи — поземельной общины». Отсюда и столь парадоксально — «славянофильскій» взглядъ Михайловскаго на рабочій вопросъ въ Россіи, какъ вопросъ консервативный [1]).

«Рабочій вопросъ въ Европѣ, — говоритъ онъ, — есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ *передачи* условій труда въ руки работника, экспропріаціи теперешнихъ собственниковъ. Наоборотъ, рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только *сохраненіе* условій труда въ рукахъ работника, гарантіи теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности». «Понятно, — прибавляетъ Михайловскій, — цѣль эта не можетъ быть достигнута безъ широкаго государственнаго вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе общины»...

Ясно что одна готовность Михайловскаго, очень типичная для публицистовъ «Отечеств. Запис.», находившихся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Лассаля, — апеллировать въ извѣстныхъ случаяхъ къ государственному вмѣшательству въ народную жизнь, хотя бы при томъ мыслилось государство самое либеральное, не могла встрѣтить сочувственнаго отклика въ душѣ аполитически настроенныхъ бакунистовъ. И это расхожденіе было не тактическимъ, это расхожденіе было *программнымъ*, чреватымъ большими послѣдствіями.

Рядомъ съ этимъ стоятъ и другіе пункты, въ которыхъ скрещивалась политическая мысль Бакунина и Михайловскаго, съ тѣмъ, чтобы, скрестившись, разойтись въ разныя стороны. Для Бакунина центръ тяжести революціонной дѣятельности лежалъ въ работѣ *разрушительной*. Лишь бы поднять возстаніе, а тамъ видно будетъ. Для Михайловскаго, напротивъ, въ полной гармоніи съ его общимъ морально-психологическимъ складомъ, моментъ разрушительный отодвигался въ сторону предъ моментомъ *созидательнымъ*, творческимъ. А изъ этого опять-таки проистекали новыя и сугубыя разногласія. «Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, — говоритъ Михайловскій въ письмахъ къ П. Л. Лаврову, — потому что ихъ пѣсня спѣта, и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже... Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи»...

---

[1]) Цитир. мѣсто см. въ № 1 «Отеч. Запис.» за 1873 г., стр. 160 — 161. Мѣсто это не вошло въ собраніе сочиненій, но тамъ есть аналогичная формулировка, приведенная у насъ ниже, въ текстѣ. См. эту формулировку въ I томѣ сочиненій, стр. 719 — 720.

Послѣднія слова въ глазахъ бакунистовъ должны были показаться прямо чудовищными. Неудивительно поэтому, что въ ихъ глазахъ Михайловскій былъ почти что «либераломъ». И весьма вѣроятно, что чѣмъ ближе они сходились и съ нимъ знакомились, тѣмъ глубже убѣждались въ правотѣ своего превосходства надъ умѣренной точкой зрѣнія своего идейнаго руководителя. Между тѣмъ тутъ дѣло было вовсе не въ умѣренности, а въ сознаніи чрезвычайной отвѣтственности извѣстныхъ средствъ борьбы, въ боязни за нашу неподготовленность, въ опасеніи за то, что въ самый нужный моментъ мы окажемся далеко не на высотѣ положенія. Вѣдь работа разрушительная только прелюдія, будущее же не въ рукахъ умѣющихъ разрушать, а въ способныхъ къ творчеству. Да и сама разрушительная работа не столь ужъ легка. «Люди революціи разсчитываютъ на народное возстаніе, — говоритъ Михайловскій въ «Политическихъ письмахъ соціалиста». — Это дѣло вѣры. Я не имѣю ея... Всѣхъ перипетій будущей борьбы предвидѣть нельзя... Мало ли еще какія комбинаціи возможны внѣ заколдованнаго круга конституціи и народнаго «возстанія, въ которомъ вращается ваша политическая мысль».

«Внѣ заколдованнаго круга», то-есть внѣ чисто землевольческой дилеммы, либо конституція либо народное возстаніе. Но вѣдь этотъ заколдованный кругъ и составлялъ тогда суть всего міровоззрѣнія «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», и, посягая на него, Михайловскій посягалъ на самыя интимныя вѣрованія своего времени, а это даромъ не могло пройти...

Итакъ, мы видимъ, что рабочій вопросъ въ Россіи былъ для Михайловскаго вопросомъ «консервативнымъ»; работѣ разрушительной онъ противопоставлялъ работу созидательную; и, дѣлая это противопоставленіе, предостерегалъ отъ всякихъ неожиданностей въ самомъ святомъ дѣлѣ активнаго народничества, въ ожиданіи всѣхъ благъ отъ народнаго возстанія. Что же съ своей стороны онъ рекомендовалъ своимъ единомышленникамъ?

Мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ суммирно, ибо въ зависимости отъ хода времени взглядъ Михайловскаго мѣнялся, и программа его осложнялась. Но, такъ какъ у насъ пока идетъ рѣчь о 1873 — 1875 гг., то вотъ что въ *это* время онъ рекомендовалъ интеллигенціи въ письмахъ къ П. Л. Лаврову:

«Готовить людей къ революціи въ Россіи трудно, готовить къ тому, чтобы они встрѣтили революцію, какъ слѣдуетъ, можно и слѣдовательно должно... Другого я не знаю, другого по-моему русскій соціалистъ теперь не можетъ имѣть. Задача молодого поколѣнія можетъ состоять только въ томъ, чтобы готовиться къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать. Само оно безсильно его вызвать и будетъ только задаромъ гибнуть въ этихъ попыткахъ. А что моментъ настанетъ, и даже, несмотря на теперешнюю реакцію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это по-моему несомнѣнно».

«Я, впрочемъ, — оговаривается Михайловскій, — не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія, но знаю, что молодежь должна его встрѣтить въ будущемъ не съ Молешоттомъ на устахъ и не съ игрушечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣньемъ отличать добро и зло европейской цивилизаціи» .. [1])

III.

О „рабочемъ вопросѣ“ и настроеніи 70-хъ годовъ.

Не знаю, обратилъ ли читатель вниманіе на одну особенность всѣхъ приведенныхъ выше цитатъ, на то, что Михайловскій, касаясь критически формъ тогдашней дѣятельности, отнюдь не отрицаетъ самой возможности, даже неизбѣжности близкаго наступленія рѣшительнаго «момента дѣйствія». Мы теперь даже съ изумленіемъ читаемъ въ его письмахъ къ Лаврову такія, напримѣръ, слова: «Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже».

Новые боги хуже, такъ какъ паденіе старыхъ можетъ наступить слишкомъ скоро и застанетъ насъ неподготовленными къ борьбѣ съ «новыми хозяевами исторической сцены», какъ выражается Михайловскій въ статьѣ «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха», то-есть съ промышленной буржуазіей, съ «формаціей биржи и либерализма»...

Этотъ мотивъ, мало отмѣченный въ нашей литературѣ о Михайловскомъ, очень типиченъ для его публицистики за годы 1869—1872. Этимъ мотивомъ онъ занимался тогда въ двухъ большихъ статьяхъ, въ только что упомянутомъ «Дарвинизмѣ и опереткахъ Оффенбаха» и въ статьѣ, вообще весьма интересной, «Графъ Бисмаркъ». Основательно или нѣтъ, но Михайловскому казалось подъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ отъ парижской коммуны и другихъ событій, съ нею связанныхъ, что старой феодально-политической формаціи «уже не жить. Это говорятъ законы исторіи». Прусскіе юнкера разгромили Францію, они завладѣли ареной исторіи, «но все-таки это только гости и гости бездомные, ихъ собственный домъ проданъ съ аукціоннаго торга», а «древніе гербы и прадѣдовскія доблестныя шпаги давно снесены на биржу» [2]).

Правда, теперь волной историческихъ событій они вынесены на передній планъ общественной жизни. Правда, что они, «эти

---

[1]) Послѣднія цитаты см. въ X томѣ сочиненій Н. К. Михайловскаго, стр. 63 — 68.

[2]) Приведенныя цитаты см. на стр. 108 тома VI-го и на стр. 391 и 420 тома I-го. Вообще мѣстъ, говорящихъ объ ожиданіи Михайловскимъ близкаго общественнаго кризиса, такъ у него много, что странно, какъ ихъ до сихъ поръ не замѣчала критика.

люди прошедшаго, просто пьянѣютъ отъ своего успѣха, ихъ дерзость не знаетъ границъ, и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Но это предсмертныя усилія отживающихъ элементовъ среды. Мухи осенью передъ смертью, какъ извѣстно, особенно кусливы. Незадолго до паденія римской имперіи императоры стали называть себя богами. Метафизика наканунѣ своей смерти выставила Гегеля. Наканунѣ революціи абсолютизмъ выросъ во Франціи до Людовика XIV. Папская непогрѣшимость и нынѣшняя война — какіе это признаки» (томъ VI, стр. 104).

Для Михайловскаго все это были признаки самые оптимистическіе. Онъ даже шелъ гораздо дальше и утверждалъ, что во Франціи, наприм., «колеблется уже и формація биржи и капитализма», то-есть колеблется господство тѣхъ самыхъ элементовъ, которые пришли на смѣну старымъ богамъ, «феодально-католическому колоссу дореволюціонной Франціи».—«Я нѣкоторымъ образомъ пророчествую, — сознается Михайловскій, — а никто въ своей землѣ пророкомъ не бываетъ. Но я утѣшаю себя, во-первыхъ, тѣмъ, что пророчествую не для своей земли. Во-вторыхъ, когда, напримѣръ, существовала и дѣйствовала литература просвѣщенія, никто вѣдь не повѣрилъ бы навѣрно тому, кто указалъ бы на смѣхъ Вольтера, на доктрины Гурнэ и проч., какъ на предтечи событій, которыхъ въ дѣйствительности они были предтечами». — Вотъ, слѣдовательно, на какія сопоставленія рѣшался Михайловскій въ началѣ 70-хъ гг.

Я думаю, для читателя понятно само собой, до какой степени осложняется этимъ все наше изложеніе. Разумѣется, наличностью подобнаго оптимизма еще не устраняются разногласія между Михайловскимъ и его современниками. Существуетъ свѣдѣніе, какъ въ 1875 или 1876 гг. у Михайловскаго произошло свиданіе съ нѣсколькими лицами изъ среды тогдашняго народничества, мечтавшими весной поднять возстаніе съ цѣлью отобрать землю въ пользу крестьянъ у помѣщиковъ. Сколько намъ извѣстно — въ печати свѣдѣній объ этомъ не появлялось, — къ этому плану крестьянскаго возстанія Михайловскій отнесся совершенно отрицательно. Быть-можетъ, онъ даже повторилъ своимъ собесѣдникамъ все то, что передъ тѣмъ писалъ Лаврову, и на нихъ всѣ его скептическіе аргументы о нашей неподготовленности къ столь рѣшительному моменту дѣйствій, его указанія на возможность при данныхъ условіяхъ неожиданностей въ ходѣ возстанія, допуская, что оно будетъ, должны были подѣйствовать самымъ удручающимъ образомъ. Разочароваться въ своихъ планахъ они едва ли могли, но разочароваться въ революціонности своего учителя, статьями котораго они такъ увлекались, для нихъ было неизбѣжно. Такъ отнеслись тогда къ Михайловскому его современники. Какъ теперь долженъ отнестись къ нему историкъ нашей общественности?..

Прежде всего, конечно, sine ira et studio. Современники Михайловскаго рвались къ дѣлу, имъ былъ дорогъ каждый часъ; за границу ими посылались люди для закупки «каталонскихъ ножей» на предметъ крестьянскаго возстанія, и естественно, что всякая критика воспринималась ими при такомъ настроеніи болѣзненно, выносить ее было трудно. Мы въ другомъ положеніи. Полемизировать съ прошлымъ мы не имѣемъ никакой нужды, а главное, къ самому Михайловскому мы можемъ отнестись вполнѣ объективно, такъ какъ для насъ теперь очень нетрудно воспринять его точку зрѣнія въ наивозможной полнотѣ. Современниковъ Михайловскаго могли озадачивать не только его аргументы, а и просто отдѣльныя выраженія, слова, въ которыя онъ вкладывалъ свои мысли, напротивъ, мы можемъ по этому поводу сказать, какъ Лука въ «На днѣ» Горькаго: «Не въ словѣ дѣло, а почему слово сказано». Всѣ споры и столкновенія происходили тогда не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ опредѣленной средѣ; полемизируя другъ съ другомъ, каждый изъ собесѣдниковъ даже въ мимолетныхъ репликахъ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ могъ имѣть въ виду цѣлый рядъ установившихся понятій, не называя ихъ, но пріурочивая къ нимъ всѣ свои замѣчанія. Напр., Бакунинъ, въ 1873 году, то-есть въ то самое время, когда Михайловскій переписывался съ Лавровымъ, обращался гипотетически къ одному изъ верховныхъ представителей власти съ такимъ предложеніемъ: — «Пусть онъ только мигнетъ и кликнетъ народу: вяжите и рѣжьте помѣщиковъ, чиновниковъ и купцовъ, заберите и раздѣлите между собою ихъ имущество, — одного мгновенія будетъ достаточно, чтобы всталъ весь русскій народъ и чтобы на другой день и слѣда не осталось отъ купцовъ, чиновниковъ и помѣщиковъ на русской землѣ».

Весьма возможно, что Бакунинъ былъ правъ въ этомъ случаѣ. Если бы такое приглашеніе дѣйствительно воспослѣдовало изъ того источника, къ которому онъ примѣрно апеллировалъ, то случилось бы именно то, что онъ ожидалъ. Но допустимъ теперь, а допустить это вполнѣ возможно, невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ, что подобный аргументъ былъ предложенъ хотя бы Михайловскому въ упомянутомъ выше разговорѣ съ нимъ народниковъ первой половины 70-хъ гг. Согласился ли бы Михайловскій картину такого погрома признать за «соціальную революцію» и не сказалъ ли бы онъ въ отвѣтъ своимъ друзьямъ-читателямъ, отнюдь не становясь въ силу этого «либераломъ»: «Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи». И онъ былъ бы правъ...

Попробуемъ теперь продвинуться еще дальше въ томъ же направленіи, взявши на этотъ разъ самую, казалось бы, невыгодную для Михайловскаго фразу, его якобы *славянофильское* рѣшеніе рабочаго вопроса въ Россіи, какъ вопроса «консервативнаго». Не будемъ смущаться словеснымъ созвучіемъ въ томъ, что говоритъ

Михайловскій, съ тѣмъ, что находится у славянофиловъ, въ частности у такого реакціоннаго эпигона стараго славянофильства, какъ Ив. Аксаковъ, мракобѣсіе котораго въ 80-хъ гг. изумляло даже весьма умѣренныхъ людей, подобныхъ хотя бы Кошелеву [1]). Дѣло, разумѣется, не въ этомъ словесномъ созвучіи. Къ публицистикѣ прошлаго надо искать ключа въ тогдашней манерѣ выражаться и въ тогдашней психологіи, а не въ словесномъ созвучіи, въ сущности безразличномъ для историка общественнаго движенія. Если же мы обратимся къ народнической терминологіи 70-хъ гг. и тогдашней психологіи, то увидимъ, что въ содержаніи одинаковыхъ, казалось бы, понятій нѣтъ ничего общаго у славянофиловъ и Михайловскаго. Въ самомъ дѣлѣ, что означаютъ слова Михайловскаго о консервативномъ характерѣ русскаго рабочаго вопроса. Какъ ихъ надо понимать: въ буквальномъ, славянофильскомъ смыслѣ или иначе. «Это значитъ — поясняетъ Михайловскій — что коренныя начала русской экономической жизни не требуютъ революціи, измѣненія направленія своего теченія. Требуется только развитіе этихъ началъ. Будутъ ли при этомъ баррикады или нѣтъ, это все равно, т.-е. въ томъ смыслѣ все-равно, что не измѣняетъ консервативнаго характера русскаго рабочаго вопроса» [2]).

Давно извѣстно, что не всегда переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ происходитъ подъ звуки марсельезы. Можетъ онъ пройзойти и совершенно мирно. Вотъ, напримѣръ, тѣ же славянофилы. «Они знали себѣ одно: или Русь-богатырь такъ казной-мошной отощала и ума разума истеряла, что не подъ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму имѣть своихъ собственныхъ русскихъ заводчиковъ, свои собственныя акціонерныя общества, своихъ собственныхъ русскихъ концессіонеровъ желѣзныхъ дорогъ и пр.? Всѣ выработанныя и освященныя европейской цивилизаціей формы экономической жизни принимались славянофилами съ распростертыми объятіями, со звономъ кіевскихъ и другихъ колоколовъ, если онѣ обставлялись русскими и обрусѣлыми именами собственными. А тѣмъ самымъ вызывалось измѣненіе началъ русской экономической жизни въ чисто европейскомъ смыслѣ»...

Подобному перевороту въ крестьянской жизни, однимъ изъ послѣдствій котораго было бы неминуемое отобраніе земли у кре-

---

[1]) См. «Письма А. И. Кошелеву къ И. С. Аксакову», сб. «О минувшемъ», Спб. 1909. Стр. 406 — 416. Не лишне вспомнить и то, что въ это же время (1880 — 1883 гг.) писалъ объ Ив. Аксаковѣ самъ Михайловскій. См., наприм., въ IV томѣ, стр. 1000 — 1020 о газетѣ «День» Аксакова, или въ томѣ V, «Нѣчто о лицемѣрахъ» и «Все французъ гадитъ» и т. д. Всѣ эти статьи необходимо имѣть въ виду, сопоставляя «славянофильство» Аксакова съ «народничествомъ» Михайловскаго.

[2]) См. томъ I, стр. 736, «Литератури. и журнальн. замѣтки 1872 года», сентябрь. — Слѣдующая цитата о славянофилахъ изъ «Запис. профана», гл. VII «Десница и шуйца гр. Л. Толстого», стр. 455 — 466.

стьянъ, — Михайловскій противопоставлялъ иную программу, программу *сохраненія* крестьянству имѣющихся у него земель, а равно дальнѣйшаго развитія тѣхъ же принциповъ обезпеченія землей народа. Играя на словесномъ созвучіи разныхъ терминовъ, онъ назвалъ эту программу, одну изъ радикальнѣйшихъ въ русской жизни, «консервативной», но когда ему приходилось точнѣе конкретизировать ее, онъ, разумѣется, оставлялъ эту «славянофильскую» терминологію и набрасывалъ чисто «западническій» абрисъ своей реформы. Поводъ для такой конкретизаціи далъ ему въ 1879 году циркуляръ мин. вн. дѣлъ Макова (отъ 16-го іюля), объявлявшій «ложными слухи и толки о предстоящемъ будто бы передѣлѣ земель». «По особому государя императора повелѣнію объявляю,— писалъ министръ, — что ни теперь ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ. При дѣйствіи нашихъ законовъ о правѣ собственности, никогда не можетъ случиться такой неправды, такой обиды, чтобы земля, законнымъ порядкомъ за кѣмъ-либо укрѣпленная, была у законнаго владѣльца отнята и отдана другому... Законы наши оставляютъ каждаго при своемъ и не дозволяютъ посягать на чужое».

Два сотрудника «Отеч. Запис.» отозвались на этотъ циркуляръ и оба почти въ одномъ и томъ же № «Народной Воли»; одинъ изъ нихъ былъ С. Н. Кривенко, другой Н. К. Михайловскій. Кривенко далъ общую оцѣнку этого документа, а для Михайловскаго, помѣщавшаго тогда въ «Народной Волѣ» «Политическія письма соціалиста», циркуляръ Макова послужилъ иллюстраціей, какой не должна быть русская конституція. По словамъ «Политическихъ писемъ соціалиста», очень типичныхъ для всей той эпохи, «русскій народъ встанетъ только за такую волю, которая гарантируетъ ему землю. Онъ равнодушно, даже злорадно будетъ смотрѣть на самое наглое нарушеніе конституціи, если въ основѣ ея будетъ лежать циркуляръ Макова»..

«Меня спрашиваютъ, — повторяетъ Михайловскій въ слѣдующемъ изъ «Политическихъ писемъ», — какъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу грядущей конституціи циркуляръ Макова, вовсе на затрогивающій вопросъ о политическихъ формахъ. Отвѣчаю: косвенно онъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу конституціи организаціей избирательнаго права, непосредственно же онъ можетъ быть навѣки изгнанъ, чтобы и память о немъ погибла, «аки Обры, ихъ же нѣсть племени ни наслѣдка», установленіемъ основного государственнаго закона, въ родѣ американскаго Homstead Law, только въ болѣе опредѣленной послѣдовательной формѣ. Америка, страна колоссальной наживы, не убоялась ввести у себя, хотя отчасти, принципъ земли земледѣльцу. Тѣмъ легче утвердить этотъ принципъ у насъ, гдѣ онъ

и безъ того живетъ не только въ душѣ народа, но и въ сознаніи каждаго порядочнаго человѣка» [1])...

Конечно, я не хочу сказать, что установленіемъ такого государственнаго закона по американскому образцу Михайловскій стиралъ всякія границы между Россіей и Америкой, или Россіей и Европой. Подобное утвержденіе слишкомъ бы противорѣчило фактамъ и обычному представленію о Михайловскомъ, какъ типичномъ защитникѣ «славянофильской» мысли объ *особомъ* пути развитія Россіи. Несомнѣнно, мысль объ «особомъ пути развитія Россіи» была очень характерной для Михайловскаго, какъ и для всего поколѣнія 70-хъ гг., надо только условиться, въ чемъ она состояла, такъ какъ ссылка на славянофиловъ ничего рѣшительно не объясняетъ. Къ 70-мъ гг. общественная жизнь въ Россіи настолько усложнилась, старыя формулы настолько вывѣтрились, прилагать ихъ приходилось въ столь отличной отъ прежняго обстановкѣ, что людей того времени можно считать столько же славянофилами, сколько *консервативными* ихъ общественныя программы...

Намъ говорятъ, что народники 70-хъ гг. противопоставляли Россію Западной Европѣ, — это совершенно вѣрно. Они предполагали, что въ Россіи, путемъ «установленія государственнаго закона въ родѣ американскаго Homstead Law, но только въ болѣе опредѣленной и послѣдовательной формѣ», можно такъ измѣнить соотношеніе общественныхъ силъ, что для нея откроется «особый путь развитія», чрезвычайно благопріятный для творчества новыхъ формъ въ области народной организаціи общественнаго труда. Они вѣрили и въ то, что облегченіемъ для этой перемѣны явится наличность въ Россіи общиннаго землевладѣнія. Въ этомъ случаѣ они поднимали старую и не плохую традицію русской обществен-

---

[1]) См. томъ X, СПБ. 1913 г., стр. 35 — 36. Циркуляръ Макова и статью С. Н. Кривенко о немъ читатель найдетъ въ сб. «Литерат. партіи Нар. Воля», стр. 43—47. Ср. слѣдующее: въ примѣч. на стр. 320—321, а равно въ текстѣ этихъ страницъ и стр. 333, В. Я. Богучарскій, пользуясь письмомъ Н. А. Морозова къ пишущему эти строки (см. его «Библіограф. Замѣтки» при X томѣ, стр. XXXIII) объ одной статьѣ Михайловскаго, представленной имъ въ «Нар. Волю», но тамъ не напечатанной,—говоритъ о «противорѣчіяхъ въ моментъ перелома въ воззрѣніяхъ народнической интеллигенціи въ концѣ семидесятыхъ годовъ». Противорѣчій этихъ не избѣжалъ, по мнѣнію автора, и Михайловскій, такъ какъ представленная имъ Н. А. Морозову принципіальнаго характера статья о землевладѣніи, будучи написанной въ народническомъ духѣ, заканчивалась словами: «Садитесь на землю, и земля твоя». Трудно допустить, чтобы тутъ были какія-нибудь противорѣчія, если вспомнить о приведенномъ въ текстѣ мѣстѣ о Homstead Law. В. Я. Богучарскій и въ своей книгѣ о «Народной Волѣ» обвинялъ Михайловскаго въ «противорѣчіяхъ» (см. тамъ стр. 399—400), при чемъ и тамъ пользовался тѣмъ же методомъ, какъ и теперь, то-есть всецѣло полагаясь на разсказъ *одной* какой-нибудь стороны и не провѣряя его критически имѣющимся остальнымъ матеріаломъ. Такимъ путемъ можно найти очень много «противорѣчій» не у одного Михайловскаго.

ной мысли, восходящую, однако, вовсе не къ однимъ славянофиламъ съ ихъ взглядомъ на общину, какъ на представительницу морально-религіознаго союза, а значительно дальше, къ декабристамъ и особенно «Русской Правдѣ» Пестеля, съ его удивительно глубокимъ и нимало не славянофильскимъ проектомъ общинно-поземельнаго устройства. Не вѣрили же и не воспринимали народники 70-хъ гг. только одного: противопоставленія Европы и Россіи въ славянофильскомъ духѣ, такъ какъ особый путь развитія Россіи вовсе не исключалъ для нихъ, — какъ мы только что видѣли — сопоставленія извѣстныхъ сторонъ русской жизни съ соотвѣтствующими сторонами въ жизни «гнилого Запада». Правда, въ лицѣ Михайловскаго они провели разграничительную черту между рабочимъ вопросомъ у насъ и рабочимъ вопросомъ въ Европѣ. Но эта разграничительная черта у нихъ кончалась тамъ, откуда она начиналась у славянофиловъ, этихъ русскихъ «будущихъ національ-либераловъ», какъ ихъ называлъ Михайловскій.

Для нашихъ будущихъ національ-либераловъ «гнилой Западъ» былъ обреченъ на гибель, такъ какъ тамъ рабочій вопросъ былъ вулканомъ, на кратерѣ котораго столь безпечно и легкомысленно веселилась буржуазная Европа. Наши будущіе національ-либералы полагали, что спасеніемъ этой прогнившей Европы будетъ «святая Русь», ибо въ ней рабочій вопросъ носитъ характеръ консервативный. И когда въ Европѣ поднимутся волны общественнаго возмущенія, то они разобьются о нашъ берегъ и обнаружатъ всю особливость нашего общественнаго организма. «Святая Русь» тогда снова сдѣлается спасительницей Европы и («съ распростертыми объятіями, со звономъ кіевскихъ и иныхъ колоколовъ») укажетъ Европѣ путь къ спасенію, черезъ нашу общину, какъ носительницу религіозно-моральнаго идеала. Вотъ какъ думали наши славянофилы въ свое время. Какъ же къ этой сторонѣ славянофильскаго противопоставленія Россіи Западной Европѣ относились наши народники?

Отвѣтъ на это мы находимъ опять-таки у Михайловскаго. Играя словами, онъ говорилъ, что рабочій вопросъ въ Россіи принципіально отличенъ отъ рабочаго вопроса въ Европѣ, однако онъ тутъ же дѣлалъ оговорку: «Будутъ при этомъ баррикады или нѣтъ, это все равно, то-есть въ томъ смыслѣ все равно, что не мѣняетъ консервативнаго характера русскаго рабочаго вопроса»... Почему же онъ дѣлалъ такую оговорку? Или онъ не вѣрилъ, что волны европейскаго протеста, разъ имъ суждено будетъ подняться, разобьются о нашъ берегъ, или онъ считалъ, что въ отличіе отъ «святой Руси» европейскіе порядки обладаютъ достаточной прочностью и достаточной правомѣрностью? Отвѣтъ на это Михайловскаго настолько замѣчателенъ по своей неожиданности, что мы приведемъ его полностью. Говоря о прочности и правомѣрности европейскихъ порядковъ, онъ замѣчаетъ:

«Я не вѣрю ни въ эту прочность, ни въ эту правомѣрность... Что въ Европѣ можетъ произойти въ близкомъ будущемъ огромный переворотъ, это совершенно справедливо, но какъ же не посмѣяться надъ увѣренностью, что погромъ этотъ разобьется о нашъ берегъ и обнаружитъ только особливость нашего національнаго организма. Совсѣмъ напротивъ, я думаю, онъ обнаружитъ, до какой степени нашъ національный организмъ сроднился, слился съ европейскимъ. Разныя тутъ могутъ выйти комбинаціи. Можетъ-быть, чего, Боже, сохрани, мы, по старой памяти и по старымъ образцамъ, примемся опять «за служеніе» Европѣ, *а, можетъ-быть, какъ-нибудь и на новый манеръ послужимъ.* Все это можетъ быть, но вотъ что навѣрно будетъ: когда рухнутъ европейскіе банки, то въ ту же минуту рухнутъ и банки русскіе»... [1])

Изъ этихъ словъ, а равно изъ всѣхъ сдѣланныхъ нами доселѣ сопоставленій, кажется, вполнѣ ясно, что нѣтъ достаточныхъ основаній считать Михайловскаго ни «либераломъ» ни «славянофиломъ». Михайловскій былъ проникнутъ тѣмъ самымъ общественнымъ настроеніемъ, которымъ въ его время отличался весь научный соціализмъ XIX вѣка, и особенно верховный его представитель — Карлъ Марксъ. Это настроеніе было чисто *западническое,* и подъ его вліяніемъ у Михайловскаго сложилась увѣренность — не совсѣмъ опровергнутая и впослѣдствіи, — что паденіе старыхъ боговъ есть дѣло времени, и передъ нами стоитъ огромная задача такъ видоизмѣнить соотношеніе общественныхъ силъ, чтобы открыть представителямъ трудовыхъ массъ Россіи *особый путь* для новыхъ формъ организаціи народнаго хозяйства. «Ну, теперь на насъ идетъ революція», говорилъ Михайловскій, по свидѣтельству одного мемуариста, въ первыхъ числахъ марта 1881 года. Слѣдовательно, мы были правы, говоря, что не въ умѣренности Михайловскаго было дѣло, когда онъ въ разговорѣ съ народниками 70-хъ гг. отнюдь не могъ одобрить ихъ плановъ. Не въ умѣренности и не «въ словѣ тутъ было дѣло, а почему слово сказано». Мы вѣдь, только что видѣли, какъ тотъ же Михайловскій, какъ разъ въ то самое время, когда имъ была написана приведенная выше фраза о «заколдованномъ кругѣ, въ которомъ вращалась политическая мысль» его современниковъ, допускалъ возможность, что при извѣстныхъ критическихъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, мы и «на новый манеръ» послужимъ Европѣ, а не такъ, какъ раньше. Слѣдовательно, его критика имѣла относительный, а не абсолютный характеръ. Очевидно, чтобы понять ее и чтобы выяснить ея отправные пункты, а равно результаты, къ которымъ она со временемъ

---

[1]) Курс. мой. Цитата изъ «Литературн. Замѣт.» за 1880 годъ, сентябрь. См. томъ IV, стр. 948. — Говоря о «консервативномъ» характерѣ русскаго рабочаго вопроса, В. Я. Богучарскій мѣста этого, конечно, не приводитъ.

пришла, намъ снова придется спуститься въ «заколдованный кругъ политической мысли» активнаго народничества семидесятыхъ годовъ, снова нужно присмотрѣться къ общимъ чертамъ тогдашней психологіи и къ тому, какъ относился къ ней Н. К. Михайловскій.

IV.

Источникъ разногласій Н. К. Михайловскаго съ народниками 70-хъ годовъ.

Какъ ни тяжело было положеніе Михайловскаго, какъ журналиста, обязаннаго считаться съ требованіями цензуры, тѣмъ не менѣе онъ умѣлъ касаться, хотя и въ замаскированной формѣ, самыхъ жгучихъ вопросовъ современности, откликаясь въ чисто легальныхъ статьяхъ на запросы своихъ читателей «изъ подполья». Наприм., таковы въ значительной мѣрѣ, какъ это ни странно, его статьи о «Вольницахъ и подвижникахъ». Такое же значеніе имѣютъ отчасти, говоря вообще, чисто теоретическіе трактаты о «Герояхъ и толпѣ», началомъ которыхъ и являются статьи о «Вольницахъ и подвижникахъ». Во всемъ этомъ «активное народничество семидесятыхъ годовъ» могло видѣть отраженіе столь волновавшихъ его проблемъ о формахъ, задачахъ и судьбахъ широкихъ массовыхъ теченій; могло тутъ почерпать на ряду съ неожиданно широкими и совершенно новыми теоретическими обобщеніями, «Коперникомъ и Галилеемъ» которыхъ былъ Михайловскій, прямыя указанія для своей практической дѣятельности. И мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что въ моментъ наивысшаго напряженія *единоличной* борьбы русскихъ интеллигентныхъ «подвижниковъ», какъ разъ въ годы 1879—1883, когда русская литература и русская соціологія должны были бы особенно идеализировать *героевъ* общественнаго самопожертвованія, тогда, напротивъ, въ нашей литературѣ впервые создалась теорія, представляющая, вопреки обычному мнѣнію,—апоѳеозъ *толпы*, массоваго народнаго движенія. Это одинъ изъ фактовъ наименѣе учтенныхъ историками нашей общественной мысли, между тѣмъ онъ имѣетъ для оцѣнки нашего прошлаго, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи, чрезвычайно крупное значеніе.

Столь же крупное значеніе для оцѣнки того же прошлаго, поскольку оно связано съ «исторіей активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», имѣютъ нѣкоторыя другія статьи Михайловскаго. Для иллюстраціи возьмемъ хотя бы вторую половину «Записокъ Профана», въ публицистикѣ Михайловскаго играющихъ столь яркую роль. Правда, здѣсь не говорится прямо о лѣвомъ народничествѣ, больше того: главное вниманіе автора поглощено исключительно полемикой съ правымъ народническимъ крыломъ,

въ частности съ газетой «Недѣля». Но, во-первыхъ, порой та же «Недѣля» открывала свои столбцы тогда непосредственнымъ представителямъ «бакунизма» [1]), а во-вторыхъ, достаточно видоизмѣнить нѣсколько аргументы Михайловскаго, и они всецѣло подойдутъ къ лѣвымъ антагонистамъ праваго народничества. Вотъ примѣръ, это поясняющій.

Правые народники предлагали преклониться передъ «голосомъ деревни», передъ бытовыми особенностями народной жизни и «мнѣніями народа», въ чемъ бы они ни состояли. Полемизируя съ этимъ, Михайловскій, между прочимъ, пишетъ:

«У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкапъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, и я все-таки сказалъ бы, по малой мѣрѣ: прости имъ, Боже истины и справедливости, они не знаютъ, что творятъ. Я все-таки, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь, но пока они мнѣ дороги, я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ» (см. том. 3-й, стр. 692)...

Что Михайловскій писалъ такъ о представителяхъ праваго народничества, это не удивительно. Преклоняясь передъ святостью *мнѣній* народа, правые народники просто и кратко рѣшали вопросы общественной жизни, согласно Достоевскому: «Придутъ Власы и скажутъ надлежащее слово, которымъ спасутъ себя и насъ». Но нельзя ли приведенныя слова отнести и къ лѣвому флангу, несмотря на то, что къ нему они какъ будто менѣе всего подходятъ? Въ средѣ бакунистовъ не было, конечно, упованія на Власовъ, которые спасутъ себя и насъ въ силу своего совершенства, своихъ «добродѣтелей». Напротивъ, именно въ этотъ періодъ большинство революціонно настроенной интеллигенціи видѣло въ народѣ «великую историческую силу, грозную, буйную, обращая мало вниманія на его «добродѣтели», выкованныя извѣстными формами трудовой жизни». А что можетъ быть общаго между такой надеждой на народъ и маниловскимъ упованіемъ на его «добродѣтели?»

Въ *этомъ* общаго, разумѣется, очень немного. Дѣло, однако, въ томъ, что революціонная интеллигенція не только, или не всегда только, цѣнила въ народѣ одну великую и грозную силу, безотно-

---

[1]) См. объ этомъ любопытныя данныя въ статьѣ Н. С. Русанова «Политика Н. К. Михайловскаго», «Былое», іюль 1907 года. Данныя касаются полемики Михайловскаго со статьей Юзова-Каблица, тогда яраго бакуниста.

сительно къ его нравственнымъ качествамъ. Схематическая характеристика разныхъ фракцій семидесятыхъ годовъ, данная Михайловскимъ въ извѣстной намъ цитатѣ, страдаетъ въ этомъ смыслѣ нѣкоторой отвлеченностью, неизбѣжной, впрочемъ, во всякой схемѣ, гдѣ обыкновенно логически ограничено, все на дѣлѣ конкретно связанное. И если бакунисты въ 70-хъ гг. видѣли въ народѣ великую и грозную силу, предполагая, что возстаніе, поднятое такимъ народомъ, смететъ до основанія весь существующій строй, то вѣдь рядомъ съ этимъ въ ихъ глазахъ залогъ успѣшности такого переворота состоялъ какъ разъ въ народныхъ «добродѣтеляхъ», выкованныхъ извѣстными формами трудовой жизни. Отсюда и формула: «Мы не предрѣшаемъ никакихъ вопросовъ, мы это предоставимъ самому народу». Но отсюда и тѣ крайности, которыя поставили лѣвыхъ народниковъ подъ удары, направлявшіеся по адресу ихъ антагонистовъ...

Читатель помнитъ, вѣроятно, разсказъ о землевольческой вечеринкѣ, упоминаніемъ о которой мы кончали первую главу этихъ очерковъ. «Мы не предрѣшаемъ никакихъ вопросовъ,—говорилъ тамъ ораторъ землевольцевъ.—Если народъ подымется, скажемъ, во имя князька какого-нибудь... мы за нимъ, за народомъ пойдемъ. Мы не можемъ итти противъ народа» (Аптекманъ, стр. 143). Мы не можемъ итти противъ *интересовъ* народа,—отвѣтилъ бы на это Михайловскій,—но бываютъ моменты, когда мы нравственно обязаны итти противъ его *мнѣній*.

Фактически Михайловскій, можетъ-быть, и не думалъ, что нарисованная имъ въ тирадѣ о Бѣлинскомъ драматическая коллизія должна непремѣнно совершиться въ нашей жизни. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ всегда убѣжденъ, что идеалы, символизируемые «бюстомъ Бѣлинскаго», вовсе не обязательно должны быть въ конфликтѣ съ «мнѣніями народа». Онъ даже шелъ гораздо дальше и находилъ въ народномъ правосознаніи много общаго съ тѣмъ, что выработано нами въ результатѣ мучительныхъ исканій цѣлаго ряда поколѣній. «У мужика есть чему поучиться»,—говоритъ Михайловскій, и это признаніе сближаетъ его съ демократическимъ зерномъ тогдашняго общественнаго движенія, но сближаетъ только до извѣстной степени. Ибо какъ бы ни былъ онъ близокъ съ нимъ, его психологія, поскольку она выразилась въ параллели *мнѣній* и *интересовъ* народа (а позже въ «чести и совѣсти»), рѣзко отличается отъ психологіи многихъ изъ его современниковъ, и это отличіе тѣмъ любопытнѣе, что Михайловскій и его оппоненты принадлежали къ одной и той же средѣ, средѣ «кающихся дворянъ» и разночинцевъ...

Основной контингентъ «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ» составляли интеллигенты,—разночинцы и «кающіеся дворяне». Но основной чертой ихъ общественнаго настроенія являлось

тогда своего рода *самоотрицаніе* интеллигенціи. Народъ заключаетъ въ себѣ величайшія возможности, народъ—все, надо только дать ему проявить себя, а затѣмъ народъ создастъ свою интеллигенцію, мы же должны самоустраиваться. Изъ этого преклоненія передъ идеей народа, соединенной съ вѣрой въ его творческое всемогущество, и вытекала программа 70-хъ гг. Въ такомъ настроеніи было очень много цѣннаго, и его во многомъ раздѣлялъ самъ Михайловскій, однако рядомъ съ этимъ въ Михайловскомъ сильнѣе, чѣмъ въ комъ другомъ за этотъ періодъ, говорилъ голосъ типичнаго *интеллигента* съ присущей истинно-интеллигентному сознанію потребностью отстаивать, на ряду со всѣмъ прочимъ, *принципъ безусловной моральной цѣнности разъ выработанныхъ нами идеаловъ*. И настроеніе Михайловскаго въ противовѣсъ настроенію тогдашней эпохи можно въ этомъ случаѣ выразить такъ: какъ бы ни былъ великъ народъ, какія бы неисчерпаемыя возможности ни заключалъ онъ въ нѣдрахъ своей души, что бы ни обѣщала намъ его, освобожденная отъ всѣхъ путъ самодѣятельность,—это еще не доводъ въ пользу того, чтобы нужно было *намъ* отказаться отъ *нашего* вмѣшательства въ народную жизнь, во имя *нашихъ* идеаловъ...

«Можно самопроизвольно, и значитъ, подъ условіемъ вмѣненія въ позоръ или въ доблесть, въ грѣхъ или въ заслугу, отказаться отъ тѣхъ или другихъ своихъ интересовъ ради иныхъ, чужихъ интересовъ, но отказаться отъ своихъ мнѣній *ради чужихъ мнѣній* — невозможно. Вы, положимъ, — продолжаетъ Михайловскій, — меня очень любите... или питаете ко мнѣ безпредѣльную благодарность за оказанную мною когда-то важную услугу и т. п. Вы готовы отказаться ради моего счастья отъ всѣхъ своихъ самыхъ кровныхъ и дорогихъ интересовъ, даже жизнью пожертвовать, готовы на позоръ, на преступленье, все, что хотите. Но однимъ вы никогда не поступитесь и не пожертвуете и не можете пожертвовать ради меня—мнѣніемъ... Любя меня, вы, можетъ-быть, станете съ особенной внимательностью прислушиваться къ моимъ доказательствамъ, можетъ-быть, мнѣ удастся, наконецъ, убѣдить васъ, но все-таки вы примете истину, потому что она истина, а не потому, что *я* нахожу ее истиной. Мало того. Именно любя меня и принимая близко къ сердцу мои интересы, вы употребите, вѣроятно, всѣ усилія, чтобы обратить меня въ свою вѣру, внушить мнѣ *свои* мнѣнія» (томъ 6-ой, стр. 474 — 475)...

Но развѣ этого не дѣлали народники 70-хъ гг.? — спроситъ меня въ отвѣтъ на приведенную цитату читатель.

Да, дѣлали. И вообще внутренне, въ душѣ они разсуждали, быть-можетъ, такъ, какъ разсуждалъ Михайловскій, вотъ почему сравнительно такъ быстро, — «по прекращеніи движенія въ народъ», его точка зрѣнія одержала верхъ надъ точкой зрѣнія его оппонентовъ. Не даромъ же всѣ они тогда были типичными *интеллигентами*. Но, разсуждая внутренне, въ душѣ, подобно Михайловскому, радикалы того времени тѣмъ не менѣе готовы были всѣхъ увѣрить, а прежде другихъ увѣряли въ этомъ самихъ себя, что въ случаѣ надобности они готовы ради народа на все, даже на

отказъ отъ собственныхъ мнѣній «ради чужихъ мнѣній», пусть даже съ нами не согласныхъ. Отсюда вся та психологія, которую мы характеризовали выше. И этотъ порывъ, это, мы готовы сказать, героическое преклоненіе передъ идеей народа, былъ настолько великъ, что увлекалъ временами собою того же Михайловскаго, отдавшаго ему дань своей знаменитой фразой: «Пусть сѣкутъ, мужика же сѣкутъ». Ибо въ этой фразѣ сказался точно такой же порывъ къ отказу отъ чего-то столь же глубоко интимнаго и дорогого, какъ интимны и дороги каждому нравственно развитому человѣку его мнѣнія...

Читатель видитъ, что я не затушевываю трудности провести рѣзко отграничительную черту между Михайловскимъ и «активнымъ народничествомъ семидесятыхъ годовъ». Что они соприкасались во многихъ пунктахъ—это несомнѣнно, и мы даже знаемъ, что, кромѣ отмѣченнаго, точкой такого соприкосновенія была еще ихъ общая вѣра въ близкое наступленіе рѣшительнаго момента дѣйствія. Вмѣстѣ со всѣми своими единомышленниками Михайловскій жилъ въ атмосферѣ нервныхъ ожиданій какихъ-то крупныхъ осложненій въ соціальной жизни Европы и Россіи, и въ этой атмосферѣ, преломленной въ душѣ русскаго интеллигента 70-хъ гг., создавалось все его міровоззрѣніе. Умудренные тяжелымъ житейскимъ опытомъ, мы теперь не безъ нѣкоторой горькой улыбки видимъ, что въ то время тѣмъ же Михайловскимъ, несмотря на его общее скептически-критическое настроеніе, довольно точно назначалась даже непосредственная дата ожидаемаго переворота. Приблизительно не дальше конца XIX вѣка, вотъ какова была дата «великихъ политическихъ переворотовъ» [1] новѣйшаго времени, поскольку объ этомъ можно судить по статьямъ Михайловскаго...

Итакъ, еще разъ, во избѣженіе всякихъ недоразумѣній: провести отграничительную черту между народниками-бакунистами и Михайловскимъ не всегда легко. Тѣмъ не менѣе черта такая была, и она означала, что тутъ были разнаго политическаго темперамента люди и системы. Отъ настроенія, подсказаннаго фразой: «Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же», Михайловскій сравнительно скоро отказался, противопоставивъ этому голосу «уязвленной *совѣсти*» не менѣе властный «голосъ оскорбленной *чести*». И отказавшись отъ него, онъ постепенно выростаетъ во весь ростъ со всѣми своими чертами типичнаго интеллигента, съ его готовностью отстаивать собственныя «мнѣнія» даже цѣной разрыва съ народомъ и голосомъ его бытовыхъ особенностей. Для Михайловскаго психологически было бы невозможно поставить и формулировать задачи общественной борьбы такъ, какъ ихъ формулировали и ставили

---

[1]) Ср. въ ст. «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ», написанной въ іюлѣ 1869 года.

въ первой половинѣ 70-хъ гг. народники-бакунисты. Онъ долженъ былъ къ нимъ подойти совсѣмъ иначе, и мы уже видѣли, какъ многое въ этомъ случаѣ его отдѣляло отъ другихъ народниковъ той эпохи...

Мы видѣли прежде всего, что онъ, при всемъ увлеченіи общей вѣрой въ близость грядущихъ событій, моментъ *творчества* новыхъ формъ общественной жизни выдвигалъ предпочтительно передъ моментомъ *разрушенія* старыхъ формъ общественнаго строя. Первоначально это различіе своей точки зрѣнія отъ точки зрѣнія, подсказанной «волей къ дѣйствію» Бакунина, Михайловскій пріурочивалъ къ извѣстной полускептической оцѣнкѣ наличныхъ силъ русской «радикально-соціалистической оппозиціи», понимая подъ ней, главнымъ образомъ, интеллигенцію. Но вѣдь это было только первоначально. Разъ выдвинувъ вопросъ о томъ, способны ли мы не къ одному лишь разрушенію, но и постройкѣ новыхъ формъ общественной связи, разъ выдвинувъ такой вопросъ, Михайловскій открывалъ очень широкій путь для всесторонней работы своей критической мысли. И не одна интеллигенція, а равно и тотъ самый народъ, который былъ тогда верховнымъ судьей всѣхъ возможныхъ программъ, долженъ былъ подвергнуться при этомъ всесторонней и реалистической оцѣнкѣ. Вѣдь дѣло шло не о маломъ; дѣло шло о томъ, чтобы, говоря выраженіемъ Достоевскаго, измѣнить весь ликъ міра сего. Слѣдовательно, нельзя было утѣшать себя одними фразами, что народъ безъ нашей помощи самъ сумѣетъ міръ мечты и рай небесный сюда на землю перенесть. Надо было не только въ лицо интеллигенціи, а и въ лицо этому самому народу сказать словами Чернышевскаго: «Гдѣ силы на это дѣло?».. И мы увидимъ въ свое время, что у Михайловскаго нашлось мужество поставить этотъ вопросъ...

Но даже еслибъ онъ его не поставилъ, возможность, вѣрнѣе сказать, неизбѣжность его разногласій съ народниками первой половины 70-хъ годовъ этимъ бы не устранилась. Не устранилась бы, такъ какъ самый вопросъ о народѣ явился производнымъ изъ нѣкотораго болѣе общаго источника разногласій. Мы знаемъ, что Михайловскій и все «активное народничество семидесятыхъ годовъ» пріурочили свои программы къ опредѣленнымъ ожиданіямъ. Скажемъ опять просто и прямо: они вѣрили, что въ близкомъ будущемъ «можетъ произойти огромный переворотъ», что «на насъ уже идетъ революція». Для Михайловскаго, однако, былъ вопросъ не въ томъ, идетъ она или не идетъ. Для него вопросъ былъ въ томъ, какъ *намъ* ее встрѣтить, — «съ Молешоттомъ на устахъ, съ игрушечными коммунами, или съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа, съ полнымъ умѣньемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи». — Вотъ въ чемъ былъ вопросъ, и вотъ гдѣ проходила линія водораздѣла между нимъ и народниками-«бакунистами». Она

проходила именно здѣсь, такъ какъ *такого* вопросъ для лѣваго народничества начала семидесятыхъ годовъ просто не существовало. Этотъ вопросъ могъ родиться на почвѣ принципіальнаго признанія безусловной моральной цѣнности *нашихъ* идеаловъ, готовыхъ противостать въ *этомъ* смыслѣ идеаламъ самого народа, но этотъ вопросъ былъ чуждъ общей психологіи широкихъ круговъ тогдашняго общественнаго движенія...

«Какъ его *намъ* встрѣтить, какъ встрѣтить этотъ переворотъ?» Но на это каждый народникъ эпохи «хожденія въ народъ» отвѣтилъ бы очень просто. Критицизму Михайловскаго онъ противопоставилъ бы тутъ настоящій догматъ бакунинскій символъ вѣры и сказалъ бы: «Народъ самъ безъ нашей помощи создастъ такой общественный строй, лучше котораго мы все равно не сможемъ *сочинить* въ нашихъ кабинетахъ. Наше дѣло разбудить народъ, зажечь въ немъ «святое чувство бунта», выражаясь словами Бакунина, раскачать его спящую силу, а затѣмъ, какъ ветхозавѣтнаго Сампсона, подвести его къ зданію современнаго общественнаго строя и сказать ему: вотъ гдѣ твои враги. Что будетъ дальше,—мы не знаемъ, какъ этого не знаютъ никакіе ученые, не умѣющіе, несмотря на всю свою ученость, опредѣлить даже для себя, какъ народъ будетъ жить на второй день революціи. Но вотъ что мы знаемъ: что бы потомъ ни было, «мы за нимъ, за народомъ, пойдемъ, мы не можемъ итти противъ народа»...

Въ такомъ видѣ рисуется передъ нами столкновеніе между Михайловскимъ и его современниками, столкновеніе въ ихъ программахъ и настроеніи. Этотъ сдвигъ въ настроеніи Михайловскаго и современныхъ ему «бакунистовъ» послужилъ той щелью въ народнической плотинѣ начала 70-хъ гг., черезъ которую вскорѣ хлынула цѣлая волна разногласій. Я уже указалъ ихъ общее направленіе, сейчасъ мы остановимся на нихъ подробнѣе и еще болѣе конкретно, но предварительно мы должны снова вернуться къ основному поводу для нашей статьи, къ книгѣ В. Я. Богучарскаго «Активное народничество семидесятыхъ годовъ»...

Евгеній Колосовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Автобіографическія записки В. М. Максимова.

(Продолженіе.)

Снова у богомаза.

Телятникъ Иванъ Өедоровичъ Шараповъ, покупавшій телятъ у моей матушки, возилъ ихъ сюда въ своей лодкѣ, недавно онъ привозилъ мнѣ подушку, за которой я ходилъ на устье Новой Канавы, гдѣ стояла его лодка... На этомъ я и остановился совершенно успокоенный. Потихоньку всталъ съ постели, досталъ свою гнутую изъ осины легкую коробку, вынулъ изъ нея всѣ хозяйскія вещи: бѣлье, полотенца, карандаши, сложилъ внизъ всю мелочь, вложилъ туда же подушку, завязалъ и вынесъ по черной лѣстницѣ внизъ, никого не встрѣтивъ. Я пошелъ той дорогой, по которой ходили въ Невскую лавру къ заутренѣ и къ обѣднѣ, черезъ задній дворъ на перерѣзъ Николаевской желѣзной дороги. Ни души живой не встрѣтилъ я, дойдя до воротъ монастыря. Отсюда направился мимо хлѣбныхъ амбаровъ и скоро былъ у мѣста.

В. М. Максимовъ въ 1862 году.

На мое великое счастье, телячья лодка Шарапова стояла готовая къ отплытію, нагруженная разными товарами для новоладожскихъ купцовъ, и самъ Шараповъ стоялъ на кормѣ лодки и умывался.

Выждавъ, пока онъ помолится Богу, я обратился къ нему съ просьбой отвезти меня до Старой Ладоги. Онъ согласился, указалъ на сходню, и сказалъ: «Иди».

Его работникъ въ это время поилъ лошадь, посвистывая и гладя ее по спинѣ. Скоро Шараповъ собрался итти въ городъ за покупками, спросилъ у меня, есть ли у меня деньги: надо купить

на дорогу ѣды. Я далъ ему 50 коп., просилъ купить, что онъ знаетъ, надо бы чаю, говорю, и сахару купить и прибавилъ еще двугривенный. «Ишь, какой ты небережливый, знать много у тебя денегъ то, смотри, братъ, теперь у тебя нѣтъ матери». Этими словами онъ заставилъ меня задуматься. Но я думалъ о томъ, будутъ ли искать меня, когда всѣ проснутся и увидятъ оставленныя мною хозяйскія вещи.

Съ тревогой смотрѣлъ я на каждаго прохожаго. Вернулся съ покупками Шараповъ, сталъ спѣшить отваливать, такъ какъ дулъ попутный вѣтеръ и можно было итти на парусѣ. Лошадь стояла въ носу лодки. Подняли парусъ; вѣтеръ сначала слабо подувалъ, потомъ, по выходѣ на середину рѣки, сильно потянуло лодку противъ теченія. Мы всѣ помолились Богу. Я почувствовалъ себя въ полной безопасности, готовъ былъ пѣть пасхальный канонъ, такъ какъ на слѣдующей недѣлѣ былъ праздникъ Вознесенія.

Часъ спустя мы втроемъ сидѣли за самоваромъ, пили чай и закусывали. Шараповъ накупилъ мнѣ ворохъ ѣды, а денегъ осталось чуть не половина.

Въ Шлиссельбургѣ я проснулся отъ грохота спускаемаго паруса. Весь путь я спалъ на тюкахъ—мѣшкахъ, одѣтый поверхъ рубашки въ свой легкій казакинъ; я весь дрожалъ отъ озноба. Шараповъ это замѣтилъ, заставилъ помогать втягиваться въ канаву, убирать парусъ, таскать съ палубы въ большую каюту мѣшки. За работой я согрѣлся. Мы пошли въ трактиръ пить чай; ознобъ прошелъ; здѣсь я закусилъ и вернулся къ лодкѣ, чтобы послать на свое мѣсто работника, а самому сторожить лодку.

Шараповъ прикупилъ въ дорогу провизіи и на мой пай; она состояла изъ пирога съ рыбой и вареной печонки. Мы двинулись въ путь тягой лошади. Судовъ въ Петровскомъ каналѣ было много—тогда еще не существавало второго канала, бечева путалась съ тянувшими тяжелыми судами и гонками. По правиламъ судоходства легкимъ судамъ должны давать свободный ходъ—за это право и шла брань. Ночь мнѣ не спалось, я тоскливо смотрѣлъ на скучные плоскіе берега, на деревушки, гдѣ намъ предлагали молока. Шараповъ узналъ отъ встрѣчныхъ, что впереди канава свободна, предложилъ мнѣ замѣнить работника, сойти на берегъ погонять лошадь, а рабочему дать отдохнуть.

Я былъ радъ услужить, принялся за незнакомое дѣло, однако скоро привыкъ, благодаря послушной лошадкѣ, и отшагалъ верстъ десять. Той порой мы подошли къ пристани, гдѣ Шараповъ на тридцать верстъ нанялъ лошадь съ погонщикомъ, а свою поставилъ въ лодку на кормъ и отдыхъ; теперь уже онъ самъ легъ спать, такъ какъ парень вмѣсто него всталъ на руль. Я легъ спать съ нимъ въ каютѣ, гдѣ было тепло и мягко; для довершенія комфорта досталъ изъ своего сундучка подушку и заснулъ сладкимъ сномъ.

Такимъ образомъ мы доѣхали до Новой Ладоги; здѣсь предстояло разгрузить лодку отъ клади (работа медленная—суточная).

Сначала я не хотѣлъ показываться дядѣ от. Трифилію, потомъ стыдно стало своего малодушія и лжи, и я, помолившись, отправился къ нему налегкѣ, оставивъ вещи въ лодкѣ Шарапова. Засталъ я дядю за утреннимъ кофе; неласково онъ принялъ меня; долго молчалъ, потомъ спросилъ, почему, не сказавши ему, я вышелъ изъ монастыря.

Тутъ я съ полной чистосердечностью разсказалъ исторію выхода изъ монастыря, неудачную попытку выучиться мастерству у Пѣшехонова и о своемъ побѣгѣ отъ него.

Вспомнилъ я всѣ оскорбленія мастеровыхъ и расплакался... а дядя сказалъ болѣе мягко: «Не плачь, ты довольно наказанъ за ослушаніе, а теперь, Паша,—обратился онъ къ женѣ,—налей ему чашку кофе».

«Ну, Вася, вижу, ты истинный сынъ Анастасіи Васильевны, такъ поступай и впредь, не лги, а твердо, безъ лжи, добивайся до дѣла, какое намѣтилъ».

Онъ велѣлъ прійти къ нему лѣтомъ до отъѣзда въ Петербургъ, а теперь, говоритъ, возьми книгу, почитай, такъ какъ до обѣда еще долго.

Я сказалъ, что схожу на лодку за своими рисунками, и побѣжалъ во весь духъ. Среди выгружаемой клади едва нашелъ свою коробку, доставши со дна рисунки, я хотѣлъ бѣжать. Шарановъ остановилъ меня, сказавъ, что мы черезъ два-три часа поѣдемъ въ Старую Ладогу. Дядя одобрилъ всѣ рисунки, далъ мнѣ плотной бумаги, годной только для писанія карандашомъ,—перо упиралось и прыгало по шершавой поверхности.

То, чего я боялся, миновало болѣе чѣмъ благополучно; дядя цѣлый мѣшокъ далъ гостинцевъ для деревни, а лично мнѣ, провожая меня, купилъ чаю и сахару, при этомъ сунулъ въ руку 50 коп. на уплату лодочнику.

Братъ Алексѣй встрѣтилъ меня безъ удивленія; у него были въ гостяхъ недавно вернувшіеся домой гребцы Семенъ Лисинъ и крестный Тимоѳей Елисеевичъ; они въ мрачныхъ краскахъ разсказали о моей жизни у Пѣшехонова, да и самъ онъ съ той поры все думалъ, что поступилъ нехорошо, положась во всемъ на хозяина. Однако я рѣшительно заявилъ брату о необходимости 15 августа ѣхать въ Питеръ.

Пуще всего боялся я, что меня оставятъ дома нянчить двухъ младенцевъ (одинъ изъ нихъ мой крестникъ Вася), третьяго младенца Варвара носила во чревѣ...

Вопросъ пѣстованія съ дѣтьми отпадалъ въ силу уговора съ портнымъ мастеромъ Колчинымъ, у котораго учился братъ Ѳедя. Мастеръ отпускалъ ученика на все лѣто домой потому, что порт-

няжной работы лѣтомъ не имѣлъ, а имѣлъ землю, самъ ее съ своей семьей обрабатывалъ и не нуждался въ Ѳедѣ съ Николина дня вплоть до сентября.

На третій день къ вечеру пришелъ Ѳедя; обрадовались мы другъ другу до слезъ.

Онъ расхвалилъ своего хозяина Ивана Николаевича Колчина, бывшаго ученика городского портного Крылова, у котораго началъ ученье Ѳедя. Добрый, ласковый, онъ мухи не обидитъ, а мастеръ чудесный, онъ постоянно показываетъ, какъ надо кроить. Двѣ дочери его также шьютъ, но больше женскую одежду. Вскорѣ собрался я въ монастырь, былъ у А. Ф. Калмыкова, у Антонія, показывая свои рисунки, возбудилъ удивленіе у от. Антонія и нѣкоторую зависть у Калмыкова, ему также захотѣлось учиться рисовать. На вопросъ от. Антонія, что же теперь я намѣренъ дѣлать съ собой, я отвѣчалъ: поѣду искать новаго хозяина, такого, который согласится отпускать меня три раза въ недѣлю въ школу рисованія на биржу и домой въ праздники.

Все лѣто я рисовалъ съ утра до вечера съ различныхъ предметовъ, съ своихъ товарищей, съ бурлаковъ на берегу, съ деревенскихъ избъ снаружи и внутри, стараясь сдѣлать отчетливо, чтобы всякій съ перваго взгляда понималъ рисунокъ. Часто я бѣгалъ въ монастырь къ от. Антонію показывать рисунки, онъ дѣлалъ замѣчанія, разъяснялъ, какъ нужно исправлять ошибки.

У Ильи пророка я замучилъ свою тетушку Татьяну Васильевну, срисовывая съ нея портретъ за портретомъ, а также съ дяди Ивана Яковлевича.

7 августа, получивъ отъ Калмыкова 5 рублей, я пошелъ за паспортомъ въ волостное правленіе съ письмомъ къ писарю отъ его брата, жившаго въ Никольскомъ монастырѣ. Отдавши писарю письмо и три рубля, я скорехонько получилъ въ руки полугодовой паспортъ. Пѣшехоновъ черезъ полицію отправилъ паспортъ въ правленіе, писарь обѣщалъ все дѣло это закончить.

Изъ правленія я зашелъ въ Новую Ладогу къ дядѣ, получилъ строгія наставленія и два письма, одно для передачи его дочери Аксиньѣ Трифиловнѣ, другое къ его родному брату митрополичьему діакону Василію Васильевичу Колумбову.

Не надо смущаться, что у родныхъ братьевъ двѣ разныя фамиліи; въ старой бурсѣ въ началѣ прошлаго столѣтія это было зачастую. Отпуская меня домой, от. Трифилій далъ мнѣ два рубля на расходы по дорогѣ въ С.-Петербургъ.

От. Антоній, Калмыковъ и Нечаевъ собрали мнѣ около 15 рублей; Нечаевъ опять написалъ письмо своему дядѣ Ѳ. Ѳ. Заморину.

Хозяинъ Ѳеди соорудилъ мнѣ отличную поддевку, изъ подареннаго А. Ф. Калмыковымъ суконнаго подрясника, на байковой подкладкѣ.

Около половины августа, 1856 года, я снова въ Петербургѣ у Заморина, предложившаго мнѣ столъ и ночлегъ до пріисканія мѣста, съ условіемъ, чтобы послѣ четырехъ часовъ дня я служилъ гостямъ въ его портерной лавкѣ, а по утрамъ искалъ мѣста.

Я согласился на условія. Отдалъ Заморину паспортъ и остатокъ денегъ 10 рублей, — поселился у него на временное житье и пошелъ искать мѣста въ мастерской живописца.

Въ 1856 году, въ августѣ, Петербургъ готовился къ встрѣчѣ государя послѣ коронаціи въ Москвѣ; всѣ главныя улицы украшались, по-сказочному, скоро и на диво роскошно; еще сегодня домъ стоялъ голехонекъ, а на другой день его не узнать; онъ весь до крыши пестрѣлъ убранствомъ. На углу Литейнаго и Невскаго поражала всѣхъ картина, живописью исполненная: людей подносящихъ хлѣбъ-соль; сказали, что это у дома Кокорева. Городская дума была неузнаваема по своимъ украшеніямъ. Куда ни оглянешься, всюду видишь либо русскую женщину, одѣтую лучше чѣмъ въ хороводѣ, либо ангеловъ съ трубами, а ковровъ и всякихъ матерій и не сосчитать.

Подъ видомъ исканія мѣста я бродилъ по улицамъ и любовался ихъ убранствомъ, возвращаясь домой голодный и усталый. Здѣсь меня хорошо кормили, давали отдохнуть, и я принимался разносить пиво и медъ гостямъ, среди которыхъ были у меня любимцы, постоянно дававшіе мнѣ мелочь на чай. Я не смѣлъ брать денегъ, но Ѳедосей Ѳедосеевичъ сказалъ, что не взять отъ гостя, когда онъ самъ даетъ, значитъ обѣдить его. Всю такую мелочь я обыкновенно отдавалъ на храненіе Заморину. Онъ меня полюбилъ, какъ родного, никому не давалъ меня въ обиду. Хотя это была просто портерная лавка, но здѣсь гораздо лучше вели себя люди, чѣмъ въ мастерской Пѣшехонова его мастера.

Въ сосѣдствѣ съ портерной были три комнаты, гдѣ жила семья Заморина, жена его Марія Дмитріевна, дочь Софія 16 лѣтъ и младшая Маня 6 лѣтъ. Мать и старшая дочь были очень красивы, но такъ блѣдны, будто мѣломъ вымазаны; онѣ пили молоко отъ козы, гулявшей на дворѣ и заходившей въ комнаты.

Жена Ѳ. Ѳ. Заморина была лютая женщина; рѣдкая прислуга жила мѣсяцъ-два и уходила со слезами. Мужъ ничѣмъ не могъ угодить ей, старшая дочь боялась ее и ненавидѣла; только одинъ Сережа пользовался ея благоволеніемъ, но и ему часто попадало за его сходство съ отцомъ. А отецъ былъ еще до сихъ поръ собою красивъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ.

Слава Богу, эта женщина меня не замѣчала, Заморинъ ей ничего обо мнѣ не говорилъ и меня предупредилъ не разсказывать, что я ему рекомендованъ монахомъ Нечаевымъ.

Сколько ни ходилъ я по мастерскимъ иконописцевъ, вездѣ получалъ отказъ.

Съ нѣкоторымъ страхомъ пошелъ я въ мастерскую Ѳаддеева, славившагося мастерствомъ, прямотой и хорошимъ содержаніемъ учениковъ, засталъ его за работой. Разсмотрѣвъ мои рисунки, онъ сказалъ, что «взялъ бы тебя въ ученье, несмотря на заявленіе Пѣшехонова въ цехъ, будто ты кому-то голову откусилъ, да у меня отъ платныхъ учениковъ нѣтъ отбоя. Сходи къ художнику Васильеву, онъ также не боится Пѣшехонова». Только въ четвертый разъ засталъ дома Васильева, который, увидя мои рисунки, пожалѣлъ, что я вчера не подождалъ его, а онъ именно вчера взялъ мальчика. «Навѣдайся, — говоритъ, — черезъ мѣсяцъ ко мнѣ».

Отчаявшись найти мѣсто, я повѣсилъ голову, Заморинъ ободрялъ меня. Около часу дня въ портерную зашелъ прилично одѣтый человѣкъ, спросилъ пива, замѣтивъ, что я сѣлъ и рисую, подошелъ, посмотрѣлъ рисунки, спросилъ давно ли я учусь, знаю ли грамоту.

Я сказалъ о желаніи поступить въ мастерскую живописца, который отпускалъ бы меня въ школу рисованія на биржу. Онъ написалъ записку съ адресомъ мастера, велѣлъ сходить къ нему и сказать, что отъ художника Комашева, что на-дняхъ онъ самъ придетъ къ нему въ гости.

Въ тотъ же день я былъ у новаго хозяина. Жилъ онъ бѣдно съ женой и двумя дѣтьми, держалъ одного мастера, молодого человѣка, и въ ученикѣ очень нуждался. Позвалъ онъ мастера посмотрѣть мои рисунки и, чтобы убѣдиться въ моемъ умѣньи рисовать, далъ мнѣ оригиналъ носа и два глаза. Съ нихъ я нарисовалъ копіи; дали мнѣ поѣсть и потомъ стали говорить объ условіяхъ. Хозяинъ и его мастеръ дивились моей осмотрительности, настойчивомъ требованіи о правѣ посѣщенія рисовальной школы, посѣщеніи церкви въ праздничные дни. Хозяинъ и мастеръ выслушали меня и ушли въ другую комнату, тамъ они долго о чемъ-то говорили, а потомъ хозяинъ велѣлъ мнѣ приходить завтра съ кѣмъ-нибудь изъ взрослыхъ, чтобы окончательно условиться.

Я разсказалъ все Ѳ. Ѳ. Заморину, просилъ его настаивать на школѣ, одеждѣ и проч.

Онъ завѣрилъ меня, что теперь не такъ будетъ уговариваться, какъ съ Пѣшехоновымъ. И дѣйствительно, Заморинъ до мелочей выговорилъ всѣ условія, самъ написалъ черновикъ, подъ которымъ онъ и хозяинъ подписались, а подлинный контрактъ заключить долженъ былъ пріѣхать братъ Алексѣй. Заморинъ послалъ брату на проѣздъ три рубля, попросилъ меня остаться у него нѣсколько дней, пока найдетъ мальчика для услугъ, на что я согласился за его доброе ко мнѣ отношеніе; мальчикъ нашелся на другой же день, и я простился съ этимъ добрымъ человѣкомъ, оставивъ на сохраненіе у него всѣ свои капиталы.

20 сентября 1856 года пріѣхалъ братъ Алексѣй. Я уговорился съ Заморинымъ, чтобы онъ присутствовалъ свидѣтелемъ при за-

ключеніи контракта и не упустилъ бы моихъ интересовъ, не полагаясь на брата, такъ какъ братъ не зналъ порядковъ городскихъ мастерскихъ и вообще мало заботился обо мнѣ. Оно такъ и вышло; Алексѣй опять соглашался скорѣй съ хозяиномъ, чѣмъ со мной, тогда Заморинъ заставилъ всѣхъ обратиться ко мнѣ, согласенъ ли я, такъ какъ никому, какъ мнѣ, придется отбывать пятилѣтній срокъ контракта. Дѣло пошло скорѣе, условія выработали безобидныя: положено отпускать въ школу по минованію двухъ лѣтъ въ часы, указанные правилами школы; для выхода въ школу одежда должна быть приличная и соотвѣтственная времени года, плата за обученіе хозяйская, посѣщеніе церкви и проч. По окончаніи срока вся старая одежда остается въ пользу ученика и вновь прикупленная одежда не дороже 25 руб.; деньгами на выходъ 25 руб. Контрактъ заключенъ у нотаріуса, брату выдана копія, оригиналъ хозяину. *Контрактъ заключили на пять лѣтъ съ 1 ноября 1856 года.* Я жилъ пока по паспорту, выданному изъ волостного правленія на полгода. Только послѣ этого хозяинъ отдалъ въ прописку контрактъ. Собрались всѣ въ квартирѣ хозяина; онъ распорядился закуской и чаемъ, но Ѳ. Ѳ Заморинъ пригласилъ всѣхъ въ гостиницу, сказавъ, что онъ радъ за хозяина, что онъ взялъ такого способнаго и милаго мальчика Василія и проситъ позволенія угостить компанію лично отъ себя, чѣмъ Богъ послалъ.

Конечно, всѣ съ радостью согласились, а я чистосердечно обнялъ и поцѣловалъ Ѳ. Ѳ. Заморина за его отзывъ обо мнѣ.

Въ трактирѣ за угощеніемъ заговорили всѣ откровеннѣе. Хозяинъ мой Кононъ Алексѣевичъ Ярыгинъ указалъ мнѣ на мастера Николая Яковлевича Зрачкова, вольноприходящаго ученика Академіи Художествъ, моего будущаго учителя, велѣлъ его слушаться. Братъ ничего не пилъ, кромѣ меда, умилялся на рѣчи городскихъ людей, особенно на Заморина, и тутъ бухнулъ о разницѣ между теперешнимъ хозяиномъ и богачомъ Пѣшехоновымъ. Кононъ Алексѣевичъ смиренно сказалъ, что онъ по скромности и человѣколюбію за то и бѣденъ. Заморинъ ловко о чемъ-то заговорилъ по поводу коронаціи и замялъ братнинъ выходъ изъ молчанія. Разошлись дружески. На утро я простился съ братомъ, взявъ у него копію съ контракта для передачи на храненіе Заморину.

На утро меня посадили за рисованіе съ носовъ, глазъ, рукъ, ногъ, потомъ цѣлыхъ фигуръ, затѣмъ съ головъ мужскихъ и женскихъ, съ гравюръ, съ замѣчательныхъ образовъ Боровиковскаго, Корреджіо и другихъ древнихъ мастеровъ все еще карандашомъ, а иное тушью; Зрачковъ усердно показывалъ мнѣ, исправляя грубыя ошибки; въ общемъ онъ былъ мною очень доволенъ.

Черезъ два мѣсяца дали мнѣ копировать икону Казанской Божіей Матери, потомъ Спасителя. Долго я надъ ними работалъ; поправленныя Зрачковымъ, онѣ сбыты были въ Гостиный дворъ

У СВОЕЙ ПОЛОСЫ.

(Картина В. М. Максимова; находится въ Третьяк. галлерей.)

«подъ ризы». Это особый сортъ образовъ, которыми благословляютъ передъ свадьбой, на нихъ обыкновенно дѣлаютъ ризы мѣдныя или серебряныя, смотря по достоинству живописи. Размѣръ такихъ образовъ отъ 4 до 6 вершковъ—рѣдко 7 или 8 вершковъ. На нихъ, да еще на Нерукотворенномъ Спасѣ, для домика Петра 1-го, я сидѣлъ весь годъ. Надоѣло мнѣ все одно и то же. Между тѣмъ я продолжалъ рисовать очень свободно всякія композиціи и кой-что срисовывалъ съ натуры.

Не рѣдко приходилъ къ намъ художникъ Комашевъ, онъ особенно настаивалъ на писаніи съ натуры. «Если, — говоритъ, — нѣтъ у тебя натурщика — возьми зеркало, поставь передъ собой и пиши, пока не устанешь».

Ѳ. Ѳ. Заморинъ далъ мнѣ отличное зеркало, имъ я долго пользовался. Къ Зрачкову приходилъ его землякъ Ѳирсъ Сергѣевичъ Журавлевъ, ученикъ Академіи. Отъ нихъ я много слышалъ разговоровъ объ Академіи, объ Эрмитажѣ, гдѣ много картинъ и куда пускаютъ по билетамъ. Я попросилъ взять меня съ собой, и черезъ нѣкоторое время я съ полученнымъ отъ нихъ билетомъ, вмѣстѣ съ ними, ходилъ туда. Тамъ все поражало: зданіе, роскошь залъ, величина картинъ, живость портретовъ, груды дичи — хоть рукой бери, картины Мурильо, Веласкеза и все, на что ни поглядишь. Долго, очень долго держалось въ памяти все видѣнное мною, я снова неотступно просилъ достать билетъ, и когда его достали, то я одинъ пошелъ въ Эрмитажъ и остался здѣсь, пока не позвонили къ выходу.

Квартира Конона Алексѣевича Ярыгина находилась на Гороховой улицѣ, рядомъ съ Московской частью въ д. Домонтовичевой. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и прихожей, здѣсь же и кухня; мастерская въ два окна была первою отъ прихожей, за ней шли двѣ комнаты, занимаемыя хозяевами, а задняя отдавалась въ наймы земляку владимирцу, торговцу толкучаго рынка, имѣвшему подручнаго мальчика.

Н. Я. Зрачковъ спалъ въ мастерской за черной ширмой. Ходъ изъ хозяйской комнаты былъ одинъ въ мастерскую, другой въ коридоръ также, а изъ задней жильцовой комнаты только въ коридоръ. Жильцы рано кончали торговлю, мальчикъ всегда былъ на посылкахъ у хозяйки. Вотъ почему я первый годъ не отвлекался на бѣготню и работу въ кухнѣ, быстро подвигаясь въ ученьѣ.

Гораздо раньше указаннаго въ контрактѣ срока, въ 1857 году, съ 1 января, Кононъ Алексѣевичъ меня отпустилъ въ воскресную рисовальную школу при Технологическомъ институтѣ, гдѣ меня приняли прямо въ третій классъ по представленнымъ рисункамъ и дали рисовать съ оригинала женской головы итальянскимъ карандашомъ. Жена Конона, молодая, красивая бѣлотѣлая женщина, относилась къ моему необычайному рвенію скорѣе выучиться ма-

стерству съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, у нея съ мужемъ выходили разногласія, когда она попусту отрывала меня отъ работы, наряжая въ кухню мыть посуду. Дѣти въ мастерскую ходили очень рѣдко, но и то при отцѣ, а безъ отца Прасковья Ивановна строго запрещала показывать здѣсь свой носъ. На это она имѣла особыя причины.

Она сильно ухаживала за молодымъ мастеромъ Н. Я. Зрачковымъ, онъ за своей ширмой пилъ кофе, ѣлъ вкусную, особенно для него приготовленную закуску, въ то время, когда Конона не было дома. Я все это ясно видѣлъ, хотя не показывалъ своего наблюденія.

Комната пустовала. Хозяева готовы были отдать еще одну изъ своихъ комнатъ, чтобы удешевить плату за квартиру, но жильцовъ не являлось. Тогда Зрачковъ предложилъ въ счетъ уплаты долга отдать ему одну изъ комнатъ, — Кононъ согласился, и онъ взялъ свою ширму изъ угла мастерской себѣ въ комнату. Въ отсутствіи Конона дѣти спроваживались въ мастерскую, а Зрачковъ надолго уходилъ въ свою комнату.

Заказовъ никакихъ не было, стали перебиваться рыночными работами, — всѣ пріуныли, ѣда стала скудная, особенно мнѣ. Однажды Кононъ вернулся домой радостный, онъ получилъ заказъ болѣе чѣмъ на сто рублей, мы его выполнили въ три недѣли. На мою долю выпало скопировать образъ вел. кн. Александра Невскаго въ церкви Введенія въ семеновскомъ полку. Работа удалась. Скоро мы всѣ торжествовали за вкуснымъ воскреснымъ обѣдомъ. На этотъ разъ меня посадили за столъ вмѣстѣ съ собой, я чувствовалъ, что заслужилъ такой почетъ. Хозяинъ, хозяйка и Зрачковъ выпили, Кононъ сказалъ, что вотъ какъ отличился Васютка, его работа безъ поправокъ сошла не хуже Николая Яковлевича (т.-е. Зрачкова). Зрачковъ покраснѣлъ, а Прасковья стала насмѣхаться надо мной, что я теперь буду учителемъ Зрачкова, а она должна ухаживать за главнымъ мастеромъ, и при этихъ словахъ плеснула мнѣ въ лицо компотомъ. Кононъ размахнулся и что есть мочи ударилъ жену, Зрачковъ вскочилъ, хотѣлъ за нее заступиться, Кононъ закричалъ на него: «Пошелъ прочь. И завтра же чтобы твоего здѣсь духу не было, выѣзжай отсюда». Такъ кончился начавшійся весело обѣдъ.

Кононъ остался дома, а Зрачковъ ушелъ; Прасковья пошла убирать посуду одна, меня не заставила даже ножи почистить, я чувствовалъ себя какъ на угольяхъ.

Поутру Кононъ молча отдалъ деньги Зрачкову, тотъ взялъ, не сказавъ ни слова, не подавъ никому, кромѣ хозяйки, руки, началъ выносить свои вещи на извозчика.

Мнѣ было тяжело отъ этого разлада.

Кононъ Алексѣевичъ былъ лѣтъ подъ сорокъ здоровый мужчина, высокаго роста, темноволосый красивый владимирскій кре-

стьянинъ, добродушный, съ хитрецой, покладливый человѣкъ, многое дѣлавшій «наавось», онъ и женился на молодой красивой бѣлотѣлой кухаркѣ, жившей у господъ, дѣвицѣ бойкой, за которой волочился цѣлый хвостъ ухаживателей, какъ она сама объ этомъ говорила. Онъ думалъ, что, выйдя замужъ, она перемѣнится, но ошибся, — Прасковья осталась попрежнему беззаботной, веселой женщиной.

Кононъ нашелъ новую квартиру (противъ старой), въ домѣ протоіерея Окунева, тоже на Гороховой, такую квартиру, чтобы жить безъ жильцовъ; она состояла изъ двухъ огромныхъ комнатъ, большой, съ перегородкой кухни и небольшой прихожей въ надворномъ флигелѣ, обращенномъ на солнечную сторону. Квартира во второмъ этажѣ; домъ старой постройки, крытый черепицей. Мы переѣхали туда съ радостью изъ прежней запущенной грязной квартиры, выходившей окнами на помойную яму.

Квартира оказалась счастливая, заказы въ ней не переводились. Вскорѣ поступилъ къ Конону для дожитія контрактнаго срока ученикъ изъ мастерской недавно умершаго хозяина Моисея Сметанникова, звали ученика Александръ Дмитріевичъ Коузовъ. Это былъ отличный мастеръ, выучившійся подъ руководствомъ сына Моисея Сметанникова художника Ивана Моисеевича строгому рисунку и законченному письму. Для Конона это былъ сущій кладъ.

Новый ученикъ-мастеръ, привыкшій къ порядку, потребовалъ себѣ того же и здѣсь, Кононъ готовъ былъ на всѣ уступки, а Прасковья, обиженная за Зрачкова, во всемъ перечила мужу, однако, въ виду требованія строго выполнять сметанниковскій контрактъ, она смирилась и стала вымѣщать на мнѣ свою злобу, какъ и слѣдовало.

Бѣлье мнѣ не стирали, сапоговъ у меня крѣпкихъ не было; когда всѣ садились обѣдать, меня она посылала за покупками, вечеромъ, когда всѣ ложились спать, меня заставляла грѣть самоваръ и мыть посуду, а поутру нарочно сама вставала раньше, чтобы перваго меня разбудить ставить самоваръ. Между тѣмъ, какъ даже и обычный порядокъ былъ тяжелъ для подрастающаго юношества, она его сократила для сна на цѣлыхъ два часа.

Послѣ шестичасового сна цѣлый день ходишь вялый; лѣтомъ, въ жаркое время, сидя за мольбертомъ, дремлешь, случалось, что упадешь, какъ снопъ, съ палитрой въ рукахъ.

Ожесточила меня хозяйка, и я сталъ искать случая разоблачить ея дурные поступки. Она потихоньку отъ мужа пошлетъ за водкой, я схожу, а водку отдамъ въ руки мужа, въ отсутствіе хозяйки приходила изъ бѣлошвейной мастерской дѣвочка и велѣла мнѣ этотъ пакетикъ небольшой съ платочками отдать въ руки хозяйкѣ, я обѣщалъ, а самъ развернулъ бумагу посмотрѣть, что за платки, какъ увидѣлъ на нихъ мѣтки гладью Н. и З.,

смекнулъ для кого они назначены и отдалъ Конону. Когда пришла домой хозяйка, произошла бурная сцена. Каюсь, я радовался.

Въ лицѣ новаго взрослаго ученика, Коузова, — ему было уже 19 лѣтъ — у меня была нравственная поддержка; нельзя безнаказанно нарушать и мой съ хозяиномъ договоръ, а онъ нарушался во множествѣ случаевъ.

Одно изъ главныхъ условій не исполнилось: въ школу отпускали, но не въ биржевую, а въ воскресную технологическую, а ходить не въ чемъ.

У меня не было никакой постели, даже лохмотьевъ для подстилки; на голый полъ я подкладывалъ подъ себя мѣшокъ, купленный мною въ лавкѣ, одѣвался своей единственной поддевкой, въ изголовьѣ клалъ подушку, пока ее не отняла хозяйка, и спалъ.

Пріѣзжалъ дядя от. Трефилій, былъ у меня, говорилъ съ хозяиномъ, оставшись доволенъ отзывомъ его обо мнѣ, взялъ меня съ собой въ гости къ своей дочери Ксеніи Трефильевнѣ, бывшей замужемъ за дьячкомъ церкви департамента удѣловъ, теперь на этомъ мѣстѣ выстроенъ дворецъ в. кн. Владимира Александровича. Ксенія Трефильевна первая обратила вниманіе, что меня одѣваютъ оборванцемъ, и рѣшила было сдѣлать хозяину замѣчаніе; эту задачу взялъ на себя ея мужъ Алексѣй Ивановичъ Виноградовъ. На вопросъ дяди, что я читаю, я съ грустью сказалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ монастыря, не имѣлъ возможности взять книгу въ руки.

Цѣлую вязку книгъ прислалъ мнѣ Алексѣй Ивановичъ съ церковнымъ сторожемъ при запискѣ, какія книги я долженъ читать сначала. Не понравилось это Конону, разсердился онъ на кутейниковъ, но все же купилъ мнѣ приличное пальто, которое висѣло въ его комнатѣ и выдавалось рѣдко.

1858 годъ.

1858 годъ особенно памятенъ двумя событіями: открытіемъ Исаакіевскаго собора и выставкой картины Иванова «Явленіе Христа народу». Самое открытіе я наблюдалъ съ крыши дома графа Зубова, отсюда видно было стоявшее около собора войско, тысячи духовенства, безчисленное множество пѣвчихъ, слышно было ихъ могучее пѣніе «Тебѣ Бога хвалимъ»; хоры военной музыки, игравшіе «Коль славенъ» и затѣмъ разные марши долго раздавались съ разныхъ сторонъ. Внутрь собора трудно было попасть въ первые дни, а попадешь, такъ къ образамъ близко не подойти отъ тѣсноты. Спустя мѣсяцъ, я часто бѣгалъ сюда любоваться на образа и убранство собора. Въ хорѣ пѣвчихъ я узналъ трехъ человѣкъ изъ нашего монастырскаго хора: двухъ басовъ Власова, Лебедева и тенора Быстрякова — они по старой памяти водили меня въ алтарь и на колокольни.

Картина Иванова и его этюды оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе; я три раза ходилъ на выставку. Живыя тѣла, лица и цвѣта одеждъ апостоловъ такъ крѣпко запечатлѣлись въ памяти, что, спустя много лѣтъ, въ разговорѣ съ покойнымъ Ив. Н. Крамскимъ я назвалъ всѣ цвѣта одеждъ, не видѣвъ послѣ выставки этой дивной картины. Когда я въ 1871 году былъ въ Москвѣ и смотрѣлъ въ Румянцевскомъ музеѣ эту картину, она мнѣ не показалась новою; она была, точно, та самая въ смыслѣ оцѣнки достоинствъ, какою я ее видѣлъ и понялъ въ 1858 году.

Коузовъ кончилъ срокъ — ушелъ отъ Конона и сталъ хозяиномъ-кустаремъ; дѣло у него пошло хорошо. Я остался одинъ въ мастерской Конона, взятъ былъ мальчикъ-хохолъ, братъ офицера семеновскаго полка, но прожилъ всего три-четыре дня и сбѣжалъ отъ нашей утлой жизни. Здѣсь и мнѣ привычному человѣку иногда бывало такъ трудно, что заберешься куда-нибудь подальше отъ людей, чтобы въ слезахъ выплакать свое горе. Для исполненія цѣнныхъ заказовъ Кононъ обращался къ художнику Ивану Моисеевичу Сметанникову, у котораго, какъ я упоминалъ, учился Коузовъ. Прекрасный художникъ, умный, развитой, скромный человѣкъ, онъ имѣлъ слабость къ вину, но я его никогда не видалъ пьянымъ,—такъ прилично онъ себя держалъ. Я всегда радовался его приходу, охотно слушалъ его, можно сказать, насыщался его наставленіями. Онъ владѣлъ способностью до осязательности ясно передавать замѣчанія, совѣты, правила, нарушеніе которыхъ ведетъ на смарку все дѣло, всю работу. И послѣ, уже въ академическую пору, его слова служили основой къ достиженію цѣли, когда я писалъ въ этюдномъ классѣ натурщиковъ.

1859 годъ.

Баронъ Косинскій заказалъ образъ Варлаама Хутынскаго. Онъ принесъ для образца древнюю икону святого, написать же просилъ не яичными красками, а живописью,—масляными красками. Кононъ поручилъ мнѣ эту работу, не подозрѣвая могущихъ произойти послѣдствій въ случаѣ, если работа не понравится. Цѣна назначена была очень высокая. Кононъ пожадничалъ и не отдалъ Сметанникову.

Я работалъ съ увлеченіемъ и кончилъ раньше срока. Заказчикъ остался доволенъ и обѣщалъ скоро зайти заказать большую работу. Мнѣ онъ пожаловалъ на чай рубль.

Кононъ обрыскалъ много церквей, чуть не съ половины Великаго поста, и получилъ доставить въ Великую субботу артусы, расписанные, какъ полагается. Цѣна по вѣсу артуса съ доставкой. Всю Страстную недѣлю съ утра до ночи я писалъ на верхней части артуса Воскресеніе Христово. Въ помошь былъ взятъ ушедшій отъ Васильева бывшій его ученикъ Евдокимъ Никулинъ, оставшійся у насъ послѣ Пасхи жить помѣсячно за очень малую плату. Ма-

стеръ онъ былъ не важный, но для такой работы самый подходящій, такъ какъ умѣлъ дѣлать скоро. Картинка писалась на тонкой бумагѣ, потомъ наклеивалась на артусъ густымъ клейстеромъ. Артусъ золотился, серебрился и т. д.

Всѣхъ картинъ заготовлено нами 19 штукъ. Кононъ золотилъ, расписывалъ узоры, текстъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ» и т. д. мы, освободившіеся отъ писанія картинъ, также помогали ему. Началась разноска по церквамъ, сначала въ отдаленныя мѣста, потомъ ближе, къ восьми часамъ вечера Великой субботы едва кончили. Убрали мастерскую, сходили въ баню, стало словно легче. Наносили мы Конону денегъ кучу. Не было дешевле трехъ рублей ни одного самаго крошечнаго для домовой церкви, а побольше такъ до семи и даже 12 рублей мы получали отъ старостъ. Пасху встрѣтили радостно, усталые едва успѣли разговѣться, какъ залегли спать. Я получилъ отъ Коузова въ подарокъ его двойной войлокъ, обшитый парусиной, и всякій разъ, ложась, вспоминалъ его. Около полудня проснулись всѣ разомъ, какъ по уговору. Сѣли пить чай. Я ждалъ подарковъ, и получилъ: манишку коленкоровую, галстукъ и 1 рубль денегъ съ краснымъ яйцомъ. Отблагодарили меня отлично.

На второй день Пасхи Прасковья Ивановна съ дѣтьми ушла въ гости, Кононъ остался дома, мы обѣдали вмѣстѣ; онъ подвыпилъ и послѣ обѣда сталъ извиняться, что не по трудамъ одарилъ меня къ празднику. Я молчалъ. Онъ сходилъ въ свою комнату, развернулъ папку съ бумагами и далъ прочитать письма и послѣдній приказъ бурмистра изъ конторы, въ которомъ на печатномъ бланкѣ за подписью управляющаго вотчиной дѣлается распоряженіе: «Взыскать съ крестьянина Конона Алексѣя Ярыгина, проживающаго въ С.-Петербургѣ, въ д. Окунева по Гороховой улицѣ недоимокъ 64 руб. и податей за первую половину 1859 года—31 руб. 27 коп., а буде не уплатитъ къ 27 числу сего мѣсяца и года, вызвать его въ контору, наказавъ розгами, отдать въ работники въ мастерскую Хохлова».

«Вотъ,—сказалъ онъ,—почему я тебѣ, Вася, мало подарилъ. Суди самъ, много ли останется у меня наличными за уплатой податей».

Жаль мнѣ стало Конона, я раскаялся за озлобленіе на него, зная, что еще надо разсчитаться съ пекаремъ и заплатить за квартиру.

Скромно празднуемый праздникъ вполнѣ подтверждалъ необходимость экономіи, но когда я подумалъ, въ чемъ я пойду къ Заморину, къ Виноградову поздравить ихъ съ праздникомъ,—у меня нечего одѣть, кромѣ тиковаго халата и драной съ заплатами ситцевой рубашки, во мнѣ снова закипѣла обида на хозяевъ.

Твердо я рѣшилъ запастись одеждой. Мелочной лавочникъ давно просилъ написать съ него портретъ, за него я принялся со

всѣмъ пыломъ молодости и самоувѣренности. Въ три дня портретъ былъ готовъ, привелъ всѣхъ моихъ нетребовательныхъ цѣнителей въ восторгъ, а богатый лабазникъ увѣровалъ въ мое искусство такъ, что заказалъ написать съ него портретъ со всѣмъ его лабазомъ.

Лабазъ его на углу Казачьяго переулка и Гороховой,—очень близкій къ нашей квартирѣ, здѣсь мы забирали товаръ, а потому я опасался, не зачелъ бы купецъ мою работу за хозяйскій долгъ, и объявилъ ему заранѣе мое несогласіе.

«Нѣтъ,—сказалъ онъ,—мы на чистоту поведемъ дѣло». Съ дерзкой смѣлостью началъ я работать, и черезъ два дня уже писалъ красками голову бѣлокураго, сѣроглазаго, веселаго купца. Позировалъ онъ отлично, къ концу Святой недѣли вся фигура была почти готова. Позвалъ Сметанникова, онъ указалъ ошибки и, пока краски не засохли, велѣлъ исправить глаза и ротъ. Началъ я оканчивать фонъ: мѣшки, ларь съ крупой и проч. и запутался въ сѣрыхъ однообразныхъ тонахъ. Сметанниковъ научилъ какъ исправить, и портретъ былъ готовъ. Всѣ находили его похожимъ. Но я стыдился за несовершенство моей работы, молча краснѣлъ, слушая похвалы. Во время писанія портрета лабазникъ скрывалъ отъ жены нашу работу и только законченный портретъ внесенъ былъ въ ихъ квартиру. Жена узнала мужа, но потребовала, чтобы и признакъ лабаза въ портретѣ былъ уничтоженъ, а ему это нравилось больше всего. Долго я ждалъ уплаты и получилъ неожиданно 25 рублей. Глазамъ своимъ я не вѣрилъ, глядя на бумажку, а милый лабазникъ хохоталъ, любуясь моимъ замѣшательствомъ. Пріятель лабазника портной Ястребцовъ, имѣвшій большую мастерскую—неподалеко отъ Московской части, заказалъ мнѣ свой портретъ за такую же цѣну, но чтобы написать его въ цвѣтахъ. Писалъ я съ него долго, онъ позировалъ урывками, только къ концу лѣта портретъ былъ законченъ на фонѣ цвѣтущаго воскового дерева.

Вмѣсто платы деньгами Ястребцовъ одѣлъ меня, сшивъ чудесную пиджачную пару и одни добавочные брюки изъ болѣе легкой матеріи.

Запасся я одеждой, обувью, бѣльемъ и манишками, чтобы посѣщать рисовальную школу на биржѣ, такъ какъ имѣлъ на это право по договору.

А Кононъ радовался, что ему не надо меня одѣвать.

Послѣ того, какъ уплатилъ Кононъ всѣ подати, получилъ квитанціи и годовой паспортъ, на радостяхъ онъ сдѣлалъ своимъ пріятелямъ пирушку, порядкомъ они подвыпили, онъ расхвалился своимъ заработкомъ, пріятель умѣстно напомнилъ ему о счастьѣ имѣть даровыхъ мастеровъ, которыхъ даже и одѣвать не надо... «А кто ихъ выучилъ, кто», закричалъ Кононъ, но ему не дали говорить, въ одинъ голосъ доказывая, что онъ самъ плохо знаетъ даже богомазное дѣло, такъ не могъ же онъ научить живописи. Сметанниковъ, вотъ кто ихъ выучилъ.

Звали меня къ отвѣту,—я не пошелъ на грѣхи. Претили мнѣ рѣчи Конона, еще недавно только забитаго, униженнаго, вызывавшаго жалость и дѣйствительно достойнаго жалости.

По привычкѣ относиться къ мальчикамъ равнодушно, онъ иногда проявлялъ жалость на словахъ, не позаботясь, какъ хорошій хозяинъ о пищѣ, одеждѣ и проч. своего ученика, предоставляя ему самому о себѣ заботиться. Коли хочешь получить то, что принадлежитъ тебѣ по праву—бери озорствомъ, не сдавайся на умаливаніе, а чуть поддался—все пропало. Я пришелъ къ этому способу жизни съ Кономомъ черезъ два съ половиной года, а теперь уже три. За одно ему спасибо,—онъ никогда не билъ меня, а только замахивался.

Послѣ Пасхи перепадали все мелкіе заказы, баронъ Косинскій не заходилъ съ обѣщаннымъ заказомъ, деньги у Конона приходили къ концу, началась экономія на ѣдѣ. Я смекнулъ, что скоро Кононъ будетъ просить у меня денегъ, снесъ ихъ заблаговременно къ Ѳ. Ѳ. Заморину, оставивъ себѣ на покупку книгъ 5 рублей. Скоро дошло до займовъ у знакомыхъ, забора въ долгъ въ лавкахъ, у моего знакомаго лабазника, а работы заказной все нѣтъ. Лѣтомъ и въ магазины не берутъ вѣнчальныхъ образовъ. Прасковья сдѣлалась ласкова, даже манишки мнѣ накрахмалила. Кононъ позвалъ меня къ себѣ въ комнату и сталъ просить денегъ взаймы. Я рѣшилъ выдержать приступъ и сказалъ, что денегъ у меня очень мало. «Дай, говоритъ, десятку». Я рѣшительно заявилъ, что у меня всего 5 рублей. «Давай, говоритъ, хотя пять рублей». Смалодушничалъ, отдалъ въ долгъ безъ отдачи. Въ этотъ самый день мы всѣ, только лишь успѣли сѣсть за столъ, вошелъ офицеръ семеновскаго полка и заказалъ образъ Николая Чудотворца 7 верш. и два медальона на перламутрѣ: кн. Владимира и Маріи Магдалины. Медальонъ по 5 руб., Николай Чудотворецъ за 10 руб. Задатка получено 5 руб. Перламутровыя дощечки принесъ заказчикъ. Къ ряду послѣ обѣда я началъ работать на перламутрѣ, а Евдокимъ—образъ Николая Чудотворца. Вскорѣ Конону баронъ Косинскій заказалъ 2-хъярусный иконостасъ за 750 руб., со сдачею въ мастерской, въ январѣ 1860 года.

Теперь до Конона рукой не достать, мы съ Евдокимомъ снова начали обѣдать вдвоемъ, потому что стряпня была разная.

Въ Петербургъ пріѣхалъ изъ монастыря учиться живописи Алексѣй Ѳедоровичъ Калмыковъ, онъ навѣстилъ меня и очень опечалился моимъ положеніемъ. Онъ поселился на Казанской улицѣ, съ товарищемъ по рисовальной школѣ. Оба она готовились поступить въ Академію и усердно рисовали. У нихъ я узналъ о новыхъ правилахъ поступленія въ Академію, по прочтеніи ихъ у меня руки опустились, я заплакалъ. Отчаяніе взяло меня. Отсюда бросился я бѣжать къ Алексѣю Ивановичу Виноградову, не

«ОПЯТЬ БУЯНИТЪ».

(Карт. В. М. Максимова; пріобрѣтена Растеряевымъ.)

можетъ ли онъ помочь моему горю. Онъ принялъ къ сердцу мое состояніе, рѣшилъ самъ заниматься со мной науками. А для рѣшенія вопроса о правахъ необходимо было передать зятю копію съ контракта и деньги на покупку пальто. Въ ближайшій праздникъ я былъ у Ѳ. Ѳ. Заморина, онъ отдалъ контрактъ и деньги, которые хранились у него съ поступленія къ нему на житье. Всѣ мои заработки я носилъ къ нему всегда, скопилось 34 руб. Въ тотъ же день я доставилъ все зятю, Алексѣю Ивановичу Виноградову, обѣщавшему скоро видѣться съ Кономомъ для переговоровъ.

Кононъ принялъ его вѣжливо, заговорилъ зять о правѣ Максимова посѣщать три раза въ недѣлю рисовальную школу на биржѣ, привелъ счетъ часовъ потребныхъ на каждый выходъ изъ дома, денегъ на пособія, одежды хозяйской, а не лично ученикомъ пріобрѣтенной, какъ велось до сихъ поръ. Максимовъ теперь не хочетъ ходить въ рисовальную школу, а хочетъ это количество времени употреблять на словесныя науки, чтобы держать экзаменъ въ Академію Художествъ, не требуя отъ васъ ни одежды ни пособій.

Кононъ нашелъ такую замѣну невыгодной и со смысломъ контракта не сходной. Пускай ходитъ въ школу, отъ этого ему и мнѣ польза, онъ лучше будетъ работать, а отъ «читанья» книгъ онъ за работой спать учнетъ, ужъ меня не проведешь. Жалуйтесь, хоть въ ремесленную управу, а читать книги въ рабочее время не дамъ. Никакіе доводы не осилили упрямства Конона и его ненависти къ книгамъ. Алексѣй Ивановичъ взялъ слово съ Конона отпустить меня къ нему въ воскресенье въ гости, — онъ согласился.

Къ моему приходу къ часу дня лежала кучка книгъ; географическій атласъ и программа для поступающихъ въ число учениковъ Академіи. Алексѣй Ивановичъ не могъ безъ волненія вспомнить объ упрямомъ, невѣжественномъ Кононѣ и очень опасался за мою подготовку при такихъ условіяхъ.

Когда я вернулся домой съ завязанными въ бумагу книгами, Кононъ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на связку, однако удержался отъ разговора. Предстояло итти по церквамъ выбирать оригиналы для копій въ заказанный иконостасъ.

Для мѣстныхъ образовъ выбраны были оригиналы въ придѣлѣ церкви Введенія, остальные въ церкви Миронія и въ Казанскомъ соборѣ. На второй ярусъ нашлись копіи въ мастерскихъ пріятелей Конона.

Началась работа. Каждый день, уходя на работу, я бралъ съ собой учебники, пробовалъ заниматься урывками, толку выходило мало: по непривычкѣ къ занятіямъ научными предметами плохо усвоивалось прочитанное, особенно потому, что приходилось чи-

тать съ оглядкой, въ ожиданіи появленія хозяина, заботы о томъ, чтобы подвинуть работу по копированію, развлеченію отъ ходьбы сторожей. И несмотря на всѣ неудобства я продолжалъ заниматься. Разъ Кононъ накрылъ меня въ церкви за чтеніемъ «Всеобщей исторіи», произошла изъ этого цѣлая исторія; на время я оставилъ чтеніе. Настала осенняя темнота; работа въ церкви на время была прекращена; занимался я дома копированіемъ съ Боровиковскаго царскихъ дверей. Читать устроился въ своей постелѣ со свѣчкой.

За иконнымъ шкапомъ стояли мои два сундука съ одеждой и книгами, они служили мнѣ кроватью, устроена была занавѣска ради приличія, а главное для сокрытія свѣта отъ зажженной свѣчки. Поужинавши въ 10 час., я ложился въ постель и читалъ до 12 час., въ 5 утра Кононъ приходилъ будить, въ 6 час. навѣдывался и, если видѣлъ насъ умывшимися, ложился спать до 7 часовъ. Онъ зорко слѣдилъ, не читаю ли я книгъ послѣ ужина и, вѣроятно, подслушавъ шуршанье перевертываемыхъ листовъ, накрылъ врага на мѣстѣ преступленія, за географическимъ атласомъ, котораго мнѣ не удалось спустить за сундукъ.

Кононъ шипѣлъ, захлебывался отъ злости, утромъ забралъ изъ сундуковъ всѣ книги и мою одежду къ себѣ въ комнату, чтобы не могъ ни читать ни выходить изъ дома.

Въ отместку Конона я дѣлалъ видъ, что работаю, а самъ сидѣлъ и безсмысленно мазалъ. Проходитъ недѣля, дѣло впередъ не идетъ. Кононъ требуетъ объясненія медлительности. «Не ладится», отвѣчаю я, продолжая вторую недѣлю представляться работающимъ.

Онъ возвратилъ мнѣ одежду и книги.

А я, чтобы Кононъ не накрылъ врасплохъ за ночнымъ чтеніемъ, сталъ приставлять къ его двери стулъ, палку, муштабель, чтобы при открываніи двери предметъ упалъ и я успѣлъ притвориться спящимъ.

Скоро и этотъ способъ былъ открытъ, Кононъ началъ оставлять дверь открытой. Я взялъ къ себѣ спать кота, страшнаго вора и пакостника, а такъ какъ у хозяевъ во время прилива денегъ всегда былъ избытокъ во вкусныхъ кушаньяхъ и остатки отъ ужина хранились на окнахъ — котлеты, рыба, колбаса, — то появленіе въ ихъ комнатахъ прожорливаго кота кончалось опустошеніемъ всего съѣстного. Кто впустилъ кота, не могли доискаться, хотя виноватымъ считали меня.

Кононъ, желая навсегда отдѣлаться отъ причины раздора, послалъ меня въ магазинъ купить кистей и красокъ, а въ это время взломалъ замки у сундуковъ, выбралъ всѣ книги, — кромѣ священной исторіи и евангелія, и сжегъ ихъ на потѣху собравшейся около печки своей дикой невѣжественной семьи. Евдокимъ со слезами умолялъ не сжигать книгъ, Кононъ остался непреклоненъ, онъ съ кочергой въ рукахъ мѣшалъ, поворачивая книги, издѣвался

надъ сочинителями, проклиная ихъ досужесть. Евдокимъ встрѣтилъ меня на улицѣ и разсказалъ о сожженіи книгъ.

Позабывъ свое полное безправіе въ изступленіи отъ злобы, я наговорилъ Конону и его женѣ всевозможныхъ дерзостей, попрекнулъ, что безъ меня они околѣли бы съ голоду, что я ихъ даровой кормилецъ отнынѣ перестану работать... Напрасно я вооружился полѣномъ, ожидая нападенія, Кононъ заперся съ семьей въ своихъ комнатахъ; я одѣлся, чтобы уйти къ Алексѣю Ивановичу.

Къ Конону приходилъ — всегда въ сумерки — таинственный гость, котораго онъ всякій разъ называлъ разными именами, но чаще: Кузьма, Ѳедоръ Ивановичъ. Высокаго роста, почти черный, съ небольшой просѣдью на вискахъ и въ бородѣ, подстриженный до плечъ, лицо смуглое, глубоко сидящіе черные проницательные глаза, казалось, будто впивались въ человѣка, говорившаго съ нимъ. Походка напоминала архіерея во время богослуженія,—такъ плавны и размѣрены были его шаги. Одѣтъ онъ былъ въ полукафтанье, нѣчто въ родѣ подрясника съ двумя фалдочками назади, съ рукавами на обшивкѣ; верхней одеждой служилъ ему длинный суконный самый обыкновенный армякъ, а на головѣ его зимой была шапка, лѣтомъ широкополая шляпа.

Кузьма Ѳедоръ Ивановичъ рано уходилъ изъ дома, возвращался съ поклажей старинныхъ книгъ, образовъ, рисованныхъ красками картинъ, съ старинными предметами богослужебными: чашей, звѣздицей, ковшичкомъ для запивки причастія. Все это скоплялось и хранилось у Конона, а Кузьма Ѳедоръ Ивановичъ какъ таинственно являлся, такъ таинственно и исчезалъ. Вещи Кононъ разсылалъ съ посвященными въ тайну людьми. Изъ разговора Конона съ Кузьмой Ѳедоръ Ивановичемъ можно было заключить, что онъ скрывался отъ властей, имѣя за собой большія провинности; онъ — бѣжавшій съ каторги въ Турцію, принялъ турецкое подданство. Его здѣсь искали. Не одинъ разъ Конона требовали въ полицію, а недавно полиція приходила къ намъ съ дворникомъ, но Кузьма Ѳедоръ Ивановичъ за день передъ этимъ скрылся.

Когда послѣдній разъ второпяхъ Кузьма Ѳедоръ Ивановичъ прощался съ Конономъ, онъ, передавая большую пачку бумагъ, выронилъ изъ нея рукописную тетрадь, писаную полууставомъ, акаѳистъ Іисусу, я поднялъ и удержалъ для прочтенія. Каково было мое удивленіе, когда я, едва раскрывъ книгу, увидѣлъ четыре паспорта: одинъ изъ нихъ подержанный съ пропиской въ Петербургѣ и Витебскѣ выданъ крестьянину Олонецкой губ., Повѣн. уѣзда Никифору Ивановичу Гладкову, три турецкихъ и записка Конону для памяти, который изъ турецкихъ паспортовъ кому надо отдать, для чего поставлены мѣтки карандашомъ. Книгу

и паспорты я отдалъ для просмотра Алексѣю Ивановичу, онъ оставилъ все у себя, сказавъ: «Если Кононъ о нихъ у тебя спроситъ, скажи ему правду».

Уходя къ Алексѣю Ивановичу, я вспомнилъ о книгѣ, паспортахъ и о запискѣ къ Конону Кузьмы Ѳедоръ Ивановича и громко сказалъ по адресу Конона, что онъ знается съ каторжниками, у меня есть доказательства. Я ушелъ и не ночевалъ дома. Зять, узнавши о сожженіи книгъ, только руками развелъ. Мы ничего не могли придумать, чтобы образумить Конона. На другой день послѣ обѣда я хотѣлъ итти домой, зять не пустилъ. Вечеромъ пришелъ за мной Евдокимъ. Онъ былъ большой комикъ, разсказывая, показывалъ жестами праздникъ Конона при сожженіи книгъ, его брань сочинителямъ, озлобленное помѣшиваніе въ печкѣ длинной кочергой всѣхъ разсмѣшило. «А теперь, — говоритъ, — Конона не узнать, онъ боится, не попала ли тебѣ въ руки одна нужная вещь Кузьмы Ѳедоръ Ивановича».

Алексѣй Ивановичъ обрадовался, что для острастки Конона у него есть въ рукахъ средство оградить меня на будущее время отъ его дикихъ выходокъ.

«Вася,—сказалъ Алексѣй Ивановичъ, — не надо доносить на Конона, иначе онъ и семья сильно пострадаютъ; отнынѣ ты не станешь разглашать объ опасныхъ для Конона вещахъ. О томъ же прошу и твоего товарища. Теперь съ Богомъ, поѣзжай домой, а я завтра пріѣду къ твоему хозяину. Онъ далъ на извозчика, и мы сытые, успокоенные, поѣхали спать.

Около вечера пріѣхалъ съ ношей книгъ мой зять Алексѣй Ивановичъ, поздоровавшись со всѣми прошелъ въ комнату Конона, меня удивило, что Прасковья сама поставила самоваръ и, когда былъ готовъ чай, позвала меня. Съ Конономъ произошла знакомая мнѣ давно перемѣна. Онъ былъ внимателенъ, ласковъ, словно ничего худого не случилось, зять окончательно примирилъ насъ. Я попросилъ позвать Евдокима сюда пить чай, что сдѣлала Прасковья даже съ удовольствіемъ. Уходя Алексѣй Ивановичъ велѣлъ приходить въ праздникъ съ Евдокимомъ.

1860 годъ.

Баронъ Косинскій чаще и чаще сталъ напоминать о близкомъ срокѣ заказа. Кононъ пригласилъ Сметанникова просмотрѣть и исправить копіи наши всего нижняго яруса; по установленіи цѣны Сметанниковъ началъ работу. Мы съ Евдокимомъ воодушевились съ приходомъ милаго художника и тоже безъ-устали работали надъ окончаніемъ остальныхъ образовъ. Къ 10 апрѣля 1860 года весь иконостасъ былъ готовъ.

Баронъ Косинскій взялъ артельщиковъ для укладки и при себѣ велѣлъ упаковать. Тогда же уплатилъ Конону деньги, удержавъ

часть до прикрытія лакомъ на мѣстѣ, куда долженъ съ нимъ ѣхать Кононъ. Мы съ Евдокимомъ получили въ награду по три рубля. Проводивъ хозяина, мы уговорили Ивана Моисеевича принять отъ насъ угощенье въ трактирѣ. Угощали мы его усердно водкой, пирогами и селянкой, а сами пили медъ до тошноты. Сметанниковъ похвалилъ насъ за то, что мы не обидѣлись на него за исправленіе нашей работы, а какая тутъ обида: мы отъ него многому научились.

Кононъ вернулся такимъ радостнымъ, какимъ я его не видѣлъ: много разговаривалъ, какъ его чествовали за хорошую работу и впередъ обѣщали дѣло, раздобрился до того, что взялъ ложу въ Александринскомъ театрѣ и повелъ всѣхъ насъ смотрѣть представленіе, заперевъ квартиру на замокъ.

Въ воспоминаніи перваго видѣннаго мною спектакля у меня долго хранилась афиша, которую я зналъ наизусть. Шла комедія въ 4 дѣйствіяхъ Чернышева: «Не въ деньгахъ счастье». Роль купца Боярышникова игралъ Мартыновъ, Каролины Варлаамовны—г. Ланская, Щукина—г. Самойловъ, Колесникова—Алексѣевъ.

Съ огромной высоты верхней ложи плохо видно и слышно при началѣ, при нарастаніи интереса публика затихла, — всѣ жили жизнью дѣйствующихъ лицъ. Не сумѣю выразить произведеннаго на меня комедіей впечатлѣнія, мнѣ захотѣлось еще разъ видѣть и безъ хозяевъ, съ однимъ Евдокимомъ. Долго мы только и говорили, что о театрѣ, вспоминая то одного, то другого актера, философствуя на тему о счастьѣ.

Однажды послѣ обѣдни у Исаакія, я зашелъ къ Власову на квартиру; онъ велѣлъ мнѣ сходить въ сентябрѣ къ пѣвцу Васильеву, гдѣ я получу заказъ, и далъ мнѣ адресъ.

Получивъ заказъ на образъ Спасителя, я едва могъ (по праздникамъ) кончить его къ концу ноября. Образъ понравился. Васильевъ разговорился со мной, спросилъ: «Бывалъ ли ты въ оперѣ»? Не бывалъ, — говорю. Онъ къ десяти рублямъ платы прибавилъ еще одинъ рубль на билетъ, именно на оперу «Жизнь за царя».

Прослушавъ оперу, мы вдвоемъ съ Евдокимомъ жалѣли, что скоро музыка кончилась. Я весь наполнился звуками, кажется, вотъ все и повторилъ бы, а ничего отдѣльно не помню. Какъ хорошо пѣлъ старикъ Сусанинъ, его сынъ Ваня-толстякъ, женихъ, всѣ, и порознь и вмѣстѣ, просто чудо. Балъ у поляковъ привелъ въ восторгъ роскошью костюмовъ.

На другой день Евдокимъ многіе мотивы припомнилъ, онъ много разъ слышалъ въ домѣ Епишкина фортепіанное исполненіе «Жизни за царя», отъ него и я кой-что запомнилъ.

Въ домѣ Окунева жилъ съ семьей академикъ Петръ Евфимовичъ Заболотской съ 2 дочерьми и сыномъ Петромъ, ученикомъ Академіи. Онъ держалъ учениковъ, съ однимъ изъ нихъ я познако-

мился, и онъ меня привелъ къ Заболотскому. Старикъ взялся меня поучить, давалъ рисовать итальянскимъ карандашомъ части тѣла; руки, ноги, уши, маски, а потомъ и цѣлую голову. Дѣло шло хорошо, часто заходилъ къ намъ его сынъ поправлять мои рисунки. Кононъ былъ радъ, что не надо въ школу ходить—сама школа къ намъ пришла.

Ранней весной домовладѣлецъ заявилъ жильцамъ о перестройкѣ дома, Заболотской уѣхалъ въ Шлиссельбургъ на свою дачу, а мы наняли квартиру на Гороховой (близъ Казачьяго переулка). Квартира изъ двухъ большихъ и задней маленькой комнаты, кухня отдѣлялась перегородкой отъ крохотной прихожей.

Не болѣе мѣсяца прошло, какъ мы съ Евдокимомъ устроились, онъ получилъ отъ Епишкина письмо съ 25 руб., его требовали въ село Едрово къ Епишкину писать образа для приходской церкви.

Тяжело было намъ разставаться, мы любили другъ друга и давно помѣнялись крестами, чтобы жить братьями. Въ первый годъ мы часто писали другъ другу, послѣ, когда онъ женился, сталъ рѣже отвѣчать, а когда умерла у него жена, онъ написалъ мнѣ послѣднее письмо, что теперь ему остается итти въ монастырь.

Взамѣнъ Евдокима 1860 г. въ іюнѣ взятъ былъ ученикъ Академіи Василій Глѣбовъ, молодой человѣкъ, черноволосый, кудрявый, черноглазый, сущій красавецъ, но мастеръ онъ былъ рисоваться, а не рисовать и писать. Второй работникъ Василій Никифоровичъ Салабановъ—оба и новичокъ Глѣбовъ были земляками Конона.

Салабановъ былъ добродушенъ, глупъ со всѣми повадками второго лакея, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Ночевать онъ ходилъ на Николаевскую улицу, въ собственный домъ Батурлина, гдѣ имѣлъ свой паекъ; его очень любилъ дворецкій Бутурлина. Онъ интересенъ былъ разсказами о нравѣ барина, объ его отношеніи къ крестьянамъ вообще и въ частности къ камердинеру Ѳедору.

Жить стало невыносимо тяжело. Цѣлый день гомонъ дѣтей, пѣсни Глѣбова, глупыя рѣчи Салабанова, оскобленье Конономъ старыхъ образныхъ досокъ мѣшало работѣ. Для чтенія не оставалось ни минуты досуга. Кононъ сталъ раздражителенъ,—кормить людей надо, а дѣло настоящее зналъ одинъ я. Подъ надзоромъ Конона просидѣть согнувшись надъ мелкой работой съ 5 час. утра до 10 час. вечера, отдохнувши въ обѣдъ только 2 часа, не легко, разломитъ спину, плечи, просто отупѣешь.

Наканунѣ отъѣзда въ Ладогу зашелъ ко мнѣ зять Алексѣй Ивановичъ Виноградовъ просить Конона дозволить мнѣ завтра проводить его до Шлиссельбурга. Кононъ дозволилъ, и это былъ единственный день во все лѣто. Въ мое отсутствіе заболѣлъ и умеръ Глѣбовъ.

Знаясь съ раскольниками, Кононъ имѣлъ отъ нихъ много заказовъ, но въ зиму 1860—61 гг. ихъ привалила такая бездна, что

пришлось взять ему себѣ помощника. Появился за рабочимъ столомъ добродушный старикъ съ окладистой бородой, лохматый, въ ватномъ опрятномъ шерстяномъ халатѣ, съ большущими въ серебряной оправѣ очками на короткомъ носу, и принялся за дѣло. Началась починка старыхъ, закоптѣлыхъ полуразрушенныхъ иконъ. Иванъ Іоновичъ, большой любитель нотнаго пѣнія, во время работы постоянно напѣвалъ своимъ надтреснутымъ вѣрнымъ баритономъ излюбленные мотивы всенощной, обѣдни, покушаясь одинъ изобразить цѣлый хоръ, смѣшивая партіи басовъ, теноровъ и альтовъ.

Когда онъ устраивался на мѣстѣ, гдѣ умеръ Глѣбовъ, онъ ловко обставилъ мое изголовье отъ надзора Конона надъ чтеніемъ книгъ. Иванъ Іоновичъ любилъ просвѣщеніе и всячески поощрялъ молодежь къ чтенію хорошихъ гражданскихъ книгъ. Въ благодарность за его любовь ко мнѣ я ему подпѣвалъ «Нынѣ отпущаеши раба Твоего» Бортнянскаго и друг., тогда старикъ приходилъ въ восторгъ, вставалъ изъ-за стола и начиналъ махать рукой, какъ регентъ, держа кисть или иной предметъ вмѣсто камертона.

Василій Салабановъ приходилъ изъ дома Бутурлина рано, приносилъ своей паекъ въ сыромъ видѣ на нѣсколько дней. Онъ обыкновенно очень подробно повѣствовалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ барскомъ домѣ.

Подходило время 19 февраля, въ воздухѣ, можно сказать, носилось ожидаемое освобожденіе крестьянъ, а такъ какъ въ мастерской Конона всѣ до единаго были крѣпостные, то иного разговора не слышалось, кромѣ подсчета денежныхъ взносовъ оброчниковъ, съ крестьянами, сидящими на своемъ хозяйствѣ съ отбываемой барщиной. Оцѣнивались бурмистры и проч. чины управленія, управители-нѣмцы при господахъ, живущихъ хоть временно въ помѣстьяхъ, и нѣмцы, управлявшіе въ полномъ отсутствіи господъ. Эти послѣдніе, да еще поляки, считались карой небесной. Всѣ старались разгадать: дадутъ ли землю и поскольку. Иные говорили, что хоть безъ земли—только бы освободили.

Салабановъ сказывалъ, что Бутурлинъ, Михаилъ Петровичъ, дѣлался все строже, ему часто мерещилось, будто дворня знаетъ объ освобожденіи и потому не внимательна къ нему,—принимался бить чѣмъ попало камердинера, повара, кучеровъ и даже стараго дворецкаго, преданнаго ему и имъ любимаго человѣка, стращалъ наказать розгами.

Праздникъ Рождества встрѣтили мирно, разговѣлись всѣ вмѣстѣ. Къ Алексѣю Ивановичу Виноградову явился я на второй день праздника, здѣсь засталъ своего двоюроднаго брата Николая Трефильевича, который бывалъ у насъ въ Лапинѣ съ родителями въ гостяхъ, будучи семинаристомъ. Теперь онъ студентъ педагогическаго института, поэтому не узналъ меня, не подалъ руки. Зять его сильно выбранилъ за мелочность, ложный стыдъ своего про-

исхожденія. «Смотри,—говоритъ,—не обманись, вѣдь крестьянскій сынъ перегоняетъ иногда княжескихъ дѣтей, не только дьяконскихъ». Тутъ выступила въ защиту родного братца супруга Алексѣя Ивановича—Ксенія Трефильевна, наговорила она мнѣ три короба язвительныхъ пожеланій и испортила праздничное настроеніе.

Зато, прійдя домой, я порадовался на трезвость хозяевъ и гостей; она продолжалась всѣ святки за немногими исключеніями,—приходомъ ряженыхъ, которыхъ усердно подчивали водкой.

Наканунѣ 19 хозяйка запаслась провизіей: на нѣсколько дней взято и водки и пива—ждали гостей.

Рано утромъ мы вышли на улицу и увидѣли коннаго герольда, одѣтаго въ желѣзныя латы, съ копьемъ, на головѣ желѣзный шлемъ, онъ, не помню, что говорилъ, раздавая указъ государя объ освобожденіи крестьянъ. Мы взяли по одному экземпляру и бѣгомъ побѣжали домой читать, потомъ, когда зазвонили во всѣхъ церквахъ, старъ и малъ пошли въ церковь.

Тотъ, кто былъ въ этотъ день въ церкви, до смерти не забудетъ произведеннаго на него впечатлѣнія. Слезы радости ручьями лились у молящихся. На молебнѣ вся церковь на колѣняхъ молилась за государя, шумъ отъ слезныхъ молитвенныхъ словъ все усиливался, а по окончаніи многолѣтія чужіе люди бросались обниматься. Я не крѣпостной, но душой былъ съ ними.

Улицы были пусты, мѣстами толпились люди; пьяныхъ не видно нигдѣ, извозчиковъ мало выѣхало,—все это оставалось у меня крѣпко въ памяти. Такъ продолжалось нѣсколько дней, потомъ начались гостбища земляковъ, одновотчинниковъ, пошли пиры на радостяхъ,—надоѣло смотрѣть.

Кононъ скоро опомнился,—у него въ карманѣ было пусто, онъ ждалъ большого заказа изъ Пскова. Сдана половина работы Ивана Іоновича. Старцу за работу уплочено, Кононъ поставилъ его вмѣсто себя на время поѣздки во Псковъ. Проводивъ масленую блинами, хозяинъ собрался налегкѣ и уѣхалъ, обѣщая вернуться не раньше недѣли.

Хозяйка, проводивъ на варшавскій вокзалъ мужа, вернулась домой съ гостемъ, бывшимъ и прежде у насъ, при Кононѣ, чего не зналъ Иванъ Іоновичъ. Въ этотъ день я очень усталъ, подготовляя спѣшный заказъ; раньше обыкновеннаго мы поужинали, и я легъ спать.

Кононъ вернулся домой въ ту же ночь; ему открылъ двери Иванъ Іоновичъ. Я проснулся отъ страшнаго бабьяго крика и дѣтскихъ голосовъ,—думалъ, что пожаръ въ хозяйской комнатѣ, но дверь туда была заперта и дымомъ не пахло, раздавались шлепки и ругань Конона. Выбѣжавъ въ кухню, я нашелъ здѣсь старика въ большомъ безпокойствѣ, онъ велѣлъ мнѣ итти на теплую печь спать, а самъ пошелъ въ мастерскую и сталъ стучать въ хозяйскую

ПОПЪ ПОРФИРІЙ.

(Сепія В. М. Максимова. 1894 г. Изъ собраній Цвѣткова, въ Москвѣ.)

дверь. До бѣлаго дня никто не заснулъ. Около полудня Кононъ выдалъ денегъ старику на содержаніе семьи, а самъ, взявши подушку и мѣшокъ, снова вышелъ изъ дома; на этотъ разъ, должно-быть, и правду поѣхалъ во Псковъ, потому что больше недѣли его не было дома. Какъ ни скрывала хозяйка свое лицо, я подглядѣлъ на немъ опухоль, синяки, едва глаза глядѣли. Она почти съ мѣсяцъ не выходила изъ квартиры, только въ послѣдніе дни Страстной я съ ней ходилъ на Сѣнную за покупками. Кононъ обѣдалъ и ужиналъ съ нами, хозяйка въ комнатѣ съ дѣтьми, до самой Пасхи. На Пасхѣ мы разговлялись всѣ вмѣстѣ.

Въ этотъ годъ Кононъ набралъ только десять артусовъ, и тѣ разнесены были наемнымъ мужикомъ.

На Страстной я получилъ письмо отъ Виноградова, онъ извѣщалъ, что переѣхали они въ новую квартиру на Бассейной въ домѣ Адамса, и что для меня есть очень хорошій заказъ.

На второй день Пасхи я былъ у нихъ. Мнѣ дали заказъ на два образа для церковнаго старосты Департамента Удѣловъ за 50 рублей. Такого выгоднаго заказа я еще не имѣлъ. На Святой сильно подвинулась работа, праздники весной частые, дни долгіе, свѣтлые—скоро работа кончена, сдана Алексѣемъ Ивановичемъ, къ полному его удовольствію, болѣе чѣмъ благополучно,—съ похвалой. Теперь я богачъ, у меня слишкомъ 80 рублей. Однако и расходовъ представлялось много, зять и сестра совѣтовали усиленно работать, чтобы приготовиться къ выходу изъ учениковъ, вполнѣ увѣренные, что хозяинъ ничего не дастъ на выходъ. На бѣду не было заказовъ очень долго. И опять работу доставилъ мнѣ зять Алексѣй Ивановичъ Виноградовъ.

Въ мастерской Конона только что успѣли окончить иконостасъ для села Таланова Псковской губ., куда хозяинъ долженъ былъ доставить образа, поставить на мѣсто и дополучить остальную сумму за всю работу. Хозяинъ заболѣлъ и рѣшилъ послать подмастерья Евдокима Степановича, 22-лѣтняго, очень толковаго молодого человѣка и меня, писавшаго большую часть этихъ образовъ. Ящики съ образами были посланы до Пскова товарнымъ поѣздомъ гораздо раньше съ накладной на от. протоіерея псковской церкви, священника от. Николая, сынъ котораго былъ въ с. Талановѣ священникомъ. Когда Кононъ получилъ извѣстіе о полученіи со станціи клади, тогда и снарядилъ насъ въ Псковъ, съ очень ограниченными средствами, едва достаточными на два билета и на сутки ѣды. Багажа у насъ было мало, намъ предоставлено было итти до вокзала пѣшкомъ. Кононъ хорошо зналъ, что у меня есть собственныя порядочныя средства и былъ увѣренъ, что мы не станемъ голодать, а въ Псковѣ от. протопопъ хлѣбосолъ — накормитъ и съ собой дастъ.

Мы закупили 3 ф. колбасы, ситника, хлѣба, Евдокимъ запасся табакомъ (онъ курилъ Кріона) и двумя огромными коробами

сѣрныхъ спичекъ. До отхода поѣзда успѣли въ трактирѣ напиться чаю, закусить и, сѣвъ въ вагонъ, заснули сладкимъ сномъ.

На другой день утромъ мы были у от. протоіерея, онъ сказалъ, что сынъ его проѣздомъ въ Москву оставилъ здѣсь лошадь и телѣгу. «Въ нее уложите ящики и поѣзжайте въ Таланово, работникъ проводитъ васъ по городу, направитъ на дорогу, а тамъ сама лошадь довезетъ до мѣста, и править не надо». Такъ и вышло...

13 августа 1861 года канонизированъ епископъ Тихонъ Задонскій. Зятя просилъ тотъ же церковный староста Департамента Удѣловъ написать святителя, при этомъ передалъ ему превосходный рисунокъ, сдѣланный съ портрета, писаннаго съ натуры. Первымъ дѣломъ я нарисовалъ для себя этотъ портретъ, потомъ написалъ образъ, совершенно похожій на рисунокъ, и опять, не договариваясь, заплатили 25 рублей.

Незамѣтно подошелъ срокъ контракта 1-го ноября 1861 года, мнѣ оставалось зажить время, которое я пролежалъ въ Маріинской больницѣ, т.-е. до 1 декабря. Кононъ не обмолвился ни единымъ словомъ, продолжалъ молчать, пришлось ему напомнить.— «Знаю твой срокъ и все, что нужно, сдѣлаю», отвѣчалъ уклончиво хитроумный владимирецъ. Я написалъ въ волостное правленіе о присылкѣ мнѣ новаго паспорта, выславъ на этотъ предметъ пять рублей, въ отвѣтъ получаю требованіе возвращенія прежняго паспорта. Обращаюсь снова къ Конону, который объявилъ, что паспортъ мой высланъ въ правленіе и онъ ждетъ его со дня на день. Проволочивъ такимъ способомъ время до начала февраля 1862 года, онъ наскоро собрался и уѣхалъ во Псковъ. Отъ дворника я узналъ, что паспортъ мой нѣсколько дней назадъ уже прописанъ и отданъ Конону. Мнѣ стало досадно и вмѣстѣ грустно, хотѣлось мирно разойтись съ семьей, гдѣ я прожилъ столько долгихъ лѣтъ, а они разжигали взаимную злобу.

Хозяйка, любительница пирушекъ, на этотъ разъ угощала трехъ своихъ пріятельницъ, пришедшихъ къ ней съ мужьями въ гости. Громче, чѣмъ это было нужно, она сказала, чтобы я ставилъ самоваръ, я отвѣтилъ ей еще громче, что у ней есть дочь шестнадцати лѣтъ для такого нехитраго дѣла. Хозяйка повторила приказъ, и я повторилъ свой отвѣтъ. Она сама поставила самоваръ, сходила въ лавку, дворникъ принесъ водки и пива вдоволь, — пиръ начался; скоро поднялся смѣхъ, потомъ запѣли пѣсни и бросили; разбилась какая-то посуда... хозяйка открыла дверь и закричала: «Василій, подай сюда щетку, оглохъ ты, что ли». Гости стали ее уговаривать, а она пуще куражиться, начала ругаться, грозить полиціей. Терпѣнію моему насталъ конецъ, я ей сказалъ, что завтра же заявляю въ ремесленной управѣ о томъ, что нарушили условіе, передержавши меня лишнихъ три мѣсяца. Иванъ Іоновичъ уговорилъ меня выйти на улицу и дождаться, пока все успокоится.

Поутру, уходя изъ дома, я просилъ дѣда поберечь мои вещи. Послушавшись совѣта, я выждалъ, когда хозяйка погасила огонь. Въ ремесленной управѣ данъ ходъ моей жалобѣ потому, что день былъ присутственный, членъ нашего цеха Ѳаддеевъ принялъ близко къ сердцу мой разсказъ, захотѣлъ провѣрить его, назначилъ ревизію въ ближайшее время. Мнѣ приказано не отлучаться никуда изъ мастерской. Дома я даже Ивану Іоновичу ничего не разсказалъ, съ замираніемъ сердца ждалъ ревизоровъ; они не заставили себя ждать, — на третій день явились.

Параскева перепугалась. Ее попросили остаться для отвѣтовъ. Потребовали контрактъ. Началась подробная провѣрка, какъ исполнялись условія съ той и другой стороны. Параскева не могла сказать, что я не былъ послушенъ, не могла указать ни на одну вещь, кромѣ рванаго пальто и двухъ старыхъ манишекъ, купленную ими для меня, кисти всѣ до единой оказались моими собственными. Посмотрѣли мою законченную работу и начатую и отозвались о ней съ большой похвалой. Я сказалъ, что желаю получить съ Конона Алексѣевича 5 руб., которые онъ у меня занималъ, — всѣ разсмѣялись, — и взыскать съ него за сожженныя имъ мои книги. Члены ремесленной управы приказали выдать мнѣ паспортъ, предоставивъ мнѣ жить, гдѣ я пожелаю, обязавъ сообщить управѣ свой адресъ и адреса указанныхъ мною свидѣтелей.

Опостылѣло мнѣ глядѣть на хозяйку. На другой же день я нанялъ комнатку поблизости, у обѣднѣвшихъ купцовъ-стариковъ, предъявившихъ условія, чтобы жилецъ не курилъ, а когда они убѣдились, что я не курю, вина не пью, передъ праздниками пѣсенъ не пою, соблюдаю посты, хожу въ церковь и дома молюсь, — мы зажили друзьями.

Успѣлъ съѣздить въ Сергіевскую пустынь, набрать тамъ заказовъ, больше чѣмъ на сто рублей, а Кононъ все еще не вернулся въ Питеръ. При встрѣчахъ съ дѣдомъ Иваномъ Іоновичемъ я отъ него зналъ, что въ Псковѣ Конону задатка выдали мало, накопилось много долговъ, только починкой старья кормятся, ему нечемъ платить.

Я работалъ усидчиво надъ заказомъ и учился подъ руководствомъ зятя.

На Страстной недѣлѣ получилъ повѣстку изъ ремесленной управы явиться туда одновременно съ Конономъ. Послѣ скучныхъ формальностей управа приговорила Конона къ вознагражденію меня за всѣ годы ношенія своей одежды, денежную по 15 руб. плату за сверхсрочное житье, въ вознагражденіе «выходныхъ», а всего 120 рублей. Спросили меня: «Доволенъ ли я». Я сказалъ доволенъ, но отъ взысканія денегъ отказался. Судьи такъ сердито на меня посмотрѣли, словно я ихъ обидѣлъ. Я подписался и далъ

тягу отъ потянувшагося ко мнѣ Конона, котораго задержали въ управѣ очень долго. Его, бѣднаго, за всѣ провинности жестоко наказали, лишивъ права держать учениковъ и рабочихъ.

Оказалось, что кромѣ моего дѣла, онъ не взносилъ три года никакихъ повинностей въ ремесленную управу. Ему предоставлено право жаловаться на опредѣленіе цеха.

Въ первый день Пасхи, прямо изъ церкви, я зашелъ къ Конону Алексѣевичу похристосоваться, онъ расплакался, съ Прасковьей Ивановной мы помирились, а Иванъ Іоновичъ сквозь слезы запѣлъ: «Воскресенія день и просвѣтимся торжество и другъ друга обымемъ — рцемъ братіе и ненавидящимъ насъ и тако возопіемъ— Христосъ Воскресе...» и т. д.

Послѣ этого дня мнѣ не пришлось больше видѣться съ Кономъ, жена его Прасковья Ивановна дряхлая, разбитая параличомъ приходила однажды къ моей женѣ, уже вдовой, но меня не застала дома.

Съ 1862 г. они поселились въ Псковѣ. Сколько ни было горя за пять лѣтъ жизни у Конона, я все простилъ, все забылъ. Я вспоминалъ его заботу, какъ онъ съ перваго же года строго слѣдилъ, чтобы безъ крайней нужды не отвлекали меня отъ ученья мастерству, давалъ свободу бѣгать по церквамъ, глядѣть на хорошую живопись, а впослѣдствіи посѣщать выставки, Эрмитажъ, поэтому я рано пріобрѣлъ навыкъ въ работѣ. Но стоило только на одинъ мигъ вспомнить жестокое преслѣдованіе чтенія учебныхъ книгъ, тяжелое чувство глубокой обиды вызоветъ злобу за сказавшіяся очень скоро послѣдствія.

Кононъ эгоистъ-хозяинъ, мастеровой, содержавшій семью, человѣкъ темный, невѣжественный, преслѣдуя меня за чтеніе книгъ, по-своему желалъ мнѣ добра. Лучше быть хорошимъ образникомъ, чѣмъ плохимъ художникомъ. Миръ его праху.

В. Максимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ стр 112. Авторъ, описывая объявленіе воли 19 февраля, ошибся въ датѣ: манифестъ былъ объявленъ, какъ извѣстно, 5 марта. *Ред.*

Отрывки изъ воспоминаній[1]).

(Посвящается памяти В. Н. Б.)

(Окончаніе.)

Мценская центральная политическая тюрьма.

Мценскъ! «Какой это Мценскъ? Что это за Мценскъ?»—вотъ вопросы, вертѣвшіеся въ моей головѣ, когда я съ жандармами, сидя въ вагонѣ II-го класса, мчался по орловско-московской желѣзной дорогѣ. Три раза ѣздилъ я съ юга въ Петербургъ, при чемъ два раза именно по этой дорогѣ, и не обратилъ вниманія на какой-то Мценскъ, куда меня теперь тащили. И какая это такая центральная политическая тюрьма? Казематы? У жандармовъ я спросить ничего не желалъ, боясь проговориться, что свѣдѣнія, самыя, прибавлю, туманныя, о мценской тюрьмѣ я получилъ въ орловскомъ замкѣ. Съ жандармами я порядкомъ понатерся и былъ остороженъ до смѣшного. «Если спрошу,—думалъ я,—о Мценскѣ, у нихъ возникнетъ вопросъ: откуда онъ знаетъ? А ну, какъ, пожалуй, узнаютъ, что мнѣ сказали «орловскіе политическіе»! Вѣдь тогда «орловскихъ» запрутъ». Я молчалъ, а поѣздъ мчалъ насъ на всѣхъ парахъ; я зналъ, что вотъ-вотъ и «Мценскъ»! Скоро жандармы начали суетиться, собирать вещи, говоря, что «здѣсь *остановимся*». Остановились; вышли изъ вагона; прошли залъ III-го класса маленькаго вокзала и вышли на крыльцо, обращенное къ Мценску.

— Извозчикъ!—крикнулъ одинъ изъ жандармовъ. Подъѣхали крытыя дрожки, влекомыя бѣлою клячею.

— Здравствуй, старый знакомый! — обратился жандармъ къ старику-извозчику.

— Желаемъ здравствовать! Частенько-таки вы ѣздите къ намъ.

— А что, развѣ не нравится?

— Намъ что, намъ, конечно, доходъ.

— То-то же; садитесь, господинъ!—обратился ко мнѣ жандармъ, уложивъ мои вещи. Я влѣзъ въ дрожки, по бокамъ сѣли жандармы. Погода была отвратительная: дулъ холодный вѣтеръ, моросилъ мелкій дождикъ... Невзрачный городокъ Мценскъ походилъ на

---

[1]) См. «Голосъ Минувшаго» № 4.

мокрую курицу; маленькія улицы были пусты, запотѣлыя окна мокрыхъ домовъ смотрѣли грустно на міръ Божій; меня провезли по отдаленнѣйшимъ улицамъ, объясняя невозможностью ѣхать «черезъ самый городъ», благодаря отсутствію или порчѣ какого-то моста.

Уже немного отъѣхавъ отъ вокзала, я увидѣлъ на другомъ концѣ города среди поля возвышавшееся бѣлое зданіе, окруженное каменною стѣною; зданіе и своимъ положеніемъ и наружнымъ видомъ говорило само за себя: это была тюрьма, куда меня везли; я узналъ ее, хотя и не спрашивалъ. Ужасно непріятное впечатлѣніе произвели на меня видъ и положеніе мценской тюрьмы: она построена въ концѣ города, на полѣ. Казалось, что она изолирована съ цѣлью не допустить возможности узнать обществу, что дѣлается за этими стѣнами, казалось, разъ попавъ въ нее, ты уже погибъ для міра, для жизни. Хотя мнѣ «орловскіе» и говорили, что «тамъ» (т.-е. въ Мценскѣ) *«кажись» много* политическихъ и, *«кажется»*, живутъ всѣ вмѣстѣ, но я сомнѣвался, сомнѣвался тѣмъ болѣе, что мнѣ орловскіе передавали *неопредѣленно* и говорили *«кажется»*. Вообще я подъѣзжалъ къ мценской тюрьмѣ въ самомъ скверномъ настроеніи. Одна мысль, впрочемъ, утѣшила меня, мысль ни на чемъ не основанная, это — возможность встрѣтиться съ Лёвою Симиренко, хотя, съ другой стороны, трудно было этого ожидать: въ Орлѣ говорили, что *такой* не проѣзжалъ, жандармы черниговскіе намекали на его гибель, а сторонній слухъ былъ такой, что Лёва уже на пути въ Восточную Сибирь; слухъ этотъ распространился еще мѣсяцевъ шесть тому назадъ, значитъ, на встрѣчу не было почти ни одного шанса. Но я почему-то вѣрилъ, что я еще повидаюсь съ нимъ. Жизнь наша до сихъ поръ была такъ тѣсно связана, мы такъ сжились, что «быть вмѣстѣ» гдѣ бы то ни было облегчило бы горе, если не совсѣмъ, то наполовину несомнѣнно. Конечно, вѣра въ свиданіе съ Лёвою была очень неустойчива, но все-таки смягчала душевную боль, такъ что даже хотѣлось «поскорѣе» окунуться въ мценскую тюрьму.

А вотъ и она! Сравнительно небольшое, бѣлое, чистенькое, двухъэтажное зданіе, обнесенное не особенно высокою бѣлою же стѣною, такъ что не только выдаются надъ стѣною окна (съ рѣшетками, конечно) верхняго этажа, но даже немного видны и окна перваго этажа. Возлѣ каждой стѣны по будкѣ и по часовому.

Недалеко отъ единственныхъ воротъ, окрашенныхъ въ темную краску, въ стѣнѣ — каменный домикъ для конвоя и офицера, а возлѣ этого домика — деревянный новенькій сарай, съ желѣзною крышею — вотъ и все, что есть вблизи тюрьмы; мѣстность открытая скучная, безъ всякой растительности, подверженная вліянію всѣхъ вѣтровъ.

Мы остановились; часовой крикнулъ что-то въ окошечко, сдѣланное въ воротахъ; звякнула задвижка, отворилась небольшая дверца въ воротахъ же, и меня попросили «пожаловать».

Вхожу; за мною жандармы, а впереди пошелъ, отворившій калитку, высокій съ маленькимъ брюшкомъ господинъ, въ какой-то странной формѣ съ мѣдными пуговицами; прошли небольшое пространство отъ воротъ до входа въ тюрьму; при самомъ входѣ въ зданіе господинъ повернулъ вправо, внизъ, въ какое-то, какъ мнѣ показалось, подземелье, — мы за нимъ; входимъ въ небольшую комнату, гдѣ за столомъ сидѣлъ прилично одѣтый, довольно полный, съ малорусскими чертами лица господинъ.

Господинъ, который шелъ впереди насъ отъ воротъ, не говоря ни слова, отправился въ мои карманы и вообще началъ меня тщательно обыскивать, обыскивать до того нахально, что я ошалѣлъ. Онъ дѣлалъ это съ такимъ спокойствіемъ, обнаружилъ такое геніальное знакомство съ тайниками верхняго и нижняго платья, что мнѣ оставалось только любоваться высокаго сорта пошлостью и смѣлостью этого господина.

На мнѣ были, напримѣръ, брюки, которыя я купилъ въ Вѣнѣ, съ маленькимъ карманомъ въ такомъ мѣстѣ, что, кажись, самъ сатана не отыскалъ бы его; карманчикъ этотъ предназначался для храненія денегъ отъ карманныхъ жуликовъ, какъ мнѣ объяснили въ столицѣ Австріи, увѣряя, что, несмотря на всю ловкость «европейскихъ мошенниковъ», изъ кармана «въ этомъ мѣстѣ» похищеній никогда не было. Я повѣрилъ, купилъ брюки, и вотъ первый русскій «казенный карманщикъ» разыскалъ хитрую похоронку и вытащилъ оттуда портретъ любимой сестры.

— Это можно имѣть? — обратился онъ къ господину въ формѣ Министерства Внут. дѣлъ, сидѣвшему за столомъ.

— Отдайте!

— Извольте-съ,—отдалъ мнѣ «карманщикъ» карточку и началъ шарить уже «за бѣльемъ». Я краснѣлъ тогда и краснѣю теперь за русскаго человѣка вообще и за себя въ особенности. Возможно ли представить, чтобы, напримѣръ, любой гражданинъ Западной Европы, въ XIX ст., нелишенный правъ, безъ предписанія суда, дозволилъ такъ возмутительно издѣваться надъ собою? А я, русскій, пошлый русскій, рабъ - русскій спокойно смотрѣлъ, какъ ворвались ко мнѣ въ домъ, и теперь, когда лѣзутъ мнѣ въ карманъ, я съ бараньимъ индиферентизмомъ отношусь къ этому факту; у меня не поднялась рука отпустить пощечину нахалу, протестовать до тѣхъ поръ, покуда не свяжутъ меня, не сдѣлаютъ насилія...

И представьте себѣ, что этотъ рьяный господинъ съ брюшкомъ оказался добродушнѣйшимъ человѣкомъ: онъ обыскивалъ «по долгу службы» и относился къ этому «не вѣдая», что творитъ, онъ дѣлалъ это такъ же, какъ обѣдалъ, спалъ и т. д.; онъ невоз-

мутимо спокойно изъ роли «обыскивателя» перешелъ бы въ роль «обыскиваемаго», потому что русскій человѣкъ даже понять не можетъ, въ чемъ заключается обида обыска, и не все ли равно, что производить обыскъ, что быть обыскиваему.

Но обыскъ конченъ; все отобрано; я выхожу за тѣмъ же господиномъ изъ подземелья, попросту—изъ подвальнаго этажа, поднимаюсь по нѣсколькимъ ступенькамъ каменной лѣстницы, вхожу въ стеклянныя двери, ведущія въ коридоръ второго этажа, и появляюсь въ одной изъ камеръ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ этого коридора, насколько помнится, въ № 3 или 5. Въ камерѣ никого нѣтъ, хотя видно, что люди здѣсь живутъ: плохо застланныя кровати, въ безпорядкѣ валяющаяся одежда, шапки, арестантскіе халаты.

— Вы останетесь здѣсь?—сказалъ обыскивавшій господинъ очень мирнымъ и даже заискивающимъ тономъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я ему, не зная, что сказать.

— Быть-можетъ, вы кого-нибудь знаете, такъ съ ними въ одной камерѣ можно расположиться.

— А кто здѣсь есть?—спросилъ я дрогнувшимъ отъ радости голосомъ, благодаря возможности быть съ кѣмъ бы то ни было *вмѣстѣ*, не сидѣть въ сосѣдствѣ съ однѣми стѣнами.

— Есть такой-то, такой-то (онъ началъ перечислять фамиліи).

— А нѣтъ-ли здѣсь Симиренко?—спросилъ я наавось.

— Льва-то Платоныча? Есть!

Въ другомъ мѣстѣ я бы подпрыгнулъ или сдѣлалъ какую-нибудь каверзу, выражавшую высшую степень наслажденія, но здѣсь удержался: «Такъ Лёва здѣсь?! И его называютъ еще Львомъ Платонычемъ, видимо почтительнымъ тономъ», думалъ я, когда господинъ пошелъ позвать его.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже цѣловался и обнимался съ Лёвою, заливаясь отъ радости самымъ глупымъ смѣхомъ, какъ мнѣ потомъ говорили и чего я въ тотъ моментъ не замѣчалъ; еще немного — и я уже былъ среди громадной толпы знакомыхъ и незнакомыхъ «политическихъ» и не зналъ, что дѣлать, о чемъ говорить.

По случаю отправленія на другой день послѣ моего пріѣзда партіи въ Сибирь, «политическимъ» разрѣшено было немного кутнуть «на прощаніе». Всѣ они собрались «въ общей столовой», и я очутился среди нихъ, былъ свидѣтелемъ этого кутежа, кутежа оригинальнаго: «По случаю отправленія въ Сибирь на поселеніе, въ каторгу». На большомъ столѣ стоялъ громадный самоваръ, большое количество кружекъ и стакановъ. Не успѣлъ я поздороваться съ нѣкоторыми знакомыми, которыхъ, прибавлю, я никогда не надѣялся уже видѣть, какъ какой-то незнакомый подхватилъ меня подъ руку и помчалъ, весело болтая, въ какую-то камеру, гдѣ я выпилъ рюмку рому и также быстро отправился съ незна-

комцемъ обратно «въ общую», гдѣ уже веселый хоръ исполнялъ различныя пѣсни.

Я не зналъ съ кѣмъ начать говорить: лицъ было много, знакомыхъ и незнакомыхъ. Впечатлѣніе было слишкомъ сильное, чтобы сохранить спокойствіе и разсуждать хладнокровно; вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ.

Вотъ ко мнѣ обращается какой-то одноглазый солдатъ съ какимъ-то вопросомъ, я отвѣчаю ему; меня толкаютъ.

— Что?—спрашиваю.

— Держи языкъ за зубами,—совѣтуютъ мнѣ.

— Какъ? Въ политической-то тюрьмѣ?

— Да, да....

«И здѣсь есть!! «камо бѣгу отъ лица твоего!»—подумалъ я, и прежняя осторожность возвратилась ко мнѣ.

Подхожу къ Ивану Карповичу Дебогорію-Мокріевичу [1]), чудному піанисту, съ которымъ я былъ немножко «не въ ладахъ» на свободѣ, но котораго всегда любилъ и уважалъ; тутъ же рядомъ сидитъ и старый знакомый Костюринъ, котораго я зналъ студентомъ, а теперь онъ—лишенный правъ, каторжанинъ; а вотъ подходитъ милый, вѣрующій, благородный юноша, Янковскій, который уже успѣлъ быть приговореннымъ къ 10-тилѣтней каторгѣ, хотя на видъ ему не болѣе 17—18 лѣтъ. Съ кѣмъ начать разговоръ? о чемъ говорить? Перебрасываюсь словами со всѣми, распрашивая у знакомыхъ о незнакомыхъ, слушая пѣсни, куря папиросы, предварительно сговорившись съ Лёвою поговорить «наединѣ» ночью, такъ какъ Лёва предназначенъ былъ отправиться въ Сибирь съ этою партіею, т.-е. я могъ видѣть его только въ продолженіе одной ночи! Вѣдь вотъ какое стеченіе обстоятельствъ!

Народу было много, болѣе 40 душъ; это было страшное, «легальное» тайное сообщество, за принятіе участія въ которомъ на свободѣ ссылали на каторгу, вѣшали, а здѣсь спокойно можно было «принимать въ немъ участіе». Было на кого посмотрѣть, было кого наблюдать, было кого изучать, и какъ же не благодарить судьбу за такое счастливое стеченіе обстоятельствъ. Вотъ фамиліи лицъ, которыхъ я засталъ въ мценской тюрьмѣ. Осужденные на каторгу: Костюринъ, Минаковъ, Говорухинъ, Крыжановскій, Кривошеинъ, Властопуло, Янковскій, Калюжный, Ястремскій, Франжоли, Геллисы (два), Туровичъ, Осмоловскій, Козачковскій, Шпирканъ.

Лишенные правъ и осужденные на поселеніе въ Сибирь: Татаринчикъ, Рублевъ, Цукерманъ, Гавриловъ, Тюринъ, Верцинскій, Олеховскій.

---

[1]) Родной братъ осужденнаго на каторгу Владимира Дебогорію-Мокріевичъ, который бѣжалъ съ пути, подъ Иркутскомъ, и еще не былъ пойманъ, когда я пишу эти строки.

Административно-ссылаемые въ Сибирь: Долининъ, Панкратьевъ, Штокфишъ, Червинскій, Трушковскій, Хондажевскій, Концевичъ, Андреевъ, Вноровскій, Иванъ Дебагоріо-Мокріевичъ, Шпадіеръ, Харжевскій, Симиренко, Мамонтовъ, Кобылинскій, На другой день всѣ они, кромѣ меня, Кобылинскаго, Мокріевича, Харжевскаго, Шпадіера и Внаровскаго, отправлялись въ Вост. Сибирь. Всѣ, казалось, были веселы, но что у каждаго изъ нихъ было на душѣ—этого никто не зналъ. Впереди ничего веселаго не предвидѣлось.

Наболѣвшая душа, нужно думать, приходитъ, наконецъ, къ состоянію апатіи, нервы притупляются, и человѣкъ, повидимому, веселъ.

Было уже поздно, когда мы разошлись по камерамъ. Я съ Симиренко пошелъ въ камеру Мокріевича. Эта комната предназначалась для больницы, и вѣчно чѣмъ-нибудь больной Иванъ Карпычъ занималъ въ качествѣ больного.

Первымъ дѣломъ Лёва заявилъ, что ему завтра ѣхать «съ этою партіею» не желательно.

— Заболѣй!—улыбаясь, посовѣтовалъ Мокріевичъ.

— Конечно, заболѣй!—поддерживалъ я.

— Если бы я зналъ,—говоритъ Лёва,—я бы съ утра заболѣлъ.

— Начинай теперь!

— Знаете что, господа, я приму *касторки* изрядную дозу.

— Валяй!

И Лёва принялся за оригинальное средство «заболѣть»: онъ началъ ложками принимать касторку, смѣясь въ нашемъ присутствіи и корча страдальческія рожи, когда входилъ кто-либо изъ тюремщиковъ. Посмѣялись мы немало и въ то время, когда онъ принималъ, и особенно тогда, когда ему приходилось быстро схватываться и бѣжать кой-куда, наглядно доказывая дѣйствіе касторки.

Сомнительна была возможность не отправиться съ партіею, но Лёва употреблялъ всѣ средства къ этому.

Наконецъ водворилась тишина, камеры заперты на замокъ, войти никто не могъ. Лёва принялъ обыкновенное выраженіе, и мы начали говорить «по-душѣ».

Само собою, каждый изъ насъ разсказалъ, первымъ дѣломъ, когда, какъ и при какихъ обстоятельствахъ арестованъ.

Оказалось, что у Левы былъ произведенъ обыскъ сначала въ Одессѣ, гдѣ у него отобраны мои бумаги, карточку, но лично его не тронули, такъ что онъ имѣлъ еще возможность держать окончательный экзаменъ въ университетѣ, потомъ уѣхалъ домой и мечталъ «о благополучномъ исходѣ».

Но не тутъ-то было! Вскорѣ къ нему въ имѣніе (Кіевской губ., Городищенскій сахарный заводъ) явилась полиція, произвела вторич-

Фронтосписъ къ «Блафону»—I части поэзіи Струйскаго. Спб. 1791 г.

ный обыскъ, и, хотя ничего не нашла, все-таки увезла Симиренко въ Кіевъ; здѣсь его съ недѣлю продержали «въ клоповникѣ» въ «Лыбедской» части, гдѣ онъ положительно не могъ отбиться отъ клоповъ, а потомъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, потащили въ Мценскъ, для отправки въ Сибирь.

Въ Мценскъ Симиренко былъ привезенъ въ ноябрѣ, такъ что къ моему пріѣзду Лева уже «обжился» въ этой тюрьмѣ, просидѣвъ 7 мѣсяцевъ.

Мокріевичъ тоже былъ «внезапно схваченъ». Онъ ѣздилъ къ своему брату въ Каменецъ-Подольскъ и, не помышляя объ опасности, взялъ для обратнаго путешествія у брата очень хорошую шубу. Но только что Иванъ Карпычъ явился въ свое имѣніе (Лука-Борская, Подольской губ.), какъ былъ «схваченъ» въ шубѣ брата, привезенъ въ Кіевъ, посаженъ въ тюрьму, потомъ вскорѣ dahin, въ Мценскъ, куда привезенъ въ январѣ, несмотря на весьма болѣзненное состояніе. Въ 79 и 80 году генералъ-губернаторы не любили медлить и объяснять причины, а особенно въ 79 году, т.-е. въ годъ ареста меня, Левы, Мокріевича и другихъ.

Итакъ, съ разныхъ концовъ генералъ-губернаторы согнали насъ на свиданіе въ Мценскъ.

Я разсказалъ о моихъ похожденіяхъ, прибавивъ, что въ продолженіе 9 мѣсяцевъ отрицалъ все, даже то, что слышалъ объ «украинофилахъ», говоря, что названіе «украинофилъ» мнѣ неизвѣстно.

Дѣйствительно, нежеланіе замѣшать кого бы то ни было довело меня до абсурдныхъ отрицаній. Такъ, я говорилъ въ показаніяхъ, что не знакомъ съ семействомъ Симиренко, не зная того, что Татьяна Ивановна, мать Левы, говорила уже въ Кіевѣ жандармамъ о томъ, что я—ихъ хорошій знакомый. Но кто знаетъ 79 и 80 гг. не удивится, почему я отрицалъ о всѣхъ знакомствахъ и не упомянулъ ни одной фамиліи, кромѣ Левы Симиренко и то потому только, что у него найдены мои бумаги. О Мокріевичѣ Иванѣ, моемъ хорошемъ знакомомъ, я, помню, далъ такое показаніе:

— Знаете ли вы Мокріевича?

— Какого? Т.-е. вы спрашиваете слыхалъ ли я такую фамилію?

— Нѣтъ, не знаете ли вы Мокріевича?

— Нѣтъ, не знаю и не слыхалъ...

— А когда вы жили въ Кіевѣ на Тарасовской улицѣ, не жилъ ли съ вами какой-нибудь Мокріевичъ?

— Навѣрное сказать не могу, — отвѣчалъ я, — но помнится, что тамъ, кажись, нанималъ квартиру и *какой-то* Мокріевичъ, но говорю это не навѣрное: быть-можетъ, это созвучная Мокріевичу фамилія.

Чуть не до свѣту болтали мы и далеко не переговорили обо всемъ. Весь другой день ушелъ на приготовленіе къ отправкѣ пар-

тіи, которая должна была уѣхать съ ночнымъ поѣздомъ (въ часъ ночи), по направленію къ Москвѣ. Въ полдень получена была телеграмма отъ губернатора объ оставленіи Симиренко. Это и обрадовало насъ и поставило втупикъ: мы не знали причины желаннаго оставленія «до слѣдующей партіи». Но ни радоваться ни раздумывать было некогда: все убиралось, приготовлялось. Вдругъ по камерамъ и въ коридорѣ пронесся слухъ, что «непривилегированныхъ закуютъ въ кандалы». Этотъ слухъ поразилъ насъ, не хотѣлось вѣрить, не хотѣлось видѣть униженія человѣческой личности; слухъ же, между тѣмъ, принималъ все болѣе и болѣе вѣроятности, превратившись скоро въ дѣйствительность. Нужно замѣтить, что многіе, привезенные въ мценскую тюрьму въ кандалахъ, здѣсь были раскованы на все время пребыванія въ ней. «Привилегированные же» и отсюда отправились безъ кандаловъ, такъ какъ, по закону, они, привилегированные, должны быть закованы уже на мѣстѣ, на самой каторгѣ, если, конечно, въ дорогѣ не произойдетъ ничего «особеннаго». Однако слѣдуетъ замѣтить, что генералъ-губернаторы и въ этомъ случаѣ поступали какъ имъ было желательно: многіе «привилегированные» были привезены уже въ мценскую тюрьму закованными!

— Да я имъ, с . . . . . с . . . . ., головы разобью! — оралъ кто-то во всю глотку.

— Нельзя ли какъ-нибудь переговорить съ начальствомъ?

— Протестовать, господа! Протестовать!!!

— А штыки?!? Коли протестовать—такъ до конца, до смерти не даваться, а протестовать такъ себѣ, «до прикладовъ», не стоитъ!

— Да, быть-можетъ, можно уговорить?

— Позвать начальника тюрьмы!

— Исправника!

Разбились на партіи, пошли разговоры, разсужденія, которыя привели къ тому, что въ четырехъ стѣнахъ и противъ штыковъ съ голыми руками протестовать немыслимо.

Вскорѣ начали вызывать лишенныхъ правъ, «непривилегированныхъ» «поодиночкѣ», и они возвращались къ намъ, уже звеня кандалами и стараясь скрыть собственное смущеніе.

Невыносимо тяжелое впечатлѣніе произвелъ этотъ звукъ кандаловъ. Глядя на этихъ совершенно юныхъ людей, сердце сжималось отъ жгучей щемящей боли.

«Боже мой! — думалось, — неужели жизнь ихъ уже окончена? Неужели они обречены на вѣчное прозябаніе въ каторжныхъ тюрьмахъ, въ холодныхъ степяхъ Сибири, на поселеніи? Начало жизни— и тюрьма! Начало жизни—и каторга! Начало жизни, и жизнь эта уже разбита: развѣ жизнь мыслима безъ свободы? развѣ можно назвать жизнью—жизнь въ кандалахъ? И, несмотря на это, мрачныхъ лицъ почти не было, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Янковскій,

поражалъ вѣрою во что-то, надеждами на что-то и невозмутимо спокойными отношеніями къ условіямъ, въ которыя всѣ были теперь поставлены. Янковскій напоминалъ мнѣ перваго христіанина и текстъ «Блажени вѣрующіе».

Я могу говорить только объ общемъ впечатлѣніи, которое произвели на меня «политическіе», сидѣвшіе въ мценской тюрьмѣ, такъ какъ видѣлъ ихъ всего сутки или полторы и не могъ изучить личность каждаго.

Весь день мы были въ напряженномъ состояніи, ожидая рокового часа разлуки. Пообѣдали, напились чаю, поужинали; разговоры не прекращались ни на минуту; давались порученія, передавались поклоны, рѣшались разные вопросы; обнадеживали другъ друга, строили планы будущаго; болѣе близкіе сегодня между собой говорили шопотомъ... Но, несмотря на занятіе, было тяжело, очень тяжело. Куда шли эти люди? Увидимъ ли ихъ когда? Что оставляютъ они за собою? Чего лишаются? Что чувствуютъ они предъ наступленіемъ часа разлуки съ родиной, а слѣдовательно, и со всѣмъ, что было для нихъ близкаго, дорогого, что составляло ихъ жизнь?

Было надъ чѣмъ задуматься... И думали всѣ.

— Одѣвайтесь, господа!—раздалось въ коридорѣ.

Всѣ разошлись по камерамъ и начали одѣваться; одѣвшись, собрались еще разъ «въ общую» и, распрощавшись на всякій случай, начали пѣть хоромъ: «Идетъ онъ усталый».

Эта пѣсня и по мотиву и по содержанію какъ разъ подходила къ обстоятельствамъ.

— Пожалуйте, господа!—позвалъ надзиратель въ концѣ пѣсни.

Хоръ сначала смолкъ, а потомъ окончилъ пѣсню; начались поцѣлуи, рукопожатія, показались слезы на глазахъ, и всѣ вышли изъ «общей».

Въ коридорѣ, возлѣ дверей, стояли: исправникъ, начальникъ тюрьмы, жандармскій офицеръ, надзиратель и жандармы.

Всѣ мы столпились у дверей, начали выкликать по списку:

— Янковскій!

— Здѣсь!

— Пожалуйте!

Янковскій прощается со всѣми, цѣлуется, жметъ руки, потомъ выходитъ изъ толпы и, въ сопровожденіи жандарма, уходитъ изъ тюрьмы, гдѣ его еще ждетъ солдатъ (на каждаго полагался одинъ жандармъ и одинъ солдатъ).

— Крыжановскій!

— Здѣсь!

— Пожалуйте!

Прощаніе и выходъ съ жандармомъ и т. д., покуда не ушли всѣ. Мы вошли въ камеры, взобрались на окна и долго еще кричали на темный дворъ.

— Прощайте!

Въ отвѣтъ на это изъ темноты слышалось:

— До свиданія! Къ намъ пріѣзжайте!

— Хорошо!

Но вотъ ворота отворились послѣдній разъ, вышелъ кто-то послѣдній, и все стихло. Тихо и скучно сдѣлалось въ тюрьмѣ послѣ отправки этой партіи; насъ осталось всего восемь душъ.

Слѣдующій день какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ наружному и внутреннему осмотру тюрьмы.

Тотчасъ при входѣ въ нее, направо—небольшой каменный одноэтажный домъ, крыша котораго немного возвышается надъ стѣной. Это — квартира начальника тюрьмы и главнаго надзирателя; налѣво—точно такой же каменный домикъ—баня; разстояніе отъ воротъ до зданія тюрьмы не превышаетъ 8 — 10 саженей, и точно такое же разстояніе до зданія тюрьмы отъ задней, продольной стѣны; поперечныя стѣны отдѣлены отъ тюрьмы не болѣе 2 — 3-саженнымъ разстояніемъ, такъ что мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что тюрьма «сжата» стѣнами; дворъ — это небольшіе промежутки между стѣнами и зданіемъ; онъ чистый, гладкій, безъ малѣйшаго признака какой бы то ни было растительности, не говоря уже о деревьяхъ—не было и травы.

И стѣны, и домики возлѣ воротъ, и самое зданіе тюрьмы все бѣлое, безъ изъяновъ: тюрьма эта недавно (чуть ли не въ началѣ 79 г.) по иниціативѣ, какъ говорили, Лорисъ-Меликова, была превращена изъ «уголовной» въ «политическую»; на передѣлку и ремонтъ ея для превращенія въ «государственную» потребовалось около 13.000 р.

Она въ три этажа, при чемъ первый входитъ своею половиною въ землю, другою — аршина на $1^1/_2$ выступаетъ надъ землей, и въ немъ помѣщается кухня, квартира прислуги и канцелярія.

Въ узкомъ коридорѣ второго этажа по обѣ стороны расположены камеры разной величины; полъ коридора кирпичный, въ противоположныхъ концахъ его по три окна: одно большое и по бокамъ два маленькихъ; окна расположены очень высоко; посрединѣ въ потолкѣ лампа.

Камеры отличаются только по величинѣ: $^2/_3$ каждой стѣны выбѣлено, какъ и въ коридорѣ, $^1/_3$ вымазана въ какую-то пепельнаго цвѣта краску, на которой, для иллюзіи представленія о мраморѣ, замѣтны бѣлыя крапинки, брызнутыя щеткою, обмакнутою въ известку. Эта $^1/_3$ стѣны очень пачкаетъ одежду, хотя выкрашена для обратнаго назначенія; возлѣ стѣны—деревянныя кровати, и на каждой изъ нихъ матрацъ изъ сѣна, твердая подушка, двѣ простыни изъ плохой парусины и одѣяло изъ арестантскаго сукна; нѣсколько столиковъ возлѣ кроватей; широкія, короткія окна, продѣланныя чуть ли не у потолка, освѣщаютъ камеру; окна съ рѣшетками такъ

высоки, что необходимо взобраться на кровать, чтобы смотрѣть въ нихъ, при этомъ отворяются они самымъ безобразнымъ образомъ: нижняя половина окна надвигается на верхнюю, такъ что, чтобы смотрѣть, необходимо пригнуться на широчайшемъ подоконникѣ или смотрѣть въ верхнюю половину окна, задвинутую нижнею, черезъ двойной, слѣдовательно, рядъ стеколъ, не считая рѣшетки, не представляющей, само собою, удобства для зрѣнія. Впрочемъ, изъ камеръ и коридора нижняго этажа видны были только... стѣны двора да кусочки голыхъ пространствъ на горизонтѣ.

Въ двухъ концахъ коридора расположены: на одной сторонѣ «общая» и «умывальная» рядомъ съ такъ называемой «пріемной», а на другой — два «ватерклозета».

«Умывальная» очень порядочная комната, съ большими резервуарами и нѣсколькими рукомойниками, «ватерклозеты» — тоже сносные.

Третій этажъ очень походитъ на второй, только съ меньшимъ количествомъ камеръ, благодаря церкви, которая занимала довольно много мѣста, и карцеру, темноватой комнаткѣ, въ которой, къ счастію, никто не сидѣлъ, хотя лѣтомъ тамъ было бы очень удобно.

Тюремная жизнь.

Кромѣ меня, новичка, въ мценской тюрьмѣ остались изъ первой партіи только: Вноровскій, Мокріевичъ, Симиренко, Хоржевскій, Шпадіеръ, Кобылинскій и Мищенко. Я жилъ съ Симиренко въ одной камерѣ, Мокріевичъ одинъ, Вноровскій одинъ; Мищенко жилъ съ Кобылинскимъ, а Хоржевскій тоже одинъ. Но это индивидуальное или совмѣстное житье мѣнялось очень часто: то жилъ каждый въ одиночку, то сговаривался съ кѣмъ-нибудь и т. д. Такъ что, кромѣ меня, Лёвы, Мокріевича и Вноровскаго, всѣ очень часто мѣняли товарищей для совмѣстнаго житья. И неудивительно: если на свободѣ такъ пріѣдаются люди, которыхъ мы часто видимъ, то каково же въ четырехъ стѣнахъ! Само собою, каждому хотѣлось больше разнообразія, перемѣны лицъ. Несмотря на наше долговременное знакомство, на тѣсныя связи нашихъ отношеній, т.-е. моихъ и Лёвы, несмотря на это, мы въ иныя минуты были просто противны другъ другу, такъ что болѣе всѣхъ выиграли Вноровскій и Мокріевичъ, жившіе все время отдѣльно, безъ компаніоновъ.

Отпирали наши камеры очень рано. Вставали мы въ разное время, одни чуть свѣтъ, другіе въ 9 — 10 и даже, какъ нерѣдко я и Лёва, и въ 11 ч.; вставши, если хотѣли, убирали комнату, т.-е. застилали кровати и приводили въ порядокъ разбросанныя книги, бумаги и т. д., такъ какъ подметалъ комнаты служитель, потомъ, если хотѣли, умывались, одѣвались (а если не хотѣли, то и не умывались и не одѣвались) и отправлялись въ «общую», гдѣ уже

часовъ съ 8 утра шумѣлъ на большомъ столѣ громадный самоваръ, принадлежавшій Симиренко.

Ставилъ самоваръ, приносилъ и уносилъ посуду и обѣдъ служитель, кажется, Александръ, который, кромѣ казеннаго жалованья, получалъ еще плату и отъ насъ.

Встававшій раньше дежурный, должность которую по порядку исполнялъ ежедневно кто-нибудь изъ насъ, уже находился за чайнымъ приборомъ и наливалъ каждому приходящему чай, а ежели кто лѣнился вставать, то тому несъ въ камеру и ставилъ возлѣ кровати на стулѣ или столѣ.

Чаю пили кто сколько хотѣлъ, но хлѣба, кромѣ ржаного, къ чаю не полагалось, и всѣ были довольны, если были «сухари» изъ того же ржаного хлѣба; исключенiе было только для больныхъ или для лицъ, которыя, кромѣ взноса въ «общую» кассу, еще давали каждый разъ на сверхштатные продукты.

Напившись чаю, мы принимались за различныя занятія, если слово «занятіе» примѣнимо къ тюрьмѣ: одни играли въ шашки, въ шахматы, другіе расходились по камерамъ и тамъ читали, писали, или просто болтали и, наконецъ, третьи шли на прогулку, кромѣ добрѣйшаго Устина Устиновича Вноровскаго, который цѣлый день, будучи нашимъ старостой, по единогласному избранію, вертѣлся какъ бѣлка въ колесѣ, заботясь о нашемъ благосостояніи, словно мать; иногда утромъ приносили письма, которыя доставляли громадное наслажденіе.

Прогулка совершалась между зданіемъ тюрьмы и глухою стѣною; въ этомъ узенькомъ, длинномъ пространствѣ, мы расхаживали, болтали, играли въ мячъ, а потомъ и занимались гимнастикою, когда ее построили.

Такъ тянулось время до обѣда, который бывалъ между 12 — 1 пополудни; тогда всѣ мы опять сходились въ «общую», садились вокругъ большого стола, предварительно выпивъ «конспиративно» по рюмочкѣ водки, кто желалъ, конечно.

Обѣдъ подавалъ тотъ же служитель. Вноровскій разливалъ, а дежурный разносилъ тарелки. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ обыкновенно блюдъ, при чемъ мясо считалось нѣкоторымъ образомъ *роскошью* и раздавалось по «кусочкамъ». Если мы ѣли довольно сносно, то благодаря личнымъ взносамъ, такъ какъ казеннаго содержанія, конечно, не хватало бы на самый обыкновенный обѣдъ. Послѣ обѣда, если не было квасу, пили чай, при чемъ его разливалъ опять-таки дежурный; когда же квасъ былъ, чаю не пили.

Количество пищи и качество ея проигрывали, между прочимъ, еще и оттого, что мы не имѣли права ходить въ кухню, а слѣдовательно, не могли и контролировать «поставщиковъ».

Послѣ обѣда до вечерняго чаю проводилось почти такъ же, какъ и время между утреннимъ чаемъ и обѣдомъ, съ тѣмъ развѣ разли-

чіемъ, что нѣкоторые ложились спать, а другіе опять-таки играли въ шашки, шахматы, читали и шли на «прогулку» въ то же длинное узкое пространство, кромѣ стѣнъ, охраняемое еще съ двухъ сторонъ четырьмя солдатами (два съ одного и два съ другого конца). Болѣе веселое время начиналось съ вечерняго чая до «зари», т.-е. до 9 часовъ или до той поры, когда насъ запирали и мы ложились спать.

Вечерній чай мы пили между 6 — 7 — 8 часами вечера, пили обыкновенно медленно, съ разговорами, шахматными и шашечными играми, а послѣ чаю, который былъ и ужиномъ, всегда почти устраивали пѣніе, что нерѣдко дѣлали и во время прогулокъ. Пѣсенный репертуаръ былъ невеликъ и пѣлся весь сразу, такъ что каждый день, въ концѣ-концовъ, повторялись однѣ и тѣ же пѣсни.

Во время вечерняго же чая Вноровскій дѣлалъ публичныя предложенія вопросовъ, касающихся завтрашней злобы дня,—т.-е. какой обѣдъ? будемъ ли ужинать? и т. д. Потомъ Вноровскій отправлялся совѣщаться съ главнымъ надзирателемъ Ѳоминымъ (онъ же и обыскивалъ) о предстоящихъ суткахъ, а мы еще вели дебаты въ общей, пѣли и играли.

Часовъ въ 9 — $9^1/_2$ надзиратель—дежурный, который охранялъ двери въ коридорѣ, заходилъ въ «общую» и въ «камеры», говоря: «Господа! пора по мѣстамъ»! т.-е. въ свои камеры. Всѣ расходились по своимъ комнатамъ, гдѣ уже были поставлены «параши»,—желѣзные, герметическіе цилиндры, и насъ запирали на ключъ; спустя, нѣкоторое время, являлся офицеръ съ солдатами и дѣлалъ «повѣрку», при чемъ одинъ изъ двухъ солдатъ являлся въ камеру и дергалъ рѣшетки въ окнахъ, убѣждаясь ежедневно въ ихъ крѣпости. Ѳоминъ присутствовалъ при повѣркахъ.

Въ камерахъ мы зажигали лампы и могли не спать сколько угодно; дежурный надзиратель надѣвалъ валенки, чтобы не производить шуму, и иногда засматривалъ въ окошечко въ дверяхъ, чтобы убѣдиться въ нашей цѣлости и невредимости; огонь и въ камерахъ и въ коридорѣ долженъ былъ горѣть цѣлую ночь.

По утрамъ къ намъ часто заходилъ начальникъ тюрьмы, бывшій помощникъ управляющаго «дома предварительнаго заключенія» въ С.-Петербургѣ, Михаилъ Марковичъ Побылевскій, добродушный, лѣнивый, довольно полный хохолъ, съ типичною малорусскою физіономіей. Одѣвался онъ чрезвычайно прилично и вообще мало напоминалъ типъ смотрителя острога; черные волосы были у него всегда гладко причесаны назадъ, большіе черные же усы — всегда въ порядкѣ и, пожалуй, припомажены, подбородокъ всегда изящно выбритъ, руки чистыя, лицо чистое, — повторяемъ, онъ не былъ похожъ на такъ называемыхъ «полицейскую крысу», «приказнаго крючка» и т. д. Съ нами Михаилъ Марковичъ былъ крайне

обходителенъ и любезенъ, а съ женскимъ поломъ — просто кавалеръ, comme il faut. Вообще прекраснаго пола онъ «не чурался», какъ говорятъ малороссы.

Побылевскій началъ свою карьеру съ очень низкихъ полицейскихъ чиновъ, но не извѣстно по какимъ причинамъ не опошлѣлъ, не утерялъ образа человѣческаго, и вотъ теперь, когда ему осталось всего два чина до генерала, онъ еще очень порядочный, главное не глупый человѣкъ.

Благодаря послѣднему обстоятельству, Побылевскій, вполнѣ соблюдая «уставы» и «законы» и строго слѣдя за нашею цѣлостью, дѣлалъ то, чего глупый администраторъ, изъ боязни или недомыслія, не сдѣлалъ бы вовѣкъ; онъ давалъ намъ газеты, что собственно почему-то *воспрещалось*; мы имѣли старые и новые періодическіе журналы, имѣли бумагу, перья, чернила, могли выпить рюмку водки передъ обѣдомъ, что необходимо при такой сидячей жизни, и вообще пользовались многими «льготами», которыхъ и не понюхали наши товарищи, сидѣвшіе въ такой же «политической» тюрьмѣ въ *Вышнемъ-Волочкѣ*.

Но самое важное, чѣмъ мы свободно пользовались, благодаря Михаилу Марковичу, это *свиданія* съ близкими знакомыми и родственниками, которые пріѣзжали въ Мценскъ.

По слухамъ, отчасти причиною этихъ льготъ былъ и орловскій губернаторъ, который, какъ человѣкъ гуманный, сквозь пальцы, что называется, смотрѣлъ на нѣкоторыя «послабленія», да еще и то обстоятельство, что товарищи, далеко до моего пріѣзда, устроили такъ называемый «*голодный бунтъ*», который заставилъ начальство призадуматься и дать маленькую «конституцію».

Но дѣло въ томъ, что, будь глупый и чрезмѣрно трусливый администраторъ, онъ бы заупрямился, принялся бы за «репрессивныя мѣры» и, конечно, вышла бы буря къ обоюдному неудовольствію.

Михаилъ Марковичъ, понимая, что требуется только «необходимое» и что отъ этого требуемаго тюрьма останется тюрьмою и все будетъ благополучно, уступилъ, и жить намъ стало довольно сносно.

Михаилъ Марковичъ ежедневно приходилъ къ намъ или «такъ себѣ» или съ «письмецомъ», «газеткою», подавалъ руку, ободряя въ большинствѣ случаевъ, говоря, что «скоро мы будемъ освобождены», «въ Сибирь не пойдемъ» и т. д.

Мы, неразумные, иной разъ даже вѣрили этому оптимизму Побылевскаго, хотя онъ, кажись, говорилъ это больше для разговора.

Иногда Побылевскій приходилъ съ докторомъ или исправникомъ.

Докторомъ въ мое время былъ старичокъ-генералъ, который въ болѣзняхъ ничего не смыслилъ, но охотно балагурилъ съ паціентомъ и либеральничалъ, что, конечно, мало помогало излѣченію,

но дѣйствовало больше на духъ паціента, ибо либералы въ генеральскихъ чинахъ попадаются рѣдко. Генералъ былъ противъ административной ссылки, какъ и Побылевскій, говорилъ, что «это долго не продлится» и что «дастъ Богъ» мы будемъ освобождены. Къ доктору мы, кто считалъ себя больнымъ, вызывались поодиночкѣ въ отдѣльную комнату и тамъ высказывали ему физическіе и духовные недуги, получая взамѣнъ рецептъ, по которому получали безвозмездно лѣкарство.

Исправникъ, кажется, Герасимовъ, хотя и не генералъ, былъ человѣкъ съ достоинствомъ, держалъ себя настолько странно, что напоминалъ поговорку: «Словно аршинъ проглотилъ». Носилъ онъ длиннѣйшія сѣдыя бакенбарды и всегда имѣлъ широко раскрытые, удивленные глаза, словно онъ что-то узналъ удивительное или желаетъ нѣчто сообщить. При посѣщеніяхъ онъ очень близко подходилъ къ кому-либо и предлагалъ вопросы, относящіеся къ тому, чѣмъ въ данную минуту занимается лицо, къ которому онъ подошелъ; если вы читали, онъ спрашивалъ: «Вы читаете»? Если вы писали, онъ спрашивалъ: «Вы пишете»? и т. д. Если же онъ заходилъ въ общую, то ему нечего было больше спросить, какъ: «Какъ вы поживаете»? Такіе обыкновенные вопросы слетали съ устъ начальника уѣзда неожиданно, потому что, глядя на его лицо, казалось, что онъ скажетъ или спроситъ нѣчто очень важное.

Въ виду того, что исправникъ посѣщалъ насъ довольно рѣдко, а пріѣздъ его въ тюрьму имѣлъ болѣе глубокое значеніе, въ смыслѣ вывезенія кого-нибудь изъ тюрьмы на судъ, отправки партій или какихъ-нибудь административныхъ предпріятій, то появленіе начальника уѣзда сопровождалось взаимнымъ извѣщеніемъ: «Исправникъ пріѣхалъ! Исправникъ пріѣхалъ»!

Кромѣ того,—такъ какъ въ лицѣ исправника была власть цѣлаго уѣзда—къ его пріѣзду тюремное начальство старалось соблюсти извѣстную формальность, т.-е. мы должны были сидѣть запертыми по своимъ камерамъ (если мы не обѣдали, или не пили чай, что дозволялось дѣлать всѣмъ вмѣстѣ въ «общей»); нужно было соблюдать извѣстную тишину, не имѣть на виду письменныхъ принадлежностей и т. д.

На предлагаемые вопросы исправникъ всегда отвѣчалъ коротко и неясно.

Въ то время исправникъ дѣятельно разыскивалъ «гессенскую муху» и какихъ-то «жучковъ», проявившихся на поляхъ Мценскаго уѣзда и не дававшихъ покоя администраціи, взбудораженной учеными реформами профессора Линдемана.

Мокріевичъ предлагалъ мнѣ взять темою для поэмы стихотворной «погоня за мухами» и изобразить по порядку: 1) выслѣживаніе мухи, 2) уѣздъ на ногахъ, 3) поимка мухи и арестъ ея; 5) ссылка мухи и т. д.

Но это къ слову.

Самымъ частымъ нашимъ посѣтителемъ былъ Ѳоминъ, правая рука Побылевскаго, старшій надзиратель и экономъ [1]), хитрый, ловкій, старательный Ѳоминъ, бывшій сначала надзирателемъ въ одной изъ центральныхъ тюремъ Харьковской губерніи и приспособившійся къ этому ремеслу какъ нельзя лучше.

Мценскій Ѳоминъ—это Наумъ Черниговскій, съ тою лишь разницею, что «политическіе» все же не были безотвѣтны, какъ уголовные.

Ѳоминъ льстилъ Побылевскому, ухаживалъ за нимъ, былъ обходителенъ и съ нами, политическими, особенно съ тѣми, отъ кого предвидѣлись «доходы», но въ то же время обсчитывалъ и обвѣшивалъ и насъ, конечно, и Побылевскаго, копилъ деньгу и «противозаконнаго» ни за какія деньги не сдѣлалъ бы, хотя корчилъ изъ себя человѣка всею душою приверженнаго къ «намъ».

Отъ него трудно было даже узнать, есть ли письмо, не говоря уже о болѣе важныхъ матеріяхъ; единственно, что онъ устраивалъ, и то, само собою, съ разрѣшенія Побылевскаго, это *«свиданія»*, причемъ бралъ и отъ лицъ приходящихъ, и отъ тѣхъ, къ кому приходили.

Ѳоминъ трудился съ утра до ночи, былъ вѣчно на ногахъ и вездѣ успѣвалъ; вечеромъ онъ приходилъ къ Вноровскому, который давалъ ему порученія—купить на завтрашній день того-то и того-то. Въ полдень онъ появлялся къ намъ и отпускалъ желающимъ по одной (ни какъ не больше) рюмкѣ предъ обѣдомъ, водки; во время повѣрки онъ былъ съ солдатами; послѣ повѣрки—подходилъ къ окошечкамъ и говорилъ: «Спокойной ночи!» отворялъ двери лицамъ, приходящимъ на свиданіе; встрѣчалъ и провожалъ Побылевскаго и всякое начальство, занимался хозяйствомъ, кормилъ куръ, распекалъ надзирателей и разговаривалъ иногда съ нами; однимъ словомъ, дѣятельность этого человѣка была непостижимая, если принять во вниманіе, что онъ же встрѣчалъ и «новичковъ», обыскивая ихъ, складывая вещи, выдавалъ чистое бѣлье, завѣдывалъ цейхгаузомъ и т. п. и т. п. Собственно говоря, Ѳоминъ былъ все для мценской тюрьмы, и нельзя, въ концѣ-концовъ, сказать, чтобы у него было жестокое сердце: онъ могъ плакать, сожалѣть и т. д. Трудно понять русскаго человѣка!

Кромѣ помянутыхъ лицъ, предъ нашими глазами вѣчно путешествовали дежурные надзиратели, подчиненные Ѳомина: одинъ вѣчно въ коридорѣ охранялъ выходъ; другой — во дворѣ, возлѣ воротъ. Надзиратели эти мѣнялись поочередно и не играли важной роли въ нашей жизни, хотя имѣли при себѣ револьверъ и шашку.

---

[1]) Сначала экономъ былъ отдѣльно, но Ѳоминъ низвергъ перваго и въ лицѣ своемъ соединилъ обѣ должности.

Часовые, стоявшіе за стѣнами, тоже не относились къ намъ, ибо никто изъ насъ бѣжать не покушался, а дѣло всѣхъ ихъ было сохранить насъ въ цѣлости. Что касается дежурныхъ офицеровъ, то большинство изъ нихъ были народъ любезный и то же не имѣли къ намъ никакого отношенія, а потому и сказать объ нихъ нечего.

Впрочемъ, одинъ старичокъ-офицеръ былъ настолько любезенъ съ Симиренко, что разрѣшалъ, по просьбѣ Побылевскаго, выходить ему за тюрьму, въ садъ, гдѣ Симиренко устраивалъ для Побылевскаго разныя клумбы, сѣялъ цвѣты и т. д.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда насъ перевели въ третій этажъ, гдѣ жизнь пошла веселѣе.

Съ третьяго этажа былъ виденъ весь Мценскъ и окрестности его. Кромѣ того, видна была желѣзная дорога, желѣзнодорожный мостъ, проходившіе поѣзда, гуляющая публика, пріѣзжавшіе въ тюрьму, и все, что происходило въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ, чего мы не видѣли, находясь во второмъ этажѣ.

Это было очень важно для нашей жизни, такъ какъ увеличивалось количество впечатлѣній, увеличился кругозоръ, получились нѣкоторыя тюремныя развлеченія, которыя можетъ понять только тотъ, кто сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Кромѣ перемѣщенія на новое мѣсто, играла важную роль и лѣтняя погода, а также увеличившееся количество свѣдѣній и пополненіе тюрьмы новыми лицами «съ разныхъ концовъ государства великаго».

Но обыкновенно между 9 — 10 часами утра въ «общей» уже собирались всѣ и убивали время такимъ манеромъ: пили чай, играли въ шашки и шахматы и, наконецъ, смотрѣли въ окна, изъ которыхъ, какъ уже говорилъ, видна была желѣзная дорога, а также все, совершавшееся въ тюремныхъ стѣнахъ и внѣ ихъ.

— Московскій поѣздъ!—крикнетъ кто-нибудь сидящій у окна.

Всѣ подбѣгаютъ, лѣзутъ на деревянную кровать и смотрятъ въ окна.

— Значитъ 10 часовъ? — спроситъ кто-нибудь.

— Да. Скоро южный изъ Курска придетъ.

— Свистокъ! Слышите?

— Идетъ изъ Курска!

Всѣ смотрятъ, вспоминаютъ прошедшее, шутятъ, что видятъ лицъ, кланяющихся изъ оконъ вагона.

— Пріѣхалъ ли кто съ этимъ поѣздомъ? — задаются вопросомъ тѣ, которые могутъ ожидать пріѣзда родныхъ или знакомыхъ.

— Значитъ почта пришла?

— Да.

— Надзиратель съ кипою съ почты!

— Гдѣ?

— Пошелъ къ начальнику тюрьмы.

— Сейчасъ, значитъ, письма и газеты.

— Ѳоминъ не идетъ?

— Нѣтъ, не видно.

— Письма и газеты! Побылевскій идетъ!

Появляется Побылевскій, чистый, выбритый, съ папиросою во рту; вѣжливо раскланивается и отдаетъ письма, любезно разговаривая съ тѣми, къ кому онъ чувствуетъ больше уваженія (особенными симпатіями Побылевскаго пользовался Лева); иногда онъ заходитъ въ камеры и въ общихъ фразахъ выражаетъ неизмѣнныя надежды о прекращеніи ссылки и вообще сообщаетъ новости, почерпнутыя, въ свою очередь, изъ десятыхъ рукъ, такъ какъ лично онъ мало зналъ и самъ «политическія тайны», а къ тому былъ еще и остороженъ.

Кто получилъ, — читаетъ письма; это самое дорогое наслажденіе въ тюрьмѣ; если письмо съ деньгами, то отдавалось только письмо, а деньги оставлялись въ конторѣ; получатель получалъ только квитанцію, что таковое количество хранится въ конторѣ; потомъ расходились читать газеты по порядку каждая камера; расходились, конечно, не всѣ: иные весь день просиживали въ «общей», играя въ шашки, шахматы, напѣвая какую-нибудь пѣсню или просто смотря весь день въ окно и слѣдя за поѣздами приходящими и уходящими.

Единственное исключеніе представлялъ Вноровскій, вѣчно дѣятельный и вѣчно совѣщающійся съ ловкимъ Ѳоминымъ, который то появлялся, то исчезалъ поминутно изъ нашихъ глазъ, говоря «на ходу», выслушивая просьбы, сообщая «новости» въ родѣ того, что «будетъ свиданіе», или такую тайну, которая можетъ быть названа «тайною» только въ тюрьмѣ, въ этомъ гробѣ, гдѣ ничего неизвѣстно. Ѳоминъ былъ настолько остороженъ, что даже прямо не говорилъ, что есть письма, письма, которыя намъ будутъ отданы, а все-таки Ѳоминъ этого не скажетъ «прямо».

Устинъ Устиновичъ имѣлъ обыкновеніе заявлять о томъ, что онъ всталъ громкимъ пѣніемъ пѣсни —

«Братья, впередъ, не теряйте»,

которая, при отсутствіи какого бы то ни было голоса, а также и слуха, пѣлась Вноровскимъ не совсѣмъ хорошо, но зато «храбро», настолько громко и твердо, что можно было сначала подумать, что начинаетъ пѣть человѣкъ «умѣющій», но вскорѣ Вноровскій доходилъ до нотъ неприступныхъ человѣческому голосу и умолкалъ въ силу необходимости, чтобы тотчасъ же съ замѣчательною энергіею начать сначала.

«Братья, впередъ...»

Вноровскій все дѣлалъ тоже на ходу: ѣлъ, пилъ, разговаривалъ, игралъ въ шахматы, сводилъ счеты и до педантизма былъ точенъ въ расходованіи капиталовъ нашихъ, блюдя за каждою копейкою ближняго, пуще глаза.

Съ утра до вечера этотъ человѣкъ былъ занятъ «нашими дѣлами», которыя исполнялъ съ идеальнымъ тактомъ и добросовѣстностью примѣрною.

Между 12 и 1 мы обѣдали; Устинъ Устиновичъ всовывалъ голову въ одну изъ рѣшетокъ окна 3-го этажа и кричалъ прогуливающимся:

— Господа, обѣдать!

Никто не заставлялъ себя долго ждать, когда дѣло шло о желудкѣ, такъ какъ вообще ѣли мы тамъ не досыта.

Кто выпивалъ передъ обѣдомъ «рюмку», тотъ мчался сначала въ «пріемную», гдѣ Ѳоминъ отпускалъ жаждавшей душѣ ни болѣе ни менѣе какъ рюмку; удовлетворенная душа, опрокинувъ сосудъ, мчалась въ столовую, гдѣ уже вокругъ стола сидѣли алчущіе, при чемъ на главномъ мѣстѣ, въ концѣ стола, возсѣдалъ Вноровскій, вооруженный большою ложкою для разливки суповъ или борщей и вилкою для математически-точнаго распредѣленія «кусочковъ» мяса между всѣми; здѣсь точность не измѣняла Вноровскому, и всякій могъ надѣяться быть не обсчитаннымъ ни на единую крошку мяса. За обѣдомъ разговоры все больше на тему о желудкахъ, о хозяйственномъ управленіи Устина Устиновича и о проектахъ улучшенія матеріальнаго быта.

Обѣдъ состоялъ не болѣе какъ изъ двухъ блюдъ, и второе было— въ какомъ-нибудь видѣ жареное мясо въ незначительномъ количествѣ.

Послѣ обѣда чай, самый короткій изъ чаевъ, такъ какъ многіе стремились уснуть часокъ, другой и тѣмъ сократить тюремное время.

Часа черезъ два послѣ обѣда опять начиналась «прогулка» вплоть до вечерняго чая.

То же самое «на прогулку!» раздавалось и часа въ 4 пополудни. Теперь иногда отправлялся гулять даже Вноровскій, который никогда почти не выходилъ изъ стѣнъ тюрьмы, читая, если у него было время, сочиненія Понсонъ-дю-Террайля. Страсть къ легкому чтенію онъ объяснялъ тѣмъ, что голова его не могла переваривать серьезной пищи, что, конечно, было очень естественно, благодаря вліянію тюремной жизни. Во время вечерней прогулки мы часто пѣли «хоромъ», играли въ «мячъ» и упражнялись въ гимнастикѣ, въ которой больше всѣхъ отличался Шпадіеръ, черногорецъ, вообще склонный ко всякаго рода энергичнымъ тѣлодвиженіямъ; въ променадахъ «взадъ» и «впередъ» мы упражнялись или втроемъ, я, Лева и Иванъ Карповичъ, или я съ Иваномъ Карповичемъ, остальные разбивались, какъ я уже говорилъ, тоже на группы.

Когда мы прохаживались втроемъ, то вспоминали «прошедшее», такъ какъ Лева всегда давалъ матеріалъ на эту тему, а когда оставались вдвоемъ, я и Иванъ Карповичъ, тогда упражнялись

въ «пессимизмѣ», если можно такъ выразиться, превосходя другъ друга въ мрачныхъ взглядахъ на дѣйствительность и восхваляя гартмановскую философію.

Но вотъ Вноровскій, который давно ушелъ со двора «по обязанностямъ службы», кричитъ уже въ окно, держа въ рукахъ кусочекъ бумаги и карандашъ:

— Кто что ужинать будетъ?

— А что есть? —спрашиваетъ кто-нибудь, подымая голову вверхъ.

— Яйца, сало, кислое молоко, каша съ молокомъ, молоко сладкое, — отвѣчаетъ, улыбаясь, Вноровскій.

— Я яйца!

— Сало!

— Кислое молоко!

— Молоко сладкое!

— Сало!

— Каша!

Устинъ Устиновичъ записываетъ.

Идемъ со двора въ тюрьму и прямо направляемся въ общую, гдѣ уже шумитъ самоваръ и готовъ ужинъ, состоящій изъ помянутыхъ разнообразныхъ блюдъ, при чемъ каждый обязанъ былъ ѣсть то, что онъ сказалъ заранѣе; конечно, бывало иногда такъ, что нѣкоторые оставались недовольны выбраннымъ и въ шутку говорили:

— Кислое молоко выгоднѣе.

— Жаль, что я кашу не выбралъ.

Иногда происходилъ по соглашенію обмѣнъ блюдъ во время самаго ужина.

Послѣ ужина пили чай очень медленно, такъ какъ въ это время было много тюремныхъ развлеченій:

1) Встрѣчи вечернихъ поѣздовъ, съ которыми обыкновенно привозили «новыхъ», а поэтому имъ нужно было оставить чаю, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ мы знали, что въ такой-то вечеръ привезутъ.

2) Въ это же время были «свиданія», при чемъ посѣтителей, къ кому бы изъ насъ онъ ни являлся, мы угощали чаемъ; и, наконецъ,

3) возлѣ тюрьмы, особенно въ праздничные дни, прохаживалась публика, особенно мценскія гражданки, изъ которыхъ многія наглядным образомъ выражали намъ сочувствіе, что мы узнавали по выраженію ихъ физіономій, засматриванію въ окна, маханію платками. Одна, не знаю насколько вѣрно, черезъ окно влюбилась въ кого-то изъ насъ!

Это послѣднее обстоятельство доставляло намъ громадное развлеченіе; мы по цѣлымъ часамъ глазѣли во всѣ окна, выражая съ своей стороны сочувствіе гражданкамъ тѣмъ же, чѣмъ и они

намъ. Въ шутку мы давали имъ разнообразныя романическія имена: Офелія, Татьяна, Маргарита и т. д. Хоръ, съ своей стороны, немедленно при появленіи публики организовывался и съ большимъ одушевленіемъ, подъ управленіемъ баса-регента Харжевскаго, пѣлъ пѣсни, дабы заманить и подольше удержать прекрасный полъ. Пѣсни обыкновенно начинались съ Некрасовской

«Поздняя осень.
Грачи улетѣли»...

и кончались

«Идетъ онъ усталый».

Если мы ожидали «новичка», то устраивали посты на всѣхъ окнахъ, изъ которыхъ можно было увидѣть все, что необходимо было для точнаго знанія: везутъ или нѣтъ?

— Поѣздъ! — кричалъ кто-нибудь.

— Смотрите, господа, ѣдутъ уже съ вокзала?

— Ѣдутъ!

— Идите кто-нибудь смотрѣть въ коридорное окно! Размѣщаемся по всѣмъ пунктамъ.

— Ѳоминъ прошелъ!—кричитъ смотрѣвшій во дворъ.

— Подвезли! — кричитъ смотрѣвшій въ коридоръ и пришедшій посмотрѣть, какъ введутъ «новичка» въ ворота и «каковъ-то онъ?»

Всѣ, тѣснясь и налегая другъ на друга, становились въ общей на кровать и смотрѣли въ окно.

Наконецъ ворота отворены, и рабъ Божій въ сопровожденіи жандармовъ и Ѳомина появляется во дворѣ, изумленно осматриваясь къ непривычной обстановкѣ, покуда мы не обратимъ его вниманія, крикнувъ:

— Здравствуйте!

«Невольникъ» смотритъ вверхъ, лицо его при видѣ товарищей озаряется улыбкою, онъ кланяется и уже смѣлѣе направляется въ предверіе тюрьмы, гдѣ съ нимъ продѣлываютъ тѣ же эксперименты, что и со всѣми нами.

Интересно, что всѣ мы, во-первыхъ, знали, что «кого-то» (а иногда и именно «кого») привезутъ; во-вторыхъ, видѣли его входящимъ въ тюрьму, и все же «невольника-новичка» сразу намъ не показывали, вели его въ отдѣльную камеру, послѣ обыска внизу, а насъ при этомъ запирали, и только черезъ нѣсколько минутъ новичокъ появлялся среди насъ. Его забрасывали вопросами, предложеніями, за нимъ всѣ мы ухаживали, покуда онъ къ намъ, а мы къ нему не приглядѣлись, и тогда... тогда мало интересовались другъ другомъ...

Ужасное это состояніе! Ежедневно, ежечасно, ежеминутно видѣть, встрѣчаться другъ съ другомъ, будучи заключеннымъ въ четырехъ стѣнахъ! Мы страшно надоѣли одинъ другому, раздражались и, видимо, мельчали. Я не знаю болѣе жестокой нравственной пытки...

Помню, потрясающее на всѣхъ насъ впечатлѣніе произвели централисты: Донецкій, Папинъ и Плотниковъ. Первый, осужденный въ 75 г. въ С.-Петербургѣ по собственному дѣлу, просидѣвъ въ харьковской центральной тюрьмѣ пять лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, не считая сидѣнія до суда, пріѣхалъ сумасшедшимъ; у него была idee fixe, что онъ — центръ міра — нравственный и математическій и вообще человѣкъ, судьба котораго отражается на всемъ мірѣ. Плотниковъ — совершенно сумасшедшій. Нельзя было безъ душевнаго страданія смотрѣть на него, особенно когда, въ рѣдкіе моменты, онъ обнаруживалъ громадные запасы знанія, развитія и ума. Одинъ Папинъ былъ настолько бодръ, что поразилъ насъ. Папинъ и Плотниковъ по процессу Долгушина просидѣли 7 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи! Они были первыми ласточками изъ центральной тюрьмы, о которой мы только слыхали, но ничего не знали.

Когда я увидѣлъ этихъ молодыхъ людей закованныхъ въ кандалы, съ бритыми головами, при чемъ два изъ нихъ потеряли разсудокъ, я невольно содрогнулся отъ ужаса...

Видѣть трупъ не страшно, но видѣть заживо похороненныхъ— невыносимо.

Оригиналенъ былъ пріѣздъ технолога Андреева; по прибытіи въ тюрьму онъ долгое время сидѣлъ не произнося ни слова; болѣзненное, худое лицо его имѣло какое-то ироническое выраженіе; мы всѣ какъ-то глупо смотрѣли на Андреева, а Мокріевичъ и Лева шепнули уже мнѣ на ухо, что у Андреева, должно-быть, масса юмору.

— Скажите пожалуйста, куда меня везутъ? — вдругъ спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— Въ Восточную Сибирь!—отвѣтили мы ему,—отсюда одинъ путь.

— Не въ томъ дѣло: чего же это меня изъ Самары да обратно привезли въ Мценскъ, когда отъ Самары до Сибири ближе: черезъ Нижній, Казань...

— Быть-можетъ, вамъ желаютъ устроить кругосвѣтное путешествіе черезъ Одессу.

— Развѣ что, — сказалъ Андреевъ и умолкъ.

«Ростовцы» - рабочіе, привезенные тоже при мнѣ, сразу разговорились. Это былъ уже народъ тертый, просидѣвшій долгое время въ тюрьмѣ. Башкировъ — громаднѣйшій, здоровый человѣчина, съ окладистою бородою, съ волосами торчащими словно у ежа, добродушнѣйшій блондинъ съ вѣчно широко открытыми, большими голубыми удивленными глазами; онъ былъ мастеръ на всѣ руки, часто дежурилъ и исполнялъ всякія работы; Писаревскій— сутуловатый, средняго роста человѣкъ, съ какимъ-то страннымъ, какъ бы хитрымъ взглядомъ и длинною узкою бородою; былъ

страшно раздражителенъ; Бѣликовъ—съ широкою, точно луна, физіономіею, окаймленною узенькою бородкою, которая доходила до ушей съ обѣихъ сторонъ; это былъ человѣкъ добродушный, любившій поговорить, такъ какъ онъ, въ качествѣ кочегара на пароходѣ, изъѣздилъ много странъ и морей; наконецъ, болѣзненный Жечковскій. Богъ его знаетъ, что это былъ за человѣкъ; одно только несомнѣнно, что Жечковскій много жилъ и много страдалъ.

Теперь о свиданіяхъ.

Первое, дорогое для меня лицо, посѣтившее мценскую тюрьму, была мать Левы, Татьяна Ивановна Симиренко.

Она пріѣхала числа 23 мая; Лева заявилъ Побылевскому, чтобы и я приходилъ на свиданіе вмѣстѣ съ нимъ, когда въ тюрьму пріѣдетъ его мать.

Наконецъ, это было подъ вечеръ, Ѳоминъ доложилъ Левѣ:

— Маменька *пріѣхали*.

Ѳоминъ замѣтилъ экономическое благосостояніе матери Левы и говорилъ «пріѣхали».

Мы не шли, а просто полетѣли, какъ говорится, наверхъ. (Когда пріѣхала Татьяна Ивановна, мы были еще внизу.)

И вотъ Татьяна Ивановна; то же милое страдальческое лицо, та же знакомая улыбка, сквозь которую проглядываетъ тоска. Она бросилась на шею Левѣ; Лева обнялъ мать; потомъ свѣтлая, улыбающаяся Татьяна Ивановна подала руку мнѣ, и мы поцѣловались. Она, видимо, сдерживалась и старалась быть веселою; мы заговорили о «прошедшемъ» въ довольно шутливомъ тонѣ.

Нужно сказать—мы не притворялись: положеніе мое и Левы было лучше, чѣмъ положеніе нашихъ родныхъ; любящіе не такъ страдаютъ, перенося лично страданія, какъ тогда, когда видятъ близкихъ людей страдающими.

Благодаря Ѳомину и Побылевскому, мы могли угощать Татьяну Ивановну даже кофе, а она намъ въ тюрьму присылала и сама привозила всякую всячину; помню, 25 мая, въ день моихъ именинъ, она прислала мнѣ тортъ.

Мы утѣшали ее, чѣмъ могли, говорили о возможности освобожденія, возвращенія на родину, хотя, по правдѣ сказать, и не вѣрили сами тому, въ чемъ ее увѣряли. Мы обманывали другъ друга и тѣмъ хотя немного облегчали и себя и Татьяну Ивановну. Хоръ во время прогулокъ подъ окномъ комнаты, въ которой было свиданіе, охотно исполнялъ различныя пѣсни; Татьяна Ивановна всегда плакала, когда пѣли:

«Идетъ онъ усталый...

и не могла выносить звона кандаловъ; «вѣдь у всѣхъ ихъ есть матери», говорила Татьяна Ивановна, и слезы катились изъ ея глазъ; ей очень нравилось слѣдующее Некрасовское четверостишіе, которое я ей часто говорилъ:

«Имъ не забыть своихъ дѣтей,
«Погибшихъ на кровавой нивѣ,
«Какъ не поднять плакучей ивѣ,
«Своихъ поникнувшихъ вѣтвей»...

Глядя на эту прекрасную женщину и рѣдкую мать, я часто вспоминалъ свою мать, которая далеко-далеко отъ меня заливалась день и ночь слезами, не имѣя возможности, по болѣзни и другимъ семейнымъ обстоятельствамъ, пріѣхать ко мнѣ... Я зналъ, что я больше не увижу ея, хотя увѣрялъ въ письмахъ о скоромъ свиданіи, обнадеживалъ... Я часто получалъ отъ родныхъ письма; эти письма, исполненныя любви, страданія, безотвѣтной преданности дорогой матери, разрывали мнѣ сердце... На моихъ глазахъ была другая мать, быть-можетъ, болѣе счастливая, хотя не знаю, что лучше: видѣть ли сына въ тюрьмѣ на пути въ Сибирь, или только знать объ этомъ? Я просилъ въ письмахъ не пріѣзжать ко мнѣ...

Татьяна Ивановна пробыла около мѣсяца.

Но насталъ и день разлуки.

Она была въ этотъ день убита горемъ предстоящей разлуки и молчала; влажными отъ слезъ глазами смотрѣла она на своего любимца Леву, и въ этомъ взорѣ выражалась и безконечная любовь къ сыну, страданіе, тоска и какая-то безнадежность; разговоръ не клеился; я не могъ выносить этой картины и ушелъ, пришедши уже въ самую минуту прощанія,—быстро поцѣловался съ Татьяной Ивановной и почти убѣжалъ; я зналъ, чувствовалъ, что не скоро, а быть-можетъ, и никогда не увижу ее...

Лева возвратился скучнымъ и долго ничего не говорилъ.

Къ Левѣ пріѣзжалъ еще братъ; но это былъ веселый молодой человѣкъ, и мы, кромѣ пріятности, ничего не испытывали при свиданіи съ нимъ.

Но самымъ веселымъ собесѣдникомъ была жена Ивана Карповича, поселившаяся въ самомъ Мценскѣ и почти ежедневно приходившая на свиданіе.

Эта веселая, красивая барыня доставляла намъ много удовольствія при скучной, однообразной мценской жизни.

Пріѣзжала еще мать Ивана Карповича, бодрая, крѣпкая, славная старушка, она провѣдывала одного сына въ тюрьмѣ, когда другой въ это время былъ на пути въ каторгу; много нужно было силы воли, характера, физической и душевной крѣпости, чтобы вынести такое горе: Роза Петровна, такъ звали мать Мокріевичей, бодро стояла противъ ударовъ судьбы.

Теперь нѣсколько словъ объ интимной нашей жизни, т.-е. моей, Левы и Мокріевича. Лева въ мценской тюрьмѣ чувствовалъ себя ужасно не хорошо. Садоводъ, любитель природы, простора, человѣкъ привыкшій вѣчно возиться съ растеніями, землею, насѣкомыми, од-

нимъ словомъ, «естественникъ въ душѣ», онъ испытывалъ невыносимую тоску въ каменныхъ стѣнахъ тюрьмы, мрачно смотрѣлъ на міръ, на себя и почти потерялъ память; къ этому еще присоединялись тоска по семьѣ, которую онъ любилъ и которая въ немъ души не чаяла, а также жизнь среди многочисленнаго общества, что иногда хуже одиночества: нельзя сосредоточиться, углубиться въ себя, быть только съ самимъ собою. Я былъ въ лучшемъ настроеніи духа, и потому, что мценская тюрьма послѣ одиночнаго заключенія казалась мнѣ раемъ, и потому еще, что я вообще человѣкъ «кабинетный». Устроившись въ тюрьмѣ, тотчасъ же началъ читать, писать, вообще занялся тѣмъ, что было любимымъ моимъ занятіемъ и на волѣ, благо бумага, книги, перья и чернила, хотя и тайно, были въ изобиліи. Мокріевичъ вѣчно охалъ и стоналъ, находилъ ежедневно новыя болѣзни, начиная съ головы до пятокъ и рьяно принялся за изученіе философіи Гартмана, которая, прибавлю, очень подходитъ къ тюремнымъ условіямъ; кромѣ того, онъ зачитывался Лермонтовымъ, Мицкевичемъ на польскомъ языкѣ и сдѣлался поэтомъ, ежедневно истребляя достаточное количество бумаги. Я не отставалъ отъ него въ писаніи «виршей», но мои были болѣе юмористическаго содержанія.

Лева и я вставали довольно поздно; Мокріевичъ тоже не рано и очень часто, когда былъ «добрый» дежурный, пили въ кроватяхъ чай; потомъ мы медленно поднимались съ кроватей, слушая громогласное пѣніе Вноровскаго:

«Братья, впередъ, не теряйте!»...

— Стинъ Стинычъ уже заставляетъ братью итти впередъ,—говорю я (мы звали Вноровскаго вмѣсто Устинъ Устиновичъ—Стинъ Стиновичъ, для сокращенія).

— И не терять бодрости!—отвѣчаетъ Лева.

Одѣвшись и умывшись, мы шли въ «общую» или къ Мокріевичу, если онъ еще не вставалъ. Въ первомъ случаѣ мы, какъ и всѣ, становились на кровать и высматривали въ окно «поѣзда», во-второмъ, т.-е. когда заходили въ камеру Мокріевича, заводили разговоры.

— Ну, сегодня что болитъ?

— Да, вамъ смѣшно,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—а у меня вотъ, должно-быть, чахотка.

— А волоса какъ?—не болятъ?

— И волоса болятъ, да я весь боленъ.

И Иванъ Карповичъ начиналъ по этому поводу ругать Россію вообще, и русскихъ въ частности, сравнительно съ Европою и европейцами, какъ будто и боленъ-то онъ потому, что живетъ въ Россіи.

Лева ходить на прогулку не любилъ; его тѣснили тюремныя стѣны, не давали дышать его богатырской груди и свободолюбивой натурѣ; я и Мокріевичъ почти ежедневно ходили. Однажды

Иванъ Карповичъ чуть было не прекратилъ прогулокъ по слѣдующему случаю.

Донецкій былъ его старый знакомый, и когда его привезли въ тюрьму, онъ началъ излагать свою теорію Ивану Карповичу, подтверждая вѣрность ея авторитетомъ календаря Суворина.

Я уже говорилъ, что теорія Донецкаго заключалась въ томъ, что онъ, Донецкій,—умственный и математическій центръ міра и притомъ геній добра; въ тѣ моменты, когда въ жизни Донецкаго происходили какія-нибудь перемѣны,—въ мірѣ совершалось тоже нѣчто важное; и вотъ онъ бралъ календарь Суворина и показывалъ «совпаденія». Предположимъ, въ день привоза Донецкаго въ мценскую тюрьму — умерло какое-нибудь важное лицо; если Донецкій заболѣлъ,—въ этотъ день тоже совершалось что-нибудь изъ ряда выходящее и т. д.

Долго терпѣлъ Иванъ Карповичъ, выслушивая idee fixe душевно-больного и, наконецъ, чтобы избавиться отъ него, объявилъ, что онъ, Мокріевичъ — *центръ зла;* Донецкій отсталъ отъ Мокріевича.

Вечеромъ, когда насъ запирали, я и Лева взлѣзали на окно и поджидали вечерняго московскаго поѣзда; по нему повѣрялъ я часы, и приходъ поѣзда былъ нѣкоторымъ образомъ сигналомъ ко сну. Впрочемъ, иногда мы сидѣли еще долго послѣ этого поѣзда и спорили (поѣздъ приходилъ въ $10^1/_4$ ч. вечера), спорили жестоко. Разъ, помню, чуть-чуть не поссорились изъ-за *пепсина*, о которомъ заговорили по случаю чтенія разныхъ физіологій. Ужасно дѣйствуетъ на нервы тюрьма!

Иной разъ Мокріевичъ, почитатель всякихъ музъ вообще, послѣ дневныхъ трудовъ надъ поэмами, брался за скрипку и... неимовѣрно плохо игралъ среди ночной тишины. Насколько восхитительно Иванъ Карповичъ игралъ на роялѣ, настолько плохо на скрипкѣ: рояля не было — онъ рѣзалъ на скрипкѣ.

— Господа, видите луну? — кричалъ изъ своей камеры Мокріевичъ.

— Видимъ, — кричали мы ему въ отвѣтъ.

— Правда, — хороша?

— Отличная! Только не порти впечатлѣнія скрипкою.

— Эхъ, вы! Ничего вы не понимаете! Развѣ я плохо играю? — самъ смѣясь, спрашиваетъ Иванъ.

Иногда въ камерахъ ночью раздавалось пѣніе solo или хоромъ. И я съ Левой нерѣдко заводили дуэты.

Въ общемъ, для меня, главнымъ образомъ, жизнь въ мценской тюрьмѣ была болѣе чѣмъ сносная, благодаря Михаилу Марковичу Побылевскому, память о которомъ надолго сохранится у всѣхъ, кто сидѣлъ въ Мценскѣ.

DAHIN!

— Хотя бы скорѣе какой-нибудь конецъ,—говорили мы:—свобода или Сибирь!

— Я умру скорѣе здѣсь, чѣмъ поѣду въ Сибирь, — говорилъ Иванъ Карповичъ.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро Михаилъ Марковичъ объявилъ намъ, *что* послѣ завтра всѣ, кромѣ Мокріевича, Донецкаго и Плотникова, будутъ отправлены въ Сибирь.

— О васъ еще ничего неизвѣстно, — шепнулъ при этомъ мнѣ и Левѣ на ухо Побылевскій.

— То-есть, какъ же это?

— Я телеграфировалъ: вы двое не упомянуты.

Насъ взяла тоска, неужели еще коптѣть въ тюрьмѣ? Даже завидно сдѣлалось, когда увидѣли другихъ, какъ они суетятся, убираются, а мы? Опять безплодныя ожиданія...

— Чего вы тоскуете? — спрашивалъ Мокріевичъ: да ничего нѣтъ хуже Сибири.

— Ну, братъ, сиди себѣ, а намъ лучше ѣхать хоть къ чорту на кулички.

— Конечно, лучше ѣхать, — говорилъ Устинъ Устиновичъ, которому было теперь работы по горло.

Къ нашему счастью, на другой же день Побылевскій объявилъ, что и мы поѣдемъ.

Почему мы радовались, — неизвѣстно, такъ какъ, что ни говори, а еще вопросъ, что лучше: Якутка или мценская тюрьма? Здѣсь, по крайней мѣрѣ, тепло, знаешь, что не пропадешь съ голоду, а тамъ? Но или такъ велико стремленіе человѣка къ свободѣ, или просто перемѣна въ образѣ жизни пріободрила насъ, но мы уже мечтали о неизвѣстныхъ странахъ и пріятномъ по нимъ путешествіи.

Ежедневно со дня объявленія похода въ тюрьмѣ царила суета невообразимая; все разбросано, раскрыто, убирается; всѣ разсчитываются, пишутъ письма, галдятъ, шумятъ; всѣ старались выдумать роднымъ такія посланія, чтобы не обезпокоить ихъ, т.-е. самое путешествіе представить *очень* пріятнымъ, Сибирь—страною прелестною и, наконецъ, доказать, что эта ссылка болѣе чѣмъ временная и что, молъ, «ожидайте!» скоро увидимся!..»

Я помню, начиналъ передъ отправкою письмо роднымъ такими словами:

«Наконецъ-то *давно желанная* отправка осуществляется! *Какъ пріятно* проѣхаться со всѣми удобствами въ неизвѣстную, *чудную* страну, что бы *скоро* возвратиться къ вамъ, дорогіе мои, и разсказать обо всемъ. Да, *больше чѣмъ* несомнѣнно, что мы увидимся *не черезъ годы*, а *черезъ мѣсяцы* и т. д.».

Искренности, конечно, въ этомъ письмѣ не было ни на грошъ; всѣ писали, полагаю, въ такомъ же духѣ.

Насталъ день отъѣзда. Я и Лева зашли въ камеру Мокріевича, съ женою котораго распрощались наканунѣ, и начали прощаться. И у насъ, и у Ивана Карповича видны были слезы.

— Когда-то и при какихъ обстоятельствахъ увидимся? — спрашивали мы одинъ другого.

— Пишите же! — раздавалось со всѣхъ концовъ.

Донецкій прощался, а несчастный Плотниковъ даже не понималъ, что происходитъ, хотя подарилъ Левѣ карточку съ собственоручною надписью.

Вышли на дворъ; тамъ были уже жандармскій офицеръ, жандармы, исправникъ, солдаты; обращаемъ послѣдній взоръ на тюремныя окна, изъ которыхъ видны лица Ивана Карповича, Донецкаго и прибывшихъ въ день нашего отдыха Донько, и Приходько; у Мокріевича страдальческое выраженіе.

Поодиночкѣ, въ сопровожденіи жандарма и солдата, выводятъ каждаго за ворота, и каждый снимаетъ шапку и кричитъ, поднявъ вверхъ голову:

— До свиданія! Къ намъ пріѣзжайте!

Мы вышли послѣдніе.

— До свиданія! — крикнулъ дрогнувшимъ голосомъ вслѣдъ намъ Иванъ Карповичъ.

— Прощай, братъ,—отвѣтили мы ему[1]).

На площади возлѣ тюрьмы мы увидѣли длинный рядъ одноконныхъ извозчиковъ съ двумя пассажирами каждый: политическій арестантъ и солдатъ съ ружьемъ.

Наконецъ, усѣлись и мы; Левѣ недоставало извозчика, и онъ помѣстился съ жандармскимъ офицеромъ.

Сзади ѣхалъ Побылевскій.

— Трогай! — крикнулъ жандармъ, и мы тихою рысью отправились черезъ Мценскъ къ вокзалу; долго махали мы шляпами и платками въ отвѣтъ на маханіе изъ тюремныхъ оконъ...

Пріѣхали на вокзалъ; тамъ насъ окружили солдаты, разогнавъ любопытствующую публику, и вскорѣ разсадили въ два вагона.

Звонокъ, свистокъ, запыхтѣлъ паровозъ, тронулся поѣздъ... Прощай Мценскъ!

А скоро прощай и Россія вмѣстѣ съ желѣзными дорогами: мы ѣдемъ въ страну, гдѣ не услышишь свистка паровоза! Вотъ еще разъ мелькнула мценская тюрьма, когда поѣздъ подошелъ къ желѣзнодорожному мосту, который видѣнъ былъ изъ нашего окна; быстро проѣхали мостъ, въѣхали въ ложбину и... тюрьма скрылась, а вмѣстѣ съ нею и Мценскъ.

И. Бѣлоконскій.

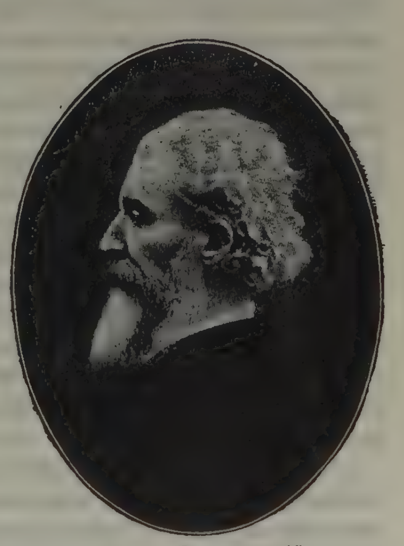
---

[1]) Иванъ Карповичъ умеръ потомъ въ Курскѣ, и намъ не пришлось съ нимъ увидаться.

Автобіографическая замѣтка П. В. Засодимскаго.

(Замѣтка составлена въ январѣ 1912 года, за три мѣсяца до кончины П. В. Засодимскаго. Годовщина его смерти исполнилась 4 мая. — Замѣтка сообщена Ч. *Вѣтринскимъ*.)

Засодимскій, Павелъ Владимировичъ, родился 1 ноября 1843 г. въ г. Великомъ Устюгѣ, Вологодской губерніи. Вѣроисповѣданія православнаго. Родители были—Вл. Мих. Засодимскій, Екат. Павл. Засодимская, урожденная Засѣцкая, по сословію — дворяне. Отецъ служилъ по Министерству Госуд. Имуществъ — сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ окружнымъ начальникомъ въ г. Никольскѣ, Вологодской губерніи.



П. В. Засодимскій.

Мой прадѣдъ по отцу былъ бѣдный сельскій священникъ (неподалеку отъ г. Кадникова, Вологодской губерніи), о. Андрей. Сынъ его (мой дѣдъ), Михаилъ Засодимскій, былъ человѣкъ весьма даровитый. По окончаніи курса въ вологодской семинаріи онъ пѣшкомъ пришелъ въ Москву, поступилъ въ «Славяно-греко-латинскую академію»; окончивъ курсъ въ этой академіи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ. Онъ былъ масонъ. Въ Вологодской семинаріи онъ первый началъ преподавать французскій языкъ и былъ впослѣдствіи инспекторомъ гимназіи. Онъ былъ ораторъ и писатель. Съ друзьями-масонами онъ часто переписывался стихами, какъ, напр., съ П. В. Лопухинымъ [1]). Вологжане избрали его въ «именитые» граждане г. Вологды. Во мнѣ находили сходство съ этимъ дѣдомъ-масономъ.

Дѣдъ по матери, Павелъ Михайловичъ Засѣцкій, былъ богатый вологодскій помѣщикъ, морской офицеръ въ отставкѣ. Его предокъ

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о Петрѣ Вас. Лопухинѣ (1753—1827). *Ред.*

прибылъ въ Россію «въ лѣто 6897 году» при князѣ Василіи Дмитріевичѣ изъ Италіи.

Наружностью я похожъ на мать.

Кромѣ нянькиныхъ сказокъ, первое сильное впечатлѣніе произвели на меня евангельскіе разсказы въ ясномъ, выразительномъ чтеніи матери. Думается, что демократическіе инстинкты пробудились во мнѣ смутно, неясно, въ ту далекую пору. Первыя сознательно прочтенныя мною книги были: «Жизнеописанія великихъ мужей древности» Плутарха, Робинзонъ Крузо, Исторія Наполеона I; позже сочиненія Державина, Пушкина, Гоголя. Мать подготовила меня для поступленія въ гимназію. Спартанство, ригоризмъ сдѣлались моимъ идеаломъ. Читалъ въ гимназіи сначала все безъ разбора: беллетристику, путешествія, но отдавалъ все-таки предпочтеніе историческимъ сочиненіямъ. Во время моего пребыванія въ гимназіи была такая полоса, когда оказались въ ходу порнографическія стихотворенія Баркова, приписываемыя Пушкину, и др. Я, какъ ригористъ, относился къ нимъ съ пренебреженіемъ. Съ I—VI класса я сталъ зачитываться сочиненіями Герцена: «Былое и Думы», «Соціализмъ и Россія», «Съ того берега», номера «Колокола»,—все перебывало въ моихъ рукахъ. Позже, на ряду съ Герценомъ, сильное вліяніе оказали на мое умственное развитіе и на складъ моихъ убѣжденій Чернышевскій и Добролюбовъ. (Писаревъ своимъ индивидуализмомъ меня не увлекъ, хотя я и съ интересомъ читалъ его блестящія статьи.)

Весною 1863 года я кончилъ курсъ въ вологодской гимназіи и осенью того же года поступилъ въ Петербургскій университетъ на юридическій факультетъ, но занимался я не столько юридическими, сколько соціальными науками: послѣ лекцій я каждый день корпѣлъ надъ книгами въ библіотекѣ Академіи Наукъ. По недостатку средствъ я вышелъ изъ университета и уѣхалъ на уроки въ Пензенскую губернію.

Въ 1867 году я выступилъ впервые на тернистое поле русской литературы. Въ 1870 году женился. Въ 1872 году по порученію редакціи журнала «Дѣло» изслѣдовалъ молочныя артели въ Тверской губерніи. Много ходилъ пѣшкомъ по деревнямъ, былъ въ имѣніи Бакуниныхъ (на рѣкѣ Осугѣ).—Въ 1874 году была напечатана моя «Хроника села Смурина», романъ, имѣвшій успѣхъ.—Съ осени 1880 года и до весны 1881 я былъ редакторомъ журнала «Слово».—Въ 1891 г. въ апрѣлѣ административнымъ порядкомъ я былъ высланъ изъ Петербурга за рѣчь на похоронахъ Н. В. Шелгунова, при чемъ, въ ожиданіи демонстраціи на вокзалѣ, я былъ (съ Н. К. Михайловскимъ) увезенъ жандармами до первой станціи Николаевской желѣзной дороги (Обухово). Изъ Москвы, гдѣ я было поселился, меня также выслало московское охранное отдѣленіе.—Осенью 1892 года министръ внутреннихъ дѣлъ мнѣ разрѣшилъ возвратиться въ Петербургъ.

22 ноября 1892 года мои друзья-товарищи и почитатели (изъ публики) справили двадцатипятилѣтній юбилей моей литературной дѣятельности (см. газ. «Русская Жизнь», 1892 г., № 319).

Въ 1895 году я издалъ собраніе сочиненій моихъ (до тѣхъ поръ изданіе ихъ было невозможно).

Въ 1908 году я покинулъ Петербургъ и поселился въ деревнѣ, гдѣ я занялся исторической работой—о «деспотизмѣ». Книга моя «Деспотизмъ, его принципы, примѣненіе ихъ и борьба съ деспотизмомъ» вышла въ свѣтъ въ началѣ 1911 года.

Первая моя статья была напечатана въ газетѣ «Голосъ» 20 іюля 1867 года (№ 198). Статья безъ подписи. Въ то время въ Болгаріи разразилось возстаніе, и турки ужасно свирѣпствовали при усмиреніи возстанія. Статья моя была воззваніемъ къ русскому обществу въ защиту болгаръ. См. отрывокъ изъ автобіографіи: ж. «Голосъ» (Харьк.) 1908 г. № 4. Съ 1868 года я сталъ сотрудничать въ журналѣ «Дѣло» и сблизился съ Благосвѣтловымъ. Въ 1874 году я принципіально разошелся съ Благосвѣтловымъ, и въ то время законченный мною романъ («Хроника села Смурина») отдалъ Некрасову въ «Отеч. Записки». Работалъ я въ «Искрѣ» В. С. Курочкина, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (при Полетикѣ, въ 1874—5 годахъ), въ «Русскомъ Обозрѣніи» Григорія Градовскаго; одновременно былъ членомъ редакціи «Русскаго Богатства» и редактировалъ журналъ «Слово»; въ 80-хъ годахъ работалъ въ газетѣ «День», печаталъ фельетоны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», въ «Наблюдателѣ»; въ 90-хъ годахъ—въ журналѣ «Новое Слово»,—также въ «Научномъ Обозрѣніи», въ «Живописномъ Обозрѣніи» подъ редакціей Шеллера, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Евреиновой, въ «Мірѣ Божіемъ» Давыдовой (нынѣ «Современный Міръ»), въ газетѣ «Русская Жизнь», въ журналѣ «Русская Мысль», продолжалъ сотрудничать въ «Русскомъ Богатствѣ», наконецъ въ 1904 году я работалъ въ «Нашей жизни», «Товарищѣ», въ «Сѣверномъ Краѣ». Дополняю списокъ изданій, въ которыхъ я участвовалъ: «Дѣтское чтеніе», «Игрушечка», «Родникъ», «Юный читатель», «Путеводный Огонекъ»; въ журналѣ «Жизнь», «Голосъ» (харьковскій); въ «Сынѣ Отечества», «Жизнь и Искусство», «Южное Обозрѣніе», «Молвѣ», «Одесскомъ Листкѣ», «Восточномъ Обозрѣніи», «Сіяніи», «Педагогическомъ Листкѣ» и др.

Считаю наиболѣе цѣннымъ изъ беллетристики: «По градамъ и весямъ», «Степныя тайны», «Хронику села Смурина», «Пѣсня спѣта», «Восточная сказка», «Веретьевъ», «Однажды вечеромъ...», «Смертная казнь», «Передъ потухшимъ камелькомъ»...

Кстати, о послѣднемъ разсказѣ Л. Н. Толстой писалъ: «Разсказъ прекрасный... хватаетъ за сердце. Прочелъ его про себя, а другой разъ своимъ домашнимъ, такъ онъ мнѣ понравился. Это

то самое искусство, которое имѣетъ право на существованіе» (Письмо отъ 13 января 1891 г.).

Изъ публицистики и другого рода моихъ сочиненій наиболѣе цѣнными считаю: «Современный пустоцвѣтъ», «На каторгу или въ больницу», «Чѣмъ была для Пушкина женитьба?», «Вопросы о молодомъ поколѣніи», «Наслѣдіе вѣковъ. Первобытные инстинкты и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи», «Два эпизода изъ исторіи Франціи. Генеральные Штаты 1484 и 1614 гг.», «Урокъ народамъ» (Историческое memento mori), «Деспотизмъ».

Нѣкоторыя изъ моихъ произведеній были переведены на болгарскій, чешскій и нѣмецкій языки: «Ринальдово счастье», «Смертная казнь», «Заговоръ совъ», «Повѣсть о хлѣбѣ» и другія. На нѣмецкомъ языкѣ мой разсказъ «Мірское дитё» («Изъ жизни лѣсной стороны») былъ озаглавленъ: «Дитя общины».

Въ 1886 году повѣсть «Волчиха» была передѣлана мною въ драму подъ тѣмъ же заглавіемъ. Главная роль (Волхичи) предназначалась для П. А. Стрепетовой. Драматическая цензура запретила пьесу, мотивируя свое запрещеніе тѣмъ, что въ пьесѣ «слишкомъ реально» изображены страсти. Я обратился въ Главное управленіе по дѣламъ печати и добился разрѣшенія (съ той оговоркой, что относительно народныхъ театровъ запрещеніе остается въ силѣ). Провести пьесу на театръ Александринскій не удалось: нашли, что артисты отвыкли отъ «бытовыхъ» пьесъ, разучились играть ихъ.—«Волчиха» впослѣдствіи шла въ Москвѣ и на провинціальныхъ сценахъ. Въ первый разъ она шла въ Вологдѣ 3 декабря 1891 г. въ моемъ присутствіи.

Работая въ литературѣ 45 лѣтъ, невольно обратилъ на себя вниманіе критики. Много было отзывовъ за это время о моихъ сочиненіяхъ, но я не собралъ ихъ. То, что случайно у меня сохранилось, или то, что я помню, указываю здѣсь.

«Недѣля» 1874 г., № 40, «Новости» 1874, № 231, тамъ же 1893, № 283, «Петербургскій Листокъ» 1874, № 234, «Петербургскія Вѣдомости», 1874 №№ 246, 302, «Сѣверный Вѣстникъ», 1878, № 82, «Саратовскій Листокъ», 1892, № 179, «Волжскій Вѣстникъ» 1891, № 29, «Гласность» 1898, № 32, «Голосъ Правды» 1907, № 643, «Петербургскія Вѣдомости» 1903, № 29, «Голосъ» 1908, № 4 (Харьковъ), «Новая Земля» 1911, № 9.

Все это, конечно, ничтожная часть отзывовъ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова въ началѣ 1875 года была помѣщена большая критическая статья о «Хроникѣ села Смурина». — Въ ж. «Новое Слово» въ первой половинѣ 1896 года статья Скабичевскаго по поводу выхода въ свѣтъ «Собранія сочиненій» (2 т. 1895 г.). — Въ «Русскомъ Богатствѣ» по тому же поводу осенью 1895 года статья Протопопова (я не читалъ ее: С. Кривенко и Л. П. Шелгунова сказали мнѣ, что въ статьѣ Протопопова нѣтъ критики моихъ со-

чиненій, что это просто пасквиль подъ видомъ критической статьи). Въ «Русской Мысли» въ началѣ 1896 г. была напечатана статья обо мнѣ М. К. Цебриковой, кажется, подъ заглавіемъ «Народникъ-идеалистъ» (эту статью также не читалъ, но слышалъ, что она явилась достойнымъ отвѣтомъ на статью Протопопова).

Нашелъ еще; журналъ «Наше Время» 1892, № 30, «Живописное Обозрѣніе» 1893, № 9, «Русская Жизнь», 1892, № 319, «Новости» 1892, № 326. (Послѣднія двѣ замѣтки относятся къ моему юбилею.) Больше ничего не помню.

Въ энциклопедическихъ словаряхъ обо мнѣ имѣются біографическія свѣдѣнія. На глаза мнѣ они не попадались. Только по слухамъ знаю, что въ одномъ какомъ-то энц. сл. я указанъ сотрудникомъ «Новаго Времени». Это какое-то странное недоразумѣніе. По необходимости, случайно, я разъ или два напечаталъ въ «Нов. Вр.» письмо въ редакцію. Помѣщеніе «письма въ редакцію», полагаю, не обозначаетъ еще сотрудничества. Правда, Суворинъ приглашалъ меня въ «Новое Время» въ 1878 году, но я, конечно, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ.—Нѣсколько словъ обо мнѣ сказано въ книгѣ П. Дилакторскаго подъ заглавіемъ «Вологжане-писатели» (Матеріалы для словаря писателей, уроженцевъ Вологодской губерніи). Вологда, 1900. Тамъ же приведенъ довольно обстоятельный списокъ моихъ сочиненій, доведенный до 1899 года [1]).

---

[1]) П. В. Засодимскій самъ составилъ подробную библіографію своихъ сочиненій; пока она еще не напечатана. *Ред.*

Изъ воспоминаній о П. В. Засодимскомъ.

I.

Къ числу свѣтлыхъ людей, одаренныхъ внутренной духовной силой, принадлежалъ покойный Павелъ Владимировичъ Засодимскій. Его духовный обликъ, его сердечная доброта, искренность его души располагали къ нему всѣхъ, знавшихъ его. Достаточно было встрѣтиться съ нимъ, познакомиться, чтобы закрѣпить это знакомство разъ и навсегда. Чуждый и тѣни заносчивости, выдвиганія своего личнаго *я*, онъ очаровывалъ васъ прежде всего своей личной обаятельностью. Первое знакомство — и вамъ уже кажется, что вы давно уже знакомы съ этимъ милымъ человѣкомъ, такимъ искреннимъ, прямодушнымъ, что вамъ неловко какъ-то скрывать тайны, если они есть у васъ на душѣ, и вы готовы раскрыть душу, повѣдать свои сокровенныя мысли и желанія.

Болѣе искренняго, задушевнаго человѣка изъ «пишущей братіи» мнѣ не приходилось встрѣчать, никто не производилъ на меня такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ Павелъ Владимировичъ. Это была духовная красота въ полномъ значеніи этого слова, безъ пятнышка на его кристально-чистой душѣ, безъ изъяновъ на его мягкомъ, какъ воскъ, сердцѣ, чуткомъ и воспріимчивомъ къ чужому горю и страданіямъ. Онъ любилъ народъ, страдалъ его болями. Лучшіе годы своей жизни онъ потратилъ на то, чтобы внести и свою долю труда и энергіи въ сокровищницу просвѣтленія темныхъ, невѣжественныхъ народныхъ массъ, оставилъ университетъ и забрался въ деревенскую глушь, принялъ на себя скромныя обязанности народнаго учителя. И хотя это были общія увлеченія того времени—хожденіе въ народъ, а все же это довольно яркій показатель его духовныхъ силъ и стремленій, направленныхъ на пользу и благо народа, который по духу былъ такъ близокъ и родственъ ему.

Познакомился я съ нимъ уже на склонѣ его лѣтъ, за пять лѣтъ до его кончины. Но если онъ, уже будучи старикомъ, все еще не утратилъ жизненной энергіи ко всему свѣтлому и прекрасному,

если бодрость духа не покидала его и тогда, когда тѣло начинало уже физически слабѣть и частыя недомоганія давали себя чувствовать, то какова сила его духа была на зарѣ юной и послѣдующей затѣмъ зрѣлой жизни!..

Все, о чемъ онъ говорилъ и писалъ, — все это продуктъ его жизненныхъ переживаній. Слово его не расходилось съ дѣломъ, съ его личной жизнью. Никто изъ беллетристовъ-народниковъ не оттѣнилъ такъ ярко, такъ выпукло значенія личности въ народѣ и идеалъ долга интеллигента, какъ Засодимскій, и въ этомъ его огромная заслуга въ литературѣ. Но я не буду касаться его литературныхъ заслугъ, это дѣло исторической литературной критики,—мои задачи значительно скромнѣе: я хочу набросать характеристику этого обаятельнаго человѣка, вся жизнь котораго — борьба за благо другихъ, любовь къ униженнымъ и оскорбленнымъ, стремленіе къ живой правдѣ, добру и справедливости. Не пустыя слова въ его устахъ были, когда онъ писалъ: «Человѣкъ, живущій лишь для себя, никогда не можетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ. Только въ борьбѣ за общечеловѣческое дѣло можно найти счастье».

II.

Нашелъ ли онъ свое «счастье?» Мнѣ кажется, что нашелъ; онъ нашелъ его въ той плодотворной дѣятельности, которую онъ не покидалъ до послѣднихъ дней жизни, въ тѣхъ жизненныхъ интересахъ въ высокомъ значеніи этого слова, къ которымъ онъ такъ чутко прислушивался и тогда, когда жилъ въ Петербургѣ и послѣ того, когда переѣхалъ въ деревню. Не было такого жизненнаго явленія, которое не интересовало бы его. Рядомъ съ литературой, съ которой онъ ни на минуту не порывалъ связи, которую такъ сильно любилъ, къ которой былъ такъ нѣжно привязанъ, онъ интересовался деревенской жизнью, скорбѣлъ, когда слышалъ или читалъ объ упадкѣ деревенскихъ нравовъ, о пониженіи ея экономическаго роста и благосостоянія.

Родина для Засодимскаго неразрывно была связана съ его собственной жизнью. Когда, однажды, одинъ болгарскій общественный дѣятель, г. Недѣлковъ, посѣтивъ его, предлагалъ ему переселиться въ Болгарію, обѣщалъ устроить цензъ, провести въ народное собраніе и открывалъ даже болѣе широкія перспективы для общественной дѣятельности, П. В. говоритъ по поводу этого въ своей автобіографіи [1]): «Хотя эта крестьянская страна мнѣ симпатична, но я отказался оставить Россію: я родился на русской землѣ, жилъ и страдалъ съ русскимъ народомъ, съ нимъ и останусь до конца».

---

[1]) «Голосъ» № 4, 1908 г., Харьковъ.

Болгары, однако, не забыли русскаго писателя. «Можетъ-быть, съ моей стороны нѣсколько нескромно,—говоритъ П. В. въ приведенной выше автобіографіи,—но я все-таки долженъ признаться, что имя мое сдѣлалось очень популярно въ освобожденной Болгаріи. Мои произведенія усердно переводились на болгарскій языкъ, издавались въ сборникахъ, отдѣльными книжками, печатались въ фельетонахъ газетъ. Когда одинъ извѣстный русскій публицистъ (нынѣ эмигрантъ) путешествовалъ по Болгаріи (послѣ освободительной войны), болгары разспрашивали его обо мнѣ; но этотъ соотечественникъ не былъ лично знакомъ со мною и не могъ болгарамъ много сообщить обо мнѣ».

Любовь къ родинѣ и свобода у него были тѣсно и неразрывно связаны и шли рука объ руку. Въ одномъ изъ писемъ онъ писалъ, между прочимъ: «Въ жизни не разъ являлись мнѣ заманчивыя (съ матеріальной стороны) предложенія, но я отказывался отъ нихъ именно въ силу того, что онѣ стѣсняли нѣсколько мою свободу; предлагали мнѣ мѣсто секретаря въ одной (либеральной) земской управѣ—на югѣ; предлагали мѣсто завѣдующаго типографіей Министерства Иностранныхъ дѣлъ (тысячи жалованья, готовая квартира съ цѣлой амфиладой комнатъ, даровое отопленіе, освѣщеніе, сторожъ, чины, ордена, награды праздничныя), хотя я въ ту пору перебивался, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ, но все-таки отказался».

III.

Въ послѣдніе годы своей жизни П. В. Засодимскій отдался созерцательному настроенію деревенской жизни. Деревню онъ любилъ еще съ дѣтства. Эти хвойныя деревья—сосны и лохматыя ели, ярко запечатлѣлись въ живомъ дѣтскомъ воображеніи и навсегда остались его любимыми деревьями. Однажды онъ сказалъ:

— Люблю я сѣверъ, люблю широкія, быстрыя рѣки, его дремучіе лѣса, его зимы... Помните:

«Снѣгъ и снѣгъ, все одинъ вѣчно дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры...
Сѣверъ спитъ... Усыпилъ его лютый морозъ,
Убаюкала буйная вьюга...»

Городокъ Никольскъ, гдѣ онъ прожилъ первыя девять лѣтъ дѣтства, затерявшійся среди лѣсовъ, мало чѣмъ отличался отъ деревни, если только отличался хотя мало. Такъ какъ городокъ служилъ мѣстомъ ссылки, то ребенку приходилось наблюдать довольно тяжелыя картины. Поднимается пыль, слышится звяканье цѣпей, это—«несчастненькіе» идутъ. Бритые, въ сѣрыхъ шапкахъ, въ сѣ-

рыхъ халатахъ, съ цѣпями на ногахъ, колодники уныло тащатся подъ солнечнымъ зноемъ по опустѣлой, безмолвной улицѣ, поднимая пыль. Худые, блѣдные, глаза впалые... Можетъ-быть, эти тяжелыя сцены въ значительной мѣрѣ способствовали росту и развитію той любви къ убогимъ и обездоленнымъ, которая впослѣдствіи вспыхнула такимъ яркимъ пламенемъ,—кто знаетъ...

Мечтой П. В. было уѣхать на родину, въ Вологодскую губернію, а пришлось поселиться въ Новгородской губерніи. Уѣхалъ онъ изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1908 года, но переѣздъ былъ не очень удачный.

— Я занимаю домикъ, семь лѣтъ уже стоявшій пустымъ,—разсказывалъ онъ.—Но... мнѣ пришлось жить въ такихъ условіяхъ, какихъ я не ожидалъ. Мелочныя непріятности, дрязги, каверзы выживаютъ меня отсюда. Вѣроятно, мнѣ скоро придется искать другого уголка, гдѣ бы я могъ спокойно пожить и спокойно умереть.

Вскорѣ онъ переѣхалъ изъ деревни въ Опеченскій посадъ, Новгород. губ., и здѣсь пріобрѣлъ небольшую усадьбу. Но это было не то, чего онъ желалъ, это не была деревня... Такъ завѣтная мечта его и не осуществилась.

Часто онъ и говорилъ и въ письмахъ писалъ: «Не понимаю, какъ вы можете мириться съ городскою жизнью!»—забывая, вѣроятно, что и самъ значительную часть жизни своей провелъ въ городѣ среди лѣтней духоты, грохота, шума и пыли.

Въ декабрѣ 1910 года пріѣзжалъ онъ въ Москву по дѣламъ литературнаго характера—издательство книгъ. Надо замѣтить, что П. В. былъ человѣкъ мало практичный въ житейскихъ дѣлахъ и не любилъ возни, сопряженной съ матеріальными расчетами, и обыкновенно поручалъ вести подобнаго рода дѣла своей супругѣ, но на этотъ разъ пріѣхалъ самъ, «провѣтриться», какъ онъ выразился, «и на Москву посмотрѣть», въ которой онъ давно уже не былъ. Останавливался онъ обыкновенно на Неглинной, въ номерахъ Ечкиной, хотя у него въ Москвѣ былъ знакомый, коммерсантъ-милліонеръ, «апартаменты» котораго всегда были къ услугамъ П. В. Но П. В. былъ врагъ роскоши и предпочиталъ скромную обстановку «номеровъ для пріѣзжающихъ». Когда я вошелъ къ нему, то увидѣлъ цѣлые вороха книгъ; книги лежали на столѣ, на диванѣ, на комодѣ, на стульяхъ. Онъ взялъ одну изъ нихъ и сказалъ:

— Вотъ, поглядите, видали?.. Только что вышла книга, не утерпѣлъ и купилъ. Люблю я Эртеля. Большой талантъ! какъ жаль, что онъ такъ быстро сгорѣлъ! Какое знаніе жизни, какое большое умѣніе заглядывать въ глубину ея!.. Какъ писатель, это была крупная величина, но и какъ человѣкъ заслуживалъ большого уваженія. Богато одаренный умственными силами, дѣльный, энергичный—онъ въ высокой степени былъ человѣкъ великодушный. Дѣлалъ онъ добро безъ шума, безъ рекламъ, и душа у него была нѣжная, чуткая,

отзывчивая; онъ не могъ проходить мимо людского горя безучастно. Близко и горячо принималъ онъ страданія рабочаго люда и всегда старался по силѣ и возможности облегчить крестьянскую нужду. Съ Александромъ Ивановичемъ мое знакомство продолжалось тридцать три года, и у меня немало пріятныхъ воспоминаній сохранилось за это время. Жизнь его сложилась такъ, что ему пришлось съ раннихъ лѣтъ постоянно сталкиваться съ крестьянами. Онъ зналъ и свѣтлыя и темныя стороны крестьянской жизни и, нимало не идеализируя крестьянина, любилъ и жалѣлъ его за его темноту и невѣжество, дѣлавшее его существомъ безсильнымъ и безпомощнымъ, вѣчно нуждающимся въ кускѣ насущнаго хлѣба.

— Я, конечно, читалъ уже Эртеля,—добавилъ онъ,—а теперь хочу повторить въ новомъ изданіи. Такихъ писателей, какъ Эртель, можно и должно читать по нѣсколько разъ.

Лежало много и его собственныхъ сочиненій, преимущественно сказокъ въ пестрыхъ папкахъ, только что выпущенныхъ т-вомъ Сытина, но на свои сочиненія онъ, кажется, меньше всего обращалъ вниманія. И когда мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ на Малую Бронную къ Н. Н. Златовратскому и онъ увидѣлъ внучатъ Н. Н. и началъ ласкать ихъ,—вспомнилъ и о своихъ сказкахъ и пожалѣлъ, что не захватилъ ихъ съ собою. Назавтра онъ поручилъ мнѣ свезти книги, такъ какъ самъ долженъ былъ уѣхать.

Сидѣли эти два ветерана-народника въ болѣе, чѣмъ скромномъ кабинетѣ Николая Николаевича—Засодимскій на желѣзной кровати, а Златовратскій за столомъ, повернувшись лицомъ къ П. В. Бѣлый, какъ лунь, П. В. положилъ руки на колѣни, слегка изогнулся, передаетъ содержаніе своего разсказа, написаннаго для одного провинціальнаго журнала, но ненапечатаннаго по чисто цензурнымъ соображеніямъ [1],—разсказываетъ съ увлеченіемъ, съ нервными по временамъ подергиваніями лица и заиканіями. Уряднику послѣ изрядной попойки, только что пришедшему въ себя, мерещится крамола; виситъ она въ воздухѣ, и онъ слышитъ, какъ кто-то поетъ крамольныя пѣсни, и мечется изъ одной стороны въ другую. Пойдетъ въ одинъ конецъ села, а голоса по какой-то странной причинѣ перескакиваютъ вдругъ на другой конецъ. Бѣгаетъ растерявшійся урядникъ по селу и ничего понять не можетъ. Такъ крамолы ему и не удалось схватить «за хвостъ».

Сидитъ Н. Н. и перебираетъ свою густую и длинную бороду пальцами.

— Да,—говоритъ онъ съ улыбкой на своемъ добромъ мягкомъ лицѣ,—бываетъ!

По дорогѣ П. В. спросилъ:

А какъ на вашъ взглядъ, кто изъ насъ бодрѣе?

---

[1]) Разсказъ впослѣдствіи напечатанъ былъ въ «Совремъ. Словѣ».

И я, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Вы, Павелъ Владимировичъ, бодрѣе.

И это было на самомъ дѣлѣ такъ. У Засодимскаго осанка была прямая, а выправка чисто военная; онъ и не горбился, какъ Златовратскій, и походка у него была значительно тверже и увѣреннѣе, и хотя у Н. Н. сѣдины въ бородѣ было очень немного, а П. В. былъ весь бѣлый, и все же онъ казался бодрѣе и какъ будто моложе, хотя на самомъ дѣлѣ былъ старше на два года. И когда я это сказалъ, П. В. какъ будто даже повеселѣлъ, хотя той кажущейся мрачности, которая замѣчалась на лицѣ Златовратскаго, я никогда не замѣчалъ у него.

IV.

П. В. Засодимскій—это цѣлая ходячая энциклопедія старыхъ пережитковъ, живая и въ высшей степени интересная. Съ кѣмъ только изъ литераторовъ ему не приходилось сталкиваться, кого только онъ не зналъ лично!... Левитовъ, Демертъ, Кривенко, Некрасовъ, Гаршинъ, Щедринъ, Лавровъ, Минаевъ, Омулевскій—всѣхъ онъ зналъ, имѣлъ съ ними болѣе или менѣе близкое знакомство, нѣкоторые изъ нихъ были его друзьями и пріятелями.

Разсказалъ онъ однажды о Г. Н. Потанинѣ.

— Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Григорій Николаевичъ Потанинъ былъ освобожденъ изъ Свеаборгской крѣпости, гдѣ провелъ въ заточеніи нѣсколько лѣтъ. Трогательно было прощаніе съ нимъ арестантовъ, оставшихся въ крѣпости: благословеніями и пожеланіями ему долгой и счастливой жизни провожали его узники. Вечеромъ съ толпой другихъ освобожденныхъ, подъ конвоемъ, Потанинъ прибылъ въ Петербургъ на Финляндскій вокзалъ. Мы съ Омулевскимъ встрѣтили его и дали ему свои адреса. Изъ пересыльной тюрьмы въ тотъ же вечеръ съ солдатомъ отпустили его къ Омулевскому (жившему въ то время въ семьѣ Третьяковыхъ, сибирячекъ). Я также пришелъ къ Омулевскому, и вечеръ прошелъ очень оживленно. Говорили о политикѣ, вообще о положеніи дѣлъ, объ общинѣ. (Конвойнаго помѣстили въ кухнѣ и угощали чаемъ.) Я смотрѣлъ на Потанина и удивлялся: сильный тѣломъ, бодрый духомъ, готовый тотчасъ же приняться за работу, всѣмъ живо интересующійся,—вотъ какимъ вышелъ онъ изъ крѣпости. Дня черезъ два онъ пришелъ ко мнѣ; на этотъ разъ онъ былъ отпущенъ безъ солдата, «на честное слово». Онъ провелъ у меня вечеръ и остался ночевать. Жены моей не было дома: она слушала курсы акушерства при Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи и была въ тотъ день на дежурствѣ. Мой сынъ - малютка спалъ, по обыкновенію, въ своей колясочкѣ, около моей кровати. Въ тотъ день я много работалъ, усталъ, да и долго просидѣлъ съ вечера; поэтому, спалъ я крѣпко,

какъ убитый, и не слыхалъ, какъ сынишка мой, проснувшись, заворочался и заплакалъ... Я проснулся лишь тогда, какъ почувствовалъ какое-то движеніе около моей кровати. Раскрылъ глаза и—вижу: на столикѣ свѣча горитъ, а Потанинъ держитъ на рукахъ моего малютку, укачиваетъ, утѣшаетъ его... Эта сцена такъ тронула меня, что даже и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, я словно переживаю ее вновь и съ любовью вспоминаю о Потанинѣ, няньчившемся съ ребенкомъ...

У Павла Владимировича слегка дрогнулъ голосъ, и на глазахъ появились слезы. Минуту спустя, онъ добавилъ:

— Когда вспоминаешь о такихъ людяхъ, какъ Григорій Николаевичъ Потанинъ, на душѣ дѣлается хорошо, тепло, свѣтло....

Въ пріѣздъ П. В. въ Москву онъ собирался съѣздить въ Ясную Поляну. «Хочется мнѣ,—сказалъ онъ, — повидаться съ великимъ писателемъ земли русской, поговорить, потолковать кой о чемъ,—это моя давнишняя мечта».

Захожу къ нему. П. В. и не думаетъ собираться.

— А въ Ясную Поляну... къ Толстому?

— Раздумалъ!—отвѣчаетъ онъ на мой вопросъ,—всю ночь думалъ. Такъ и представляется мнѣ: пріѣзжаю къ Льву Николаевичу, лакеи въ перчаткахъ... Не люблю я этого. Боюсь, что это ослабитъ силу обаянія, которое я питаю къ нему, какъ къ великому писателю и мыслителю. Пусть ужъ я не побесѣдую, не поговорю съ нимъ, но зато то чувство, которое я питаю къ нему, останется нетронутымъ. Можетъ-быть, это только мое воображеніе, можетъ-быть, это и не такъ, а все же... Нѣтъ, не поѣду, завтра уѣзжаю домой, въ Жадины.

Такъ и не поѣхалъ.

V.

П. В. Засодимскій не могъ равнодушно видѣть чужого горя; слишкомъ ужъ чуткое было у него сердце, много любви таило въ себѣ, и порывы его были чисто альтруистическаго свойства.

Ѣхалъ однажды П. В. въ поѣздѣ желѣзной дороги и по пути въ вагонѣ встрѣтилъ молодого человѣка, слишкомъ ужъ мрачнаго, повидимому, удрученнаго какими-то жизненными переживаніями. П. В. не побоялся того, что у многихъ носитъ названіе навязчивости.

Я не знаю, чѣмъ былъ удрученъ молодой человѣкъ,—П. В. мнѣ не разсказывалъ, а я не спрашивалъ,—да это и не важно и не въ этомъ вовсе дѣло,—дѣло въ добромъ, отзывчивомъ сердцѣ того, кто отнесся къ нему внимательно, проявилъ чисто евангельское состраданіе и любовь къ ближнему. Молодой человѣкъ и не зналъ вовсе, кому обязанъ вниманіемъ и только впослѣдствіи узналъ. При прощаніи онъ обѣщалъ прислать П. В. письмо и почему-то не прислалъ, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы взволновать и обезпокоить

его. Ему уже казалось, что молодой человѣкъ бросился подъ поѣздъ, и тѣхъ участливыхъ словъ, того сердечнаго отношенія, которое было проявлено къ нему, и недостаточно вовсе, что надо было принять болѣе активное участіе въ судьбѣ человѣка, на котораго обрушились невзгоды жизни. И вотъ результатомъ этого было то, что П. В. пишетъ мнѣ письмо и умоляетъ «ради Бога» сходить къ профессору Умову,—оказалось, что молодой человѣкъ былъ его племянникъ,—разспросить и узнать, не случилось ли какого-нибудь несчастья. Я, конечно, исполнилъ просьбу, ходилъ къ проф. Умову два раза и оба раза неудачно: время было лѣтнее, и онъ жилъ гдѣ-то на дачѣ. Обо всемъ этомъ я написалъ П. В. и не знаю ужъ, какъ онъ отнесся ко всему этому,—по поводу этого онъ ничего мнѣ не писалъ.

Прошло 5—6 мѣсяцевъ. Во время послѣдняго пріѣзда П. В. въ Москву захожу къ нему въ его излюбленные «номера» на Неглинной. П. В. я никогда не видѣлъ особенно грустнымъ, но на этотъ разъ онъ былъ какъ-то особенно радостенъ и веселъ. У него я засталъ неизвѣстнаго мнѣ молодого человѣка. Знакомя меня съ нимъ, онъ сказалъ:

— Помните... я писалъ вамъ и просилъ навести справку у профессора Умова объ одномъ молодомъ человѣкѣ. Это онъ самый и есть.

Такъ вотъ отчего у Павла Владимировича такое радостное, сіяющее лицо! И для меня сдѣлалось все сразу понятнымъ.

VI.

Въ послѣднее время недомоганія все болѣе угнетали П. В. Какъ-то онъ писалъ: «Бываютъ такія минуты, когда все лежалъ бы, лежалъ... ничего не думая, не сознавая...»

Смерть Н. Н. Златовратскаго сильно повліяла на него. «Это уже послѣдній изъ тѣхъ, изъ товарищей, съ которымъ я шелъ по тернистому, безрадостному литературному полю, — писалъ онъ, между прочимъ.—Теперь—очередь за мной, и—къ счастью—этой очереди мнѣ ждать недолго».

Предчувствіе не обмануло его: не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ честнаго борца за правду, добро и справедливость не стало.

Въ заключеніе позволю себѣ характеризовать этого рѣдкаго по своимъ душевнымъ качествамъ человѣка его же собственными словами, сказанными имъ по отношенію къ Всеволоду Гаршину: «Это былъ человѣкъ рѣдкій по своему благородству; это былъ «рыцарь духа» безъ страха и упрека,—человѣкъ съ умомъ мыслителя и съ хрустально-чистой душой ребенка...»

Н. Степаненко

Къ біографіи В. О. Ключевскаго [1].

(Ключевскій до университета.)

Съ годъ тому назадъ редакціей журнала «Научное Слово» изданъ сборникъ памяти В. О. Ключевскаго; въ этомъ сборникѣ любовною рукою учениковъ и почитателей его всесторонне охарактеризована личность геніальнаго русскаго историка — и какъ ученаго, и какъ учителя, и какъ рѣдкаго художника слова. Первое мѣсто въ сборникѣ занимаетъ біографія В. О., составленная проф. М. К. Любавскимъ. Біографическія свѣдѣнія о покойномъ отчасти встрѣчаются также въ статьѣ проф. М. М. Богословскаго («В. О. Ключевскій, какъ ученый») и въ статьѣ П. Н. Милюкова («В. О. Ключевскій»). Совершенно понятно, что въ біографическомъ очеркѣ проф. Любавскаго, какъ и въ другихъ, появившихся послѣ смерти В. О., главнымъ образомъ освѣщается «московскій періодъ» его жизни и дѣятельности (который, впрочемъ, покрываетъ слишкомъ двѣ трети и его жизни и его дѣятельности) и слишкомъ мало дается здѣсь свѣдѣній изъ того періода, который можно бы было назвать періодомъ «строительства» высокой личности русскаго историка. Разумѣемъ, конечно, періодъ дѣтства и средняго школьнаго образованія В. О. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью хотя отчасти восполнить этотъ пробѣлъ. Свѣдѣнія объ этомъ періодѣ почерпнуты нами изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) изъ разсказовъ самого В. О., которые тѣмъ легче укладывались въ нашей памяти, что ассоціировались съ знакомыми намъ лицами и мѣстами; 2) изъ разсказовъ пензенскихъ старожиловъ, сохранившихъ въ памяти нѣкоторыя подробности о дѣтскихъ и школьныхъ годахъ въ жизни В. О.; 3) отчасти изъ писемъ В. О., къ его дядѣ—свящ. І. В. Европейцеву, написанныхъ уже изъ Москвы, въ періодъ его студенчества [2]; и 4), главнымъ образомъ, изъ сообщеній, любезно доставленныхъ намъ сестрою покойнаго историка — Елизаветою Осиповною, которая

---

[1]) Ко второй годовщинѣ со дня смерти В. О., 12-го мая 1911 г.

[2]) Письма эти въ количествѣ 13-ти, любезно доставлены намъ изъ Пензы Ив. Ив. Смирновымъ, родственникомъ Ключевскаго (женатъ былъ на двоюродной сестрѣ В. О., — теперь покойной, — дочери свящ. Европейцева).

15 мая запрошлаго года, въ день погребенія В. О., скромно стояла въ университетской церкви у изголовья почившаго и тихими слезами оплакивала въ немъ не только отзывчиваго ко всякой скудости и на рѣдкость заботливаго «брата», но и лучшаго «друга», съ которымъ Е. О., во время пріѣздовъ въ Москву, несмотря на разность положенія и интеллектуальнаго развитія, проводила въ разговорахъ, по ея словамъ, цѣлыя ночи. Оторвавшись отъ своего письменнаго стола въ своемъ болѣе чѣмъ скромномъ кабинетѣ на Житной, отъ напряженной и проникновенной работы по возстановленію прошлаго Россіи, В. О., согласно указаннымъ сообщеніямъ, любилъ съ какою-то тихою грустью погружаться мыслью въ свое прошлое вмѣстѣ съ сестрой, живо символизировавшей для него это «прошлое», гдѣ былъ также свой «злой и лихой татаринъ», въ видѣ страшной нужды, подстерегавшей каждый шагъ жизни, гдѣ все было «художно, все нищенско, все сиротинско» [1]). «Былъ ли кто бѣднѣе насъ съ тобой, сестра, въ то время, когда остались мы сиротами на рукахъ матери!» заключилъ одинъ изъ такихъ разговоровъ В. О. Кто хотя немного зналъ покойнаго, какъ человѣка, тотъ нисколько не удивится этой «дружбѣ» его съ сестрой, вдовой бѣднаго сельскаго діакона [2]), потому что — гдѣ и среди кого, въ сущности, В. О. не имѣлъ друзей? Интересный для всѣхъ, онъ находилъ интересъ для себя рѣшительно во всѣхъ, какъ и въ области исторіи онъ находилъ интересъ въ томъ, что въ научномъ смыслѣ было рѣшительно неинтересно для всѣхъ (житія святыхъ),— и это дружило его со всѣми и всемъ. «Живая личность» и въ исторіи дороже была для В. О. или, вѣрнѣе, всегда предшествовала отвлеченнымъ схемамъ и апріорнымъ построеніямъ, — живая личность, въ ея непосредственной цѣлокупности, съ той почвой, на которой она росла, съ тѣмъ бытовымъ укладомъ, который вокругъ себя создавала,—живая личность — въ ея крупныхъ и высокихъ «дѣяніяхъ», и въ ея повседневныхъ, мелкихъ, часто грѣховныхъ «дѣлишкахъ».

Весьма возможно, что нѣкоторые факты въ нашемъ очеркѣ жизни В. О. въ періодъ дѣтства и школьнаго воспитанія многимъ извѣстны изъ его собственныхъ разсказовъ; въ этомъ почти не можетъ быть сомнѣнія, если имѣть въ виду словоохотливость В. О., особенно по отношенію къ прошлому. Но въ печати—мы, по крайней мѣрѣ, — ихъ не встрѣчали, хотя и тщательно просматривали многочисленныя справки и замѣтки о жизни В. О., которыя появлялись въ газетахъ и журналахъ въ моментъ его кончины и послѣ.

---

[1]) Свѣдѣнія, сообщенныя Е. О., настолько совпадаютъ во многихъ пунктахъ съ собственными разсказами и часто мимолетными указаніями самого В. О., что мы безъ всякаго колебанія рѣшились использовать и всѣ ихъ для нашего очерка.

[2]) За нѣсколько лѣтъ до смерти — священника (Вирганскаго).

Фамилія «Ключевскій» произошла, несомнѣнно, отъ с. Ключей (Чембарскаго уѣзда) [1]), гдѣ былъ священникомъ дѣдъ В. О. [2]). Всего вѣрнѣе, во всякомъ случаѣ согласно съ обычаями того времени, думать, что дѣдъ В. О. назывался только именемъ и «отчествомъ», а при поступленіи въ духовное училище отца В. О.— Іосифа Васильевича, ему присвоена была фамилія «Ключевскій». Изобрѣтеніе таковыхъ фамилій было обычно привилегіей смотрителей, или, какъ они тогда назывались, ректоровъ духовныхъ училищъ. Отецъ же В. О. началъ свою службу не въ Ключахъ, а діакономъ при Николаевской церкви г. Пензы. Изстари «чистый», но мало обезпечивающій духовенство—приходъ, отчасти благодаря близости къ этой церкви собора, съ его мѣстными святынями. Значительная часть прихожанъ «отливаетъ», какъ выражаются здѣсь, въ соборъ. Можетъ-быть, это обстоятельство побудило Іосифа Васильевича оставить Пензу и искать священническаго мѣста въ селѣ, несмотря на то, что жена его была коренная уроженка Пензы, дочь протоіерея Духосошественской церкви—о. Ѳедора Мошкова. І. В. поступилъ священникомъ въ с. Воскресенское, въ 12-ти верстахъ отъ города.

Во время служенія Іосифа Васильевича въ с. Воскресенскомъ и родился знаменитый историкъ — въ Пензѣ, въ домѣ своего дѣдушки (отца матери Анны Ѳедоровны) протоіерея Мошкова, — 16-го января 1841 г. Вскорѣ отецъ В. О. былъ переведенъ въ с. Можаровку, Городищенскаго уѣзда, гдѣ протекли первые годы дѣтства В. О. Изъ 10-ти уѣздовъ Пензенской губ., Засурскій (единственный уѣздъ на правой сторонѣ р. Суры, прорѣзывающей Пензен. губ. съ юга на сѣверъ), Городищенскій уѣздъ, отличается большимъ своеобразіемъ въ смыслѣ природныхъ условій. Знаменитаго аршиннаго чернозема здѣсь почти не знаютъ; небольшіе клочки его, и то съ нѣкоторою примѣсью песка (почему онъ и называется здѣсь супескомъ), можно встрѣтить лишь въ прирѣчныхъ долинахъ. На возвышенныхъ же мѣстахъ почва или суглинистая или чаще всего каменистая, иногда сплошь покрытая довольно крупнымъ камнемъ. Если принять во вниманіе значительную неровность, холмистость мѣстности, легко представить, съ какимъ трудомъ ходитъ здѣсь первобытная соха подъ звукъ перетрясаемаго ею щебня. Здѣсь, въ Городищенскомъ у., не знаютъ, какъ въ другихъ уѣздахъ, длинныхъ полевыхъ полосъ, которыхъ «глазомъ не окинешь»; здѣсь именно «клочки», затерявшіеся въ незатопляемыхъ долинахъ рѣчныхъ водораздѣловъ, въ перелѣскахъ и на ложахъ уже сформи-

---

[1]) Какъ фамилія Бѣлинскій (В. Г.), точнѣе — Бѣлынскій — отъ с. Бѣлынь, также Чембарскаго у., Пензен. губ.

[2]) А не отецъ, какъ указано въ ст. П. Н. Милюкова въ отмѣченномъ сборникѣ.

ровавшихся и окрѣпшихъ овраговъ. Громадная часть площади этого уѣзда покрыта лѣсомъ, по преимуществу сосновымъ; въ лѣсныхъ ложбинахъ—явленіе не рѣдкое—выбивающіеся изъ горы ключи, съ сильною жилою и на рѣдкость, благодаря характеру почвы, чистою водою. Нужда въ расширеніи запашки вызываетъ здѣсь напряженную и трудную работу корчевки лѣса, въ которой особенно специализировалась здѣсь мордва. Благодаря обилію лѣсовъ, а слѣд., и влаги, урожай на этихъ выкорчеванныхъ участкахъ получается рѣдкій, если только не подстережетъ его особая бѣда, которой не знаютъ другіе, степные уѣзды: во время половодья и ливней—съ горъ, черезъ «ложбины», несутся сюда потоки воды, которые буквально затягиваютъ иломъ весь посѣвъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ плодородію этой почвы. Вообще, то, что называется «борьбою съ природой», здѣсь лучше знаютъ, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ. И весьма возможно, что родныя картины [1]), запечатлѣвшіяся въ сознаніи В. О. еще въ дѣтствѣ, нерѣдко предносились ему, когда по историческимъ документамъ рисовалъ онъ картину напряженной борьбы съ природой и ея стихіями, которую съ непреклоннымъ упорствомъ велъ древній славянинъ, особенно на сѣверѣ русской равнины. Это, можетъ-быть, тѣмъ вѣроятнѣе, что и самое крупное событіе въ жизни Ключевскаго за это время, весьма рѣзко измѣнившее условія жизни его семьи, — трагическая смерть отца—навсегда ассоціировалась въ сознаніи В. О. съ «природой» и ея «стихійными условіями». Это трагическое событіе, судя по разсказамъ самого В. О. и свѣдѣніямъ, даннымъ его сестрою, представляется въ такомъ видѣ. Отецъ В. О. Іосифъ Васильевичъ отправился однажды съ однимъ изъ членовъ причта на базаръ въ с. Шемышейку (Саратовской губ., которая здѣсь очень близко подходитъ къ Пензенской) для закупки огурцовъ. Ѣхали на двухъ различныхъ подводахъ. На обратномъ пути спутникъ значительно опередилъ его І. В., заснувшаго отъ утомленія на

---

[1]) Въ 1891-мъ году, во время голода въ предѣлахъ Пенз. губ., В. О. былъ сильно озабоченъ положеніемъ крестьянъ с. Можаровки и посылалъ туда нѣсколько разъ денегъ на голодающихъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ оказался даже однажды жертвою обмана. По письму одной мѣстной жительницы онъ выслалъ ей денегъ на устройство столовой для можаровскихъ крестьянъ, но послѣ оказалось, что просительница всѣ присланныя имъ деньги употребила на устройство столовой не въ Можаровкѣ, а въ своемъ селѣ. На вторичную просьбу ея о пожертвованіи В. О. отказалъ. Но Можаровки онъ не забывалъ. Уже значительное позднѣе (послѣ 1900 г.) лично насъ В. О. просилъ узнать, кто состоитъ священникомъ въ Можаровкѣ, а сестрѣ своей Е. О., какъ проживавшей въ это время въ предѣлахъ Городищенскаго уѣзда, онъ поручалъ на мѣстѣ собрать справки о положеніи крестьянъ въ с. Можаровкѣ, — узнать, есть ли у нихъ при церкви какая-нибудь библіотечка и проч. Хотѣлъ онъ также писать объ этомъ и священнику, когда адресъ послѣдняго былъ ему доставленъ.

возу. Къ Можаровкѣ изъ с. Шемышейки вело два пути: одинъ болѣе длинный, но болѣе ровный, удобный; другой путь, черезъ мельницу, былъ короче, но менѣе удобный. Проснувшись, I. В. увидѣлъ, что лошадь шла по первому пути, и такъ какъ начинался дождь, то онъ, вернувшись обратно, поѣхалъ по второму пути, на мельницу, чтобы скорѣе достигнуть Можаровки. Дорога шла подъ гору и посрединѣ была «ложбиной», т.-е. канавой. Между тѣмъ дождь усиливался и скоро превратился въ страшный ливень; съ горы съ шумомъ вслѣдъ I. В. неслись цѣлые потоки воды. Въ серединѣ спуска лошадь подвернула возъ, и онъ, падая, придавилъ своей тяжестью отца В. О. Съ большимъ трудомъ, сильно помятый, I. В. кое-какъ выбрался изъ-подъ воза и пошелъ внизъ, крича о помощи; послѣ оказалось, что крикъ его слышали женщины, бывшія въ это время на ближайшемъ гумнѣ, но побоялись итти на крикъ и убѣжали домой. Между тѣмъ отецъ В. О., пришибленный, весь мокрый, выбившись изъ силъ, упалъ поперекъ ложбины на дорогу прямо въ потокъ воды, бѣжавшей съ горы. Этою водою его сразу захлеснуло, и онъ захлебнулся. Въ такомъ видѣ его и нашли семейные, которые скоро прибѣжали къ мѣсту происшествія, вѣроятно, по словамъ женщинъ, сообщившихъ о крикѣ, и обезпокоенные сами по себѣ возвращеніемъ изъ Шемышейки одного только спутника Іосифа Васильевича.

Послѣ трагической смерти мужа мать В. О. Анна Ѳедоровна переселилась съ дѣтьми въ Пензу, пріобрѣла здѣсь небольшой домикъ въ улицѣ Поповкѣ, неподалеку отъ дома своей матери, бабушки В. О., которая, послѣ смерти мужа, прот. Мошкова, поселилась также въ этой мѣстности города. Съ этого времени начинается самый тяжелый періодъ въ жизни семьи Ключевскаго и, въ частности, В. О. Единственнымъ средствомъ къ жизни были грошовые нахлѣбники, которымъ отдавалась лучшая половина дома. Сами же Ключевскіе ютились въ небольшой задней половинѣ дома, гдѣ мѣстомъ для занятій В. О. были—да, очевидно, и могли только быть—знаменитыя въ жизни стараго семинариста «полати». Сюда забирался В. О., по сообщенію сестры его, и отъ тѣсноты и зимой, главнымъ образомъ, отъ холода. Когда не на что было купить свѣчи, онъ устраивалъ себѣ такъ называемый «ночникъ», стаканчикъ съ конопляным ъ масломъ и поплавкомъ, и съ такимъ освѣщеніемъ читалъ далеко за полночь; иногда засыпалъ за чтеніемъ и разливалъ масло. Однако это усердіе не спасло В. О. отъ званія «камчатника» въ первые годы его обученія въ духовномъ училищѣ. Эта офиціальная учеба шла туго и плохо. Не «полати» и «ночникъ» были причиною этого, а природный недостатокъ В. О. въ видѣ косноязычія, заиканія. Когда приходилось слушать впослѣдствіи мѣрно лившуюся, красивую и плавную рѣчь В. О., съ трудомъ вѣрилось, чтобы когда-нибудь онъ былъ заикою.

А между тѣмъ это было такъ. Но, очевидно, непреклонное упорство, необыкновенная энергія, отчасти родовое свойство стараго семинариста, культивируемое всѣми условіями матеріально-необезпеченной, трудовой жизни духовенства, способны были преодолѣть не только «ночникъ» и «полати», но и такіе физическіе дефекты, для устраненія которыхъ создаются теперь цѣлыя лѣчебницы. Но не преодолѣнный—этотъ недостатокъ доставилъ много огорченій и мальчику Ключевскому и его семейнымъ. Для наставниковъ училища онъ былъ тяжелымъ ученикомъ, съ которымъ ни у кого не было особой охоты возиться. Въ правленіи нѣсколько разъ раздавались голоса за увольненіе Ключевскаго въ виду его безнадежности, и не столько жалость тогдашняго начальства, сколько заступничество дяди В. О. — настоятеля Боголюбской церкви[1]), въ домѣ котораго неоднократно бывалъ и самъ твердый и всевластный еп. Варлаамъ, — заставило правленіе училища отказаться отъ мысли объ исключеніи Ключевскаго. Вскорѣ эта мысль и безъ внѣшняго заступничества была совершенно оставлена, когда сквозь косноязычіе для всѣхъ замѣтно стала пробиваться, особенно въ письменныхъ работахъ, свѣтлая и сильная не по возрасту мысль. Семинаріи училище передало Ключевскаго уже какъ «красу», способную «поддержать», какъ въ это время выражались, «честь училища»[2]). И Ключевскій блестяще осуществлялъ въ семинаріи эту надежду; и если «обезчестилъ» и училище, и семинарію, то только единственный разъ, когда въ началѣ пятаго года обученія возымѣлъ, дерзновенное по тому времени, желаніе поступить вмѣсто духовной академіи — въ университетъ, хотя и искупилъ это «безчестіе» тѣмъ, что сталъ впослѣдствіи «честью» Россіи, и много и плодотворно потрудился для духовнаго образованія, когда вступилъ и въ академію — не въ качествѣ уже студента, а въ качествѣ профессора. Въ семинаріи Ключевскій много и упорно работалъ— въ той же обстановкѣ и условіяхъ, какъ и прежде. Эта работа шла, такъ сказать, въ трехъ направленіяхъ. Ключевскій удѣлялъ извѣстное время и официальнымъ занятіямъ, семинарскимъ урокамъ, и до того злополучнаго момента, когда семинарское начальство стало угадывать о намѣреніи его оставить семинарію для университета, онъ неизмѣнно занималъ первое мѣсто по списку, и все-таки, по разсказамъ его товарищей, разстояніе между Ключевскимъ и единственнымъ его сосѣдомъ по списку оставалось неизмѣримымъ. Но, главнымъ образомъ, занятія В. О. за это время сосредоточивались не въ классѣ, а на тѣхъ же «по-

---

[1]) Священника Іоанна Васильевича Европейцева. При Боголюбской церкви служилъ въ теченіе двадцати лѣтъ (1847—1867 гг.).

[2]) Почти традиціонное выраженіе, имѣвшее мѣсто тогда въ рѣчахъ смотрителей къ окончившимъ курсъ воспитанникамъ училища.

латяхъ», гдѣ, при свѣтѣ ночника, онъ переходилъ отъ скандированія Иліады и Энеиды [1]) къ штудированію курсовъ философіи и надолго задерживался на историческихъ трудахъ Татищева и Карамзина, находя въ нихъ обильную пищу для пробуждавшагося уже интереса къ изученію прошлаго Россіи. Но скудость и нужда семейная невольно заставляли Ключевскаго переходить отъ далекаго прошлаго къ наличной дѣйствительности, слѣзать съ «полатей» и бѣгать по урокамъ или, какъ тогда говорили, по кондиціямъ. Уже съ первыхъ классовъ семинаріи онъ сталъ давать уроки; первый урокъ его былъ у тогдашняго инспектора семинаріи — прот. І. П. Бурлуцкаго и оплачивался—смѣшно сказать!—тремя рублями въ мѣсяцъ. Но этотъ выборъ Ключевскаго, въ качествѣ репетитора къ сыну, лицомъ, въ распоряженіи котораго находилась вся семинарія, показываетъ, насколько умственно превосходилъ онъ не только своихъ товарищей-сверстниковъ, но и болѣе зрѣлыхъ возрастомъ воспитанниковъ. Чрезвычайно трогательны сообщенія Е. О. о томъ, съ какою любовью передавалъ В. О. весь свой скудный репетиторскій заработокъ матери,—съ заказомъ—сдѣлать на него какую-нибудь необходимую обнову сестрѣ. Когда мать начинала указывать ему на большіе недочеты въ его собственной костюмировкѣ, В. О. съ рѣшительностью отклонялъ необходимость какихъ-либо расходовъ на него. «Мнѣ не нужно! Я какъ-нибудь

---

[1]) В. О., по воспоминаніямъ его товарищей, былъ большимъ знатокомъ и любителемъ классическихъ языковъ еще въ семинаріи. Усиленно онъ занимался ими и въ періодъ студенчества, на ряду съ исторіей. Любовь къ исторіи и древнимъ языкамъ онъ постоянно старается привить и другимъ. «Пусть все отдаетъ исторіи и древнимъ языкамъ...» заказываетъ онъ въ одномъ изъ писемъ (изъ Москвы — въ періодъ студенчества) къ дядѣ — свящ. И. В. Европейцеву, — относительно Поля, сына Ивана Васильевича. Въ томъ же самомъ письмѣ онъ съ восторгомъ сообщаетъ, что онъ «купилъ въ Москвѣ Иліаду на греч. языкѣ съ нѣмецкими объясненіями — цѣлый томъ страницъ въ 900 — за 61 коп. серебромъ!» (Письмо отъ 9-го декабря. Годъ не помѣченъ). Въ другомъ письмѣ къ тому же Полю, по поводу нападокъ послѣдняго на классическіе языки, подъ вліяніемъ «реалистическаго» направленія въ тогдашней литературѣ и публицистикѣ, Ключевскій съ горячностью пишетъ: «Ты заявляешь, что классическіе языки, мертвые языки, «слишкомъ высоко поставлены въ нашемъ образованіи». Предоставляя тебѣ самому судить, хорошо ли дѣлать нападки на мертвыхъ, я спрошу: гдѣ они слишкомъ высоко поставлены въ нашемъ образованіи? Кто это ставилъ ихъ такъ? Что гимназистовъ заставляютъ знать склоненія и спряженія по Кюнеровой грамматикѣ—неужели это значитъ поставить древніе языки слишкомъ высоко? Неужели выучиться ощупью итти (по указкѣ учителя) по какому-нибудь Саллюстію или Корн. Непоту — значитъ потратить много времени и *много силъ* (курс. автора), какъ ты выражаешься? Зачѣмъ клеветать на русское образованіе, что оно заставляетъ тратить много времени и силъ на древніе языки? Эта клевета была бы отличнымъ комплиментомъ ему, но, къ сожалѣнію, она—клевета, этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. «Жаль, что нѣтъ Чернышевскаго — восклицаешь ты,—вотъ человѣкъ!» Вѣроятно, ты не договорилъ, что вотъ

прохожу, я обойдусь; а она (сестра) уже большая...», говорилъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ. Эта скромность, удивительная непритязательность во всемъ, отсутствіе всякой склонности къ какому-либо комфорту,—однимъ словомъ, «простота», во всѣхъ ея видахъ,—являлись, какъ всѣмъ извѣстно, отчетливыми чертами его личности и во всю послѣдующую жизнь. Трудно было представить себѣ В. О. въ шитомъ золотомъ мундирѣ, когда онъ почти стѣснялся и форменнаго фрака. Когда сослуживцы шутя указывали ему на почтенный возрастъ фрака и пыльныя пятна на немъ, онъ также шутя отвѣчалъ: «не забывайте, что и солнце не безъ пятенъ». Когда за столомъ предлагали ему деликатесы, онъ просилъ достать ему просто «зеленаго лучку». Когда представлялась возможность ѣхать въ коляскѣ и на рысакахъ, онъ предпочиталъ трястись на плохомъ московскомъ «Ванькѣ» [1]), нерѣдко вступая съ нимъ въ оживленный разговоръ; и во время своихъ еженедѣльныхъ путешествій къ «Троицѣ», для чтенія лекцій въ духовной академіи, онъ неизмѣнно бралъ мѣсто въ третьемъ классѣ, скромно сливаясь съ той волной отливающихъ и приливающихъ къ воротамъ лавры преп. Сергія паломниковъ, чувства и мысли которыхъ, какъ показала его знаменитая рѣчь въ день 500-лѣтія со дня смерти преп. Сергія, были такъ близки, такъ знакомы ему. — И конечно, никто и никогда и не могъ бы и подумать, что все это было со сто-

---

этотъ человѣкъ задалъ бы этимъ несноснымъ мертвымъ языкамъ, отнимающимъ у насъ столько времени и силъ. Ну, задалъ бы, поразилъ бы: что же изъ этого? Много ли чести бить лежачихъ! Вотъ если бы онъ заговорилъ объ этомъ въ Германіи или Англіи, — тамъ это имѣло бы смыслъ: тамъ дѣйствительно теряютъ на нихъ *много* времени, но не силъ, а, напротивъ, пріобрѣтаютъ отъ нихъ громадныя силы, дѣлающія возможными такія явленія въ наукѣ, какъ братья Гумбольдты, братья Гриммы, Лессинги, Фихте и проч. и проч. Какъ это умѣютъ они дѣлать, — не намъ съ тобой допытаться. А на нашей бѣдной нивѣ просвѣщенія—позволь выразиться нѣсколько по-семинарски—поднимутъ вопросъ о томъ, что-де если въ учебной программѣ порядочные педагоги приняли ставить древніе языки, то не мѣшало бы и намъ подучить греческія и латинскія грамматики, — только этого и потребуютъ, — не больше, а глядишь, тамъ ужъ въ «Современникѣ» или «Русскомъ Словѣ» подняли страшный гвалтъ, зачѣмъ томить молодыя, свѣжія силы надъ пустяками! Чернышевскій—талантливая голова, ловкое перо, но если онъ говорилъ когда-нибудь печатно противъ древнихъ языковъ въ духѣ «Русскаго Слова» или Антоновича, то будущій историкъ русской цивилизаціи, покрывъ полнымъ забвеніемъ и «Русское Слово», и Антоновича съ другими теперешними подвижниками «Современника», не отнесется съ сочувствіемъ къ выходкѣ Чернышевскаго, котораго, разумѣется, не пройдетъ молчаніемъ». (Письмо отъ 28-го октября. Годъ не помѣченъ. Указанная дата мѣсяца и числа поставлена на основаніи другого письма Ключевскаго отъ 4-го ноября, въ которомъ онъ упоминаетъ и о приведенномъ письмѣ, съ указаніемъ, что оно написано 28-го октября).

[1]) Мнѣ живо припоминается сейчасъ одинъ разговоръ съ В. О. на эту тему, когда мы ѣхали съ нимъ именно на такомъ «Ванькѣ» съ Житной въ Каретный рядъ при чемъ извозчика взялся нанимать самъ В. О., рѣшительно

роны В. О. какъ бы афишировкой, разсчитанной позой или красивымъ жестомъ. Это — свойство людей маленькихъ, незамѣтныхъ, у которыхъ за внѣшностью нѣтъ глубокой и твердой подпочвы. Но В. О. съ головы до ногъ, если можно такъ выразиться, былъ столь крупнымъ и оригинальнымъ явленіемъ въ исторіи интеллигентной Россіи послѣдняго времени, что для него все это было просто излишнимъ, ненужнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ указанной чертѣ духовнаго облика Ключевскаго проявлялась свойственная дѣйствительно великимъ и крупнымъ людямъ вѣрность почвѣ, на которой они выросли, — тѣмъ вѣковымъ условіямъ быта, который съ дѣтства окружалъ ихъ. «Почвенникъ» — это чрезвычайно мѣткій и характерный эпитетъ, данный В. О. его учениками и послѣдователями, встрѣчающійся и въ указанномъ сборникѣ. Онъ способенъ обнимать собою и оригинальную личность В. О. и въ извѣстной степени и его оригинальное творчество.

Не до позы и не до жеста было В. О., когда студентомъ онъ по суткамъ не ѣлъ и по 2 — 3 дня оставался безъ чая, и тѣмъ не менѣе всегда застѣнчиво и упорно отказывался отъ предлагаемой ему чашки чая или кофе. Со словъ тещи В. О. Елизавета Осиповна сообщаетъ, что когда В. О. занимался въ ихъ домѣ съ племянникомъ, онъ ни разу не выпилъ ни одного стакана чая или кофе, всегда скромно завѣряя, что все это онъ успѣлъ уже сдѣлать дома.

Скудный трехрублевый бюджетъ В. О. вскорѣ значительно возросъ: кромѣ занятій у прот. Бурлуцкаго, В. О., вѣроятно, по его же рекомендаціи, получилъ урокъ у извѣстнаго тогда въ Пензѣ богатаго виннозаводчика Маршева. Кажется (судя по сообщеніямъ Е. О.), за этотъ періодъ репетиторства дѣтей Маршева слагается у В. О. твердое намѣреніе о поступленіи въ университетъ. Въ домѣ Маршева В. О. занимался уже со взрослыми дѣтьми, приготовляя ихъ для поступленія въ университетъ. И вотъ, готовя ихъ въ университетъ, онъ и самъ готовился съ ними [1]).

отстранивъ меня отъ этого дѣла словами: «Вы, землякъ, не знаете московскихъ извозчиковъ». Когда на Полянкѣ отъ промчавшейся на резиновыхъ шинахъ коляски мы приняли невольную грязевую ванну, В. О., оправившись, сказалъ, что и онъ могъ имѣть даровую возможность также «пускать — не пыль, а грязь въ глаза». Извѣстная богачка Морозова (имя и отечество я забылъ теперь), у которой онъ когда-то занимался съ сыномъ, предлагала ему въ качествѣ презента полный выѣздъ — коляску и двухъ дышловыхъ лошадей. «И все-таки я отказался»..., заключилъ съ иронически-печальною интонаціею въ голосѣ В. О. Когда я спросилъ, почему онъ отказался отъ такого презента, В. О., нервно задергавшись, сталъ выкрикивать: «Помилуйте, развѣ мнѣ это къ лицу?! развѣ, сознайтесь, не смѣшонъ былъ бы я въ такой коляскѣ?! развѣ я не былъ бы тогда вороной въ павлиныхъ перьяхъ?!» и проч.

[1]) Двое сыновей Маршева поступили въ Московскій университетъ и учились тамъ одновременно съ В. О., что видно изъ письма послѣдняго изъ Москвы къ дядѣ-священнику Европейцеву. «Не знаю, передалъ ли вамъ Мар-

Намѣреніе поступить въ университетъ окончательно созрѣло въ В. О. на пятомъ году его обученія въ семинаріи, когда онъ перешелъ въ старшее отдѣленіе семинаріи (по нынѣшнему 5-й классъ). Исторія ухода В. О. изъ семинаріи довольно извѣстна и отмѣчается во всѣхъ его біографіяхъ. Она связана съ именемъ виднаго въ исторіи русской іерархіи преосв. Варлаама (впослѣдствіи архіепископа Тобольскаго; скончался 31 марта 1876 г.) и весьма характерно рисуетъ отношеніе духовнаго начальства того времени къ уходу семинаристовъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія. Въ недавно вышедшей монографіи о преосв. Варлаамѣ [1]), исторія эта излагается въ такомъ видѣ. Въ декабрѣ 1860 года, *незадолго до полугодичныхъ экзаменовъ* [2]), Ключевскій подалъ въ семинарское правленіе прошеніе объ увольненіи, въ которомъ писалъ, что «при стѣснительныхъ домашнихъ обстоятельствахъ, препятствующихъ ученическимъ занятіямъ въ духовной семинаріи, и при слабомъ здоровьѣ онъ не можетъ продолжать образованія въ означенной семинаріи». Начальство всполошилось. Не хотѣлось ему и лишиться такого даровитаго ученика, какъ Ключевскій, да и боялось оно гнѣва архипастыря, который не особенно долюбливалъ «выходы» семинаристовъ изъ духовнаго званія. Подумали, подумали, и рѣшили заградить Ключевскому дорогу, воспользовавшись тѣмъ, что онъ получалъ казенное пособіе (за все время имъ было получено 66 р. 50 коп.), а также «тѣмъ, что онъ при поступленіи въ среднее отдѣленіе «собственнымъ отзывомъ изъявилъ желаніе остаться въ духовномъ званіи». Написали докладъ преосв. Варлааму, съ подробною справкою относительно получаемаго Ключевскимъ содержанія, и увѣнчали этотъ докладъ слѣдующимъ заключеніемъ: «Такъ какъ положеніемъ Св. Сѵнода 1829 года постановлено, чтобы каждый, совершившій курсъ въ духовныхъ училищахъ на содержаніи сихъ училищъ, обязанъ былъ, если потребуетъ начальство, въ благодарность за свое воспитаніе, служить по духовному вѣдомству не менѣе четырехъ лѣтъ, и такъ какъ ученикъ Ключевскій постоянно пользовался значительнымъ (!) казеннымъ пособіемъ, то въ прошеніи объ увольненіи его изъ семинаріи отказать».

шевъ, — пишетъ В. О., — записку отъ меня, написанную второпяхъ на прощаньи. Теперь они оба въ Пензѣ. *Экзамена для нихъ, какъ считающихся на первомъ курсѣ, нѣтъ*». (Письмо отъ 23-го марта 1863 года). Послѣднія слова заставляютъ думать, что Маршевы или неодновременно съ В. О. поступили въ университетъ, или же, что вѣрнѣе, отстали отъ него. Въ мартѣ 1863 г. Ключевскій былъ уже на второмъ курсѣ.

[1]) Свящ. С. Артоболевскаго. Изд. въ Пензѣ. 1912 г.

[2]) Курсивъ нашъ. Въ біографіи В. О., напечатанной въ майской книжкѣ «Богосл. Вѣст.» за 1911 г. сказано, что Ключесвкій подалъ прошеніе объ увольненіи *непосредственно послѣ полугодичныхъ экзаменовъ въ декабрѣ 1860 г.* Наша поправка имѣетъ въ основаніи собственный разсказъ В. О., который мы передаемъ ниже.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основанiи того же положенiя Св. Сvнода, отказать теперь же ему и въ денежномъ пособiи, тѣмъ болѣе, что своимъ прошенiемъ объ увольненiи Ключевскiй показываетъ, что онъ имѣетъ собственныя средства къ содержанiю себя» [1]).

Положенiе Ключевскаго послѣ такого постановленiя правленiя было не изъ завидныхъ. Самымъ худшимъ для него было то, что рушились его мечты о поступленiи въ университетъ, такъ какъ безъ разрѣшенiя семинарскаго правленiя и епархiальнаго начальства поступленiе въ университетъ было немыслимо. И вотъ въ роли истинно-попечительного отца выступилъ тогда архипастырь пензенскiй—преосв. Варлаамъ. Прозрѣлъ онъ будущую яркую звѣзду нашей исторической науки, гордость двухъ высшихъ школъ (университета и академiи), славу родной семинарiи—и рѣшилъ дѣло краткой резолюцiей: «Ключевскiй не совершилъ еще курса ученiя и, слѣдовательно, если онъ не желаетъ быть въ духовномъ званiи, то его и можно уволить безпрепятственно» [2]).

На основанiи личныхъ разсказовъ В. О. и сообщенiй заинтересованной по-своему въ этомъ дѣлѣ (какъ это ни странно) сестры его — Е. О.,—мы имѣли бы возможность нѣсколько дополнить эту исторiю ухода его изъ семинарiи—въ той ея части, которая касается личности преосв. Варлаама. Резолюцiя преосв. Варлаама, конечно, была «мудрымъ приговоромъ», какъ выражается въ бiографическомъ очеркѣ проф. Любавскiй, а, точнѣе, просто справедливымъ, законнымъ приговоромъ, и несомнѣнно также, что этотъ приговоръ «въ исторiи русской науки и высшаго преподаванiя всегда будетъ отмѣчаться съ великою признательностью»; но едва ли возможно сказать, согласно тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ, что преосв. Варлаамъ въ этой исторiи выступаетъ «въ роли истинно-попечительнаго отца», какъ думаетъ авторъ монографiи о Варлаамѣ [3]).

---

[1]) Все это сдѣлано было въ угоду владыкѣ. Лично же къ Ключевскому семинарское начальство, по крайней мѣрѣ, тогдашнiй ректоръ-архимандритъ Евпсихiй, было очень расположено. Впослѣдствiи, когда Ключевскiй былъ уже студентомъ, Евпсихiй очень сѣтовалъ дядѣ В. О. (свящ. Европейцеву), что послѣднiй забылъ его и ничего ему не пишетъ. «Не знаю, что это вздумалось Евпсихiю, — замѣчаетъ Ключевскiй въ одномъ изъ писемъ къ дядѣ, — имѣть на меня претензiю, что я не пишу къ нему. Да какъ я стану писать къ нему и о чемъ? Что у насъ общаго и гдѣ точка соприкосновенiя? Не знаю; подумаю, можетъ-быть, и напишу». (Письмо отъ 4-го ноября. Годъ не помѣченъ.)

[2]) См. вышеуказанную монографiю о преосв. Варлаамѣ, стр. 177 — 178.

[3]) И въ сознанiи самого В. О. не осталось такого впечатлѣнiя отъ «дѣйствiй» преосв. Варлаама, вопреки утвержденiю автора монографiи о послѣднемъ. Въ одномъ изъ писемъ изъ Москвы къ дядѣ-свящ. Европейцеву В. О., имѣя въ виду, можетъ-быть, и свое дѣло и всю вообще дѣятельность преосв. Варлаама въ Пензенской епархiи, въ такихъ ироническихъ выраженiяхъ отзывается объ уходѣ Варлаама изъ Пензы (въ Тобольскъ): «Гвоздевъ мнѣ писалъ, что преосв. Варлаамъ проѣздомъ черезъ Казань приглашалъ къ себѣ

Здѣсь предъ нами строгій, пожалуй, осторожный законникъ, но никакъ не отецъ. Далеко не съ отеческимъ благоволеніемъ посмотрѣлъ онъ на «поступокъ» Ключевскаго, несмотря на благопріятную для него резолюцію. Послѣдующія его дѣйствія показываютъ, что на этотъ «поступокъ» Ключевскаго преосв. Варлаамъ посмотрѣлъ какъ на «проступокъ», если не противъ закона, то противъ установленныхъ традицій или, вѣрнѣе, личныхъ взглядовъ и вкусовъ преосвященнаго. «Проступокъ» требовалъ нѣкотораго «возмедія», своего рода «жертвы». И остроумный владыка придумалъ и то и другое, преслѣдуя, можетъ-быть, въ конечномъ счетѣ и благую, съ своей точки зрѣнія, цѣль—спасти Ключевскаго отъ той «гибели», которую разрѣшить онъ долженъ былъ по закону. Прежде всего, преосвященный нашелъ нужнымъ подвергнуть Ключевскаго нѣкоторому публичному словесному бичеванію, что и осуществилъ онъ на одномъ изъ полукурсовыхъ экзаменовъ предъ Рождествомъ. Покойный, вспоминая прошлое, съ обычнымъ своимъ юморомъ, такъ разсказывалъ объ этомъ «бичеваніи». «Задумалъ я уйти изъ семинаріи и подалъ предъ Рождествомъ въ правленіе прошеніе объ увольненіи. Наступили полугодичные экзамены, на которыхъ почти на всѣхъ имѣлъ обыкновеніе присутствовать и преосв. Варлаамъ, такъ любившій всѣхъ—и большихъ и малыхъ—экзаменовать. Обо мнѣ начальство уже ему доложило, и по тону послѣдняго соображаю, что «владыка сердится»... Ну, думаю, дѣло плохо, университетъ мой «тю-тю»... На одномъ экзаменѣ Варлаамъ что-то особенно сурово поглядывалъ на меня и, сверхъ ожиданія, къ столу, въ числѣ лучшихъ учениковъ, не вызвалъ. Сижу, жду—что-то будетъ и чѣмъ дѣло окончится. И дождался... Встаетъ владыка изъ-за стола и подходитъ къ той партѣ, за которой я сидѣлъ. «Ты,—спрашиваетъ,—Ключевскій?» «Я», отвѣчаю смиренно. «Правда, что ты задумалъ итти въ университетъ?» «Правда». Что дальше говорилъ владыка, теперь я не смогъ бы возстановить въ памяти; но резюме разговора хорошо помню. «Дуракомъ успѣлъ бы быть», рѣзко заключилъ Варлаамъ свою нотацію. Но «дуракомъ» дѣло не ограничилось. Преосвященный хорошо соображалъ, что основательно распечь ученика, въ присутствіи товарищей и наставниковъ, даже назвать его публично «дуракомъ», по духу его времени, вовсе уже не столь внушительное средство воздѣйствія на послѣдняго, который, конечно, зналъ, слышалъ, возможно, что и лично наблюдалъ — и не такіе «разносы» архіерея во время его ревизій епархіи; зналъ

пензенскихъ студентовъ (очевидно, духовной академіи, т. к. Н. П. Гвоздевъ учился именно въ Казанской академіи) и имъ выражалъ свою печаль по поводу отъѣзда изъ Пензы. Отвѣчаетъ ли паства такой безотрадной тоской на эту высокую печаль своего великаго пастыря. Сомнительно! Развѣ новый будетъ еще хуже, — ну, тогда, пожалуй, можно пожалѣть и о прежнемъ». (Письмо отъ 15-го декабря 1862 года.)

онъ также, что на полученный имъ эпитетъ владыка не скупился даже и для ректора семинаріи въ покояхъ архіерейскихъ, а публично (напр., на экзаменахъ) онъ неоднократно ставилъ и ректора и наставниковъ семинаріи своими вопросами въ положеніе, соотвѣтствующее этому эпитету. Что же значило получить его изъ устъ владыки ученику семинаріи.

Преосвященный измыслилъ другое, придумалъ «жертву», каковой стала сестра покойнаго историка — Елизавета Осиповна; и необходимость принести эту жертву, при удивительной нравственной чуткости В. О. и родственной сплоченности семьи Ключевскихъ, совсѣмъ было заставила его отказаться отъ своей мысли—поступить въ университетъ. И если вспоминать съ признательностью имена лицъ, способствовавшихъ сохраненію В. О. для русской университетской науки и высшаго преподаванія, то въ первую очередь здѣсь нужно поставить не преосв. Варлаама, а болѣе скромную личность уже упомянутаго нами дяди В. О., священника I. В. Европейцева [1]), дѣйствительно, «отечески-попечительнаго» къ семьѣ Ключевскихъ, друга (несмотря на разность лѣтъ) и неизмѣннаго авторитетнаго совѣтника В. О. (котораго, кстати сказать, дядя въ въ это время звалъ уже на «Вы», а также по имени и отчеству) оказавшаго и въ это время незамѣнимую нравственную поддержку В. О. [2]), и съ любовью благословившаго его на избранный имъ путь. Но разскажемъ обо всемъ по порядку. Нужно замѣтить, что преосв. Варлаамъ, несмотря на свою суровость (съ этимъ, главнымъ образомъ, качествомъ онъ до сихъ поръ остается въ памяти епархіи), близко стоялъ къ быту и условіямъ жизни духовенства, близко входилъ въ его нужды,—часто даже нужды семейныя, интимныя. Что касается, по крайней мѣрѣ, градскаго духовенства, то намъ положительно извѣстно, что преосв. Варлаамъ всегда былъ отлично освѣдомленъ о составѣ семей его, особенно о количествѣ дочерей, о дочеряхъ, уже пришедшихъ въ зрѣлый для замужества возрастъ. Чтобы помочь духовенству въ этомъ трудномъ семейномъ вопросѣ замужества, преосвященный не рѣдко принималъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ или способствовалъ ему всѣми зависящими отъ него средствами; часто самъ настоятельно указывалъ невѣстъ молодымъ кандидатамъ священства, уговаривалъ колеблющихся, ставилъ въ связь съ женитьбой полученіе мѣста, настаивалъ на бракахъ съ духовными, если подавалось прошеніе о разрѣшеніи женитьбы на свѣтской. Это была своего рода «слабость», особенно сильно обнаруживавшаяся, когда дѣло касалось дочерей-сиротъ.

Испытывая сильную нужду, мать В. О. также задумала воспользоваться этою «слабостью» преосвященнаго для подраставшей

---

[1]) Женатъ былъ на сестрѣ матери В. О., — Анны Ѳедоровны.

[2]) И матеріальную — какъ увидимъ ниже.

уже Елиз. Ос. Въ праздникъ въ честь иконы Боголюбской Божіей Матери (18-го іюня) преосвященный служилъ литургію въ Боголюбской церкви и послѣ обѣдни трапезовалъ въ квартирѣ дяди В. О. При представленіи семьи Ключевскихъ обращено было вниманіе на приходившую уже въ возрастъ Елиз. Осип., при чемъ бабушка ея стала просить преосвященнаго «пристроить» Елиз. Ос., т.-е. найти ей жениха съ приличнымъ мѣстомъ. Преосв. Варлаамъ, которому, несомнѣнно, напомнили въ это время о трагической кончинѣ отца Ключевскаго, очень внимательно отнесся къ просьбѣ и поручилъ дядѣ—еще разъ напомнить ему какъ-нибудь про сироту. Но около Рождества того же года произошла «исторія» съ уходомъ изъ семинаріи В. О. Когда уговоры семинарскаго начальства не повліяли на рѣшеніе Ключевскаго, когда онъ спокойно перенесъ и «словесное бичеваніе» владыки на полукурсовомъ экзаменѣ, послѣдній пустилъ въ ходъ послѣднее средство. Лично или черезъ ректора семинаріи онъ заявилъ Ключевскому: «Мы готовили тебя въ академію; но ты не захотѣлъ этого. Поэтому нѣтъ твоей сестрѣ ни жениха ни мѣста!». В. О. страшно удрученъ былъ такимъ заявленіемъ твердаго въ своихъ словахъ владыки и рѣшилъ отказаться отъ университета, чтобы не сдѣлать несчастной сестры. Съ твердымъ рѣшеніемъ оставить всякую мысль объ университетѣ пришелъ В. О. къ своему постоянному совѣтнику дядѣ [1]). Но послѣдній посмотрѣлъ на дѣло иначе. Рѣшительно и твердо онъ заявилъ, что нѣтъ настоятельной необходимости жертвовать своимъ счастьемъ для сестры, разъ нѣтъ никакого призванія итти въ академію. Заручившись словомъ дяди—не оставлять мать и сестеръ своимъ содѣйствіемъ и попеченіемъ, В. О. здѣсь же съ своей стороны даетъ почти торжественное обѣщаніе, если будетъ живъ, «никогда не оставлять своими заботами сестры», что и

---

[1]) Этотъ дядя В. О., судя по письмамъ къ нему послѣдняго изъ Москвы, повидимому, былъ человѣкъ интеллигентный, по тогдашнему, конечно, времени, не чуждый книжки и вообще культурныхъ интересовъ. Это обстоятельство и сближало, несомнѣнно, съ нимъ Ключевскаго. Изъ Москвы Ключевскій высылаетъ дядѣ книги, напр., литографированныя лекціи прот. Сергіевскаго («лекціи Сергіевскаго заготовилъ для васъ литографированныя...» Письмо отъ 2-го мая 1862 г. «Доставилъ ли вамъ Покровскій лекціи Сергіевскаго, въ чемъ я взялъ съ него обѣщаніе?» Письмо отъ 14-го іюня; годъ не помѣченъ), новые сборники поученій (письмо отъ 4-го ноября; годъ не помѣченъ); дѣлится съ нимъ чисто научными новостями: сообщаетъ, напр., о публичныхъ лекціяхъ С. М. Соловьева, объ оригинальномъ взглядѣ его на Наполеона. (Письмо отъ 20-го декабря 1863 г.); нерѣдко сообщаетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ, напр., подъ руководствомъ Буслаева въ Синодальной библіотекѣ (письмо отъ 2-го мая 1862 г.). «Занятъ теперь составленіемъ сочиненія по исторіи средневѣковой литературы, — сообщаетъ онъ дядѣ въ письмѣ отъ 20-го декабря 1863 г., — и выбралъ для этого сочиненіе одного епископа французскаго Дюрана «Rational des divins offices»...» и далѣе знакомитъ дядю съ основнымъ содержаніемъ и характеромъ книги.

дѣлалъ онъ, по словамъ Е. О., до конца своей жизни. «Постоянно помогалъ мнѣ въ воспитанiи и устройствѣ всѣхъ моихъ дѣтей. Потомъ устроилъ другую сестру и послѣ ея смерти воспиталъ двухъ ея дѣтей».

Итакъ, вопросъ объ университетѣ, благодаря авторитетной нравственной поддержкѣ со стороны дяди, и при тогдашнихъ воззрѣнiяхъ сумѣвшаго оцѣнить то, что называется «призванiемъ», рѣшонъ былъ въ благопрiятномъ для В. О. смыслѣ. Но для осуществленiя рѣшенiя нужны были средства. Любопытны и характерны сообщенiя Е. О., рисующiя опять удивительную скромность В. О., его необыкновенную душевную деликатность—и въ этомъ тяжеломъ вопросѣ о средствахъ. Опытный въ репетиторствѣ, онъ, несомнѣнно, надѣялся и въ Москвѣ жить уроками [1]). Но нужно было добраться до Москвы, нужны были средства и на первое время жизни тамъ. Дядя В. О., любившiй и цѣнившiй его, давно уже приготовилъ ему необходимую для этого сумму денегъ, но стѣснялся предложить В. О. до самаго послѣдняго времени; въ свою очередь, и В. О. до послѣдняго момента не позволилъ себѣ сдѣлать даже намека относительно денегъ. Наконецъ, за нѣсколько дней до отъѣзда, дядя рѣшился его спросить: «Какъ же вы, В. О., безъ всякихъ средствъ ѣдете въ Москву?» Взволнованный В. О. сказалъ: «Я ѣду въ Москву, во-первыхъ, съ вѣрой въ Бога; а во-вторыхъ, съ надеждой на васъ». Тогда дядя крѣпко обнялъ его и заплакалъ; не могли удержаться отъ слезъ и другiе члены семьи, свидѣтели этого объясненiя. Но, сознавая, что данныхъ денегъ далеко недостаточно будетъ В. О., и вмѣстѣ не желая тревожить его предложенiемъ бóльшей суммы, дядя допустилъ нѣкоторую хитрость. Прощаясь съ В. О., онъ подарилъ ему, чрезъ посредство жены своей, родной тетки В. О., молитвенникъ, совѣтуя прибѣгать къ этой книгѣ въ тяжелыя минуты жизни. В. О. съ благодарностью принялъ эту книгу «на память». И только впослѣдствiи, въ Москвѣ, перелистывая подаренную дядей книжку, онъ къ удивленiю своему нашелъ въ ней значительной цѣнности ассигнацiю [2]). Сцена прощанiя съ дядей, матерью и сестрами была тяжелой. В. О. проявлялъ необыкновенную заботливость въ отношенiи къ матери, скорбь которой была понятна, особенно въ условiяхъ того времени: на скорое свиданiе съ сыномъ трудно было надѣяться въ виду слишкомъ 600-верстнаго разстоянiя до Москвы, которое нужно было тогда все преодолѣвать на лошадяхъ;

---

[1]) Уроки, дѣйствительно, нашлись, хотя, повидимому, и не особенно скоро, только въ концѣ 1861 — 62 учебнаго года. Въ первый разъ Ключевскiй сообщаетъ дядѣ объ урокѣ въ письмѣ отъ 14-го iюня 1862 г., присланномъ изъ села Зимарова, Раненбургскаго у. Рязан. губ., имѣнiя кн. С. В. Волконскаго, у котораго и жилъ это лѣто В. О. въ качествѣ репетитора его дѣтей.

[2]) Объ этомъ эпизодѣ, со словъ самого В. О., разсказывалъ намъ проф. И. А. Каблуковъ.

для этого потребовалось бы много и времени и средствъ. Въ послѣдніе дни предъ отъѣздомъ В. О. нѣсколько разъ принимался утѣшать мать, просилъ о томъ же сестру, допуская даже для воздѣйствія на мать нѣкоторую невинную ложь: онъ увѣрялъ ее, что къ Рождеству непремѣнно пріѣдетъ въ Пензу, что осуществить на самомъ дѣлѣ ему оказалось совершенно невозможнымъ. Но личное отсутствіе В. О. въ извѣстной степени замѣнялъ дѣятельною перепискою съ родными, особенно съ дядей—свящ. Европейцевымъ и съ сестрой—Елиз. Осип. [1]). Въ первыхъ письмахъ къ сестрѣ изъ Москвы В. О., между прочимъ, дѣлится съ нею своими впечатлѣніями отъ университета и перваго экзамена. В. О. разсказываетъ, какъ они трое семинаристовъ (двое изъ другихъ семинарій), робкіе, скромно одѣтые, взошли въ громадный залъ (очевидно, актовый—стараго университета) и увидѣли группу джентльменовъ, въ дорогихъ сюртукахъ, въ манжетахъ и воротничкахъ; у нѣкоторыхъ пенснэ на носу; видъ непринужденный, разговоръ развязный. Первое наше заключеніе при видѣ этой группы, — что это были профессора. Недоумѣніе стало разсѣиваться только съ того момента, когда эти джентльмены, уже съ менѣе отважнымъ видомъ, потянулись къ экзаменаціонному столу, и состязательная экзаменаціонная робость стала нѣсколько ослабѣвать, когда удавалось слышать отвѣты этихъ господъ, совсѣмъ не соотвѣтствующіе ихъ развязной наружности. Овладѣвать собой вполнѣ мы стали только тогда, когда на наши отвѣты, часто взамѣнъ ихъ молчанія, дѣйствительные профессора милостиво качали головой и, перешоптываясь, повидимому, съ интересомъ всматривались въ наши истомленныя нуждою и робостью лица.

Черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія экзаменовъ въ августѣ 1861 г. отъ канцеляріи университета было объявлено, что воспитанникъ Пензенской духовной семинаріи Василій Ключевскій принятъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета. Это было гранью, отдѣлявшею «пензенскій періодъ» жизни великаго историка отъ «московскаго».

Свящ. И. А. Артоболевскій.

---

[1]) Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи письма В. О. къ дядѣ-свящ. Европейцеву дышатъ удивительною нѣжностью и внимательностью по отношенію къ родственникамъ. Всѣ событія семейной жизни близко принимаются къ сердцу и горячо обсуждаются В. О. Письма наполнены постоянными справками о здоровьѣ, положеніи, намѣреніяхъ—многочисленныхъ родственниковъ В. О., живущихъ и въ Пензѣ, и въ провинціи (главнымъ образомъ, въ г. Саранскѣ).

Изъ недавняго прошлаго.

(Страничка изъ провинціальной жизни.)

Во Владимирѣ недавно скончался отставной жандармскій генералъ Н. И. Вороновъ. Сначала онъ служилъ въ Западномъ краѣ, а въ 80-хъ годахъ былъ переведенъ начальникомъ губернскаго жандармскаго управленія во Владимиръ. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ въ весьма почтенномъ возрастѣ вышелъ въ отставку и до самой смерти продолжалъ жить во Владимирѣ, гдѣ пустилъ глубокіе корни, гдѣ со всѣми свыкся и гдѣ всѣ съ нимъ свыклись.

Отставной генералъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ достопримѣчательностью города. Его всѣ знали, и онъ всѣхъ зналъ. Небольшого роста, толстый, онъ, какъ шаръ, катался изъ одного конца города въ другой. Встрѣчая его, каждый и чиновный и нечиновный обыватель непремѣнно считалъ долгомъ перемолвиться съ нимъ. Старикъ сохранялъ до конца военную выправку, гремѣлъ шпорами. Какъ въ молодости, любилъ поболтать съ хорошенькими дамочками. Былъ совсѣмъ незлобный человѣкъ. За всю свою долгую службу онъ никому особеннаго зла не причинилъ, хотя и занималъ такой одіозный постъ. Отличался добродушіемъ, простотой и прямотой, умомъ не блестѣлъ. Былъ, разумѣется, консервативныхъ ззглядовъ, но не черносотенныхъ. Онъ не питалъ помысловъ выслужиться и выдвинуться по службѣ, да едва ли и смогъ бы это сдѣлать. Никакихъ особыхъ пріемовъ сыска и розыска онъ не практиковалъ. Наоборотъ, въ этомъ отношеніи всѣ пріемы были достаточно примитивны. Всякій изъ обывателей зналъ, что безсмѣнно каждый день стоявшій по вечерамъ на углу Большой и Троицкой улицъ Пахомычъ— «шпикъ». Пахомычъ стоялъ, прислонясь къ забору, шелущилъ сѣмечки, постукивалъ по тротуару желѣзной палкой и безъ всякихъ думъ на челѣ глазѣлъ на проходившихъ и проѣзжавшихъ. Что при этомъ примѣчалъ «тайный агентъ», одному Богу извѣстно. Были и другіе въ томъ же родѣ «агенты», всѣмъ и каждому доподлинно извѣстные. Были въ числѣ агентовъ на жалованіи двѣ дамы, принадлежащія къ мѣстному «бо-монду». Объ этомъ тоже всякій зналъ, и, разумѣется, о чемъ-либо болтать въ ихъ присутствіи остерегался. Дамы, впрочемъ, вращались въ такомъ обществѣ, гдѣ ни о какихъ крамолахъ

и въ поминѣ не было, и если что доставляли своему шефу, такъ только однѣ сплетни, касавшіяся скорѣе амурныхъ похожденій или семейныхъ скандаловъ, обывательскихъ ссоръ и несогласій, чѣмъ «политики».

Когда генералъ вышелъ въ отставку, онъ замѣтно полѣвѣлъ. Въ качествѣ находящагося не у дѣлъ, бывшаго службиста, генералъ критически относился къ чиновникамъ новой формаціи. Они ему всѣ казались «молокососами» и «вѣтрогонами».

— Въ наше время не то было,—пыхтя и брызжа слюной, изрекалъ генералъ всѣмъ встрѣчнымъ,—молокососъ пошелъ, мальчишки за чинами и орденами лѣзутъ, пуфъ, пуфъ, основательности въ нихъ нѣтъ!...

Когда надвинулись новыя политическія событія и вѣянія, генералъ къ освободительнымъ идеямъ, къ удивленію многихъ, отнесся сочувственно. Свои сужденія о преимуществахъ новаго строя онъ, отнюдь не стѣсняясь, выпаливалъ прямо въ глаза чиновнымъ дирижерамъ новой формаціи. Тѣ пробовали отшучиваться, вразумлять старика, но онъ не унимался. Въ концѣ-концовъ, между ними и генераломъ согласіе нарушилось, и они отстранились отъ зараженнаго превратными идеями отставного жандармскаго генерала. Генералъ голосовалъ за прогрессивныхъ кандидатовъ на выборахъ въ Государственную Думу. Одобрялъ перводумцевъ. Въ черносотенныхъ организаціяхъ участія не принималъ и даже порицалъ тѣхъ изъ начальствующихъ лицъ, кто явно покровительствовалъ союзникамъ.

Генералъ любилъ поболтать. Бесѣда всегда сводилась на порицаніе новаго и восхваленіе стараго. О своей прежней службѣ старикъ охотно разсказывалъ.

— Вы мемуары писали бы,—сказалъ я какъ-то при встрѣчѣ старику, — немало черезъ ваши руки дѣлъ всякихъ прошло, вышли бы интересныя воспоминанія.

— Матеріалъ подбираю, батенька, пуфъ, пуфъ, пронумеровываю, опись составляю, послѣ моей смерти публиковать разрѣшу.

Генералъ, впрочемъ, пробовалъ писать мемуары, даже издалъ «Воспоминаніе по Западному краю воспитанника кадетскаго корпуса Николая Воронова». Писаніе оказалось столь же неудачно, какъ и заглавіе. Это былъ ворохъ мелочныхъ, ни для кого неинтересныхъ фактовъ, съ длинными, крайне запутанными, сентенціями автора, написанными при томъ совершенно неудобочитаемымъ лапидарнымъ языкомъ. Насчетъ заглавія своей книги авторъ совѣтовался съ нами. Напрасно мы совѣтовали, что слѣдуетъ во всякомъ случаѣ назвать «Воспоминанія», а не «Воспоминаніе». Генералъ не соглашался: одно воспоминаніе у него будетъ по Западному краю, другое—по Владимирской губерніи. Въ одномъ только генералъ уступилъ. Онъ хотѣлъ назвать «Воспоминаніе кадета Воронова». Мы посмѣялись, что слово «кадетъ» теперь имѣетъ двоякое значеніе и что, пожалуй, сочтутъ, что генералъ причисляетъ теперь себя къ кадетской партіи. Генералъ принялъ нашу шутку въ серьезъ и измѣнилъ заглавіе.

«Воспоминаніе по Владимирской губерніи», о которомъ говорилъ генералъ, такъ и не появилось. Вѣроятно, пронумерованныя бумаги остались послѣ старика. Какъ-то разъ еще задолго до смерти, встрѣтясь со мной, Н. И. Вороновъ передалъ мнѣ какія-то бумаги.

— Вотъ ты тамъ пишешь (Н. И. Вороновъ всѣмъ говорилъ на ты), посмотри, интересные служебные рапорты, послѣ моей смерти можешь опубликовать...

Я пожелалъ долгіе годы здравствовать почтенному генералу. Бумаги, однако, остались у меня. И вотъ теперь, разбираясь въ старыхъ бумагахъ, мнѣ попались подъ руку эти «служебные рапорты» жандармскаго генерала. Они, дѣйствительно, оказались нелишенными интереса. Это копіи съ трехъ рапортовъ начальника владимирскаго губернскаго жандармскаго управленія къ директору департамента полиціи С. Э. Зволянскому. Относятся они къ половинѣ 90-хъ годовъ. Совсѣмъ, казалось бы, еще сравнительно недавнее время, но лежащіе передо мною «рапорты» воспроизводятъ, несомнѣнно, ушедее въ историческую даль «доброе старое время». И самое содержаніе освѣдомительныхъ реляцій, и ихъ тонъ, и манера изложенія,—все говоритъ о быломъ. Это было время, когда, въ силу дѣйствовавшихъ тогда инструкцій, «всякое явленіе должно было строго наблюдаться и немедленно доводиться до свѣдѣнія начальства». И жандармскія власти наблюдали. А такъ какъ никакихъ сколько-нибудь крупныхъ явленій въ тогдашней провинціальной жизни не происходило, то наблюдательное око ловило всѣ сплетни и мелочи, которыя, если и представляли какой-либо интересъ, то только на мѣстѣ, въ кругу своихъ людей. Между тѣмъ о совершеннѣйшихъ пустякахъ писались «рапорты» такъ, какъ если бы шла рѣчь о крупной государственной важности событіяхъ. Сообщались мельчайшія подробности, всѣ толки, суды и пересуды. Петръ Ивановичъ Бобчинскій за великое одолженіе просилъ сказать всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, что вотъ, ваше сіятельство или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Оказывается, о существованіи Петра Ивановича Бобчинскаго вельможи освѣдомлялись, и безъ просьбъ, его самимъ попечительнымъ начальствомъ. И не только обывательскіе низы, но и верхи въ равной мѣрѣ не ускользали отъ попечительнаго дозора.

«Служебные рапорты» жандармскаго генерала и въ другомъ отношеніи не безынтересны. Они живописуютъ бытъ провинціи недавняго прошлаго, чѣмъ живы люди были, что стояло въ центрѣ ихъ вниманія. Ибо, хотя «служебные рапорты» и написаны подъ угломъ вѣдомственнаго зрѣнія, но въ нихъ нашли себѣ мѣсто во всей полнотѣ и обывательскіе точки зрѣнія и интересы. Въ 90-хъ годахъ во Владимирскую губернію былъ назначенъ изъ Симбирска губернаторомъ Теренинъ, уже весьма пожилой и бренный тѣломъ и духомъ администраторъ. Супруга губернатора, наоборотъ, была очень энергичная дама, она-то и вступила въ управленіе. Отъ нея исходили служебныя дирек-

тивы. По ея указаніямъ направлялась жизнь въ губерніи. Естественно, что супруга губернатора была центромъ вниманія, титулованный же супругъ ея оставался въ тѣни и только подписывалъ свою фамилію. Временами о немъ совсѣмъ забывали. Въ губерніи говорили только о г-жѣ Терениной. Всѣ власти, чиновники особыхъ порученій, чины полиціи состояли при ея особѣ. Всѣ спѣшили угодить и выслужиться передъ ней. Тѣ, кто не сумѣлъ угодить и вызывалъ гнѣвъ и неудовольствіе, приглашались къ титулованному супругу и отъ него получали офиціальное внушеніе. На этой почвѣ создавалось немало всяческихъ недоразумѣній. Недовольство росло, и, наконецъ, произошелъ конфликтъ. Г-жа Теренина взяла въ свое монопольное вѣдѣніе всяческую благотворительность и попеченіе о бѣдныхъ. Чины полиціи неукоснительно обходили и объѣзжали по всей губерніи именитыхъ обывателей и денежныхъ тузовъ и получали съ нихъ благотворительную мзду. Куда затѣмъ шли эти «доброхотныя даянія», сколько отъ нихъ утеривалось по пути, объ этомъ много было всякихъ толковъ, но не на этой почвѣ произошелъ конфликтъ. Въ губерніи существуютъ и другіе потентаты. По мѣрѣ того, какъ аппетиты управительницы росли, они задѣвали сферу вліянія другихъ губернскихъ потентатовъ. И произошло столкновеніе, въ которое оказались втянутыми и высшіе потентаты и di minores. Обо всемъ этомъ и освѣдомляла наблюдательная инстанція въ «рапортахъ» свое начальство.

Начальникъ владимирскаго губернскаго жандармскаго управленія. 31 мая 1896 г. № 977, г. Владимиръ. Его прево-ству С. Э. Зволянскому.

Конфиденціально.

Ваше превосходительство,
милостивый государь,
Сергѣй Эрастовичъ.

Въ городѣ циркулируютъ слухи, что между г-жою Терениной (жена губернатора) и вице-губернаторомъ княземъ У. вышло довольно крупное столкновеніе по поводу того, что г-жа Т. задалась цѣлью присоединить домъ трудолюбія, гдѣ предсѣдательствуетъ кн. У., къ учрежденному ею обществу временной помощи жителямъ Владимирской губерніи (прежде назывался Муравейникъ), гдѣ предсѣдательница — она. Общество недолюбливаетъ обоихъ предсѣдателей, но, выбирая меньшее изъ двухъ золъ, многіе присоединились къ мнѣнію г-жи Терениной, желая тѣмъ оставить князя У. за флагомъ. Князь У. около двухъ лѣтъ какъ живетъ во Владимирѣ, но не заслужилъ расположенія общества и не пользуется любовью, въ особенности чиновный людъ не долюбливаетъ его за самомнѣніе, рѣзкость въ обращеніи, увѣренность въ своей непогрѣшимости, властолюбіе, отсутствіе извѣстной выдержки и неумѣніе оріентироваться въ провинціальной средѣ. Благодаря совершенному незнанію провинціи и мѣстныхъ условій, а главное, въ своей самоувѣренности, кн. У. попадаетъ впросакъ. На-дняхъ губернаторъ передавалъ мнѣ, что кн. У. осуждаетъ, что во Владимирскую губернію вытребованы 2 батальона пѣхоты и 2 сотни казаковъ,

говоритъ, что это совершенно излишнее и что въ данномъ случаѣ губернаторъ дѣйствовалъ по моему совѣту и настоянію. Я напомнилъ губернатору случай, когда кн. У. не рѣшился ѣхать на стачку въ Горки безъ войскъ, требуя ихъ немедленной отправки туда; я тогда же говорилъ его превосходительству, что въ Горкахъ рабочіе — народъ тихій, деревенскій и нужды никакой въ войскахъ тамъ не можетъ быть. Губернаторъ, однако, не нашелъ удобнымъ отмѣнить сдѣланное имъ уже распоряженіе о посылкѣ войскъ, но вышло по-моему, и какъ впослѣдствіи оказалось, надобности въ войскахъ никакой не было. Какъ разрѣшится вопросъ о присоединеніи и осуществится ли оно, а равно, кто будетъ выбранъ предсѣдателемъ соединеннаго учрежденія, пока нельзя сказать навѣрное. Я полагаю, однако, что за г-жою Терениной останется перевѣсъ, тѣмъ болѣе, что есть слухъ, будто бы кн. У. отказывается быть предсѣдателемъ въ домѣ трудолюбія. Считаю долгомъ доложить объ этомъ вашему превосходительству, такъ какъ носятся слухи, что объ этомъ явленіи изъ провинціальной жизни готовится къ напечатанію статья.

Имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Вороновъ.*

Борьба потентатовъ, однако, этимъ не кончилась. На сцену выступаетъ первенствующее сословіе. Реляціи наблюдательной инстанціи дѣлаются еще болѣе пространными. Собираются всѣ слухи и толки. Матеріалъ берется въ обоихъ враждующихъ лагеряхъ. О всѣхъ дѣйствіяхъ и мнѣніяхъ обоихъ сторонъ детально информируется учрежденіе у Цѣпного моста. Въ этой информаціи, видимо, участвуютъ *даже* нѣкоторые члены первенствующаго сословія, диктующіе информатору нужныя свѣдѣнія. Въ другомъ лагерѣ также оказываютъ вниманіе руководителю вѣдомственной информаціи и поставляютъ его въ извѣстность о всѣхъ эпизодахъ и перепетіяхъ.

Начальникъ владимирскаго губернскаго жандармскаго управленія 17 декабря 1896 г. № 2832. Губ. гор. Владимиръ.

Конфиденціально.

Въ виду циркуляра Департамента полиціи за № 8720, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о слѣдующемъ выдающемся событіи, имѣющемъ существенное значеніе въ мѣстной жизни общества и уже породившемъ массу разговоровъ и толковъ: 12 декабря на губернское земское собраніе въ г. Владимирѣ съѣхались дворяне-гласные и депутаты, и въ томъ числѣ 13 уѣздныхъ предводителей дворянства. Послѣ молитвы было открыто земское собраніе, а вечеромъ состоялся обѣдъ, на которомъ присутствовалъ г. губернаторъ. На третій день губернаторъ Теренинъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ нѣкоторыхъ дворянъ и гг. предводителей, но при этомъ одному изъ нихъ, а именно предводителю г. Неронову, приглашеніе не было будто бы послано одновременно съ другими и послѣдовало лишь тогда, когда губернаторъ освѣдомился, что гг. предводители предполагаютъ не явиться на обѣдъ, ежели не будетъ приглашенъ Нероновъ. При этомъ

приглашеніе Неронова было сдѣлано не въ особенно любезной формѣ, а именно, была послана визитная карточка, на которой было написано: «Проситъ пожаловать откушать», безъ обозначенія имени и отчества, а на конвертѣ: «Его высокоблагородію» (онъ статскій совѣтникъ). Въ виду поздняго приглашенія, почти на сутки, Нероновъ на обѣдъ не явился. Подробности, которыми сопровождались всѣ эти обстоятельства, трудно провѣрить, но циркулируютъ такіе слухи: за обѣдомъ г-жа Теренина (жена губернатора) въ разговорѣ съ своимъ сосѣдомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства Леонтьевымъ (при чемъ по другую сторону хозяйки сидѣлъ пріѣзжій начальникъ дивизіи ген. Мевесъ) весьма рѣзко отзывалась о Нероновѣ и тутъ же задѣвала другихъ предводителей и нѣкоторыхъ дворянъ. Утверждаютъ, что будто бы она сказала такую фразу: «Держу пари, что ежели бы Нероновъ не былъ приглашенъ, то всѣ предводители все-таки явились бы, такъ какъ они нуждаются безусловно въ губернаторѣ, и, наконецъ, если бы не вошли съ параднаго входа, то нашли бы другой входъ. Леонтьевъ, говорятъ, возражалъ весьма сдержанно, тѣмъ не менѣе г-жа Теренина не унималась и настолько возвышала голосъ, что всѣ присутствующіе обратили на это вниманіе. Нужно сказать къ слову, что г-жа Теренина любитъ вмѣшиваться въ служебныя дѣла супруга, который, находясь подъ ея вліяніемъ, часто поступаетъ по ея указанію, но къ этому обстоятельству я не замедлю представить нѣкоторыя данныя и свѣдѣнія. Въ настоящій моментъ продолжаю прерванное донесеніе. Предводители дворянства, узнавъ о такомъ поведеніи г-жи Терениной за обѣдомъ, возмутились донельзя и, посовѣтовавшись между собой, постановили сдѣлать губернатору заявленіе въ слѣдующей, приблизительно, формѣ: «Ваше Превосходительство! Наши товарищи, предводители дворянства, единогласно поручили намъ передать вамъ, что приглашеніе ваше къ себѣ кого-либо изъ насъ, иначе какъ по службѣ, не можетъ болѣе имѣть мѣста, такъ какъ происшедшія обстоятельства лишаютъ насъ возможности ихъ принимать». Для прочтенія этого меморандума губернскій предводитель дворянства и 5 избранныхъ уѣздныхъ предводителей отправились 15 декабря утромъ къ губернатору. Леонтьевъ объяснилъ цѣль своего пріѣзда, прочиталъ заявленіе. Губернаторъ пригласилъ ихъ сѣсть, проситъ дать ему прочитанное заявленіе, но губернскій предводитель дворянства отказалъ, заявивъ, что дать его не можетъ. Тогда губернаторъ просилъ прочитать второй разъ, что г. Леонтьевъ и исполнилъ, послѣ чего предводители, почтительно раскланявшись, вышли изъ кабинета. При этомъ присовокупляю, что о причинѣ, давшей поводъ губернатору обойти Неронова приглашеніемъ, сказать что-либо положительное трудно, кроется она, вѣроятно, въ давнишнихъ неудовольствіяхъ, но разобраться въ росказняхъ по этому поводу представляется затруднительнымъ.

Когда я вчера вечеромъ кончалъ этотъ докладъ къ вашему превосходительству, то неожиданно былъ приглашенъ къ губернатору. Ранѣе этого я находилъ не совсѣмъ удобнымъ къ нему ѣхать безъ приглашенія. Въ бесѣдѣ со мной губернаторъ передалъ мнѣ, что 15 дек. утромъ къ нему прибылъ губернскій предводитель и съ нимъ 5 уѣздныхъ. Леонтьевъ передалъ ему, что они прибыли съ цѣлью заявить, что всѣ предводители считаютъ себя обиженными позднимъ приглашеніемъ на обѣдъ ихъ товарища Неронова, ника-

кихъ другихъ заявленій Леонтьевъ не дѣлалъ и не читалъ, а равно не было передано о томъ, что предводители на будущее время прекращаютъ всякія частныя сношенія съ нимъ. Затѣмъ губернаторъ сказалъ мнѣ, что дурныя отношенія его къ Неронову были вызваны тѣмъ, что Нероновъ позволялъ себѣ нерачительно относиться къ дѣлу и даже былъ непочтителенъ къ его особѣ, почему онъ съ умысломъ и не послалъ приглашеніе Неронову на обѣдъ; поддался лишь на убѣдительную просьбу Леонтьева, который обѣщалъ привести Неронова для объясненія и даже для извиненія. Губернаторъ положительно недоумѣваетъ, почему Леонтьевъ сдѣлался такимъ рьянымъ защитникомъ Неронова, такъ какъ прежде онъ не особенно симпатично относился къ Неронову. Губернаторъ прочиталъ мнѣ свое донесеніе г. министру по этому обстоятельству. Рѣзкое разнорѣчіе, которое замѣчается въ словахъ губернатора о цѣли прибытія къ нему предводителей съ тѣмъ, что я слышалъ отъ очевидцевъ, ставитъ меня въ недоумѣніе. Изложенныя мною въ началѣ донесенія свѣдѣнія почерпнуты изъ разсказовъ лицъ, бывшихъ участниками и очевидцами этого дѣла, при чемъ заявленіе губернатору о прекращеніи съ нимъ частныхъ сношеній продиктованы мнѣ дословно обоими изъ нихъ. Относительно Неронова я долженъ доложить, что я его знаю около 10 лѣтъ въ то еще время, когда онъ не служилъ, а занимался адвокатурой; онъ человѣкъ безспорно умный, ловкій, хитрый, обольщенный своею особой; особымъ уваженіемъ со стороны общества онъ не пользуется. Представляя вашему прево-ству данныя по этому обстоятельству, добытыя путемъ личныхъ разговоровъ съ лицами-очевидцами и затѣмъ разговора моего съ губернаторомъ, рѣзко различающагося съ тѣми сообщеніями, которыя почерпнуты отъ вышеуказанныхъ лицъ, я рѣшаюсь высказать нѣкоторыя мысли свои по поводу этого инцидента: весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за жены, которая будто бы вела себя съ гостями-дворянами рѣзко, но изъ обстоятельствъ не видно: во-1-хъ, извѣстно ли было объ этомъ супругу и, во-2-хъ, существуетъ ли солидарность взгляда и мнѣнія и ея мужа. Ясно только одно, что на другой день обѣда было совѣщаніе, на которомъ рѣшено было въ частныя сношенія не входить съ мужемъ. Это было сдѣлано сгоряча и легкомысленно.

Такъ повѣствовалъ о «загорѣвшемся сыръ-борѣ» служебный рапортъ. Въ немъ все стильно, колоритно, характерно для «добраго стараго времени». Неподражаемо и заключеніе генерала обо всемъ «сыръборѣ». Осталось только, къ сожалѣнію, безъ генеральской ремарки оцѣнка представителей первенствующаго сословія, сдѣланная супругой губернатора, что они явились бы «если не съ параднаго, такъ съ задняго крыльца».

Между тѣмъ событія развивались. Губернскій предводитель дворянства ѣздилъ въ Петербургъ и докладывалъ обо всемъ министру внутрен. дѣлъ. Объ этомъ упоминается въ послѣднемъ имѣющемся у меня рапортѣ.

«Его Прево-ству г. директору Департамента полиціи. Конфиденціально. До свѣдѣнія моего дошло, что губ. предводитель

дворянства Леонтьевъ по возвращенiи изъ Петербурга докладную свою записку, поданную г. министру внут. дѣлъ, по поводу недоразумѣнiй между нимъ и губернаторомъ, разсылаетъ не только ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, но и многимъ дворянамъ; такое оглашенiе нахожу не совсѣмъ удобнымъ, оно ведетъ къ подрыву власти. О чемъ имѣю честь донести вашему прево-ству для свѣдѣнiя».

На этомъ жандармское бытописанiе обрывается. Извѣстно, что губернаторъ Теренинъ вскорѣ послѣ этого вышелъ въ отставку.

Какой же любопытный матерiалъ для бытописателя обрѣтается въ учрежденiи у Цѣпного моста, собранный трудами чиновъ наблюдательнаго вѣдомства.

Н. Iорданскiй.

Московскій университетъ въ 1894 г.

(По поводу воспоминаній проф. Боголѣпова.)

Въ 1894 году въ Московскомъ университетѣ произошли студенческія волненія, столь обычныя для жизни русскихъ университетовъ и въ старое и въ новое время. Часть московской профессуры не осталась безучастной къ судьбѣ пострадавшихъ студентовъ, и въ результатѣ была направлена московскому генералъ-губернатору великому князю Сергѣю Александровичу извѣстная петиція за подписью 42 профессоровъ. Профессора, «какъ наставники учащейся молодежи», признавали «своимъ долгомъ» явиться «заступниками» студентовъ, особенно въ тотъ моментъ, когда они подверглись «карѣ, превышающей ихъ вину». Въ петиціи указывалось, что высылка полиціей болѣе 40 чел. изъ Москвы на три года и лишеніе ихъ такимъ образомъ возможности окончить университетскій курсъ является наказаніемъ несоразмѣрно тяжелымъ. Мотивами выставлялось то, что многіе изъ высланныхъ успокаивали волненія студентовъ, что среди нихъ многіе подавали большія надежды своими успѣшными занятіями, что высылкѣ подверглись участники землячествъ, между тѣмъ какъ они могли считать «это общество (т.-е. землячество) негласно разрѣшеннымъ» (какъ университетскими, такъ и полицейскими властями). Съ другой стороны, профессора указывали, что высланные студенты подлежали, во всякомъ случаѣ, университетскому суду, а не полицейской карѣ. Вмѣшательство полиціи въ чисто университетскія дѣла вызываетъ еще большее волненіе среди студентовъ. Посему подписавшіе петицію ходатайствовали передъ генералъ-губернаторомъ о возвращеніи высланныхъ, не обвиняющихся въ «какихъ-либо политическихъ преступленіяхъ», о невмѣшательствѣ полиціи въ университетскія дѣла. И наконецъ, петиціонеры указывали «на не вполнѣ цѣлесообразную постановку вопроса» объ унииверстетскомъ судѣ вообще: «Судъ,—говорили они,—вездѣ выдѣленъ изъ сферы административныхъ властей, лишь въ университетахъ это не имѣетъ мѣста»: судъ производится административнымъ органомъ—правленіемъ, которое къ тому же дѣйствуетъ «безапелляціонно». Петиція эта вызывала замѣчанія со стороны попечителя учебнаго округа гр. Капниста, обрушившагося на записку профессоровъ за то главнымъ образомъ,

что профессора какъ бы потворствуютъ зловредной студенческой организаціи, именуемой «союзнымъ совѣтомъ», и позволяютъ себѣ «непозволительную инсинуацію», утверждая, что студенты могли считать студенческія сообщества, какъ бы существующія съ негласнаго вѣдома университетскихъ властей. «Замѣчанія» попечителя вызвали съ своей стороны официальный отвѣтъ девяти изъ подписавшихся подъ петиціей профессоровъ и дальнѣйшую переписку, о которой мы скажемъ ниже... Ходатайство 42 раскололо московскую профессуру на два враждебныхъ лагеря. Объ этомъ расколѣ повѣствуютъ напечатанныя въ возобновившемся «Русскомъ Архивѣ» (№ 1, 1913 г.) воспоминанія бывшаго тогда профессоромъ Н. П. Боголѣпова, впослѣдствіи попечителя округа и министра народнаго просвѣщенія. Воспоминанія чрезвычайно любопытны для характеристики угла зрѣнія реакціонной среды московской профессуры, тѣхъ интригъ и закулисныхъ обстоятельствъ, которыя заполняли описываемую «страницу изъ жизни Московскаго университета». Они интересны, конечно, и для самого Боголѣпова. Нѣкоторымъ изъ читателей этихъ записокъ показалось, что авторъ ихъ рисуется «прямодушнымъ, искреннимъ». Но странное дѣло, что человѣкъ искренній рѣшительно всѣхъ своихъ противниковъ заподозриваетъ въ интригантствѣ, обманѣ и лицемѣріи. Онъ ловитъ каждый слухъ, каждую сплетню, напр., что «39 изъ 42 подписавшихся попали въ ловушку, устроенную интриганами», чтобы обвинить своихъ товарищей въ «лицемѣріи». Для него все это какіе-то злокозненные «агитаторы», подъ шумокъ устраивающіе свои личныя дѣла и думающіе «принять вѣнецъ мученика за дѣло молодежи въ расчетѣ, что это создастъ... популярность». Онъ снабжаетъ злыми и нелестными эпитетами наиболѣе выдающихся профессоровъ Московскаго университета, извѣстныхъ своей искренностью, правдивостью и благородствомъ. Ему ненавистны Ѳ. Ѳ. Эрисманъ и А. И. Чупровъ, которыхъ онъ обвиняетъ и въ «наглости», и въ «недомысліи», и въ трусости, и—въ чемъ угодно. Впрочемъ, не только къ однимъ либеральнымъ профессорамъ относится Боголѣповъ съ сомнѣніемъ. Такое же сомнѣніе вызываетъ у него и попечитель округа гр. Капнистъ — сомнѣніе вызываютъ вообще всѣ тѣ, кого не любитъ авторъ воспоминаній. Боголѣповъ подчеркиваетъ слухъ, сообщенный ему Некрасовымъ и Звѣревымъ, что «вся исторія съ петиціей затѣяна самимъ Капнистомъ». Зачѣмъ? Это не выясняется. Но предположеніе основывается на томъ, что гр. Капнистъ заходилъ къ нѣкоторымъ профессорамъ, подписавшимъ петицію, что среди этихъ подписавшихся были лица, «близкія» ему. Можетъ-быть, гр. Капнистъ и былъ столь двуличнымъ, какъ его изображаетъ Боголѣповъ, т.-е. затѣялъ дѣло, которое потомъ осуждалъ. Мы думаемъ, что дѣло было по другому, что растерявшійся во время разыгравшихся студенческихъ волненій попечитель, очень непопулярный въ студенческой средѣ, гр. Капнистъ, пытался прибѣгнуть ко всѣмъ мѣрамъ: обращался къ полиціи, обращался къ Боголѣпову и К°, обращался и въ лагерь профессоровъ прогрессивныхъ. Это подтверждается и «замѣчаніями», представленными по начальству гр. Капнистомъ на петицію 42 профессоровъ (напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» въ прибавленіяхъ къ воспоминаніямъ Боголѣпова), и въ запискѣ 9 профессоровъ на «замѣчанія» попечителя (напечатано тамъ же). А главное подтверждается документомъ, о которомъ не зналъ Боголѣповъ и который не приведенъ въ «Русскомъ Архивѣ» — частнымъ письмомъ Капниста одному изъ девяти профес-

соровъ, заявившихъ въ офиціальной письменной формѣ «протестъ противъ тѣхъ обвиненій», которыя содержались въ «замѣчаніяхъ» попечителя округа:

«Ознакомившись съ подлиннымъ текстомъ помянутаго прошенія послѣ уже его подачи, — писалъ гр. Капнистъ, — и давая, по желанію г. мин. нар. пр., мое заключеніе о семъ ходатайствѣ, мнѣ, очевидно, предстояло разобрать не намѣренія лицъ, подписавшихъ прошеніе, а точное содержаніе его, какъ оно находилось передо мною. Исполняя эту обязанность, мнѣ представлялись особенно важными 2 стороны дѣла: во-первыхъ, то впечатлѣніе, которое прошеніе—въ томъ видѣ какъ оно было написано и подано—могло оказать на студентовъ и, во-вторыхъ, то положеніе, которое создавалось между университетскими властями и учрежденіями подачею прошенія; затѣмъ вопросъ объ образѣ дѣйствій составителей петиціи по отношенію ко мнѣ или къ другимъ лицамъ, какъ бы онъ ни огорчалъ меня, отступалъ само собою, разумѣется, на второй планъ.

Что касается до впечатлѣнія, которое содержаніе прошенія производило на студентовъ, то значеніе его усиливалось уже тѣмъ, что подлинный текстъ его сталъ извѣстенъ студентамъ съ поразительной быстротой, въ чемъ я убѣдился изъ того, что мнѣ попали въ руки 2 гектографическихъ экземпляра прошенія, вращавшихся въ студенческихъ кружкахъ, прежде чѣмъ успѣли снять съ прошенія копію для представленія г. мин. Въ виду этого, я долженъ былъ, при разборѣ содержанія и формы прошенія, обратить особое вниманіе на то, какъ оно могло и неизбѣжно должно быть понято молодежью, достояніемъ коей оно стало. Съ этой точки зрѣнія поэтому и была составлена часть замѣчаній, вызвавшихъ въ настоящее время ваше письмо.

Относительно же положенія, созданнаго университетскими властями, мнѣ не представлялось никакого сомнѣнія въ томъ, что изъ крайне тяжелаго, какимъ оно по весьма сложнымъ причинамъ является всегда, оно стало совершенно невыносимымъ, благодаря тому осужденію, которому эти власти подвергались со стороны весьма значительнаго числа авторитетныхъ профессоровъ, доказывавшихъ *въ самый разгаръ волненія умовъ* некомпетентность и непригодность дѣйствующихъ учрежденій и двуличіе и неискренность властей (что я смѣю утверждать—не вѣрно), въ дѣлѣ управленія студентами. Такое положеніе дѣла, созданное заявленіемъ гг. профессоровъ, отнимало у начальства университета въ отношеніяхъ его къ студентамъ всякую почву изъ-подъ ногъ и парализовало возможность дѣйствовать сколько-нибудь вѣроятными шансами на успѣхъ. Это не могъ не сознавать всякій, стоявшій близко къ университетскимъ дѣламъ, и такъ отнеслись къ дѣлу ближайшія университетскія власти: ректоръ и его помощникъ, которые устранили при этомъ всякіе вопросы о своей личности, а имѣли въ виду исключительно положеніе органовъ университета, какъ учрежденій.

Очевидно поэтому, что и эта сторона дѣла должна была подлежать разбору въ томъ заключеніи, которое я представлялъ министерству, которому я обязанъ высказывать мои взгляды во всей полнотѣ, ничего не утаивая. Затѣмъ заключенія мои вытекали, по крайнему моему разумѣнію, непосредственно изъ самаго текста прошенія, редакція и содержаніе коего ни въ какой мѣрѣ отъ меня не зависѣли и представляли собою выводы изъ документа, который находится передъ моими глазами.

Что же касается до намѣреній и цѣлей, которыя имѣлись въ виду при подачѣ его высочеству прошенія, то я никогда не сомнѣвался въ томъ, что громадное большинство подписавшихъ его дѣйствовало на основаніи самыхъ добрыхъ побужденій, побужденій, которымъ и я вполнѣ сочувствую, что я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать въ настоящемъ письмѣ.

Въ заключеніе имѣю честь присовокупить, что согласно съ желаніемъ, выраженнымъ въ письмѣ, я ознакомилъ съ подлиннымъ его содержаніемъ г. мин. нар. пр.».

Въ сущности то же подтвердится и болѣе раннимъ донесеніемъ гр. Капниста министру народнаго просвѣщенія (7 декабря за № 1675)—о немъ будетъ сказано ниже. Конечно, наиболѣе компетентны въ сужденіяхъ о закулисной сторонѣ дѣла въ эпоху описываемыхъ событій именно тѣ, кто въ нихъ такъ или иначе участвовалъ. Въ боголѣповскихъ воспоминаніяхъ мы находимъ упоминанія о цѣломъ рядѣ нынѣ здравствующихъ лицъ. Редакція «Русскаго Архива» сочла нужнымъ только нѣкоторыхъ скрыть подъ иниціалами. Правда, о нихъ легко догадаться, такъ какъ въ другихъ мѣ-

стахъ ихъ фамиліи упоминаются en toutes lettres. Не названо лишь лицо, которое въ воспоминаніяхъ Боголѣпова является главной дѣйствующей пружиной въ либеральномъ заговорѣ 1894 года и которое нынѣ уже не въ либеральномъ лагерѣ. Конечно, для редакціи пріемъ названія однихъ и скрыванія другихъ нѣсколько страненъ, тѣмъ болѣе, что всѣ несомнѣнно прогрессивные профессора названы. Вѣроятно, участники событій 1894 г. подѣлятся съ читающей публикой своими воспоминаніями по связи съ записками Боголѣпова. Въ «Голосѣ Минувшаго», между прочимъ, будутъ напечатаны по поводу этого воспоминанія Кл. Арк. Тимирязева, одного изъ наиболѣе видныхъ московскихъ профессоровъ того времени, всегда державшагося наиболѣе опредѣленной позиціи безъ уклоненій въ ту или другую сторону. Но въ личномъ нашемъ распоряженіи имѣются нѣкоторые документы, вскрывающіе любопытныя подробности, которыя не могли быть извѣстными дѣятелямъ 1894 г. и которыя вносятъ существенныя поправки къ изложенію проф. Боголѣпова. На основаніи этихъ документовъ мы и пополнимъ изложеніе событій 1894 г., тѣмъ болѣе, что для историковъ русскаго просвѣщенія и русской общественности эти документы, быть-можетъ, будутъ и небезполезны. И прежде всего эти документы показываютъ, что Боголѣповъ, когда говоритъ о себѣ, не всегда точенъ, слѣдовательно, и не совсѣмъ «прямодушенъ» въ своихъ записяхъ. По его словамъ выходитъ, что онъ бросилъ ректорство какъ бы изъ-за Капниста. «Какъ тонко моя милая Катя (жена Боголѣпова),—записывалъ авторъ 14 декабря,—понимала Капниста, когда еще два года тому назадъ уговаривала меня бросить ректорство, потому что подозрѣвала, что Капнистъ предастъ меня». Между тѣмъ несомнѣнно, что Боголѣповъ оставилъ ректорство подъ напоромъ обстоятельствъ—назрѣвавшихъ конфликтовъ внутри университета, ненависти, которую онъ возбуждалъ среди студенчества. За «два года» передъ тѣмъ каждую минуту готовы были вспыхнуть безпорядки въ университетѣ изъ-за поведенія Боголѣпова, и только охлаждающая дѣятельность союзнаго совѣта землячествъ вносила нѣкоторое успокоеніе въ тревожную атмосферу университетской и студенческой жизни. Передъ нами цѣлый рядъ писемъ, полученныхъ Боголѣповымъ въ качествѣ ректора въ 1891 и 1892 гг. «Есть предѣлъ всякому терпѣнію,—гласитъ одно изъ нихъ.—Студенчество еще не окончательно задавлено. Если будете продолжать дѣйствовать, какъ рьяный государственный чиновникъ, то берегитесь! Наступитъ часъ».—«Трудно предположить,—говорится въ другомъ,—что вы забыли исторію съ Брызгаловымъ! Если вы будете продолжать и впредь держаться той же политики въ управленіи университетомъ, какой вы держитесь теперь, то смѣю увѣрить, васъ постигнетъ въ недалекомъ будущемъ та же участь, что и Брызгалова. Еще терпѣть отъ васъ многіе студенты не намѣрены, а многіе не въ силахъ». И чѣмъ дальше, тѣмъ угрозы становятся конкретнѣе: «Я долженъ сообщить вамъ крайне печальную вещь,—пишетъ одинъ изъ слушателей (изъ доброжелателей),—нѣсколько студентовъ рѣшилось устроить вамъ скандалъ и такимъ образомъ васъ опозорить. По слухамъ, привести намѣреніе въ исполненіе они желаютъ на студенческомъ концертѣ» (писано 27 ноября 1892 г.). Ноября 30 юристъ I курса предупреждаетъ: «Намъ удалось предупредить... Сдѣлать удалось потому, что намѣреніе вовсе не держалось втайнѣ. Теперь обстоятельства перемѣнились... Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сообщить о настоящемъ положеніи дѣлъ, такъ какъ аги-

тація ведется очень осторожно. Не мѣшало бы швейцарамъ и педелямъ установить болѣе строгій контроль надъ посѣтителями вашихъ лекцій»... Вотъ настроенія, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ былъ Боголѣповъ оставить ректорскій постъ. Любопытно, что къ его отставкѣ по-разному отнеслись профессора и студенчество. Профессора въ письмѣ, подписанномъ цѣлымъ рядомъ лицъ, которыхъ впослѣдствіи Боголѣповъ иначе не называлъ какъ «агитаторами» [1]), выражали «горячее сочувствіе» его дѣятельности и единодушно просили «не покидать труднаго и отвѣтственнаго поста въ интересахъ дорогого... университета». Въ адресѣ, подписанномъ медицинскимъ факультетомъ («въ полномъ составѣ») признавалась «неоцѣненная заслуга (Боголѣпова) въ проведеніи новаго устава въ жизнь университета при очень трудныхъ обстоятельствахъ», его строгая принципіальность, согласная «съ лучшими началами и преданіями Московскаго университета». Эти адреса встрѣтили очень рѣзкую оцѣнку со стороны союзнаго совѣта 22 землячествъ, гдѣ пророчески предсказывалось, что «начальство со временемъ оцѣнитъ» заслуги Боголѣпова какъ ректора. И уже 28 декабря 1894 г. Боголѣповъ въ своемъ дневникѣ записалъ: «Московскій слухъ, будто гр. Капнистъ увольняется и на его мѣсто назначаютъ меня. Конечно, это московскій вымыселъ...»

Настроеніе въ университетѣ было тяжелое. Какъ характерно, напр., такое письмо (еще въ ректорство Боголѣпова) къ одному изъ представителей университетской администраціи отъ «студенческаго кружка»: «Такъ какъ слишкомъ суровыя мѣры университетскаго начальства и безцеремонный произволъ полиціи настолько вызывающи, что уже и теперь разгорѣвшееся негодованіе едва сдерживается, а если продолжится далѣе такое положеніе вещей, нетрудно предугадать трагическій его исходъ, что въ настоящее время было бы для насъ очень печально, мы убѣдительно просимъ васъ... сколь возможно, употребить свое вліяніе на прочее университетское начальство...» Надо сказать, что союзный совѣтъ, стоявшій во главѣ организованныхъ студенческихъ землячествъ, согласно директивамъ второго съѣзда университетскихъ делегатовъ, который «принципіально и категорически» высказался противъ безпорядковъ, усиленно охранялъ спокойствіе университетской жизни, пытаясь «отстаивать права студенчества, не прибѣгая къ насильственнымъ дѣйствіямъ». Онъ избѣгалъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми мѣрами «политики». Мнѣ кажется, что факты и документы, приведенные мною изъ архива союзнаго совѣта въ книжкѣ «Студенческія организаціи 80—90 гг. въ Московскомъ университетѣ» (изд. 1908 г.) не оставляютъ въ этомъ никакихъ сомнѣній. На это надо обратить вниманіе, такъ какъ университетская исторія въ ноябрѣ и декабрѣ 1894 г. поставила ребромъ въ университетскомъ совѣтѣ вопросъ о существованіи студенческихъ организацій, которыя явились главнымъ камнемъ преткновенія, какъ видно изъ напечатанныхъ воспоминаній проф. Боголѣпова.

[1]) Любопытно, что въ началѣ своей ректорской карьеры Боголѣповъ самъ былъ среди либераловъ—«агитаторовъ», какъ показываютъ между прочимъ его письма къ В. А. Гольцеву, сообщенныя мнѣ Н. Л. Бродскимъ. Вмѣстѣ съ Гольцевымъ Боголѣповъ устраиваетъ либеральную вечеринку у себя на квартирѣ 12 января 1885 г. (онъ пишетъ Гольцеву, что она не можетъ состояться). Въ 1885 г. Боголѣповъ и противникъ новаго университетскаго устава, столь ярымъ сторонникомъ котораго онъ выступаетъ уже черезъ 10 лѣтъ въ цитируемомъ дневникѣ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ В. А. Гольцеву (23 апрѣля) онъ пишетъ: «Занятъ расхлебываніемъ каши, которую заварилъ новый уставъ».

Осень 1894 года была особенно тревожна: новое царствованіе, новыя чаянія и надежды, окрылившія все общество. Оживилось и студенчество. Новое царствованіе «наводило на мысль о возможности перемѣнъ въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія и въ частности давно назрѣвшей потребности въ замѣнѣ дѣйствующаго университетскаго устава новымъ, который давалъ бы болѣе простора какъ научному, такъ и общественному развитію учащейся молодежи», гласило одно изъ позднѣйшихъ объяснительныхъ сообщеній союзнаго совѣта. Имѣя образцомъ проектъ петиціи на Высочайшее имя, составленный студентами Петербургскаго университета [1]), организованное московское студенчество, въ свою очередь, приступило къ выработкѣ основныхъ началъ петиціи.

Для этого были запрошены мнѣнія представителей отдѣльныхъ землячествъ. Проф. Боголѣповъ имѣлъ въ рукахъ полученую изъ министерства копію съ протокола засѣданія союзнаго совѣта и въ своихъ запискахъ приводитъ отдѣльныя наиболѣе «характерныя» мнѣнія. Онъ подчеркиваетъ тѣ мнѣнія, которыя говорятъ о необходимости выставленія политическихъ требованій и забываетъ записать самое дѣйствительно характерное въ то время для руководящаго организованнымъ студенчествомъ органа — союзнаго совѣта; имъ съ самаго начала было выдвинуто два положенія: 1) заявленія о студенческихъ нуждахъ должно быть сдѣлано посредствомъ петиціи на Высочайшее имя, и 2) петиція не должна касаться вопросовъ общегосударственнаго характера, а имѣть въ

---

[1]) *Основныя начала проекта петиціи на Высочайшее имя студентовъ С.-Петербургскаго университети.*

I. *Возвращеніе* автономіи совѣту университета по вопросамъ ученой, учебной и административной дѣятельности университета. Ограниченіе компетенціи министра и попечителя контролированіемъ хозяйственной дѣятельности правленія въ предѣлахъ устава 1884 г. и наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы постановленія университетскихъ учрежденій не противорѣчили инструкціямъ министерства и общимъ постановленіямъ Свода.

II. *Избираемостъ* ректора изъ всѣхъ членовъ совѣта и ограниченіе компетенціи его наблюденіемъ за строгимъ исполненіемъ постановленій совѣта и правленія и сношеніями съ попечителемъ и министромъ по хозяйственнымъ нуждамъ университета.

III. *Избираемостъ* декановъ изъ числа всѣхъ профессоровъ факультета; предоставленіе факультету права замѣщать и учреждать съ разрѣшенія совѣта каѳедры и безъ разрѣшенія его приглашать приватъ-доцентовъ.

IV. *Замѣна назначаемаго* попечителемъ инспектора проректоромъ, избираемымъ совѣтомъ изъ числа профессоровъ. Подчиненіе проректора ректору и совѣту. Утвержденіе всѣхъ инструкцій, регулирующихъ дѣятельность инспекціи, предоставляется совѣту.

V. *Изъятіе изъ компетенціи* правленія производства слѣдствія и наложенія взысканія на студентовъ и предоставленіе этой функціи 3-мъ, избираемымъ на одинъ годъ совѣтомъ, профессорамъ. Судоговореніе производится гласно съ участіемъ присяжныхъ изъ студентовъ при разборѣ дѣлъ о проступкахъ, влекущихъ увольненіе или исключеніе изъ университета. Обвиняемому предоставляется право имѣть защитника изъ товарищей.

VI. *Свобода преподаванія*, выражающаяся въ правѣ преподавателя читать лекціи по всѣмъ предметамъ факультета, придерживаясь собственной программы. Вопросъ о т. н. вредности направленій лекцій возбуждается попечителемъ и министромъ и окончательно рѣшается закрытой баллотировкой совѣта.

VII. *Свобода слушанія*, выражающаяся въ правѣ учащихся самостоятельно избирать программу занятій, не руководясь учебными планами, обязательными для желающихъ экзаменоваться въ факультетѣ.

VIII. *Экзаменъ производится* только факультетомъ, согласно выработаннымъ въ совѣтѣ учебнымъ планомъ, и раздѣляется на 4 части, которыя выдерживаются вмѣстѣ или отдѣльно, смотря по желанію учащагося. Нежелающіе под-

виду лишь постановку высшаго образованія [1]). Въ духѣ этихъ пожеланій и была выработана петиція. Какъ всегда, дѣло осложнилось вмѣшательствомъ полицейскихъ властей, уже давно хорошо освѣдомленныхъ о дѣятельности и составѣ Союзнаго Совѣта. Началось съ небольшого инцидента — «дѣла о разорваніи въ одномъ изъ помѣщеній университета нѣкоторыхъ листовъ, по коимъ производилась подписка на вѣнокъ на гробъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора». Мы возьмемъ изложеніе этого «дѣла» изъ конфиденціальнаго письма попечителя округа и. д. московскаго оберъ-полиціймейстера (№ 1547). Вслѣдствіе «просьбы многихъ студентовъ» попечителемъ была разрѣшена по курсамъ подписка на вѣнокъ «подъ наблюденіемъ чиновъ инспекціи». «Подписка—пишетъ попечитель—была безусловно добровольной, безъ всякаго давленія со стороны начальства». Подписка производилась одновременно «съ открытой нѣсколько раньше подпиской въ пользу недостаточныхъ студентовъ». 27 октября послѣ лекціи проф. Звѣрева «между студентами начался говоръ по поводу распространившагося... слуха о томъ, что предполагается присоединить къ суммѣ, которая выручается отъ подписки на вѣнокъ, еще половину суммы, какая была подписана «въ пользу недостаточныхъ студентовъ». Эти слухи вызвали горячіе споры, во время которыхъ у субъ-инспектора кто-то разорвалъ «нѣсколько полулистовъ подписки на вѣнокъ». Попечитель въ своемъ донесеніи констатировалъ, что это было «единичной выходкой» (кстати въ упомянутой выше моей брошюрѣ разсказывается другой инцидентъ, происшедшій на той же приблизительно почвѣ: одинъ изъ студентовъ разорвалъ пущенную другимъ студентомъ записку, предлагавшую не носить траура по императорѣ Александрѣ III.

вергаться экзаменамъ не получаютъ ученой степени и правъ, связанныхъ съ ея пріобрѣтеніемъ. Въ другихъ отношеніяхъ ихъ положеніе не измѣняется.

IX. *Въ студенты университета* принимаются, безъ всякаго ограниченія, лица обоего пола, всѣхъ національностей, вѣроисповѣданій и сословій, представившія аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости изъ любой гимназіи министерства народнаго просвѣщенія.

X. *Въ вольнослушатели* университета принимаются, безъ всякаго ограниченія, лица обоего пола, всѣхъ національностей, вѣроисповѣданій и сословій, представившія свидѣтельство объ окончаніи курса или о выдержаніи испытанія въ одномъ изъ всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній, а равно и учащіеся другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ города.

XI. *Отмѣна временной* мѣры, увеличившей полугодовой взносъ въ пользу университета съ 5 р. (по уставу 1884 г.) до 25 р., и предоставленіе правленію права по прошенію студента освобождать его отъ этой платы. Уменьшеніе гонорарной платы въ пользу профессоровъ до 50 к. за полугодовой часъ.

XII. *Предоставленіе* профессорамъ и студентамъ права устраивать публичныя лекціи, учреждать, съ разрѣшенія совѣта, ученыя, образовательныя, литературныя и другія общества. Проекты уставовъ этихъ обществъ разсматриваются и утверждаются совѣтомъ. Общества могутъ быть не разрѣшены или закрыты только въ случаѣ, если цѣли, ими преслѣдуемыя, заключаютъ въ себѣ признаки нарушеній общихъ постановленій Свода.

XIII. *Свобода корпоративной* организаціи студенчества, выражающаяся въ предоставленіи студентамъ права имѣть общественную собственность, какъ, напр., кассу, библіотеку, журналъ и т. п.; права устраивать собранія, создавать различныя организаціи, какъ, напр., для цѣлей благотворительности, самообразованія или товарищескаго суда; права ходатайствовать о своихъ нуждахъ подачей коллективныхъ петицій на имя ректора, совѣта, попечителя и министра.

[1]) Союзный совѣтъ, между прочимъ, категорически заявлялъ впослѣдствіи, что прокламація, призывавшая студентовъ подать петицію съ требованіемъ конституціи, была выпущена группой лицъ, непричастныхъ къ союзному совѣту.

Судебная комиссія союзнаго совѣта, какъ видно изъ ея рѣшенія, отнеслась съ большимъ безпристрастіемъ къ поступку означеннаго студента (стр. 35). Но на эти выходки въ связи съ разрабатываемой на Высочайшее имя студенческой петиціи обратило вниманіе охранное отдѣленіе. Въ донесеніи начальника охранной полиціи Бердяева—это единственный источникъ, откуда, какъ видно изъ записокъ, черпалъ проф. Боголѣповъ свои свѣдѣнія о студенческихъ организаціяхъ (стр. 52)—по этому поводу говорится:

«Союзный совѣтъ велъ себя благопристойно до осени нынѣшняго года, когда болѣзнь, а затѣмъ и кончина государя императора Александра III вызвала въ публикѣ всевозможные толки и предположенія. Со стороны неблагонадежнаго элемента, какъ либеральнаго, такъ и революціоннаго оттѣнка, началась оживленная агитація въ пользу конституціи и за подачу студентами петиціи; распространялись самые нелѣпые слухи, въ родѣ отмѣны охраны, производилась крайне тенденціозная критика минувшаго царствованія, и, въ концѣ концовъ, разговоры эти настолько взволновали и разожгли молодежь, что *студенты рвали въ стѣнахъ университета, на глазахъ начальства* (sic!), подписные листы на вѣнокъ усопшему государю императору, произнося при этомъ самыя возмутительныя рѣчи. А господами положенія оказались въ союзномъ совѣтѣ уже не умѣренные элементы, а представители крайняго направленія. Послѣдніе и ввели въ постановленія союзнаго совѣта слѣдующіе пункты, распубликованные въ прокламаціи отъ 26 октября, выпущенной хотя и отъ имени 39 объединенныхъ землячествъ, но въ составленіи которой принимали участіе лишь 21 депутатъ, такъ какъ представители умѣренныхъ слоевъ молодежи не явились на засѣданіе. 1) «Члены союза подъ угрозой немедленнаго исключенія изъ организаціи должны воздержаться отъ всѣхъ сочувственныхъ демонстрацій въ честь умершаго императора, собиранія на вѣнокъ, присутствованія на панихидахъ и т. п.» 2) «Они не должны подчиняться требованіямъ инспекціи о ношеніи траура».

Въ виду этого союзному совѣту было сдѣлано предостереженіе: члены его переписаны, но это не подѣйствовало, появилась новая прокламація, и агитація за петицію усилилась. Читатель, конечно, заинтересуется, какимъ образомъ охранное отдѣленіе сдѣлало предостереженіе нелегальному сообществу, именуемому союзному совѣту. Намъ пояснитъ сейчасъ это рапортъ инспектора студентовъ Давыдовскаго ректору университета:

Г-ну ректору Московскаго университета.

По распоряженію г. попечителя Московскаго учебнаго округа имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о слѣдующемъ: 27 сего октября въ 10 ч. вечера ко мнѣ на квартиру явился полицейскій офицеръ и сообщилъ, что г. моск. оберъ-полицмейстеръ приказалъ ему пригласить меня и 2 помощниковъ инспектора въ 1-й участокъ Арбатской части. Не зная цѣли приглашенія, такъ какъ посланный офицеръ не могъ дать мнѣ по этому поводу никакихъ свѣдѣній и, кромѣ того, имѣя на рукахъ срочную работу, я просилъ передать г. оберъ-полиц., что лично ѣхать не нахожу возможнымъ, что же касается до помощника инспектора, то могу немедленно командировать только одного, такъ какъ другой, живущій въ университетѣ,—Н. Я. Калиновскій—находился въ это время на засѣданіи въ комитетѣ о-ва вспоможенія нуждающимся студентамъ. Вслѣдъ затѣмъ я сдѣлалъ распоряженіе черезъ недѣлю вызвать ко мнѣ помощника инспектора И. Д. Смирнова, предполагая отправить его сейчасъ же вмѣстѣ съ полицейскимъ офицеромъ, но послѣдній дожидаться не согласился,

ссылаясь на необходимость немедленно явиться обратно съ докладомъ по данному ему порученію. Тотчасъ по отъѣздѣ полицейскаго офицера мнѣ припомнилось, что въ этотъ же день произошелъ въ университетѣ извѣстный уже вашему превосходительству безпорядокъ по подпискѣ на вѣнокъ ко гробу усопшаго государя императора. Естественно предполагая, что приглашеніе меня г. оберъ-полицмейстеромъ находится въ связи съ этимъ обстоятельствомъ, я измѣнилъ свое намѣреніе и, желая своимъ личнымъ участіемъ разъяснить подробности дѣла, рѣшилъ немедленно ѣхать съ помощникомъ инспектора, И. Д. Смирновымъ, о чемъ тотчасъ же далъ знать по телефону въ 1-й уч. Арб. ч. По пріѣздѣ на мѣсто мы были встрѣчены начальникомъ охраннаго отдѣленія полковникомъ Бердяевымъ, у котораго я поспѣшилъ освѣдомиться о цѣли нашего приглашенія. Полковникъ отвѣчалъ, что въ этотъ вечеръ назначено тайное засѣданіе «центральной кассы» для окончательнаго рѣшенія о томъ, подавать или не подавать петиціи Государю Императору; *что до сихъ поръ всѣ подобныя засѣданія были имъ, полковникомъ Бердяевымъ, терпимы, что онъ смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, почему же и не дать молодымъ людямъ позабавиться, но что теперь уже пора дать знать, что всѣ эти кассы и землячества хорошо извѣстны и разомъ всѣ ихъ прихлопнуть.* «Повѣрьте,—прибавилъ онъ,—если они увидятъ, что мы все хорошо знаемъ, они въ другой разъ ужъ не соберутся». Вполнѣ довѣряя полковнику, что онъ былъ очень хорошо освѣдомленъ на счетъ организаціи силъ и цѣлей подобныхъ сборищъ и потому съ полнымъ основаніемъ предполагая, что полиція можетъ справиться съ этимъ сборищемъ во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ инспекція, я считалъ необходимымъ попросить разъясненія у полковника Бердяева, какую же роль въ этомъ дѣлѣ должны были принять на себя члены инспекціи. Я съ своей стороны находилъ, что ни помощникъ инспектора Смирновъ ни я лично не можемъ быть полезными въ этомъ дѣлѣ прежде всего уже потому, что намъ въ лицо извѣстна весьма малая часть студентовъ, мнѣ по новизнѣ положенія, а С. какъ кассиру, имѣющему дѣло исключительно только со студентами стипендіатами. Слѣдовательно, при арестѣ членовъ этого собранія мы врядъ ли можемъ удостовѣрить личности каждаго изъ нихъ. Что же касается до того вліянія, которое мы могли бы оказать на студентовъ въ случаѣ ихъ упорства подчиниться какимъ-либо предъявленнымъ къ нимъ требованіямъ, то, съ одной стороны, нужно имѣть въ виду, что студенты внѣ стѣнъ университета, согласно высоч. утв. уст. унив., находятся въ вѣдѣніи полиціи, которая, слѣдовательно, и должна заставить ихъ подчиниться своимъ требованіямъ, а съ другой стороны, въ такомъ, по моему мнѣнію, важномъ дѣлѣ, каково настоящее, охранное отдѣленіе, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ своемъ распоряженіи средства для этой цѣли болѣе дѣйствительныя, чѣмъ вліяніе инспекціи. На это полковникъ Бердяевъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ не предполагаетъ подвергнуть аресту участвующихъ въ засѣданіи, а лишь арестуетъ документы, если таковые будутъ найдены при обыскѣ, а самихъ участниковъ попроситъ разойтись по домамъ. Что же касается до удостовѣренія личности студентовъ, то и въ этомъ полиція обойдется безъ помощи инспекціи, такъ какъ такое удостовѣреніе можетъ быть произведено по ихъ билетамъ, въ случаѣ же неимѣнія таковыхъ, по справкамъ на мѣстахъ жительства. Относительно же вопроса о роли, въ чемъ будетъ состоять наша роль, когда мы вмѣстѣ съ полиціей явимся на мѣсто собранія, полк. Бердяевъ объяснилъ, что г. об.-полиц. приказалъ въ случаѣ надобности просить личнаго содѣйствія инспектора студентовъ или командируемыхъ имъ помощника и что въ настоящемъ дѣлѣ наше содѣйствіе будетъ заключаться лишь въ томъ, что мы будемъ присутствовать *въ качествѣ свидѣтелей, которые могутъ удостовѣрить при случаѣ вѣжливое обращеніе полиціи со студентами, такъ какъ, прибавилъ онъ, студенты часто заявляютъ жалобы на грубое будто бы обращеніе съ ними полиціи.* Находя, съ одной стороны, что охраненіе въ этомъ смыслѣ интересовъ лицъ подслѣдственныхъ, хотя бы и студентовъ, не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей, а съ другой —предполагая не безъ основанія, что появленіе мое въ числѣ чиновъ полиціи можетъ быть *истолковано студентами въ смыслѣ невыгодномъ для* меня, какъ инспектора студентовъ, имѣющаго относительно ихъ свои непосредственныя обязанности, несходныя по характеру съ обязанностями чиновъ полиціи, я заявилъ полковнику Бердяеву, что не нахожу удобнымъ взять лично на себя предлагаемую имъ роль свидѣтеля. Но желая получить по возможности скорѣе точныя свѣдѣнія о предполагаемомъ обыскѣ для сообщенія ихъ вашему превосходительству и для доклада г. попеч. уч. окр. и имѣя въ виду, что помощникъ инспектора И. Д. Смирновъ почти неизвѣстенъ студентамъ, какъ членъ университетской инспекціи, я поручилъ ему отправиться вмѣстѣ съ полковникомъ Бердяевымъ, а самъ остался ожи-

дать ихъ возврата. Спустя, приблизительно, около часу, помощникъ инспектора И. Д. Смирновъ возвратился одинъ и заявилъ, что ему, дѣйствительно, не пришлось принимать никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Обыска при немъ не производилось, а былъ лишь опросъ фамилій 17, какъ онъ насчиталъ, молодыхъ людей, собравшихся въ одной комнатѣ въ разнообразныхъ костюмахъ, изъ нихъ 2 студенческихъ. Въ лицо онъ могъ признать только одного студента, какъ получавшаго отъ него въ прошломъ 1893 г. пособіе, но объ этомъ Смирнова не спрашивали. Молодые люди сперва протестовали, когда полковникъ Бердяевъ предложилъ имъ разойтись, говоря, что это незаконно, что они собрались на именины къ товарищу, но, однако, скоро стали расходиться, предварительно записывая лично, согласно предложенію полковника Бердяева, свои фамиліи. Когда собраніе разошлось и полковникъ Бердяевъ остался только вдвоемъ съ хозяиномъ квартиры, студентомъ Конкевичемъ, п. ин. И. Д. Смирновъ, считая, что присутствіе его далѣе уже совсѣмъ не имѣетъ значенія, заявилъ объ этомъ полковнику Бердяеву и уѣхалъ ко мнѣ съ докладомъ. Черезъ нѣсколько времени служитель, посланный изъ участка въ квартиру Конкевича, возвратился съ отвѣтомъ, что полковникъ Бердяевъ назадъ возвратиться не можетъ, и что въ квартирѣ Конкевича найдено еще 6 лицъ, кромѣ бывшихъ на собраніи. 29 окт. отъ г. моск. о.-полиц. было получено увѣдомленіе на имя в. превосх., что въ ночь на 28 окт. обысканы и временно задержаны студенты (приводятся имена).

Вызовъ инспектора для присутствія при обыскѣ вызвало, въ свою очередь, и характернѣйшую реплику со стороны ректора:

Ректоръ Императорскаго Московскаго университета. Г-ну попечителю Московскаго учебнаго округа о привлеченіи помощника инспектора Смирнова къ присутствованію при обыскѣ на студенческомъ засѣданіи.

Находя съ своей стороны дѣйствія полиціи, описанныя въ докладной запискѣ г. инспектора, совершенно неправильными по отношенію къ чинамъ инспекціи, которая безъ моего вѣдома и безъ пользы для самой полиціи была оторвана отъ очень важныхъ дѣлъ въ университетѣ въ самое тревожное время, я въ то же время крайне опасаюсь за то, достаточна ли дѣятельность полиціи для обезпеченія спокойствія университета отъ вліянія тайныхъ, внѣ университетскихъ студенческихъ организацій, извѣстныхъ подъ именемъ «землячествъ», «союза 39 землячествъ» и «центральной кассы землячествъ». *Только полиція и могла бы оградить университетъ отъ вліянія этихъ организацій, которое постоянно чувствуется въ стѣнахъ университета* и выражается въ распространяемыхъ различными способами отъ имени этихъ организацій воззваніяхъ, угрозахъ, одобреніяхъ и порицаніяхъ, въ попыткѣ производить разныя нравственныя насилія надъ студентами, преподавателями и служащими въ университетѣ лицами. Изъ многихъ случаевъ подобнаго насилія достаточно указать случаи освистыванія профессоровъ и даже предсѣдателя одной изъ испытательныхъ комиссій, а также недавній случай насилія надъ прив.-доц. Владимировымъ, къ которому на квартиру прислана была въ октябрѣ сего года депутація изъ 2-хъ неизвѣстныхъ студентовъ съ требованіемъ не читать объявленнаго имъ курса въ виду его «образа мыслей», сочувствующаго институту земск. начальн., съ угрозой скандала въ случаѣ несогласія со стороны Владимирова подчиниться этому требованію. Насиліе надъ студентами, желавшими возложить вѣнокъ на гробъ императора Александра III, выразившееся въ разрывѣ подписного листа неизвѣстными лицами, успѣвшими скрыться, было особенно возмутительно.

Уже много лѣтъ университетъ чувствуетъ на себѣ вліяніе этихъ тайныхъ организацій, которыя совершенно неуловимы для университета, такъ какъ центры ихъ внѣ стѣнъ университета, которому приходится считаться лишь съ ихъ слѣпыми орудіями и жертвами, часто совершенно невмѣняемыми по молодости и неопытности. До университета доходили лишь косвенные слухи о собраніяхъ и засѣданіяхъ этихъ тайныхъ организацій внѣ университета. Полиція же, несомнѣнно, знала и допускала эти собранія, что видно изъ донесеній инспектора, которому г. полковникъ Бердяевъ сообщилъ, что «всѣ подобныя засѣданія были имъ терпимы», и что онъ «смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, почему же и не дать молодымъ людямъ позабавиться». Что полиціи извѣстны эти организаціи, это ясно также изъ тѣхъ предупрежденій, которыя университетъ получалъ отъ полиціи о замышляемыхъ тайныхъ организаціяхъ, предосудительныхъ дѣйствіяхъ (напр., о замышляемой петиціи Государю Им-

ператору отъ студентовъ съ просьбой даровать конституцію, о замыслѣ распространенія въ одной изъ аудиторій воззванія къ студентамъ не носить траура по императорѣ Александрѣ III).

Можетъ-быть, нѣкоторая снисходительность полиціи къ этимъ тайнымъ организаціямъ удобна для полиціи, какъ дающая ей возможность кое-что узнать и выслѣживать. Но по существу подобная снисходительность представляется крайне вредною, развращающею молодежь и опасною.

Подобная система, давая возможность уловить немногихъ испорченныхъ, портитъ множество другихъ тою заразою, какая при этомъ распространяется среди молодежи. Нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что главная сила тайныхъ земляческихъ организацій кроется въ томъ, что онѣ, между прочимъ, присвоили себѣ задачу поддерживать матеріальную необезпеченность студентовъ. Эта цѣль является привлекательной для молодежи, дѣйствуя на чувства однихъ и подкупая матеріальною помощью другихъ. Но эта цѣль могла бы быть достигнута большимъ развитіемъ дѣятельности законныхъ обществъ для пособія нуждающимся студентамъ, на каковую сторону и должно было бы обратить вниманіе; *въ рукахъ же тайныхъ организацій эта цѣль не болѣе, какъ опасная приманка*. Ставятъ на видъ полную будто бы безвредность этихъ организацій, представляющихъ какъ бы забаву для молодежи, не преслѣдующей будто бы политическихъ противогосударственныхъ цѣлей. Но, кажется, исторія университетовъ давала уже много фактическихъ доказательствъ того, что тайныя организаціи политически безвредны лишь до тѣхъ поръ, пока не происходитъ тревожныхъ осложненій, при которыхъ онѣ сами дѣлаются воспріимчивою средою для противогосударственной агитаціи лицъ, чуждыхъ университету. Такъ случилось и въ настоящее время, такъ какъ въ этихъ организаціяхъ и нашли себѣ пріютъ обсужденія вопросовъ о петиціи Государю Императору Николаю II отъ студентовъ относительно дарованія конституціи и о воздержаніи выраженій студентами чувствъ любви къ почившему въ Бозѣ императору Александру III. Если университетъ въ послѣднее время вышелъ съ честью въ борьбѣ съ этой энергичной агитаціей, то лишь благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ и особенно благодаря глубокому чувству любви къ Александру III, охватившему весь университетъ и коснувшихся, повидимому, даже этихъ организацій. Безъ этихъ же счастливыхъ обстоятельствъ университету грозили смуты.

Объ изложенномъ имѣю честь представить вашему сіятельству въ полномъ убѣжденіи, что дальнѣйшее существованіе всѣхъ указанныхъ ненормальныхъ условій, которыми окруженъ университетъ въ сферахъ, недоступныхъ непосредственно его вліянію крайне не желательно. Эти ненормальности и упущенія приходится считать весьма серьезными и несравненно болѣе важными, чѣмъ буйное поведеніе нѣкоторыхъ пьяныхъ студентовъ въ ресторанахъ, портерныхъ, публичныхъ домахъ и проч., хотя и эти послѣднія ненормальности достойны вниманія.

Нельзя не признать, дѣйствительно, чрезвычайно характернымъ хорошую освѣдомленность охраннаго отдѣленія о дѣлахъ союзнаго совѣта и полное игнорированіе въ этомъ освѣдомленности университетскаго начальства. Такъ какъ «агитація за петиціи усилилась,— продолжаетъ донесеніе Бердяевъ,—то, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, члены союзнаго совѣта были вызваны оберъ-полицмейстеромъ и имъ объявлено, что его высокопревосходительство не желаетъ теперь же принимать какихъ-либо крайнихъ мѣръ, а, надѣясь на ихъ благоразуміе, лишь предупреждаетъ ихъ, что если будутъ организованы безпорядки или появится петиція, то они будутъ высланы въ числѣ первыхъ. Второе предупрежденіе также не оказало никакого дѣйствія, и вышедшіе студенты въ первой же портерной собрали сходку, на которой и рѣшили продолжать свое дѣло далѣе, а въ С.-Петербургъ и Харьковъ отправить немедленно депутата для агитаціи за петицію. Такой депутатъ... былъ арестованъ при выѣздѣ въ Петербургъ, при чемъ взято крупное поличное. Усматривая изъ изложенныхъ обстоятельствъ, что групповое движеніе готово перейти въ общественное, что основой всего броженія является быстро создавшееся крайне враждебное правительству настроеніе, раздуваемое писателями и профессорами (Герье, Гротъ

и др.), соціалъ-демократами (печатная прокламація къ рабочимъ) и народовольцами (воззваніе отъ группы народовольцевъ и печатная прокламація къ студенчеству) администраціей рѣшено было сорвать настроеніе, ходатайствовать о высылкѣ изъ Москвы всѣхъ наиболѣе видныхъ главарей кружковъ, безъ различія ихъ партійныхъ оттѣнковъ, наравнѣ съ переписанными членами союзнаго совѣта, которые, выпустивъ вышеуказанныя прокламаціи, утеряли тѣмъ мѣру, вышли изъ границъ своей программы и явились такими же агитаторами, какъ и другія лица,—въ общемъ предполагалось выслать около 50 человѣкъ. Пока велась по этому поводу переписка, враждебное настроеніе продолжало расти, стремясь «во что-либо вылиться»...

Оставимъ пока агентурныя свѣдѣнія охраннаго отдѣленія и перейдемъ къ университетскому начальству. Оно тоже не дремало. Въ стѣнахъ университета было вывѣшено слѣдующее объявленіе отъ попечителя округа:

«Въ переживаемые нами скорбные дни студенты Москов. универ. не разъ заявили на дѣлѣ, что они особенно чувствуютъ и раздѣляютъ народное горе. Но, къ сожалѣнію, въ то же время замѣчались единичныя заявленія, противорѣчащія этому общему русскому чувству и выражавшіяся въ попыткахъ отдѣльныхъ лицъ производить нравственное насиліе надъ своими товарищами, распространять предосудительныя воззрѣнія. Попытки эти не имѣли успѣха, встрѣтивъ отпоръ въ самихъ студентахъ, оберегавшихъ такимъ образомъ спокойствіе университета. Однако по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ *ничтожная группа лицъ, осмѣлившаяся говорить отъ общаго имени* студенчества, не оставляла, повидимому, свою агитаторскую дѣятельность. Предупреждая объ этомъ студентовъ, я вполнѣ увѣренъ, что они своимъ спокойнымъ и твердымъ образомъ дѣйствій впредь не дозволятъ нарушить порядокъ въ эти печально-торжественные дни. Этому порядку студенты легко могутъ содѣйствовать прежде всего строгимъ исполненіемъ университетскихъ правилъ и требованій своего непосредственнаго начальства, а затѣмъ добрымъ и единодушнымъ товарищескимъ воздѣйствіемъ другъ на друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ предупредить, что, дорожа съ своей стороны честью и достоинствомъ старѣйшаго университета, я въ полномъ съ нимъ согласіи приму всѣ нужныя мѣры къ охраненію порядка, а по отношенію къ лицамъ, виновнымъ въ его нарушеніи, не остановлюсь передъ мѣрами строгаго взысканія, немедленно удаляя такихъ лицъ изъ университета».

Попечитель графъ *П. Капнистъ.*

Въ отвѣтъ на объявленіе гр. Капниста появилось письмо союзнаго совѣта, которое мы приводимъ in extenso, какъ чрезвычайно характерное для опредѣленія позицій, занятыхъ студенческими организаціями (въ указанной выше моей брошюрѣ приведены лишь незначительныя выдержки изъ этого документа).

Письмо отъ союзнаго совѣта 39-ти землячествъ.

«Несмотря на то, что студенческая организація нѣсколько разъ уже публично заявляла о своихъ стремленіяхъ и цѣляхъ, университетское начальство, повидимому, имѣетъ самое неясное представленіе о ней, что особенно легко можно замѣтить изъ словъ попечителя въ своемъ объявленіи, съ которымъ онъ обратился недавно къ студентамъ. Чтобы устранить всякую возможность подобныхъ заявленій со стороны администраціи университета и уничтожить всѣ недоразумѣнія среди общества, союзный совѣтъ считаетъ нужнымъ заявить слѣдующее:

«Наша студенческая организація вызвана самой необходимостью. Русское студенчество въ большинствѣ принадлежитъ къ среднимъ матеріально необезпеченнымъ классамъ общества: это дѣти крестьянъ, мѣщанъ, духовенства, чиновниковъ и т. п. Поэтому высокая плата за слушаніе лекцій и безпорядочная, часто произвольная, выдача пособій и стипендій слишкомъ тяжело отзываются на студенчествѣ и неизбѣжно создаютъ потребность выбиться изъ-подъ этого матеріальнаго гнета посредствомъ уменьшенія платы, урегулиро-

ванія и контролированія выдачи стипендій и пособій, организацій земляческихъ кассъ взаимопощи и дешевыхъ земляческихъ столовыхъ. Тѣ же причины часто тормозятъ умственное развитіе студентовъ, отнимая у нихъ всякую возможность удовлетворять потребностямъ не только общаго, но и спеціальнаго образованія, и тѣмъ создаютъ почву для земляческихъ библіотекъ, потому что только при помощи ихъ студенты имѣютъ возможность выписывать на общія средства текущіе журналы, газеты и недоступныя по своей цѣнѣ и библіографической рѣдкости изданія. Забота о поддержаніи чести университета и извѣстнаго нравственнаго ценза его членовъ создаетъ необходимость товарищескаго суда и т. д. и т. д. Студенчество вѣрно поняло свои задачи и ясно формулировало свои цѣли, заявивши въ лицѣ своихъ представителей на 1-мъ студенческомъ съѣздѣ: «Недостатокъ единенія и связи между студентами есть коренное зло ихъ жизни» и «студенчество можетъ успѣшно бороться съ недостатками студенческой жизни, если образуетъ изъ себя корпорацію, дѣятельность которой будетъ направлена на улучшеніе матеріальнаго положенія студенчества и на доставленіе имъ путемъ широкаго общенія умственно-дѣятельной и нравственно-воспитываемой среды».

«Такимъ образомъ, для студенчества оставались неясными только пути и средства для осуществленія этихъ цѣлей. Пока еще разрозненное и слабое, оно реагировало на гнетъ внѣшнихъ условій при помощи тѣхъ средствъ, какія только доступны неорганизованной массѣ: сходками и безпорядками. Но такая борьба только еще болѣе ослабляла студенчество, только еще болѣе увеличивала гнетъ. Безплодность этой борьбы заставило студентовъ вдуматься въ причины своей слабости и своихъ неудачъ. И только такимъ долгимъ и мучительнымъ путемъ студенты пришли къ мысли, что безпорядки являются Сизифовой работой, и, отрѣшившись отъ традиціонныхъ фразъ, на 2-мъ студенческомъ съѣздѣ принципіально и категорически высказались противъ безпорядковъ и выработали новую, на этотъ разъ вполнѣ правильную. тактику. Согласно новымъ взглядамъ, студенчество твердымъ и спокойнымъ образомъ дѣйствій должно показать свою умственную и нравственную зрѣлость, разсѣять ходячія ложныя представленія въ обществѣ о нашей организаціи и вызвать его сочувствіе, заставить администрацію считаться съ нею, понявъ ея неизбѣжность, цѣлесообразность, справедливость ея требованій. безопасность ея существованія для «общественнаго спокойствія и порядка» и такимъ образомъ не имѣть больше никакихъ причинъ и поводовъ отказываться признавать то, что уже фактически существуетъ. Слѣдовательно, всякій, кто дорожитъ съ своей стороны честью и достоинствомъ старѣйшаго университета и въ полномъ съ нимъ согласіи намѣренъ принять «мѣры къ охраненію порядка», долженъ сочувствовать новому направленію среди студентовъ, поощрять эту тенденцію и устранять всѣ поводы къ безпорядкамъ и вмѣшательству полиціи въ дѣла университета. Тѣмъ болѣе эти требованія обязательны для г. попечителя учебнаго округа, считающаго себя «хозяиномъ университета» и потому обязаннаго знать и, безъ сомнѣнія, имѣющаго самыя точныя свѣдѣнія о томъ, что наша организація состоитъ изъ 39 землячествъ и заключаетъ всего около 1.500 членовъ, что союзный совѣтъ, какъ представительный органъ этой организаціи, является самымъ дѣйствительнымъ и вѣрнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія студенчества, что онъ одинъ говоритъ и имѣетъ право говорить отъ лица всего московскаго студенчества.

«Между тѣмъ г. попечитель, упоминая въ вывѣшенномъ имъ объявленіи о ничтожной кучкѣ агитаторовъ, говорящихъ отъ имени студентовъ, позволяетъ себѣ умышленно игнорировать существованіе нашей организаціи и господствующаго настроенія студентовъ и своимъ нетактичнымъ поведеніемъ, искаженіемъ фактовъ и угрозами вызываетъ раздраженіе среди студентовъ, могущее проявиться въ нежелательной формѣ».

14 ноября 1894 г.

Принимая во вниманіе тревожные дни, переживаемые университетомъ, думается, нельзя не признать, что союзный совѣтъ былъ совершенно правъ, указывая, что «объявленіе попечителя уже по своей рѣзкости должно было вызвать реакцію со стороны студенчества». Съ другой стороны, несомнѣнно, что союзный совѣтъ, какъ явствуетъ изъ всѣхъ его обращеній къ студенчеству того времени, старался по возможности успокоительно дѣйствовать на возбужденное настроеніе большинства студенчества. И это было тѣмъ труднѣе, что въ университетѣ въ дѣйствительности не было того «превосход-

наго патріотическаго духа», который отмѣчаетъ въ одной изъ своихъ донесеній гр. Капнистъ. Во всякомъ случаѣ, болѣе правъ былъ въ своей характеристикѣ университетскихъ настроеній начальникъ охраннаго отдѣленія Бердяевъ, между прочимъ отмѣчавшій, что союзный совѣтъ въ «иныхъ случаяхъ, а, пожалуй, и надъ большинствомъ студенчества, въ особенности надъ революціонно настроенной частью... не имѣетъ никакой силы».—«Враждебное настроеніе продолжало расти», какъ мы знаемъ, отмѣчаетъ Бердяевъ въ своемъ донесеніи. Представитель министерства народнаго просвѣщенія этотъ ростъ «враждебнаго настроенія» объясняетъ по-иному. «Неблагонадежнымъ элементамъ нашего общества» не удалось возбудить волненія въ университетѣ. «Тогда, повидимому, явилась мысль произвести уже прямо крупный и громкій скандалъ въ самомъ университетѣ и, какъ я думаю, въ томъ расчетѣ, что скандалъ вызоветъ репрессивныя мѣры, что окажутся лица строго наказанныя, и что тогда можно будетъ играть на слабой стрункѣ, въ которой молодежь всегда была, есть и будетъ чувствительна, а именно на стрункѣ состраданія потерпѣвшимъ товарищамъ и желанія смягчить ихъ участь и т. д.»

«На этой почвѣ», по мнѣнію Капниста, и разыгрались происшествія, положившія какъ бы начало той университетской заварухи, описанію которой посвящены воспоминанія Боголѣпова. Происшествіе произошло на лекціи проф. Ключевскаго 30 ноября 1894 г. Вотъ какъ описывалъ его и послѣдующія событія ближайшихъ дней гр. Капнистъ въ своемъ конфиденціальномъ представленіи министру народнаго просвѣщенія 7 декабря за № 1675:

«Я имѣлъ честь лично докладывать вашему сіятельству, что послѣ кончины въ Бозѣ почившаго государя императора нѣкоторые профессора на первыхъ лекціяхъ сказали нѣсколько словъ, посвященныхъ его памяти. Въ числѣ этихъ профессоровъ былъ и В. О. Ключевскій. Сказанное имъ слово было выслушано студентами вполнѣ подобающимъ образомъ, и хотя впослѣдствіи распространился слухъ, что на этой лекціи была сдѣлана попытка выразить Ключевскому неодобреніе и хотя слухъ этотъ повторяли, вѣроятно, даже многіе почтенные и благонамѣренные люди, но я могу, на основаніи объясненій самого В. О. Ключевскаго, донесенія помощника инспектора, присутствовавшаго въ аудиторіи, и личнаго разспроса моего нѣсколькихъ студентовъ, извѣстныхъ мнѣ своею благонамѣренностью, бывшихъ на лекціи, положительно утверждать, что слухъ этотъ невѣренъ и что лекція прошла въ полномъ порядкѣ. Думаю даже, что слухъ, которому повѣрили, какъ я сказалъ, и многіе порядочные люди, въ первоначальномъ источникѣ имѣлъ своею цѣлью произвести нѣкоторое впечатлѣніе на умы и служилъ прелюдіею къ дальнѣйшему скандалу.

«28-го октября въ засѣданіи общества исторіи и древностей россійскихъ профессоръ Ключевскій вновь сказалъ рѣчь [1]), большая часть коей тождественна съ тѣмъ, что онъ ранѣе говорилъ въ университетѣ. Рѣчь эта была напечатана и пущена въ продажу. Вскорѣ довольно значительное количество экземпляровъ этой напечатанной рѣчи было разослано по городской почтѣ многимъ лицамъ въ городѣ, при чемъ на оборотѣ заглавнаго листа была приклеена оттектографированная басня Фонвизина: «Лисица-казнодѣй». Экземпляръ этой рѣчи съ помянутымъ прибавленіемъ при семъ прилагаю.

«Разосланная рѣчь породила въ Москвѣ много толковъ и повидимому, пасквиль, заключающійся въ приложеніи, произвелъ впечатлѣніе въ умахъ нѣкоторыхъ студентовъ, что стало замѣчаться и въ разговорахъ ихъ. Самые разнообразные толки и даже нелѣпые слухи стали ходить по университету и внѣ его и не прекращались до послѣднихъ дней, все болѣе и болѣе сбивая съ толку и разжигая умы.

«Въ среду 30-го ноября съ утра было замѣтно движеніе въ новомъ зданіи университета, гдѣ профессоръ Ключевскій долженъ былъ читать лекціи отъ

---

[1]) Напечатана въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.»

11 — 12 и отъ 12 — 1 ч. дня. Мѣстные чины инспекціи стали замѣчать незнакомыя лица студентовъ, очевидно, принадлежащихъ не къ тѣмъ курсамъ, которые слушаютъ лекціи въ этой части зданія. Немедленно для усиленія инспекціи былъ приглашенъ второй помощникъ инспектора и нѣсколько педелей другихъ факультетовъ, которые констатировали присутствіе нѣсколькихъ студентовъ, принадлежащихъ къ курсамъ, находящимся въ ихъ вѣдѣніи. Между тѣмъ наступило время лекціи, профессоръ Ключевскій поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ большую словесную аудиторію, у дверей въ которую стояли два помощника инспектора. За профессоромъ разомъ нахлынула громадная толпа, которую остановить было совершенно невозможно. Въ аудиторіи, которая бываетъ и всегда полна, такъ какъ профессора Ключевскаго слушаютъ постоянно студенты разныхъ курсовъ и факультетовъ, на этотъ разъ образовалась сплошная толпа. Какъ скоро профессоръ Ключевскій вошелъ на каѳедру, въ самой глубинѣ аудиторіи раздалось 4 — 5 явственныхъ свистковъ, отвѣтомъ на нихъ раздался громъ рукоплесканій, но тутъ же прибавилось число свистковъ и завязалась такъ сказать борьба аплодисментовъ и свиста. При этомъ часть присутствующихъ стала кричать «долой съ каѳедры», а большинство кричало «браво». Страшный шумъ продолжался нѣсколько минутъ, толпа такъ сгустилась, что помощники инспектора могли продвинуться только на нѣсколько шаговъ, и разобрать что-либо было невозможно. Профессоръ Ключевскій остался спокойно на каѳедрѣ. Наконецъ аплодисменты взяли рѣшительный верхъ, свистки замолкли, и значительная часть студентовъ отхлынула на лѣстницу, увлекая съ собою и противниковъ и сторонниковъ Ключевскаго. Тогда профессоръ знаками просилъ прекращенія аплодисментовъ, и скоро водворилась тишина, среди которой онъ сказалъ, что не понимаетъ смысла этой дикой демонстраціи, но увѣренъ, что постоянные его слушатели въ ней не участвовали, и прочелъ лекцію. Когда Ключевскій вышелъ изъ аудиторіи и сошелъ съ лѣстницы, то около нея опять вдругъ сгустилась толпа и послышалось нѣсколько свистковъ.

«Обо всемъ происходившемъ мнѣ дали знать по телефону (ректоръ въ это время читалъ самъ лекцію, а инспекторъ былъ по дѣлу въ клиникахъ, куда телефонъ случайно не дѣйствовалъ), но когда я пріѣхалъ, все уже было покойно, Ключевскій уже началъ читать вторую лекцію, которая началась съ аплодисментовъ, но прошла вообще спокойнѣе.

«Я немедленно отправился въ правленіе, гдѣ засталъ ректора и куда вскорѣ прибылъ инспекторъ и помощникъ ректора, и мы вмѣстѣ приступили къ разспросу чиновъ инспекціи, находившихся въ новомъ зданіи во время происшедшаго безпорядка. Изъ разспроса этого стало очевидно, что безпорядокъ былъ заранѣе организованъ, но замѣтить особенно инспекція имѣла возможность только 9 человѣкъ постороннихъ студентовъ, не принадлежавшихъ къ числу слушателей профессора Ключевскаго (хотя таковыхъ постороннихъ, несомнѣнно, было гораздо больше, т.-е. нѣсколько десятковъ), но разобраться въ толпѣ было очень трудно, да и не было налицо педелей всѣхъ факультетовъ и курсовъ, а потому признать личность многихъ не представлялось возможнымъ. Относительно трехъ изъ числа замѣченныхъ мы получили указаніе на прямое участіе ихъ въ демонстраціи, а относительно шести имѣлось лишь указаніе на то, что они пришли на лекцію чужого факультета или курсовъ безъ уважительныхъ причинъ и что нѣкоторые были крайне возбуждены и были грубы съ нижними чинами инспекціи.

«На другой день, т.-е. 1 декабря, ректоръ созвалъ правленіе для сужденія о виновности замѣченныхъ наканунѣ студентовъ. Правленіе собралось въ моемъ присутствіи.

«Изъ разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла и допроса обвиняемыхъ правленіе пришло къ единогласному заключенію, къ которому и я безусловно присоединяюсь, что три студента графъ Андрей Мамуна (медикъ 3-го семестра), Казимиръ Осиповичъ (студентъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета 1-го семестра) и Константинъ Забнинъ (математикъ 5-го семестра) вполнѣ изобличаются въ непосредственномъ участіи въ безпорядкѣ, имѣвшемъ цѣлью устроить скандалъ по отношенію къ профессору Ключевскому, но въ то же время правленіе вынесло увѣренность, что эти три студента, хотя и виновные въ тяжкомъ проступкѣ, но едва ли являются главными виновниками или организаторами и принадлежатъ къ толпѣ, увлеченной безсмысленными толками и разсказами. Въ виду чего правленіе постановило уволить ихъ изъ Московскаго университета, не лишая ихъ, однако, права поступленія въ другіе университеты.

«Издалека для тѣхъ, кто не могъ вынести непосредственнаго впечатлѣнія изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и изъ допроса обвиняемыхъ, такое рѣшеніе

можетъ показаться мягкимъ, но оно, по глубокому моему убѣжденію, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а потому справедливо, тѣмъ болѣе, что оно постановлено единогласно послѣ долгаго и внимательнаго обсужденія. Всякое усугубленіе этой мѣры наказанія я считалъ бы несоотвѣтствующимъ ни справедливости ни интересамъ университета, а потому позволяю себѣ почтительнѣйше просить ваше сіятельство не усугублять (собственно по настоящему дѣлу, такъ какъ относительно графа Мамуны и Забнина имѣются еще иныя обвиненія, по коимъ они уже ранѣе, какъ оказывается, предназначены были къ административной высылкѣ) наложенной правленіемъ мѣры наказанія, такъ какъ подобное распоряженіе явилось бы незаслуженнымъ выраженіемъ недовѣрія къ университетскому начальству.

«Что касается до остальныхъ шести студентовъ, то ихъ нельзя было признать за участниковъ въ демонстраціи, и правленіе признало ихъ виновными лишь въ томъ, что они явились на лекцію Ключевскаго, не принадлежа къ курсу, который онъ читаетъ, и не записавшись на лекціи (оказалось, что трое изъ шести постоянно слушали такимъ образомъ Ключевскаго, и въ нарушеніи дисциплины. На этомъ основаніи студентъ Сипко подвергнутъ аресту на 7 дней и выговору нѣ осн. п. г. пар. 31 правилъ, студентъ Руди по тому же пункту аресту на 3 дня, студентъ Захаровъ подвергнутъ аресту по п. в. пар. 31 правилъ на 3 дня, студенты: Элленгорнъ, Картиковскій и Мурзаевъ подвергнуты на осн. п. б. пар. 31 выговору и, наконецъ, студентъ Бѣльскій подвергнутъ выговору на осн. п. б. пар. 31 правилъ.

«Въ то время, пока шелъ допросъ обвиняемыхъ и разборъ дѣла, въ канцелярію правленія приходили студенты спрашивать о судьбѣ товарищей, но нѣкоторые, получивъ отвѣтъ, что дѣло еще не рѣшено и что приговоръ будетъ объявленъ обычнымъ порядкомъ, не уходили, благодаря чему постепенно въ канцеляріи собралось до 70 студентовъ, которые разошлись только послѣ многократныхъ и настойчивыхъ требованій инспектора. Когда они уходили, прислуга слышала разговоры о томъ, что на слѣдующій день слѣдуетъ собрать большую сходку въ актовомъ залѣ.

Возбужденное состояніе, въ которомъ приходили нѣкоторые студенты въ канцелярію Правленія, и вышеупомянутые разговоры давали полное основаніе ожидать, что 2 декабря, дѣйствительно, можетъ быть устроена сходка. Въ виду сего, извѣстивъ телеграммами ваше сіятельство и его императорское высочество московскаго генералъ-губернатора (черезъ г. губернатора, пользуясь его шифромъ), я имѣлъ свиданіе съ г. оберъ-полицмейстеромъ, и мы условились съ нимъ относительно принятія мѣръ на случай, если бы сходка состоялась. Въ разговорѣ со мной г. оберъ-полицмейстеръ сообщилъ мнѣ, что онъ ожидаетъ распоряженія объ арестѣ до 50 студентовъ, относительно коихъ имѣются самыя вѣскія данныя, доказывающія совершенную ихъ неблагонадежность, дѣятельное участіе въ образованіи тайныхъ сообществъ и частью въ распространеніи подпольныхъ изданій, при чемъ онъ высказалъ убѣжденіе, что удаленіе изъ Москвы этого ядра агитаціи парализуетъ и настоящія волненія и что, если послѣдуетъ распоряженіе о высылкѣ, то и безпорядки въ университетѣ прекратятся.

«На это я отвѣчалъ, что ни я ни университетъ не имѣемъ возможности обнаруживать или слѣдить за подпольными организаціями, почему я не могу судить о томъ, насколько лица, заподозрѣнныя полиціею, дѣйствительно составляютъ ядро противоправительственной агитаціи, но полагаю, что если имѣется достаточная увѣренность, что заподозрѣнныя лица дѣйствительно опасны или преступны, то останавливаться передъ ихъ удаленіемъ изъ Москвы, само собою, не слѣдуетъ, ибо извѣстному уже злу не должно давать развиваться и разрастаться.

«2-го декабря я съ 10½ часовъ утра былъ въ университетѣ и сперва обошелъ съ ректоромъ нѣкоторыя помѣщенія стараго университета, гдѣ въ то время господствовалъ еще полный порядокъ, и затѣмъ въ 11½ часовъ вмѣстѣ съ ректоромъ и его помощникомъ былъ уже въ правленіи. Инспектора мы оставили въ старомъ зданіи въ библіотекѣ, такъ какъ въ этой части зданія (въ актовомъ или, такъ называемомъ, библіотечномъ залѣ можно было скорѣе всего ожидать сходки).

«Послѣ 12 часовъ намъ сообщили, что несмотря на то, что на лѣстницѣ, ведущей въ помянутыя залы, стояли помощникъ инспектора и два педеля, нѣкоторое число студентовъ (человѣкъ 70—80), не раздѣваясь (въ пальто), прорвались въ актовый залъ, но тутъ читалъ лекцію Н. П. Боголѣповъ и встрѣтилъ ихъ строгимъ внушеніемъ, къ которому его слушатели отнеслись вполнѣ сочувственно, такъ что ворвавшаяся толпа удалилась. Такой же отпоръ группа безпокойныхъ студентовъ встрѣтила со стороны инспектора, и скоро въ

среднемъ зданіи стараго университета водворилось спокойствіе. Нужно сказать, что многочисленные студенты, бывшіе въ это время на лекціяхъ въ этой части зданія, вели себя примѣрно, продолжали свои занятія и спокойно оставались въ аудиторіяхъ до окончанія всѣхъ лекцій.

«Изъ средняго зданія стараго университета кучки студентовъ, которымъ не удалось устроить тамъ сходку, направились черезъ садъ къ химической лабораторіи, въ которую съ чрезвычайной быстротой сошлось еще много студентовъ изъ разныхъ мѣстъ, такъ что ранѣе часу дня помощникъ инспектора пришелъ доложить намъ, что въ химической лабораторіи собралась сходка человѣкъ въ 400—500 и не расходятся по его требованію. Тогда въ лабораторію былъ посланъ вторично помощникъ (инспектора мы считали нужнымъ удержать въ актовомъ залѣ), съ требованіемъ отъ имени ректора разойтись.

«Между тѣмъ съ перваго часу къ намъ, т.-е. ко мнѣ, къ ректору и помощнику ректора, стали приходить группы студентовъ, прося объяснить имъ вчерашній приговоръ и заявляя, что они считаютъ графа Мамуна и Забнина невинными въ демонстраціи. Многіе были очень удивлены, услышавъ, что Забнинъ самъ сознался, а что графа Мамуна мы единогласно считаемъ безусловно уличеннымъ. Но тѣмъ не менѣе студенты просили пересмотрѣть приговоръ и смягчить наказаніе. Само собою разумѣется, что они получили категорическій отказъ. Эти студенты держали себя почтительно и прилично. Разговоры эти продолжались болѣе часа. Изъ нихъ ректоръ и я убѣдились, что въ эту минуту студенты волновались уже не скандаломъ на лекціи Ключевскаго, а что въ нихъ пробудилось сожалѣніе къ наказаннымъ товарищамъ, при чемъ многіе очень мало знали дѣйствительныя обстоятельства дѣла, а дѣйствовали подъ вліяніемъ искусно возбужденнаго въ нихъ состраданія, т.-е. чувства, къ которому юношество всегда такъ склонно, хотя, правда, часто совершенно неправильно и неосновательно.

«Въ исходѣ второго часа опять явился помощникъ инспектора доложить, что толпа въ лабораторіи не расходится и что студенты на неоднократныя его требованія разойтись отвѣчали требованіемъ, чтобы онъ удалился.

«Тогда, по совѣщаніи со мной и съ помощникомъ ректора, ректоръ послалъ съ помощникомъ инспектора письменное объявленіе съ требованіемъ разойтись и съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ неповиновенія, будетъ приглашена полиція. Помощникъ инспектора вернулся съ заявленіемъ, что по прочтеніи объявленія студенты требовали, чтобы онъ уходилъ, и кричали, что разойдутся, когда захотятъ, и будутъ слушать, кого пожелаютъ.

«Послѣ этого мы дали пройти еще полчаса и затѣмъ уже я телефонировалъ г. оберъ-полицмейстеру, прося его содѣйствія.

«Чрезвычайно быстро, нѣсколько послѣ 2 часовъ, полиція была уже близъ университета и направилась къ химической лабораторіи. Въ это время студенты, бывшіе на сходкѣ, уже стали выходить изъ лабораторіи. При видѣ полиціи, большая часть бросилась бѣжать, и большинство скрылось, затѣмъ полиціею были переписаны студенты, остававшіеся на дворѣ около лабораторіи и въ самой лабораторіи, при чемъ въ числѣ послѣднихъ большинство, какъ оказалось, пришло еще утромъ для занятій и, *дѣйствительно*, занималось до начала сходки, и слѣдовательно, виновно развѣ въ томъ, что не ушло, когда нахлынула посторонняя толпа.

«Къ 5 часамъ кончена была переписка студентовъ, коихъ оказалось 1.119 человѣкъ, и затѣмъ полиція оставила университетъ.

«Въ ночь со 2 на 3 декабря, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, было арестовано 47 студентовъ, заподозрѣнныхъ въ разныхъ противоправительственныхъ дѣяніяхъ и находившихся ранѣе на замѣчаніи, вслѣдствіе крайней ихъ неблагонадежности.

«Объ этихъ арестахъ уже днемъ 3 декабря шелъ общій говоръ въ университетѣ и вообще въ городѣ. Высказывались, само собою разумѣется, весьма разнообразные взгляды, слышались опасенія, что эта мѣра, поставленная въ связь съ только что бывшими безпорядками, еще болѣе взволнуетъ молодежь. Но тѣмъ не менѣе 3 декабря прошло въ полномъ порядкѣ, и нигдѣ не было даже малѣйшихъ попытокъ нарушить таковой.

«4 декабря (въ воскресенье), въ моемъ присутствіи, правленіе университета приступило къ обсужденію виновности студентовъ, переписанныхъ 2 декабря. При этомъ правленіе въ полномъ согласіи со мною приняло за исходную точку мнѣніе, которое, какъ мнѣ извѣстно, раздѣлялъ и начальникъ полиціи, что главная цѣль достигнута, ибо студенты убѣдились, что всякая попытка къ сходкѣ будетъ немедленно пресѣчена, и что быстрое появленіе полиціи 2 декабря произвело уже достаточное впечатлѣніе, а потому число привлекаемыхъ къ отвѣтственности и строгость взысканія не имѣютъ уже существен-

наго значенія. Въ виду сего мы вовсе устранили отъ отвѣтственности студентовъ, имѣвшихъ право по занятіямъ своимъ быть въ лабораторіи, и обсуждали лишь виновность 33 студентовъ, непринадлежавшихъ къ составу лабораторіи. По внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказалось, что изъ числа этихъ 33 студентовъ, непринадлежавшихъ къ составу лабораторіи, 20 человѣкъ, захваченныхъ въ саду, попали туда изъ сосѣднихъ зданій случайно и вовсе не уличаются въ участіи на сходкѣ. Затѣмъ остальные 13 студентовъ признаны виновными и приговорены къ аресту на время отъ 1 до 7 дней.

«Изъ разбирательства обнаружилось, что на сборищѣ въ лабораторіи рѣчь шла не о сочувствіи демонстраціи противъ Ключевскаго, а объ изысканіи способовъ достичь облегченія участи трехъ уволенныхъ студентовъ, слѣдовательно, опять-таки побужденіемъ служило неправильно понятое чувство товарищества и сострадані, а не какіе-либо противоправительственные мотивы.

«Что касается до арестованныхъ студентовъ, то въ спискѣ ихъ я насчитываю до десяти такихъ, которые извѣстны и мнѣ и университету съ самой дурной стороны, о большинствѣ же остальныхъ я и университетъ до сего времени имѣли лишь безразличныя свѣдѣнія, и, наконецъ, въ спискѣ помѣщены нѣкоторые студенты, по успѣхамъ и поведенію въ университетѣ находившіеся до сего времени на счету хорошихъ студентовъ, но затѣмъ утвержденіе администраціи о ихъ крайней неблагонадежности и предосудительной дѣятельности такъ положительно, что трудно допустить, чтобы въ настоящемъ случаѣ была ошибка.

«Въ настоящее время, я полагаю, можно считать спокойствіе въ университетѣ вполнѣ возстановленнымъ».

Событія, послѣдовавшія послѣ демонстраціи на лекціи Ключевскаго, переданы намъ словами офиціальнаго донесенія, печатаемаго впервые. Въ нашей книжкѣ они изложены съ другой точки зрѣнія— по матеріаламъ союзнаго совѣта. Въ данномъ случаѣ освѣщеніе дѣла для насъ не играетъ значенія. Кто знакомъ съ университетскими безпорядками, былъ ихъ участникомъ или непосредственнымъ очевидцемъ, тотъ легко представитъ себѣ ходъ дѣла. Безплодные переговоры съ университетской администраціей; возмущеніе судомъ на основаніи показаній педелей; безтактное поведеніе внѣшней полиціи, держащей университетъ какъ бы въ осадѣ, обыскивающей лабораторіи, арестовывающей случайныхъ лицъ и т. д. Такихъ фактовъ въ описываемыхъ событіяхъ было достаточно (ib. 62). Едва ли наличіе казаковъ, жандармовъ, полицейскихъ могло содѣйствовать успокоенію студенчества. Настроеніе, дѣйствительно, было бурное. И мы сейчасъ увидимъ, что только благодаря мѣрамъ, принятымъ союзнымъ совѣтомъ, событія пошли по пути ходатайствъ, петицій и т. д.

Союзный совѣтъ былъ рѣшительнымъ противникомъ демонстраціи на лекціи проф. Ключевскаго. Этотъ инцидентъ былъ для него даже «неожиданъ» [1]). Любопытно, что то же подтверждаетъ въ своемъ донесеніи и Бердяевъ. Но когда демонстрація произошла и университетское Правленіе вынесло приговоръ, который при своей необоснованности могъ бы возбудить лишь еще больше студентовъ, Союзный Совѣтъ, высказавшись противъ какихъ-либо «бурныхъ манифестацій», рѣшилъ обратиться къ попечителю округа, къ Правленію университета и къ профессорамъ съ просьбой пересмотрѣть дѣла. Просьба мотивировалась тѣмъ, что 1) показанія свидѣтелей изъ чиновъ инспекціи, несомнѣнно, страдаютъ односторонностью; 2) студентъ гр. Мамуна не только не принималъ участія въ демонстраціи, но даже успокаивалъ присутствующихъ, а между тѣмъ онъ

---

[1]) На демонстраціи во время лекціи Ключевскаго присутствовали нѣкоторые члены союзнаго совѣта, и «за исключеніемъ одного, старались воспрепятствовать демонстраціи.

уволенъ; 3) нравственное чувство студентовъ оскорблено неравномѣрностью и случайностью взысканія. Такъ, студентъ-юристъ 3-го курса, оскорбившій товарищей словами: «Подлецы тѣ, кто свищетъ!» оставленъ безъ наказанія; за аналогичную же выходку Забнинъ, крикнувшій: «Подлецы хлопальщики!» уволенъ изъ университета. Трудно такъ же предположить, что третій уволенный, Осиповичъ, только что поступившій въ университетъ, могъ быть такимъ зачинщикомъ, какимъ сочло его правленіе.

«Когда на слѣдующій день,—говорилось въ позднѣйшемъ извѣщеніи союзнаго совѣта (2 дек.),—повсюду въ университетѣ стало извѣстно постановленіе правленія, то вездѣ—въ аудиторіяхъ, залахъ, лабораторіяхъ, клиникахъ—началось то неопредѣленное *стихійное* броженіе, которое является признакомъ возбужденія толпы, но *благодаря усиліямъ организованной части студенчества, знавшей постановленіе союзнаго совѣта, удалось удержать студентовъ отъ бурныхъ проявленій своего чувства;* почти отъ всѣхъ курсовъ были отправлены къ членамъ правленія и профессорамъ депутаціи съ просьбой пересмотрѣть дѣло...»

Но мы знаемъ, что выборныя депутаціи получили категорическій отказъ: администрація считала невозможнымъ дѣйствовать «подъ давленіемъ». Между тѣмъ сходка закончилась вмѣшательствомъ полиціи... Термометръ студенческаго настроенія повышался. Тогда союзный совѣтъ постановляетъ, противодѣйствуя возможнымъ демонстраціямъ: 1) «выжидать результатовъ переговоровъ съ профессорами, 2) не допускать на слѣдующій день сходки и 3) ходатайствовать передъ представителями высшей власти о пересмотрѣ всего дѣла, такъ какъ произволъ попечителя и полиціи слишкомъ очевиденъ, чтобы остаться безъ вниманія». На этомъ же собраніи было рѣшено выпустить письмо отъ 3 декабря слѣдующаго содержанія. Упомянувъ о томъ, какъ спокойно текла академическая жизнь въ университетѣ подъ вліяніемъ усилій со стороны студенческихъ организацій, письмо говоритъ:

«Въ настоящее время, когда полиція и охранное отдѣленіе открыто стараются вызвать безпорядки, когда почва для нихъ подготовлена событіями, отъ студентовъ не зависѣвшими, студенческая организація готова всѣми возможными средствами *устранять столкновенія.* Она убѣждаетъ студентовъ сохранять самообладаніе, чтобы не дать возможности полиціи связать руки студенчеству и представить его въ глазахъ общества и правительства толпой легкомысленныхъ смутьяновъ. Организація обращается къ профессорамъ и представителямъ университетской власти, ко всѣмъ тѣмъ, которые такъ часто заявляли, что имъ дорогъ университетъ, что имъ дорого мирное развитіе и преуспѣяніе университетской жизни, къ тѣмъ, кто убѣждалъ студентовъ быть покойными и сдержанными. *Еще можно остановить безпорядки.* Отъ ректора университета и попечителя зависитъ удалить полицію, профессора могутъ способствовать тому, чтобы правленіе пересмотрѣло свой несправедливый приговоръ. *Обѣщая противодѣйствовать* безпорядкамъ и приглашая университетскія власти устранить условія, могущія ихъ вызвать, организація обращается къ обществу и проситъ его быть судьей. Организованная часть студенчества противъ безпорядковъ, и если они состоялись, вина должна пасть не на студентовъ»...

По-иному смотрѣло на вопросъ охранное отдѣленіе. «Такъ какъ наиболѣе разгоряченный элементъ предполагалъ,—гласитъ донесеніе по охранному отдѣленію,—устроить на 3 декабря вторичную сходку уже на 2.000 человѣкъ, въ которой должны были принять участіе до 200 человѣкъ техниковъ, и броженіе такимъ образомъ готово было перейти въ серьезные безпорядки, то въ ночь на 3 декабря было приступлено къ высылкѣ ранѣе намѣченныхъ 50 человѣкъ». И

любопытно заключеніе, которое дѣлаетъ по этому поводу Бердяевъ: «Послѣ сказаннаго ясно, почему остались безнаказанными лица, *дѣйствительно* принимавшія участіе въ безпорядкахъ, а высланы или вовсе въ этотъ моментъ не бывшіе въ Москвѣ или тѣ, которые «оставались *безучастными*». Конечно, на студенчество высылка лицъ, непринимавшихъ участіе въ волненіяхъ, должно было произвести впечатлѣніе обратное тому, чего, на словахъ по крайней мѣрѣ, желало достигнуть охранное отдѣленіе.

5-го декабря вновь выступаетъ союзный совѣтъ съ просьбой, обращенной къ студентамъ, оставаться спокойными, воздерживаться отъ какихъ-либо демонстрацій, пока не выяснятся результаты принятыхъ мѣръ: «Студенты только спокойнымъ отношеніемъ къ ходу дѣлъ могутъ содѣйствовать благопріятному ихъ окончанію». Подобный призывъ вновь повторяется 11 декабря.

Студенты обратились къ профессорамъ. И не только студенты. Въ Москвѣ усиленно циркулируетъ письмо къ «обществу» отъ бывшихъ студентовъ (6 декабря):

«Возмущенные до глубины души событіями въ стѣнахъ университета... мы спѣшимъ подѣлиться съ образованной частью русскаго общества тѣми мыслями и тѣмъ настроеніемъ, которыя вызваны въ насъ поведеніемъ полиціи и учебной администраціи... Педагогическое начальство... раздуло совсѣмъ скромную демонстрацію въ событіе политической важности, оно старалось рѣзкимъ отношеніемъ къ студентамъ вызвать крупныя демонстраціи... Однако студенты, въ послѣдніе годы перемѣнившіе политику сходокъ и бурныхъ проявленій на политику мирныхъ компромиссовъ, которые по ихъ наблюденіямъ оказывались болѣе результатными, и на этотъ разъ продолжали сдерживать свои возбужденныя чувства.

«Неудовлетворенное такимъ сравнительно благоразумнымъ поведеніемъ молодежи, педагогическое начальство обратилось къ полиціи, подвергшей аресту и административной высылкѣ болѣе 100 человѣкъ студентовъ, которые якобы являлись вожаками. — Когда и чѣмъ закончится этотъ грубый произволъ, который можетъ повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ для обѣихъ враждующихъ сторонъ, предсказать невозможно... Подобное поведеніе учебной администраціи можетъ быть мотивировано ни педагогическими ни общегосударственными соображеніями, и только и исключительно соображеніями личнаго и, конечно, корыстнаго свойства... — Не говоря уже про общечеловѣческое чувство гуманности, которое оскорбляется вышеуказаннымъ цинизмомъ отношеній и наглымъ произволомъ, мы думаемъ, что администрація, которая служитъ источникомъ этого произвола, дискредитируетъ высшую политическую власть, деморализуетъ и развращаетъ молодежь и вмѣстѣ съ тѣмъ подавляетъ въ лицѣ профессоровъ и преподавателей, какъ представителей науки, тѣ лучшіе и благородные порывы и стремленія, безъ которыхъ немыслимъ никакой, хотя бы медленно наступающій прогрессъ. Мы считаемъ, слѣдовательно, существованіе современной педагогической администраціи непоправимымъ зломъ, которое должно быть устранено какъ можно скорѣе... — Мы думаемъ, что образованное общество, всегда чуткое въ вопросахъ, затрогивающихъ чувство гуманности и человѣколюбія, но не всегда смѣлое въ вопросахъ общественныхъ, въ настоящемъ случаѣ не дастъ замолкнуть голосу совѣсти и съ достоинствомъ проявитъ свое гражданское мужество... — Представитель педагогической власти въ Москвѣ гр. Капнистъ долженъ быть устраненъ отъ исполненія возложенныхъ на него обязанностей, какъ лицо, позорящее честное имя не только педагога, но человѣка вообще...— Кому дороги интересы не ложнаго просвѣщенія, тотъ будетъ способствовать образованію депутацій къ высшей политической власти, такой депутаціи, которая станетъ настойчиво и категорично требовать или просить удаленія опозореннаго своимъ собственнымъ поведеніемъ гр. Капниста. Вмѣстѣ съ тѣмъ пострадавшіе и матеріально наказанные студенты, въ большинствѣ не знающіе своей вины, должны быть возвращены въ ун-тъ. Наглый произволъ долженъ быть устраненъ со всѣми его послѣдствіями... Лучшей интеллигентностью всякаго общества служитъ исторія его борьбы съ насиліемъ и произволомъ... И мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи наше образованное общество станетъ на высоту истиннаго значенія его въ судьбахъ русскаго просвѣщенія...

Не показываютъ ли приведенные факты достаточно ясно, что профессора, независимо отъ партійныхъ взглядовъ, нравственно *обязаны* были вмѣшаться въ дѣло? Мнѣ кажется, двухъ отвѣтовъ и не можетъ быть. Проф. Боголѣповъ въ своихъ воспоминаніяхъ не изложилъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя предшествовали петиціи 42 профессоровъ. Онъ изложилъ эти событія на $^1/_2$ страницы, записавъ, что «пока нѣтъ времени». Отсюда и много неясностей. Авторъ въ своемъ упорномъ консерватизмѣ (или по какой-либо причинѣ) проявившій полное непониманіе общественныхъ отношеній, полное незнакомство съ событіями вышеизложенными, въ своихъ записяхъ иногда буквально повторявшій мнѣнія и свѣдѣнія начальника охраннаго отдѣленія, естественно въ заступничествѣ профессоровъ увидалъ лишь либеральную агитацію.

Его олимпійскому профессорскому величію органически непонятно, какъ профессора могутъ вести какіе-либо переговоры съ незаконной организаціей, именуемой союзнымъ совѣтомъ землячествъ. Онъ съ гордостью разскажетъ, что отказался говорить со студентами, узнавъ, что они являются къ нему въ качествѣ депутатовъ. Таковъ былъ формализмъ человѣка, столь строго судившаго своихъ товарищей за болѣе разумное отношеніе къ дѣлу; формализмъ, показывающій, какъ правы были студенты въ своей оцѣнкѣ талантовъ Боголѣпова, какъ ректора университета, при которомъ вводился уставъ 1884 года.

Въ оцѣнкѣ профессорской петиціи Боголѣповъ совершенно солидаренъ съ мнѣніемъ Бердяева, писавшаго: «Только непониманіемъ дѣйствій администраціи, стремившейся этой мѣрой (т.-е. высылкой студентовъ, неучаствовавшихъ въ безпорядкахъ) подорвать всякое броженіе въ корнѣ, сломить для этого царившее настроеніе, а не гоняться за отдѣльными проявленіями его, каковы студенческіе безпорядки, а также *продолжающимъ царить въ средѣ профессоровъ оппозиціонномъ направленіи*, и можно объяснить такой неразумный ихъ шагъ, какъ подача, помимо попечителя округа, заявленія его императорскому высочеству московскому генералъ-губернатору по поводу послѣднихъ студенческихъ волненій и ходатайство за нѣкоторыхъ изъ студентовъ, высланныхъ по свѣдѣніямъ и соображеніямъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, а вовсе не Министерства Народнаго Просвѣщенія... Несомнѣнно,—заключаетъ Бердяевъ,—агитація профессоровъ можетъ снова разогрѣть и поднять настроеніе, результатомъ чего явятся безпорядки во всѣхъ умственныхъ центрахъ».

Университетскій муравейникъ зашевелился. У профессоровъ «не агитаторовъ» явилась мысль о подачѣ контръ-петиціи, чтобы «оттѣнить поведеніе петиціонеровъ». Но, признается самъ Боголѣповъ, подъ бумагой, сочиненной Легонинымъ, «подписка шла туго». «Отговаривались разными причинами, повидимому, пугали больше всего слова: «Порицаемъ образъ дѣйствій». Авторъ записокъ приводитъ, между прочимъ, «умный совѣтъ», данный контръ-революціонерамъ проф. А. П. Богдановымъ: «Борьба, которая идетъ теперь между профессорами, не есть только домашній споръ; это борьба двухъ политическихъ направленій, борьба, которая зарождается по всей Россіи и, между прочимъ, въ Петербургѣ, около самого Императора, поэтому будьте осторожны, не пишите никакихъ документовъ, которые могли бы быть впослѣдствіи выставлены противъ васъ. Если побѣдитъ партія называемая либеральной, то, повѣрьте, она не дастъ вамъ пощады и воспользуется всѣми вашими промахами. Ваша позиція

очень сильна, потому что вы стоите на почвѣ законности; но теперь надо выжидать выборовъ хорошаго руководителя, который бы стоялъ у руля». Но у единомышленниковъ Боголѣпова не было такого «хорошаго руководителя». Да и факты, на которыхъ хотѣла базироваться контръ-петиція, оказались сомнительными. Единомышленники Боголѣпова доказывали, что пунктъ объ университетскомъ судѣ въ петиціи 42 профессоровъ «будетъ заключать въ себѣ косвенное осужденіе теперешнему составу правленія и Ключевскому». Но какъ быть съ тѣмъ, что Ключевскій, къ удивленію Боголѣпова, не только самъ подписалъ петицію, но и больше всѣхъ старался о смягченіи участи потерпѣвшихъ студентовъ?

Вопросъ о недовѣріи правленію университета также оказался снятымъ съ очереди. 18 декабря состоялось засѣданіе университетскаго совѣта, гдѣ было заявлено, что ректоръ Некрасовъ и его помощникъ Звѣревъ подали «въ отставку, которая въ принципѣ принята, но попечитель и генералъ-губернаторъ попросили его (Некрасова) повременить. Заявленіе это сопровождалось рѣчью Некрасова, излагаемой въ воспоминаніяхъ Боголѣпова. Мы ее приведемъ цѣликомъ, какъ документъ, опубликовать который, можетъ-быть, и не будетъ болѣе случая.

Рѣчь ректора Имп. Моск. университета, обращенная къ профессорамъ послѣ засѣданія совѣта 17-го декабря 1894 года.

«Всѣмъ вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что въ настоящее время университетъ переживаетъ не только тревожные, но и совершенно критическіе моменты, создавшіе для меня, какъ ректора, невозможныя условія. Выясню въ общихъ очертаніяхъ, съ какими затрудненіями и обстоятельствами мнѣ приходится имѣть дѣло.

«Съ одной стороны, университетской администраціи и мнѣ приходится считаться съ тайной организаціей, извѣстной подъ именемъ союзнаго совѣта землячествъ. Эта организація не многочисленная, но устойчивая и далеко не безразличная для университета. Это — не невинныя землячества, имѣющія въ виду только матеріальную помощь другъ другу. Организація союзнаго совѣта имѣетъ цѣлью объединить все студенчество и чрезъ него проявлять власть, иногда насъ милующую, а иногда проявляющуюся въ насиліяхъ надъ профессорами и другими органами университета.

«Но съ землячествами и съ ихъ союзнымъ совѣтомъ мы справились бы при единодушной поддержкѣ профессоровъ, при добромъ нравственномъ вліяніи всѣхъ преподавателей на молодыхъ людей.

«Къ сожалѣнію, надежды мои на эту поддержку нынѣ окончательно разрушились, благодаря новому обстоятельству, съ которымъ я и правленіе въ настоящее время должны считаться. Я имѣю въ виду документъ, подписанный профессорами, числомъ болѣе 40, и извѣстный подъ именемъ петиціи, которая вчера подана была его имп. высочеству московскому генералъ-губернатору. Петиція имѣетъ цѣлью ходатайствовать о помилованіи 47 студентовъ, арестованныхъ 2 и 3 декабря и высланныхъ изъ Москвы. Но я имѣю въ виду обратить ваше вниманіе не на эту цѣль, противъ которой я не имѣю намѣренія возражать, а на тѣ части петиціи, которыя касаются правленія и которыя создаютъ мнѣ, какъ представителю правленія, безвыходное положеніе.

«Въ петиціи, между прочимъ, значится слѣдующее: «Аресты и высылки, произведенные полиціей, являются, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ волненія, обнаруживавшагося 2-го декабря въ нѣкоторой части студенчества подъ впечатлѣніемъ состоявшагося 1 декабря приговора правленія».

«Это не вѣрно. Эта версія распространена въ нѣкоторой части общественнаго мнѣнія; но на самомъ дѣлѣ событія текли иначе. Между тѣмъ для положенія правленія было весьма важно, чтобы профессора, подписавшіе петицію, поддержали точную версію. Эту версію они, при довѣріи ко мнѣ и правленію, могли бы легко получить: стоило только профессорамъ обратиться ко мнѣ, какъ представителю правленія. Но профессора, подписавшіе петицію, предпочли заимствовать эту версію изъ иныхъ источниковъ и тѣмъ выразили мнѣ, какъ ректору, весьма существенное недовѣріе.

«Считаю должнымъ обратить ваше вниманіе на то, что я не имѣю въ виду говорить здѣсь о довѣріи ко мнѣ лично, ко мнѣ, какъ Павлу Алексѣевичу. Напротивъ, лично къ себѣ я всегда встрѣчалъ довѣріе и сочувствіе почти всѣхъ профессоровъ. За это довѣріе я заранѣе приношу мою глубокую и искреннюю признательность моимъ почтеннымъ сотоварищамъ. Но теперь я говорю о поддержкѣ и довѣріи мнѣ, какъ ректору. Этой поддержки и довѣрія въ настоящій затруднительный и критическій для жизни университета моментъ я не нашелъ въ тѣхъ профессорахъ, которые подписали петицію.

«Далѣе петиція касается университетскаго суда, постановка котораго, по мнѣнію подписавшихъ ее, не вполнѣ цѣлесообразна. Я не намѣренъ возражать противъ этого и самъ думаю, что многія университетскія правила несовершенны и требуютъ исправленія и пересмотра. Подписавшіе петицію могли бы для намѣченнаго ими пересмотра правилъ избрать университетскій путь, въ согласіи съ подлежащими органами университета въ формахъ, не противорѣчащихъ требованіямъ и условіямъ спокойствія университетской жизни. Какъ ректоръ, я не уклонился бы дать правильный ходъ подобному пересмотру правилъ. Но подписавшіе петицію избрали иной путь и тѣмъ опять меня, какъ ректора, лишили поддержки и довѣрія.

«Я не сѣтую на такой исходъ дѣла. Но онъ поставилъ меня въ положеніе окончательно безвыходное. Вступая въ должность ректора, я съ этого кресла заявилъ, что я не въ силахъ управлять университетомъ безъ поддержки профессоровъ. Это я считалъ и теперь считаю аксіомой въ дѣлѣ университетскаго управленія. Теперь, имѣя предъ собою во всѣхъ отношеніяхъ трудное положеніе, я, сверхъ того, встрѣтилъ со стороны 42 профессоровъ дѣйствіе, лишившее меня всякой опоры.

«Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ привела меня къ убѣжденію, что я не въ силахъ съ пользой служить университету. Къ таковому же убѣжденію пришелъ и мой ближайшій сотрудникъ Н. А. Звѣревъ. Подъ вліяніемъ сложившагося во мнѣ глубокаго убѣжденія въ своемъ безсиліи помочь университету я рѣшилъ просить объ увольненіи меня отъ должности ректора. Съ этой мыслью и съ прошеніемъ объ отставкѣ въ рукахъ я явился сегодня утромъ къ попечителю, который, съ своей стороны, призналъ безысходность моего положенія и въ силу этого основательность моей просьбы. Слѣдовательно, въ принципѣ моя просьба объ отставкѣ принята. Но попечитель указалъ мнѣ, что я не имѣю права оставлять должность въ настоящее критическое время и обязанъ ждать ближайшаго удобнаго момента. Такъ какъ я не имѣю въ виду дѣлать кому-либо препятствія и демонстраціи, то, имѣя въ виду долгъ службы, я согласился оставаться въ должности до удобнаго момента, тѣмъ болѣе, что его высочество моск. ген.-губернаторъ чрезъ попечителя подтвердилъ мнѣ указаніе на мою обязанность пока не оставлять должности. Н. А. Звѣревъ также заявилъ чрезъ меня о желаніи получить увольненіе отъ исполненія обязанностей помощника ректора, но лично еще не успѣлъ подать прошенія попечителю.

«Итакъ, прошу васъ съ нынѣшняго дня считать меня состоящимъ въ должности ректора лишь временно, до ближайшаго удобнаго момента, въ который окажется возможнымъ передать обязанности ректора другому лицу. Пусть это лицо окажется искуснѣе меня въ управленіи и успѣшнѣе соединитъ васъ около знамени горячо любимаго всѣми нами университета».

По словамъ Боголѣпова, рѣчь ректора произвела «сильное впечатлѣніе». Петиціонеры указывали, что произошло «недоразумѣніе» и, по словамъ Боголѣпова, послѣ ухода Некрасова, было рѣшено «написать письмо Некрасову съ выраженіемъ довѣрія, чтобы его подписали всѣ». Боголѣповъ съ нѣкоторыми своими неумѣлыми единомышленниками (такъ онъ характеризуетъ ихъ самъ) рѣшили, однако, «никакихъ заявленій не подписывать вмѣстѣ съ петиціонерами, потому что это послужило бы имъ только прикрытіемъ». Письмо, однако, тутъ же было составлено и препровождено Некрасову за подписью 68 профессоровъ (здѣсь была и подпись осторожнаго Богданова).

«Многоуважаемый Павелъ Алексѣевичъ! — гласило оно. — Не входя въ то или другое объясненіе различныхъ недоразумѣній по поводу совершившихся университетскихъ событій, мы просимъ васъ, П. А., толковать наше настоящее письменное обращеніе къ вамъ не только какъ выраженіе нашего полнаго довѣрія къ вамъ, какъ къ человѣку, но и выраженіе нашего довѣрія

къ вашей дѣятельности въ качествѣ ректора и университетскаго администратора. Мы, нижеподписавшіеся, убѣдительно просимъ васъ отказаться отъ принятаго вами рѣшенія и не удаляться отъ участія въ управленіи университетомъ.

Затѣмъ 23 декабря Некрасову было вручено дополнительное письмо уже отъ имени только «кающихся петиціонеровъ», какъ называетъ ихъ авторъ воспоминаній. Вотъ оно:

«Глубокоуважаемый Павелъ Алексѣевичъ!

«Мы, профессора, подписавшіе петицію на имя его импер. выс. моск. ген.-губернатора, были глубоко поражены и огорчены неожиданнымъ для насъ сообщеннымъ вами членамъ унив. совѣта извѣстіемъ о томъ, что вслѣдствіе именно этой петиціи вы рѣшились отказаться отъ должности ректора и уже подали г. попеч. учеб. округа просьбу объ отставкѣ, каторая имъ была немедленно принята — по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Называя такой шагъ съ вашей стороны неожиданнымъ для насъ, мы можемъ подтвердить это заявленіе ссылкой не только на тѣ цѣли, которыми руководили нами при составленіи нашего ходатайства, но и на принятыя нами мѣры къ устраненію всякаго подозрѣнія въ желаніи бросить какую-либо тѣнь на приговоръ университетскаго суда по дѣлу о безпорядкахъ 1-го декабря и вообще на вашу административную дѣятельность. Выставленная вами мотивировка не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что между нами и вами легло какое-то прискорбное недоразумѣніе, разъяснить которое мы считаемъ своимъ долгомъ, особенно въ виду вашего истинно товарищескаго отношенія къ профессорской коллегіи, которое выразилось въ томъ фактѣ, что вы, будучи ректоромъ, назначеннымъ отъ министра, тѣмъ не менѣе считаете довѣріе своихъ товарищей необходимымъ условіемъ отправленія ввѣренной вамъ не ими должности и тѣмъ самымъ заставляете ихъ смотрѣть на васъ какъ на старшаго представителя того же университета, благо котораго составляетъ ихъ завѣтную общую цѣль, а не какъ на чуждое имъ начальство, связанное съ ними только офиціально—мало того: своимъ вниманіемъ къ вопросу объ одобреніи вашихъ дѣйствій даже со стороны меньшинства вашихъ собратовъ по преподаванію вы ясно показываете, что въ своемъ понятіи объ университетѣ вы объединяете всѣхъ ихъ въ нераздѣльную корпорацію, хотя бы наличныя, временныя обстоятельства и не благопріятствовали такому, въ сущности, безусловно вѣрному взгляду. Это въ нашихъ глазахъ весьма вѣское соображеніе побуждаетъ насъ разобрать съ особенною тщательностью тѣ изъ нашихъ дѣйствій, въ которыхъ вы усмотрѣли признаки недовѣрія къ вашему управленію у-томъ.

«Въ своей рѣчи, обращенной къ членамъ совѣта послѣ засѣданія 17-го декабря, вы указали на три факта, оскорбившіе васъ, какъ ректора:

1) по вашему мнѣнію, своимъ ходатайствомъ мы вошли въ противорѣчіе съ постановленіемъ университетскаго суда, т.-е. правленія;

2) мы составили свою петицію тайно отъ васъ;

3) петицію мы представили не вамъ, своему непосредственному начальнику, а органу власти другого вѣдомства.

«По чистой совѣсти мы можемъ сказать, что всѣ эти три пункта вашихъ претензій противъ насъ основаны на неправильномъ толкованіи нашихъ поступковъ, что мы надѣемся выяснить до полной очевидности въ нижеслѣдующихъ возраженіяхъ.

1) «Протестъ нашъ направленъ исключительно противъ вмѣшательства административной власти въ университетскія дѣла, производимаго помимо воли и даже вѣдома учебнаго начальства, и носитъ характеръ *принципіальный*, слѣдовательно, имѣетъ въ виду не только событія 2-го и 3-го декабря, но и подобные имъ случаи въ будущемъ; однакоже, излагая исторію послѣдняго примѣра полицейскаго воздѣйствія на судъ, мы, конечно, не могли обойти факта университетскаго суда въ связи съ его послѣдствіями, а также, сообразно съ общимъ значеніемъ нашего ходатайства, не сочли возможнымъ умолчать о причинахъ недовѣрія студентовъ къ этому суду, какъ учрежденію, состоящему теперь, по уст. 1884 г., исключительно изъ членовъ университетской администраціи и пользующемуся въ качествѣ свидѣтелей почти только чинами университетской полиціи. Указывая на эти недостатки суда правленія, мы приняли, какъ намъ казалось, вполнѣ достаточно предосторожности для того, чтобы сказанное нами объ учрежденіи не было отнесено къ лицамъ, нынѣ его составляющимъ. Что же касается противорѣчія нашего ходатайства мѣрамъ университетской администраціи, то о таковомъ не могло быть и рѣчи, потому что наша петиція имѣла въ виду только административную высылку

студентовъ, тогда какъ о троихъ уволенныхъ по приговору правленія было еще прежде предпринято особое ходатайство проф. Ключевскимъ, не повлекшее за собою, какъ намъ было извѣстно, никакихъ недоразумѣній со стороны учебнаго начальства. Вообще въ нашей петиціи, не содержащей ничего такого, что могло бы поставить университетскую администрацію въ щекотливое положеніе относительно студентовъ или образовавшейся среди нихъ организаціи, и если мы сочли нужнымъ упомянуть о ней въ своемъ ходатайствѣ, то исключительно съ цѣлью облегченія участи лицъ, пострадавшихъ за принадлежность къ союзному совѣту.

2) «Мы были до такой степени далеки отъ мысли о необходимости тайны для нашего предпріятія, что на томъ же совѣщаніи, на которомъ обсуждалась редакція нашего ходатайства, было рѣшено извѣстить о томъ всѣхъ отсутствовавшихъ преподавателей, что по отношенію къ вамъ было исполнено на другой же день Влад. Ив. Герье въ профессорской комнатѣ. Если же къ предварительному совѣщанію оказались привлеченными не всѣ профессора, то причиной тому было отчасти безпомощное положеніе профессорской коллегіи, лишенной всякихъ средствъ къ осуществленію какъ бы то ни было общаго дѣла, а главнымъ образомъ поспѣшность, вызванная тѣмъ соображеніемъ, что его высоч. могъ выѣхать изъ Москвы прежде. чѣмъ мы успѣли бы вручить ему свое ходатайство.

3) «Наша петиція была подана е. в. не съ тѣмъ, чтобы онъ перерѣшилъ все дѣло, принявъ на себя обязанности высшей инстанціи, на что онъ, конечно, и самъ не согласился бы, а лишь въ надеждѣ на то, что е. в., снисходя къ нашей покорнѣйшей просьбѣ, соблаговолитъ препроводить это заявленіе почти половины членовъ университетскаго сов. на Высоч. воззрѣніе, помимо котораго вопросъ, возбуждаемый нашимъ ходатайствомъ, никакою властью во всей Россіи разрѣшенъ быть не можетъ, почему насъ никоимъ образомъ нельзя упрекать въ томъ, будто мы жаловались представителю чужого вѣдомства. Можетъ-быть, при болѣе обстоятельной бесѣдѣ съ вами о причинахъ, побудившихъ васъ къ принятію того рѣшенія, отъ котораго мы не менѣе, чѣмъ прочіе члены общества совѣта, желали бы васъ отклонить, обозначились бы и еще какія-нибудь стороны этого дѣла, подавшія поводъ къ недоразумѣніямъ съ вашей стороны, но мы ручаемся за то, что всѣ ваши недоумѣнія относительно нашихъ дѣйствій найдутъ себѣ вполнѣ удовлетворенныя разъясненія. Въ этой увѣренности мы покорнѣйше просимъ васъ, глубокоуважаемый П. А., смотрѣть на наше ходатайство лишь какъ на посильную попытку части университетскихъ преподавателей къ болѣе точнымъ опредѣленіямъ зависимости университета отъ властей, не принадлежащихъ къ учебному начальству и одновременно пользуемся этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать вамъ наше общее искреннее къ вамъ уваженіе. По письменному полномочію профессоровъ, подписавшихъ петицію на имя е. и. в. г. московскаго генералъ-губернатора имѣемъ честь представить вамъ эту объяснительную записку.

(Слѣдуютъ три подписи.)

Не входя въ оцѣнку мотивовъ, вызвавшихъ написаніе этого письма, можно предположить, что, вѣроятно, для нѣкоторыхъ здѣсь играло роль желаніе избѣгнуть осложненій внутри профессорской среды, которая отнюдь не могла служить въ пользу той основной цѣли, ради которой была подана петиція генералъ-губернатору: «Мы идемъ къ страшной университетской катастрофѣ», говорилъ гр. Капнистъ Боголѣпову. И дѣйствительно, этимъ письмомъ въ сущности и закончились внѣшнія тренія въ профессорской средѣ: Некрасовъ получилъ отъ министерства предписаніе остаться на своемъ посту и остался.

Пока происходило офиціальное движеніе бумагъ по инстанціямъ, пока работала комиссія, учрежденная генералъ-губернаторомъ подъ вліяніемъ ходатайства профессоровъ, для разслѣдованія основаній высылки студентовъ, пока, слѣдовательно, ожидался исходъ всего дѣла, профессорской корпараціи пришлось заняться разсмотрѣніемъ другого вопроса, тѣсно связаннаго съ протекавшими событіями,— о существованіи студенческихъ организацій. 29 декабря ректоръ «съ вѣдома» генералъ-губернатора созвалъ профессоровъ для ознакомле-

нія съ дѣятельностью союзнаго совѣта землячествъ. Цѣлью совѣщанія, какъ говоритъ Боголѣповъ въ своихъ запискахъ, было добиться отъ профессоровъ письменнаго заявленія, что «они порицаютъ союзный совѣтъ, какъ вредный студенческій союзъ, и общеніе съ нимъ профессоровъ признаютъ противнымъ долгу службы и нравственности» (?). Этому офиціальному совѣщанію предшествовали еще частныя совѣщанія: на одномъ изъ нихъ Боголѣповъ «старался доказать невозможность университетской жизни при существованіи подпольнаго студенческаго правительства, претендующаго управлять не только студентами, но и профессорами». На другомъ—высказывались мнѣнія «въ пользу узаконенія землячествъ». Конечно, тѣ же мнѣнія высказывались и на офиціальномъ совѣщаніи 29 декабря. Боголѣповъ въ своихъ запискахъ такъ разсказываетъ ходъ дѣла. Въ началѣ засѣданія ректоръ познакомилъ профессоровъ съ документами, которые «должны были характеризовать союзный совѣтъ». Этими документами были слѣдующіе: 1) письмо С. С. 14 ноября въ отвѣтъ на объявленіе попечителя (выше приведено цѣликомъ); 2) копія съ приговора судебной комиссіи по дѣлу проф. Владимирова [1]); 3) выдержка изъ лондонскаго русскаго журнала «Russian Free Press Fond» съ изложеніемъ столкновенія студентовъ въ 1893 г. съ проф. Янжуломъ изъ-за нежеланія его прекратить лекцію 19 февраля [2]); 4) заявленіе союзнаго совѣта 5 декабря 1894 г., просившаго студентовъ воздерживаться отъ какихъ-либо демонстрацій до выясненія результата ходатайства профессоровъ; 5) процитированное выше воззваніе «бывшихъ студентовъ». (Ректоръ отнесъ это письмо къ союзному совѣту, ибо оно написано «той же рукою». Довольно наивное рѣшеніе вопроса: развѣ одна и та же рука не могла отлитографировать различные документы? Но любопытно, что имѣющіеся у насъ экземпляры написаны *совершенно* различными руками). На ос-

---

[1]) Дѣло проф. Владимирова изложено нами по протоколамъ Судебной Комиссіи въ книгѣ «Студенческія организаціи». Сущность дѣла заключается въ томъ, что переходъ проф. Владимирова изъ Харькова въ Москву вызвало большое волненіе среди московскаго студенчества — протестъ «едва не выразился въ крайне рѣзкой формѣ». Негодованіе вызвало въ значительной степени участіе проф. Владимирова въ качествѣ защитника въ громкихъ уголовныхъ процессахъ того времени — ростовщика Кравцова, земскаго начальника Протопопова и др. Судебная комиссія постановила: «Не допускать г. Владимирова въ Московскій университетъ».

[2]) Дѣло проф. Янжула заключилось въ томъ, что проф. Янжулъ отказался не читать лекціи 19 февраля по просьбѣ студентовъ, стремившихся установить еще тогда празднество въ память освобожденія крестьянъ. Возмущеніе студентовъ вызвало не самый отказъ, а грубое обращеніе проф. съ делегатами. Проф. заявилъ, что не будетъ не только читать очередную лекцію, но будетъ «нарочно» читать лекцію о квартирномъ налогѣ, т.-е. о томъ, чего въ печатномъ его курсѣ нѣтъ. По словамъ Боголѣпова, проф. Янжулъ сравнилъ «манеру» студентовъ праздновать этотъ день «съ показываніемъ кукиша въ карманѣ». Въ результатѣ студенты освистали проф. на лекціи «о квартирномъ налогѣ» въ день 19 февраля. Свистуны были переписаны и отданы подъ судъ правленія университета. Въ дѣло должна была вмѣшаться судебная комиссія союзнаго совѣта. И чрезвычайно любопытно въ данномъ случаѣ ее постановленіе. Оно поразительно безпристрастно. Признавая въ «насмѣшкѣ» проф. Янжула надъ желающими праздновать 19 февраля оскорбительное отношеніе къ студентамъ, но въ то же время выяснивъ, что проф. Янжулъ не зналъ, что онъ говоритъ съ делегатами курса, судебная комиссія сочла инцидентъ до извѣстной степени недоразумѣніемъ. (Дѣло проф. Янжула изложено въ упомянутой книжкѣ и въ воспоминаніяхъ самого Янжула). О праздновании студентами 19 февраля см. тамъ же и въ моей статьѣ «Студенчество и 19 февраля», напечатанной въ журналѣ «Студенческая Жизнь» 1910 г. № 6.

нованіи этихъ документовъ, изъ которыхъ, по словамъ Боголѣпова, судебные приговоры «произвели самое сильное впечатлѣніе», ректоръ и сдѣлалъ выводъ о вредѣ дѣятельности союзнаго совѣта и т. д.

Должны были высказаться и профессора. Первымъ говорилъ Боголѣповъ.

«Эти сообщенія ректора,—говорилъ онъ,—открываютъ передъ нами пропасть, въ которую мы стремимся и упадемъ, если не примемъ своевременно мѣръ». Дальше Боголѣповъ говорилъ о союзномъ совѣтѣ, какъ о «террористическомъ кружкѣ» и заключилъ тѣмъ, что профессорамъ необходимо высказать порицаніе союзному совѣту, и что «въ дальнѣйшей, будничной жизни профессора должны имѣть мужество дружно проводить то правило, что студентъ въ университетѣ долженъ только учиться, что онъ обязанъ уважать авторитетъ ихъ учителей и университетской власти». Въ этомъ заявленіи Боголѣповъ видѣлъ спасеніе университета. Въ студентахъ «появится совсѣмъ иной духъ, и такимъ образомъ мы навсегда распростимся со студенческими безпорядками». Отъ Боголѣпова иного и не приходилось ждать: если Боголѣповъ былъ искрененъ, то приходится лишь удивляться наивной близорукости ученаго историка-юриста. Другіе профессора, болѣе вдумчиво относившіеся къ явленіямъ университетской жизни, конечно, не могли столь упрощенно разсуждать. Изъ воспоминаній Боголѣпова видно, что ему прежде всего возразилъ проф. Виноградовъ, признававшій выраженіе порицанія союзному совѣту одностороннимъ рѣшеніемъ дѣла: «Нельзя закрыть глаза на то, какими причинами вызвано появленіе союзнаго совѣта. Студенты имѣютъ много неудовлетворенныхъ потребностей, матеріальныхъ и отчасти нравственныхъ. Землячества являются естественнымъ выраженіемъ попытокъ удовлетворить этому стремленію студентовъ помогать другъ другу. Поэтому, если выразить порицаніе союзному совѣту, то одновременно надо выразить желаніе, чтобы землячества были узаконенны и организованны» [1]). Эти убѣжденія, повидимому, были сильнѣе младенческой аргументаціи Боголѣпова. «Такъ какъ желаніе, чтобы профессора высказались въ пользу землячествъ, — заключаетъ Боголѣповъ, — стало овладѣвать собраніемъ, то проф. А. всталъ и напомнилъ, что настоящее положеніе требуетъ, чтобы профессора оказали дружную поддержку ректору, и эта поддержка можетъ состоять только въ томъ, чтобы они искренно и громко заявили, что существованіе союзнаго совѣта они считаютъ подрывающимъ основы университетской жизни, не ослабляя силы своего заявленія оговорками о землячествахъ». Не будемъ передавать дальнѣйшихъ споровъ, какъ они передаются въ изложеніи г. Боголѣпова. Существенно то, что вопреки предложенію нѣкоторыхъ профессоровъ о необходимости отложить рѣшеніе вопроса, Боголѣповымъ была предложена резолюція, принятая послѣ долгихъ колебаній всѣми присутствующими профессорами. Боголѣповъ эту резолюцію передаетъ «почти дословно». Мы же передадимъ ее, дѣйствительно, дословно. Вотъ она:

Профессора Императорскаго Московскаго университета, собравшись 29-го декабря 1894 года по предложенію г. ректора для ознакомленія съ затруднительнымъ положеніемъ университета, созданнымъ событіями послѣдняго

---

[1]) Рѣшительно противъ порицанія союзнаго совѣта высказался А. И. Чупровъ.

времени, и получивъ въ первый разъ надлежащія свѣдѣнія о дѣятельности союзнаго совѣта землячествъ, сдѣлали слѣдующее заявленіе:

Не касаясь въ настоящее время вопроса о землячествахъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществахъ для благотворительныхъ или образовательныхъ цѣлей, мы считаемъ вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни такъ называемый союзный совѣтъ землячествъ, какъ такой тайный союзъ, который имѣетъ притязаніе судить университетскихъ преподавателей, начальство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать ихъ за неповиновеніе».

Сообщая эту резолюцію попечителю округа, ректоръ писалъ на другой день: «Гг. профессора, признавая серьезность положенія, нашли необходимымъ безотлагательно оказать администраціи университета нравственную съ ихъ стороны поддержку. Съ этой именно цѣлью... профессора составили и подписали... заявленіе, которое имѣетъ цѣлью къ авторитету администраціи присоединить авторитетъ профессоровъ, направленный противъ союзнаго совѣта землячествъ, какъ противъ вредной организаціи, не касаясь, однако, отдѣльныхъ землячествъ, относительно которыхъ не имѣлось данныхъ для сужденія» (нельзя сказать, чтобы эти данныя имѣлись и относительно самого союзнаго совѣта. *С. М.)*. «Передавая означенное заявленіе,—продолжалъ Некрасовъ,—профессора вмѣстѣ съ тѣмъ просили меня принять зависящія мѣры, чтобы студенты за настоящую принадлежность ихъ къ союзному совѣту не подверглись серьезному взысканію, если за ними нѣтъ другихъ болѣе важныхъ проступковъ. Съ своей стороны я согласился на просьбу профессоровъ, находя, что болѣе строгая отвѣтственность для виновныхъ должна наступить въ томъ случаѣ, если дѣятельность ихъ, какъ членовъ союзнаго совѣта, не будетъ прекращена даже послѣ порицанія ея *всѣми* (это невѣрно *С. М.*) профессорами. Вмѣстѣ съ тѣмъ я далъ нѣкоторымъ изъ профессоровъ разъясненіе, что ихъ вышеуказанное заявленіе не можетъ также отягчить участь тѣхъ студентовъ, которые, состоя членами союзнаго совѣта, были высланы административнымъ порядкомъ 2 декабря».

Мы не будемъ касаться здѣсь вопроса, насколько цѣлесообразно было процитированное профессорское заявленіе, вызванное очевидно тѣми или иными тактическими соображеніями. Вѣдь нельзя же себѣ представить въ дѣйствительности, что взглядъ на союзный совѣтъ, выраженный въ заявленіи, раздѣлялся многими изъ подписавшихся профессоровъ. Профессора не могли не видѣть, что дѣятельность союзнаго совѣта была охарактеризована въ засѣданіи 29 декабря чрезвычайно тенденціозно; не могли не знать, что только стараніями союзнаго совѣта болѣе или менѣе спокойно протекала университетская жизнь въ осенніе дни 1894 года, что сдержкой для студентовъ являлись призывы собственныхъ организацій, а не мудрыя успокоительныя мѣры (въ родѣ административныхъ высылокъ), принятыя по иниціативѣ охраннаго отдѣленія; не могли не знать и того, что въ засѣданіи 29 декабря тенденціозно замалчивались призывы союзнаго совѣта къ студентамъ держаться спокойно и подчеркивались заявленія, что демонстраціи могутъ быть допущены лишь тогда, когда всѣ мѣры окажутся исчерпанными, когда выяснится безрезультатность затѣянныхъ переговоровъ, ходатайствъ и петицій, и что тогда союзный совѣтъ возьметъ въ свои руки организацію этихъ демонстрацій, дабы придать имъ планомѣрность; не могли не знать профессора и того, какъ много дѣлалъ союзный совѣтъ для студенческаго самообразованія, ка-

кое большое моральное значеніе имѣли постановленія судебной комиссіи по чисто профессіональнымъ студенческимъ дѣламъ (факты эти въ достаточномъ количествѣ приведены въ моей книжкѣ), какъ старался союзный совѣтъ укрѣпить близкія связи между студентами и профессорской корпораціей и т. д. Осужденіе союзнаго Совѣта было явно несправедливо. Союзный совѣтъ въ своемъ отвѣтѣ отъ имени 43 землячествъ на заявленіе профессоровъ 10 января 1895 г. имѣлъ полное право, указавъ, что документы на засѣданіи 29 декабря «были подобраны съ ясно опредѣленной цѣлью подѣйствовать какъ можно сильнѣе на профессоровъ, а тѣ, которые могли бы освѣтить организацію съ другой стороны, прочитаны не были», заключить свое возражденіе: «Не входя въ обсужденіе высказанныхъ мнѣній (на засѣданіи 29 декабря) союзный совѣтъ можетъ сказать, что вышеизложенная формула явилась плодомъ недоразумѣнія: наша организація никогда не «имѣла притязанія судить профессоровъ», она никогда не «предписывала имъ образа дѣйствій», а только выясняла событія или личности для того, чтобы предотвратить безпорядки, и если подобное заявленіе было подписано профессорами, то, очевидно, только благодаря преднамѣренному освѣщенію организаціи...» Мы видимъ, какъ въ сущности мягокъ и тактиченъ отвѣтъ. Онъ показываетъ, что всѣ розсказни, слухи и сплетни, записанныя Боголѣповымъ, о какихъ-то угрозахъ рѣшительно являются вымысломъ, въ цѣляхъ преднамѣреннаго искаженія дѣятельности союзнаго совѣта, который, конечно, не прекратилъ своего существованія отъ того, что профессора отнеслись къ его организаціи отрицательно. Его создавала сама жизнь, поэтому даже насильственная полицейская выемка изъ его состава не могла его ликвидировать. Этого не понималъ Боголѣповъ, равно какъ ему было совершенно непонятно, почему нѣкоторые изъ профессоровъ «больше всего заботилась о томъ, чтобы порицанія профессоровъ не повредили членамъ союзнаго совѣта», какъ-то даже странно, что Боголѣповъ не понималъ этихъ чисто мораль-ныхъ соображеній.

Но продолжимъ нашъ разсказъ дальше. Послѣ донесенія попечителю ректоръ выработалъ и обращеніе къ студентамъ для ознакомленія послѣднихъ съ резолюціей профессоровъ.

«Обстоятельства послѣдняго времени побуждаютъ меня напомнить студентамъ, что всякаго рода тайныя студенческія организаціи, въ томъ числѣ землячества, признаются распоряженіемъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 21 января 1887 года недозволенными сообществами, за принадлежность къ которымъ студенты подлежатъ отвѣтственности, согласно подпискѣ, даваемой ими при поступленіи въ университетъ.

«Независимо отъ сего, профессора Московскаго университета, въ числѣ 82 человѣкъ, ознакомившись въ собраніи 29 декабря 1894 года съ дѣятельностью такъ называемаго союзнаго совѣта землячествъ по изданнымъ имъ письмамъ, листкамъ и воззваніямъ, а также судебнымъ рѣшеніямъ, и другимъ документамъ, сдѣлали мнѣ слѣдующее письменное заявленіе: (слѣдуетъ извѣстное заявленіе).

«Вполнѣ присоединяясь къ этому заявленію и опираясь на его нравственный авторитетъ, я приглашаю студентовъ, состоящихъ нынѣ членами союзной организаціи, немедленно выйти изъ ея состава, обѣщая въ такомъ случаѣ не привлекать ихъ къ отвѣтственности предъ университетскимъ начальствомъ за принадлежность къ помянутой организаціи. Тѣхъ же студентовъ, которые не перестанутъ быть членами союза, или вновь вступятъ въ оный, или будутъ исполнять его порученія, считаю долгомъ предупредить, что они будутъ подвергнуты за то заслуженному строгому взысканію».

Опубликованіе этого обращенія было, однако, задержано въ виду несогласія министерства или вѣрнѣе особаго совѣщанія, въ

которомъ участвовали чины Министерства Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ дѣлъ. Недовольство вызвало, главнымъ образомъ, — разсказываетъ Боголѣповъ, — то, что ректоръ обѣщалъ настоящему составу союзнаго совѣта безнаказанность, если онъ разойдется. Министръ внутреннихъ дѣлъ сказалъ, что въ этомъ составѣ есть нѣсколько замѣшанныхъ въ политическихъ дѣлахъ, стоящихъ, однако, въ связи съ союзнымъ совѣтомъ, а потому обѣщать имъ безнаказанность нельзя. Въ министерскомъ совѣщаніи былъ выработанъ новый проектъ объявленія къ студентамъ. Оно гласило:

«Дѣйствующими общими узаконеніями всякаго рода тайныя сообщества строго воспрещаются, а потому какъ университетскими правилами, такъ и особымъ распоряженіемъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го января 1887 года студентамъ безусловно возбраняется участіе въ какихъ бы то ни было землячествахъ, кружкахъ саморазвитія и т. п. Напоминая объ этомъ студентамъ, я считаю своимъ долгомъ указать имъ, что въ послѣднее время особенно пагубно для учащейся молодежи выразилась дѣятельность студенческой организаціи, принявшей названіе «объединеннаго союза землячествъ», дѣйствующаго черезъ такъ называемый союзный совѣтъ землячествъ. Крайне вредное направленіе этого совѣта выяснилось недавно совершенно опредѣленно и подтвердилось рядомъ выпущенныхъ имъ листковъ, писемъ и воззваній, въ виду чего я счелъ необходимымъ пригласить всѣхъ наличныхъ профессоровъ ближайше ознакомиться со столь пагубною дѣятельностью этого именно тайнаго сообщества, при чемъ въ собраніи 29-го декабря 1894 года всѣ присутствовавшіе пришли къ слѣдующему единогласному заключенію, подписанному затѣмъ 80-ю профессорами: «Не касаясь въ настоящее время вопроса о землячествахъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществахъ для благотворительныхъ и образовательныхъ цѣлей, мы считаемъ вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни такъ называемый союзный совѣтъ землячествъ, какъ такой тайный союзъ, который имѣетъ притязаніе судить университетскихъ преподавателей, начальство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать за неповиновеніе.

«Опираясь на авторитетъ этого заявленія гг. профессоровъ и на основаніи дѣйствующихъ законоположеній, я въ надеждѣ на то, что большинство студентовъ чуждо мысли о нарушеніи закона путемъ организацій запрещенныхъ тайныхъ сообществъ, предостерегаю ихъ отъ всякаго участія въ землячествахъ или иныхъ запрещенныхъ кружкахъ, на которыхъ основана «союзная организація землячествъ», а въ особенности отъ участія въ этой организаціи и въ союзномъ совѣтѣ; отъ тѣхъ же студентовъ, которые вовлечены уже въ участіе въ этомъ союзѣ и въ этихъ тайныхъ сообществахъ, я требую оставленія ихъ и прекращенія всякихъ дальнѣйшихъ къ нимъ отношеній, предупреждая, что въ противномъ случаѣ виновные будутъ подвергнуты заслуженному строгому взысканію.

Исчезло, такимъ образомъ, обѣщаніе о безнаказанности, хотя надо сказать что и въ первоначальномъ проектѣ весьма осторожно было обѣщана безнаказанность только отъ университетскихъ властей. А главное, каждый изъ читателей легко замѣтитъ, что во второмъ объявленіи сдѣлана существенная подтасовка, противъ которой и протестовалъ проф. Виноградовъ на засѣданія совѣта 21 января, гдѣ докладывались измѣненія, внесенныя министромъ въ проектъ ректора. Особое мнѣніе, поданное проф. Виноградовымъ, формулировано было такъ:

«По поводу объявленія г-на ректора, отъ 11 января 1895 года, считаю долгомъ замѣтить, что нахожу его по формѣ неудовлетворительнымъ. Онъ ссылается, между прочимъ, на постановленіе совѣщанія профессоровъ, отъ 29 декабря прошлаго года, которое осуждаетъ союзный совѣтъ, «не касаясь землячествъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществъ для благотворительныхъ или образовательныхъ цѣлей». — «Опираясь на нравственный авторитетъ этого заявленія и на основаніи дѣйствующихъ узаконеній», г-нъ ректоръ предостерегаетъ студентовъ отъ всякаго участія «въ землячествахъ или въ иныхъ запрещенныхъ сообществахъ и въ особенности въ союзной организаціи».

«Я нахожу, что такая редакція объявленія можетъ вызвать прискорбныя недоразумѣнія. Студенты могутъ усмотрѣть въ ней противорѣчіе между мнѣніемъ профессоровъ и заключеніемъ г-на ректора, опирающимся на это мнѣніе. Или же студенты поймутъ ссылку, какъ доказательство, что профессора высказались не только противъ союзной организаціи, но и противъ отдѣльныхъ землячествъ. При первомъ толкованіи проиграетъ авторитетность объявленія 11 января, при второмъ — будетъ искаженъ смыслъ постановленія 29 декабря, которое совершенно выдѣляло вопросъ о землячествахъ, а не разсматривало ихъ, какъ одну изъ формъ предосудительныхъ студенческихъ сообществъ»...

По существу университетская исторія кончилась. Нельзя, однако, не отмѣтить, что петиція профессоровъ генералъ-губернатору не была безплодной: число пострадавшихъ значительно уменьшилось. Козлами отпущенія оказались только 16 человѣкъ. «Я слышалъ, — записываетъ Боголѣповъ, — что послѣдніе обвиняются въ участіи въ покушеніи, которое готовилось на Смоленской ж. д. прошлой осенью». Допустимъ, даже вопреки очевидной почти истинѣ, что это такъ и было дѣйствительно — наши документы молчатъ по этому поводу. Какъ характерно подобное признаніе. Сопоставимъ его съ процитированнымъ выше донесеніемъ начальника охраннаго отдѣленія, которое такъ хорошо было освѣдомлено о дѣлахъ союзнаго совѣта и въ теченіе цѣлаго года молчало! Чрезвычайную любопытную деталь сообщаетъ Боголѣповъ. Въ февралѣ ректоръ былъ вызванъ генералъ-губернаторомъ. «Вел. князь желалъ слышать отъ него, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ дѣлать съ союзнымъ совѣтомъ. Некрасовъ отвѣчалъ, что если полиціи точно извѣстны имена членовъ совѣта, то съ ними надо поступить рѣшительно— выслать изъ Москвы, но не отрѣзывать возможности вступить съ осени въ другіе университеты. Некрасовъ при этомъ высказалъ мысль, что слѣдовало бы обратить вниманіе и на землячества, которыя будутъ впредь служить источникомъ для образованія новыхъ членовъ союзнаго совѣта». Какъ это гармонировало съ обѣщаніемъ, даннымъ ректоромъ профессорамъ послѣ засѣданія 29 декабря! Тѣмъ временемъ спокойствіе возстановилось, въ университетѣ лекціи шли своимъ чередомъ. Но еще не высказала своего мнѣнія высшая учебная администрація по поводу незакономѣрнаго дѣйствія 42 профессоровъ, подавшихъ петицію «въ чужое вѣдомство» и возбудившихъ «щекотливые вопросы въ такое время, когда студенты и безъ того уже были взволнованы». Этой высшей инстанціей было Министерство Народнаго Просвѣщенія, куда, между прочимъ, непосредственно обратились 24 профессора изъ числа подписавшихъ петицію генералъ-губернатору. Они представили свои возраженія на извѣстныя уже намъ «замѣчанія» попечителя (какъ мы говорили, кромѣ того, 9 профессоровъ представили свои возраженія непосредственно попечителю). «Я надѣюсь добыть копію съ этого заявленія 24-хъ профессоровъ», записываетъ 19 января Боголѣповъ. Но этой копіи нѣтъ въ приложеніяхъ, данныхъ «Русскимъ Архивомъ». Историку русскихъ университетовъ будетъ необходима копія съ этого документа, почему считаемъ не лишнимъ привести и ее:

Ваше сіятельство,
милостивый государь
графъ Иванъ Давидовичъ.

Нижеподписавшіеся профессора, представлявшіе ходатайство его императорскому высочеству московскому генералъ-губернатору о помилованіи высланныхъ изъ Москвы студентовъ, получивъ отъ г. попечителя экземпляры «Замѣчаній на ходатайство 42 профессоровъ» и находя въ нихъ тяжкія на

себя обвиненія, имѣютъ честь почтительнѣйше просить ваше сіятельство принять отъ нихъ нижеслѣдующія разъясненія.

Ходатайство 42 профессоровъ передъ его императорскимъ высочествомъ имѣло своею единственной цѣлью смягченіе участи провинившихся студентовъ въ возможно широкой мѣрѣ, но съ понятною оговоркой о такихъ лицахъ, которыя могли быть обвинены въ преступленіяхъ политическаго характера.

«Все остальное содержаніе поданнаго его императорскому высочеству письма, съ одной стороны, имѣло служить посильнымъ комментаріемъ къ просьбѣ о милости, представляя тѣ соображенія, которыя въ нашихъ глазахъ казались облегчающими обстоятельствами въ дѣлѣ студентовъ; съ другой стороны, указывало, въ связи съ недавними происшествіями, на нѣкоторыя особенности университетскаго быта и преимущественно на тѣ, въ силу коихъ профессора, не имѣя прямыхъ и законныхъ средствъ вліять на поведеніе студентовъ, въ то же время являются въ глазахъ начальства и общества въ нѣкоторой мѣрѣ отвѣтственными за безпорядки, подобные недавнимъ.

«Самый актъ ходатайства о снисхожденіи къ провинившимся и наказаннымъ студентамъ мы считали дѣйствіемъ, способнымъ помочь возстановленію порядка въ студенческой средѣ и успокоить родителей пострадавшихъ. Наше «участіе въ судьбѣ студентовъ, подвергнутыхъ тяжкой карѣ, является совершенно естественнымъ», какъ признаетъ самъ г. попечитель (стр. 20 «Замѣчаній»), и мы имѣли счастіе узнать, что оно совпало съ видами его императорскаго высочества. Соображенія же, представленныя нами въ качествѣ комментаріевъ и мотивовъ къ такому ходатайству, будучи предназначены на усмотрѣніе Августѣйшей Особы и оставаясь, поскольку отъ насъ зависѣло, тайною и для студентовъ и для общества, ни въ какомъ случаѣ не могли, на нашъ взглядъ, послужить ни пищею для новыхъ безпорядковъ, ни поводомъ къ дискредитированію университетскихъ или иныхъ властей въ чьемъ-либо мнѣніи.

«Въ виду этого мы прежде всего крайне удивлены, что г. попечитель, въ заключительныхъ строкахъ своихъ «Замѣчаній», признаетъ наше ходатайство *съ тѣмъ содержаніемъ и въ той формѣ*, въ которой оно составлено, могущимъ имѣть вредныя послѣдствія (стр. 21) въ указанномъ смыслѣ, находя, что «отвѣтственность за повтореніе и особенно за размѣры могущихъ произойти безпорядковъ должна до нѣкоторой степени пасть на отвѣтственность составителей петицій» (стр. 21).

«Г. попечитель находитъ, что «единственное правильное и достижимое въ данномъ случаѣ ходатайство... могло бы заключаться лишь *въ просьбѣ о провѣркѣ основаній, на которыхъ послѣдовала высылка студентовъ*, и объ окончательномъ рѣшеніи компетентною властью вопроса объ отвѣтственности студентовъ» (стр. 20). — Мы полагали, что «указывать на провѣрку основаній» значило бы выражать прямое сомнѣніе въ правильности приговоровъ, а потому предпочли просить о широкой *милости*, — не въ видѣ исправленія какихъ либо ошибокъ, а во имя облегчающихъ обстоятельствъ общаго характера.

«Мы крайне удивлены, что именно этотъ, на нашъ взглядъ болѣе почтительный и непритязательный характеръ ходатайства вмѣняется намъ г. попечителемъ въ особенно тяжкую вину.

«Г. попечитель усматриваетъ въ нашемъ заявленіи: а) «снисходительно-поощрительное отношеніе къ студенческимъ тайнымъ сообществамъ вообще, б) инсинуацію, что сообщества эти допускаются начальствомъ» (стр. 20).

«Развивая эти обвиненія на первыхъ страницахъ своихъ «Замѣчаній», графъ П. А. Капнистъ однакоже самъ признаетъ, что извѣстнаго рода группы студентовъ, «хотя бы на разговорномъ языкѣ, и получаютъ наименованіе землячествъ, но не носятъ еще въ себѣ признаковъ тайнаго сообщества, а потому не подлежатъ карательнымъ мѣрамъ», и прямо подтверждаетъ, что «университетскія власти... всегда имѣли дѣло съ ними, напримѣръ, при раздачѣ пособій и пр. (стр. 3.)

«Но не о томъ ли самомъ говоритъ и наша петиція, когда указываетъ въ первыхъ же строкахъ на студентовъ, «изъ которыхъ большинство завѣдомо» (т.-е. насколько *намъ* извѣстно) «пострадало лишь за принадлежность къ земляческой организаціи, т.-е. за нарушеніе пар. 16 правилъ, а нѣсколько далѣе прибавляетъ, что такія «землячества» существовали «съ вѣдома университетскихъ и полицейскихъ властей?» — Слѣдуетъ ли отсюда вывести, будто подавшіе петицію профессора приписывали университетскимъ и полицейскимъ властямъ послабленіе къ тайнымъ обществамъ, будто они сами, профессора, поощряютъ такія вредныя сообщества?..

«Г. попечитель признаетъ, что «точная организація» и составъ «союзнаго совѣта» доселѣ недостаточно выяснены, что были замѣтны лишь «проявленія

дѣятельности союза» (стр. 10). Если столь скудны въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, имѣвшіяся въ распоряженіи начальства университета, — возможно ли ожидать болѣе точныхъ о томъ свѣдѣній у профессоровъ, которые, по существующему Уставу, не имѣютъ ни права ни обязанности слѣдить за поведеніемъ студентовъ?

«Нѣкоторыя предосудительныя «проявленія дѣятельности» какихъ-то лицъ, въ видѣ подметныхъ листковъ, воззваній и т. п., отъ имени дѣйствительныхъ или воображаемыхъ «союзовъ» или «комиссій» замѣчались по временамъ и профессорами; но отсюда далеко было даже до яснаго представленія о томъ, существовала ли дѣйствительно широкая организація вреднаго характера, или же означенныя дѣйствія производились отдѣльными лицами, самозванно присвоившими себѣ тѣ или другія функціи и наименованія.

«Большинство же профессоровъ, даже о такихъ «проявленіяхъ дѣятельности», каковы перечислены на стр. 5 «Замѣчаній», впервые узнало, уже послѣ подачи петиціи, изъ сообщенія г. ректора въ созванномъ имъ 29-го декабря собраніи профессоровъ, при чемъ послѣдніе ясно заявили о своемъ незнакомствѣ съ сообщеннымъ имъ фактами и выразили строгое ихъ осужденіе. Слѣдуетъ думать, что и для начальства университета такія данныя были недавнею новостью: иначе, нѣтъ сомнѣнія, мы, профессора, получили бы о нихъ разъясненія ранѣе. Такое своевременное ознакомленіе насъ съ этими данными могло бы, конечно, предотвратить ту неточность терминологіи, которая нынѣ въ глазахъ г. попечителя представляется столь тяжкою виною съ нашей стороны.

«Въ виду всего сказаннаго, есть ли какая-либо возможность заключить, что подписавшіе петицію 42 профессора, ходатайствуя за участниковъ «землячества», желали этимъ одобрить тѣ явленія, о которыхъ говоритъ стр. 5 «Замѣчаній»? Можно ли допустить, что они признаютъ терпимую такую организацію, которая присвояла бы себѣ характеръ трибунала по отношенію къ нимъ же, профессорамъ, и имѣла бы притязаніе управлять университетскими дѣлами?

«Поощреніе *такой* организаціи, помимо явной противозаконности своей, представляется настолько противоестественнымъ, что обвиненія, направленныя въ эту сторону, не нуждаются въ опроверженіи. А если бы такое опроверженіе и было нужно, то оно самымъ категорическимъ образомъ дано въ томъ заявленіи, которое было составлено въ вышеупомянутомъ собраніи 29-го декабря и подписано всѣми (свыше 80) присутствовавшими профессорами [1]).

«Мы отказываемся понять цѣль намека на совпаденія между содержаніемъ петиціи и какими-то подпольными листками (стр. 12, прим.). Если бы случилось (что представляется возможнымъ), что студентъ, осужденный какимъ-либо тайнымъ «совѣтомъ», въ то же время уволенъ изъ университета, или высланъ изъ Москвы, — значило ли бы это, что университетскія или полицейскія власти дѣйствуютъ по соглашенію съ тайной организаціей?

«Считая возможнымъ утверждать, что «гг. профессора своимъ снисходительнымъ отношеніемъ къ тайнымъ студенческимъ сообществамъ поощряютъ, между прочимъ и сообщества, столь вредныя съ чисто академической точки зрѣнія, какъ союзный совѣтъ (стр 7), — г. попечитель приводитъ въ опору такого толкованія петиціи только «позднѣйшія разъясненія ея значенія» сдѣланныя нѣкоторыми изъ профессоровъ» (стр. 9 — 10, 20). Здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется болѣе позднее письмо нѣсколькихъ профессоровъ къ г. ректору университета. На это позволяемъ себѣ замѣтить, во-первыхъ, что ходатайствовать «съ цѣлью облегченія участи лицъ, пострадавшихъ за принадлежность къ союзному совѣту» (слова изъ письма къ г. ректору), во всякомъ случаѣ, не значитъ «являться заступниками за союзный совѣтъ (толкованіе г. попечителя, стр. 8). Во-вторыхъ, предосудительно или нѣтъ наше ходатайство, истиннаго и точнаго смысла документа, имѣвшаго столь особое и высокое назначеніе, какъ петиція 42 профессоровъ на имя его императорскаго высочества, слѣдуетъ искать въ ней *самой*.

«Графъ П. А. Капнистъ приписываетъ намъ, наконецъ, «неправильное толкованіе, въ силу коего тайныя сообщества студентовъ внѣ стѣнъ университета будто бы изъяты изъ вѣдѣнія общей администраціи и, вопреки общимъ законамъ, не подлежатъ полицейской карѣ, а должны вѣдаться исключительно университетскими властями» (стр. 21).

«Такого толкованія въ текстѣ нашего ходатайства *нѣтъ*. Петиція напоминаетъ только о ст. 124 Устава университетовъ («О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершонномъ студентомъ внѣ университета, полиція немедленно увѣдомляетъ университетское начальство» и т. д.); говоритъ о нежелательности «смѣшенія между государственными преступленіями и провинностями, предусматриваемыми правилами для студентовъ»,—объ излишнемъ «усердіи аген-

товъ полицейской власти», которое побуждаетъ ихъ «безъ должной осторожности привлекать къ тяжелой отвѣтственности почти невиновныхъ людей», о несправедливости «удвоенія кары за одинъ и тотъ же поступокъ» когда, наприм., студентъ, уволенный правленіемъ, высылается изъ Москвы полиціей». Справедливы или нѣтъ эти соображенія, — несомнѣнно, что въ нихъ не содержится того, въ чемъ обвиняетъ насъ пунктъ «Замѣчаній» (стр. 20).

Мы не будемъ останавливаться на отзывѣ г. попечителя о нашихъ мнѣніяхъ относительно вопросовъ университетской администраціи и въ особенности университетскаго суда, такъ какъ эти мнѣнія не упоминаются въ текстѣ обвинительныхъ пунктовъ, приведенныхъ въ концѣ «Замѣчаній». Но по поводу упрека, что «мотивировка желательныхъ преобразованій университетскаго суда сдѣлана въ такое время, когда среди студентовъ господствуетъ волненіе, и при этомъ безъ всякой оговорки относительно необходимаго поддержанія авторитета существующихъ властей» (стр. 16), — позволяемъ себѣ еще разъ повторить, что текстъ нашего ходатайства не предназначался для чтенія студентовъ, а потому присутствіе въ немъ подобной «оговорки» являлось бы по меньшей мѣрѣ излишнимъ».

Едва ли можно было ожидать иного рѣшенія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, чѣмъ то, которое послѣдовало въ самомъ непродолжительномъ времени. Министръ объявлялъ профессорамъ, что

1) «Понимая чувство состраданія къ юношамъ, хотя и заблуждающимся, но пострадавшимъ, и желаніе облегчить ихъ участь», онъ, однако, признаетъ «обращеніе профессоровъ съ упомянутой просьбой прямо къ представителю высшей мѣстной администраціи, помимо установленныхъ надъ университетомъ ближайшихъ властей, противнымъ порядку служебнаго подчиненія.

2) «Мотивы, приведенные въ подтвержденіе просьбы и всю вторую ея часть, содержащую въ себѣ соображенія о некомпетентности правленія университета для сужденія о проступкахъ студентовъ, — писалъ Деляновъ совершенно неумѣстны».

«Въ виду сего и принимая во вниманіе, что содержаніе просьбы профессоровъ, поданной во время броженія среди студентовъ, могло быть понято ими какъ осужденіе университетскихъ порядковъ, основанныхъ на законѣ и на распоряженіи министерства, и что такое осужденіе, сдѣлавшись, безъ сомнѣнія, извѣстнымъ студентамъ, могло побудить нѣкоторыхъ изъ нихъ принять участіе въ безпорядкахъ и вызвать грустныя для сихъ студентовъ послѣдствія, я поручаю (Капнисту) поставить на видъ профессорамъ: Сѣченову, Гроту, Филатову, Столѣтову, Фортунатову, Стороженко, Дьяконову, Шварцу, Фохту, Крюкову, Духовскому, Миллеру, Тимирязеву, Маклакову, Лопатину, Виноградову, Мензбиру, Корелину, Огневу, Митропольскому, С. Корсакову, Павлинову, Боброву, Булыгину, Анучину, Зелинскому, Коршу, Соболевскому, Умову, Кожевникову, Горожанкину, Шервинскому, Н. Корсакову, Ключевскому, Соколову, Вл. Тихомирову, неправильность ихъ поступковъ и объявить имъ, что я порицаю ихъ образъ дѣйствій.

«Независимо отъ сего, узнавъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что главными дѣятелями по составленію и представленіи вышеуказанныхъ прошеній были Эрисманъ, Герье, Чупровъ, Остроумовъ, я признаю необходимымъ объявить имъ выговоръ съ указаніемъ, что дальнѣйшее броженіе среди учащейся молодежи я долженъ буду приписать, главнымъ образомъ, ихъ неумѣстному вмѣшательству».

«Великій князь сообщилъ ректору подъ секретомъ, — записываетъ Боголѣповъ,—что министръ народнаго просвѣщенія предполагаетъ лѣтомъ уволить отъ службы въ университетѣ четырехъ профессоровъ: Герье, Эрисмана, Чупрова и Остроумова». Дѣло не ограничилось только этимъ. Немедленно же пострадали привать-доценты Безобразовъ и Милюковъ, которые были уволены изъ числа приватъ-доцентовъ съ запрещеніемъ педагогической дѣятельности въ предѣлахъ Россійской имперіи. Если перваго достигла кара за «какіе-то рѣзкія слова» на публичной лекціи, то второго за то, что «по всѣмъ разсказамъ, какъ записываетъ Боголѣповъ, — принималъ дѣятельное участіе въ профессорской петиціи и въ дѣйствіяхъ союзнаго совѣта. А затѣмъ послѣдовала и высылка изъ Москвы

опальныхъ университетскихъ преподавателей. Такъ кончилось университетская исторія 1894 г., любопытная уже потому, что тогда среди профессоровъ либераловъ - «агитаторовъ» дѣйствовалъ будущій министръ народнаго просвѣщенія Шварцъ — предшественникъ г. Кассо по экспериментамъ надъ автономными университетами. Такъ мѣняютъ обстоятельства людскія убѣжденія. А среди боголѣповскихъ сторонниковъ фигурируютъ люди, въ наши дни уже не выдержавшіе кассовскаго режима и покинувшіе Московскій университетъ...

Въ 1894 г. Оставалось только ликвидировать вопросъ о существованіи студенческихъ организацій. Здѣсь Боголѣпову пришлось играть активную роль, которая показываетъ, какъ мало самостоятеленъ былъ въ своихъ сужденіяхъ профессоръ Московскаго университета, признанный впослѣдствіи на постъ управляющаго министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Мы знаемъ, что на засѣданіи 29 декабря, осудившемъ союзный совѣтъ, былъ выдѣленъ вопросъ о землячествѣ, такъ какъ существованіе ихъ признавалось естественной необходимостью товарищеской солидарности. Для Боголѣпова это дѣло непонятно. Ему указывали, что «землячества вошли въ плоть и кровь студенческой жизни», указывали на «ассоціаціи» западноевропейскихъ университетовъ и т. д. Но Боголѣповъ упрямо твердилъ, что къ студенческимъ союзамъ «неизбѣжно прививается политиканство», что «даже если этого не будетъ, то занятія дѣлами землячествъ, особенно если они поставлены широко, не оставитъ мѣста для главнаго дѣла студентовъ — ученья». Боголѣповъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ его пробовалъ убѣдить проф. Виноградовъ. Но и это, конечно, было безполезно.

Боголѣповъ твердилъ, что всякіе кружки самообразованія, всякаго рода общества, даже съ матеріальными цѣлями, неизбѣжно приведутъ къ безпорядкамъ. Въ этомъ отношеніи Боголѣповъ оказался даже въ противорѣчіи съ мнѣніемъ начальника охраннаго отдѣленія Бердяева съ мнѣніемъ котораго, какъ увидимъ ниже, онъ очень считался. Вотъ что писалъ въ своемъ донесеніи о студенческихъ организаціяхъ Бердяевъ.

«Императорскій Московскій университетъ не только «старѣйшій», но въ то же время самый крупный и наиболѣе солидно поставленный изъ другихъ университетовъ. Многочисленность факультетовъ, каѳедръ и лекторовъ; образцовыя приспособленія для практическихъ занятій по разнымъ отраслямъ знанія, солидныя матеріальныя средства, образовавшіяся изъ пожертвованій частныхъ лицъ какъ для оказанія помощи недостаточнымъ студентамъ, такъ и на расширеніе дѣятельности самаго университета; славныя традиціи и положеніе въ центрѣ Россіи—все это привлекаетъ ежегодно въ Московскій университетъ изъ провинцій и дальнихъ окраинъ массу учащейся молодежи, не имѣющей въ большинствѣ случаевъ въ новомъ мѣстожительствѣ ни родныхъ ни знакомыхъ, пріѣзжающей часто въ столицу съ послѣднимъ рублемъ, а въ лучшемъ случаѣ съ такою суммою, чтобы протянуть какъ-нибудь мѣсяцъ, другой, въ надеждѣ за это время найти себѣ какой-нибудь заработокъ. Ежегодно, осенью, общежитія Лепешкина и Ляпиныхъ осаждаются прошеніями молодежи обоего пола, но, къ сожалѣнію, очень немногіе счастливцы попадаютъ въ квартиранты, большинство же оказалось бы на улицѣ, если бы, посѣщая университетъ, не встрѣчало въ числѣ студентовъ своихъ земляковъ, при содѣйствіи которыхъ оно и устраивается гдѣ-нибудь въ «меблированныхъ комнатахъ» на Козихѣ или Срѣтенкѣ, платя профессіональнымъ хозяйкамъ за грязныя, сырыя и холодныя каморки сравнительно очень дорогія цѣны. Перебиваясь грошовыми уроками, нуждаясь очень часто въ скромномъ, но тѣмъ не менѣе подчасъ очень необходимомъ кредитѣ — студенчество стремится удовлетворить этой потребности своими силами, организуя земляковъ въ кружки, т. н. «землячества», и, ставя ихъ задачей матеріальную и духовную взаимопомощь. Землячества эти оказываютъ нерѣдко очень цѣнныя услуги, въ случаяхъ распредѣленія между студентами - земляками пособій и стипендій, такъ какъ

кому же лучше и знать истинно нуждающихся, какъ не ихъ товарищамъ, а благодаря ихъ указаніямъ — обманъ быстро обнаруживается, и охотниковъ на новыя получки обманнымъ образомъ является все менѣе и менѣе. Немаловажнымъ для бѣдняка-студента является вопросъ о дешевыхъ земляческихъ столовыхъ и, благодаря отсутствію таковыхъ, молодежь всецѣло отдана во власть разныхъ «кухмистерскихъ», многолѣтнее пользованіе столомъ которыхъ неминуемо приводитъ къ катарру и другимъ немочамъ. Кромѣ всего этого, при отсутствіи иныхъ знакомствъ и невозможности, за недостаткомъ средствъ, позволять себѣ какія-либо развлеченія, — землячества и земляки замѣняютъ собою общества и играютъ роль клуба. Послѣ сказаннаго полезность и настоятельная необходимость землячествъ для студенчества, при настоящихъ условіяхъ его существованія, не можетъ подлежать сомнѣнію».

Но такъ какъ землячества позволяютъ себѣ «злоупотреблять своей организаціей», то, по мнѣнію Бердяева, нужно обратиться къ другой формѣ — къ устройству студенческихъ общежитій.

Г. и. д. оберъ-полицмейстера, — говорится въ заключеніи донесенія «по охранному отдѣленію» 15 декабря, — входилъ уже съ представленіемъ къ его императорскому высочеству московскому генералъ-губернатору о настоятельной необходимости устроить городское или правительственное общежитіе при Московскомъ университетѣ для недостаточныхъ студентовъ, которое сразу сдѣлало бы излишней всякую матеріальную и духовную взаимопомощь со стороны землячествъ, а устройствомъ правильнаго надзора со стороны учебнаго начальства значительно облегчило бы служебную дѣятельность».

Итакъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что вопросъ относительно общежитій былъ выдвинутъ мѣстной полицейской властью и охраннымъ отдѣленіемъ, между тѣмъ какъ Боголѣповъ эту мысль приписалъ въ своихъ запискахъ Некрасову и себѣ, 15 февраля, — разсказываетъ Боголѣповъ, — мы (Некрасовъ, Боголѣповъ и Звѣревъ) собрались у ректора для обсужденія формы и содержанія правительственнаго сообщенія по поводу событій, имѣвшихъ мѣсто въ Московскомъ университетѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1894 г... «Утромъ этого дня ректоръ видѣлся съ гр. Капнистомъ... Здѣсь попечитель выразилъ ректору желаніе заняться съ нимъ обсужденіемъ вопроса объ узаконеніи землячествъ и даже предлагалъ ему собрать профессоровъ для обсужденія этого вопроса (это желаніе было высказано самими профессорами *С. М.*). Некрасовъ въ первую минуту былъ чрезвычайно удивленъ, что попечитель рѣшается возбуждать этотъ вопросъ въ такое время, когда студенты только что успокоились отъ волненія. Онъ заявилъ Капнисту, что онъ будетъ, во всякомъ случаѣ, противъ узаконенія». И вотъ, заручившись донесеніемъ начальника охраны Бердяева генералъ-губернатору, профессорское совѣщаніе изъ троихъ приступило къ выработкѣ собственнаго проекта умиротворенія «слѣпотствующихъ» студентовъ — учрежденія общежитій. «Такъ какъ осуществленіе этого проекта зависитъ не только отъ Петербурга, но и отъ сочувствія ген.-губернатора, т.-е. отъ великаго князя Сергѣя Александровича, то Некрасовъ поѣхалъ къ Истомину, чтобы узнать его взгляды. Истоминъ ухватился за его проектъ обѣими руками. Но тутъ Некрасову пришло въ голову, что ему невозможно поднимать этого дѣла, не посвятивъ въ него попечителя, съ чѣмъ согласился и Истоминъ. Но, когда онъ изложилъ свои (?) мысли попечителю, тотъ всполошился и сталъ уговаривать его не поднимать и рѣчи объ общежитіяхъ: «Мы должны всѣ дружно взяться за устройство

узаконеныхъ землячествъ, Verein'овъ и пр.» Гр. Капнистъ при этомъ съ большимъ краснорѣчіемъ изложилъ ему свой планъ, предлагая привлечь къ совѣщанію и профессоровъ. Некрасовъ высказался противъ этого плана... *6 марта 1895 г.* Некрасовъ былъ у Истомина, оставилъ ему записку объ общежитіяхъ, но сказалъ, что не можетъ писать министру объ этомъ, потому что ему неловко итти прямо въ разрѣзъ съ попечителемъ. Истоминъ заявилъ, что это не мѣшаетъ ему, Истомину, высказать мысль объ общежитіяхъ, какъ свой взглядъ. Онъ прибавилъ, что надѣется выхлопотать Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комиссій для устройства быта студентовъ».

Такъ возникла идея учрежденія правительственныхъ общежитій для студентовъ—идея, инициаторомъ которой выступили представители политической полиціи и которая была подхвачена (и даже выдана за собственное творчество) профессорами — противниками студенческихъ организацій. Идея созданія общежитій въ цѣляхъ оградить студентовъ «отъ вредныхъ вліяній» получила практическое осуществленіе нѣсколько позже — въ 1899 году. Что вышло изъ этой затѣи, было разсказано нами въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1907 г. № 192). Но изложеніе этихъ событій переноситъ насъ уже въ другую эпоху жизни Московскаго университета. Новыя осложненія заставили вновь поднять вопросъ о той или другой формѣ легализаціи студенческихъ организацій, осуществить ихъ въ жизни, осуществить то, что опредѣленно было поставлено въ 1894 году.

С. Мельгуновъ.

Л. Н. Толстой и его знакомство съ духовно-православной литературой.

(По его письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ о немъ.)

Въ послѣднее время появилось въ печати нѣсколько статей о знакомствѣ Толстого съ православной духовно-нравственной литературой. Авторы ихъ упрекаютъ Л. Н-ча въ томъ, что онъ «предвзято» относился къ православію вообще и потому не постарался серьезно ознакомиться съ писаніями *отцовъ Церкви*. Подобныя утвержденія основаны, съ одной стороны, на извращеніи дѣйствительности, а съ другой — на полномъ незнакомствѣ или игнорированіи какъ писаній Л. Н-ча, въ которыхъ выражены были основанія его глубоко продуманныхъ и выстраданныхъ убѣжденій, такъ и уже опубликованныхъ біографическихъ данныхъ о немъ.

Не стану вступать въ личную полемику съ этими авторами по поводу ихъ, — не хотѣлось бы сказать «предвзятыхъ», но, во всякомъ случаѣ, крайне несправедливыхъ статей. Не берусь также писать апологію въ защиту Толстого, который въ этомъ не нуждается. Хочу только указать на одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ того, какъ у насъ вообще «пишется исторія», и какъ въ частности она уже пишется о Толстомъ.

Всякій, кто внимательно прочтетъ сочиненія Л. Н-ча религіозно-философскаго содержанія, найдетъ въ нихъ слѣды самаго тщательнаго изученія православнаго богословія и православной духовно-нравственной литературы. А потому не буду здѣсь цитировать эти мѣста, а приведу только нѣкоторые факты и свѣдѣнія, еще мало знакомые современной читающей публикѣ.

Почти 30 лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось принимать близкое участіе въ дѣлѣ изданія народныхъ книгъ при издательствѣ «Посредникъ». Душой этого дѣла, какъ извѣстно, былъ Л. Н., иниціаторомъ его — В. Г. Чертковъ, а ближайшими сотрудниками и соредакторами — П. И. Бирюковъ и позднѣе И. И. Горбуновъ-Посадовъ (состоящій и понынѣ редакторомъ-издателемъ).

Въ теченіе первыхъ лѣтъ нашего издательства Левъ Николаевичъ, а съ нимъ вмѣстѣ и мы, и еще нѣкоторые изъ нашихъ друзей много и тщательно знакомились со всевозможной православной «духовной» литературой, стараясь самымъ добросовѣстнымъ образомъ черпать изъ нея все, что только мы, по нашему разумѣнію, считали полезнымъ для распространенія въ народѣ. Хорошо помню, какъ Л. Н. неоднократно говорилъ: «Надо использовать все, что возможно, изъ православныхъ источниковъ, все, что по-

нятно, доступно и полезно для людей вообще и для русскаго рабочаго народа въ особенности». Съ этой цѣлью Л. Н. особенно тщательно перечитывалъ *Четьи-Минеи*, *Житія Святыхъ*, *Прологи*, и писанія выдающихся *Отцовъ Церкви*, хорошо знакомыя ему еще съ того времени, когда онъ думалъ въ православіи найти удовлетвореніе своимъ религіознымъ исканіямъ. Какъ результаты этого изученія, издательствомъ «Посредникъ» была напечатана цѣлая серія книгъ, какъ, напр., житія: *Филарета Милостиваго*, *Петра Мытаря*, *Павлина Ноланскаго*, *Іоанна Воина*, *Макарія Египетскаго* и нѣкоторыя другія. А также книги съ проповѣдями и поученіями: *Іоанна Златоуста*, *Тихона Задонскаго*, *Василія Великаго* и др. Изданія эти имѣли цѣлью предложить читателямъ извлеченія духовно-нравственнаго содержанія изъ церковно-православной литературы. Всѣ эти книжки были изданы въ теченіе первыхъ лѣтъ существованія нашего издательства (начиная съ 1885 г.), и всѣ онѣ, кромѣ одной, до сихъ поръ, кажется, печатаются и распространяются. Одна же изъ нихъ, и притомъ самая объемистая — «Поученіе Тихона Задонскаго» — въ первый же годъ своего выхода, къ большому нашему сожалѣнію и общему недоумѣнію, была изъята изъ обращенія по распоряженію цензурнаго комитета, и до сихъ поръ печатаніе ея не было возобновлено. Тогда же мы приготовили для печати рукопись съ выдержками изъ писаній Максима Грека, очень содержательную и выдающуюся по силѣ и яркости изложенія. Но книжкѣ этой и вовсе не суждено было появиться: она была цѣликомъ запрещена предварительной цензурой. Это послѣднее запрещеніе не удивило насъ, такъ какъ въ писаніяхъ своихъ Максимъ Грекъ безпощадно нападаетъ на духовную іерархію и указываетъ на противорѣчіе церковнаго ученія и свѣтскаго строя жизни съ истиннымъ христіанствомъ.

Въ 1887 году «Посредникомъ» былъ выпущенъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Цвѣтникъ» сборникъ мелкихъ разсказовъ общедоступныхъ для дѣтей и малограмотныхъ читателей, въ который вошли, между прочимъ, отрывки изъ сборниковъ православно-духовной литературы, такъ, напр., изъ «Добротолюбія», тщательно пересмотрѣннаго Л. Н. Толстымъ и П. И. Бирюковымъ [1]).

Случайно, разбирая нашъ старый архивъ, одинъ изъ нашихъ друзей наткнулся на рукописный сборникъ, составлявшійся при нашемъ участіи подъ заглавіемъ «*Путь добра или собраніе благочестивыхъ мыслей о духовной жизни*», который мы, какъ мнѣ помнится, собирались когда-то напечатать, и который цѣликомъ состоялъ изъ выдержекъ, извлеченныхъ изъ писаній св. отцовъ. Впереди сборника стоитъ эпиграфъ, состоящій изъ двухъ евангельскихъ изреченій, за которыми идетъ третье, слѣдующее: «Богъ есть жизнь и спасеніе для

[1]) На-дняхъ бывшій секретарь Л. Н-ча, В. Ф. Булгаковъ, по порученію Толстовскаго общества приводящій въ порядокъ библіотеку Толстого въ Ясной Полянѣ, сообщилъ мнѣ, что онъ нашелъ массу книгъ «духовно-православной литературы» съ помѣтками Л. Н-ча; между прочимъ, и сборникъ «Добротолюбіе», весь испещренный рукою Л. Н-ча. Упоминаю здѣсь объ этомъ въ противовѣсъ утвержденію г. Ладыженскаго въ его книгѣ «Свѣтъ Незримый», цитирующаго слова Л. Н-ча (сказанныя ему въ 1910 г.) о томъ, что онъ будто бы не былъ знакомъ съ «Добротолюбіемъ». Слова Л. Н-ча вполнѣ объяснимы, если принять во вниманіе, что при томъ количествѣ книгъ, которыя надо считать десятками тысячъ, прочитанныхъ Л. Н-чемъ въ своей жизни, ему трудно было запомнить заглавіе и даже содержаніе каждой изъ нихъ, въ особенности прочитанныхъ имъ 30 лѣтъ назадъ.

всѣхъ, одаренныхъ свободною волею». (св. Іоаннъ Лѣствичникъ. *Добротолюбіе.* Стр. 523). (sic!)

Въ началѣ 1890-хъ годовъ извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ увлекся изученіемъ Прологовъ, почерпнулъ оттуда нѣсколько темъ для своихъ разсказовъ, изъ которыхъ въ «Посредникѣ» цензурой разрѣшено было напечатать, кажется, только два: «Прекрасная Аза» и «Совѣстливый Даніилъ». Тогда же нами была напечатана исторія старца *Герасима Пустынника,* изъ тѣхъ же источниковъ. Другія же легенды, обработанныя Лѣсковымъ, какъ, напр., исторія о скоморохѣ Памфалонѣ (не помню остальныхъ), могли появиться только въ журналахъ или газетныхъ фельетонахъ. Такъ, Л. Н. въ письмѣ къ друзьямъ (отъ 17 января 1891 г.) пишетъ: «Посылаю вамъ разсказъ Лѣскова въ Петербургской газетѣ. Какая прелесть! Это лучше всѣхъ его разсказовъ. И какъ хорошо бы было, если бы можно было напечатать». Не помню въ точности, какъ назывался этотъ разсказъ, но кажется, это была легенда о «Совѣстливомъ Даніилѣ», который послѣ цензурныхъ мытарствъ появился отдѣльной книжкой въ сильно урѣзанномъ видѣ.

Въ числѣ недопущенныхъ къ печати сборниковъ православно-духовной литературы былъ, напр., *Исаакъ Сиринъ* и нѣкоторые другіе (которыхъ сейчасъ не упомню), а также извлеченія изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, равно какъ изъ книги Экклезіаста и Премудрости Іисуса, сына Сирахова, а также и Нагорная проповѣдь» и стихи изъ Іоанна. Всѣ они подверглись той же участи, признанные церковной цензурой зловредными для распространенія въ народѣ, или же подлежащими такимъ цензурнымъ урѣзкамъ, какъ, напр., Нагорная проповѣдь Іисуса Христа, что мы не рѣшались ихъ печатать въ такомъ искаженномъ видѣ. Запрещенія эти, вызывавшія въ нашемъ кружкѣ и смѣхъ и досаду, въ концѣ-концовъ, принудили насъ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Въ подтвержденіе моихъ словъ привожу нѣкоторыя неизданныя еще выписки изъ писемъ Л. Н-ча къ его друзьямъ, относящіяся къ первому десятилѣтію существованія издательства «Посредникъ». По нимъ видно, какое горячее участіе Л. Н. принималъ въ этомъ дѣлѣ и какъ внимательно онъ для этой цѣли изучалъ православную духовную литературу.

Выдержки изъ писемъ Л. Н. Толстого къ В. Г. Черткову и П. И. Бирюкову.

1.

(В. Г. Черткову). 3 мая 1884 г.

. . . Я купилъ нѣсколько народныхъ духовныхъ книгъ и въ томъ числѣ изъ алфавита духовнаго Дмитрія Ростовскаго: О еже не зѣло скорбѣти въ скорбныхъ. Читая это... я вспомнилъ о горѣ * * * и подумалъ, что ей хорошо бы прочесть это.

Очень хорошо, начиная съ 7-го до конца.

2.

(П. И. Бирюкову). Начало іюня 1885 г.

. . . . Я на-дняхъ выпишу страницы изъ отмѣченныхъ житій святыхъ, Дмитрія Ростовскаго, какъ мнѣ пишетъ В. Г., и пришлю вамъ...

3.

(П. И. Бирюкову). 1885 г.

. . . Житіе Петра Мытаря надо бы изложить—и издать. Бѣликовъ не сдѣлалъ этого? Я было началъ дѣлать изъ него народную драму, но затерялъ начало, да если бы и нашелъ, то постарался бы докончить въ драматической формѣ.—Житіе Павлина прекрасно. Какіе другіе два? Можно бы присоединить и Петра Мытаря...

4.

(В. Г. Черткову). 24 іюня 1885 г.

. . . . Получилъ житіе Филарета Милостиваго. Прекрасно. Я не стану трогать. Очень хорошо. Я помню, что когда онъ ходилъ съ ящикомъ съ тремя отдѣленіями — золотымъ, мѣднымъ, серебрянымъ, — то случилось, что одинъ нищій получилъ мѣдную и забѣжалъ опять. Ему сказали: онъ уже получилъ. Тогда Филаретъ далъ серебряную монету. Нищій переодѣлся, забѣжалъ опять. Филарету указали, что это тотъ же обманываетъ. Тогда Филаретъ далъ ему золотую монету. И когда у него спросили, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ сказалъ: я боюсь, что не самъ ли это Христосъ искушаетъ меня.—Мнѣ это очень нравится. Только не изъ житія ли это Іоанна тоже Милостиваго...

5.

(В. Г. Черткову). 30 авг. 1885 г.

. . . . . . Стихи изъ Іоанна, которые вы выписали, очень хорошо бы было помѣстить, но какъ бы цензура не помѣшала. Въ Фабіолѣ лучше бы помѣстить «Ученіе 12 Ап.» не въ моемъ переводѣ, а по кіевскому переводу первыя пять главъ. Нагорная проповѣдь будетъ въ картинѣ. Да и вообще хорошо распространять это божественное писаніе...

6.

(В. Г. Черткову). Апр. 1886 г.

. . . Нѣтъ, Владимиръ Григорьевичъ, положительно «Юліанія Лазаревская» совсѣмъ не годится. Пишу обдуманно. Если увижусь съ Некрасовой, такъ и скажу ей.—Всѣ житія, какъ только переводятся на простой языкъ, такъ сейчасъ поражаютъ своей искусственностью. Только на славянскомъ или древнемъ они читаются и этимъ обманываютъ...

7.

(В. Г. Черткову). 18 дек. 1886 г.

. . . . Такъ цензура насъ совсѣмъ хочетъ заструнить. Надѣюсь, что васъ это не огорчаетъ, меня нисколько. Вѣдь часто говорятъ это, и я говорю, что цензура, насиліе вообще, достигаетъ обратной цѣли. Часто говоримъ это какъ парадоксъ, а вѣдь это истинная, простая, очевидная правда, такая же несомнѣнная, что прикрыть заслонку — лучше разгорится печка. А я такъ и вижу это. Если бы это насъ огорчило, то это доказало бы, что мы такъ же близоруки, какъ они. Они работаютъ тому же Богу, какъ и мы, только мы можемъ вѣрить тому, что мы вольные работники, а они невольные...

8.

(В. Г. Черткову). 23 янв. 1887 г.

. . . Дорогой другъ, В. Г. Сейчасъ получилъ посылку рукописи и статью Лѣскова. Статья Лѣскова [1]), кромѣ языка, въ которомъ чувствуется искусственность, превосходна. И по мнѣ, ничего въ ней измѣнять не надо, а всѣ средства употребить, чтобы ее напечатать у насъ, какъ есть. Это превосходная вещь. Я перевелъ маленькую вещь Bernardin de St. Pierr'a «Le café de Surate» и пришлю вамъ ее на-дняхъ. Она выражаетъ ту же мысль о томъ, что въ разныя вѣры вѣруемъ, а подъ однимъ Богомъ ходимъ...

9.

(В. Г. Черткову). Около 23 янв. 1887 г.

. . . Посылаю вамъ, милые друзья, драгоцѣнную рукопись. Все составлено изъ подлинныхъ словъ перевода Іоанна Златоуста. Бесѣда на Евангеліе Іоанна. Составилъ это прекрасно другъ мой Никифоровъ, который хочетъ то же сдѣлать и изъ другихъ отцовъ. Постарайтесь поскорѣй пропустить въ цензурѣ и напечатать въ Посредникѣ.

10.

(П. И. Бирюкову). Получ. 9 іюня 1887 г.

. . . Іоанна Златоуста взято все изъ бесѣдъ его на Евангеліе Іоанна...

11.

(П. И. Бирюкову). 1887 г.

. . . Еще просьба большая, очень для меня важная: есть житіе Даніила Ачинскаго (кажется).—Это солдатъ 12 года, фельдфебель, отказавшійся отъ службы и сосланный въ Сибирь и тамъ

---

[1]) Легенда о Памфалонѣ.

жившій послѣ каторги на поселеніи, по ночамъ работавшій на другихъ. Я читалъ это житіе у себя. Есть при немъ даже картинка, изображающая Даніила, и не могу найти и вспомнить, въ какой это книгѣ. Пожалуйста, найдите мнѣ это и пришлите. Это огромной важности историческое событіе и тѣмъ особенно, что оно было пропущено и государственной и церковной цензурой. Пожалуйста, пожалуйста. Мнѣ все хочется подбавить въ сборникъ. И написалъ я одинъ разговоръ и еще есть двѣ штучки, которыя хочется написать.

12.

(В. Г. Черткову). Іюнь 1888 г.

. . . Получилъ книжки новыя и ни однимъ не былъ такъ радъ, какъ Іоанну Златоусту. Я и не зналъ, что она пропущена. Это для меня была большая радость...

13.

(П. И. Бирюкову). 6 нояб. 1888 г.

. . . . Книжки Іоанна Златоуста... мнѣ прислали, и я благодарю, но если у васъ есть Цвѣтникъ и Гуслярь, пришлите мнѣ немного, (хоть по 5 экземпляровъ)...

14.

(В. Г. Черткову). 17 февр. 1888 г.

. . . Такъ какъ вновь печатается старое, то невольно является вопросъ — не замѣнить ли менѣе дурнымъ. Я эти дни составлялъ для Тихомирова книгу славянскую для чтенія изъ Ветхаго, а главное Новаго завѣта. Пріятная была работа.

15.

(П. И. Бирюкову). 15 апр. 1888 г.

. . . Лѣскова легенду прочелъ въ тотъ же день, какъ она вышла. Это еще лучше той. Обѣ прекрасны [1]). Но та слишкомъ кудрява, а это проста и прелестна.

16.

(В. Г. Черткову). 13 сент. 1888 г.

. . . Но что за прелесть листокъ съ пословицами. Вотъ бы такихъ побольше на различные тексты Евангелія. Это прекрасно. Изъ новыхъ книгъ очень мнѣ нравится поученіе Іоанна Златоуста, Гоголь, Маркъ Аврелій. А такія, какъ Рыжій Графъ и другія—не нужны...

---

[1]) «Прекрасная Аза» и «Совѣстливый Даніилъ».

17.

(В. Г. Черткову.) 21 дек. 1888 г.

. . . Что Паскаль? Вотъ будутъ чудныя книги для всѣхъ. Іоаннъ Златоустъ, Маркъ Аврелій, Діогенъ и Эпиктетъ...

18.

(В. Г. Черткову.) 13 мая 1889 г.

. . . Читалъ Макарія—очень хорошо...

19.

(В. Г. Черткову.) 1 іюля 1889 г.

. . . Ефрема Сирина и Апологеты—обѣ книги хорошія...

20.

(В. Г. Черткову.) 24 сент. 1889 г.

. . . Вчера и нынче читалъ Тихона Задонскаго... Кто его составилъ? Какая прекрасная книга. Читаешь всѣ эти книги и нельзя не думать о томъ добрѣ, которое онѣ могутъ сдѣлать... [1])

Думаю, что сообщаемое мною здѣсь достаточно ясно обнаруживаетъ совершенно *не* предвзятое отношеніе Л. Н. Толстого къ православной литературѣ и его горячее сочувствіе ко всему хорошему, что ему удалось находить въ ней, какъ и въ другихъ религіяхъ человѣчества.

Думаю также, что всѣ, чтущіе память Льва Николаевича, поймутъ тѣ чувства, которыя побудили меня опубликовать сообщаемыя мною здѣсь свѣдѣнія.

Анна Черткова.

8 февраля 1913 г.

---

[1]) Статья моя была уже отослана въ редакцію, когда, перечитывая *дневники* Льва Николаевича, готовящіяся къ печати, я наткнулась на слѣдующее мѣсто:

«Помыслы ведутъ къ мечтаніямъ, мечтанія къ страстямъ, страсти къ бѣсамъ» (изъ «Добротолюбія»). (Изъ дневника Л. Н. Толстого отъ 17 іюля 1898 г.).

Изъ писемъ В. О. Ключевскаго.

Въ нашемъ распоряженіи находится небольшая связка писемъ В. О. Ключевскаго, любезно доставленная въ редакцію проф. І. В. Артаболевскимъ отъ родственника В. О. Ключевского И. И. Смирнова. Письма относятся къ эпохѣ прохожденія В. О. университетскаго курса 1861—63 гг. Эти письма, адресованныя къ одному изъ родственниковъ Ключевскаго — свящ. И. В. Европейцеву, касаются, главнымъ образомъ, семейныхъ дѣлъ покойнаго историка и во многомъ чрезвычайно характерны для обрисовки его личности. Они отчасти использованы въ очеркѣ І. В. Артаболевскаго о пензенскомъ (т.-е. доуниверситетскомъ) періодѣ жизни В. О. Ключевскаго, который напечатанъ выше. Здѣсь мы приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ писемъ, имѣющія или общественное значеніе, какъ, напр., разсказъ о студенческихъ безпорядкахъ 1861 г. въ Московскомъ университетѣ, или характерныя для В. О. Ключевскаго, какъ выдающагося впослѣдствіи русскаго историка. Священникъ И. В. Европейцевъ сыгралъ немаловажную роль въ жизни молодого В. О. Ключевскаго. Василій Осиповичъ считалъ его своимъ руководителемъ и до извѣстной степени какъ бы опекуномъ. Принявъ во вниманіе это обстоятельство, можно усмотрѣть въ письмахъ В. О. при передачѣ студенческихъ безпорядковъ нѣкоторую заботу о томъ, чтобы эти вѣсти не внушили Европейцеву опасеній за самого В. О. Отсюда, можетъ-быть, нѣкоторое стремленіе сгладить рѣзкій характеръ описываемыхъ событій и подчеркнуть свое объективное къ нимъ отношеніе. Къ этимъ письмамъ мы присоединили съ разрѣшенія Б. В. Ключевскаго копію съ доставленнаго намъ М. З. Ильинымъ письма В. О. по окончаніи университета къ одному изъ друзей дѣтства.

18 октября 1861 г.

Я полагаю, что вы уже имѣете нѣкоторыя свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ. По всей вѣроятности, вы слышали, что былъ закрытъ Петербургскій университетъ за безпорядки, произведенные студентами. По случаю этого закрытія и у насъ произошли шумныя движенія,—освистали инспектора и подобное. Но это было дѣломъ немногихъ. Большинство студентовъ объявило инспектору, что они противъ этихъ неприличныхъ дѣйствій. Сами согласитесь, что не студентамъ свистать и буянить въ аудиторіи; это и на улицѣ неприятно и не совсѣмъ законно. Однакоже, такъ какъ эти дѣйствія произошли прежде всего въ юридической аудиторіи, то совѣтъ университета рѣшилъ, чтобы закрыть первые 2 курса юридическаго факультета на годъ. Теперь эти курсы опять открыты для тѣхъ, кто объявилъ себя противъ шумныхъ дѣйствій. Это было въ концѣ сентября, но дѣло здѣсь въ томъ, что по милости всѣхъ этихъ событій мы были поставлены въ самое непріятное, безпокойное положеніе. Было опасно писать письма, потому что носились слухи, будто на почтѣ ихъ вскрываютъ......

Изъ-за чего же, спросите вы, произошли эти безпорядки?

Студенты хотѣли выручить товарищей, которые набушевали въ аудиторіи, и рѣшились хлопотать объ отмѣненіи постановленій, стѣснительныхъ для студентовъ, особенно бѣдныхъ, именно: объ отмѣненіи поголовной обязанности платы за право слушанія лекцій;

о позволеніи объясняться съ начальствомъ черезъ депутатовъ, что по правиламъ не позволено. Все это было прекрасно. Предположено было подать министру или самому государю адресъ объ всемъ этомъ. Но адресъ сопровождался такимъ шумомъ, что онъ дѣлался дерзкимъ поступкомъ, хотя въ сущности онъ не долженъ быть такимъ. Напр., однажды толпа студентовъ съ шумомъ подступила изъ саду, гдѣ было сборище, къ дверямъ университета и требовала инспектора, грозя въ противномъ случаѣ выломать двери, и на другой день въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыя головы выломали рѣшетку въ коридорѣ, черезъ которую проходятъ студенты, предъявляя поставленному здѣсь швейцару свои билеты. Ну, на что это похоже? Вслѣдствіе этого очень многіе, въ томъ числѣ и я, не хотѣли подписаться подъ адресомъ, во-первыхъ, потому, что онъ производился уже незаконнымъ образомъ: а кто хлопочетъ объ измѣненіи чего-либо, то для успѣха долженъ еще подчиниться существующимъ постановленіямъ—не правда ли? — а во-вторыхъ, и потому, что на этотъ адресъ и не обратили бы вниманія, или еще и хуже сдѣлали бы, какъ съ поступкомъ не совсѣмъ почтительнымъ.—Вы понимаете кто бы это сдѣлалъ? Напр., въ адресѣ не говорилось: просимъ о томъ-то,—нѣтъ, а прямо: желаемъ, требуемъ—и дѣло съ концомъ. Напередъ можно было видѣть, что люди, къ которымъ обращенъ былъ этотъ адресъ, не привыкшіе къ такому тону безцеремонному и еще недавно закрывшіе университетъ Петербургскій, не очень ласково отвѣтятъ и московскимъ студентамъ. Мало-по-малу, подписка подъ адресъ уменьшалась; все было стало утихать. Жаль было только, что два курса юридическіе закрыты. Но вдругъ въ началѣ октября въ ночь схвачены были полиціей нѣкоторые студенты безъ всякаго объясненія, за что и почему. Это взволновало опять студенческій людъ. Стали требовать у попечителя объясненія и при этомъ съ шумомъ ввалились въ комнату, гдѣ онъ былъ. Попечитель отказался говорить съ такой безцеремонной толпой. Призванъ былъ оберъ-полицмейстеръ, но ему замѣтили студенты, что ему здѣсь дѣлать нечего и съ шумнымъ свистомъ проводили съ университетскаго двора. На другой день то же, но кончилось трагедіей. Студенты, получивъ отказъ у попечителя, отправились толпой къ дому генералъ-губернатора, чтобы у него попросить объясненія, почему арестованы нѣкоторые ихъ товарищи. Отправились, разумѣется, не всѣ. Ихъ сопровождала огромная толпа зрителей. Но здѣсь явилась полиція и проводила студентовъ до дома губернатора. При домѣ произошли безпорядки, и поданъ былъ жандармамъ знакъ хватать. Тутъ началось странное дѣло. Пѣшіе и конные жандармы разсыпались по улицѣ и всякаго, кто имѣлъ какіе-нибудь признаки студента (мундиръ, очки и подоб.) безцеремонно хватали за шиворотъ, стаскивали съ дрожекъ, кто ѣхалъ, и тащили въ часть. Къ Тверской нельзя было пройти. Нѣкоторыхъ студентовъ били палашами или чѣмъ попало. Сюда присоединились еще лавочники и прочая челядь, которой полиція успѣла объявить, что студенты хотятъ вмѣстѣ съ помѣщиками отнять у крестьянъ волю и что это все поляки бунтуютъ (какая нелѣпая несообразность!) Чернь также ловила студентовъ и съ криками выдавала полиціи. Многіе посторонніе были схвачены толпой по недоразумѣнію, что они студенты. Иной студентъ шелъ, не зная ничего, по улицѣ, и его безпардонно тащили въ часть. Даже помощникъ инспектора просидѣлъ тамъ нѣсколько часовъ, потому что его приняли за студента.

Поистинѣ дѣло было плачевное! Хватали безъ всякаго разбора и церемонности. Нѣкоторые студенты вырвались и растрепанные, оборванные прибѣжали въ университетъ повѣдать товарищамъ о случившемся. Нѣкоторое время университетъ былъ въ осадномъ положеніи: около него собралось множество народа, колясокъ, дрожекъ, будто на праздникъ, и въ довершеніе декораціи рыскали предъ воротами жандармы, не пропуская никого ни въ университетъ ни изъ университета. Это многихъ, и въ томъ числѣ меня, оставшихся въ университетѣ, спасло отъ жандармскаго палаша или копыта его лошади. Дѣло было слишкомъ серьезное, чтобы не принять его къ сердцу. Оказалось, что больше 300 человѣкъ сидѣли въ части. Безпардонность полиціи въ обращеніи съ студентами соединила всѣхъ студентовъ въ той мысли, что полиціи не должно пропустить это безнаказанно. Собрался совѣтъ профессоровъ и рѣшили вести дѣло судебнымъ порядкомъ, назначивъ со стороны университета депутата.—Между тѣмъ передъ частью до самой ночи стояла огромная толпа народу, и длинный рядъ конныхъ жандармовъ выстроенъ былъ въ линейку на площади. Оставшіеся студенты сами хотѣли итти въ часть и требовать, чтобы и ихъ посадили вмѣстѣ съ товарищами, но ихъ не взяли и нѣкоторыхъ схваченныхъ выпустили и доселѣ продолжаютъ выпускать.—Лавочники и подобная челядь обнаружила себя противъ студентовъ, называя ихъ буянами, говоря, что здѣсь дѣйствовали больше поляки, что они шли разбить окна у губернатора: ходили самые нелѣпые слухи. Въ этомъ говорѣ толпы была своя доля правды: студенты дѣйствительно побуянили неприлично, разумѣется, немного, но дѣло въ томъ, что хватали всѣхъ безъ разбора и хватали безцеремонно, съ чисто солдатскими пріемами. Но если чернь заявила себя противъ студентовъ, то высшія сословія иначе отнеслись къ нимъ. Нѣкоторые, правда, изъ высшаго сословія, говорятъ, обвиняли во всемъ студентовъ, но вообще всѣ недовольны были полиціей. Говорятъ, дворяне хотятъ протестовать противъ ея поступковъ. Упомянемъ объ одномъ, пожалуй и трогательномъ, но отчасти и забавномъ выраженіи сочувствія студентамъ: дамы, бывшія постоянными зрительницами движеній университета, послѣ дневныхъ арестовъ пришли къ части (говорю, нѣкоторыя, иныя очень щегольски одѣтыя) и принесли узникамъ конфетъ цѣлые узлы, объявивъ при этомъ, что онѣ не будутъ танцовать съ жандармскими офицерами, оскорблявшими ихъ любимцевъ-студентовъ... Какъ хотите смотрите на это; я не отказываюсь видѣть въ этомъ и хорошее, но только смѣшно что-то немножко; видно, никакая комедія не обходится безъ трагедіи, и никакая трагедія безъ комедіи; послѣднее-то и случилось съ нами. Впрочемъ, отъ большей части дамъ московскихъ и нельзя требовать большаго: будетъ съ нихъ и этого. Во всякомъ случаѣ, спасибо имъ! Съ какой стороны ни смотрѣть на эту бойню, она выходитъ очень нехорошимъ дѣломъ со стороны полиціи. Теперь идетъ объ этомъ дѣло и еще не могу сказать вамъ, чѣмъ оно кончится. Между тѣмъ всѣ взволнованы: до лекцій ли здѣсь! Рѣшили прекратить ходить на лекціи до окончанія дѣла. Закрытые курсы открыты для тѣхъ, кто объявилъ себя противъ нехорошихъ сценъ, произведенныхъ студентами въ началѣ всего этого дѣла. Заявить себя противъ этого всякій долженъ, говорю долженъ, потому что эти сцены не идутъ къ студентамъ, дѣлаютъ ихъ уличными буянами. Въ этомъ большинство насъ

сходится; но бойня, учиненная полиціей, заставляетъ забыть это и сочувствовать біеннымъ страдальцамъ. Открытіе курсовъ пришлось не во время и порѣшили не ходить на лекціи, пока не кончится все дѣло и не освободятъ всѣхъ арестованныхъ. Вотъ и посудите, какъ дѣла дѣлаются на свѣтѣ. Что за время переживаемъ мы! Посудите сами: въ Петербургѣ прекращены лекціи, несмотря на то, что университетъ открытъ (съ изданіемъ новыхъ, еще болѣе невыгодныхъ правилъ для студентовъ); Кіевскій закрытъ; говорятъ, то же и съ Казанскимъ университетомъ; Московскій закрыли сами студенты (на недѣлю, не больше). Сколько остается послѣ этого? Харьковскій — и только, но еще не извѣстно хорошо, что тамъ дѣлается. — Какъ назвать это время? Безуниверситетскимъ, междуцарствіемъ полицейскимъ. Что-то грустно, какъ хотите.

Впрочемъ, не безпокойтесь. Дѣло уладится; найдутся и тамъ, наверху, люди, желающіе добра университетамъ, и если не отмѣнятъ правилъ, стѣснительныхъ для студентовъ, то и хуже ничего не будетъ: можно надѣяться на это. Для успокоенія нужно вамъ сказать, что университетъ Московскій не закроютъ никогда: это — не Петербургскій и некакой другой. Это говорилъ одинъ изъ профессоровъ. Временное прекращеніе лекцій самими студентами ничего не значитъ, и не есть офиціальное закрытіе со стороны начальства. Оно необходимо для скорѣйшаго окончанія дѣла. Будьте спокойны; насъ защитятъ и все пойдетъ своимъ порядкомъ. Самое дурное въ нашемъ дѣлѣ то, что его связываютъ съ польскими волненіями, тогда какъ это не имѣетъ ничего общаго съ ними. Это домашнее университетское дѣло, а не политическая демонстрація.— А между тѣмъ что за событія происходятъ вмѣстѣ съ этимъ. Въ Тулѣ семинаристы волнуются и полиція также, говорятъ, вмѣшалась въ дѣло. Смутно со всѣхъ сторонъ. Въ Петербургѣ, говорятъ, дѣятельно сочувствуютъ волненіямъ университета. Къ чему это? Тих. Алек. проѣздомъ въ Новгородъ, куда его назначили учителемъ, говорилъ, что и Щаповъ опять замѣшанъ въ дѣло студентовъ, хотя самъ онъ отказался отъ него. Хотѣлось бы еще кое-что передать вамъ о Петербургѣ, но 1) не ручаюсь за ихъ достовѣрность и 2) сами знаете, почему нельзя писать объ этомъ. Ждемъ императора въ Москву изъ его путешествія на югъ Россіи. Я здоровъ, хлопочу объ урокахъ, которые имѣются въ виду.

14 іюня 1861 г.

Экзаменъ на стипендію сданъ и хорошо: только изъ греческаго 4, изъ остальныхъ 5. О количествѣ стипендій еще ничего не знаю.

Экзаменъ кончился 29 мая, а назавтра въ полдень я уже былъ въ дорогѣ: безъ сожалѣнія и даже безъ всякаго чувства оставлялъ я за спиной Москву; съ Пензой я не разставался такъ. А вѣдь, кажется, и прожитой годъ въ Москвѣ стоилъ чего-нибудь: да, онъ многаго стоитъ, такъ что другой разъ онъ не повторится; дѣло вѣдомое, вчерашняго не воротить. А все же, выѣзжая изъ Москвы, я готовъ былъ сказать ей: э, убирайся!

А все же, выѣзжая за заставу, я вздохнулъ свободнѣе. Впрочемъ, кто жъ не вздыхаетъ свободнѣе, выходя вообще за заставу? Это ужъ такъ водится. А у меня къ этому присоединилось еще то, что годъ кончился, проползши по сердцу холоднымъ и тяжелымъ чѣмъ-то, но не задѣвъ серьезно. Впрочемъ, вѣдь и это водится— и такъ слѣдуетъ. Обыкновенно наканунѣ Новаго года жалѣютъ,

что скоро прошелъ старый годъ; а я благодарю судьбу, что такъ скоро прошелъ мой старый годъ, и безконечно радъ этому. Шахматамъ приходится становиться въ различныя клѣточки: не мудрено, что такъ странно расходятся иногда взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Вы спросите,—впрочемъ, едва ли спросите, видѣлъ ли и знаю ли я Москву. Я скажу, что видѣлъ Москву очень мало; въ Успенскомъ не былъ ни разу (зачѣмъ?), Филарета не видалъ и не хочу видѣть; въ Кремлѣ — 2 раза мимоходомъ; въ церкви вообще — 2 раза — въ ноябрѣ да на Пасху какъ-то, къ концу. Неужели при такомъ любопытствѣ я могу сказать, что видѣлъ Москву? Видѣлъ я Царь-колоколъ и пожалѣлъ, что такая масса стоитъ безъ дѣла; видѣлъ памятникъ Минину и Пожарскому передъ Кремлевской стѣной, да не полюбопытствовалъ даже поискать надписи и вовсе не почувствовалъ особаго эффектнаго ощущенія въ себѣ отъ руки Минина, указывающей на Кремль. Но я могу сказать, что Москва мнѣ хорошо знакома, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми сторонами; духъ ихъ я, кажется, понялъ... Да стоитъ ли объ этомъ? — Вотъ что въ Питерѣ за ужасы: не читали ли о пожарахъ 21, 22, и 28 мая, когда сгорѣло Министерство Внут. дѣлъ (Щукинъ дворъ)? Полагаю, хорошо положеніе нѣкоторыхъ небогатыхъ семействъ: спасали очень мало изъ имущества, или лучше почти ничего: некуда было тащить. Вообще винятъ поджоги. Подозрѣваемыхъ или замѣченныхъ въ поджогѣ велѣно судить въ 24 часа по военному суду.

20 марта 1863 г.

Недѣли двѣ тому пріѣзжалъ князь [1]) одинъ. Поговорили о выборахъ (дворянскихъ въ Рязанской губерніи) и о разныхъ матеріяхъ. Онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ много новостей. Такъ, съ Новаго года въ Рязанской губерніи за генварь мѣсяцъ было 160 человѣкъ, опившихся отъ удешевленія водки. Вы знаете, что съ 10 февр. 1863 г. кончились зависимыя отношенія дворовыхъ къ помѣщикамъ, и они отпускались на всѣ четыре стороны. Поэтому ждали многіе чего-то въ родѣ волненій: но, говоритъ князь, я нарочно пробылъ въ Рязани дней пять послѣ 19 февр., и ко мнѣ поступила только одна жалоба (отъ предводителя дворянства въ Раненб. уѣздѣ) двороваго на помѣщицу, да и то потому, какъ оказалось изъ словъ двороваго, что онъ лѣнтяй — и потому помѣщица виновата, что онъ лѣнтяй!

Любопытно, какое впечатлѣніе произвела на дворянъ мысль, высказанная на выборахъ княземъ. Онъ передавалъ это съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Мысль состояла въ томъ; такъ какъ съ преобразованіемъ въ судѣ и земскомъ устройствѣ прежнее сословное раздѣленіе должно уничтожиться, то и дворянство не должно теперь имѣть особенныхъ, *дворянскихъ* интересовъ, отличныхъ отъ крестьянъ и остальныхъ сословій. А потому и въ собраніяхъ дворянскихъ должны принимать участіе всѣ сословія. Многіе очень недовольны этимъ, т.-е. многіе дворяне. Странно! — А долго ли еще будутъ эти многіе надувать губы по-барски, когда лучшіе люди изъ ихъ же среды уже громко говорятъ объ этомъ.

---

[1]) Кн. Серг. Васильевичъ Волконскій, помѣщикъ Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губ., у котораго В. О. Ключевскій былъ лѣтомъ 1861 г. на урокѣ.

20 декабря 1863 г.

Когда вы, Ив. Васильев. [1]), будете совершать службу на Рождествѣ, вспомните, что и я стою въ церкви и васъ всѣхъ вспоминаю. Въ послѣднее время я сталъ усердно ходить въ церковь, и я сейчасъ объясню вамъ причину. Мнѣ надо было писать сочиненіе по исторіи средневѣковой литературы, и я выбралъ для этого сочиненіе одного епископа французск. Дюрана «Rational des divins offices», что въ простомъ переводѣ значитъ—толкованіе божественныхъ службъ XIII вѣка. Книга это состоитъ изъ 5 томовъ и излагаетъ толкованіе всего богослужебнаго католическаго обихода среднихъ вѣковъ. Несмотря на то, что XIII вѣкъ былъ временемъ полнаго развитія могущества папъ и самъ авторъ близко стоялъ къ папскому престолу, прежде чѣмъ стать епископомъ, въ книгѣ его еще не чувствуется того печальнаго раскола, который уже былъ въ полной силѣ между восточной и западной церквами. Можетъ, это происходило оттого, что Дюранъ спокойно безъ преній хотѣлъ истолковать свой предметъ и не заводилъ намѣренно рѣчи о несогласіяхъ въ христ. мірѣ. — Вотъ для изученія этой книги мнѣ и понадобилось бывать въ нашей церкви, чтобы присмотрѣться къ нашему богослуженію и сравнить его съ толкованіями средневѣкового епископа. Хотя сочиненіе уже окончено, но изученіе книги продолжаю я и теперь, потому что она сообщаетъ чрезвычайно важные историческіе факты.

Сообщаю вамъ новость изъ нашего университетскаго міра: Соловьевъ началъ читать публичныя лекціи по Европѣ послѣ Наполеоновской имперіи. Доселѣ прочиталъ онъ до того времени, какъ Наполеонъ сталъ первымъ консуломъ. Его характеристика Наполеона не лишена нѣкоторыхъ оригинальныхъ чертъ. Онъ смотритъ на него какъ на богатыря, вызваннаго бурями революціи. Онъ, говоритъ Соловьевъ, преемникъ Франціи, такъ какъ родился въ Корсикѣ. Самъ Наполеонъ смотрѣлъ на себя какъ на героя въ родѣ Македонскаго. Соловьевъ сообщилъ интересный разговоръ Наполеона съ однимъ министромъ, когда уже былъ онъ императоромъ.—«Да, я поздно пришелъ,—сказалъ Наполеонъ.— Министръ изумился.—Я поздно пришелъ. Александръ Македонскій могъ назвать себя сыномъ Бога, и вся Азія ему повѣрила: только мать его Олимпіада, да Аристотель, его учитель, да нѣсколько аѳинскихъ умниковъ (философовъ) знали, что это — ложь. А я — назови я себя сыномъ бога, — послѣдняя пуассарка меня освищетъ. Да, я поздно пришелъ. Народы Европы слишкомъ просвѣщены и съ ними не сдѣлаешь ничего великаго!» Такой человѣкъ-богатырь сознавалъ безсиліе своей энергіи противъ цивилизаціи Европы; онъ смѣшной санкюлотъ (по-нашему голоштанный). А племянникъ лѣзетъ на передѣлку міра! — Насъ, филологовъ двухъ послѣднихъ курсовъ, Соловьевъ пускаетъ даромъ! Какъ ясно и просто излагаетъ онъ, можно видѣть изъ того, что на прошлую лекцію я проводилъ одну знакомую, незнавшую исторіи прошлаго столѣтія, знавшую только самые общеизвѣстные факты о Наполеонѣ — и по окончаніи она сказала мнѣ, что все понятно ей и она все запомнила изъ читаннаго.

---

[1]) И. В. Европейцевъ, мужъ тетки В. О. Ключевскаго, настоятель Боголюбской церкви въ Пензѣ.

Копія съ письма-«исповѣди» В. О. Ключевскаго къ другу дѣтства, Н. И. Мизеровскому.

Москва, 25 февраля 1868 г.

Любезнѣйшій Николай Ивановичъ!

Письмо твое отъ 14 іюня 1867 года передано мнѣ братомъ на-дняхъ, и я спѣшу отвѣчать тебѣ, хотя оно писано годъ почти назадъ.

Вмѣстѣ съ письмомъ получилъ я и 3 карточки съ изображеніемъ тебя и твоей супруги. Тонъ твоего письма, дружескій размахъ чувства и пера, съ которымъ оно писано, самый излишекъ карточекъ—все это слишкомъ краснорѣчиво говоритъ о той особенной логикѣ души, которая руководитъ старымъ другомъ,—логикѣ понятной и трогательной, хотя не похожей на ту, которую училъ я сперва по скарнымъ запискамъ Абрама, а потомъ по сухимъ нѣмецкимъ учебникамъ. Эта логика такъ сильно дѣйствуетъ, что я нарушаю свою привычку—не отвѣчать на письма скоро и пишу къ тебѣ. Письмо твое, короткое и скупое на извѣстія, многое напомнило мнѣ, многое полузабытое подняло въ душѣ и во многомъ укололо меня. Сильнѣе всего уколола твоя нелогичная дружеская логика: ни въ чемъ не виноватый, ты нѣсколько разъ просишь у меня прощенія. Я помню всѣ просьбы, переданныя тобою черезъ сестру, черезъ покойную мать, чтобы я написалъ тебѣ,—и ни одной до сихъ поръ не исполнилъ: вотъ кто виноватъ, вотъ кому слѣдуетъ неоднократно просить прощенія—мнѣ.

Ко всему этому, къ дружбѣ, оставшейся неизмѣнной, къ присылкѣ письма и портретовъ, присоединилось еще то, что разсказалъ мнѣ братъ о послѣднихъ дняхъ жизни покойнаго Ивана Васильевича [1]): ты былъ при послѣднихъ его минутахъ и похоронилъ его. Когда приведетъ Богъ мнѣ увидѣться съ тобой, я крѣпко обниму тебя за все.

Ты просишь увѣдомить тебя о моемъ житьѣ-бытьѣ. Прости за откровенность: я не мастеръ и не охотникъ писать объ этомъ, именно объ этомъ. Постараюсь дать тебѣ понятіе о своемъ житьѣ черезъ противоположеніе его твоему: кажется, это будетъ всего лучше. Ты служишь и служишь давно; я уже почти три года какъ вышелъ изъ университета съ кандидатской степенью и нигдѣ не служу, не потому чтобы не находилъ мѣста,—мѣстъ много представлялось и представляется,—а потому, что мнѣ нравится не служить. Я успѣлъ почувствовать прелесть *нигдѣ неслуженія*, если можно такъ выразиться, и стараюсь продлить по возможности дольше это состояніе, тѣмъ болѣе, что необходимости давящей еще не чувствуется,—занятія, дающія деньги, есть, и ихъ можно усиливать, сколько угодно, было бы здоровье. Товарищи, кончившіе со мною вмѣстѣ университетскій курсъ и ниже меня, давно усѣлись по мѣстамъ, почти всѣ переженились, при встрѣчахъ со мною качаютъ поучительно головой, прибавляя: «Пора, пора служить!» Я съ своей стороны одобряю ихъ совѣтъ и думаю про себя воспользоваться имъ, какъ можно позже. Вотъ и ты опредѣлился, усѣлся, завелся спутницей (и по секрету, тебѣ одному на ухо скажу,—*«очень и*

[1]) Ив. Вас. Европейцевъ—см. предш. письма.

очень милой»). А я попрежнему остаюсь въ разрядѣ людей, о которыхъ сказано: «*Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ*». Не подумай, пожалуйста, что хвастаюсь, наряжаюсь въ это равнодушіе къ осѣдлой степенной жизни: нѣтъ, я глубоко уважаю людей, которые успѣли осѣсться, стать людьми, и считаю странствующихъ артистовъ, подобныхъ мнѣ, полулюдьми. Но я скажу тебѣ причину, почему я, уважая осѣдлую жизнь, избѣгаю ея: уважая ее, людей, вступившихъ въ нее, я цѣню то мужество, силу души, характера, которыя нужны для этого; избѣгая ее самъ, я дѣлаю это потому, что чувствую въ себѣ недостатокъ этихъ свойствъ. Но ты знаешь, можно не только примириться съ своими слабостями, можно даже полюбить ихъ. И мнѣ дѣйствительно нравится это сознаніе слабости, этой неспособности отвѣчать за двоихъ или даже больше, которая нужна человѣку осѣдлому и которой, кажется, у меня нѣтъ отъ природы. Чувство одиночества не только не пугаетъ меня, даже доставляетъ эгоистическое удовольствіе. Вотъ тебѣ моя дружеская исповѣдь.

Продолжаю начатое противоположеніе. Энергіей вѣетъ отъ твоего лица. Когда я посмотрѣлъ на карточку, представляющую тебя съ супругой, я подумалъ: да, на этого можно опереться, поддержитъ. Посмотри на мою *тепершнюю фигуру*, изображенную на прилагаемомъ при семъ *нерукотворенномъ*, по твоему удачному выраженію, образѣ: я тебя настоятельно прошу написать мнѣ, что ты найдешь въ этой фигурѣ, измѣнился ли я; но что бы ты ни нашелъ, ты не найдешь одного: силы-воли, энергіи или чего-нибудь подобнаго. Я продолжаю заниматься предметомъ, который я избралъ трудомъ своей жизни, говоря высокимъ слогомъ, т.-е. русской исторіей. Теперь я занимаюсь исторіей древне-русскихъ монастырей, читаю житія русскихъ святыхъ въ рукописяхъ, которыхъ такъ много въ здѣшнихъ библіотекахъ. Занятіе это доставляетъ мнѣ большое наслажденіе: оно укрѣпляетъ вѣру въ русскій народъ, о которомъ такъ сильно сомнѣваются, выйдетъ ли изъ него что-нибудь путное. Мои напечатанные трудишки меня не удовлетворяютъ; тебѣ я послалъ бы ихъ, да нахожу лучшимъ подождать, пока выйдетъ изъ моей головы что-нибудь болѣе дѣльное. Къ этому направлены пока всѣ мои планы о будущемъ; о карьерѣ пока думаю мало: чтобы ни было со мною впослѣдствіи, какъ бы ни устроилась моя жизнь, я иногда молю Бога только о томъ, чтобы душевный миръ, такъ часто возмущавшійся, не оставлялъ меня: дальше этого не простираются мои желанія.

Два слова о Пензѣ. Ты знаешь, какъ она опустѣла для меня. Но меня утѣшаетъ одно: когда мнѣ придется взглянуть на ея родныя мнѣ стѣны, я буду знать, кого искать, съ кѣмъ поговорить и одинъ изъ первыхъ домовъ, куда постучусь я, будетъ домъ на Дворянской, 3-й отъ угла.

Я надѣюсь, дорогой Н. Ив., что я скоро получу отъ тебя не отвѣтъ на мое письмо настоящее, а просто письмо. Это будетъ началомъ возобновленія нашихъ отношеній.

Свидѣтельствую глубокое почтеніе твоей супругѣ: я уже предполагаю себя знакомымъ ей, хотя, по непростительному недосмотру, ты не сообщилъ ея имени.

Преданный тебѣ *В. Ключевскій.*

О способахъ распространенія „Колокола“.

(Письмо неизвѣстнаго къ А. И. Герцену. Съ подлинника.)

Любекъ. 28-го іюня 59.

Милостивый государь
Александръ Ивановичъ!

Можетъ-быть, я своими посланіями вамъ порядочно надоѣдаю, но это — послѣднее, да и дѣло не въ томъ, пріятно ли это *намъ* съ вами, а въ томъ, что можетъ принести пользу нашему отечеству. Въ этомъ отношеніи, согласитесь, самая *золотая* посредственность можетъ натолкнуть насъ на что-нибудь. Несмотря на ваши оправданія въ письмѣ, полученномъ мною съ благодарностью въ Гамбургѣ, я продолжаю о томъ же предметѣ, т.-е. о наружныхъ средствахъ распространенія апостольскихъ посланій, орудіемъ котораго является жалкій торгашъ Тр. Взявши знамя прогресса въ Россіи, вы должны его держать *высоко* во всѣхъ отношеніяхъ. Не довольно въ «прекрасномъ далекѣ» изготовлять бомбы, надо ихъ умѣть бросать и чѣмъ больше, чаще, тѣмъ лучше. А то вы уподобитесь тѣмъ нѣмцамъ, которые, какъ вы сами говорите, («Поляр. Звѣзда» № 5) всякую мысль считаютъ уже дѣломъ. Конечно, никто не потребуетъ отъ васъ, чтобы вы были бы въ одно и то же время и писателемъ и книгопродавцемъ, но всякій ревнитель добраго дѣла въ правѣ желать, чтобы человѣкъ, вооруженный талантомъ и вліяніемъ, дѣйствовалъ практически и цѣлесообразно. Никто также не потребуетъ, чтобы вы разорились на общую пользу, но объявивъ, что труды ваши въ настоящее время вознаграждаются матеріально, вы дали публикѣ право контролировать ваши изданія. Она не виновата, если вы попали въ руки торгаша, который за бѣлую бумагу беретъ наравнѣ съ напечатанною (въ № 5. «Поляр. Звѣзды» есть страницы, на которыхъ напечатано не болѣе 5 строкъ, всѣ стихотворенія можно было напечатать на 1, вм. 3 листовъ). Впрочемъ, оставляю филиппику, а сообщу вамъ лучше желанія не только мои личныя, но легіона вашихъ друзей. 1. Организовать распространеніе изданій загранич. русс. прессы на иныхъ основаніяхъ. Если вашихъ собственныхъ силъ недостаточно, пригласить печатно сотрудниковъ. Я знаю талантливыхъ людей, которые, не довольные Россіею, охотно переселились бы къ вамъ и готовы бы были исполнять даже должность корректора, но не зная, какой accueil вы имъ сдѣлаете (дадите ли хлѣбъ), не рѣшаются ѣхать на авось. Кстати, корректура въ вашихъ изданіяхъ все хуже и хуже, и

есть строки, которыхъ смыслъ совершенно непонятенъ; непростительная небрежность—за огромныя деньги. Если въ Лондонѣ дорого издавать, то перенесите изданіе, т.-е. печатаніе, въ Германію. Вѣдь печатаютъ же Schneider и Frank вещи не менѣе кричащія вашихъ. Чтобы обмануть глупыя нѣмецкія правительства, позволена даже контрафакція, т.-е. печатать въ Германіи, а на заглавномъ листѣ выставлять Лондонъ. Необходимо имѣть вамъ въ своемъ распоряженіи commis-voyageur'а, который бы снабжалъ книгопродавцевъ вашимъ товаромъ. Онъ доставляется весьма не аккуратно. Я оставилъ Парижъ 4 іюня, у Франка не были получены ни 5 № «Полярн. Звѣзды», ни VII т. «Голосовъ», ни 44 № «Колокола»; не было у него также V тома «Голосовъ». Всѣхъ этихъ изданій не нашелъ также во Франкфуртѣ-на-М. 7-го іюня. — Въ Гамбургѣ 25-го іюня съ трудомъ досталъ у Гофмана 5-й № «Полярн. Звѣзды», а VII т. «Голосовъ» не могъ достать; былъ этотъ томъ у другого книгопродавца, но расхваченъ въ одинъ день до послѣдняго экземпляра. И вотъ насъ трое русскихъ отправляются сегодня восвояси, изъ которыхъ каждый имѣетъ огромный кругъ знакомства, и всѣ мы не могли достать этого проклятаго Панина. Предосадно! Здѣсь, въ Любекѣ, куда приходятъ еженедѣльно пароходы изъ Петербурга, также ничего новаго нельзя было достать. Даже не выставлено на окнѣ у книгопродавцевъ; я спрашивалъ у нихъ— развѣ запрещено? «Нѣтъ, — говорятъ,— не запрещено: Wir vollen es thun». Вотъ почему необходимъ агентъ, который бы ихъ тормошилъ и понукалъ. Можно не преувеличивая сказать, что въ Любекѣ и Штеттинѣ въ продолженіе навигаціи должно расходиться еженедѣльно по 100 экземпляровъ всѣхъ изданій (Шнейдеръ въ Берлинѣ сообщилъ весьма интересный фактъ, что онъ сбываетъ всего болѣе русскихъ книгъ въ Аѳины и Константинополь). Слѣдовательно, всѣ ваши расходы по этой части покроются съ лихвою. Надобно стараться, чтобы во всѣхъ Hotel'яхъ предлагали русскимъ туристамъ эти книги или указывали, гдѣ ихъ можно получить. 2. Желательно, чтобы «Колоколъ» выходилъ чаще, обратился бы въ газету съ leading article и пр. ея принадлежностями. Она должна имѣть не только судейскую, но и законодательную власть. Всѣ указы, приказы и т. п. должны тотчасъ по появленіи ихъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» обсуживаться въ «Колоколѣ». Иные №№ «Колокола», извините, чрезвычайно бѣдны по содержанію, а я знаю, что матеріалы посылаются вамъ грудами. Повторяю, если вы не признаете въ себѣ редакторскаго таланта, то вызовите, стоитъ только кличъ кликнуть! Если Ростовцевъ указалъ на статью о крестьянскомъ вопросѣ въ «Голосахъ», то онъ также и еще скорѣе могъ на нее указать, если бы она была напечатана (а нецензурнаго въ ней весьма мало и несущественно) въ Россіи, или, пожалуй, въ «Сборникѣ». Я не говорю, что этотъ вопросъ не важенъ, я говорю, что о немъ можно также дѣльно писать и при цензурѣ. А Закревскому все-таки вы сломали голову. Дочь послужила только поводомъ. Я увѣренъ, что царь его ненавидѣлъ, но не смѣнялъ только потому, чтобы не сказали, что онъ это сдѣлалъ вслѣдствіе нападковъ «Колокола». Можетъ-быть, и послѣдн. исторія повредила бы З-у, если бы она была напечатана въ Колоколѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вы должны были щадить мерзавцевъ, но слѣдуетъ, чтобы вы воздерживались отъ похвалъ и поощреній. Я увѣренъ, что Строгановъ (Москов.) будетъ дѣлать мерзости, чтобы

не заслужить упрека, «что онъ пляшетъ подъ звонъ «Колокола». Вотъ совѣты человѣка не важнаго, но изучившаго à fond и практически за границей книгопродавческое и издательское дѣло. Жалѣю, что я связанъ въ Россіи и не могу вамъ предложить себя въ помощники по этой части.

Рекомендую вамъ только что вышедшее въ Лейпцигѣ сочиненіе Friedrich der Grosse u. Catharina II von Curd von Schlözer. Тамъ говорятъ о вашемъ изданіи записокъ Екатерины II и комментируютъ ихъ.

Прощайте sine ira et studio.

Вашъ горячій почитатель.

Меня увѣрялъ одинъ сосѣдъ И. Тургенева (по деревнѣ), что онъ отдалъ своихъ крестьянъ въ управленіе своего дяди, который живетъ съ его матерью и, получая 10 т. р. въ годъ, не хочетъ ничего знать про нихъ, а крестьяне бѣдствуютъ. Вотъ наши либералы-литераторы. Очередь звонить про нихъ.

На это письмо Герценъ отвѣчалъ *публично*, въ «Колоколѣ» (1865 г., № 48), замѣткой подъ заглавіемъ „**Выговоръ по службѣ**“, которая вышла потомъ и въ VI т. «Сочиненій» Герцена, изданныхъ Ф. Павленковымъ (стр. 248—251).

Сообщилъ *М. Гершензонъ.*

Гр. В. Н. Панинъ о Герценѣ.

(Изъ бумагъ Мих. Макс. Попова) [1]).

Графъ В. Н. Панинъ входилъ въ разсужденія о статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Полярной Звѣздѣ» *Герцена.* Изъ нихъ въ одной доказывается, что мнѣніе народное о происхожденіи земныхъ властей отъ Бога есть заблужденіе, и что эти власти такъ же происходятъ отъ Бога, какъ и лихорадки; а въ другой статьѣ отвергается самая религія.

Слова графа относятся до первой книжки «Полярной Звѣзды», напечатанной въ Лондонѣ еще въ 1855 году; здѣсь въ статьѣ неизвѣстнаго сочинителя, подъ заглавіемъ: «Что такое государство», изложены мысли соціальныя и опровергается законность монархическихъ правительствъ. Въ другой статьѣ: «Письмо *Бѣлинскаго* къ *Гоголю»* (оба умершіе) говорится съ насмѣшками о правилахъ всѣхъ церквей, особенно православной. По мнѣнію сочинителя, *Вольтеръ* болѣе понималъ ученіе Іисуса Христа, нежели св. отцы церкви и всѣ наши духовные, начиная съ митрополитовъ. Тутъ же онъ доказывалъ, что русскій народъ есть самый атеистическій и самый революціонный. Обѣ статьи, дѣйствительно, чрезвычайно вредныя.

---

[1]) Извѣстный учитель В. Г. Бѣлинскаго, служившій въ III отд. Соб. Е. И. В. Канц. Печатается съ копіи, хранящейся въ бумагахъ акад. Н. Ѳ. Дубровина, (въ рук. отд. библіотеки Академіи Наукъ). *Ред.*

Графъ Викторъ Никитичъ опасается, чтобы книги, издаваемыя *Герценомъ*, не проникли въ низшіе слои народа. Онъ полагаетъ, что этихъ книгъ въ одномъ Петербургѣ распространено тысячъ до ста. Поэтому онъ спрашивалъ: имѣемъ ли мы агента въ Лондонѣ, чтобы узнавать, какими путями *Герценъ* посылаетъ книги въ Россію. «Предметъ столько важный, — прибавилъ графъ, — что для этого одного должно имѣть особаго агента въ Лондонѣ».

Графу доложено, что мы изъ разныхъ источниковъ всегда получаемъ свѣдѣнія объ отправленіи вредныхъ книгъ въ Россію; что кромѣ общихъ мѣръ, по всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, и нѣсколько разъ именно по предвареніямъ о книгахъ *Герцена*, тотчасъ принимались строжайшія мѣры; что на границахъ бдительно смотрятъ за этимъ таможенныя и мѣстныя полицейскія власти, а также наблюдаютъ и жандармы; что вслѣдствіе этого книги, пересылаемыя изъ-за границы къ нашимъ книгопродавцамъ и къ частнымъ лицамъ, были останавливаемы; что одинъ полякъ (Ольшевскій), отправившійся съ такими книгами въ Россію, задержанъ, еще не доѣхавъ до нашихъ предѣловъ, и доставленъ въ Варшаву; что ни одна значительная партія вредныхъ книгъ, навѣрное, не проникла къ намъ; что эти книги развѣ могутъ быть ввозимы только чиновниками иностранныхъ посольствъ, дипломатическими курьерами и изрѣдка нашими путешественниками, но не партіями, а по одной или двумъ книжкамъ. Что если бы въ Петербургѣ было до ста тысячъ экземпляровъ «Полярной Звѣзды», то сейчасъ бы это обозначилось; что, по всей вѣроятности, здѣсь не болѣе 5 или 10 экземпляровъ ея, и то у людей высшаго круга, или такихъ, которые не сдѣлаютъ злоупотребленія и пріобрѣтаютъ подобныя книги изъ одной любознательности; что не только въ простомъ народѣ, но даже въ среднемъ классѣ о самомъ Герценѣ и книгахъ его не имѣютъ и понятія; достигнуть же того, чтобы не проникъ къ намъ ни одинъ экземпляръ какой-либо книги, никогда и рѣшительно невозможно.

Графъ Викторъ Никитичъ, кажется, успокоился этимъ, но тѣмъ не менѣе о «Полярной Звѣздѣ» поручилъ доложить вашему сіятельству [1]).

Затѣмъ онъ обратилъ разговоръ на внутреннюю цензуру. Упоминая о статьяхъ, являвшихся въ «Морскомъ Сборникѣ», а за нимъ и въ другихъ журналахъ и, между прочимъ, о «Губернскихъ Очеркахъ» Щедрина (Салтыкова), въ которыхъ преслѣдуются злоупотребленія служащихъ лицъ и общественные недостатки, онъ выразилъ неудовольствіе противъ проявляющагося общественнаго мнѣнія. Ему доложено, что журналы наши не нападаютъ ни на что честное, а обличеніе зла и недостатковъ можетъ быть полезно, потому что общественное мнѣніе скорѣе прекратитъ ихъ, нежели самое правительство. Графъ сказалъ: «Но это поведетъ къ статьямъ Герцена; писатели никакой свободой не будутъ довольны; сколько ни давайте имъ свободы, они будутъ говорить: «Мало!»

На этомъ кончился разговоръ.

24 марта 1857 г.

---

[1]) Кн. В. А. Долгоруковъ шефъ жандармовъ и главный начальникъ III отдѣленія Соб. Его Имп. Вел. Канцеляріи съ 1856 г.

По поводу „Неизвѣстной сатиры", напечатанной въ апрѣльскомъ нумерѣ „Голоса Минувшаго"

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка названная сатира ходила по рукамъ во многихъ спискахъ; одинъ изъ нихъ и попалъ въ тотъ альбомъ, гдѣ нашелъ его Н. П. Кашинъ. Какъ видно изъ полученныхъ нами писемъ (акад. Вс. Ѳ. Миллера, Н. О. Лернера, А. К. Чертковой), нѣкоторые до сихъ поръ еще хранятъ ее въ своей памяти. «Ѳедорушку» можно также встрѣтить въ такъ называемыхъ «нелегальныхъ» изданіяхъ. Въ годы освободительнаго движенія ее перепечаталъ сборникъ «Въ борьбѣ». На это послѣднее обстоятельство обращаютъ наше вниманіе Д. Д. Уваровъ (Харьковъ) и А. Васильевъ (Гатчина), которымъ мы и приносимъ нашу искреннюю благодарность [1]). Наконецъ, П. Я. (Кубовичъ) включилъ «Ѳедорушку» въ свою хрестоматію «Русская Муза» (объ этомъ напомнилъ г. К. Чуковскій въ «Рѣчи», отъ 1 мая) [2]). Въ редакціи, помѣщенной здѣсь, а также въ другихъ спискахъ есть отличія отъ напечатанной нами редакціи. Напр., вмѣсто «Невзорушка», читается «невпорушка»; стиховъ «да прошу прощенія за свое смиреніе» (у насъ стр. 238, вторая колонна) нѣтъ; послѣдняя строфа въ «Русской Музѣ» кончается такъ: «Чтобы я приникнула, чтобы я не пикнула, чтобы жила безъ жалобъ да «ура кричала бы»... Варіанты не особенно значительные, и редакція, напечатавъ безъ оговорокъ сатиру еще разъ, видитъ въ этомъ свой большой недосмотръ. Авторомъ «Ѳедорушки» считаютъ гр. А. К. Толстого, но самъ онъ отказывался отъ нея. Вѣроятно, поэтому она не вошла въ послѣднее «Полное собраніе сочиненій гр. А. Толстого» (изд. Т-ва Маркса, 1908 г.), гдѣ находимъ и «Русскую исторію», и «Сонъ Попова», и «Бунтъ въ Ватиканѣ» и другія сатиры этого поэта. Не отмѣчена «Ѳедорушка» (хотя бы въ качествѣ dubia) также въ весьма точной библіографіи, составленной П. В. Быковымъ и приложенной къ IV тому названнаго изданія; не упоминаютъ о ней ни А. А. Кондратьевъ (Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912) ни авторъ недавно вышедшей прекрасной французской работы о гр. А. Толстомъ, лилльскій профессоръ А. Лирондель. *Ред.*

---

[1]) «Въ 1906 году,—пишетъ намъ Д. Д. Уваровъ,—въ Петербургѣ издавались иллюстрированные сборники подъ названіемъ «Въ борьбѣ», доходъ съ которыхъ предназначался въ пользу одного благотворительнаго учрежденія. Всего вышло три выпуска, и всѣ подверглись аресту (хотя первый былъ даже разрѣшенъ предварительно цензурою), но распространеніе, и даже въ провинціи, они все-таки получить успѣли».

[2]) Отмѣчая нашъ недосмотръ, г. Чуковскій и комментировалъ его. Мы понимаемъ удовольствіе поднять «литературную пыль» по столь благодарному поводу, но полагаемъ, что въ серьезномъ органѣ печати не мѣсто для такого рода пріемовъ критики. Забилъ въ набатъ г. Чуковскій и по другому поводу. Въ «Матеріалахъ по исторіи цензуры въ Россіи», напечатанныхъ въ той же апрѣльской книжкѣ «Гол. Минувшаго», въ двухъ случаяхъ онъ усматриваетъ текстуальное совпаденіе съ матеріалами, вошедшими въ извѣстную книгу М. К. Лемке «Николаевскіе жандармы и литература. 1826—1855 гг.» Обнаружить это было не такъ уже трудно, ибо въ матеріалахъ, сообщенныхъ В. И. Семевскимъ, имѣются многократныя ссылки на указанную книгу г. Лемке: мы брали именно тѣ новые документы, которыхъ нѣтъ у Лемке. Г. Чуковскій, отмѣчая совпаденіе на $1^1/_2$ страницахъ и не упоминая о нашихъ ссылкахъ, явно вводитъ читателей въ заблужденіе.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

I. Новое о Гаршинѣ [1]).

(Къ двадцатипятилѣтію со дня смерти.)

Пусть отрывочныя новыя появившіяся воспоминанія о В. М. Гаршинѣ иногда повторяютъ ранѣе извѣстное, но собранныя вмѣстѣ они даютъ немало цѣнныхъ штриховъ для характеристики личности и творчества покойнаго писателя. И внѣшній обликъ, и отдѣльные факты жизни, внутреннія переживанія, литературные взгляды и забытыя произведенія, неизвѣстныя даже лучшимъ библіографамъ, указанія на погибшія произведенія,—все это встрѣчаемъ въ отмѣченныхъ матеріалахъ различныхъ лицъ, подѣлившихся ими въ двадцатипятилѣтнюю годовщину со дня смерти В. М. Гаршина.

Прежде всего слѣдуетъ сказать о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое производилъ Гаршинъ на людей своей наружностью, одухотворенно красивымъ внѣшимъ обликомъ. П. Быковъ на выставкѣ картины Семирадскаго «Свѣточи христіанства» совсѣмъ забылъ о ней, прикованный къ юношѣ, стоявшему передъ картиной. «Что-то неотразимо притягательное, полное обаянія и рѣдкой выразитель-

---

1) Изъ воспоминаній о В. М. Гаршинѣ. В. Фаусека (*Совр. Міръ* № 3); Какъ писался «Рядовой Ивановъ» Евг. М. Гаршина; Лучезарной памяти (мои воспоминанія), Петра Быкова; Изъ воспоминаній о Гаршинѣ, К. Баранцевича; В. М. Гаршинъ передъ картиной И. Е. Рѣпина, Демчинскаго. Мои встрѣчи съ Гаршыномъ, Ил. Рѣпинъ (*Солнце Россіи* № 13); В. М. Гаршинъ, К. Баранцевича; Гаршинъ и Надсонъ, П. Тулуба (*Путь*, № 3). Погибшія произведенія В. М. Гаршина, С. Дурылина (*Рус. Вѣдомости*, № 70). Памяти В. М. Гаршина, Л. Пантелѣева; Гаршинъ и Лорисъ-Меликовъ, О. В—нъ (*Современная Иллюстрація.* № 3). Обрывки воспоминаній о Гаршинѣ, Евг. Шольпъ (*Кіевская Мысль.* № 83). Кое-что новое изъ литературнаго наслѣдства В. М. Гаршина, С. Венгерова (*Рус. Слово*, 24 марта). Послѣдній годъ жизни В. М. Гаршина. Воспоминанія о Гаршинѣ В. П. Сахарова, К. Михеевъ. Отрывокъ, А. Тырковой (*Русская Молва*, № 102).

ности было въ этомъ лицѣ. Большіе, чудные глаза то струили лучистый свѣтъ, нѣтъ, не свѣтъ палящаго солнца, а кроткое мерцаніе голубой звѣзды. Свѣтло-каріе, опушенные длинными рѣсницами, они порой загорались задушевной лаской, порой затмевались тихой печалью, отражали долгую вдумчивость и какъ будто устремлялись куда-то далеко-далеко... Я залюбовался юношей и, позабывъ всякое приличіе, смотрѣлъ на него, позабывъ о картинѣ. Мнѣ страшно захотѣлось познакомиться съ нимъ»... Этотъ юноша былъ Гаршинъ, еще не писатель... О «таинственной, пронзительной красотѣ» его вспоминаетъ и г-жа Тыркова, видѣвшая Гаршина въ домѣ извѣстнаго віолончелиста Давыдова.

«Въ широкомъ взглядѣ прекрасныхъ глазъ, темнѣвшихъ изъ-подъ излома бровей, чуть приподнятыхъ къ переносью, было такое напряженное неустанное горѣнье, что нельзя было встрѣтиться съ этимъ взглядомъ и не испытать остраго, отвѣтнаго волненья. Чего-то требовалъ, и звалъ, и настаивалъ, и добивался этотъ взглядъ. И будилъ тревогу, точно безмолвное напоминанье о томъ, что надо сдѣлать, за что надо отвѣтить.

Не разъ при мнѣ, восторгаясь красотой Гаршина, А. А. Давыдова [1]) говорила, что съ него надо писать голову Христа. Мы были всѣ тогда атеисты, церковь отрицали, о Христѣ просто не думали. Считали, что Дрэпера надо прочитать, а Евангеліе совсѣмъ не надо.

А все-таки то, что Всеволодъ Гаршинъ похожъ, если не на Великаго Учителя, то на подвижника церкви, обжигало сердце смутными предчувствіями».

Слушая музыку среди избраннаго общества, Гаршинъ обычно сидѣлъ въ углу подъ чьимъ-то портретомъ, подперевъ голову рукой.

«Какой-то огонь загорался въ прекрасныхъ, полныхъ тоски и нѣжности глазахъ. Онъ опускалъ рѣсницы, стыдливо пряча свою душу отъ окружающей толпы. И все лицо мѣнялось, становилось замкнутымъ, суровымъ. Казалось, съ такимъ лицомъ долженъ ходить монахъ среди грѣшнаго, полнаго мірскихъ соблазновъ города.

И все-таки свѣтлымъ оставалось загадочное лицо. Оно теплилось, лучилось, непохожее на всѣхъ остальныхъ, мучительно прекрасное»...

Мученичество, подвижничество были на лицѣ Гаршина въ послѣдніе годы жизни; изломанная душа, изболѣвшая совѣсть наложили такой рѣзкій отпечатокъ лишь въ послѣдній періодъ, но и тогда временами лицо Гаршина озарялось дѣтской улыбкой, становилось «кроткимъ и открытымъ». Въ юности жизнерадостность била ключомъ въ немъ; онъ съ оживленіемъ разсказывалъ въ 1887 г. Ю. И. Фаусекъ, какъ выступалъ когда-то въ Старобѣльскѣ въ любительскихъ спектакляхъ, «даже былъ хорошимъ актеромъ», вспоминая, какъ мужчины, за неимѣніемъ артистической уборной, одѣвались прямо на сценѣ: «Хотя мы старались говорить тише, но публика, отдѣленная отъ насъ лишь занавѣсомъ, обычно слышала какъ мы сбрасывали сапоги, и заранѣе знала, въ какомъ костюмѣ появится тотъ или иной актеръ». Но и позднѣе, въ минуты здоровья, оживленіе не покидало Гаршина: на дѣтскихъ «балахъ» подъ новый годъ у А. Я. Герда онъ приводилъ всѣхъ въ во-

---

[1]) Впослѣдствіи издательница «Міра Божьяго».

сторгъ и большихъ и малыхъ, не только съ поразительной легкостью продѣлывая всѣ обязательныя па и фигуры, но и постоянно импровизируя свои собственные... Чаще всего бросалась въ глаза знавшимъ Гаршина рѣзкая измѣнчивость его настроеній. Въ 1883 году онъ сидѣлъ у П. Быкова. «Мы долго бесѣдовали съ нимъ. Онъ шутилъ съ дѣтьми, разсматривалъ мою библіотеку, очень удачно, въ краткихъ чертахъ, характеризовалъ авторовъ. Одного довольно монотоннаго беллетриста, тянувшаго все тотъ же заѣзженный мотивъ, онъ добродушно вышутилъ въ четверостишіи:

Онъ бѣдныхъ баръ чернилъ, чернилъ,
Позоря ихъ за оскудѣнье, —
И массу вытратилъ чернилъ
На блѣдныя произведенья...

Увидавъ у меня «Книгу пѣсенъ» Гейне, онъ съ восхищеніемъ сталъ читать его стихотворенія... Вдругъ Гаршинъ сталъ смотрѣть въ пространство долго, долго. Я боялся потревожить его. Онъ всталъ съ дивана, и я какъ будто не узналъ его. Его лицо мгновенно осунулось, между бровей легла складка, и глаза словно помутились отъ затаенной глубокой тоски. Отъ его веселости, казавшейся мнѣ сперва такой искренней, заразительной, не осталось и слѣда. Машинально развернулъ онъ вновь «Книгу пѣсенъ», и нѣсколько разъ повторилъ стихъ Гейне: «О міръ прекрасный, какъ ты гадокъ!» Понемногу онъ пришелъ въ себя. Лучезарная улыбка снова заиграла на его прелестномъ лицѣ, и онъ даже сталъ трунить надъ собой. Разсказалъ, какъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ былъ недолго, онъ однажды стоялъ у Днѣпра и долго любовался живописнымъ видомъ. Вдругъ къ нему подлетѣла какая-то барышня, и у нихъ произошелъ слѣдующій діалогъ: «Вы — Гаршинъ?» — Да, къ вашимъ услугамъ! — «Вы любуетесь Днѣпромъ?» — Любуюсь. Онъ прекрасенъ! — «Это оттого, что вы сами прекрасны. Я — такая-то... Когда вернетесь въ Петербургъ, вспомните обо мнѣ!» — Съ удовольствіемъ! — И барышня скрылась. Гаршинъ разсказалъ еще о какомъ-то комическомъ случаѣ, пытался быть веселымъ,—и я видѣлъ, какъ было это ему трудно». Въ послѣдній годъ Гаршину еще труднѣе, невозможнѣе было долго находиться въ радостномъ настроеніи. Въ теченіе одного вечера,—вспоминаетъ г-жа Фаусекъ,— онъ способенъ былъ раза три развеселиться и вновь загрустить. Огорчившись чѣмъ-нибудь, онъ плакалъ, бывало, какъ дитя, а огорчали его самыя обыкновенныя на первый взглядъ вещи. Прочитавъ какъ-то въ газетѣ исторію женщины, которая отправилась въ Колпино и по дорогѣ замерзла, онъ пришелъ къ намъ, обливаясь слезами.

— Вы представьте только, — повторялъ онъ, — быть-можетъ, у ней были дѣти, близкіе. И какую тоску, должно-быть, испытывала она, видя, что умираетъ совсѣмъ одна, въ полѣ. Это ужасно...

— Что жъ, Всеволодъ Михайловичъ, — попробовала я его утѣшить, — говорятъ, смерть отъ замерзанія легкая, почти пріятная.

— Вотъ и я о томъ думалъ, — промолвилъ онъ въ отвѣтъ, — и мнѣ пришло въ голову: пойду-ка я по дорогѣ въ Колпино. Быть-можетъ, я тоже замерзну».

Та же г-жа Фаусекъ говоритъ, что въ хорошія минуты Гаршинъ былъ большимъ юмористомъ. «Однажды я, подходя къ своему жилищу и внезапно обернувшись, увидѣла Всеволода Михайловича.

— Вы къ намъ? — спросила я.

— Нѣтъ, я такъ, я, знаете, давно иду за вами. У васъ чрезвычайно выразительная спина. Если бъ я былъ художникомъ, я нарисовалъ бы вашу спину и озаглавилъ: «Олицетворенное несчастье», а внизу приписалъ бы въ скобкахъ: «Въ большой морозъ».

Должна признаться, что я тогда побаивалась холода».

На неуравновѣшеннаго человѣка, какимъ выступаетъ Гаршинъ во всѣхъ воспоминаніяхъ о немъ, должна была произвести потрясающее впечатлѣніе та картина Рѣпина, моделью для которой, какъ извѣстно, отчасти послужилъ онъ (характерный ротъ и носъ писателя у царевича Ивана). Г-нъ Н. А. Демчинскій разсказываетъ, что на передвижной выставкѣ Гаршинъ, увидавъ портретъ «Іоаннъ Грозный», какъ бы испугавшись, весь затрясся и, схвативъ Н. А. Д. подъ руку, дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ: «Зачѣмъ, зачѣмъ столько крови?..» По собственному признанію писателя, онъ не спалъ всю слѣдующую ночь. И однако что-то особое влекло его къ этой крови, и онъ почти каждый день, идя на службу, заходилъ на нѣсколько минутъ на выставку....

Очень важно воспоминаніе И. Е. Рѣпина о послѣдней встрѣчѣ съ Гаршинымъ, за недѣлю до смерти послѣдняго: оно пріоткрываетъ тайну того, что толкнуло писателя къ трагическому концу... Рѣпинъ встрѣтилъ Гаршина особенно разстроеннымъ, убитымъ, грустнымъ. «Чтобы отвлечь мой упорный взглядъ на него, Гаршинъ сначала пытался шутить, затѣмъ сталъ вздыхать, и страданіе — глубокое страданіе изобразило его красивое, но сильно потемнѣвшее въ это время, лицо.

— Что съ вами, дорогой Всеволодъ Михайловичъ? — сорвалось у меня, и я увидѣлъ, что онъ не могъ сдержать слезы... Онъ ими захлебнулся и, отвернувшись, платкомъ приводилъ въ порядокъ свое лицо.

— ... Вѣдь главное, нѣтъ, нѣтъ, этого даже я въ своихъ мысляхъ повторить не могу! Какъ *она* оскорбила Надежду Михайловну! [1]) О, да вы еще не знаете и никогда не узнаете... Вѣдь, она прокляла меня!» Что скрывалось за этими словами, остается темнымъ до настоящаго времени, но что-то было ускорившимъ его смерть, помимо ужаснаго ожиданія новаго приступа душевной болѣзни, какъ раньше предполагали, несомнѣнно...

Нѣсколько любопытныхъ деталей сообщаютъ И. Рѣпинъ и Евг. Гаршинъ о процессѣ творчества В. М. Гаршина, о его литературныхъ взглядахъ. Однажды И. Рѣпинъ спросилъ его, отчего онъ не напишетъ большого романа?

— Видите ли, Илья Ефимовичъ, — сказалъ ангельски-кротко Гаршинъ. — Есть въ Библіи «Книга пророка Аггея». Эта книга занимаетъ всего вотъ этакую страничку! И это есть *книга!* А есть многочисленные томы, написанные опытными писателями, которые не могутъ носить почтеннаго названія «книги», и имена ихъ быстро забываются, даже несмотря на ихъ успѣхъ при появленіи на свѣтъ. Мой идеалъ — Аггей... И если бы вы только видѣли, какой огромный ворохъ макулатуры я вычеркиваю изъ своихъ сочиненій! Самая огромная работа у меня — удалить то, что не нужно. И я продѣлываю это надъ каждой своею вещью по нѣскольку разъ,

---

[1]) Над. Мих.—жена Гаршина.

пока, наконецъ, покажется она мнѣ безъ ненужнаго балласта, мѣшающаго художественному впечатлѣнію...

Дѣйствительно, въ письмахъ матери и брату (1882 г.) В. М. Гаршинъ нерѣдко выражалъ неудовлетворенность своей работой: «Пишу послѣднюю главу (Ряд. Иван.) плохо, очень плохо вышла у меня эта штучка; серьезно думаю, что Салтыковъ не возьметъ. Въ эти нѣсколько дней посмотрю, поправлю. Да и послѣдняя главка (бой) не дается. Сижу много, а пишу по страничкѣ. А иногда и ничего не выходитъ. Плохо». Кстати, Гаршинъ сомнѣвался, примутъ ли «Отеч. Записки» его разсказъ «Изъ воспоминаній рядового Иванова». Ему казалось, что V глава, гдѣ изображался смотръ нашихъ войскъ въ Плоэштахъ въ присутствіи царя, по настроенію можетъ встрѣтить суровый приговоръ Салтыкова. Но послѣдній, по воспоминанію Е. Гаршина, прочитавъ разсказъ, сказалъ въ кругу сотрудниковъ журнала: «Вотъ вы все пишете, пишете (при этомъ онъ добавилъ одно нецензурное слово), а вотъ Гаршинъ написалъ такое, что въ Гатчинѣ будутъ читать и плакать будутъ», сказалъ и передалъ рукопись въ наборъ безъ какихъ-либо поправокъ и перечеркиваній... Въ поминальной гаршинской литературѣ особое мѣсто занимаютъ статьи С. Венгерова и С. Дурылина; въ нихъ указаны неизвѣстное стихотвореніе Гаршина памяти Тургенева [1]), написанное имъ въ день похоронъ И. С. Т.; «Стихотвореніе въ прозѣ», экспромптомъ, набросанное въ альбомъ А. П. Кравцовой-Блюмеръ и чрезвычайно характерное для міровоззрѣнія Гаршина [2]), и, наконецъ, передается со словъ покойнаго художника М. Е. Малышева содержаніе одной изъ петербургскихъ сказокъ, которую хотѣлъ написать Гаршинъ, а можетъ-быть, и сжегъ уже написанную. Думаемъ, читатель нашего журнала не посѣтуетъ, если мы еще разъ напомнимъ ему эти отрывки изъ гаршинскаго творчества.

I.

Остановилась кровь поэта,
Замолкли вѣщія уста;
Въ могилѣ онъ, но отблескъ свѣта
Надъ ней сіяетъ навсегда.

* * *

Тотъ свѣтъ — не блескъ огней вѣнчанья
На царство деспотовъ земныхъ, —
Поэта кроткое сіянье
Живетъ въ словахъ его живыхъ.

* * *

Исчезнутъ всѣ вѣнцы, престолы,
Порфиры всѣхъ земныхъ царей,
Но чистые твои глаголы
Все будутъ жечь сердца людей.

* * *

И отдаленнѣйшій потомокъ
Передъ тобой главу склонитъ,
Когда среди временъ потемокъ
Звѣздой твой образъ заблеститъ.

---

[1]) Извѣстно, что Тургеневъ считалъ Гаршина своимъ «наслѣдникомъ», о чемъ и писалъ ему.

[2]) Было напечатано въ сборникѣ »Привѣтъ» (Спб. 1898), оставшемся неизвѣстнымъ даже такимъ библіографамъ, какъ Д. Языковъ, П. Быковъ.

II.

Юноша спросилъ у святого мудреца Джіафара:

— Учитель, что такое жизнь?

Хаджи молча отвернулъ грязный рукавъ своего рубища и показалъ ему отвратительную язву, разъѣдавшую его руку.

А въ это время гремѣли соловьи, и вся Севилья была наполнена благоуханіемъ розъ.

III.

Однажды, ранней весной императрица Екатерина II совершала обычную свою прогулку по Лѣтнему саду, одна, съ любимой собачкой. Въ травѣ императрица увидѣла еще нераспустившуюся первую слабенькую фіалку. Она не хотѣла ее рвать, пока цвѣтокъ не расцвѣтетъ совсѣмъ, и боялась забыть мѣсто, на которомъ росла фіалка.

Придя во дворецъ, императрица приказала поставить на нѣкоторое время часового около того мѣста, гдѣ росъ цвѣтокъ, но никому не сказала, зачѣмъ это нужно было сдѣлать.

Императрица забыла про фіалку, цвѣтокъ расцвѣлъ, процвѣлъ, отцвѣлъ, — а караульное начальство, исполняя приказъ императрицы, смѣнило перваго часового вторымъ, второго — третьимъ, и такъ установился постоянный караулъ на мѣстѣ, гдѣ когда-то росла фіалка. Екатерина II умерла, умеръ ея сынъ, два внука-императора, никто не помнитъ, почему поставленъ караулъ, а часовые все смѣнялись и смѣнялись и шагали съ ружьемъ лѣтомъ и зимой, сами не зная, что охраняютъ. Въ сказкѣ Гаршина была картина поздней зимней ночи, свистящей вьюги, сугробовъ снѣга, завалившаго Лѣтній садъ. Полузамерзшій часовой съ ружьемъ ходитъ на караулѣ, мерзнетъ, борется со сномъ и подбадриваетъ себя тѣмъ, что онъ исполняетъ долгъ. Прошло сто лѣтъ. Фіалка, пустивъ свой корешокъ подъ землей, продвигая ростокъ за росткомъ, вышла изъ Лѣтняго сада на набережную, протолкала свои росточки подъ Невой и вынырнула изъ земли гдѣ-то далеко за городомъ, въ открытомъ полѣ, и зацвѣла тамъ... А часовой все ходитъ, все сторожитъ, и никто не знаетъ, что онъ сторожитъ.

Н. Бродскій.

II. Новое о Наполеонѣ. Наполеонъ и г-жа Сталь. Наполеонъ и В. К. Екатерина Павловна.

Графъ d' Оссонвилль посвятилъ рядъ статей въ Revue des Deux Mondes (15 fevr.—1 avr.) любопытнымъ обстоятельствомъ, сопровождавшимъ изгнаніе знаменитой г-жи Сталь Наполеономъ изъ Франціи. Матеріаломъ послужила только-что изученныя имъ переписка г-жи Сталь съ ея отцомъ, не менѣе извѣстнымъ изгнанникомъ той эпохи, Неккеромъ.

Послѣ сентябрьскихъ дней Жермена Неккеръ, бывшая замужемъ за шведскимъ посланникомъ Сталемъ, принуждена была покинуть Парижъ и уѣхать къ родителямъ, поселившимся въ не-

большомъ помѣстьи Коппэ, купленномъ Неккеромъ послѣ его отъѣзда изъ Франціи. Жизнерадостная, дѣятельная молодая писательница сразу должна была замкнуться въ узкій кругъ монотонной и печальной семейной жизни. «Здѣсь живутъ,—писала она мужу, въ дьявольскомъ мирѣ, трепещутъ и умираютъ въ ничтожествѣ». Высокія величественныя горы и радостная природа Швейцаріи не производили впечатлѣнія на энергичную женщину, рвавшуюся въ круговоротъ политической жизни. Горы кажутся ей стѣнами монастыря; тихая красота женевскаго озера вызываетъ лишь въ памяти милый ручеекъ улицы дю Бакъ въ Парижѣ. Уходъ за больной матерью и отцомъ не могъ удовлетворить ее. Обязательные прогулки по утрамъ и партіи въ пикетъ заставляютъ искать развлеченія у новыхъ знакомыхъ, тоже поневолѣ покинувшихъ Францію. Но большинство эмигрантовъ, поселившихся поблизости, принадлежало къ крайней правой и смотрѣло съ злобой на Неккера, которому они приписывали всѣ свои несчастія, считая его «палачомъ» короля, чудовищемъ. Когда, несмотря на это, г-жѣ Сталь удалось собрать нѣчто въ родѣ салона изъ правыхъ конституціоналистовъ, бернское правительство недвусмысленно дало ей понять, что не потерпитъ революціонныхъ сборищъ. Скучая въ Женевѣ, зѣвая въ Коппэ, ежась въ Лозаннѣ подъ непривѣтливыми взглядами, г-жа Сталь неоднократно вспоминаетъ о бурной парижской жизни. Правда, якобинцы внушаютъ ей ужасъ, да и будущее представляется въ мрачномъ свѣтѣ: ничего не осталось — ни славы, ни достоинства, ни чиновъ — все поглотила бездна.

Наступило 9 термидора, и послѣ паденія Робеспьера оживаютъ надежды г-жи Сталь. Она сочувствуетъ репрессіямъ термидоріанцевъ и одушевляется энтузіазмомъ при извѣстіхъ о побѣдахъ Жубера и Массены. Она торопится вернуться въ Парижъ — и едва очутившись тамъ, бросается съ головой въ политику. Вскорѣ собранія въ ея салонѣ бывшихъ республиканцевъ и умѣренныхъ конституціоналистовъ вызываютъ подозрѣнія директоріи. Приходится снова удалиться въ опротивѣвшее Коппэ. Но и здѣсь за ней по пятамъ слѣдятъ шпіоны. Съ большимъ трудомъ удастся при помощи мужа успокоить подозрительныхъ правителей Франціи и снова поселиться въ Парижѣ (въ началѣ 1797 года). Съ этого времени и начинается оживленная переписка ея съ отцомъ, использованная графомъ д'Оссонвиллемъ. Потерявъ къ тому времени жену, Неккеръ перенесъ весь запасъ своей любви на дочь.

Въ тотъ моментъ, когда начинается эта переписка, итальянскія побѣды дѣлаютъ героемъ дня Наполеона Бонапарте. И отецъ и дочь въ восхищеніи отъ его героизма. Но скоро герой исчезаетъ въ Египтѣ. Тѣмъ временемъ г-жа Сталь энергично агитируетъ въ пользу своей республики мира и забвенія прошлаго. Она неутомимо пишетъ и бывшему якобинцу, нынѣ члену совѣта старѣйшинъ Гара и директору Баррасу — рекомендуетъ имъ всеобщую амнистію, призываетъ къ умѣренности и великодушію. Неожиданно для нея совершается переворотъ 18 брюмера. Новая конституція на всѣ лады горячо обсуждается въ письмахъ Неккеромъ съ дочерью. Старый политикъ уже теперь предвидитъ, что останется лишь подобіе республики, и вся власть сосредоточится въ рукахъ Бонапарта. Конституція VIII года внушаетъ ему и радостныя мысли — централизаціей власти — и печальныя, при мысли, что

все зиждется на жизни одного человѣка. Но оба корреспондента не скрываютъ своего восхищенія предъ энергичной волей и дѣловитостью перваго консула. Впрочемъ, не они одни питали великія надежды на новаго правителя: многіе изъ друзей г-жи Сталь привѣтствуютъ ее съ подвигами «героя». Другіе видятъ въ Наполеонѣ новаго Августа или Фабія Максима.

Но радость ожиданій скоро омрачается, послѣ выступленія Бенжамена Констана, друга г-жи Сталь, въ трибунатѣ противъ только что прославленнаго «возстановителя свободы». Рѣчь Констана раздражила Наполеона, и онъ не замедлилъ приписать ее вліянію г-жи Сталь. Офиціальныя и офиціозныя газеты начинаютъ травлю писательницы. Ее обѣгаютъ, боятся итти къ ней на обѣдъ. Но старикъ Неккеръ настолько ослѣпленъ своимъ преклоненіемъ предъ Бонапартомъ, что и теперь всячески оправдываетъ недовольство перваго консула и продолжаетъ восхищаться его искусной финансовой политикой. Оба корреспондента наперерывъ другъ предъ другомъ восхваляютъ Наполеона за его умѣнье привлекать сердца. Оба надѣются, что новый политическій трактатъ г-жи Сталь реабилитируетъ ее въ глазахъ разсерженнаго консула. Но этюдъ «О литературѣ въ связи съ соціальными учрежденіями» еще болѣе уязвилъ Наполеона. Неоднократныя упоминанія о свободѣ, защита правъ талантливаго краснорѣчія, похвалы философіи—озлобили Наполеона. Г-жа Сталь добилась одобренія немногихъ искреннихъ республиканцевъ и горячихъ возраженій и нападокъ сторонниковъ Наполеона. Правда, мимолетное свиданіе съ Наполеономъ, ве время проѣзда послѣдняго чрезъ Швейцарію въ 1800 году, помогло Неккеру нѣсколько смягчить отношеніе перваго консула къ г-жѣ Сталь. Но вскорѣ ея остроты послѣ «чистки» трибуната, ея романъ «Дельфина» раздражили до нельзя Наполеона. Г-жа Сталь добровольно удалилась въ Коппэ. Теперь старикъ Неккеръ вздумалъ самъ выступить косвеннымъ путемъ на защиту своей дочери: онъ издалъ брошюру «Послѣдніе взгляды на политику и финансы». Въ предисловіи онъ провозглашалъ Наполеона «необходимымъ человѣкомъ, диктатура котораго предохранила Францію отъ массы несчастій и дала славу, миръ и спокойствіе». Предусматривая, однако, то время, когда въ республикѣ не будетъ «необходимаго человѣка», онъ предлагаетъ свой планъ республиканскихъ учрежденій. Немало удивленъ былъ старый царедворецъ новымъ гнѣвомъ Наполеона, которому онъ поспѣшилъ поднести книги чрезъ Лебрена. Наполеонъ увидѣлъ въ этомъ предисловіи прямое нападеніе на свою администрацію и чуть ли не подстрекательство къ убійству его, перваго консула. Гнѣвъ его обрушился и на дочь, и онъ не стѣснялся высказать его въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ всѣмъ приближеннымъ. Ошеломленный Неккеръ пытается защитить дочь письмомъ къ первому консулу, но получаетъ порицаніе за свою неумѣстную книгу. Наконецъ, и сама Сталь обратилась прямо къ Наполеону: она обѣщала ничего не писать и не говорить объ дѣлахъ общественныхъ, и получила разрѣшеніе жить невдалекѣ отъ Парижа.

На нѣкоторое время отецъ и дочь замыкаются въ рамки узкихъ семейныхъ и имущественныхъ интересовъ. Но кипучій характеръ писательницы не могъ долго выдержать: она жадно сбираетъ отъ своихъ гостей свѣдѣнія о политическихъ планахъ Наполеона, о жизни его приближенныхъ и всѣми этими свѣдѣніями добросо-

вѣстно дѣлится съ отцомъ. Неутомимость Наполеона, его гигантская работоспособность приводитъ ее въ восторгъ. Съ 27 сентября 1803 года письма ея даютъ рядъ яркихъ картинъ повседневной общественной жизни того времени, — незамѣтной струйкой пробивается въ нихъ затаенная обида противъ Наполеона. Сообщаетъ она разсказъ о томъ, какъ консулъ далъ пощечину Шапталю во время доклада, какъ онъ завидуетъ популярности талантливой актрисы, собирается имѣть постоянную фаворитку, какъ Людовикъ XIV. Сообщаетъ о великихъ милостяхъ, которыя сыплются на вѣрныхъ слугъ, въ родѣ Лефевра, о святошествѣ бывшихъ якобинцевъ, ссорахъ въ семьѣ консула. Нѣсколько аристократовъ подвергаются высылкѣ, и Сталь начинаетъ бояться и за себя, тѣмъ болѣе, что Фуше чрезъ Бенжамена Констана увѣдомилъ, что её сбираются выслать подъ конвоемъ жандармовъ. Въ тревогѣ она проситъ Іосифа заступиться предъ Наполеономъ. Вскорѣ Наполеонъ узнаетъ чрезъ одну изъ придворныхъ сплетницъ, что г-жа Сталь живетъ очень близко отъ Парижа, и приходитъ въ ярость. Заступничество Іосифа не помогло — въ мучительномъ безпокойствѣ она ожидаетъ рѣшенія своей участи. Но и въ это время она убѣждена, что перваго консула настраиваютъ противъ нея.

Истомленная ожиданіемъ она, наконецъ, пишетъ Наполеону трогательное второе письмо, взываетъ къ его великодушію и проситъ разрѣшенія заѣхать въ Парижъ предъ отъѣздомъ въ Германію для устройства денежныхъ дѣлъ и для совѣта съ докторами по поводу больной дочери. Робко она проситъ разрѣшенія поселиться вблизи Парижа для воспитанія дѣтей. Въ отвѣтъ на это письмо она получаетъ чрезъ переодѣтаго жандармскаго офицера строгое приказаніе удалиться въ 24 часа за 40 лье отъ Парижа. Видя, что всѣ усилія смягчить Наполеона безполезны, она въ сопровожденіи жандарма выѣзжаетъ на три дня въ Парижъ для устройства своихъ дѣлъ. Здѣсь она останавливается въ домѣ г-жи Рекамье и убѣждаетъ своихъ друзей предпринять послѣднее ходатайство предъ Наполеономъ. Но послѣдній ставитъ въ счетъ г-жѣ Сталь всѣ разговоры, которыя ведутся въ ея присутствіи — насмѣшливые отзывы о длинныхъ платьяхъ дамъ семьи его — и отказываетъ наотрѣзъ. Письма г-жи Сталь къ отцу характеризуютъ нетерпимость перваго консула: онъ громко высказываетъ желаніе, чтобы салоны затихли, не скупится на выраженія своего гнѣва: весь дипломатическій корпусъ встревоженъ его заявленіемъ, что онъ въ 5 дняхъ отъ Берлина и въ 8 отъ Вѣны. Во дворцѣ въ Сенъ-Клу гробовое молчаніе, когда говоритъ первый консулъ. Наконецъ, 18 октября 1800 года она уѣзжаетъ въ помѣстье Іосифа Бонапарта. Ни послѣднему, ни Жюно, ни г-жѣ Рекамье не удается смягчить Бонапарта. Наполеонъ настойчиво требуетъ ея удаленія, обвиняя въ возбужденіи умовъ. 25-го октября она уже въ дорогѣ и пишетъ отцу проникнутое горечью прощальное письмо у воротъ Парижа: и всё же она увѣрена, что непреклонность Бонапарта обусловлена лишь происками ея враговъ. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Неккеръ горько жалуется на свою безпомощность, удивляется, что такъ поступилъ съ его дочерью «Бонапартъ, котораго они оба хвалили и вмѣстѣ и порознь». Нужны были долгіе годы изгнанія, чтобы г-жа Сталь выяснила себѣ настоящую причину гоненія на неё, воздвигнутаго Наполеономъ.

А. *Васютинскій.*

Въ «La Revue» напечатана статья Дж. Вьено, содержащая любопытныя выдержки изъ частью неопубликованныхъ депешъ Коленкура, смѣнившаго въ концѣ 1807 года Савари на посту посла въ Петербургѣ. Въ нихъ есть кое-что новаго объ отношеніяхъ къ Наполеону русской императорской семьи.

1808 годъ — медовое время франко-русской дружбы. И если Савари, человѣку близко причастному къ дѣлу герц. Энгьенскаго, было трудно бороться съ предубѣжденіемъ и враждою русской аристократіи, то ко второму послу Наполеона, Коленкуру, она относилась уже нѣсколько мягче. Коленкуръ былъ очень доволенъ и дѣлалъ, — очень преждевременно, — всякіе пріятные выводы. Одинъ изъ этихъ выводовъ былъ тотъ, что возможенъ бракъ Наполеона съ в. к. Екатериной Павловной. Коленкуръ доносилъ: «Думаютъ, что великая княгиня такъ благосклонна къ французскому послу потому, что ея бракъ — дѣло рѣшенное. Императоръ Александръ будто бы лично будетъ сопровождать ее во Францію въ маѣ. Императрица-мать будто бы очень довольна; этимъ объясняютъ ея милостивое отношеніе къ послу. Императрица Елизавета возмущена, а особенно принцесса Амалія Баденская [1])». И нѣсколько дней спустя: «Великая княгиня выходитъ за императора, потому что она учится танцовать французскую кадриль» [2]).

Авторъ статьи увѣряетъ, что бракъ разстроился потому, что Наполеонъ вдругъ снова воспылалъ нѣжностью къ Жозефинѣ и оставилъ проектъ развода. Едва ли это такъ. Коленкуръ, несомнѣнно, былъ введенъ въ заблужденіе внѣшней любезностью двора. Благосклонность Маріи Ѳеодоровны и Екатерины Павловны объяснялась усиленными настояніями Александра, который въ это время хотѣлъ поддержать у Наполеона увѣренность въ своей дружбѣ. Бракъ русской великой княгини съ «исчадіемъ революціи» былъ всегда ненавистенъ всей императорской семьѣ, въ томъ числѣ и самому Александру. Первыя строки изъ Эрфурта, которыя онъ писалъ сестрѣ, заключали въ себѣ подчеркнутую фразу: «Самое пріятное, что я могу вамъ сообщить отсюда, это то, что *о васъ тутъ больше не думаютъ*». Коленкуръ слишкомъ повѣрилъ искренности русскаго двора и не понялъ, что искренней была только прямодушная Елизавета Алексѣевна. А авторъ статьи слишкомъ положился на Коленкура. Ему приходится искать особыхъ причинъ перемѣны отношеній Маріи Ѳеодоровны къ браку ея дочери (Екатерина или Анна) съ Наполеономъ. Онъ находитъ ее въ негодованіи императрицы-матери противъ Наполеона за изгнанье изъ Испаніи Бурбоновъ. А Александръ охладѣлъ къ Наполеону и пересталъ настаивать на бракѣ съ нимъ сестры, будто бы, только убѣдившись, что ему не получить Константинополя.

Для самого Коленкура крушеніе брачныхъ проектовъ было большимъ разочарованіемъ. Тѣмъ тщательнѣе примѣчаетъ онъ всякія мелочи, касающіяся брака Екатерины Павловны съ Ольденбургскимъ кузеномъ: «Приданое, брильянты и посуда, полу-

---

[1]) Сестра Елизаветы Алексѣевны, проживавшая тогда въ Россіи.

[2]) Вандаль, который пользовался депешами Коленкура, приводитъ еще болѣе краснорѣчивыя слова, приписанныя Екатеринѣ Павловнѣ: «Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлаться залогомъ вѣчнаго мира для своей родины и супругой величайшаго человѣка, какой когда-либо существовалъ, не слѣдуетъ сожалѣть объ этомъ». (Т. I, 468). Вандаль тоже черезчуръ уповаетъ на наблюдательность Коленкура и поэтому впадаетъ въ ошибки.

ченные великой княгиней, стоятъ 2 мил. 600 тысячъ франковъ. Она будетъ получать 200 т. рублей ежегодно, а мужъ ея 100 т. Ей будетъ данъ меблированный дворецъ въ Петербургѣ [1])... Она ласкаетъ всѣхъ старо-русскихъ патріотовъ». И еще: «Великая княгиня Екатерина—оракулъ своей семьи и всего общества. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ она совсѣмъ перемѣнилась ко Франціи. Она имѣетъ вліяніе на императрицу-мать и на в. к. Константина». Коленкуръ немного золъ на великую княгиню и инсинуируетъ о ней и о ея мужѣ: она мечтаетъ «стать Екатериной III» и прикидывается влюбленной «со зла, что другой бракъ у нея не удался». А онъ — «малъ ростомъ, некрасивъ, тщедушенъ, весь въ прыщахъ и едва ворочаетъ языкомъ». Эти донесенія относились къ первымъ мѣсяцамъ 1809 года. Потомъ вопросъ о бракѣ выплываетъ у Коленкура снова, но рѣчь идетъ уже объ Аннѣ Павловнѣ.

Авторъ статьи прибавляетъ, приводя отзывы Коленкура о Екатеринѣ Павловнѣ: «Такая жена и была нужна Наполеону. Никакого сомнѣнія, что она мощно помогла бы ему окончательно упрочить свою власть и свою династію».

Возможно. Екатерина Павловна имѣла ту особенность, что нѣжно привязывалась къ своимъ мужьямъ. А привязавшись къ Наполеону, она не предала бы его такъ малодушно, какъ Марія Луиза.

А. Дживелеговъ.

Статьи въ апрѣльскихъ книжкахъ журналовъ [2]).

I. Всеобщая исторія.

Л. П. Карсавинъ. Религіозность и ереси въ XII — XIII вв. *(В. Е.)* **Форлендеръ.** Кантъ и французская революція *(Сѣвер. Зап. № 3)*. **П. Б. Струве.** Этюды по исторической феноменологіи цѣны *(Ж. М. Н. П.)*. **Э. Серебряковъ.** «Годъ въ Болгаріи» (1885—86). *(Зав.)*.

II. Русская исторія.

П. И. Яковкинъ. Закупы Русской Правды *(Ж. М. Н. П.)*. **Бронскій.** Н. О. Кутлубицкій, ген.-ад. имп. Павла *(Рус. Арх. № 3)*. Письма фельдмаршала Витгенштейна за 1813 г. *(Рус. Арх. № 3)*. **В. Бузескулъ.** Объ отношеніи Т. Н. Грановскаго къ античному міру *(Гермесъ № 7)*. **И. С. Симоновъ.** Грановскій—учитель *(Педаг. Сборн. № 3)*. **Е. Н. Щепкинъ.** Памяти Грановскаго *(Сѣвер. Зап. № 3)*. **О. Аптекманъ.** Записки семидесятника *(Совр. Міръ)*. **М. М. Ковалевскій.** Михайловскій, какъ социологъ *(В. Е.)*. **К. Качаровскій.** Народничество какъ социологическое направленіе *(Зав.)*. **А. С. Пругавинъ.** «Бунтъ противъ природы (о хлыстахъ и хлыстовщина)*(Зав.)*.

III. Исторія литературы.

Донцовъ. Д. Гетманъ Мазепа въ зап.-европ. литературѣ *(Укр. Ж.)*. Изъ архива А. М. Жемчужникова. Письма М. Е. Салтыкова къ Жемчужникову *(Р. М.)*. Новое о прошломъ. 1. Изъ воспоминаній матери Гоголя. 2. Разсказъ С. И. Муравьева о возмущеніи Черниговскаго полка. 3. Литературная петиція 1895 г. **Л. Пантелѣевъ** *(Совр.)*, **Л. Козловскій.** Стефанъ Жеромскій и трагедія польской интеллигенціи *(Рус. Бог.)*. **Могилянскій. М.** М. М. Коцюбинскій *(Укр. Ж.)*. **С. В. Петлюра.** Памяти М. Коцюбинскаго. *(Укр. Ж.)*.

IV. По искусству.

В. Г. Ляскоронскій. Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время *(Ж. М. Н. П.)*. **Hautecoeur.** Иллюстраціи Пуссена къ трактату Леонардо *(Ст. Годы. № 3.)*. **Курцвелли.** Русскіе портреты Тишбейна *(Ст. Годы. № 3)*.

---

[1]) Это очевидно Аничковъ дворецъ, о которомъ съ такимъ юморомъ писалъ Жозефъ де Местръ.

[2]) Продолженіе статей не отмѣчается.

Критика и библіографія.

Проф. В. Бузескулъ. «Античность и современность». Современныя темы въ античной Греціи. СПБ. 1913 г. Стр. 196. Цѣна 1 р. 25 к.

«Мертвая культура»—вотъ терминъ, который какъ бы самъ собой напрашивается въ примѣненіи къ античному міру,—по аналогіи съ другимъ, получившимъ право гражданства выраженіемъ—«мертвые языки». Чѣмъ-то далекимъ и давно умершимъ вѣяло на насъ отъ античности въ гимназическіе годы; казалось, что ее отдѣляетъ отъ нашихъ дней безконечная, глубокая пропасть, черезъ которую нѣтъ прохода для свѣжаго ума, незатемненнаго ученымъ крохоборствомъ. Въ послѣдніе годы, уже въ XX вѣкѣ было много сдѣлано для того, чтобы покончить съ этимъ — теперь можно сказать смѣло — предразсудкомъ. И въ древнемъ мірѣ оказалось такъ много близкаго намъ и родного, что «мертвая» культура сразу ожила для насъ и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ получила яркій интересъ даже и для тѣхъ, кто живетъ злободневными темами. Съ одной стороны, выяснилось, что мы являемся наслѣдниками античной цивилизаціи, что въ нашу культуру вошло многое «отъ грековъ»; а съ другой, стало ясно, что въ древности волновались тѣми же вопросами, что и въ наши дни, что если мы многое *наслѣдовали* отъ грековъ, то и они многое *предвосхитили* въ нашей культурѣ, что если мы ихъ послѣдователи, то они наши предтечи. Античное въ современности достаточно ярко изслѣдовано въ трудахъ Магафи, Фёрстера, Кауэра, проф. Зелинскаго; современное въ античности особенно ясно подчеркнуто въ работахъ Эд. Мейера и Пельмана. Той же задачѣ—указать современное въ античности—посвятилъ свою книгу и проф. Бузескулъ. Части этой книги были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» за 1911 и 1912 гг. Теперь статьи «Вѣстника Европы» расширены и пополнены библіографическими указаніями; къ нимъ прибавлено нѣсколько новыхъ очерковъ, и все это соединено въ одну книгу. Новая работа проф. Бузескула написана съ обычной для автора яркостью стиля и содержательностью.

Не впадая въ преувеличенія и не претендуя на исчерпывающую полноту, съ большой осторожностью и доказательностью авторъ приводитъ многочисленные примѣры современнаго и живого въ античномъ мірѣ; онъ указываетъ на одинаковую постановку политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ вопросовъ въ наше время и въ древне-греческія времена; стремленіе къ женской эмансипаціи, коммунистическія идеи, государственный соціализмъ, индивидуализмъ, пессимизмъ, кос-

мополитизмъ, стремленія къ опрощенію во вкусѣ Руссо и Л. Н. Толстого, даже такія, казалось бы, специфически присущія христіанскому обществу факты, какъ антисемитизмъ и еврейскіе погромы — все это авторъ находитъ и въ древней Греціи въ разныя времена ея исторіи. Съ большимъ мастерствомъ авторъ опровергаетъ ходячія мнѣнія, что древній міръ не зналъ представительнаго строя, что ему были чужды методы настоящаго научнаго познанія... Но за всѣми этими аналогіями, часто поражающими своею близостью къ нашему времени, авторъ не забываетъ и своебразія греческой исторіи; греческій міръ въ глазахъ пр. Бузескула все-таки слишкомъ индивидуаленъ, и онъ боится модернизировать его до той границы, когда онъ перестаетъ быть уже греческимъ. «Въ исторіи полнаго тожества не бываетъ,—говоритъ онъ,—есть только аналогія»...

Изящная форма, прекрасный стиль и живое, увлекательное содержаніе обезпечатъ, безъ сомнѣнія, книгѣ проф. Бузескула широкое распространеніе, и она сыграетъ, будемъ надѣяться, крупную роль въ разрушеніи стараго предразсудка о «мертвомъ» характерѣ греческой культуры. *В. Перцевъ.*

Салическая Правда. Русскій переводъ Lex Salica Н. П. Граціанскаго и А. Г. Муравьева. Съ введеніемъ Н. П. Граціанскаго. Казань. 1913.

Переводъ такого труднаго памятника, какъ Салическая Правда, предполагаетъ тщательный предварительный комментарій. Безъ комментарія, безъ мотивировки, передача многихъ мѣстъ можетъ представляться спорной. Но, какъ исходный пунктъ для установленія правильнаго пониманія, всякій переводъ, въ основѣ котораго лежитъ хорошее знакомство съ языкомъ памятника и съ бытомъ, въ которомъ онъ возникъ, является очень полезнымъ.

Гг. Граціанскій и Муравьевъ это превосходно понимаютъ и, конечно, не претендуютъ на установленіе окончательнаго русскаго текста памятника. Больше того, они подчеркиваютъ, что ихъ переводъ предназначенъ «не для ученыхъ, а для учебныхъ цѣлей», что онъ представляетъ «предварительное руководство, помогающее слушательницамъ готовиться къ чтенію и комментаріямъ подлиннаго текста памятника въ аудиторіи». Насколько изданіе перевода, претендующаго на *научное* значеніе, требовало бы оговорокъ и заранѣе было бы вынуждено считаться съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, настолько *учебное* русское изданіе «Салической Правды» понятно и законно. Это и освобождаетъ рецензента отъ обязанности свѣрять переводъ съ подлинникомъ и противопоставлять свое пониманіе отдѣльныхъ мѣстъ тому, которое принимаютъ переводчики. Въ данномъ случаѣ достаточно удостовѣрить одно: что переводчики отнеслись къ своей трудной задачѣ съ величайшей научной добросовѣстностью и съ большой любовью. Съ ними можно, конечно, спорить по цѣлому ряду пунктовъ, но нельзя отрицать, что за тѣ толкованія, которыя они даютъ труднымъ мѣстамъ, имѣютъ за собою извѣстныя основанія.

Переводъ сдѣланъ примѣнительно къ изданію «Lex Salica» Д. Н. Егорова (безъ мальбергической глассы). Къ комментарію этого изданія гг. Граціанскій и Муравьевъ отсылаютъ лицъ, пользующихся ихъ переводомъ. Своего комментарія они поэтому не даютъ, ограничиваясь самыми скупыми указаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится выбирать между несходными разночтеніями или устанавливать смыслъ какого-нибудь темнаго германскаго слова. «Введеніе» г. Граціанскаго очень обстоятельно трактуетъ о салическихъ франкахъ, о возникновеніи и составѣ «Правды». *А. Дживелеговъ.*

Documents relatifs à la vente des biens nationaux dans le distirict de Sens (dép. de l'Yonne), publiés par Charles Porée, archiviste de l'Yonne. Auxerre 1912 г.. томъ 1-й (изъ Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française.

Въ цѣломъ рядѣ изданій комитета, созданнаго еще въ 1903 г. въ цѣляхъ опубликованія документовъ по экономической исторіи Франціи временъ революціи вообще и по исторіи отчужденія національныхъ имуществъ въ частности, новый томъ, вышедшій подъ редакціей Ш. Поре, занимаетъ совершенно особое мѣсто и по своему характеру и въ особенности по методу изданія актовъ продажи національныхъ имуществъ; это — пока первый опытъ изданія актовъ продажи, наиболѣе приближающійся къ тѣмъ научнымъ требованіямъ, какія должны быть предъявляемы къ изданіямъ подобнаго рода документовъ и какія были выдвинуты, когда впервые, въ концѣ 90-хъ годовъ, сдѣлано было предложеніе объ изданіи и о методѣ такого изданія.

Шарль Поре въ своемъ изданіи въ значительной степени отступилъ отъ плана комитета и всецѣло почти приблизился къ тѣмъ заданіямъ, какія были поставлены при самомъ возникновеніи мысли о необходимости изданія актовъ продажи. Правда, онъ былъ стѣсненъ программой, и ему пришлось ограничиться однимъ дистриктомъ вмѣсто цѣлаго департамента, но уже въ распредѣленіи матеріала онъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Онъ не ограничился простой перепечаткой актовъ продажи по каждой отдѣльной общинѣ, а предпослалъ каждой такой группѣ актовъ данныя о пространствѣ территоріи общины и таблицы, показывающія, сколько было въ данной общинѣ земель церковныхъ, т.-е. земель перваго происхожденія, сколько эмигрантскихъ и какъ велико было пространство земли оставшейся не проданной, сохранившейся въ рукахъ государства или, позже, возвращенной прежнимъ ея собственникамъ. Балансъ всего передвиженія конфискованной собственности за все время операціи становится, благодаря этому, совершенно яснымъ и точнымъ, какъ яснымъ дѣлается и фактъ насыщенности въ той или другой мѣстности землей, т.-е. размѣры покупной способности населенія.

Но Шарль Поре не останавливается на этомъ одномъ. Опираясь на относительно (по сравненію съ другими архивами) скудныя данныя, касающіяся распредѣленія земельной собственности въ дистриктѣ Санъ, онъ представилъ при помощи различныхъ данныхъ, почти вполнѣ точную картину распредѣленія земли наканунѣ революціи, установилъ взаимоотношенія между владѣніями, какъ церкви, такъ и дворянства, буржуазіи и крестьянства. И онъ сообщаетъ не только общія цифры, но дастъ и распредѣленіе всѣхъ этихъ владѣній въ каждой изъ общинъ округа. Совершенно ясной становится изъ его данныхъ та разбросанность земель и церковныхъ, и дворянскихъ, и буржуазныхъ, которая является характерной чертой этихъ владѣній не въ одномъ только округѣ Санъ, но и во всей Франціи передъ революціей, та крайняя неравномѣрность во владѣніяхъ, которая создавала рядомъ съ немногими крупными владѣльцами, архіепископомъ, двумя-тремя аббатствами, нѣсколькими дворянами, съ имѣніями въ 1.500 и 1.000 гектаровъ, мелкія владѣнія, едва обезпечивавшія существованіе ихъ собственниковъ.

Цѣлый рядъ вычисленій и таблицъ, сдѣланныхъ Поре, приводитъ его, въ вопросѣ о распредѣленіи земли между различными сословіями, къ выводамъ, которые совпадаютъ съ тѣми, которые онъ далъ въ своемъ изданіи наказовъ по деп. Йоннъ, и тѣми, которые даны раньше для нѣкоторыхъ департаментовъ другими изслѣдователями. Роль въ земельныхъ

владѣніяхъ, какъ церкви, такъ и дворянства, сводится и здѣсь къ гораздо болѣе скромнымъ размѣрамъ, чѣмъ о какихъ говорили раньше, а нѣкоторые продолжаютъ говорить и теперь еще. Вся совокупность земель церкви равнялась всего 14.716 гект., что по отношенію ко всей территоріи округа, равной 120.731 гект., составляло всего около 12,2%, а если прибавить сюда земли госпиталей (1 т. гект.), то 13,0%. Немногимъ больше занимали земли дворянъ. Ихъ всего насчитывалось въ округѣ около 18 т. гектаровъ, или около 16,0%. Почти равнымъ количествомъ владѣли буржуа, именно около 17.727 гект., или 14,7%. Если причислить сюда общинныя земли (4.500 г. или 3,7%) и земли подъ дорогами, рѣками и проч. (9.500 или 7,9%), то на долю крестьянскаго населенія придется около 55.288 гект. или 45,7% при чемъ безземельныхъ по округу Санъ было не болѣе 3% всего крестьянскаго населенія.

Таково было по Поре распредѣленіе собственности въ округѣ до революціи и до продажи національныхъ имуществъ. Въ результатѣ всѣхъ продажъ совершенно исчезла бывшая церковная собственность, изъ которой лишь отдѣльныя лица изъ духовенства, главнымъ образомъ сельскіе кюре, скупили около 229 гект., да госпитали удержали ихъ прежнія земли въ количествѣ 750 гект. (около ¾). Потери дворянства были наименьшія. Изъ 18 т. гект. дворянство, послѣ революціи, удержало около 16.037 гект., что понизило процентъ его владѣнія всего съ 16,2% до 14,4%. Пріобрѣтенные имъ во время продажъ 605 гект. земли остались въ его рукахъ. Все увеличеніе пошло на пользу двухъ группъ населенія. Буржуазія, владѣвшая до революціи 17.727 гект., теперь довела свои владѣнія до 26.192 гект. Съ почти 15,0% буржуазная собственность поднялась до почти 23,0%. Вся остальная проданная земля попала въ руки крестьянскаго населенія. Съ 55.288 гект., принадлежавшихъ крестьянамъ до революціи, крестьянская собственность достигла до 60.004 гект., и вмѣсто прежнихъ 49,6% земли крестьянъ составляли уже послѣ окончанія операціи продажи около 54,0%, т.-е. нѣсколько болѣе, чѣмъ половина всей продуктивной почвы округа.

Такимъ образомъ, перемѣщеніе собственности въ конечномъ результатѣ дало здѣсь, въ одномъ округѣ, носившемъ чисто земледѣльческій характеръ, превышеніе крестьянской собственности надъ собственностью всѣхъ другихъ группъ населенія округа, хотя сравненіе покупокъ буржуазіи съ покупками крестьянъ даетъ полный перевѣсъ покупкамъ первыхъ надъ пріобрѣтеніями вторыхъ. Поре (нѣсколько, какъ увидимъ, ошибочно) исчисляетъ пріобрѣтенія буржуазіи въ 20.155 гект., а крестьянъ и сельскихъ священниковъ въ 11.254 гект. первыхъ и въ 1.162 вторыхъ, что даетъ вдвое почти больше для буржуазіи противъ крестьянъ. Это — крупный и очень характерный выводъ, совершенно убѣдительно указывающій на то, какъ еще недостаточно для опредѣленія послѣдствій произведеннаго революціей опыта ограничиваться только исключительно одними данными о размѣрахъ покупокъ безъ обращенія къ распредѣленію собственности, какъ оно существовало до революціи.

Нужно замѣтить, что здѣсь, къ сожалѣнію, цифры Поре намъ кажутся не вполнѣ точными. Прежде всего изъ общей суммы покупокъ буржуазіи нужно исключить покупки сельскихъ священниковъ, большинство которыхъ врядъ ли правильно причислять къ буржуазіи, такъ какъ они были сами изъ крестьянъ и нерѣдко земли ихъ переходили въ руки ихъ родичей, крестьянъ. Правильнѣе было бы относить ихъ къ отдѣльной группѣ. Затѣмъ необходимо пополнить сумму буржуазныхъ покупокъ покупками, произведенными сельской буржуазіей, покупки которой

Поре исчислилъ въ размѣрѣ 1.070 гект., но при этомъ исключить покупки всѣхъ сельскихъ чиновъ изъ крестьянъ, сельскихъ купцовъ и других промышленниковъ сельскихъ, которые смѣшаны Поре въ одно цѣлое съ городскими. Сколько пришлось бы исключить, опредѣлить теперь трудно, такъ какъ не всѣ еще акты продажи изданы Поре: продажи въ общинахъ, съ буквы P до конца, войдутъ въ еще ненапечатанный второй томъ изданія. Но нельзя не констатировать ошибки издателя, его отступленія здѣсь отъ того правильнаго метода, которому онъ слѣдуетъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Разъ дѣло идетъ о выясненіи во всей его широтѣ историческаго опыта, вопросъ, напр., о томъ, какія измѣненія въ земельныхъ владѣніяхъ крестьянства вызвала продажа имуществъ, какія перемѣщенія создала она въ его средѣ, точное установленіе его состава въ самый моментъ, когда начался опытъ, является особенно обязательнымъ. Тѣ или иныя измѣненія въ средѣ крестьянства уже могли начаться, развиваться, достигнуть даже значительныхъ размѣровъ до опыта, внося значительную разслоенность въ ряды крестьянства. Если мы станемъ игнорировать этотъ фактъ, цѣлая группа послѣдствій продажи ускользнетъ отъ нашего вниманія. Мы не въ состояніи будемъ сдѣлать точный учетъ усиленія или ослабленія разслоенности и будемъ оперировать съ идеальнымъ крестьянствомъ, а не тѣмъ реальнымъ, какимъ оно является въ данный моментъ. Руководиться чисто субъективными впечатлѣніями, впечатлѣніями такихъ фактовъ, что такая-то группа сельскихъ купцовъ или пахарей-культиваторовъ (cultivateurs) значительно богаче, чѣмъ другая, что она дѣлаетъ болѣе значительныя покупки и т. п. и затѣмъ, въ силу этого, произвольно зачислять всѣхъ такихъ лицъ въ буржуа, когда совершенно такихъ же по занятіямъ, только потому, что они бѣдны, — въ крестьяне, значитъ, въ дѣйствительности, обратить дѣло изученія опыта во всей полнотѣ его, для всей или значительной части Франціи, совершенно въ безплодное, ибо по личному вкусу одинъ будетъ зачислять однихъ въ буржуа, а другихъ въ крестьянъ, и прочнаго базиса для выводовъ не окажется. Но именно это и дѣлаетъ Поре, исходя въ своей группировкѣ покупщиковъ изъ чисто субъективной точки зрѣнія. А это лишаетъ его выводъ о соотношеніи покупокъ полной точности и приводитъ его и къ другой ошибкѣ. Онъ (и при усвоенной имъ субъективной мѣркѣ это вполнѣ понятно), зачисляя въ крестьянъ только мелкихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ и перенося въ ряды буржуазіи крупныхъ покупщиковъ изъ laboureurs-cultivateurs, потому что они купили болѣе 100 гект., тѣмъ самымъ отрицаетъ, вопреки дѣйствительности, фактъ безспорнаго усиленія къ революціи разслоенія среди крестьянъ, что замѣтно уже изъ приложенныхъ имъ къ его изданію выдержекъ изъ livres terriers и явствуетъ изъ извѣстныхъ ему декларацій о nouveaux pieds de tailles по департ. Йонны.

И. Лучицкій.

Е. В. Тарле. Континентальная блокада. I. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. М. Изд. т-ва «Задруга». Ц. 4 руб.

Экономическая исторія начала XIX в. относится къ числу очень мало изслѣдованныхъ областей историческаго знанія, особенно въ сравненіи съ разработкою политической исторіи за тотъ же періодъ времени. Въ частности это можно сказать о знаменитой континентальной блокадѣ Наполеона I, т.-е. о политической и экономической ея сторонахъ. Въ то время именно, какъ историки международной политики

Франціи и вообще Европы за время владычества Наполеона въ общемъ достаточно выяснили значеніе континентальной блокады въ исторіи дипломатіи и войнъ этой эпохи, значеніе блокады въ исторіи торговли, промышленности и вообще народнаго хозяйства оставалось до сихъ поръ очень мало изслѣдованнымъ. Только что этою весною вышедшая въ свѣтъ книга Е. В. Тарле, посвященная названному предмету, является первымъ обширнымъ, общимъ трудомъ, проливающимъ свѣтъ на общій вопросъ объ экономической сторонѣ того средства, которымъ Наполеонъ думалъ погубить Англію.

Книга носитъ подзаголовокъ: «I. Изслѣдованія по исторіи промышленности и торговли Франціи въ эпоху Наполеона». Изъ того, что подзаголовокъ отмѣченъ римскою цифрою I, явствуетъ, что это — не все еще изслѣдованіе, предпринятое авторомъ относительно континентальной блокады, и дѣйствительно, мы узнаемъ изъ предисловія, что у автора впереди еще двѣ темы: одна — состояніе рабочаго класса во Франціи въ эпоху консульства и имперіи (естественное продолженіе двухтомнаго труда автора «Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи»), другая — вліяніе континентальной блокады на другія страны Европы. Проф. Тарле, какъ видитъ читатель, предпринялъ грандіозную работу, и о размѣрахъ ея можно судить уже по одному тому, что только что вышедшая въ свѣтъ первая часть, трактующая лишь объ обрабатывающей промышленности и внѣшней торговлѣ Франціи при Наполеонѣ, заключаетъ въ себѣ одного текста безъ неизданныхъ документовъ, приложенныхъ въ концѣ книги, безъ малаго 700 страницъ.

Первыя 47 страницъ книги, содержащія обзоръ литературы предмета, убѣждаютъ читателя въ томъ, что общая разработка вопроса о континентальной блокадѣ въ высшей степени скудна. Съ другой стороны, и въ печатныхъ источникахъ, которыми пользовался авторъ, имъ найдено немало пробѣловъ. Это заставило проф. Тарле искать фактическаго матеріала въ архивахъ, и онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что «содержаніе его работы въ значительной мѣрѣ основано на неизданныхъ документахъ». Выдержки изъ нихъ въ изобиліи мы находимъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, но кромѣ того, многое, извлеченное авторомъ изъ архивовъ, помѣщено въ особыхъ приложеніяхъ къ тексту. Изъ французскихъ архивовъ, давшихъ ему наибольшее количество матеріала, Е. В. Тарле работалъ въ цѣлыхъ пяти: въ парижскомъ Національномъ, въ трехъ департаментскихъ (устьевъ Роны, Нижней Сены и Роны) и въ архивѣ Ліонской торговой палаты. Внѣ Франціи авторъ работалъ въ лондонскомъ Record Office и въ государственныхъ архивахъ Голландіи и Гамбурга. Кромѣ того, въ большихъ библіотекахъ Парижа, Лондона, Гааги, Гамбурга и Берлина онъ знакомился съ рѣдкимъ печатнымъ матеріаломъ, главнымъ образомъ, брошюрнымъ. Однимъ словомъ, документація «Континентальной блокады», кромѣ своего обилія, отличается и новизною: благодаря поискамъ автора въ архивахъ и библіотекахъ, мы имѣемъ въ его книгѣ массу новыхъ данныхъ по такому важному предмету, какъ попытка Наполеона разорить Англію, сама произведшая цѣлую пертурбацію въ экономической жизни и всего континента. Уже за одно сообщеніе новыхъ фактовъ проф. Тарле заслуживаетъ благодарности со стороны историковъ и экономистовъ, интересующихся началомъ XIX вѣка.

Но авторъ далъ намъ въ своей книгѣ и обработку фактовъ съ цѣлымъ рядомъ выводовъ изъ ихъ анализа и сопоставленій между ними. Первая часть книги, всецѣло посвященная внутреннимъ французскимъ отношеніямъ, открывается двумя главами, трактующими объ отношеніи

Наполеона къ промышленнымъ интересамъ Франціи и объ основныхъ тенденціяхъ представителей французскаго промышленнаго міра въ ту эпоху. Эти двѣ главы даютъ ключъ къ пониманію, какъ возникла вся протекціонистская экономическая политика имперіи, исторію которой до 1806 г. и разсказываютъ слѣдующія двѣ главы. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ самой континентальной блокадѣ, авторъ въ трехъ отдѣльныхъ главахъ разсматриваетъ тогдашнія формы промышленной жизни въ странѣ, заработную плату того времени въ обрабатывающей промышленности и состояніе послѣдней въ моментъ провозглашенія континентальной блокады. Такое распредѣленіе матеріала очень помогаетъ надлежащему пониманію спеціальной главы объ установленіи континентальной блокады, — главы, охватывающей эпоху отъ берлинскаго трактата 1806 г. до торговопромышленнаго кризиса 1811 года.

Отъ исторіи французской экономической политики и самой промышленности проф. Тарле переходитъ къ обзору торговыхъ отношеній между имперіей Наполеона и другими континентальными странами, что и составляетъ содержаніе второй части книги. Чтобы понять, какое вліяніе блокада оказала на французскую промышленность, конечно, важно знать, какъ блокада отразилась на внѣшней торговлѣ Франціи. Выше было сказано, что авторъ предполагаетъ заняться вопросомъ о вліяніи континентальной блокады на другія страны, но поскольку онѣ находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Франціей, онъ уже въ настоящей книгѣ даетъ въ десяти отдѣльныхъ главахъ обзоръ экономическихъ отношеній между имперіей Наполеона, съ одной стороны, и рядомъ странъ, съ другой, каковы Италія, княжество Бергъ, ганзейскіе города, другія германскія земли, Голландія, Швейцарія, Испанія съ Португаліей, Соединенные Штаты, иллирійскія провинціи и Россія. Только послѣ этого обзора, насыщеннаго фактами, проф. Тарле возвращается къ самой Франціи и въ третьей части своего труда разсматриваетъ ея промышленность въ эпоху самой континентальной блокады.

Въ этой послѣдней части авторъ подробно останавливается на разныхъ отрасляхъ производства (хлопчатобумажномъ, шерстяномъ, шелковомъ, полотняномъ, кружевномъ, кожевенномъ, металлическомъ, водочномъ и т. д.). За главами объ этихъ отрасляхъ промышленности слѣдуютъ главы о приморскихъ городахъ въ эпоху континентальной блокады, о кризисѣ 1810 — 1811 годовъ и о положеніи французской промышленности въ послѣдніе годы имперіи. Этимъ проф. Тарле и кончаетъ свое изслѣдованіе и резюмируетъ затѣмъ свои выводы на нѣсколькихъ страницахъ «заключенія».

Таково построеніе новой книги проф. Тарле, которое нельзя не признать правильнымъ и соотвѣтствующимъ сложности задачи указать изъ какихъ правительственныхъ и общественныхъ мотивовъ выросла континентальная блокада, въ какомъ состояніи она застала разныя стороны французской обрабатывающей промышленности вообще и отдѣльныя ея отрасли, какъ она отразилась на внѣшней торговлѣ Франціи съ тѣми или другими континентальными странами и какое вліяніе сама оказала на французскую промышленность. Сдѣланный мною перечень главныхъ отдѣловъ содержанія книги, кромѣ того, показываетъ, какой массы частностей касается авторъ, чтобы дать общую картину возникновенія, развитія и экономическаго значенія изслѣдованнаго имъ явленія. Многія подробности, пожалуй, покажутся неспеціалисту скучными, но на всякаго непредубѣжденнаго читателя онѣ не могутъ не произвести впечатлѣнія большой основательности изслѣдованія. Общіе выводы автора, разбросанные по всѣмъ главамъ и сконцентрированные въ сжа-

томъ видѣ, на послѣднихъ пятнадцати страницахъ текста, представляютъ несомнѣнный интересъ и для широкой публики. Въ дальнѣйшемъ я и постараюсь представить главнѣйшіе изъ этихъ выводовъ, насколько это возможно въ предѣлахъ небольшой замѣтки, предназначенной для общаго историческаго журнала.

Въ трудѣ своемъ «Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи» проф. Тарле далъ яркую картину разстройства и упадка французской промышленности въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка. Въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ захватилъ верховную власть въ странѣ, промышленность французская переживала самыя бѣдственныя времена. Улучшеніе наступило съ 1801—1802 годовъ, когда война временно прекратилась и внутри Франціи началось успокоеніе послѣ періода революціонныхъ бурь и ряда государственныхъ переворотовъ. Проф. Тарле отказывается, однако, установить размѣры этого улучшенія даже въ приблизительныхъ только цифрахъ, ибо и само правительство было безсильно что-либо сдѣлать въ этомъ отношеніи. Амьенскій миръ, заключенный въ 1802 г., очень тѣмъ не менѣе взволновалъ французскихъ коммерсантовъ и промышленниковъ, хотя опасенія тѣхъ и другихъ имѣли разные источники: первые опасались за прочность выгоднаго для нихъ мира, тогда какъ вторые боялись, что за миромъ послѣдуетъ заключеніе торговаго договора съ Англіей, а за нимъ наводненіе французскаго рынка англійскими товарами, какъ то было послѣ знаменитаго договора 1786 г. Въ книгѣ проф. Тарле очень выпукло изображенъ этотъ антагонизмъ интересовъ съ одной стороны промышленниковъ, съ другой—торговцевъ. Не менѣе рельефно выдвигается авторомъ впередъ то обстоятельство, что Наполеонъ очень рѣшительно сталъ на сторону промышленниковъ. Его экономическая теорія заключалась въ томъ, что для государства промышленность важнѣе торговли, что интересы промышленниковъ и интересы государства даже прямо совпадаютъ, тогда какъ, наоборотъ, интересы торговли и государства очень часто расходятся. Страницы, на которыхъ проф. Тарле передаетъ политико-экономическія воззрѣнія Наполеона, относятся къ числу наиболѣе любопытныхъ. Ученіе о свободѣ торговли онъ объявилъ вреднымъ сектантствомъ, и руководящей идеей всей его экономической политики сдѣлался самый неумолимый протекціонизмъ. Поэтому въ его намѣреніяхъ было, во всякомъ случаѣ, продолжать таможенную войну съ Англіей. Вотъ тѣ предпосылки, которыя объясняютъ возникновеніе континентальной блокады.

Съ неменьшимъ интересомъ читаются и тѣ страницы книги, на которыхъ мы находимъ многочисленныя свидѣтельства о томъ, что и Наполеонъ и промышленный классъ, оберегая отечественное производство отъ иностранной конкуренціи, строго, однако, различали интересы старой Франціи, т.-е. старыхъ департаментовъ отъ интересовъ новыхъ департаментовъ, т.-е. разныхъ завоеванныхъ и присоединенныхъ къ Франціи земель. Авторъ очень убѣдительно доказываетъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда этого требовали интересы старой Франціи, новыя области безусловно приносились ей въ жертву. Напр., для обезпеченія Ліона и другихъ французскихъ городовъ шелкомъ-сырцомъ или шелковою пряжею, эти продукты было строго запрещено вывозить еще куда-либо изъ французскихъ владѣній въ Италіи. Конечно, Наполеонъ заботился, чтобы вся его имперія, взятая въ цѣломъ, извлекала матеріальныя выгоды изъ своего политическаго преобладанія надъ другими странами, но въ самой имперіи между старыми и новыми частями всегда дѣлалось различіе къ выгодѣ для первыхъ и къ ущербу для вторыхъ.

Проф. Тарле вообще даетъ очень много для характеристики отношеній Наполеона къ другимъ странамъ. И самъ онъ и промышленный классъ Франціи стремились, по словамъ нашего историка, къ тремъ главнымъ цѣлямъ. Первою изъ нихъ было—ограждать имперскій рынокъ отъ проникновенія фабрикатовъ изъ разныхъ зависимыхъ или полузависимыхъ странъ, второю — изгнаніе изъ этихъ странъ какихъ бы то ни было конкурентовъ французской промышленности, третьею — обезпечить за послѣднею возможность стать монопольнымъ скупщикомъ сырья, производимаго этими странами. Цѣлыя категоріи предметовъ ввозить въ предѣлы имперіи было воспрещено. Разными мѣрами, кромѣ того, Наполеонъ боролся противъ какихъ бы то ни было попытокъ зависимыхъ или полузависимыхъ странъ обзавестись собственною промышленностью. О томъ, что нѣкоторыя категоріи сырья дозволялось вывозить только во Францію, только что было сказано. Разумѣется, не всѣ эти цѣли достигались въ одинаковой степени. Проф. Тарле не напрасно посвятилъ нѣсколько главъ обзору торговыхъ отношеній имперіи Наполеона съ другими странами: въ этихъ главахъ онъ показываетъ, какія страны и почему все-таки отбивали рынки у французовъ во всей средней и сѣверной Европѣ. Особенно любопытны страницы книги, гдѣ говорится о такихъ ярмаркахъ, какъ франкфуртская и лейпцигская, получившія въ эту эпоху европейское значеніе. Мало того, многіе иностранные товары путемъ контрабанды во множествѣ ввозились въ самую имперію. Проф. Тарле много останавливается и на причинахъ успѣшности контрабанднаго ввоза. Отчасти тутъ дѣйствовала болѣе дешевая оплата труда внѣ Франціи, но въ болѣе, пожалуй, значительной мѣрѣ оказывала свое вліяніе и большая дешевизна колоніальнаго сырья въ другихъ странахъ, не такъ строго, какъ сама имперія, соблюдавшихъ континентальную блокаду.

Первое мѣсто среди иностранныхъ товаровъ, продававшихся въ имперіи дешевле туземныхъ, были хлопчатобумажныя издѣлія, большею частью англійскаго происхожденія. Декретомъ 23 февраля 1806 г. Наполеонъ безусловно воспретилъ ввозъ какихъ бы то ни было бумажныхъ тканей. Проф. Тарле указываетъ на то, что эта мѣра вызвала во Франціи оживленіе хлопчатобумажнаго производства, для котораго нѣкоторое время (до 1809 г.) разрѣшалось на извѣстныхъ условіяхъ ввозить необходимое количество пряжи. Въ этой отрасли промышленности стало развиваться и машинное производство. Что касается до остальныхъ отраслей, то въ нихъ большею частью царили порядки, характеризующіе конецъ стараго режима и начало революціоннаго времени, т.-е. огромная роль домашней промышленности, сильное участіе деревни въ разнаго рода производствахъ, слабое развитіе промышленнаго капитала. То, что проф. Тарле говоритъ о французской дореволюціонной промышленности въ своемъ «Рабочемъ классѣ», могло бы въ существеннѣйшихъ своихъ чертахъ быть повторено по отношенію къ эпохѣ консульства и имперіи, а то, что имъ собрано для этой эпохи, только подтверждаетъ правильность его характеристики дореволюціонныхъ порядковъ.

Возникновеніе и расширеніе самой континентальной блокады разсмотрѣно авторомъ очень подробно. Сначала Наполеонъ думалъ достигнуть сразу двухъ цѣлей, которыя, по его мнѣнію, совпадали: заставить Англію запросить мира и избавить французскую промышленность отъ англійской конкуренціи на континентѣ. Когда обнаружилось, что отъ блокады стали страдать нѣкоторыя отрасли французской промышленности (изъ-за сокращенія подвоза сырья и сбыта фабрикатовъ), Наполеонъ сталъ выдвигать впередъ первую цѣль, хотя бы ея осуществленіе и было

сопряжено съ экономическими потерями. Въ книгѣ проф. Тарле собрано много фактовъ, свидѣтельствующихъ о заботахъ Наполеона относительно таможенной охраны границъ имперіи, между прочимъ, при помощи военной силы. Всѣ его мѣропріятія были, однако, безуспѣшны въ борьбѣ съ контрабандою, находившею, наоборотъ, сочувствіе въ потребителяхъ англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. Самъ Наполеонъ вынужденъ былъ отступать отъ строгостей своей системы, начавъ давать разрѣшенія (лиценціи) на ввозъ разнаго колоніальнаго сырья, при чемъ очень скоро эти лиценціи сдѣлались очень доходною статьею для казны. Союзники Франціи, обязавшіеся подчиняться тяжкимъ условіямъ континентальной блокады, разумѣется, не могли хладнокровно смотрѣть, что въ своихъ владѣніяхъ посредствомъ лиценцій Наполеонъ явно нарушалъ эти условія въ пользу своей имперіи.

Къ 1810 — 1811 годамъ обнаружилось, что Франціи не удалось монополизировать иностранные рынки. Обнаружилось и то, что и самито рынки эти были истощены, разорены, обезсилены. Проф. Тарле собралъ массу фактовъ, свидѣтельствующихъ объ ослабленіи платежной и покупной способности многихъ странъ. Конкуренція съ Англіей оказалась не по силамъ Франціи, что авторъ, между прочимъ, иллюстрируетъ на примѣрѣ примѣненія континентальной блокады къ Россіи. Неудача постигла и сбытъ французскихъ товаровъ и привлеченіе во Францію разнаго сырья, что очень обстоятельно, съ большими подробностями констатируется авторомъ въ рядѣ спеціальныхъ главъ. При неблагопріятныхъ условіяхъ внѣшняго сбыта и полученія сырья, какъ явствуетъ изъ фактовъ, собранныхъ проф. Тарле, главнымъ рынкомъ для всѣхъ отраслей промышленности сдѣлался рынокъ внутренній, имперскій. Отсюда тяжкій общій кризисъ, постигшій французскую промышленность въ началѣ 1811 г. и менѣе другихъ поразившій только тѣ производства, которыя поддерживались заказами военнаго вѣдомства (любопытный примѣръ вліянія милитаризма на индустрію). Хотя въ 1812 г. положеніе дѣлъ нѣсколько улучшилось, но съ конца 1813 г. вплоть до отреченія Наполеона торговопромышленная жизнь имперіи замираетъ.

Осуществленію плана Наполеона замѣнить колоніальные товары европейскими продуктами (льномъ хлопокъ, свекловичнымъ сахаромъ тростниковый) помѣшало, между прочимъ, то, что для этого Франціи нужно было имѣть съ собою противъ Англіи всю Европу, а Европа-то какъ разъ возставала противъ Франціи, соединялась съ Англіей, раскрывала свои порты англійскимъ кораблямъ. Наполеоновская попытка измѣнить пути міровой торговли, «повернуть; какъ выражается Е. В. Тарле, къ доколумбовскимъ временамъ» окончилась полнѣйшей неудачей. Замыселъ былъ грандіозенъ, и для осуществленія его были пущены въ ходъ грандіозныя средства. Онъ не удался, но одна длительная попытка его осуществленія очень дорого обошлась и самой Франціи и всей Европѣ. Въ современной Германіи есть люди, готовые мечтать также объ экономическомъ изолированіи Англіи по отношенію къ остальной Европѣ, и потому тема книги проф. Тарле до извѣстной степени имѣетъ интересъ современности, на что имъ и дѣлается намекъ въ концѣ книги. Главное ея значеніе, конечно, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что впервые въ ней мы имѣемъ столь обширный и обильно документированный трудъ объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ экономической исторіи начала XIX в.

Н. Карѣевъ.

Sidney Whitman, Deutsche Erinnerungen. 1912.

Нѣмецкій переводъ книги извѣстнаго англійскаго журналиста дополненъ сравнительно съ англійскимъ цѣлымъ рядомъ документовъ и можетъ разсматриваться какъ новое изданіе. Книга, несомнѣнно, заслуживаетъ того, чтобы на нее было обращено вниманіе русскаго читателя.

Сидней Уитманъ долго жилъ въ Германіи. Онъ провелъ тамъ дѣтство и школьные годы, великолѣпно знаетъ страну и ея языкъ и, когда ему приходилось наѣзжать туда въ качествѣ корреспондента, онъ чувствовалъ себя среди нѣмцевъ почти какъ дома. У него тамъ было множество друзей, онъ былъ принятъ въ семьѣ Бисмарка, умудрился получить интервью у «великаго молчальника», Мольтке.

Книга, вышедшая изъ-подъ пера такого глубокаго знатока странъ, разумѣется, мало похожа на обычныя замѣтки журналиста, наблюдавшаго жизнь изъ оконъ вагона и получившаго доступъ только въ трибуну журналистовъ рейхстага. «Воспоминанія» Уитмана даютъ и картины быта, и портреты людей, и трудно сказать, что выходитъ у него удачнѣе: широкими мазками набросанный эскизъ жизни силезскаго юнкерства или такія характеристики, какъ Мольтке, Момзенъ, Ленбахъ, Бюловъ. Бисмарку здѣсь посвященъ лишь небольшой этюдъ, потому что воспоминаніямъ о Бисмаркѣ Уитманъ посвятилъ особую книгу «Personal Reminiscences of Prince Bismarck», вышедшую еще въ 1902 году. Но и включенное сюда описаніе первой встрѣчи съ творцомъ единой Германіи, вышедшимъ встрѣтить на станцію Фридрихсруэ представители седьмой великой державы, дополняетъ знакомый образъ многими новыми мелкими штрихами.

Уитманъ изображаетъ нѣмецкую жизнь совершенно безпристрастно У него нѣтъ никакихъ принципіальныхъ предубѣжденій. Но въ немъ все-таки есть какой-то аристократизмъ: онъ чувствуетъ себя отлично въ обществѣ фельдмаршала Блюменталя и Мольтке и едва можетъ подыскать тему для бесѣды съ Бебелемъ. Изображая великихъ міра, онъ расточаетъ всѣ краски своей палитры, а о Зингерѣ и Фольмарѣ говоритъ очень сдержанно. Великое нѣмецкое рабочее движеніе интересуетъ его мало. Глава о вождяхъ соціализма начинается очень характерными словами: «Мнѣ кажется типичнымъ для того глубокаго разслоенія, которое проходитъ черезъ политическую и соціальную Германію, что я болѣе двадцати лѣтъ общался съ нѣмцами почти всѣхъ классовъ и не познакомился ни съ однимъ соціалистомъ». Очевидно, нужно было или быть совершенно равнодушнымъ къ рабочему движенію или быть очень противъ него предубѣжденнымъ, чтобы, общаясь со всѣми, умудриться не встрѣтить ни единаго соціалиста.

Одна оговорка поэтому должна быть сдѣлана. Пусть читатель не ищетъ въ воспоминаніяхъ Уитмана полной картины нѣмецкой жизни. У него очень неравномѣрное освѣщеніе. Низы — въ темнотѣ. Рефлекторъ направленъ на верхи. Ихъ авторъ лучше знаетъ, о нихъ говоритъ съ увлеченьемъ и съ интересомъ.

Его книга и цѣнна именно для пониманія руководителей нѣмецкой политической, военной, культурной жизни. Уитманъ умѣетъ характерной фразой, характернымъ анекдотомъ такъ ярко обрисовать ту или иную фигуру, что она выступаетъ какъ живая. Огромная наблюдательность у него достигаетъ такихъ же результатовъ, какихъ можно достигнуть только съ помощью художественнаго таланта.

Повторяемъ, для лицъ, интересующихся исторіей современной Германіи, «Воспоминанія» Уитмана — драгоцѣнная книга.

А. Дживелеговъ.

J. Patouillet. «Ostrovski et son théatre de moeurs russes». Paris. 1912.

Книга г. Patouillet представляетъ большой интересъ: во-первыхъ, потому, что это—первое большое систематическое изслѣдованіе объ Островскомъ, какого еще не было и въ Россіи; во-вторыхъ, потому, что это—книга француза о русскомъ писателѣ.

Островскій и его типы, говоритъ г. Patouillet, популярны въ Россіи такъ же, какъ Мольеръ во Франціи, и несмотря на это, нѣтъ ни одного крупнаго изслѣдованія о немъ. Произведенія Островскаго вызывали шумный обмѣнъ мнѣній, иногда совершенно противоположныхъ, потому что каждый писавшій о немъ стремился находить въ его произведеніяхъ отвѣтъ на свои взгляды; напр., Григорьевъ находилъ «народность», а Добролюбовъ «пессимизмъ темнаго царства». Не существуетъ еще хорошаго изданія знаменитаго писателя съ научно провѣреннымъ текстомъ, не установлена даже хронологія піесъ. На родинѣ Островскій еще ждетъ своего изслѣдователя, и попытка чужестранца, пишетъ г. Patouillet, взяться за то, на что не могли еще рѣшиться въ Россіи, очень смѣла. Онъ не ставитъ себѣ цѣли внести что-нибудь новое или произнести окончательный приговоръ, онъ хочетъ только написать насколько возможно безпристрастный этюдъ, упорядочивъ собранные до сихъ поръ матеріалы.

Съ такимъ скромнымъ предисловіемъ приступаетъ г. Patouillet къ своей работѣ, но даетъ гораздо больше.

Первая половина книги посвящена прекрасно изложенной біографіи, въ которой удѣляется довольно много мѣста общественно-литературнымъ настроеніямъ эпохи. Рисуя обстановку, окружавшую Островскаго, авторъ пытается выяснить его наклонность къ изображенію купеческой среды, съ которой онъ, самъ уроженецъ Замоскворѣчія, служившій нѣкоторое время въ Совѣстномъ судѣ, могъ отлично познакомиться.

Островскій, по мнѣнію французскаго изслѣдователя, не морализируетъ, онъ просто рисуетъ нравы окружавшаго его общества. Г. Patouillet, цѣнитъ Островскаго, главнымъ образомъ, какъ прекраснаго бытописателя, умѣвшаго съ громаднымъ знаніемъ души человѣка дать безсмертные типы. Хроникамъ онъ удѣляетъ меньше вниманія. Жаль, что г. Patouillet не понялъ, не оцѣнилъ достаточно Снѣгурочку. Хотя онъ и признаетъ, что трудно не поддаться обаянію Весенней Сказки, но все же чувствуется, что онъ не оцѣниваетъ достаточно эту жемчужину русской литературы, стоящую какъ-то особнякомъ, но всю пронизанную лучомъ необыкновенной поэтичности, молодости и эпической простоты.

Французъ интересуется не столько созданіями мечты поэта, сколько жизнью, которую изображаетъ Островскій.

Разбирая купеческіе нравы Островскаго, г. Patouillet дѣлаетъ очень интересный экскурсъ въ эпоху Домостроя. Онъ рисуетъ яркую картину быта до-петровской семьи и находитъ въ ней тотъ же складъ, что и въ сѣрой купеческой средѣ XIX вѣка. Идеологія осталась та же.

Русскіе писатели, говоритъ г. Patouillet, занятые борьбой съ административнымъ зломъ, не могли обращать вниманія на темный классъ людей, стоявшій особнякомъ, жившій по Домострою; они презирали его, потому что онъ ничему не могъ научить ихъ, и они считали, что рисовать его быть не стоитъ. Заглянуть въ глубь темнаго царства, показать его просто, не тенденціозно—въ этомъ великая заслуга Островскаго передъ Россіей и Западомъ.

Дальше г. Patouillet приступаетъ къ разбору хорошо знакомыхъ намъ героевъ Островскаго, при чемъ обнаруживаетъ большое знаніе рус-

ской жизни. Наиболѣе интересную для русскаго читателя часть разбора составляетъ сопоставленіе типовъ Островскаго и ихъ идеологіи съ свидѣтельствами изъ другихъ писателей и съ показаніями самой жизни.

Г. Patouillet признаетъ Островскаго большимъ мастеромъ языка, стиля и сцены. Онъ считаетъ свою задачу достигнутой, если ему удастся заинтересовать творчествомъ Островскаго французскаго читателя и поставить русскаго писателя на надлежащее мѣсто въ сознаніи Запада. Но и для русскаго читателя стройную монографію г. Patouillet, написанную съ обычнымъ французскимъ блескомъ, нужно признать также очень интересной и полезной.

Н. Гиляровская.

Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Т. I. «Путь». М. 1913. Стр. VII+440. Цѣна за два тома 5 руб.

Рѣдкое изданіе можетъ дать столь полное удовлетвореніе, какъ новый трудъ М. О. Гершензона, лучшаго у насъ знатока Чаадаева. Знаменитаго автора «Философическихъ писемъ» постигла, къ сожалѣнію, довольно обычная у насъ судьба; его бумаги, перешедшія по наслѣдству къ племяннику, М. И. Жихареву, въ полномъ своемъ составѣ не сохранились; то, что вошло въ извѣстное заграничное изданіе Гагарина (1862 г.), и что было опубликовано впослѣдствіи (главн. обр. въ «В. Евр.» 1871, 1874 гг.), не обнимаетъ всего написаннаго Чаадаевымъ. Теперь М. О. Гершензонъ дѣлаетъ попытку собрать воедино все его литературное наслѣдіе, уже бывшее въ печати или уцѣлѣвшее въ общественныхъ архивахъ и въ частныхъ рукахъ. Очень многое появляется здѣсь впервые, въ томъ числѣ «Mémoire sur Geistkunde» и т. н. «Отрывки», раскрывающіе намъ интимное настроеніе и идеи Чаадаева—мистика. Матеріалы напечатаны съ соблюденіемъ строгой научной точности, расположены въ хронологическомъ порядкѣ и снабжены примѣчаніями редактора. Къ первому тому приложенъ снимокъ съ неизданнаго портрета, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина. Во второй томъ должны войти варіанты, переводъ французскихъ текстовъ и указатели.

Изданіе «Сочиненій и писемъ П. Я. Чаадаева» въ его законченномъ видѣ дастъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія личности и міросозерцанія того, кто такъ своеобразно, но и типично выразилъ общественное настроеніе 20—30-хъ годовъ.

П. Сакулинъ.

Война и Миръ. Сборникъ подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. Задруга. М. 1912. Стр. VII+310. Ц. 3 р. 50.

Какъ Іона изъ чрева кита, цѣлой и невредимой появилась, наконецъ, названная книга, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ находившаяся подъ арестомъ.

Посвященный памяти Льва Николаевича Толстого, сборникъ «Война и Миръ» распадается на три части, органически связанныя между собою одной культурной идеей. Первая часть занята анализомъ романа Л. Н. Толстого. Сюда относятся двѣ статьи Т. И. Полнера («Авторъ» и «Произведеніе»), также двѣ статьи К. В. Покровскаго («Исторія работы Л. Н. Толстого надъ романомъ «Война и миръ» и «Источники романа «Война и миръ») и, наконецъ, статья В. Н. Перцева «Философія исторіи Л. Н. Толстого». Во второй части сборника выясняется истинное значеніе войны 1812 года съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ. Это сдѣлано въ работахъ А. К. Дживелегова («Александръ и Наполеонъ»), С. П. Мельгунова («На войнѣ 1812 года»), К. В. Сивкова («Вліяніе

войны 1812 года на духовную жизнь Россіи») и В. И. Пичета («Война 1812 г. и народное хозяйство»). Сюда же примыкаетъ и статья В. Е. Степановой «Война 1812 г. въ живописи». Наконецъ, въ послѣдней части В. П. Обнинскій («Война сто лѣтъ назадъ и теперь») и Л. С. Козловскій («Война и миръ въ ученіи Л. Н. Толстого») ведутъ линію изслѣдованія дальше, изучая проблему войны какъ въ дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія міровоззрѣнія Толстого, такъ и въ связи съ новѣйшими теченіями пасифизма и антимилитаризма. Къ книгѣ приложено шесть рисунковъ. Въ виду того, что въ составленіи и изданіи сборника принимали участіе лица, близкія къ журналу «Голосъ Минувшаго», мы воздерживаемся отъ всякой оцѣнки какъ художественной стороны сборника, такъ и его внутренняго содержанія, и ограничиваемся лишь простымъ оповѣщеніемъ читателей о выходѣ этой книгѣ.

П. Сакулинъ.

В. В. Сиповскій. Отзывъ о книгѣ г. Трубинина, представленной на соисканіе степени магистра русскаго языка и словесности, «О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка (Спб. 1912 г.). Спб. 1913. Стр. 32. Брошюра В. В. Сиповскаго представляетъ подробный разборъ книги г. Трубицына, о которой былъ данъ отзывъ Б. М. Соколовымъ въ мартовской книжкѣ «Голоса Минувшаго». Проф. Сиповскій пришелъ къ заключенію, что своей работой г. Трубицынъ «доказалъ неумѣніе обращаться съ матеріалами, доказалъ совершенное незнаніе научныхъ методовъ и безнадежное непониманіе того, что такое научное изученіе исторіи литературы».

П. С.

П. Г. Клепатскій. Очерки по исторіи Кіевской земли. Т. I. Одесса. 1912 г. XVIII+595. Ц. 4 руб.

Работа Клепатскаго не пройдетъ незамѣченной среди работъ, посвященныхъ литовскому великому княжеству. Авторъ очень полно изучилъ всѣ наличные источники и литературу и далъ довольно отчетливую картину исторіи Кіевской земли въ теченіе всего литовскаго періода, картину, въ которой далеко не все пріемлемо, но которая даетъ немало матеріала для сопоставленія и выводовъ. Нельзя не привѣтствовать самый выборъ темы для изслѣдованія, являющагося какъ бы продолженіемъ работъ по изученію южно-русскихъ земель, начатыхъ подъ руководствомъ покойнаго Антоновича. Разъ литовско-русское государство было построено на федеративномъ началѣ и политическая самостоятельность каждой земли была опредѣлена грамотой, существенно ограничивавшей суверенныя права великаго князя литовскаго, то изученіе жизни и состава земель великаго княжества становится очереднымъ вопросомъ въ наукѣ. Изучая колонизацію Кіевской земли въ XV в., Клепатскій, естественно, пожелалъ познакомиться съ вопросомъ о населенности Кіевской земли въ связи съ тюркскими и татарскими нашествіями и набѣгами, вопросомъ, котораго касались немало почтенныхъ изслѣдователей. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, авторъ чрезвычайно смѣлъ въ выводахъ, хотя и мало доказателенъ. Можно раздѣлять теорію, доминирующую въ украинской исторіографіи по вопросу о степени населенности Приднѣпровья въ XIV вѣкѣ, но приходится признать, что всякаго рода попытки выяснить плотность населенія остаются только однѣми попытками. Вызываетъ также нѣсколько возраженій и планъ работы, который и самъ авторъ готовъ признать сложнымъ и нѣсколько разбросаннымъ. Благодаря этому, неизбѣжны въ работѣ повторенія, отнюдь не способствующія выясненію того или другого вопроса.

Всѣ эти замѣчанія можно отнести ко второй и третьимъ главамъ его изслѣдованія, въ которыхъ дается описаніе Кіевской земли по повѣтамъ и дается характеристика отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, населявшихъ территорію Кіевской земли. Давая въ первой главѣ политическую исторію Кіевской земли и разсматривая ея организацію и внутренное управленіе, Клепатскій пересматриваетъ рядъ спорныхъ вопросовъ, весьма существенныхъ въ исторіи литовско-русскаго государства, и пытается дать на нихъ новый отвѣтъ. И не всегда его сужденія убѣдительны настолько, чтобы можно было отказаться отъ существующихъ взглядовъ и стать на сторону автора. Отмѣтимъ нѣсколько спорныхъ вопросовъ. Прежде всего, Клепатскій детально разбираетъ вопросъ о времени присоединенія Кіева къ Литвѣ. Соглашаясь съ Антоновичемъ противъ Дашкевича относительно подчиненія Кіева Литвѣ при Ольгердѣ, Клепатскій находитъ возможнымъ только измѣнить дату присоединенія—1356 годъ вмѣсто 1362 г. Но и послѣ этого теорія Дашкевича, отчасти поддержанная Любавскимъ, имѣетъ за себя немало основаній, не разрушенныхъ ни Антоновичемъ ни Клепатскимъ. Не совсѣмъ также вѣрно изображено движеніе, связанное съ именемъ Глинскаго. Несомнѣнно, въ лицѣ Глинскаго скорѣе приходится видѣть политическаго интригана, честолюбца первой руки, чѣмъ человѣка, проникнутаго и охваченнаго опредѣленными національно-религіозными идеями. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ авторъ послѣдней работы о Сигизмундѣ г. Finkel, и его сужденія достаточно обоснованы. Затѣмъ едва ли можно считать Кіевскую землю только провинціей княжества. Вѣдь эта провинція обладала уставной областной грамотой, существенно ограничивавшей суверенныя права великаго князя. Самая подчиненность воеводамъ повѣтовъ въ военномъ и административномъ отношеніяхъ, въ чемъ г. Клепатскій примыкаетъ къ Любавскому, указываетъ на самостоятельное положеніе Кіевской земли въ составѣ Литовскаго княжества. Цѣлая глава посвящена церковнымъ дѣламъ, но автора больше интересуетъ внѣшняя исторія церковныхъ отношеній, каковая изложена детальнѣе, чѣмъ правовое положеніе православныхъ въ Кіевской землѣ. Этотъ вопросъ очень важный, такъ какъ конфессіональная статья 1413 года была отмѣнена только въ 1563 году, a de facto, какъ думаетъ Любавскій, съ половины XV в. Однако вопросъ споренъ и требуетъ дальнѣйшихъ разысканій. Переходя къ изученію каждаго повѣта въ отдѣльности, а въ составъ Кіевской земли входило девять повѣтовъ, авторъ продѣлалъ вполнѣ самостоятельно очень большую и довольно кропотливую работу, несомнѣнно, полезную и для всякаго историка литовско-русскаго государства, въ которой онъ по многимъ вопросамъ расходится съ предшественниками. Въ третьей части работы г. Клепатскаго, посвященной изученію экономическаго быта и соціальнаго строя Кіевской земли, отмѣтимъ его самостоятельное отношеніе къ вопросу о магдебургскомъ правѣ. Вопреки Антоновичу и Владимирскому-Буданову, авторъ указываетъ, что магдебургское право не содѣйствовало ни росту сословности, ни выдѣленію города въ самостоятельную сословную единицу, ни уничтоженію мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, на что указывали еще Тарановскій и Halbach. Но какое значеніе имѣло магдебургское право для хозяйственнаго роста города, чѣмъ руководилось литовское правительство, выдавая грамоты на магдебургское право, эти вопросы остались безъ отвѣта. Касается также авторъ и вопроса о генезисѣ крѣпостного права. Съ авторомъ можно согласиться, что одна давность не служила закрѣпощеніемъ въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ г. Любавскій, но что засѣдѣлость въ XVI вѣкѣ, связанная съ 10-тилѣтней давностью, вела къ крѣпостничеству, про-

тивъ этого спорить не приходится. Мы согласны съ экономической теоріей происхожденія крѣпостного права, которую раздѣляетъ г. Клепатскій. Въ этомъ отношеніи соціологическая природа генезиса крѣпостного права—всюду одна; только изслѣдователь располагаетъ очень небольшимъ количествомъ данныхъ, которые могли бы подтвердить его теорію. Приходится больше говорить по аналогіи, чѣмъ основываясь на реальномъ матеріалѣ, но, во всякомъ случаѣ, съ теоріей г. Любавскаго согласиться нельзя. Крѣпостное право — соціальный институтъ экономическаго происхожденія. Но какой характеръ носило крѣпостное право,—характеръ ли личной крѣпости или поземельнаго прикрѣпленія, этимъ вопросомъ г. Клепатскій не интересуется, а онъ, конечно, очень важенъ.

В. Пичета.

Старина и Новизна. Книга XVI Сборника Общ. Ревн. Рус. Истор. Просвѣщенія. Спб. 1913. Ц. 2 р.

Значительная часть XVI книги «Старина и Новизна» занята дневникомъ и перепиской Сестренцевича, перваго митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, издаваемыми подъ редакціей гг. Годлевскаго и Краксина. Въ XVI книгѣ опубликована (на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ) лишь первая часть дневника (1797—1798 гг.), вообще же дневникъ доводится до 4 марта 1800 г. Дневникъ имѣетъ значеніе для исторіи положенія католической церкви при Павлѣ I, любопытенъ мѣстами и для личной характеристики Павла I. Описывая свое пребываніе въ Петербургѣ, Сестренцевичъ сообщаетъ небезынтересныя детали придворнаго быта «Неаполитанскаго короля», подъ именемъ котораго фигурируетъ Павелъ, когда рѣчь идетъ о какихъ-либо интимныхъ сторонахъ жизни Павла или его личныхъ качествахъ. Напр., подъ 15 октября 1797 г. Сестренцевичъ записываетъ: «Неаполитанскій король раскассировалъ свой первый гвардейскій полкъ. Восемь офицеровъ арестовано, 2 лишены чина; нашли виновными 400 человѣкъ въ Калабріи и строго слѣдятъ за корреспонденціей, приходящей въ столицу». Или (24 сентября) «Неаполитанская королева—женщина ограниченнаго ума... Король сблизился съ дѣвицей Simie». Павелъ покровительствовалъ Сестренцевичу. Императоръ, принимавшій подъ свое покровительство мальтійскій орденъ, желалъ быть и покровителемъ католичества—«спасти святыя постановленія католической церкви отъ новшествъ». Дѣло шло о назначеніи Сестренцевича примасомъ въ Россіи безъ папской буллы. Зачѣмъ она, когда императоръ—«глава церкви, папа и все, что угодно?» Сестренцевичъ, съ своей стороны, подлаживаясь подъ теократическія идеи верховной власти, думалъ извлечь выгоды для католической церкви въ Россіи. Онъ записываетъ 12 ноября 1797 г.: «Митрополитъ Платонъ сказалъ государю, что онъ слишкомъ строгъ, что онъ, митрополитъ, дѣлаетъ это заявленіе отъ имени всего дворянства, которое просило его обратиться съ этимъ къ государю; что, говоря это, онъ остается только вѣрнымъ долгу подданнаго и епископа, что онъ готовъ отправиться куда императоръ прикажетъ, даже въ Сибирь. Императоръ принялъ его дурно и приказалъ возвратиться въ Москву». «Я полагаю,—дѣлаетъ характерное добавленіе авторъ дневника,—что это заявленіе митрополита Платона сдѣлаетъ императора милостивымъ къ католической церкви, такъ какъ онъ увидитъ, что голова первенствующей Церкви начинаетъ протестовать (prend le ton)».

Въ той же XVI кн. «Старина и Новизна» опубликованы гр. Бревернъ де-ла Гарди письма кн. П. А. Вяземскаго къ А. А. Воейковой (за 1848 г.)— одно изъ нихъ въ стихотворной формѣ. Затѣмъ здѣсь же находимъ

«Воспоминанія кн. В. П. Васильчикова со словъ его отца». Эти небольшія безсистемныя воспоминанія «со словъ» извѣстнаго государственнаго дѣятеля временъ Александра I и Николая I не богаты новымъ матеріаломъ. Однако кое-какіе любопытные штрихи въ нихъ можно отмѣтить. Напр., доносъ И. В. Васильчикову въ ноябрѣ 1821 г. о существованіи тайнаго общества, колебанія Николая I 14 декабря, дисциплина наполеоновской арміи, гдѣ не было ни палокъ ни шпицрутеновъ александровскаго времени, нѣкоторые эпизоды, связанные съ отступленіемъ «великой арміи» изъ Россіи. Въ приложеніи къ воспоминаніямъ напечатаны два письма Александра I къ Васильчикову изъ Троппау (1820 г.) по поводу волненій въ семеновскомъ полку. Письма эти уже и ранѣе были напечатаны. Второе письмо говоритъ о необходимости усилить бдительное наблюденіе за подозрительными лицами и т. д.—«Dieu fera le reste».

Кромѣ того, напечатано нѣсколько записочекъ Николая I къ тому же лицу и письмо Васильчикова (1 мая 1840 г.) по поводу введенія русскихъ законовъ въ западныхъ губерніяхъ.

Изъ дѣятелей николаевской эпохи Васильчиковъ былъ однимъ изъ наиболѣе честныхъ и прямыхъ. Въ указанномъ письмѣ онъ съ полнымъ отрицаніемъ относится къ мѣрамъ, предложеннымъ въ Западномъ краѣ ген. Бибиковымъ, которыя сводились къ «усугубленію стѣсненія, преслѣдованія и строгости». Этими мѣрами, доказываетъ Васильчиковъ, нельзя достигнуть «успокоенія умовъ. «Изгоняя евреевъ изъ селъ,—пишетъ, напр., Васильчиковъ,—мы не ищемъ болѣе полезнаго ихъ устройства и не только не привлечемъ, но еще болѣе сдѣлаемъ ихъ враждебными правительству. Исключая тамошнее дворянство изъ общихъ правилъ о службѣ, учреждая военные суды надъ помѣщиками, мы распространяемъ подозрѣніе и недовѣріе на всѣхъ безъ различія и на каждомъ шагу даемъ имъ чувствовать, что они не русскіе, но поляки».—«Предполагается,—писалъ Васильчиковъ по поводу проекта инструкціи ген. Бибикова,—еще усугубить мѣры строгости до того, что ген.-губернатору предоставляется право ссылать въ Сибирь на поселеніе *безъ суда*; право, отъ котораго отказалась и самодержавная власть, постановивъ, что безъ суда никто да не накажется». Какъ видимъ, что, къ сожалѣнію, мысли кн. И. В. Васильчикова и понынѣ еще не потеряли животрепещущаго интереса современности. На всѣ разсужденія кн. Васильчикова императоръ Николай I отвѣчалъ: «Во многомъ съ вами согласенъ; но введеніе нашихъ законовъ не могу не признать безотлагательно необходимымъ. Богъ мнѣ будетъ судьей: я дѣйствую по глубокому убѣжденію».

С. М.

Соломонъ Рейнакъ. Аполлонъ. Исторія пластич. искусствъ. М. 1912. Ц. 3 р. 25 к.

Можно только привѣтствовать русскій переводъ этой книги, которая въ теченіе восьми лѣтъ выдержала во Франціи шесть изданій. Имя извѣстнаго ученаго является уже достаточнымъ ручательствомъ за качество книги, которая представляетъ собою популярный курсъ по исторіи пластическихъ искусствъ, читанный авторомъ въ Ecole du Louvre.

Эти 25 лекцій являются лучшимъ изъ общедоступныхъ очерковъ искусства въ маломъ объемѣ, которые за послѣднее десятилѣтіе появились въ значительномъ количествѣ, особенно на нѣмецкомъ книжномъ рынкѣ. Только при большомъ талантѣ и способности къ изящному обобщенію, которымъ отличаются французы, при большомъ умѣніи владѣть предметомъ, можно написать полную исторію пластическихъ искусствъ въ такомъ небольшомъ объемѣ, не впадая въ схематичность,

не заглушивъ предмета, написать ее такъ, что книжка можетъ быть прочтена съ начала до конца съ неослабнымъ интересомъ и непосвященною, но любящею искусство публикою.

Естественно, что на всемъ протяженіи авторъ не могъ быть вездѣ равномѣренъ, вездѣ одинаково владѣть матеріаломъ, вездѣ давать послѣднее слово науки. Такъ, напр., авторъ очень сурово относится къ византійскому искусству и отказываетъ ему даже въ культурной роли, въ сохраненіи среди рушенья античнаго міра и напора варварскихъ культуръ извѣстныхъ преданій античнаго искусства, хотя бы и въ холодной, застылой формѣ. Очевидно, автору незнакомы, да во время чтенія его лекціи и не могли быть знакомы, позже вышедшія работы Diehl'я (Manuel d'art bysantin) и Dalton'a (Bysantin art and archaeology), равно какъ и статья Peratè, основанная на работахъ Стжиговскаго и Айналова.

Живопись XIX вѣка, особенно вторая половина, написаны какъ и вездѣ, нѣсколько слабѣе и суше, но это объясняется тѣмъ, что художественныя теченія дѣлаются сложны, и индивидуальность начинаетъ играть въ нихъ слишкомъ большую роль; кромѣ того, итоги пройденнаго подводятся только недавно. Но эти «мѣста наименьшаго сопротивленія» не умаляютъ достоинствъ книги для тѣхъ, кому она предназначена. Ее смѣло можно рекомендовать всѣмъ, кто интересуется искусствомъ и желаетъ ознакомиться съ его исторіей въ легкомъ, краткомъ и научномъ изложеніи; она окажется незамѣнимымъ спутникомъ для тѣхъ, кто любитъ осматривать галлереи и музеи изящныхъ искусствъ и желалъ бы сознательнѣе отнестись къ тому, что онъ смотритъ. Переводъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно и легко читается. Приложенныя въ текстѣ многочисленныя цинкографіи съ произведеній искусства исполнены небрежнѣе, чѣмъ во французскомъ изданіи, но вполнѣ достаточны, чтобы дать представленіе о внѣшнемъ обликѣ произведенія.

У издателей явилась хорошая мысль дать въ приложеніе къ переводу и очеркъ русскаго искусства, но почему для осуществленія этой мысли издательство обратилось къ Сергѣю Глаголю, это мало понятно. Историкомъ русскаго искусства онъ никогда не былъ. Составленіе текста къ репродукціямъ Кнебеля съ картинъ Третьяковской галлереи не даетъ еще никакихъ основаній для этого. Несомнѣнно, что написать теперь исторію русскаго искусства популярнаго характера трудно, такъ какъ спорныхъ и невыясненныхъ вопросовъ много, а обобщеній очень мало, но тѣмъ болѣе необходимо основательное знакомство, если не съ самими памятниками, то съ литературою. Между тѣмъ написанное авторомъ заставляетъ думать объ обратномъ; на это же указываетъ и приложенная въ концѣ библіографія. Послѣ изложенія С. Рейнака особенно непріятно отсутствіе научности въ изложеніи и въ самомъ отношеніи къ предмету.

Е. Коршъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

«Актовыя книги Полтавскаго городового уряда XVII вѣка». Вып. 1-й и 2-й. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Редакція и примѣч. В. Л. Модзалевскаго. Изд. Полтавской Губернск. Ученой Архивной Комиссіи.

Алабина-Сократова, Т. Картинки изъ жизни Государства Аѳинскаго въ V в до Р. Х. 2-е изд., исправл. и дополн подъ ред. В. Н. Перцева. Изд. Т-ва «Задруга». Ц. 35 коп.

Аркадьевъ, Е. И. «Запрещенная литература». Книги, брошюры, газеты и журналы, арестованные въ 1911 г. Ц. 25 коп.

Архангельскій, Петръ. «Къ вопросу о происхожденіи русской общины»

(Историко-критическій очеркъ). Цѣна не обозначена.

Баллодъ, Ф. В. «Древній Египетъ, его живопись и скульптура». Ц. 1 р. 25 к.

Баллодъ, Ф. В. «Введеніе въ исторію бородатыхъ карликообразныхъ божествъ въ Египтѣ». Ц. 2 р.

Бахтинъ, Н. «Руссо и его педагогическія воззрѣнія». (Отд. отт. изъ журн. «Русская Школа» 1912 г.). Ц. 50 коп.

Брюсовъ, Валерій. «Собраніе сочиненій». Т. 1-ый. Изд. «Сиринъ». Ц. 1 р. 75 к.

Бѣлокуровъ, С. А. «Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ 1812 г.» Изд. Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. университ.

Бѣлокуровъ, С. А. «Письмо Императора Александра I графу П. А. Толстому по поводу оставленія кн. Кутузовымъ Москвы (8 сентября 1812 г.). Изд. Имп. Об-ва Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. универ.

Р. Випперъ, проф. «Древній Востокъ и Эгейская культура». Съ историческими картами. Пособіе къ университетскому курсу. Ц. 1 р.

Волкова, Анна Ивановна (урожд. Вишнякова). Воспоминанія, дневникъ и статьи. Подъ ред. Ч. Вѣтринскаго (В. Е. Чешихина). Изд. А. С. Вишнякова. Ц. 2 р.

Де-Волланъ, Григорій. «Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства». Ч. 1-ая, т. I. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 3 р. 50 к.

Гоманъ, Рихардъ. «Эстетика». Перев. съ нѣм. прив.-доц. Московск. университ. Н. В. Самсонова. Изд. «Проблемы эстетики». Ц. 1 р. 20 к.

Гердъ, И. Я. «Памяти Якова Ивановича Гердъ».

Гердъ, И. Я. «Памяти Александра Яковлевича Гердъ».

Германъ. «Въ тенетахъ снѣга». Изд. В. Ф. Франкетти. Ц. 75 к.

Гессе Германъ. «Окольные пути». Разсказы. Ц. 1 р.

Глаголь Сергѣй. «Очеркъ исторіи искусства въ Россіи». Кн-во «Проблемы эстетики». Ц. 40 коп.

Гр. Гобино. «Вѣкъ возрожденія». Историческія сцены. Пер. съ франц. Н. Горбовъ. Ц. 2 р. 25 коп.

Грушевскій, Михайло. «Історія України-Руси». Т. VIII, частина I. Збірник історично-фільософічної секції наукового товариства ім. Шевченка у Львові. Т. XIV. Ц. 2 руб.

Замотинъ, И. И. «Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ». Ч. 1-ая 1846—1881. Ц. 2 руб.

Замятинъ, Г. А. «Къ вопросу объ избраніи Карла Филиппа на русскій престолъ». (1611—1616 г.). Ц. 1 р. 20 к.

«Записки **М. В. Данилова,** артиллеріи маіора, написанныя имъ въ 1771 году». (1722—1762). Изд. «Молодыя Силы». Ц. 50 коп.

Измайловъ, А. «Пестрыя знамена». Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 1 руб.

Имшенецкій, Я. К. «Мелкій кредитъ и его значеніе въ народномъ хозяйствѣ». Изд. журн. «Хуторянинъ». Ц. 7 коп.

Кашкинъ, Н. Н. «Родословныя развѣдки». Посмертное изданіе подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго. I.

Колчинъ, М. «Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв.». Историческій очеркъ съ предисл. А. С. Пругавина. Изд. «Посредника». Ц. 70 к.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. IV. Истор. Комис. Учебн. Отд. О. Р. Т. З. Ц. 3 р. 25 к.

Кулжинскій, С. П. «Улучшеніе сѣмянъ». Изд. журн. «Хуторянинъ». Ц. 10 к.

Листки «Хуторянина». Листокъ № 4. Изд. ред. журн. «Хуторянинъ».

Лукрецій. «О природѣ вещей». Перев. И. Рачинскаго. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 25 к.

Маржеретъ. «Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 году». Пер. съ франц. со вступит. статьей И. Н. Бороздина. Кн-во «Польза». Ц. 10 коп.

Матисенъ А. Г. «Бесѣда по полеводству». Изд. журн. «Хуторянинъ». Ц. 20 к.

Муратовъ П. «Новеллы итальянскаго возрожденія». Часть третья и послѣдняя. Кн-во К. Ф. Некрасова. Ц. 2 р. 50 к.

Мюллеръ, Максъ Пр. «Шри Рамакришна Парамагамза, его жизнь и ученіе». Пер. съ англ. И. Ф. Наживина. Кн-во «Зеленая Палочка». Ц. 50 коп.

Овидій. «Баллады-посланія.» Перев. со вступит. статьями и комментаріемъ Ѳ. Зелинскаго. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 25 к.

Павловскій, И. Ф. «Кременчугскіе старообрядцы и обращеніе ихъ въ единовѣріе». Цѣна не обозначена.

Павловскій, И. Ф. «Масонская ложа въ Полтавѣ». Изд. Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Цѣна не обозначена.

Павловскій, И. Ф. «Планъ военнаго воспитанія при Александрѣ Первомъ и пожертвованіе Полтавскаго дворянства. Изд. Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Цѣна не обозначена.

Погодинъ, А. Л. Проф. «Вопросы теоріи и психологіи творчества». Т. IV. «Языкъ, какъ творчество». (Психологическія и соціальныя основы творчества рѣчи.) «Происхожденіе языка».

Пругавинъ, А. С. «Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ сектантствомъ. Изд. 2-е, дополн. «Посредника». Ц. 80 к.

Прыжовъ И. «Нищіе на святой Руси». Изд. «Молодыя Силы». Ц. 50 к.

Ремизовъ Алексѣй. «Подорожіе». Изд. «Сиринъ». Ц. 1 р. 25 к.

Труды Вятской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. I—II. Изд. подъ ред. тов. предс. Н. А. Спасскаго. Ц. 2 руб.

Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Изд. подъ ред. дѣйств. членовъ Комиссіи: И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменко. Вып. IX.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1913 г., кн. 1-ая, двѣсти сорокъ четвертая. Изд. подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго.

Чуди, К. «Императрица страдалица». Елизавета, императрица австрійская и королева венгерская. Перев. съ англ. Л. Горбуновой. Ц. 1 руб.

Ювачевъ, И. П. (Миролюбовъ, И. П.). «Шлиссельбургская крѣпость». Изд. «Посредника». Ц. 80 к.

Новыя книги.

Баіовъ, А. проф. «Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства». Вып. VII. Эпоха имп. Александра I.

Болотовъ, В. В. проф. «Лекціи по исторіи древней Церкви».

Бутенко, В. А. «Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи». Т. I. 1814—1822.

Влахопуловъ, Б. А. «Экономическая хрестоматія». Т. I. Античный міръ. Подъ ред. Е. Д. Сташевскаго.

Гринцбургъ, Илья. «Воспоминанія о В. В. Верещагинѣ».

«Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 гг.» (II-й т.). Подъ ред. и съ примѣч. Е. И. Тарасова.

Ермоловъ, А. «Родъ Ермоловыхъ.»

Жеваховъ, Н. Д. «Акты и документы Лубенскаго Мгарскаго Спасо-Преображенскаго монастыря».

Меликсетъ-Бековъ, Л. М. Рукопись Шаракана XV в., открытая въ Одессѣ». Тифлисъ, 1913 г.

Натроевъ, А. «Памятная записка объ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ—Халкидонскомъ полуостровѣ». Историко-археологическ. справка. (Изслѣдованіе.)

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи. Кн. 17-я.

Опись документовъ Виленскаго Центральн. Архива древнихъ актовыхъ книгъ. Вып. X. Акты Брестскаго городского суда за 1575—1715 годы.

Постниковъ, И. Н. «Гр. А. А. Аракчеевъ по сохранившимся въ Бѣжецѣ воспоминаніямъ».

«Придворная жизнь 1613—1913 г.» Коронаціи, фейерверки, дворцы. Выставка гравюръ и рисунковъ.

Кагаровъ, Е. «Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи».

Соболевъ, А. Н., свящ. «Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ». (Литературно-историческ., опыты изслѣдованія древне - русскаго народнаго міросозерцанія).

Успенскій, А. «Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты.» Вып. 1.

J. Nouaillac. Henri IV raconté par lui même. Choix de lettres et harangues. Популярный французскій король оживаетъ передъ нами; благодаря 235 письмамъ его изъ разныхъ эпохъ жизни, собранныхъ Ж. Нуайякомъ. Письма Генриха, позволяющія заглянуть въ его интимную жизнь, появляются впервые въ печати. *(Revue bleue).*

André Delaroche Vernet. Une famille pendant la guerre et la commune (1870—1871). Собраніе писемъ, съ которыми Деларошъ Вернэ знакомитъ публику, относится къ ужасному для Парижа году. Все изложенное въ нихъ пережито, перечувствовано. *(Revue bleue).*

Grègorie Alexinsky. La Russie moderne. Бывшій депутатъ 2-й думы, Алексинскій обстоятельно знакомитъ съ современной Россіей во всѣхъ отношеніяхъ. Въ первый разъ по-французски появляется столь полное изслѣдованіе объ этой странѣ. *(Revue bleue).*

Mad. Hegermann-Lindenerone. In the courts of memory.

Авторъ, жена датскаго посланника въ Германіи, съ 16 лѣтъ вращалась въ придворныхъ и дипломатическяхъ сферахъ, и у нея накопилось много интереснаго, что разсказать. Она была дружна съ Наполеономъ III и Евгеніей, знала многихъ коронованныхъ и знаменитыхъ личностей, пережила коммуну въ Парижѣ. *(Daily News).*

Chrtsfopher Hare. A Princess of the Italian reformation. Блестящая картина эпохи итальянскаго возрожденія съ роскошной придворной жизнью тѣхъ временъ, рисующая, между прочимъ, роль женщины въ церковной реформѣ. Авторъ — знатокъ эпохи и не отступаетъ отъ документовъ. *(Sunday Times).*

Erich Schmidt. „Carolina“. Briefe aus der Frühromantik vermehrt von E. Schm. Письма Каролины Шлегель, остроумной подруги Шеллинга, представляютъ

огромной частью еще совершенно неизвѣстный матеріалъ, какъ для характеристики эпохи 1783—1809, такъ и многихъ современниковъ. *(Vom Fels zum Meer).*

Jablonowski, Władysław. Dwie kultury. Историческіе и литературные этюды, въ томъ числѣ о декабристахъ и ихъ отношеніи къ Польшѣ, о Леонардо да Винчи, Камилло Кавурѣ и др.

Его же. Rozprawy i wrazenia literackie. Сентъ-Бевъ, Бальзакъ, Вильде, Ибсенъ, Толстой, Гюисмансъ, Геббель, Сарразенъ, Гарибальди, Тарновскій, Хмелёвскій, Клячко, Леманскій, Вейсcенгофъ, Реймонтъ, Здзѣховскій, Каспровичъ, украинскіе поэты.

Th. de Lameth. «Memoires, publies par E. Welvert», 1913.

Воспоминанія дѣятеля первой революціи. Портреты выдающихся современниковъ (Дантонъ, Демуленъ, Барнавъ, Дюпоръ и др.), неизвѣстныя до сихъ поръ ихъ заявленія. *(Bibl. de France).*

Georges Goyau Bismarck et l'Eglise. Culturkampf. т. III. et IV.

Окончаніе серіи работъ, въ общемъ составляющихъ полную исторію религіозной эволюціи Германіи въ XIX вѣкѣ. Вышедшіе тома посвящены исторіи 1878—1887 годовъ. *(Bibl. de France).*

Lucien Romier Les origines politiques des guerres de religion. T. I. Henri II et l'Italie (1547—1555).

Изслѣдованіе по новымъ документамъ связи французскихъ политическихъ зигзаговъ съ итальянскими дѣлами. Платформы французскихъ придворныхъ партій. Разсказъ о малоизвѣстныхъ эпизодахъ проникновенія французскаго вліянія въ Пьемонтъ и Сіену. *(Bibl. de Erance).*

E. Faguet, Balzac. 1913 г.

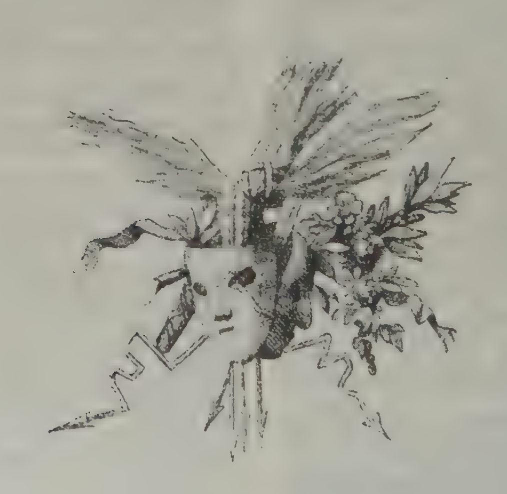
Новый томикъ колекціи «Grands ecrivais français. Предыдущимъ былъ «Ламартинъ» Рене Думика, слѣдующимъ будетъ «Ронсаръ» Жюссерана *(Bibl. de France).*

Karl Otto Muller., Die oberschwäbisächen Reichsstädte, ihre Entstehung und ältere Verfassung. 1912.

Написанная по документамъ городскихъ архивовъ первоначальная исторія ряда верхнешвабскихъ городовъ. Авторъ — ученикъ покойнаго Ритчеля. Выводы его — въ духѣ т. наз. Markttheorie. *(Lit. Centr).*

R. Preglzer. Die politischen Ideen des Karl Follen, ein Beitrag zur Geschichte des Radicalismus in Deutschland. 1912.

Новый томъ извѣстной серіи «Beträge zur Parteigeschichte» Адальберта Валя: характеристика крупнаго дѣятеля эпохи буршеншафтовъ, котораго разочарованіе сдѣлало изъ умѣреннаго радикаломъ. *(Lit Centr).*



Поэтъ и типографъ-любитель, Николай Еремѣевичъ Струйскій.

Среди массы оригинальныхъ, самобытныхъ людей Екатерининской эпохи, вообще столь богатой крупными, характерными личностями, которыхъ обыкновенно называютъ чудаками, оригиналами, остался почти незамѣченнымъ весьма интересный своеобразный типъ, нѣкій Николай Еремѣевичъ Струйскій. — Довольно скудныя свѣдѣнія объ немъ можно почерпнуть только изъ записокъ М. А. Дмитріева «Мелочи изъ запаса моей памяти» и кн. И. М. Долгорукаго «Капище моего сердца».

Струйскій былъ крупный, богатый помѣщикъ Пензенской губерніи, какъ всѣ тогдашніе молодые дворяне, смолоду служившій въ военной службѣ въ С.-Петербургѣ, въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, съ 1763 до 1771 г., послѣ чего вышелъ въ отставку и жилъ въ имѣніи своемъ, с. Рузаевкѣ, Пензенской губерніи.

Гдѣ и какъ воспитывался и получилъ образованіе Струйскій, благодаря чьему вліянію и знакомству онъ увлекся писательствомъ вообще и стихотворствомъ въ особенности—неизвѣстно, такъ какъ никакихъ данныхъ объ его жизни въ С.-Петербургѣ во время службы въ гвардіи не сохранилось. Онъ былъ большимъ поклонникомъ Сумарокова, на смерть котораго написалъ двѣ элегіи, и хотя его поэтическіе опыты весьма и весьма посредственны, чтобы не сказать больше, все-таки видно, что онъ былъ человѣкъ начитанный, образованный, по-тогдашнему, знавшій, должно-быть, и языки, и миѳологію и прочее, считавшееся въ то время необходимымъ для свѣтскаго человѣка. Кромѣ того, онъ увлекался и другими научными вопросами, напр., оптикой, про что разсказываетъ кн. Долгорукій: Струйскій объяснялъ ему въ теченіе 2 часовъ разныя оптическія явленія, но такимъ языкомъ и способомъ, что онъ ничего не понялъ. Чья была вина въ данномъ случаѣ, — судить трудно, но, можетъ-быть, и кн. Долгорукій былъ «неспособнымъ» ученикомъ.

Главною же слабостью Струйскаго, его «idée fixe», было писаніе стиховъ. Имъ написано масса разныхъ модныхъ тогда одъ, элегій, еротоидъ (любовныя стихотворенія.) и т. д. Одинъ изъ современниковъ, М. А. Дмитріевъ, такъ отзывается о Струйскомъ: «Рѣшительно не знаю, гдѣ

вставить, изъ запаса моей памяти, одного чудака изъ стихотворцевъ.— Помѣщаю его подлѣ графа Хвостова, какъ товарища по бездарности, хотя уступающаго и ему не одной степенью; у гр. Хвостова встрѣчаются иногда геніальность безсмыслія (??), у Струйскаго же одна плоскость».

Другой изъ знавшихъ лично Струйскаго, кн. Ив. Мих. Долгорукій, пишетъ про него слѣдующее: — «Сочиненія Струйскаго разсмѣшили бы мертваго. Потѣшнѣе послѣ Телемахиды ничего нѣтъ на свѣтѣ; онъ во всемъ несносенъ. Какъ о сочинителѣ стиховъ, я о немъ не сожалѣю нимало, ибо онъ ихъ писать совсѣмъ не умѣлъ, и щеголять имѣлъ право болѣе ихъ тисненіемъ, нежели складомъ».

Державинъ, послѣ смерти Струйскаго, написалъ ему такое надгробіе-эпиграмму:

«Средь мшистаго сего и влажнаго толь грота
Пожалуй мнѣ скажи, могила это чья?
Поэтъ тутъ погребенъ: по имени — струя,
А по стихамъ — болото».

Такіе отзывы о стихотвореніяхъ Струйскаго, по-моему, слишкомъ ужъ суровы; конечно, многіе его стихи немногимъ уступаютъ пресловутой Телемахидѣ, но очень многіе нисколько не хуже обыкновенно тогда писавшихся присяжными стихотворцами. Прочтите, напримѣръ, такіе «вирши» Струйскаго: они ничѣмъ не хуже многихъ стиховъ его учителя, Сумарокова:

«Съ смертью лишь тоску избуду,
Я прелестною сраженъ.
А владѣть я ей не буду?
Я ударомъ пораженъ.
Чувства млѣютъ,
Каменѣютъ...
Отъ любви ея заразъ.
Вскрылась бездна.
Мнѣ любезна
Сѣть раскинула изъ глазъ.

Все противно будетъ въ свѣтѣ
Мнѣ, и умъ мой, весь, и даръ.
Ахъ, зря розу, можно ль въ цвѣтѣ
Не принесть ей солнца жаръ!..
Ты вспомянешь
Какъ ужъ увянешь
Отъ мороза въ лютый часъ.
Ты мной вздохнешь.....
Какъ заблекнешь,
Не познавъ любови гласъ..»

Онъ старался и во внѣшности своей и въ окружающей обстановкѣ походить на настоящаго служителя музъ: носилъ длинные, прямые до плечъ, волосы, одѣвался причудливо — носилъ съ фракомъ парчевый камзолъ, подпоясанный розовымъ шелковымъ кушакомъ, бѣлые чулки, башмаки съ бантами и подвязывалъ длинную косу прусскаго образца. Стихи свои онъ писалъ обязательно на «Парнасѣ» — такъ называлась комната во второмъ этажѣ его роскошнаго, 2-хъэтажнаго каменнаго дома, отдѣланнаго мраморомъ, въ которой стояли статуи Аполлона и 9 музъ. Здѣсь былъ устроенъ нарочно поэтическій безпорядокъ: — рядомъ съ кускомъ оплывшаго сюргуча лежалъ брильянтовый перстень, старый башмакъ и хрустальный бокалъ. На всемъ этомъ лежалъ густой слой пыли и потому что убирать прислугѣ на «Парнасѣ» не дозволялось, и потому, какъ объяснялъ Струйскій, что пыль—лучшій сторожъ — по слѣдамъ на ней сразу видно, не хозяйничалъ ли кто въ его отсутствіе на «Парнасѣ». — Сюда, на «Парнасъ», допускались только избранные посѣтители, которыхъ Струйскій хотѣлъ угостить чтеніемъ своихъ стиховъ, отъ которыхъ если не слушатели, то самъ авторъ приходилъ въ восторженное состояніе, «піитическое изступленіе».

Но если по содержанію, риѳмѣ, стилистикѣ, сочиненія Струйскаго не заслуживаютъ никакого вниманія, зато въ художественно-типограф-

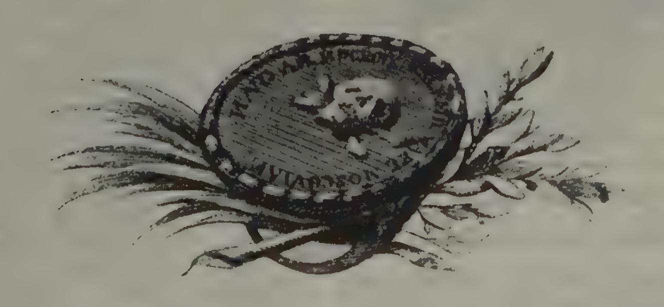
скомъ отношеніи это шедевры, съ которыми могутъ сравниться немногіе русскія изданія: и внѣшность ихъ безукоризненна: — прекрасный шрифтъ, дорогая александрійская бумага (а многіе экземпляры, особенно подносные, печатались даже прямо на атласѣ, напр., въ Чертковской библіотекѣ экземпляръ «Епиталамы или брачной пѣсни на бракъ е. и. в. Александра Павловича»), гравированныя на мѣди рамки, виньеты, концовки, заставки, работы лучшихъ граверовъ и рисовальщиковъ — Набгольца, Шенберга, Скородумова — все это придавало изданіямъ его типографіи такой изящный видъ, что Екатерина II по справедливости могла хвастаться ими передъ иностранцами, и было за что посылать въ награду Струйскому брильянтовые перстни.

И надо помнить, что свою типографію въ захолустномъ селѣ Рузаевкѣ, Пензенской губ., за 500 в. отъ Москвы, Струйскій оборудовалъ и устроилъ самъ, обучилъ наборщиковъ и прочихъ мастеровъ изъ своихъ крѣпостныхъ, и притомъ не для коммерческихъ цѣлей (чужихъ книгъ и изданій онъ почти не печаталъ), а единственно изъ любви къ искусству и чтобы придать красивый видъ, дать подобающую оправу для своихъ драгоцѣнностей, стиховъ. Но оправа оказалась, въ концѣ-концовъ, гораздо дороже самыхъ драгоцѣнностей...

Всѣ сочиненія Струйскаго въ отдѣльныхъ изданіяхъ, за исключеніемъ «Собранія сочиненій» и «Еротоидъ», представляютъ большую библіографическую рѣдкость, извѣстны лишь въ 1—2 экземплярахъ, а многіе, можетъ-быть, и не дошли до насъ, такъ какъ печатались не для продажи, а для раздачи знакомымъ, въ очень незначительномъ числѣ экземпляровъ.

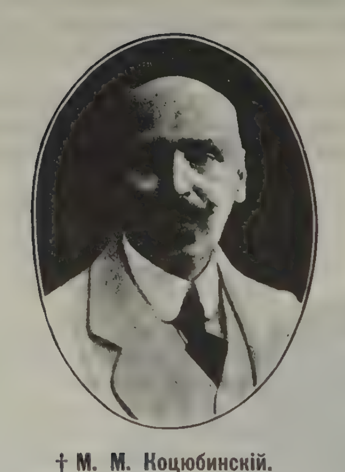
Умеръ Струйскій у себя въ деревнѣ, въ 1796 г., вскорѣ послѣ кончины Екатерины II, которую онъ такъ боготворилъ, что, получивъ извѣстіе о ея смерти, онъ слегъ въ постель, лишился языка и вскорѣ умеръ [1]).

Н. Оболъяниновъ.



[1]) Въ послѣднихъ двухъ номерахъ «Голоса Минувшаго» мы помѣстили цѣлый рядъ заставокъ и концовокъ, заимствованныхъ изъ изданій Струйскаго. Воспроизводимая гравюра на отдѣльномъ листѣ взята оттуда же. Эти заставки сами по себѣ могутъ дать нѣкоторое представленіе о внѣшности изданій Струйскаго и объ успѣхѣ его *крѣпостной* деревенской типографіи. Къ сожалѣнію, только приходится сказать, что любовь къ изящному поэта-барина конца XVIII в. чрезвычайно тяжело отзывалась на тѣхъ, кто создавалъ своими руками красивую оправу для его стиховъ. Это былъ заядлый крѣпостникъ, и у него подъ «Парнассомъ», въ подпольѣ, скрывался соотвѣтствующій арсеналъ орудій пытокъ, которымъ подвергались его крестьяне по барскому приговору, произносимому «по всѣмъ правиламъ западной юриспруденціи». *Ред.*

ХРОНИКА.



† М. М. Коцюбинскій.

(Михайло Коцюбинський.)

Въ лицѣ Михаила Михаиловича Коцюбинскаго, умершаго 12 апрѣля въ Черниговѣ, украинская литература лишилась яркаго, своеобразнаго и симпатичнаго писателя. Правдивое изображеніе жизни, ясное сознаніе ея отрицательныхъ сторонъ, умѣніе схватывать бытовыя особенности изображаемыхъ имъ уголковъ міра — Малороссіи, Галиціи, Бессарабіи,—все это сочеталось у него съ глубоко поэтическимъ чутьемъ, любовью къ природѣ, тоской по красотѣ жизни. «Fata morgana» называется одно изъ его лучшихъ произведеній изъ крестьянской жизни Украины, и эта fata morgana — греза о красотѣ и счастьѣ жила, повидимому, въ его душѣ и рождала мелодію, похожую на мелодію красивыхъ и грустныхъ украинскихъ пѣсенъ. Что-то сродни этимъ пѣснямъ, что-то музыкальное чувствуется въ его прозаическихъ повѣстяхъ и разсказахъ, и не даромъ самое задушевное изъ его произведеній носитъ музыкальное заглавіе-«Intermezzo».

Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ произведеній, въ разсказѣ «Тѣни забытыхъ предковъ», напечатанномъ въ русскомъ переводѣ въ «Завѣтахъ» (№№ 1 и 2 за 1912 г.) М. Коцюбинскій рисуетъ образъ парня-гуцула, поэта въ душѣ: «Онъ садился гдѣ-нибудь на горномъ склонѣ, вынималъ свою свирѣль и игралъ на ней несложныя пѣсни, какимъ научился у старшихъ. Но эта музыка не удовлетворяла его. Съ досадой бросалъ онъ инструментъ и прислушивался къ инымъ мелодіямъ, что жили въ немъ, еще неясныя и неуловимыя».

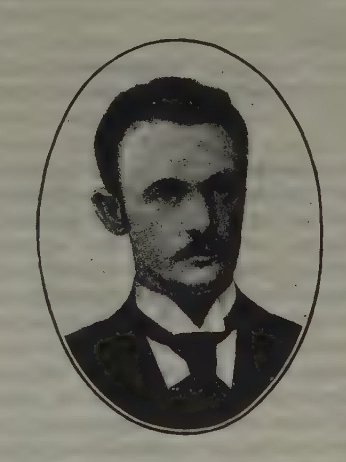
Вотъ эти «мелодіи неясныя и неуловимыя», надо думать, рано стали звучать и въ душѣ украинскаго писателя, и его перестали удовлетворять тѣ «не-

сложныя пѣсни, какимъ онъ научился у старшихъ».

«Михайло Коцюбинскій, — пишетъ о немъ историкъ украинской литературы С. Ефремовъ,—началъ свою литературную дѣятельность разсказами въ духѣ старшихъ писателей семидесятниковъ. Но уже тогда въ разсказахъ Коцюбинскаго чувствовалось, что эта манера письма связываетъ его, не даетъ ему возможности цѣликомъ выразить что-то свое собственное, что не укладывалось въ рамки органически чуждыхъ ему пріемовъ творчества—а именно глубокое проникновеніе въ психику героевъ, умѣніе передавать настроенія и внутреннія переживанія. Вотъ эта его собственная характерная черта, все больше развиваясь и освобождаясь отъ чуждыхъ вліяній, восторжествовала, въ концѣ-концовъ, вполнѣ и дала поистинѣ большого художника,—художника прежде всего» (С. Ефремовъ. «Исторія україньского письменства», стр. 424). Но этотъ «художникъ прежде всего» никогда не уходилъ отъ жизни, отъ быта, отъ горя людского.

«Ты таки ловишь меня, горе людское? И я не бѣгу. Снова натянуты ослабѣвшія струны, и чужое горе можетъ на нихъ играть»... восклицаетъ Коцюбинскій въ своемъ «Intermezzo». Вотъ это сочетаніе художественности, поэтичности съ чуткостью къ горю человѣческому и составляетъ сильную строку произведеній этого писателя, котораго болѣзнь (туберкулезъ) такъ рано свела въ могилу. Вѣсть о смерти его была встрѣчена печалью и за предѣлами Украины. Въ русскомъ переводѣ (въ изданіи товарищества «Знаніе») его разсказы и повѣсти пользуются заслуженной извѣстностью и среди русскихъ читателей. Его «Fata morgana», это, несомнѣнно, одно изъ самыхъ художественныхъ воспроизведеній крестьянскихъ волненій недавняго прошлаго, а его «Тѣни забытыхъ предковъ» это уже совершенно рѣдкое по красотѣ возсозданіе уходящей въ прошлое, исчезающей жизни карпатскихъ горцевъ съ ихъ легендарнымъ сказочнымъ міромъ. Только разсказы польскаго поэта Тетмайера «На горныхъ уступахъ» могутъ въ этомъ отношеніи соперничать съ послѣднимъ произведеніемъ рано угасшаго украинскаго писателя.

Л. Козловскій.



† Викторъ Чермакъ.

Въ лицѣ скончавшагося 2—15 марта въ Краковѣ профессора Ягеллонскаго университета Виктора Чермака польская историческая наука утратила крупнаго изслѣдователя Польши XVII вѣка и оригинальнѣйшаго популяризатора польской исторіи. Своими главными учеными трудами — «Планы турецкой войны Владислава IV» и «Изъ эпохи Яна Казимира» — Чермакъ пролилъ много свѣта на ту полосу польскаго прошлаго, когда раздираемая внутренними неурядицами и терпѣвшая рядъ внѣшнихъ пораженій Рѣчь Посполитая безпомощно взирала на постепенное усиленіе за ея счетъ опаснѣйшихъ своихъ сосѣдей, Бранденбурга, Швеціи и Москвы. Главной популярной работой — «Иллюстрированной исторіей Польши», т. I, — онъ далъ образцовое общедоступное и въ то же время строго научное руководство по древнѣйшей исторіи Польши и всего славянства, «отъ зачатковъ и до X вѣка», основанное на данныхъ археологіи, антропологіи, сравнительнаго языковѣдѣнія и соціологіи и заключающее свѣдѣнія о матеріалѣ раскопокъ и значеніи ихъ

для внѣшней культуры первобытнаго славянства, возникновенiи и развитiи польскаго общественнаго строя въ связи со строемъ другихъ западныхъ и южныхъ славянъ, о матерiальной и духовной древнеславянской культурѣ и т. п. Не загромождая книги фактами, избѣгая догматизма, авторъ постепенно знакомитъ читателя-неспецiалиста съ литературой предмета, съ ходомъ установленiя въ историографiи того или иного мнѣнiя, съ pro и contra, высказываемыми по поводу послѣдняго съ современнымъ положенiемъ такихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, каковы вопросы о славянской задругѣ и времени усвоенiя славянами принциповъ индивидуальной собственности, о происхожденiи неравенства въ обществахъ и т. п.; онъ даетъ матерiалъ не столько для изученiя, сколько для самостоятельнаго мышленiя; писатель-повѣствователь уступаетъ въ немъ обыкновенно мѣсто передъ профессоромъ-наставникомъ, умѣлымъ руководителемъ научными занятiями, прiучающимъ къ критицизму, къ выработкѣ собственныхъ взглядовъ; читатель книги незамѣтно самъ втягивается въ споръ, какъ будто становится непосредственнымъ участникомъ оживленнаго практическаго семинарiя, который въ университетской аудиторiи ведетъ опытный профессоръ. Смерть, постигшая Чермака лишь на 50-мъ году его жизни, лишила его возможности привести въ исполненiе свое намѣренiе, довести популярное изложенiе польской исторiи до самаго конца политическаго существованiя Польши, до 1795 г. и собрать воедино свои многочисленные очерки и статьи о Ягеллонскомъ университетѣ въ послѣднiя четыре столѣтiя, о зерновой торговлѣ Гданска, о гетманахъ Юрiи Любомирскомъ и Стефанѣ Чернецкомъ, объ Янѣ Собѣсскомъ, о поэтѣ XVII в. Iосифѣ-Варѳоломеѣ Зиморовичѣ и многiе другiе, разбросанные по разнымъ перiодическимъ изданiямъ и лишь отчасти вошедшiе въ сборникъ «Историческiе этюды» (Краковъ, 1901 г.).

И. Рябининъ.

† Л. Н. Гартманъ [1]).

Имя Льва Николаевича Гартмана, теперь мало кому что—нибудь говоритъ, но было время, когда оно было у всѣхъ на устахъ, и когда ему удѣляла

широкое вниманiе не только русская, но и иностранная печать.

Гартманъ родился въ 1851 г., учился въ архангельской гимназiи, но курса въ ней не кончилъ, и затѣмъ его бiографiя пошла по тому же пути, какимъ шли многiе изъ молодежи 70-хъ годовъ. Онъ занялся пропагандой, перешелъ на нелегальное положенiе, жилъ то въ Ростовѣ-на-Дону, то въ Саратовской губ., то въ Тамбовской губ. Онъ состоялъ членомъ организацiи «Земли и Воли», но не занималъ въ ней влiятельнаго положенiя. Послѣ раскола «Земли и Воли» онъ присоединился было къ группѣ «Черный Передѣлъ», но оставался въ ней очень недолго и перешелъ въ «Народную Волю». Тутъ ему почти немедленно же было предложено принять участiе въ по-

---

[1]) Въ газетахъ было сообщено о смерти Л. Н. Гартмана; появились и некрологи. Какъ сообщилъ намъ В. Я. Богучарскiй, Гартманъ умеръ уже два-три года назадъ. Такъ какъ въ то время смерть его прошла неотмѣченной, помѣщаемъ небольшую некрологическую замѣтку. *Ред.*

кушеніи на жизнь Александра II путемъ взрыва императорскаго поѣзда подъ Москвой. Покушеніе было организовано не Гартманомъ, но онъ явился въ немъ однимъ изъ главныхъ исполнителей; подъ фамиліей Сухорулова онъ изображалъ изъ себя хозяина того дома, изъ котораго велся подкопъ подъ полотно Московско-курской дороги. Вмѣстѣ съ Перовской онъ оставался въ домѣ до самаго взрыва, когда другіе участники покушенія уже разъѣхались. Покушеніе 19-го ноября 1879 г. было неудачно, но оно своею смѣлостью произвело громадное впечатлѣніе на общество, и имя Гартмана, участіе котораго во взрывѣ было очень скоро обнаружено полиціей, пріобрѣло очень широкую извѣстность. Эта извѣстность была подогрѣта въ 1880 г., когда русское правительство потребовало выдачи Гартмана, скрывшагося во Францію. На этой почвѣ возникъ дипломатическій инцидентъ, привлекшій къ себѣ вниманіе всей европейской печати. Французское правительство арестовало Гартмана, но по настояніямъ Гюго отказалось выдать его Россіи и ограничилось высылкой его изъ предѣловъ Франціи. Гартманъ поселился въ Англіи и выступилъ тамъ въ роли заграничнаго представителя партіи «Народной Воли». Но для этой роли онъ совершенно не годился, и Эд. Бернштейнъ, говоря о сношеніяхъ Гартмана съ Марксомъ, даетъ такой отзывъ: «Я былъ просто пораженъ, видя, какъ этотъ великій мыслитель—а также и Энгельсъ — обращаются совсѣмъ побратски, на ты, съ молодымъ человѣкомъ, который производилъ на меня впечатлѣніе умственной посредственности и безцвѣтности». Въ этомъ отзывѣ много справедливаго. Гартманъ былъ ниже своей революціонной репутаціи и по своимъ личнымъ качествамъ не возвышался надъ уровнемъ рядового члена партіи. Для заграничнаго представительства нуженъ былъ человѣкъ совершенно иного калибра, и Гартманъ очень скоро стушевался. Пробывъ немного въ Англіи, онъ переселился навсегда въ Америку, занялся тамъ фермерствомъ и отошелъ отъ политической дѣятельности. По натурѣ онъ не былъ настоящимъ политическимъ борцомъ, и лишь условія русской жизни толкнули этого мирнаго и смирнаго человѣка на революціонный путь.

А. Мкс.

Международный конгрессъ историковъ въ Лондонѣ.

Послѣ Гааги, Рима и Берлина международный конгрессъ изученія исторіи избралъ мѣстомъ своихъ засѣданій Лондонъ, гдѣ 21-го марта (3-го апрѣля нов. ст.) и открылась его четвертая сессія. Кругъ интересовъ конгресса въ сущности гораздо шире обычнаго пониманія термина «исторія». Въ него входятъ такія дисциплины, какъ исторія арміи и флота, исторія религіи и церкви, исторія хозяйства и права, исторія литературы, пластическихъ искусствъ и музыки, археологія и этнологія, даже исторія естествознанія и медицины. Конгрессъ имѣлъ девять секцій, которыя распадались еще на подсекціи.

Президентомъ конгресса былъ избранъ Брайсъ, извѣстный изслѣдователь политическаго строя Соединенныхъ Штатовъ, авторъ «Священной Римской имперіи» и видный англійскій политическій дѣятель. Такъ какъ Брайсъ въ настоящій моментъ состоитъ посломъ Англіи въ Вашингтонѣ, то конгрессъ былъ открытъ Уордомъ, прочитавшимъ собранію присланную Брайсомъ вступительную рѣчь. Рѣчь была посвящена общему очерку успѣховъ историческаго знанія, тому расширенію поля историческаго изслѣдованія, которое сказалось за послѣднія десятилѣтія особенно ярко. На первомъ мѣстѣ Брайсъ отмѣтилъ здѣсь измѣненіе самаго понятія исторіи, которая занимается теперь изученіемъ не только политическихъ событій и учрежденій, но всѣхъ проявленій человѣческой дѣятельности, всѣхъ факторовъ, формирующихъ человѣка. Затѣмъ Брайсъ указалъ на три новыхъ источника, изъ которыхъ исторія начала

лишь недавно черпать свой матеріалъ: изученіе первобытнаго человѣчества, вновь открытыя средиземныя культуры, изученіе политическаго и общественнаго строя, религіи и быта отсталыхъ народовъ. Закончилась рѣчь призывомъ къ собравшимся историкамъ содѣйствовать со своей стороны поддержанію и распространенію дружественныхъ чувствъ между народами. «Какъ историки, мы знаемъ, что лишь немногія войны вызывались дѣйствительной необходимостью, что большая часть войнъ принесла больше вреда, чѣмъ пользы». Отъ имени делегатовъ отвѣтныя рѣчи были произнесены Кордье (Парижъ), Адамсонъ (Бостонъ) и Вилламовицемъ-Мёллендорфомъ (Берлинъ).

На второмъ общемъ засѣданіи конгресса, 22-го марта, большой интересъ вызвали доклады Пиренна (Гентъ) и Гирке (Берлинъ). Тема доклада *Пиренна* — «Развитіе капитализма съ XII по XIX столѣтіе». Въ противоположность Зомбарту Пиреннъ настаиваетъ, что капитализмъ не есть явленіе, возникающее неожиданно въ концѣ среднихъ вѣковъ. Уже въ раннемъ средневѣковьѣ мы можемъ наблюдать его въ формахъ все болѣе прочныхъ; по мѣрѣ приближенія къ новому времени. «Spiritus capitalisticus» есть нѣчто свойственное въ той или иной степени всѣмъ эпохамъ. Во всѣ эпохи находились индивидуумы, которымъ удавалось использовать окружающія обстоятельства въ цѣляхъ личнаго обогащенія. Многіе крестьяне приходили въ города, затѣмъ становились купцами, затѣмъ — богатыми людьми. Потомки этихъ удачливыхъ людей сливались съ старымъ земельнымъ дворянствомъ, но на ихъ мѣсто тотчасъ же выдвигались новые выходцы изъ низшихъ слоевъ, новые «капиталисты». Въ качествѣ примѣра такого капиталиста среднихъ вѣковъ Пиреннъ привелъ англійскаго святого Годерика, который въ серединѣ XI вѣка былъ типичнымъ международнымъ торговцемъ, скопилъ большія богатства и въ своей дѣятельности проявлялъ такія черты, какія при иныхъ хозяйственныхъ условіяхъ мы не обинуясь назвали бы капиталистическими. Общую схему развитія класса капиталистовъ Пиреннъ рисуетъ такъ: крупные купцы XI—XIII вв., финансисты и городскіе банкиры XIV в., капиталисты, мануфактуристы и банкиры эпохи Возрожденія, наконецъ, крупные предприниматели XIX в. Всѣ эти группы формируются изъ новыхъ людей, изъ parvenus. Сдѣлавъ свое дѣло, обогатившись, эти parvenus обычно образуютъ новую финансовую аристократію.

Гирке далъ въ своемъ докладѣ очеркъ принципа большинства въ средневѣковомъ и новомъ германскомъ правѣ. Принципъ большинства, говорилъ Гирке, хотя и широко распространенъ въ настоящее время, однако далеко не самоочевиденъ. Въ раннемъ германскомъ правѣ онъ не признавался, и его мѣсто занималъ принципъ единогласія. Правда, иногда и большинство играло роль, но оно имѣло значеніе какъ фактическая сила, а не какъ правовой принципъ. Лишь очень постепенно принципъ большинства завоевалъ себѣ признаніе. Впервые онъ былъ формулированъ канонистами, начавшими обсуждать вопросъ объ условіяхъ выясненія общей воли, которая можетъ и не быть волей каждаго. Вообще этотъ принципъ имѣетъ только историческую и относительную цѣнность, его примѣненіе и ограниченіе—дѣло позитивнаго законодательства, высшаго этическаго оправданія онъ не имѣетъ.

Въ общемъ засѣданіи 25-го марта читали доклады Эд. Мейеръ, акад. Лаппо-Данилевскій, Лампрехтъ (Лейпцигъ) и Іорга (Бухарестъ). *Эд. Мейеръ* говорилъ объ изученіи древности за послѣднее поколѣніе. Его докладъ, составленный въ очень доступной формѣ (безъ ученаго аппарата) и прочитанный на англійскомъ языкѣ, былъ особенно оцѣненъ не нѣмецкими слушателями. Эд. Мейеръ разсказывалъ, какъ въ 1877 г., будучи еще молодымъ человѣкомъ, онъ слыхалъ въ Лондонѣ отъ старыхъ ученыхъ, что на египетской почвѣ больше ничего открыть нельзя; съ тѣхъ поръ Египетъ доставилъ наукѣ немало крупныхъ и цѣнныхъ нахо-

докъ: О Вавилонѣ и Ассиріи знали тогда очень мало, о хиттитской цивилизаціи — ничего. Здѣсь за послѣдніе 30 лѣтъ сдѣланы открытія фундаментальныя, а еще черезъ 30 лѣтъ ученые быть-можетъ, будутъ имѣть дѣло съ еще болѣе поразительными открытіями на старо-персидской почвѣ. Но центромъ исторіи древности, по мнѣнію Эд. Мейера, все же и тогда останутся Греція и Римъ, такъ какъ именно тамъ человѣчество достигло впервые высокой ступени развитія.

Академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ докладъ о развитіи государственно-правовыхъ идей въ Россіи XVII в. Слѣдующій докладчикъ *Іорга* говорилъ нѣчто очень странное о «необходимыхъ основахъ новой исторіи среднихъ вѣковъ». По мнѣнію Іорги, существующій методъ построенія средневѣковой исторіи по странамъ и народамъ совершенно ложенъ. Въ исторіи среднихъ вѣковъ необходимо слѣдить за судьбою староримскихъ идей, необходимо выяснить, какъ онѣ были осуществлены и интерпретированы германцами.

Проф. Лампрехтъ оперировалъ въ своемъ докладѣ «о новѣйшихъ духовныхъ теченіяхъ въ Германіи» съ очень общими и неопредѣленными понятіями. Для современной Германіи, говорилъ Лампрехтъ, значеніе «живого прошлаго» имѣетъ ея исторія, начиная съ 1750 г. То, что лежитъ за этой датой, и въ политическомъ и въ духовномъ отношеніи для современности мертво. Самый обзоръ духовнаго развитія Германіи съ 1750 г. получился у Лампрехта слишкомъ краткій и сжатый. Основная идея докладчика такова: хозяйственно-матеріалистическая эра, смѣнившая періоды романтики и науки, проходитъ; можно предвидѣть приближеніе новой эпохи идеализма и чистой философіи, поворота къ «духовности» и «углубленности», неизвѣстнымъ въ эпоху матеріалистическую. Финалъ доклада, построеннаго въ такомъ «ультраидеалистическомъ» духѣ, оказался рѣзко-шовинистическимъ и по отношенію къ мѣсту засѣданій конгресса крайне нетактичнымъ. «Если дѣло дойдетъ до войны, — заявилъ Лампрехтъ, чего я не хотѣлъ бы, то съ серьезнымъ настроеніемъ нѣмецкаго народа придется считаться». Послѣ рѣчи Брайса, эти слова доклада Лампрехта произвели впечатлѣніе вполнѣ опредѣленнаго политическаго выступленія. Лондонскія газеты тактично обошли молчаніемъ докладъ Лампрехта.

Число докладовъ въ засѣданіяхъ секцій было огромно. Къ сожалѣнію, конгрессъ въ этомъ отношеніи былъ организованъ очень плохо. Мѣста собраній отдѣльныхъ секцій находились такъ далеко другъ отъ друга, что это дало даже поводъ одному изъ делегатовъ остроумно замѣтить: какой же это congressus, это—digressus. Секціи работали очень изолированно, и человѣку, интересующемуся двумя докладами въ двухъ разныхъ секціяхъ въ одинъ и тотъ же день было почти невозможно попасть на оба. Въ числѣ докладчиковъ въ секціяхъ были Эд. Мейеръ, Зеекъ, Кейтгенъ, Штернъ, Шиманъ, Ленель, Зивекингъ, Лампрехтъ, Брэдлей, Давидсонъ, Эмери, Вилламовицъ-Мёллендорфъ, Леманъ-Хауптъ, Эсменъ, Поллокъ и т. д. Большой интересъ представляли доклады Эд. Мейера, Вилламовица-Мёллендорфа и Давидсона. *Эд. Мейеръ* говорилъ объ «изображеніяхъ чужихъ расъ на египетскихъ памятникахъ» и о значеніи археологическихъ открытій для исторіи. Эд. Мейеръ приравниваетъ роль археологическихъ изысканій роли эксперимента въ естествознаніи. *Вилламовицъ-Мёллендорфъ* читалъ объ «иліонской Аѳинѣ», т.-е. о культѣ Аѳины въ Троѣ. *Давидсонъ* далъ въ своемъ докладѣ обзоръ ранней эпохи флорентинской культуры. Зачатки Ренессанса, по мнѣнію Давидсона, не должны быть приписываемы ни вліяніямъ Рима, ни религіознымъ мотивамъ, но внутреннимъ условіямъ жизни самой Флоренціи. Хотя въ гвельфскомъ лагерѣ на Флоренцію всегда смотрѣли какъ на вѣрную дщерь церкви, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ней господствовали гибеллинскія, чисто мірскія настроенія. Съ XIII в. къ этому основному тону флорентин-

ской жизни присоединяется знакомство съ древними и съ французской культурой. Основа флорентинской конституціи — самоуправленіе, сущность флорентинской культуры — гражданская свобода. Въ области исторіи права выдѣлялись доклады *Эсмена* и *Гуди*, сообщившихъ яркіе примѣры того, какъ фрагменты римскаго права, непонятые и искаженные средневѣковыми юристами, вліяли на развитіе права европейскихъ государствъ. Таково происхожденіе нормы англійскаго права, согласно которой actio in personam прекращается со смертью одной изъ сторонъ, таково же происхожденіе французскаго принципа: «суверенъ выше закона».

Стоитъ отмѣтить, что два доклада были сняты съ программы конгресса, такъ какъ они затрогивали острые международные вопросы даннаго момента: «Вопросы албанской исторіи» Филиппе Ногга и «Австрійскіе административные методы» проф. Редлиха. Официальная часть конгресса закончилась 26-го марта, но делегаты оставались въ Англіи еще нѣсколько дней, посвятивъ ихъ поѣздкѣ въ университетскіе города. На слѣдующій конгрессъ были получены предложенія изъ Греціи и Россіи. Въ заключительномъ засѣданіи было единогласно рѣшено принять предложеніе Россіи, и слѣдующій конгрессъ состоится, такимъ образомъ, въ Петербургѣ.

В. В.

Общество имени А. И. Чупрова.

Въ концѣ марта въ отдѣленіи соціальной исторіи *А. А. Кизеветтеръ* прочелъ докладъ: «Новѣйшія работы по исторіи общественнаго движенія въ Россіи». Предметомъ доклада послужилъ разборъ книгъ г. Богучарскаго «Активное народничество 70-хъ гг.», и г. Пажитнова «Развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи». Докладчикъ остановился особенно подробно на воззрѣніяхъ названныхъ авторовъ по вопросу объ источникахъ идеологіи соціалистическаго народничества 70-хъ годовъ.

Оба автора считаютъ наиболѣе существенными особенностями этой идеологіи анархическую тенденцію и убѣжденіе въ своеобразіи русскаго историческаго процесса. Оба автора, далѣе, ищутъ источниковъ этихъ особенностей народнической идеологіи въ теченіяхъ русской общественной мысли 40-хъ годовъ, но при этомъ г. Богучарскій находитъ эти источники въ славянофильствѣ 40-хъ годовъ, а г. Пажитновъ — въ утопическомъ соціализмѣ 40-хъ годовъ. А. А. Кизеветтеръ въ своемъ докладѣ отнесся отрицательно къ обоимъ этимъ построеніямъ, указывая на то, что народниковъ 70-хъ годовъ нельзя считать ни идейными преемниками славянофильства, ни продолжателями утопическаго соціализма 40 и 50-хъ годовъ. По вопросу о своеобразіи русскаго историческаго процесса между народниками и славянофилами можно усмотрѣть извѣстное сходство лишь въ созвучіи нѣкоторыхъ выраженій, а не въ общности идей. Славянофилы понимали подъ этимъ своеобразіемъ самобытность конечныхъ идеаловъ русскаго историческаго развитія, тогда какъ народники понимали подъ нимъ самобытность тѣхъ путей, которыми Россіи суждено, по ихъ мнѣнію, прійти къ общечеловѣческому идеалу — царству соціализма.

Что же касается анархизма, то у славянофиловъ мы находимъ энергическій протестъ противъ расширенія круга примѣненія государственнаго начала, но отрицанія государства мы у нихъ не найдемъ, напротивъ того, становясь на точку зрѣнія дуализма земли и государства, они тѣмъ самымъ признаютъ необходимость существованія государственной организаціи и только отводятъ ей подчиненную, низшую роль въ общемъ строѣ народной жизни. Такимъ образомъ, славянофильская и народническая идеологіи по существу противоположны и устанавливать между ними генетическую связь—значитъ вносить большую путаницу въ изученіе эволюціи русской общественной мысли.

Г. Пажитновъ возводитъ анархизмъ народниковъ къ аполитизму утопическаго соціализма 40-хъ годовъ, а

ихъ идею о своеобразіи русскаго историческаго процесса въ смыслѣ возможности для Россіи перейти къ соціалистическому строю прямо отъ первобытныхъ формъ общественности, минуя стадію капитализма, онъ возводитъ къ ученію Герцена, которое сложилось, по мнѣнію г. Пажитнова, подъ двумя вліяніями: 1) книги Гакстгаузена, пророчившаго Россіи особый путь экономическаго развитія въ виду предполагаемой исключительной жизнеспособности русской земельной общины и русскихъ кустарныхъ промысловъ и 2) разочарованій Герцена въ западно-европейской буржуазіи. Герцена г. Пажитновъ и называетъ основоположникомъ народническаго утопическаго соціализма. Напротивъ того, въ Чернышевскомъ онъ не склоненъ видѣть основателя народничества, указывая на то, что народническіе выводы изъ статей Чернышевскаго могли быть дѣлаемы лишь по недоразумѣнію, по недостаточному продумыванію всѣхъ подробностей въ ходѣ его мысли.

Докладчикъ отмѣтилъ, что слабой стороной построенія г. Пажитнова является его стремленіе изобразить идеологію бакунизма и лавризма 70-хъ годовъ, какъ прямое продолженіе идейныхъ теченій русскаго общества 40-хъ и 50-хъ годовъ, между тѣмъ какъ рѣшающую роль въ возникновеніи этихъ ученій сыграли новые идейные толчки изъ-за западной границы. Анархизмъ Бакунина всего естественнѣе поставить въ связь съ тѣмъ оживленіемъ интереса къ идеямъ Штирнера, который обнаружился на западѣ какъ разъ съ конца 60-хъ годовъ. Что же касается идей Лаврова, то вѣдь не слѣдуетъ умалять значенія того обстоятельства, что Лавровъ опирался на Маркса и что между лавризмомъ и утопическимъ соціализмомъ предшествующей поры легла идея классовой борьбы. Лавризмъ 70-хъ годовъ былъ прежде всего попыткой, если можно такъ выразиться, переложить марксизмъ на русскіе нравы, т.-е. примѣнить къ Россіи идею классовой борьбы, подставивъ только вмѣсто городского рабочаго пролетаріата крестьянство, по убѣжденію народниковъ, настроенное революціонно и даже анархически.

При этомъ не замѣчалось, что такая подстановка является не частичной варіацией, а измѣненіемъ самаго существа, самой сердцевины марксизма. Если эти воззрѣнія такъ властно овладѣли умами русской передовой интеллигенціи въ 70-хъ годахъ, то въ этомъ надлежитъ усматривать не результатъ филіаціи давнишнихъ ученій, а прямое послѣдствіе того, что русская жизнь въ то время еще не выработала условій, благопріятныхъ для воспріятія марксистскихъ идей въ ихъ чистомъ видѣ. Такія условія народились въ теченіе 80-хъ годовъ, и прямымъ результатомъ этого явился расцвѣтъ въ Россіи уже подлиннаго марксизма въ 90-хъ годахъ.

Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З.

Въ засѣданіи комиссіи 5 апрѣля В. П. Алексѣевъ прочиталъ докладъ на тему: «Первые Романовы у власти». По мнѣнію г. Алексѣева, избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова не было неожиданностью для семьи бояръ Романовыхъ: она давно стремилась къ власти и не разъ выставляла кандидатовъ на престолъ. Это хорошо понималъ Годуновъ, и потому при немъ Романовыхъ постигла опала.

Положеніе царя Михаила Ѳеодоровича въ первые годы его царствованія было довольно неустойчивымъ; населеніе часто оказывало пассивное сопротивленіе властямъ. Все это обязывало новое правительство къ большой осторожности и усиливало солидарность и сплоченность Романовскаго кружка; отсюда, съ одной стороны, большая неувѣренность и какая-то робость въ актахъ дипломатическихъ сношеній (особенно съ Польшей) и актахъ внутренняго управленія (напр., въ требованіяхъ возврата награбленнаго имущества въ царскую казну), съ другой — заполненіе всѣхъ наиболѣе отвѣтственныхъ должностей

въ центральномъ управленіи родственниками и свойственниками царя. Въ центрѣ этого правящаго круга родственниковъ, по мнѣнію г. Алексѣева, стояла инокиня Мароа. У нея былъ особый «приказъ», она самовольно распоряжалась дворцовыми землями, отчуждая ихъ въ свою пользу, по ея указамъ захватывались и частныя владѣнія. Большое значеніе инокини Мароы въ управленіи хорошо сознавали современники, что нашло свое выраженіе и въ тогдашнихъ лѣтописяхъ, и въ рисункахъ того времени. Въ народѣ на нее смотрѣли какъ на «верховодицу», которая все «мутитъ». Потомъ мѣсто инокини Мароы въ центральномъ управленіи занялъ патріархъ Филаретъ, а послѣ него,— Иванъ Никитичъ Романовъ, но и при нихъ все высшее чиновничество вербовалось попрежнему изъ Романовскаго кружка; такіе люди, какъ Пожарскій и Мининъ, при царѣ Михаилѣ оставались въ тѣни. Такъ совершалось «освоеніе» власти новымъ правительствомъ. Подсказанное чувствомъ самозащиты и самосохраненія, оно стало потомъ источникомъ матеріальнаго обогащенія: «освоеніе» власти привело къ «освоенію» земли. На основаніи, главнымъ образомъ, архивныхъ данныхъ г. Алексѣевъ показалъ въ своемъ докладѣ, какъ кружокъ Романовыхъ систематически и быстро использовалъ въ своихъ интересахъ громадный запасъ дворцовыхъ и черныхъ земель; даже «описка» (т.-е. возвратъ) земель, неправильно захваченныхъ въ эпоху Смуты, стала средствомъ перевода земель въ «свои» руки. Если казенные или чьи-либо частные интересы приходили въ столкновеніе съ интересами членовъ Романовскаго кружка, то, по мнѣнію г. Алексѣева, первое обычно приносились въ жертву послѣднимъ.

Недовольство Романовыми и ихъ земельной политикой было, по мнѣнію г. Алексѣева, почти всеобщимъ; жаловались и дворяне, и приказные, и горожане. «Непригожія слова» по адресу царя и особенно Мароы Ивановны и патріарха Филарета — фактъ, засвидѣтельствованный большимъ количествомъ политическихъ процессовъ той эпохи. *К. С.*

Общество исторіи литературы въ Москвѣ.

Въ засѣданіи 9 марта С. С. Игнатовъ прочелъ докладъ «Гофманъ и театръ». Характеризуя взгляды Гофмана на театръ вообще и на технику сцены въ частности, докладчикъ отмѣтилъ увлеченіе его Шекспиромъ, Кальдерономъ и особенно Гоцци, и въ заключеніе указалъ, что взглядъ Гофмана на театръ маріонетокъ тѣсно связанъ съ его міросозерцаніемъ: маріонетки — символъ людей и жизни для Гофмана; жизнь — сцена въ театрѣ маріонетокъ, а директоръ театра жизни — Судьба.

23 марта первая часть засѣданія была посвящена памяти Т. Н. Грановскаго. (См. № 4, «Гос. Мин.») Во второй части засѣданія: 1) А. Ф. Лютеръ прочелъ докладъ «Фридрихъ Геббель». Геббель крупнѣйшій представитель реальнопсихологическаго теченія въ нѣмецкой драмѣ XIX в. Основныя черты, опредѣляющія его міросозерцанія и творчество — индивидуализмъ и детерминизмъ. Своеобразно выработанная имъ теорія драмы во многомъ родственная съ философскими построеніями Гегеля: коренная проблема всякой трагедіи для Геббеля отношеніе индивидуализма ко вселенной, личной воли къ міровой волѣ. Охарактеризовавъ затѣмъ важнѣйшія изъ драмъ Геббеля, докладчикъ формулировалъ сущность этическихъ воззрѣній Геббеля, какъ безусловное признаніе самоцѣнности человѣческой личности и указалъ, какъ близокъ Геббель въ этомъ отношеніи къ Ибсену. И это тѣмъ интереснѣе, что вліяніе Геббеля на Ибсена засвидѣтельствовано и собственнымъ признаніемъ норвежскаго драматурга. 2) Б. Е. Лукьяновскій прочелъ докладъ: «Подсознательное и сказка», въ которомъ изложилъ теорію Фрейда и его школы. Признавая органическую связь между историческими заболѣваніями, сновидѣніями и сказкой въ томъ, что соотвѣтствующія состоянія характеризуются пониженіемъ дѣятельности высшаго сознанія и проявле-

ніемъ дѣятельности подсознательной сферы, Фрейдъ выводитъ отсюда основное общее свойство этихъ душевныхъ явленій — ихъ символику, и дальнѣйшимъ анализомъ устанавливаетъ другое свойство — ихъ тенденцію, состоящую въ исполненіи желаній.

Въ засѣданіи 30 марта: 1) Б. Е. Лукьяновскій прочелъ докладъ: «Пушкинъ и Гоголь въ ихъ личныхъ отношеніяхъ», представившій критическій пересмотръ установившагося мнѣнія о личной дружбѣ двухъ великихъ писателей. Относясь отрицательно къ показаніямъ Гоголя послѣ 1837 г., докладчикъ доказывалъ, что между Пушкинымъ и Гоголемъ не было тѣсной житейской связи. Гоголь, замкнутый вообще, скрывалъ отъ Пушкина въ теченіе цѣлаго лѣта совмѣстнаго житья въ Царскомъ Селѣ свои, уже готовые «Вечера на хуторѣ». И Пушкинъ ошибся въ Гоголѣ, когда пригласилъ его въ качествѣ единственнаго сотрудника по критическому отдѣлу «Современника». Детальное разсмотрѣніе переписки также разрушаетъ общепринятый взглядъ.

2) С. Е. Богомоловъ прочелъ докладъ о Гоголѣ, въ которомъ указалъ на роль идей Лессинга и Шиллера въ развитіи литературныхъ взглядовъ Гоголя и высказалъ рядъ замѣчаній объ отношеніи къ масонству позднѣйшей стадіи религіознаго сознанія Гоголя.

3) Н. В. Гиляровская сообщила въ своемъ переводѣ нѣсколько полународныхъ французскихъ пѣсенъ, записанныхъ ею въ Pas-de-Calais, охарактеризовавъ то рыбацкое населеніе, среди котораго онѣ распространены, и отмѣтивъ среди нихъ матросскія пѣсни, касающіяся, между прочимъ, и франко-русскихъ отношеній.

Общество Любителей Россійской Словесности. 6 апрѣля 1913 г. Ю. Ал. Веселовскій прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ «Поэзія графини Е. П. Ростопчиной», въ которомъ выразилъ мнѣніе, что поэтессу неправильно характеризуютъ, какъ представительницу узко-сословныхъ, дворянско - бюрократическихъ интересовъ: ея поэзія, чуждая всякихъ разсужденій, на что вѣрно указывалъ Бѣлинскій, представляетъ собой лирику, изображающую религіозное чувство, неудовлетворенную любовь, тревоги взволнованной души, щемящую тоску и разочарованіе въ окружающемъ; стихотворенія же на другія темы, какъ, напримѣръ, на темы политическія, гдѣ звучатъ ноты офиціальной народности и офиціальнаго патріотизма, были неудачны.

Въ преніяхъ было указано на то, что докладчикъ преувеличиваетъ размѣры таланта гр. Ростопчиной.

Общество любителей древней письменности въ Спб. 5 апрѣля А. И. Соболевскій сдѣлалъ сообщеніе о роскошномъ русскомъ документѣ XII—XIV вѣка *«Жалованная грамота рязанскаго князя Олега — XIV в.»*, хранящейся въ архивѣ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Это единственный документъ по своей орнаментировкѣ. Вверху грамоты изображенъ Деисусъ и чернецъ Арсеній. Грамота является драгоцѣннѣйшимъ образцомъ русскаго искусства XIV в. изъ области южной Руси,

Я. Л. Барсковъ сдѣлалъ сообщеніе *о перепискѣ московскихъ масоновъ 1790—1792 гг.*—князей Н. И. и Ю. И Трубецкихъ, И. П. Тургенева, А. Н. и М. Н. Радищева, А. А. и Н. И. Плещеевыхъ и др. съ А. М. Кутузовымъ, посланнымъ, какъ предполагаютъ, въ Берлинъ для изученія магіи и алхиміи. Часть переписки относится къ ссылкѣ въ Сибирь Радищева и заключеніи Н. И. Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость. Изъ этой же переписки выясняются интересныя свѣдѣнія о Н. М. Карамзинѣ и отношеніи масоновъ какъ къ самому Карамзину, такъ и къ его «Московскому журналу».

Въ ученыхъ обществахъ Казани. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ ученыхъ обществъ въ Казани было въ 1912 г. общество археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. На общихъ собраніяхъ въ теченіе года было сдѣлано 15 научныхъ сообщеній.

Изъ археологической работы общества отмѣтимъ годичную экскурсію членовъ совѣта въ с. Болгары-Успенское, древнюю столицу Булгарскаго царства, во время которой было сдѣлано нѣсколько интересныхъ находокъ и пріобрѣтеній, оставленныхъ частью на мѣстѣ, въ такъ назыв. музеѣ «Черной палаты», частью привезенныхъ въ Казанскій музей общества.

Съ 1-го іюня 1913 г. предположена въ Булгарахъ на спеціально отпущенныя средства археологич. кампанія — раскопки въ области каменнаго вѣка подъ руководствомъ проф. Кротова, Высоцкаго и д-ра Хомякова.

(Марка музея «Старый Петербургъ»; работа Е. Лансере.)

Старый Петербургъ.

(Въ музеѣ «Стараго Петербурга».)

Минуло всего лишь 200 лѣтъ съ небольшимъ — когда въ 1703 году «тщаніемъ» императора Петра I былъ основанъ «въ провинціи Ингріи, а по нашимъ старымъ лѣтописцамъ—Ижорской Землѣ — новый градъ, въ свѣтѣ царствующій, Санктпетербургъ». И за эти два столѣтія на берегахъ Невы— «раченіемъ» многихъ царствованій созданы храмы, дворцы, памятники, Адмиралтейство, сенатъ и рядъ зданій, принадлежащихъ государству и частнымъ лицамъ. И вспоминая о строителяхъ большинства этихъ памятниковъ, мы вспоминаемъ имена: еще «Петровскаго» Трезини, и далѣе — гр. Растрелли, Кваренги, Томона, Захарова, Ринальди, Монферана, Воронихина, Пренна, Руско, Фальконетта, Росси и мн. др. Они создали намъ, часто удивительной красоты, архитектурныя сооруженія, облагораживающія и возвышающія сырой и туманный городъ...

А мы?... Мы замазали, залили известкой лѣпныя украшенія, мы сбили медальоны, закрасили въ одинъ цвѣтъ разнотонныя пилястры и капители, нелѣпыми вывѣсками подчасъ обшили стройныя колонны бывшихъ дворцовъ... Это извнѣ. А внутри? Здѣсь мы пошли гораздо дальше. Мы разрушаемъ залы и устраиваемъ «коридорныя системы»; мы ломаемъ удивительныя по красотѣ изразцовыя печи и устраиваемъ «водное отопленіе»... Мы идемъ еще дальше... Мы сносимъ старыя сооруженія и строимъ «доходные» дома... Что сказать? Вѣдь по всей Россіи послѣдняя пѣсня «Вишневаго сада» допѣта, и остается лишь спасать отдѣльные экземпляры, отдѣльныя «художества» — въ назиданіе потомству и въ воспоминаніе о далекомъ прошломъ, создавшемъ настоящую нашу культуру. Реестръ вандализмовъ съ каждымъ годомъ растетъ, непониманіе великаго

значенія «старины» можно видѣть среди такъ называемаго «образованнаго» общества.

И вотъ, на борьбу со стихійной силой уничтоженія прошлаго выступила небольшая группа лицъ, объединившаяся подъ эгидой музея «Стараго Петербурга».

Музей основанъ еще въ 1907 году, но открытъ для публики — два раза въ недѣлю,—всего лишь второй годъ. Когда вы входите въ помѣщеніе музея, то первое впечатлѣніе особенно характерно въ связи съ высказанными выше соображеніями.

Еще у входа вы видите громадные алебастровыя части какихъ-то лѣпныхъ украшеній и затѣмъ, въ помѣщеніи музея — куски барельефовъ, гипсовые медальоны; громадный кронштейнъ отъ зданія университета, найденный среди мусора на одномъ изъ чердаковъ: часть фонарнаго столба; одну половинку двери изъ постройки времени Александра I и т. д... И все это сложено на полу, въ углахъ, одно на другомъ... — Лишь по стѣнамъ развѣшаны чертежи архитектурныхъ сооруженій, старинныя гравюры, виды стараго Петербурга и проч...

И кажется — будто организаторы музея, собирая остатки «Стараго Петербурга» поставили себѣ одну задачу— какъ можно поскорѣе выхватить изъ стихійнаго пламени разрушенія старины и спасти — *что возможно*. Только бы всѣ эти драгоцѣнности не погибли въ мусорѣ, увозимомъ съ мѣста ломки старинныхъ зданій.

Еще ярче станетъ эта картина, когда мы вспомнимъ, что у музея даже нѣтъ собственнаго помѣщенія, — далъ комнату въ своей квартирѣ гр. П. Ю. Сюзоръ, и вотъ все туда снесли, только бы спрятать... О какой-либо хронологической системѣ, ретроспективномъ взглядѣ говорить не приходится... Музей спѣшитъ только собрать, «сохранить»...

Когда же хранитель музея, А. Ф. Гаушъ, дающій посѣтителямъ разъясненія, раскрываетъ папки съ архитектурными проспектами извѣстныхъ художниковъ-строителей, создавшихъ Петербургъ XVIII и XIX вѣка, показываетъ планы, библіотеку съ изданіями о Петербургѣ, и фотографіи отдѣльныхъ зданій, то становится яснымъ, что въ музеѣ идетъ и серьезная научная работа по собиранію матеріаловъ для исторіи «Стараго Петербурга».

Особенно интересны альбомы фотографій отдѣльныхъ исключительныхъ сооруженій. Начиная съ фотографіи «входа» въ зданіе, лѣстницы, мы видимъ залы, обстановку... наружный видъ, дворъ и т. д. Такимъ методомъ зафиксированы нѣкоторые дома, съ удивительными лѣпными украшеніями на стѣнахъ и потолкѣ, съ художественной стильной мебелью, драгоцѣнными по рисункамъ коврами. Эти дома принадлежатъ частнымъ лицамъ и не доступны для обозрѣнія.

Музей тщательно слѣдитъ за всѣми разрушеніями старинныхъ построекъ, дѣлаетъ фотографіи, обмѣры, планы ихъ. Стремится получить тѣ или другія части, украшавшія постройку. Спѣшитъ выяснить исторію отдѣльныхъ сооруженій. Все, что поступаетъ въ музей, внимательно описывается хранителемъ А. Ф. Гаушъ, и у каждой вещи имѣется подробный паспортъ, заключающій въ себѣ главныя историческія свѣдѣнія. Описаніе музея по отпечатаніи составитъ высокоцѣнный матеріалъ.

Въ настоящее время въ музеѣ уже до 2.000 предметовъ (кромѣ фотографій), и всѣ они собраны благодаря пожертвованіямъ учрежденій и частныхъ лицъ (кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукаго, П. П. Вейнера, предсѣдателя дирекціи музея А. Ф. Гаушъ и мн. др.).

Но не одно «коллекціонированіе»— любителей стараго Петербурга составляетъ дѣятельность музея. Въ музеѣ устраиваются собранія, на которыхъ читаются доклады, касающіеся исторіи Петербурга. На одномъ изъ послѣднихъ собраній членъ дирекціи музея П. Н. Столпянскій сообщилъ исторію ряда домовъ по Б. Морской улицѣ. Это — часть его большой работы по выясненію историческаго плана города Петербурга и отдѣльныхъ домовъ съ основанія и до послѣдняго вре-

мени. Помимо собраній музей принимаетъ участіе и въ «общественной жизни». Кружокъ лицъ, къ которому примыкаютъ вмѣстѣ съ поименованными выше — А. Н. Бенуа, Н. Е. Лансере, И. А. Ѳоминъ и др., выступаетъ въ защиту истиннаго «лица Петербурга».

Только теперь, проходя мимо нѣкоторыхъ зданій, мы начинаемъ «видѣть» ихъ, восторгаться ихъ красотой. Ранѣе они были замазаны, залиты известкой и закрашены такъ, что разглядѣть «художественность» этихъ построекъ не представлялось никакой возможности. Кто же будетъ спорить о томъ, что окраска зданія — есть неотдѣлимая часть общаго архитектурнаго ансамбля. Обычно же у насъ на это не обращаютъ вниманія. Гордость музея — Смольный монастырь. Онъ «возстановленъ» и окрашенъ въ тотъ цвѣтъ, котораго требовалъ строитель храма гр. Растрелли. И цѣлый рядъ зданій: универститетъ, Академія наукъ, Сенатъ, Адмиралтейство и другія перекрашены въ свой первоначальный цвѣтъ. Все это — дѣло рукъ музея «Стараго Петербурга»!...

Съ документальными данными, планами и проектами—члены музея, слѣдя за готовящимися «побѣлками», обращаются къ администраціи зданій, убѣждая не отступать отъ «истины». И часто удается достигнуть цѣли. На очереди, напримѣръ, стоитъ вопросъ о перекраскѣ Зимняго дворца.

И кто знаетъ, можетъ-быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда «раченіемъ» музея будутъ приведены въ «истинный» видъ «художествъ» Растрелли, Томона и др. — мы поймемъ красоту и важность стараго Петербурга.

Надо не забывать, что какъ бы ни разрушали старинныя пострйки, какъ бы ни умножались «дворцы дожей» на россійскій ладъ — Петербургъ всегда будетъ имѣть достаточно зданій величественныхъ и торжественныхъ по своей архитектурной гармоніи. И можетъ-быть, наступитъ время, когда, несмотря ни на какія пелены тумановъ, мы все же будемъ видѣть ясныя очертанія произведеній и искусства XVIII и начала XIX вѣковъ.

Музей «Стараго Петербурга» идетъ намъ навстрѣчу...

На какія же средства существуетъ музей?

Бюджетъ музея 100 (это не опечатка) руб. въ годъ, выдаваемыхъ ему обществомъ архитекторовъ - художниковъ...

Нужно было помѣщеніе — его далъ гр. П. Ю. Сюзоръ; нужны были шкапы для предметовъ — ихъ сдѣлалъ на свои средства А. Ф. Гаушъ... и такъ все...

Ни городъ, ни государство не вспоминаютъ о музеѣ...

Должно-быть, забыты также (правда это было давно, еще въ первой половинѣ XVIII вѣка), слова императрицы Елисаветы Петровны, довершавшей дѣло Петра I и писавшей въ своемъ указѣ, опубликованномъ «во всенародное извѣстіе» іюля 24 дня 1747 года: *«Излишнее дѣло пространно о томъ писать, что къ благосостоянію всякаго государства науки и художествы есть дѣло необходимо потребное»*.

И эти минувшія, «старыя» слова— не «потребно» ли было бы вспомнить намъ — людямъ XX вѣка!...

Вл. Тукалевскій.

Общество архитекторовъ. Въ засѣданіи Императорскаго С.-Петербургскаго общества архитекторовъ, 2 апрѣля, П. Н. Столпянскій сдѣлалъ докладъ: *«Старый Петербургъ и его историческій планъ»*. Докладчикъ познакомилъ слушателей съ источниками по исторіи Петербурга и далъ критическій обзоръ матеріаловъ какъ въ области описаній Петербурга, такъ и его плановъ. Надо признать, что капитальнымъ и цѣннымъ остается первое описаніе Петербурга, сдѣланное еще въ 1751 году А. Богдановымъ и позднѣе изданное Рубаномъ. Большинство плановъ, начиная съ перваго появившагося въ 1716 году—далеки отъ дѣйствительности. По плану 1716 года весь Васильевскій островъ представляетъ собой Венецію. Онъ сплошь изрѣзанъ каналами. До настоящаго времени, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо матеріаловъ—нѣтъ дѣйствительнаго плана Петербурга. П. Столпянскій задался цѣлью со-

здать точный, провѣренный историческій планъ Петербурга, выяснить исторію каждаго дома, его хозяина и архитектора, а также всѣ прочія возможныя подробности.

Садоводство въ XVIII в.

Въ собраніи 9 марта 1913 г. состоялся докладъ П. Н. Столпянскаго подъ заглавіемъ старый Петербургъ — *Садоводство и цвѣтоводство* XVIII *вѣка*. Докладчикъ указалъ источники извлеченнаго и обработаннаго имъ матеріала, каковыми оказались, кромѣ архивныхъ дѣлъ, старинныя изданія XVIII вѣка, какъ-то журналы, въ родѣ «Экономическаго магазина», «Магазина натуральной исторіи» и т. д., а также единственная газета XVIII вѣка «С.-Петербургскія Вѣдомости», объявленія которой дали обильный матеріалъ для опредѣленія, какъ садовъ стараго Петербурга, такъ и условій садоводства и цвѣтоводства. Затѣмъ докладчикъ нарисовалъ картину садовъ стараго Петербурга. Оказывается, что Петербургъ XVIII вѣка представлялъ изъ себя *сплошной садъ*, при чемъ сады были не только на окраинахъ города, но и въ нынѣшнемъ его центрѣ.

Гибнущій архивъ.

На ряду съ весьма цѣнными городскими архивами Сибири—Илимскимъ, Верхоленскимъ и Нижнеудинскимъ особеннаго вниманія заслуживаетъ архивъ упраздненнаго окружного суда *въ г. Киренскѣ*. Объ этомъ архивѣ на страницахъ «Сибирскихъ Вѣстей» (№ 48) г. Архивистъ разсказываетъ, дѣйствительно, печальныя извѣстія.

Архивъ этотъ старый. Въ немъ собраны дѣла, касающіяся времени предшествовавшихъ еще Петру I. Небольшая часть дѣлъ, относящихся ко времени царствованія Екатерины II и до времени послѣднихъ годовъ царствованія Александра I, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ, переданы въ такъ называемый, «сосредоточенный» архивъ иркутскихъ центральныхъ судебныхъ установленій. Много же тысячъ болѣе древнихъ дѣлъ, особенно дѣло Петровскаго времени и значительная часть Екатерининскаго и послѣдующихъ царствованій оставлена въ г. Киренскѣ. Тамъ всѣ эти дѣла буквально *валяются* въ деревянномъ амбарѣ настолько обветшаломъ, что стѣны его уже покосились и мѣстами вошли въ землю, а провалившійся потолокъ придавилъ собою дѣла. Часть дѣлъ уже погибла отъ сырости, крысъ и мышей. Огонь постоянно угрожаетъ этому «богатому» хранилищу....

Читая эти строки невольно задаешься мыслью—неужели же мы такъ богаты документами нашего прошлаго, что излишній запасъ реликвій для насъ является уже балластомъ? Неужели же административныя лица, стоящія во главѣ различныхъ учрежденій Сибири несомнѣнно, окончившіе въ большинствѣ высшія учебныя заведенія, не понимаютъ значенія «старыхъ» дѣлъ, обреченныхъ на гибель въ Киренскомъ амбарѣ? Неужели же мы такъ некультурны, что матеріалы, необходимые для освѣщенія нашего прошлаго, отдаемъ на съѣденія мышамъ и крысамъ!

Архивное дѣло должно быть изъято изъ вѣдѣнія администраціи и передано «ученымъ» учрежденіямъ, которые знаютъ, *какъ* взяться за дѣло и сумѣютъ путемъ регистраціи выяснить наличность главнѣйшихъ хранилищъ; чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ легче будетъ спасти то, что съ такимъ «легкимъ сердцемъ» уничтожается, какъ «никому не нужное».

Кустарный съѣздъ и старина. Среди резолюціи 3-го Всероссійскаго кустарнаго съѣзда въ Петербургѣ, по секціи техническаго и художественнаго образованія необходимо отмѣтить постановленія, касающіяся принятія ряда мѣропріятій по собиранію предметовъ вымирающаго народнаго искусства и старинныхъ образцовъ народнаго художественнаго творчества; составленіе порайонныхъ художественно-этнографическихъ коллекцій и изданіе ихъ въ печатномъ видѣ. Устройство постоянныхъ и подвижныхъ выставокъ художественнаго творчества, а также изданіе художественныхъ ли-

стовъ и альбомовъ съ матеріалами народнаго художественнаго творчества вообще.

Памятники старины и отрубныя хозяйства. Практика землеустроительныхъ комиссій показываетъ, что при проведеніи въ жизнь земельной реформы крестьяне, естественно, стремятся использовать каждую пядь земли. И если на отрубномъ участкѣ попадается какой-либо памятникъ старины, то онъ немедленно уничтожается, какъ «неудобство». Нельзя не привѣтствовать поэтому заботы Курской губерніи землеустроительной комиссіи, заслушавшей докладъ одного изъ своихъ членовъ о томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда при разверстаніи земель попадаются участки земли, на которыхъ находятся памятники старины, рекомендовать крестьянамъ, при составленіи землеустроительныхъ проектовъ, отчуждать такіе участки въ общее всѣхъ домохозяевъ владѣніе.

Если самый починъ заслуживаетъ привѣтствія, то проведеніе въ жизнь проекта землеустроительной комиссіи наводитъ на грустныя размышленія. Почему же сельскія общества должны брать на себя «выкупъ» памятниковъ старины? Это дѣло государственное и въ его собственность, за его счетъ должны пріобрѣтаться такіе участки.

Литовскіе намогильные кресты.

Литовское общество изящныхъ искусствъ въ г. Вильно издало книгу о литовскихъ намогильныхъ крестахъ. Нельзя не привѣтствовать такого почина общества. Намогильные кресты весьма интересны въ художественномъ и археологическомъ отношеніи; они являются большею частью «нетронутымъ» творчествомъ народныхъ вкусовъ, и тщательная регистрація ихъ давно необходима.

У. Базанавиціусъ написалъ объяснительный текстъ на литовскомъ и французскомъ языкахъ, въ которомъ указываетъ на пережитки древняго культа мертвыхъ и остатки древней литовской культуры въ этихъ памятникахъ прошлаго литовскаго народа.

Художникъ Анпсонъ Яросевиціусъ зарисовалъ съ натуры множество крестовъ, и воспроизведеніе его рисунковъ дано въ названномъ изданіи.

Въ обществѣ нумизматики въ Спб. Въ засѣданіи 27 февраля Р. Р. Фасмеръ сдѣлалъ докладъ на тему *«Куфическія монеты переяславскаго клада»*. Кладъ этотъ найденъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полт. губ., въ селѣ Денисовкѣ. Кладъ состоитъ изъ серебряныхъ куфическихъ монетъ вѣсомъ 8 фунт. 63 зол. Среди монетъ имѣются интересные экземпляры монетъ Владиміра Св. и Ярослава Мудраго. По времени кладъ относится къ X вѣку по Р. Хр. (IV вѣку хиджры). Древнѣйшая монета относится къ I вѣку хиджры. Кладъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что открываетъ новыя данныя объ именахъ правителей на Востокѣ.

П. М. Якунчиковъ въ томъ же засѣданіи сдѣлалъ докладъ о неизвѣстныхъ еще до сихъ поръ варіантахъ древнегреческихъ монетъ, числомъ до 50, и находящихся въ его собраніи.

„Писанцы“ на берегахъ Байкала.

По сообщенію сибирскихъ газетъ, на каменистыхъ берегахъ озера Байкала обнаружены изображенія различныхъ животныхъ, вырѣзанныхъ въ давнія времена.

Восточн. Сибирск. отдѣлъ географическаго общества постановилъ сдѣлать рядъ фотографическихъ снимковъ съ этихъ «писанцевъ», а также сдѣлать подробное ихъ описаніе. Рядъ мраморныхъ скалъ на берегахъ озера украшенъ такими рисунками, и надо надѣяться, что ими заинтересуются болѣе широкіе круги русскихъ ученыхъ изслѣдователей.

Географическое общество.

Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Императорскаго русскаго географическаго общества, прив-доц. Э. А. Вольтеръ сдѣлалъ сообщеніе *«О причитаніяхъ у литовцевъ»*. Главная цѣль до-

клада—выработать особый вопросникъ для собиранія свѣдѣній о современномъ состояніи похороннаго плача, сохранившагося до настоящаго времени въ Литвѣ. На основаніи изслѣдованія цѣлаго ряда сборниковъ причитаній и другихъ литературныхъ матеріаловъ, докладчикъ пришелъ къ выводу, что у литовцевъ и древнихъ пруссовъ причитанія надъ покойниками произносились не женщинами, а мужчинами. Лишь съ развитіемъ христіанства женщины стали чаще выступать въ роли плакальщицъ. Докладчикъ отмѣтилъ также интересный видъ «рекрутскихъ плачей», являющихся продолженіемъ или откликомъ причитаній родовыхъ жрецовъ или родоначальниковъ-князей. Любопытенъ также литовскій обрядъ, сообщенный докладчикомъ, подъ именемъ «куниговáнія невѣсты» — это особый видъ свадебнаго плача.

Юбилейное изданіе. Ко дню своего юбилея московскій Румянцевскій музей выпустилъ большой фоліантъ подъ заглавіемъ «Пятидесятилѣтіе Румянцевскаго музея въ Москвѣ. 1862—1912. Историческій очеркъ» (стр. 40 + XLIV + 194). Этотъ изящно и богато иллюстрированный томъ содержитъ въ себѣ общій историческій очеркъ музея и исторію пяти его отдѣловъ (отдѣленія рукописей, библіотеки, отдѣленія изящныхъ искусствъ, этнографическаго музея и отдѣленія доисторическихъ христіанскихъ и русскихъ древностей).

Письма въ редакцію.

I.

Милостивый государь, г. редакторъ!

Не откажите напечатать въ ближайшей книгѣ вашего журнала слѣдующія строки по поводу моей замѣтки «Архивныя Комиссіи», помѣщенной въ февральской книжкѣ «Голоса Минувшаго».

Эта замѣтка, иллюстрировавшая общее положеніе Комиссій фактами изъ жизни Нижегородской ученой архивной Комиссіи, вызвала со стороны нѣкоторыхъ членовъ Комиссіи тягостныя нареканія на меня, какъ на ея автора, въ необоснованныхъ нападкахъ на Комиссію. Оставляя за собою право сужденія о характерѣ дѣятельности учрежденія, членомъ котораго я самъ состою, тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ во избѣжаніе недоразумѣній исправить допущенныя мною неточности.

Существенная изъ нихъ состоитъ въ указаніи, что «остаются совершенно неразработанными вотчинные частные и личные архивы разныхъ лицъ, переданные въ распоряженіе архивной Комиссіи». Это прискорбная съ моей стороны ошибка. Такъ было до недавняго времени: по кончинѣ Снѣжневскаго эти архивы лежали безъ движенія. Но послѣдніе два, три года ими занялся предсѣдатель Комиссіи, почетный ея членъ А. Я. Садовскій, которымъ и подготовляется подробная опись ихъ, вынесено на карточки болѣе двухъ тысячъ документовъ и пр., о чемъ я не былъ освѣдомленъ.

Не вполнѣ точны мои слова: «Комиссіею до сихъ поръ не исполнены нѣкоторыя основныя для изученія мѣстной исторіи работы, въ чемъ Нижегородскую опередили уже другія Комиссіи, какъ-то: систематическіе библіографическіе указатели печатныхъ трудовъ и матеріаловъ по мѣстной исторіи, описанія и указатели къ мѣстнымъ періодическимъ изданіямъ, хотя бы краткіе біографическіе словари мѣстныхъ дѣятелей и т. п.». Неточность, или, вѣрнѣе, неполнота этихъ строкъ, состоитъ въ отсутствіи поясненія, что вопросы объ этихъ работахъ все же де-

батировались въ Комиссіи и кое-что начато. Такъ, составлены (но не напечатаны) указатели къ мѣстнымъ губернскимъ и епархіальнымъ Вѣдомостямъ (Н. И. Драницынымъ), а также начато составленіе словаря мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей (лично мною). Но до завершенія всего этого еще очень далеко.

Наконецъ, относительно указанія на «нѣкоторые» томы трудовъ Комиссіи, какъ неудовлетворительные въ редакціонномъ отношеніи, въ интересахъ безусловной точности, надо оговориться, что первые выпуски трудовъ Комиссіи были составляемы въ очень прихотливомъ безпорядкѣ въ смыслѣ расположенія матеріала, а когда было принято раздѣленіе его на текущую часть и сборники, съ нѣкоторымъ систематическимъ распредѣленіемъ въ послѣднихъ статей и описей, то изъ этихъ сборниковъ чрезмѣрно обильны ошибками и опечатками два (изъ 12).

По поводу отдѣльныхъ моихъ сужденій, съ которыми могутъ быть несогласны тѣ или другіе изъ моихъ товарищей по работѣ (напр., въ отношеніи мнѣнія о недостаточной систематичности работъ), считаю долгомъ сказать, что, можетъ-быть, я и субъективенъ и даже неправъ въ требовательности, неудовлетворимой при данныхъ условіяхъ областной научной жизни. Но полагаю, что пора повышать эти требованія отъ учрежденій, существующихъ уже почти три десятка лѣтъ. И наконецъ, долженъ отклонить сообщенный мнѣ упрекъ въ томъ, что, не подписавшись «членъ Комиссіи, такой-то», я тѣмъ какъ бы ставилъ себя внѣ Комиссіи: за общій ходъ дѣлъ въ ней я являюсь, сохраняя по тѣмъ или другимъ вопросамъ самостоятельное мнѣніе, отвѣтственнымъ въ такой же мѣрѣ, какъ и всякій другой членъ ея.

Членъ Нижегор. уч. арх. Комиссіи *Вас. Е. Чешихинъ.*

(Ч. Вѣтринскій).

II.

Приступивъ ко 2-му, переработанному изданію «Критико-Біографическаго Словаря русскихъ писателей и ученыхъ», я разослалъ писателямъ и ученымъ, адреса которыхъ мнѣ были извѣстны, циркуляры съ просьбою о присылкѣ біо-библіографическихъ свѣдѣній. Вопросы и пункты этого циркуляра сводятся къ слѣдующему:

Біографія: 1) Имя и отчество. 2) Годъ, мѣсяцъ и число рожденія. 3) Мѣсто рожденія. 4) Кто были родители? 5) Вѣроисповѣданіе. 6) Краткая исторія рода. Главнымъ образомъ: были ли въ родѣ выдающіеся въ какомъ-либо отношеніи люди? 7) Ходъ воспитанія и образованія. Подъ какими умственными и общественными вліяніями оно̀ происходило. 8) Начало и ходъ дѣятельности. 9) Замѣчательныя событія жизни.

Библіографія: 1) Перечень написаннаго или переведеннаго съ точнымъ обозначеніемъ: a) если рѣчь идетъ о книгѣ: года, мѣста, формата и количества страницъ, b) если о журнальной статьѣ— года, № и названія періодическаго изданія, гдѣ она появилась, c) если о газетныхъ статьяхъ (главнѣйшихъ, конечно), то въ какихъ именно газетахъ и въ какомъ году онѣ появились. 2) Не были ли (гдѣ, когда и кѣмъ) переведены произведенія на иностранные языки? 3) Не появились ли гдѣ-нибудь біографическія свѣдѣнія (если появились, то въ какой книгѣ или въ какомъ № періодическаго изданія)? 4) Не были ли помѣщены гдѣ-нибудь портреты? 5) Псевдонимы.

Сверхъ того, я прошу не отказать мнѣ въ присылкѣ **фотографической карточки.**

Къ сожалѣнію, адреса очень многихъ писателей и ученыхъ остались мнѣ неизвѣстны. Поэтому я посредствомъ печати обращаюсь ко всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ литературѣ, журналистикѣ и наукѣ, съ просьбой не отказать мнѣ въ доставленіи свѣдѣній о себѣ, примѣнительно къ вышеизложенной программѣ.

Очень важно для изданія, чтобъ указанныя свѣдѣнія были присланы не позже 1 іюля с. г.

Отвѣты прошу направлять по адресу: С.-Петербургъ, Загородный, 21, профессору Семену Аѳанасьевичу Венгерову.

Съ истиннымъ уваженіемъ.

С. Венгеровъ.

III.

Къ изданію полнаго собранія сочиненій Герцена.

М. г., г-нъ редакторъ.

Лѣтомъ 1915 г. въ Россіи выйдетъ въ свѣтъ первое полное собраніе сочиненій и писемъ Александра Ивановича Герцена, надъ редактированіемъ и комментированіемъ котораго уже много лѣтъ работаетъ приглашенный нами М. К. Лемке. Изданіе это будетъ болѣе чѣмъ вдвое полнѣе «собраній», выпущенныхъ за границей и въ Россіи. Въ него войдетъ все когда-либо написанное Герценомъ, съ исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстъ, которыя явятся прямымъ нарушеніемъ дѣйствующаго въ Россіи закона о печати.

Предоставивъ М. К. Лемке весь хранящійся у насъ и нашихъ родственниковъ архивъ и всѣ прочіе матеріалы, заручившись такимъ же содѣйствіемъ ему со стороны нашихъ друзей и лицъ близкихъ покойному Герцену, мы обращаемся съ просьбой ко всѣмъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ оказать ему и съ ихъ стороны всякое возможное содѣйствіе.

Для редактора предпринимаемаго изданія весьма важна буквально каждая строчка Герцена, будь то неизвѣстное сочиненіе, письмо, записка, автографъ на книгѣ или портретѣ и т. п. Каждая мелочь представляетъ свое серьезное, а иногда и большое значеніе.

Поэтому мы убѣдительно просимъ всѣхъ, кто имѣетъ хоть какой-нибудь автографъ А. И. Герцена, не отказать сообщить объ этомъ Михаилу Константиновичу Лемке. (СПб., Средній пр., 47, телеф. 419 - 37), а если бы ему понадобилось, то предоставить и самый оригиналъ для скорѣйшаго снятія копіи. Копіи, тщательно снятыя самими обладателями такихъ матеріаловъ, тоже, конечно, цѣнны, но опытъ показалъ, какъ вообще недостаточно хорошо разбирается почеркъ Герцена и насколько для редактора изданія важна личная свѣрка копіи съ оригиналомъ. Не рискующіе присылать частному лицу свои матеріалы могутъ направлять ихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Императорской Академіи Наукъ съ указаніемъ, что они посылаются для снятія копіи и ознакомленія М. К. Лемке и послѣ того должны быть возвращены отдѣленіемъ по такому-то адресу. Расходы по обратной страховой пересылкѣ М. К. Лемке принимаетъ на свой счетъ.

Кромѣ рукописныхъ матеріаловъ, большое значеніе имѣетъ и все когда и гдѣ-либо напечатанное съ именемъ Герцена или его псевдонимами. Возможно, что кто-нибудь обладаетъ изданіемъ доселѣ неизвѣстнаго произведенія или извѣстнаго, но въ другомъ изданіи. Мы будемъ весьма признательны за точныя библіографическія указанія о такого рода изданіяхъ.

У многихъ лицъ и общественныхъ учрежденій имѣются до сихъ поръ ненапечатанныя произведенія и письма современниковъ Герцена (1812 — 1870), въ которыхъ заключаются упоминанія о немъ или его сочиненіяхъ. Сообщеніе М. К. Лемке выписокъ изъ такихъ матеріаловъ не менѣе цѣнно.

Наконецъ, важны точныя указанія на иностранную литературу (книги, брошюры, листки, журналы и газеты) о Герценѣ и его сочиненіяхъ.

Считаемъ не лишнимъ указать, что ни одна строчка изъ полученнаго такимъ образомъ матеріала не будетъ опубликована М. К. Лемке иначе, какъ въ полномъ собраніи сочиненій Герцена; нужно ли говорить, что тамъ же всегда будетъ указано, отъ кого именно полученъ тотъ или другой автографъ, съ котораго снята копія.

Въ заключеніе мы впередъ приносимъ нашу искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ, которыя просвѣщенно отзовутся на это наше обращеніе.

Наталья Герценъ.

Ник. Герценъ.

Лозанна 10 мая/27 апр. 1913 г.

ПОПРАВКИ.

Въ предыдущія книжки «Голоса Минувшаго» вкралось нѣсколько досадныхъ опечатокъ, которыя необходимо исправить.

Въ № 3 (мартъ) на стр. 239-й, 1 стр. сверху, напечатано: «спектральный анализъ, превращеніе біологическихъ видовъ и т. п»; надо читать: «спектральный анализъ, ученіе о превращеніи видовъ и т. п.»; въ замѣткѣ «Троицкій Соборъ» на стр. 299-й, 2-й столбецъ, 1 стр. сверху, напечатано: «Андрей Болотовъ», а нужно: «Андрей Богдановъ»; стр. 302 въ замѣткѣ о засѣданіи Неофилологическаго общества: «В. И. Васенко», а нужно: «В. А. Пасенко».

Въ № 4 (апрѣль) на 207-й стр. въ заглавіи напечатано: «графу Александру Ѳедоровичу Орлову»; нужно: «графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову»; на стр. 281-й, 9 стр. снизу, напечатано: «Три кукольныхъ комедіи о дочери Фауста»; нужно: «Три кукольныхъ комедіи о докторѣ Фауста».

Я долженъ былъ разъ десять прочесть эту фразу, прежде чѣмъ могъ представить себѣ, что эти значительныя слова произнесены розовыми устами маркизы Дельфины! Только когда я началъ читать далѣе, я увидѣлъ передъ собой васъ, какъ живую. «Но эта задача не воодушевляетъ меня, а пригибаетъ книзу», пишете вы. Храмомъ материнской любви долженъ былъ сдѣлаться маленькій замокъ, который возвышается въ паркѣ, на берегу озера. «A l'enfant» — гласитъ надпись золотыми буквами надъ дверями замка, которую вы велѣли сдѣлать тамъ, гдѣ еще недавно красовались слова: «Mont de ma joie». Вы приказали насадить красивѣйшие цвѣты и населили паркъ разными животными. «Пусть природа будетъ воспитательницей моего сына»! сказали вы. И вотъ явился ребенокъ! Онъ топталъ и рвалъ цвѣты, онъ билъ кроткую лань и маленькаго котенка, онъ бросалъ камнями въ голубей. А его уродливость заставила васъ удалить изъ комнатъ всѣ зеркала, чтобъ онъ не видѣлъ вокругъ себя его изображенія, повтореннаго десятки разъ.

Что мнѣ дѣлать?—спрашиваете вы меня съ отчаяніемъ. Всѣ средства повліять на ребенка истощены. Его склонности остаются такими же грубыми, какъ та среда, изъ которой онъ почерпнулъ свои первыя впечатлѣнія. Можетъ-быть, вы были слишкомъ мягки съ этимъ маленькимъ дикаремъ? Можетъ-быть, нужно одно только средство, чтобы эту необузданную силу направить на истинный путь? Можетъ-быть, тутъ не хватаетъ серьезности и строгости мужского воспитанія?

Вы ни однимъ словомъ не упоминаете о своемъ супругѣ, и изъ этого я заключаю, что онъ лишь рѣдко бываетъ во Фробергѣ. Притомъ же, я часто встрѣчаю его въ Парижѣ, гдѣ даже поговариваютъ о возможности его вступленія въ министерство. Онъ, какъ видно, мало интересуется своимъ сыномъ!

Поймете ли вы меня какъ слѣдуетъ, если я попрошу у васъ дозволенія пріѣхать къ вамъ? Только какъ гость и какъ другъ, который ничего такъ не желаетъ, какъ помочь вамъ, но который не въ состояніи помочь совѣтомъ, пока не составитъ себѣ, на основаніи личныхъ наблюденій, ясную картину положенія вещей.

Съ сильно бьющимся сердцемъ я жду вашего отвѣта. Если вы скажете: да! то впервые, за много мѣсяцевъ солнечный лучъ разсѣетъ мрачный туманъ, окутывающій мою жизнь.

Со смертью Леспинасъ и Жоффренъ я, какъ и многіе другіе, какъ будто лишился родины. Ничто и никто не могло возмѣстить эту потерю. За недостаткомъ такого духовнаго центра, около котораго могли бы собираться первые умы Франціи, связь между ними все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Вѣдь приходится же намъ быть свидѣтелями того, что заново вспыхнувшій, ожесточенный споръ между приверженцами Глюка и Пиччини, раздѣлилъ и энциклопедистовъ на два враждебныхъ лагеря!

Больше чѣмъ когда-нибудь мужчины посѣщаютъ кофейни и клубы. Дамы же устраиваютъ чайныя собранія, гдѣ и проводятъ свое время,

Я замѣчаю ослабленіе смягчающаго и возбуждающаго вліянія женщинъ на жизненныя привычки мужчинъ, что выражается уже теперь въ огрубѣніи нравовъ. Когда же мужчины и женщины сходятся вмѣстѣ, во время разныхъ празднествъ, то вслѣдствіе отсутствія между ними совмѣстной духовной жизни, неизбѣжно воцаряется атмосфера тяжелой и грубой чувственности...

Вы видите, что для меня было бы настоящимъ избавленіемъ, если бъ я могъ оставить стѣны Парижа за собой. Но вы должны также знать, дорогая маркиза, что счастье быть съ вами я предпочелъ бы всѣмъ, самымъ величайшимъ удовольствіямъ этого города!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 3 октября 1777 г.

Моя дорогая, извѣстіе, что императоръ австрійскій еще въ этомъ мѣсяцѣ посѣтитъ Страсбургъ, вынуждаетъ меня немедленно ѣхать туда, не заѣзжая во Фробергъ. Страсбургъ лежитъ по дорогѣ въ Парижъ и поэтому чрезвычайно важно встрѣтить тамъ монарха, до его свиданія съ августѣйшей сестрой, королевой Франціи, и постараться какъ-нибудь повліять на него. Онъ путешествуетъ, какъ современный Гарунъ аль Рашидъ, въ качествѣ простого дворянина, но тѣмъ не менѣе эльзасское дворянство устроитъ ему царскій пріемъ. По этому случаю мнѣ приходится настаивать, чтобы моя супруга принимала гостей въ нашемъ домѣ, при чемъ я не могу не высказать, по этому случаю, что мнѣ, наконецъ, надоѣло, послѣ столькихъ мѣсяцевъ молчаливаго потворства, видѣть, какъ моя жена разыгрываетъ роль няньки. Наймите кого угодно и столько человѣкъ, сколько найдете нужнымъ, но только оградите нашъ домъ отъ безумныхъ и ниспровергающихъ всѣ добрыя традиціи идей парижскихъ философовъ! Онѣ ведутъ наше отечество къ гибели и, по крайней мѣрѣ, я хотѣлъ бы спасти семью отъ ихъ вреднаго вліянія.

Какъ мало заслуживаетъ Руссо, на котораго вы ссылаетесь, довѣрія, возлагаемаго вами на его воспитательные принципы, я это узналъ только теперь. Не говоря уже о томъ, что онъ своею неблагодарностью оттолкнулъ отъ себя всѣхъ своихъ покровителей, но онъ еще нашелъ нужнымъ — послѣ того какъ всѣ почти позабыли о немъ—написать свои мемуары, которые превосходятъ своею нескромностью, отсутствіемъ такта и безстыдствомъ всякое описаніе. Онъ читаетъ ихъ въ настоящее время въ парижскихъ салонахъ и уже достигъ того, что и было, очевидно, его единственною цѣлью, и снова заставилъ о себѣ заговорить. Самыя интимныя переживанія, которыя обыкновенно скрываются людьми хорошаго круга даже отъ своихъ ближайшихъ друзей, такъ же какъ

и свои тѣлесные недостатки и пороки, онъ описываетъ съ такою же беззастѣнчивостью, съ какою свиньи валяются въ грязи. Но даже въ придворныхъ кругахъ находятся люди, которые съ восторгомъ преклоняютъ колѣна передъ этими признаніями, какъ передъ «истиной и естественностью». Маркиза Жирарденъ даже зашла такъ далеко, что предложила автору, какъ убѣжище, свой замокъ въ Эрменонвиллѣ.

Кромѣ этого, замѣчаются и другіе признаки общественнаго распада. Если раньше только втихомолку осмѣливались оправдывать поведеніе маркиза Лафайета и его друзей, къ которымъ, къ сожалѣнію, принадлежитъ и принцъ Монбельяръ, — хотя вліятельные круги общества единодушно осуждали французскихъ офицеровъ и аристократовъ, предоставившихъ свою шпагу къ услугамъ инсургентовъ и, слѣдовательно, выступавшихъ противъ королевства,—то теперь уже не стѣсняясь публично высказываются за нихъ и начинаютъ восторгаться дѣломъ, которому они служатъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ открыто проповѣдуется война съ Англіей, и мы можемъ почитать себя счастливыми, что, по крайней мѣрѣ, Неккеръ, въ виду финансоваго положенія страны, не склоненъ раздѣлять такіе сумасбродные планы. Сражаться съ Англіей — значитъ поддерживать Американскую республику и признавать такимъ образомъ республиканскія идеи и у насъ. Я недавно имѣлъ серьезный разговоръ съ г. Верженнъ, и хотя министръ принципіально соглашался со мной, но практически онъ, повидимому, связалъ себя своею неосторожной тайной поддержкой, которую онъ оказывалъ американскимъ предпріятіямъ г. Бомарше.

Мы, слѣдовательно, опираемся теперь пока только на Неккера. Но, къ сожалѣнію, этотъ буржуа, женевскій банкиръ, которому поручено привести въ порядокъ французскіе финансы, домогается министерскаго поста и вмѣстѣ съ этимъ положенія при дворѣ. Король же, по своей непонятной уступчивости современнымъ нивелирующимъ теченіямъ, оказываетъ ему самое полное довѣріе.

Но хотя мы и смотримъ на этого господина какъ на необходимое зло, мы все же не можемъ допустить его въ свой интимный кругъ, какъ не можемъ допустить нашего дворецкаго, которому мы довѣряемъ свой винный погребъ.

Если мы до сихъ поръ могли разсчитывать на королеву, — я думаю даже, что ваше вліяніе, моя дорогая, тутъ было бы очень цѣннымъ, такъ какъ паденіе Тюрго, болѣе умнаго и поэтому болѣе опаснаго министра, чѣмъ Неккера, приписывается тому, что королева временно заинтересовалась политикой, — то теперь, когда графиня Полиньякъ и принцесса Ламбаль поддерживаютъ только сентиментальность королевы и ея склонность къ роскоши, да еще къ тому же тщетное ожиданіе наслѣдника престола вызываетъ отчужденіе короля, — мы уже совершенно не можемъ возлагать своихъ надеждъ на королеву. Она играетъ въ комедіяхъ, танцуетъ, даетъ аудіенціи портнихамъ, художникамъ и поэтамъ — это впрочемъ самая невинная сторона ея

жизни,—но она позволяетъ не только принцу Артуа, но и придворнымъ кавалерамъ ухаживать за собой, какъ будто она не королева.

Въ виду всего этого, вы поймете, конечно, что визитъ австрійскаго императора имѣетъ очень важное значеніе.

Я жду, что къ концу этого мѣсяца, вы уже сдѣлаете всѣ нужныя распоряженія для нашего пребыванія въ Страсбургѣ.

Кардиналъ-принцъ Роганъ—Дельфинъ.

Страсбургъ, 18 октября 1777 г.

Итакъ, только глава монарха, увѣнченная короной, могла заставить нашу прекрасную маркизу вернуться изъ своего добровольнаго изгнанія. Я былъ въ восторгѣ, когда, проѣзжая вчера по площади Сенъ-Пьера ле Жёнъ, увидалъ открытыми ворота вашего отеля. Я спѣшу, при помощи этихъ цвѣтовъ и конфетъ, постучаться въ двери вашего сердца, которыя, я надѣюсь, не всегда же будутъ закрыты для меня. Вы достаточно уже искупили ваши очаровательные грѣхи, и я даю вамъ полное отпущеніе, маркиза.

Его величество императоръ окажетъ мнѣ честь завтра, послѣ парада, своимъ посѣщеніемъ и будетъ у меня завтракать. Маркизъ уже обѣщалъ быть у меня, могу я разсчитывать и на ваше согласіе? Безъ васъ никакой праздникъ не можетъ быть праздникомъ, хотя бы всѣ монархи міра согласились на немъ присутствовать.

Я отдаю въ ваше распоряженіе мою маленькую ложу на «Севильскаго цырюльника». Постановкой этой вещи мы хотимъ доказать коронованному пуританину, какъ мало насъ задѣваетъ такая сатира! Бомарше, пребываніе котораго въ Страсбургѣ наводитъ меня на мысль, что въ воздухѣ пахнетъ интригой, можетъ безпрепятственно явиться въ ложу и привѣтствовать васъ, такъ какъ вашъ супругъ только что заявилъ мнѣ, что онъ не склоненъ принимать его въ своемъ домѣ. Вы видите, моя красавица, какъ я стараюсь исполнить даже ваши невысказанныя желанія! Могу ли я, наконецъ, надѣяться получить поцѣлуй, который вы мнѣ остались должны еще со временъ Шантильи.

Бомарше—Дельфинъ.

Страсбургъ, 25 октября 1777 г.

Высокоуважаемая госпожа маркиза. Вы не хотѣли повѣрить мнѣ, что возможность увидѣть васъ въ Страсбургѣ имѣла гораздо большую притягательную силу для меня, нежели возможность встрѣчи съ сыномъ

Маріи Терезіи! Мы, смотрящіе на политику какъ на искусство, нуждаемся гораздо больше въ женщинахъ, нежели въ коронованныхъ коммивояжерахъ, которые занимаются политикой, какъ торговымъ дѣломъ.

Правда, вы съ величайшей любезностью поздоровались со мной передъ всѣмъ театромъ, въ открытой ложѣ, безъ всякаго скромнаго прикрытія. Но я слишкомъ хорошій знатокъ всѣхъ оттѣнковъ женской улыбки, чтобы не почувствовать тотчасъ же, что она не столько относилась къ моему поцѣлую руки, сколько къ нахмуренному лбу г. маркиза и къ саркастической усмѣшкѣ г. кардинала. Поэтому я и не знаю, долженъ ли я считать очаровательную маркизу Монжуа моей союзницей или нѣтъ?

Женщины точно дѣти: онѣ каждую свою игру играютъ съ полнымъ увлеченіемъ, но безъ малѣйшаго постоянства. Еслибъ не было королей, то никто бы не могъ поспорить съ ними въ непостоянствѣ.

Въ данномъ случаѣ, однако, я почти готовъ оправдывать васъ. Не потому, что вы теперь изображаете мать и этимъ дѣлаете больше, чѣмъ Руссо, который, какъ всѣ проповѣдники, ограничиваетъ свое ученіе только проповѣдями, а вслѣдствіе того, что и я самъ достаточно часто желалъ бы порвать союзъ съ самимъ собой.

Вы знаете, камень свалился съ души нашихъ философовъ со времени объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ, потому что они видятъ осуществленіе своихъ идей, безъ необходимости самимъ участвовать въ этомъ. Всѣ преисполнены гордостью, что молодое правительство предложило аббату Мабли разработать проектъ конституціи на основаніи своихъ принциповъ законодательства, и всѣ увлекаются коммунистической демократіей въ Америкѣ. Я, первый, вовлекшій Францію въ дѣло Америки, казалось, долженъ былъ бы увлекаться вмѣстѣ со всѣми, но съ тѣхъ поръ, какъ г. Франклинъ является представителемъ равенства и свободы, у меня является желаніе стать на сторону деспотіи.

Пламя воодушевленія начинаетъ ослабѣвать и у французскихъ борцовъ по ту сторону океана,—о которыхъ вы освѣдомлялись съ такимъ интересомъ, уважаемая госпожа маркиза,—и тѣмъ больше она падаетъ, чѣмъ больше они замѣчаютъ, что богиня свободы является для честныхъ фермеровъ и мелкихъ лавочниковъ обыкновенной рыночной торговкой, желающей продать свои товары какъ можно дороже. Извѣстія же о военныхъ успѣхахъ въ данный моментъ не особенно утѣшительны.

Я хотѣлъ, посредствомъ политики, достойной Александра, реформировать міръ, но теперь я вижу, что наши реформы намъ вредятъ даже больше нежели наши пороки. Поэтому, ради отдохновенія, я мѣняю свой мечъ,—оказавшійся недостаточнымъ, чтобъ замѣнить навозныя вилы въ гигантскомъ хлѣвѣ, именуемомъ Франціей,—на перо, которое, по крайней мѣрѣ, достаточно остро, чтобъ пронзить отдѣльные комки грязи.

Добрымъ страсбуржцамъ, конечно, было бы пріятнѣе, еслибъ андалузскій цырюльникъ изъ Севильи осмѣивалъ бы испанскіе обычаи, вмѣсто того, чтобы критиковать французскія условія. Для ихъ успокоенія я ихъ завѣрилъ, что я бы, разумѣется, написалъ свою пьесу по-испански, если бъ Вольтеръ написалъ свои англійскія письма по-англійски, а Монтескье свои персидскія письма по-персидски. То, что вы поздравили меня съ одобреніемъ императора, указываетъ только, какъ давно,—о, цѣлую вѣчность въ полтора года!—вы покинули Парижъ и какъ далеки вы отъ него. Ничто такъ не компрометируетъ въ настоящее время, какъ аплодисменты государей, и я бы навѣрное началъ сомнѣваться въ своемъ талантѣ, еслибъ не нашелъ вчера сходства между австрійскимъ монархомъ въ его зеленомъ мундирѣ и г. Веньяминомъ Франклиномъ въ его буро-коричневомъ квакерскомъ сюртукѣ. Обоимъ такъ понравилась моя пьеса именно потому, что ихъ собственная добродѣтель особенно ярко выдается на ея темномъ фонѣ.

Поэтому мнѣ и оказана честь ауденціи у императора. Іосифъ II, «просвѣщенный монархъ», умѣющій цѣнить поэтовъ и мыслителей! Я отлично понимаю! До сихъ поръ въ міровой кухмистерской всѣ кушанья приготовляютъ только для того, чтобы щекотать нёбо высокопоставленныхъ особъ, и теперь мысли и стихи не представляютъ для нихъ ничего иного, кромѣ возбуждающаго средства для ихъ разслабленныхъ умственныхъ желудковъ.

Разскажите г. маркизу объ этой чести, выпавшей на мою долю, онъ послѣ этого не будетъ больше сомнѣваться, что я — не болѣе какъ публичный шутникъ. И онъ не станетъ больше хмурить лобъ, когда губы авантюриста будутъ прикасаться къ прекрасной ручкѣ его супруги. Если же вамъ нужна искра, чтобы взорвать пороховую пушку супружескаго гнѣва,—что я подозрѣваю! — то я съ радостью готовъ сыграть и эту роль. Вы, впрочемъ, давно уже должны сознавать опасность, заключающуюся въ томъ, что въ вашемъ присутствіи каждая искра можетъ превратиться въ пламя!

Бомарше — Дельфинъ.

Страсбургъ, 30 октября 1777 г.

Дорогая маркиза, какая ночь пережита мной! Извѣстія изъ Парижа пробудили во мнѣ всѣ мечты моей юности. Герои въ серебряныхъ доспѣхахъ прогнали мечомъ всѣхъ злыхъ духовъ моей старости.

Саратога пала, англичане истреблены, Америка свободна! Это начало новой эпохи міровой исторіи! Будь я въ Парижѣ, я бы даже заключилъ въ свои объятія Веньямина Франклина.

Мы должны хорошенько запомнить часы, которые переживаемъ, для того, чтобы они освѣщали нашу жизнь тогда, когда всѣ другія воспоминанія будутъ только омрачать его.

Вы не забыли, какъ я, послѣ обѣда, сидя съ вами, въ роскошной библіотекѣ принца Рогана, гдѣ больше дивановъ и мягкихъ креселъ, нежели книгъ, изображалъ вамъ провинціальную комедію, которую Страсбургъ заставилъ вынырнуть, оскаливъ зубы, изъ нѣдръ моей чернильницы. Я даже обрисовалъ вамъ ея главныхъ героевъ: *кардинала Рогана*, главу всѣхъ вѣрующихъ, который въ красной шелковой сутанѣ, покрытой волнами кружевъ, цѣнностью превышающихъ доходы всей его епархіи съ такими брильянтами на бѣлыхъ рукахъ, какіе не найдутся и во французской коронѣ, служитъ утреннюю мессу передъ чашей, украшенной рубинами и смарагдами и бросаетъ свое: «Изыди, сатана!» въ лицо всѣмъ просвѣтителямъ; затѣмъ—на *принца Рогана*, руководителя развлеченіями лучшаго общества, который въ расшитомъ золотомъ кафтанѣ и размалеванномъ жилетѣ, каждая пуговица котораго состоитъ изъ драгоцѣнной жемчужины, вечеромъ, за роскошно убраннымъ столомъ, сострадательно утоляетъ голодъ и жажду маленькихъ танцовщицъ и ликуя провозглашаетъ «Эвое! наперекоръ всѣмъ пуританамъ міра!»

Я и теперь слышу вашъ звонкій смѣхъ,—я думалъ, что вы уже разучились смѣяться!—когда я объяснялъ вамъ, что эти оба лица долженъ играть одинъ и тотъ же актеръ. Я вижу усмѣшку на вашихъ устахъ,—былъ ли то знакъ подавленной радости или возмущенія? когда я признался вамъ, что мое знакомство съ этимъ кардиналомъ и принцемъ помогло мнѣ разрѣшить загадку, почему богословы снова такъ стараются затѣвать споры о божественности Христа. Какое было бы торжество для всѣхъ этихъ князей церкви, еслибъ пошатнулся, наконецъ, авторитетъ Того, Кто проповѣдывалъ нищету!

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я сдѣлалъ это кощунственное замѣчаніе, мы услышали стукъ дверей, грохотъ отодвигаемыхъ стульевъ, громкій гулъ голосовъ. Сгорая любопытствомъ, мы вернулись въ большой залъ. О, это была незабвенная минута для физіономиста! Всѣ глубокія душевныя движенія отразились на лицахъ присутствующихъ: гнѣвъ и радость, разочарованіе и удовлетвореніе, ненависть и любовь!..

«Городъ Саратога сдался!»

Молодые офицеры зазвенѣли шпорами. Свита императора австрійскаго, крѣпко стиснувъ блѣдныя губы, старалась скрыть свою ярость и нарочно подчеркивала своимъ безмолвіемъ свои монархическія чувства, между тѣмъ какъ французскіе аристократы, съ трудомъ подавляя радость, окружили меня и многозначительно пожимали мнѣ руку.

Графъ Фалькенштейнъ—какъ называетъ себя императоръ австрійскій, чтобы сдѣлать свое человѣческое существованіе немного веселѣе—вступилъ въ серьезный разговоръ съ кардиналомъ Роганъ и маркизомъ Монжуа.

«Они составляютъ заговоръ противъ свободы», сказалъ я. Въ этотъ моментъ я почувствовалъ прикосновеніе вашей руки къ моей рукѣ. Я видѣлъ разгорѣвшееся личико, глаза, увлажненные слезами и слышалъ нѣжный глосъ, который шепталъ: «Я все еще ваша союзница!..»

Захотѣла ли фортуна въ эту ночь высыпать на меня всѣ дары изъ своего рога изобилія?! Я поднесъ вашу ручку къ своимъ губамъ и осмѣлился на нѣсколько секундъ прижать ихъ къ бѣлой, нѣжной и благоуханной кожѣ, потомъ взглянулъ на васъ, весь дрожа, точно въ лихорадкѣ, и встрѣтился съ вашимъ взоромъ...

О госпожа маркиза! я въ самомъ дѣлѣ позабылъ, что я—Фигаро, только Фигаро!

По крайней мѣрѣ, теперь я постараюсь показать себя достойнымъ этой роли.

Событія требуютъ моего быстраго отъѣзда въ Парижъ, это письмо, написанное ночью, составляетъ мое письменное прощаніе съ вами.

Къ сожалѣнію, мнѣ приходится думать, что вы одобрите мою поспѣшность: Фигаро долженъ собрать свѣдѣнія о «другѣ юности», принцѣ Монбельяръ. Онъ сдѣлаетъ это, еслибъ даже ему пришлось для этого переѣхать океанъ! Но вы должны извинить ему улыбку, съ которой онъ слушалъ, какъ вы, съ серьезнымъ личикомъ, говорили о своемъ «другѣ». Вѣдь Фигаро слишкомъ большой знатокъ людей! Вѣрите ли вы, въ самомъ дѣлѣ, въ дружбу мужчины и женщины? Она служитъ либо покровомъ золы угасающаго пламени, либо предвѣстіемъ разгорающагося огня. Но несмотря ни на что, Фигаро сдержитъ свое слово!

Маркизъ Монжуа — Дельфинѣ.

Парижъ, 5-го ноября 1777 г.

Моя дорогая! Вы, вѣроятно, уже убѣдились, какъ я былъ правъ, не относясь такъ трагически къ заболѣванію нашего сына и стараясь задержать вашъ отъѣздъ изъ Страсбурга. Припадокъ, вѣроятно, прошелъ бы и безъ вашего присутствія, докторъ Троншенъ, конечно, уже успокоилъ васъ насчетъ состоянія ребенка.

Не думайте, однако, чтобы я имѣлъ какія-нибудь сомнѣнія насчетъ истинной причины вашего отъѣзда и вашего желанія сопровождать меня. Врядъ ли вы можете заставить меня повѣрить въ вашу чрезмѣрную материнскую любовь послѣ того, какъ вы, въ теченіе полутора года нисколько не заботились о ребенкѣ, а послѣ того я не разъ замѣчалъ выразительные взгляды, которые вы бросали на него и въ которыхъ я читалъ скорѣе ужасъ, нежели материнскую нѣжность. Скорѣе всего вы просто отыскиваете предлогъ, чтобы только быть подальше отъ меня! Ваши разсужденія по поводу разногласій, существующихъ

между нашими взглядами, препятствующія всякому сближенію, являются точно такимъ же предлогомъ.

Бракъ—не министерство, иначе онъ долженъ былъ бы подвергаться частымъ перемѣнамъ, но это и не любовный союзъ, такъ какъ тогда онъ былъ бы очень непроченъ. Это—союзъ, имѣющій цѣлью поддержаніе взаимныхъ семейныхъ интересовъ. И съ этой точки зрѣнія я имѣю право требовать отъ васъ поддержки моихъ стараній, направленныхъ къ возвышенію могущества и престижа моей семьи и къ ея обогащенію. Само собою разумѣется, что прежде всего сюда относится обезпеченіе продолженія рода. Нашъ сынъ, къ сожалѣнію,—вы видите, что я такъ же мало ослѣпленъ, какъ и вы!—не можетъ считаться удачнымъ отпрыскомъ нашего дома. Очень возможно, что онъ даже не проживетъ долго. Я же, какъ послѣдній представитель нашего рода, несу на себѣ обязанность позаботиться о его продолженіи. Только потому я и избралъ своей женой молодую, цвѣтущую дѣвушку, нисколько не заботясь о томъ, что она не можетъ считаться хорошей партіей.

Я думаю, что вы понимаете меня, моя дорогая, и постараетесь сообразовать съ этимъ свое поведеніе, когда я вернусь.

Мое пребываніе здѣсь, къ сожалѣнію, не оправдало моихъ надеждъ. Правда, наши совѣты не остались безъ вліянія на австрійскаго императора. Его необыкновенная простота явно заставляетъ дворъ стыдиться. И народъ мало восторгался его простой солдатской формой.

Какая-то рыбная торговка, должно-быть, возлюбленная какого-нибудь философа, простерла свою наглость до того, что поднесла ему букетъ со словами: «Какъ долженъ быть счастливъ народъ, которому приходится платить за ваши галуны!»

Но въ общемъ, я все же нахожу, что мой взглядъ подтвердился, и что монархъ, желающій сохранить лойальность своихъ подданныхъ, долженъ держаться такъ же далеко отъ народной массы, какъ Богъ отъ вѣрующихъ, которые тотчасъ же перестанутъ Ему молиться, если Онъ станетъ рядомъ съ ними. Императоръ австрійскій гулялъ безъ свиты, посѣщалъ философовъ, заставилъ Вокансона объяснять ему свою новую прядильную машину, а Бюффона—геологическіе періоды, смотрѣлъ въ разныхъ физическихъ кабинетахъ на электрическіе опыты и, повидимому, придавалъ всѣмъ этимъ вещамъ гораздо больше значенія, чѣмъ вопросамъ политики. И черезъ три дня онъ уже пересталъ быть императоромъ для Парижа.

Употребилъ ли онъ свое вліяніе на своихъ августѣйшихъ родственниковъ въ духѣ мира—еще неизвѣстно. Королю нуженъ очень энергичный совѣтчикъ, чтобы онъ могъ противодѣйствовать всеобщему настроенію. Но всѣ старанія мои и моихъ друзей могутъ оказаться безплодными, если мы даже не въ состояніи оградить свои собственные дома отъ такихъ людей, какъ Бомарше!

Іоганъ ф. Альтенау — Дельфинѣ.

Парижъ, 5-го ноября 1777 г.

Моя дорогая маркиза! Я уже готовъ былъ заключить изъ вашего молчанія, что я какимъ-нибудь образомъ оскорбилъ васъ. И вотъ на мою долю выпадаетъ великое, несказуемое счастье, недостатокъ котораго всегда дѣлаетъ столь ужаснымъ одиночество одинокаго человѣка,—я могу быть нуженъ!

Какъ только я устрою здѣсь самыя неотложныя дѣла, то немедленно отправлюсь во Фробергъ самымъ кратчайшимъ путемъ. Моя радость превзошла бы мое состраданіе, еслибъ не вы были его предметомъ. Бѣдная Дельфина! Только вы успѣли немного отрѣшиться въ Страсбургѣ отъ тяготѣющей надъ вами судьбы, какъ она снова подчинила васъ своей власти посредствомъ ужаснаго припадка судорогъ, которому подвергся ребенокъ. И теперь васъ мучаетъ не только страхъ, но вы терзаете себя упреками своей черезчуръ чувствительной совѣсти.

Развѣ эта ваша вина, что вы, какъ сказалъ это докторъ Троншенъ, слишкомъ рано сдѣлались матерью? Развѣ это не вина общества, допускающаго установиться такому обычаю, который требуетъ, чтобы дочери знатныхъ семействъ были какъ можно раньше... проданы! Развѣ это ваша вина, что вы не могли подождать, чтобы ваше сердце и ваши чувства сами избрали отца вашего ребенка? Развѣ это не составляетъ неискупаемаго грѣха нашего, до мозга костей испорченнаго общества, что оно унизило бракъ до степени дѣловой сдѣлки и такимъ образомъ превратило любовь въ тяжелое бремя? Дѣйствительно ли вы виноваты въ томъ, что нѣжное дитя было поручено грубымъ попеченіямъ крестьянки? Ни одинъ садовникъ не оказался бы такимъ неучемъ въ своей профессіи и не сталъ бы пересаживать блѣдную тепличную розу въ вогезскій огородъ! Но наше общество хвастается, что оно лучше воспитываетъ своихъ членовъ тогда, когда они находятся всего дальше отъ законовъ природы.

Я бы хотѣлъ вылѣчить вашу душу, госпожа маркиза, для того, чтобы вы не обращали противъ себя острее кинжала своей совѣсти и не убивали бы себя, а обратили бы этотъ стальной клинокъ противъ великихъ преступниковъ, нарушающихъ законы природы, противъ государства и общества. Недалеко то время, когда всѣ его невинныя жертвы возстанутъ противъ него. Паденіе Саратоги уже подѣйствовало на парижанъ какъ знаменіе бури. Я видѣлъ въ садахъ Пале-Рояля бѣдныхъ ремесленниковъ и мелкихъ чиновниковъ, которые еще недавно не разрѣшали себѣ даже мыслить и которые теперь сбѣгались туда разгоряченные, оживленно жестикулируя, когда распространилось извѣстіе о побѣдѣ борцовъ за свободу. Одинъ изъ мелкихъ ремесленниковъ, поблѣднѣвшій отъ комнатнаго воздуха портной, вскочилъ на

стулъ и крикнулъ такимъ голосомъ, который, казалось, долженъ былъ разорвать его узкую грудь: «Теперь за нами Европа!» Черезъ часъ его возгласъ превратился въ припѣвъ пѣсни, которую уже распѣваютъ дѣти во всѣхъ дворахъ Парижа.

Вы пишете объ уединенной зимѣ во Фробергѣ, какъ будто оправдываетесь передо мной. Наши мечты, полныя надеждъ, должны будутъ наполнить ее!

Бомарше — Дельфинѣ.

Парижъ, 16 апрѣля 1777 г.

Дорогая госпожа маркиза! Со времени моего отъѣзда изъ Страсбурга прошло почти полгода.

Украшенный цвѣтами прекраснѣйшей изъ женщинъ, я, какъ второй Баяръ, довѣрилъ себя волнамъ и направилъ свой корабль, невзирая на свирѣпыя бури и грозныя скалы, къ той далекой цѣли, которую я себѣ поставилъ. Яростный ураганъ выбросилъ меня на негостепріимный берегъ. Мой мечъ проложилъ мнѣ дорогу сквозь темную чащу первобытныхъ лѣсовъ, поражая на смерть страшныхъ чудовищъ и защищая мою жизнь отъ нападенія краснокожихъ, онъ привелъ меня, наконецъ, увѣнчаннаго побѣдой, въ городъ бѣлыхъ мраморныхъ дворцовъ и золотыхъ колоннъ. Передъ храмомъ свободы, сверкающемъ какъ солнце и густо окруженномъ кустами розъ,—которыя тамъ такъ высоки и крѣпки, какъ наши дубы — я нашелъ героевъ Франціи, отдыхавшихъ отъ своихъ подвиговъ на пурпурныхъ подушкахъ, а прелестнѣйшія дочери страны вытирали пыль съ ихъ сапогъ и улыбаясь предлагали имъ чудный цвѣтокъ своей молодости...

Вы качаете головкой, госпожа маркиза, вы не вѣрите мнѣ? Вы утверждаете, что Бомарше не покидалъ Франціи? Развѣ вы знаете съ точностью, гдѣ находился Фигаро въ этотъ промежутокъ времени? Съ клятвой, столь же священной, какъ и обѣтъ цѣломудрія священниковъ и клятва въ вѣрности супруговъ, я утверждаю, что Фигаро преклонился передъ храмомъ свободы и привѣтствовалъ храбраго воина—принца Монбельяра.

Вы все еще не вѣрите мнѣ, госпожа маркиза?! Бѣда, если нашъ испорченный вѣкъ уничтожилъ и у васъ вѣру въ несокрушимую святость клятвы!

Скажу кратко: принцъ здоровъ, онъ сражался какъ французъ, ему поклоняются какъ Аполлону, и онъ скроменъ какъ Іосифъ.

Не правда ли, вы съ раздраженіемъ перелистываете мое письмо. «Развѣ я позволила ему писать мнѣ больше?» говорите вы. И все же вы должны меня выслушать, потому что черезъ меня вы соприкасаетесь въ эту минуту не только съ Парижемъ, но и съ цѣлымъ міромъ,

послѣ того, какъ Жанъ-Жакъ удалилъ васъ изъ Парижа и заставилъ чуждаться міра.

Вольтеръ въ Парижѣ! Парижскій парламентъ сжегъ его книги, французское правительство отправило его въ изгнаніе, но его идеи поднимались, освѣщая міръ, изъ костра сожженной бумаги, и каждый годъ его изгнанія прокладывалъ ему огнемъ и мечомъ дорогу во Францію.

Появленіе какого-нибудь пророка или апостола не вызвало бы въ Парижѣ большаго воодушевленія, чѣмъ появленіе Вольтера. Всѣ другіе интересы отступили на задній планъ: слухи о войнѣ, придворныя интриги, даже великій споръ между пиччинистами и глюкистами, — все это потеряло значеніе. Парламентъ умолкъ, Сорбонна затрепетала, а энциклопедисты, которые обыкновенно выступали какъ великаны, казались теперь какими-то карликами. И король, пожелавшій вспомнить о томъ, что приказъ объ изгнаніи Вольтера еще не отмѣненъ, почувствовалъ внезапно, что существуютъ силы, превосходящія могущество французскихъ королей.

По прибытіи Вольтера весь Парижъ устремился къ нему, чтобы чествовать его, и онъ отвѣчалъ каждому съ тѣмъ остроуміемъ, изяществомъ и вѣжливостью, которыя онъ сохранилъ отъ прошлыхъ временъ и перенесъ въ нашу грубую эпоху.

Затѣмъ настал день, который явился вѣнцомъ его жизни. Въ полдень его приняла академія. Всѣ члены академіи, за исключеніемъ епископовъ, которые прислали извиненія, вышли къ нему навстрѣчу къ самымъ воротамъ,—честь, которая еще не была оказана до сихъ поръ никому, даже королю! Онъ вышелъ изъ коляски: маленькій и худой, въ сѣдомъ парикѣ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, обрамляющемъ его блѣдный лобъ, въ красномъ, опушенномъ мѣхомъ кафтанѣ на худомъ изможденномъ тѣлѣ и широкихъ, кружевныхъ манжетахъ, спускающихся на его костлявыя, желтыя руки съ длинными пальцами, напоминающими когти его ума, которыми онъ, подобно кровожадному звѣрю, впивался и разрывалъ на части низменныхъ и лицемѣрныхъ ханжей. И вотъ «безсмертные» преклонились передъ нимъ, когда онъ взглянулъ на нихъ своимъ молніеноснымъ взоромъ!

Но чествованія академіи были только прелюдіей того, что его ожидало въ національномъ театрѣ. Его путь отъ стариннаго Лувра къ Тюльерійскому дворцу былъ настоящимъ шествіемъ тріумфатора. Тысячи людей стояли по сторонамъ улицы, забывая о рангахъ. Красные каблуки кавалеровъ соприкасались съ деревянными башмаками ремесленниковъ, шелковые полонезы дамъ—съ синими передниками служанокъ. Въ театрѣ его встрѣтили бѣшенными оваціями. Всѣ поднялись, когда онъ вошелъ. Пламя свѣчей дрожало отъ всеобщаго движенія, шорохъ платьевъ напоминалъ шумъ отдаленнаго прибоя, и когда очаровательная красавица увѣнчала лавровымъ вѣнкомъ сѣдую голову великаго человѣка и всѣ цвѣты, украшавшіе волосы и грудь женщинъ, полетѣли къ

его ногамъ, то казалось наступала минута, когда передъ богиней разума были повергнуты во прахъ, закованные въ цѣпи, гиганты: нетерпимость и фанатизмъ!

Была уже темная ночь, когда двери театра закрылись за чествуемымъ философомъ. Но едва онъ показался на ступеняхъ лѣстницы, какъ уже кругомъ него запылали факелы, при свѣтѣ которыхъ двигалась необозримая толпа. До этой минуты его лицо оставалось неподвижнымъ, но тутъ я увидалъ, что онъ поблѣднѣлъ, глаза его расширились и восковыя руки, тяжело облокачивавшіяся на плечи его спутниковъ, зашевелились и протянулись впередъ...

Священнослужитель будущей религіи благословлялъ толпу! Ея торжественное молчаніе указывало, что она поняла его. Но въ тотъ моментъ, когда онъ, снова превратившись въ усталаго старца, началъ медленно сходить съ лѣстницы, опираясь на друзей, раздался снизу чей-то голосъ, въ которомъ какъ будто слились голоса всѣхъ, точно въ огромномъ церковномъ хорѣ, распѣвающемъ псалмы.

«Je suis fils de Brutus et je porte dans mon coeur [1]);
La liberté gravée et les rois en horreur».

И при звукахъ своего собственнаго стиха, точно отраженныхъ безконечное число разъ отъ человѣческихъ стѣнъ по обѣимъ сторонамъ улицъ и раздававшихся какъ нескончаемое эхо, Вольтеръ продолжалъ свой путь по городу. Только уваженіе ко сну утомленнаго старика заставило толпу умолкнуть передъ его домомъ.

Что нашъ опасный конкурентъ міровая исторія, со своими великими трагедіями и великолѣпными комедіями, то и дѣло выставляетъ насъ жалкими кропателями — къ этому мы уже привыкли, но что она также опережаетъ насъ и въ представленіи трогательнѣйшихъ пантомимъ — это, въ самомъ дѣлѣ, для насъ постыдно! Кошенъ, секретарь академіи художествъ, продолжающій утверждать, что будущее сцены принадлежитъ пантомимѣ, долженъ бы чувствовать себя теперь настоящимъ тріумфаторомъ, рядомъ съ Вольтеромъ.

Только въ томъ, что касается морали, міровая исторія могла бы поучиться у насъ, сочинителей комедій. Мы отпускаемъ свою публику въ моментъ высшаго напряженія чувствъ. Въ своемъ носовомъ платкѣ она уноситъ домой свое умиленіе, свое душевное сокрушеніе и свой восторгъ, когда пьеса окончится.

Но міровая исторія!.. Впрочемъ, послушайте сами.

Вольтеръ почувствовалъ себя больнымъ—оттого ли, что чрезмѣрныя почести подѣйствовали на него, какъ чрезмѣрное количество шампанскаго, или оттого, что этого шампанскаго было недостаточно, такъ какъ нехватало бутылки изъ королевскаго погреба? Послали за врачомъ, но Вольтеръ потребовалъ... священника! Аббатъ Готье прибѣжалъ съ величайшей поспѣшностью—дѣло шло вѣдь о жирномъ кускѣ для церкви!

---

[1]) Я сынъ Брута: въ моемъ сердцѣ запечатлѣна свобода и отвращеніе къ королямъ.

Въ спальнѣ, болѣе похожей на храмъ сладострастія, нежели на святилище музъ, другъ Вольтера и его гостепріимный хозяинъ г. Вилльетъ признаетъ только ту любовь, которую наша христіанская мораль проклинаетъ, но наше античное образованіе усердно культивируетъ,—аббатъ выслушалъ исповѣдь еретика. Умри Вольтеръ тотчасъ же послѣ этого, то его послѣдними словами были бы не тѣ, которыя мы вложили бы ему въ уста, для вящшаго эффекта, на сценѣ: «Ecrasez l'infâme!», а смиренное признаніе: «Я умираю въ лонѣ святой католической церкви...»

Но то, что король все же не принялъ его послѣ этого покаянія, когда онъ опять выздоровѣлъ, очень огорчило г. Вольтера!

Однако въ нашей великой пантомимѣ было, разумѣется, много участниковъ. Алтарь помѣшалъ патріарху сыграть до конца роль героя, а мечъ былъ для него слишкомъ тяжелъ. Тѣ же, кто его чествовалъ, подхватили этотъ мечъ.

Мнѣ кажется порой, что сохранять вѣру въ людей, пожалуй, еще болѣе нелѣпо, чѣмъ вѣрить въ Бога и святыхъ. Несмотря на всѣ доказательства атеистовъ и тысяча девяносто девять параграфовъ барона Гольбаха, можно привести гораздо болѣе убѣдительныя доказательства противъ вѣры въ людей, нежели противъ вѣры въ Бога.

Черезъ два дня послѣ тріумфа Вольтера любопытство заставило меня пойти къ нѣкоему г. Месмеру, который пользуется таинственной репутаціей какъ исцѣлитель всѣхъ тѣлесныхъ недуговъ. Я увидѣлъ вокругъ стола множество людей, тѣсно сидящихъ другъ около друга. Каждый изъ нихъ, съ выраженіемъ величайшаго благоговѣнія прижималъ къ какой-нибудь части своего тѣла, даже самой сокровенной, конецъ стальной трубки, выступающей изъ стола. При этомъ одинъ человѣкъ, одѣтый въ черное, игралъ на гармоніи, а другой прогуливался взадъ и впередъ торжественными шагами и на секунду прижималъ концы своихъ пальцевъ къ головѣ сидящихъ. Среди этихъ послѣднихъ находились люди съ громкими именами: герцогиня Гранвилль, графъ Артуа и даже одинъ изъ вашихъ «друзей» — графъ Шеврёзъ! Нѣкоторые изъ нихъ только два дня тому назадъ прижимали къ губамъ руку Вольтера. А сегодня они вѣрятъ въ магнетическое колдовство г. Месмера и чрезвычайно были бы рады поручить ему самую неизлѣчимую изъ всѣхъ больныхъ госпожу Францію, лишь бы избавиться, наконецъ, отъ г. Неккера!

Не находите ли вы, прелестная женщина, что дѣйствительность является жалкимъ драматическимъ произведеніемъ? Гдѣ же вы найдете въ ней единство дѣйствія, нарастаніе конфликта и возвышающую развязку?

Если бы я не зналъ, что вы живете въ пустынѣ — развѣ за предѣлами Парижа существуетъ что-нибудь иное? — то я бы извинился за содержаніе этого письма, которое, пожалуй, болѣе пригодно для типографскихъ наборщиковъ «Mercure de France», нежели для бѣлыхъ ручекъ прелестной маркизы.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинъ.

Парижъ, 19 іюля 1778 г.

Письмо съ того свѣта, дорогая маркиза, удивило бы меня меньше, чѣмъ ваше письмо! Вы исчезли, положимъ, вы укрылись на островъ блаженства въ обществѣ одного нѣмецкаго философа, но развѣ нужны другія, болѣе ясныя доказательства, что вы желали считаться умершей для насъ?

Вы спрашиваете меня о новѣйшемъ увлеченіи Парижа, г. Месмерѣ, у котораго меня видѣлъ вашъ тайный корреспондентъ. Конечно, онъ сказалъ вамъ правду. Я не пропускаю никакой сенсаціонной новинки, будь то права человѣка или магнетизмъ! Вѣдь такъ пріятно, что можно сослаться на свободу, когда ничего другого не хочешь дѣлать, какъ только то, что нравится; что можно ссылаться на равенство, когда желаешь соблазнить молоденькую дѣвушку изъ предмѣстья! Такъ какъ я, какъ вамъ извѣстно, страдаю сердцемъ вотъ уже два года, то я и пошелъ къ Месмеру. Онъ не вылѣчилъ меня,—должно-быть, его магнетизму противодѣйствуетъ другой, болѣе сильный, — но вообще онъ излѣчиваетъ все, даже хроническое тупоуміе. Вслѣдствіе этого мы всѣ, въ Версали, стали удивительно остроумны. Хотите серьезныхъ доказательствъ его волшебнаго искусства? Спросите графиню Полиньякъ, больше не страдающую истерикой, г. Шансена, потерявшаго свой злой языкъ, принцессу Геменэ, получившую роскошную грудь и герцога Орлеанскаго, у котораго снова выросли на головѣ волосы! Самое лучшее было бы, если бъ вы сами пріѣхали сюда. Месмеръ исцѣлилъ бы вашего сына отъ его болѣзни, а Парижъ исцѣлилъ бы васъ отъ философіи.

Со времени деклараціи нашего открытаго союза съ Америкой мы уже пресытились рѣчами и жаждемъ дѣйствій. Герцогу Шартрскому, понюхавшему пороха въ битвѣ при Кессанѣ, была сдѣлана въ оперѣ овація, точно второму Тюренну. Вѣнчать лаврами военныхъ героевъ представляетъ нѣчто новое для парижанъ. Въ теченіе столькихъ недѣль они не имѣли времени веселиться, поэтому они съ радостью пользуются теперь этимъ удобнымъ случаемъ и поютъ гимны побѣдѣ даже тогда, когда какой-нибудь французъ дастъ по носу англичанину!

Оплакивать Вольтера и Руссо было необходимостью, во вниманіи къ нашему престижу въ Европѣ. Но въ сущности всѣ эти знаменитости неудобны. Вѣдь и дѣти больше веселятся, когда взрослые не сидятъ съ ними! Впрочемъ, Жанъ-Жакъ, умирая, все-таки записалъ эпитафію Вольтеру, своему сопернику, опередившему его въ славѣ и смерти:

Plus bel esprit, que beau génie,
Sans foi, sans honneur, sans vertu,
Il mourut comme il a vecu
Couvert de gloire et d'infamie [1]).

Прiятельница философовъ, повидимому, очень торопившаяся открыть свой салонъ на небесахъ, прежде чѣмъ Вольтеръ и Руссо успѣютъ посѣтить Жоффренъ и Леспинасъ, — маркиза дю Шателе умерла раньше ихъ, умерла отъ послѣдствiй преждевременныхъ родовъ;—быть-можетъ, въ ея годы правильнѣе было бы говорить о запоздалыхъ родахъ?! Ея мужъ, маркизъ, былъ въ полномъ отчаянiи и увѣрялъ каждаго изъ выражавшихъ ему соболѣзнованiе, что онъ въ ея смерти совершенно невиновенъ. Какъ будто въ этомъ кто-нибудь могъ сомнѣваться?

Если вы рѣшитесь, наконецъ, поспѣшить прiѣздомъ, дорогая Дельфина, то королева будетъ рада увидѣть васъ на своемъ лѣтнемъ праздникѣ въ Трiанонѣ, который на этотъ разъ будетъ устроенъ въ честь греческихъ боговъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Лагарпъ перевелъ Софокла, мы всѣ стали интересоваться классиками, и я, конечно, буду тоже восторгаться античнымъ мiромъ, если маркиза Дельфина, въ одеждѣ олимпiйской богини, приметъ участiе въ нашихъ играхъ.

Iоганнъ ф. Альтенау—Дельфинъ.

Парижъ, 30 iюля 1779 г.

Дорогая маркиза. Вы чувствовали, что я ушелъ отъ васъ съ тяжелымъ сердцемъ. Никакая жертва не была бы слишкомъ велика для меня, если бъ только я зналъ, что могу вамъ доставить этимъ счастливыя минуты. Но то, что вы отъ меня требуете, не только потому такъ тяжело для меня, что противорѣчитъ моимъ убѣжденiямъ и моему разсудку,—такъ какъ меня вынуждаютъ серьезно относиться къ такому шарлатану, какъ г. Месмеръ, — но такъ же и то той причинѣ, что я не жду отъ этого никакой помощи для васъ.

Я былъ у него тотчасъ по моемъ прiѣздѣ, у него замѣчательны только свѣтлые, почти совершенно безцвѣтные глаза, похожiе на каплю воды, которая преломляетъ солнечный лучъ, и я описалъ ему состоянiе вашего ребенка: его апатiю, его припадки ярости, его безпричинныя слезы, склонность къ жестокости и его разговоръ, напоминающiй скорѣе стонъ дикаго звѣря, нежели человѣческую рѣчь.

---

[1]) Болѣе остроумный, чѣмъ генiальный, безъ вѣры, безъ чести, безъ добродѣтели, онъ умеръ, какъ и жилъ, покрытый славой и безчестiемъ.

Онъ не прерывалъ меня ни однимъ звукомъ, но потомъ спросилъ про васъ, про кормилицу и отца ребенка. «Я попробую», сказалъ онъ потомъ и больше не прибавилъ ни слова. Дюжины ожидающихъ смѣнили меня. Справки, которыя я навелъ объ этомъ человѣкѣ, очень противорѣчивы. Одни надъ нимъ смѣются и называютъ его шарлатаномъ, другіе видятъ въ немъ чудотворца. Но такъ какъ эти же самые энтузіасты съ такимъ же увлеченіемъ разсказывали мнѣ и о чудесахъ г. Сажа, дѣлающаго золото и о г. Дюфуръ, излѣчивающемъ сумасшедшихъ, то, разумѣется, я не могъ послѣ этого придавать особенную вѣру и всѣмъ ихъ разсказамъ объ успѣхахъ Месмерскаго магнетизма. Но отказаться отъ этой попытки, пожалуй, будетъ для васъ еще тяжелѣе, чѣмъ если бы даже эта попытка оказалась, въ концѣ-концовъ, безуспѣшной, поэтому я и не рѣшаюсь вліять на ваше рѣшеніе.

То, что я чувствую съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Фробергъ, нельзя выразить словами. Эти миновавшіе мѣсяцы представляются мнѣ друзьями, которыхъ мы любимъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше искажены страданіями ихъ лица. Каждый день былъ борьбой съ маленькимъ дикимъ звѣренышемъ, который разрывалъ сердце своей собственной чудной матери и ни надъ чѣмъ такъ пронзительно не смѣялся, какъ надъ ея слезами!

А потомъ вечера съ вами, Дельфина! Во тьмѣ оконной ниши я слушалъ вашу игру на арфѣ. За столами, при розовомъ свѣтѣ лампы, вы слушали меня, когда я читалъ вамъ Руссо, Вольтера, Дидро и чудные стихи молодого германскаго поэта, бюргера—Гёте. И часто мы вмѣстѣ молчали, какъ только могутъ молчать близкіе люди. Часы проходили. Вы смотрѣли на меня усталыми глазами. Я былъ настолько безуменъ, что воображалъ, будто вы не хотите со мною разстаться!..

И вотъ однажды ночью я услышалъ.... Я никогда не говорилъ вамъ объ этомъ, я не хотѣлъ, чтобы вы стыдились передо мной! Но съ той поры я каждую ночь простаивалъ у вашихъ дверей, готовый ворваться къ вамъ, чтобы прогнать отъ васъ человѣка, считающаго, что онъ имѣетъ на васъ права, только потому, что онъ заставилъ васъ носить его имя. Зналъ ли онъ о часовомъ у вашихъ дверей? Боялся ли онъ повторенія борьбы съ женщиной,—борьбы не очень-то почетной и непріятной даже для его притупленной чувствительности? Или въ его ушахъ еще раздавался возгласъ женщины, съ отчаяніемъ вырывавшейся у нея: «Я не хочу второй разъ родить урода»!..

Не сердитесь на меня, что я касаюсь этой страшной тайны. Я не могъ поступить иначе. Вы должны знать, что существуетъ человѣкъ, который своимъ трупомъ загородитъ дорогу къ вамъ, и что вы имѣете такого друга, который не остановится даже передъ самымъ страшнымъ дѣяніемъ, если только этой цѣной онъ можетъ доставить вамъ счастье!

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Версаль, 8 августа 1778 г.

Прелестнѣйшая! Возможно ли, что очаровательная женщина въ простомъ бѣломъ полотняномъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями на распущенныхъ локонахъ носитъ имя той, которую я нѣкогда обожалъ?

То была гордая маркиза! Властно стучали ея каблучки по паркету Версаля; легкомысліе свѣтилось въ ея глазахъ, и губы ея были ярко-красныя и блестящія. Но Дельфина, которую я встрѣтилъ вчера, скользитъ на мягкихъ подошвахъ по дерновому ковру, ея глаза полны неразгаданныхъ тайнъ, словно море въ лунную ночь, ея губы блѣдны, какъ губы дѣвушки, которую еще никто не цѣловалъ...

Я невѣренъ по принципу. Кто требуетъ вѣрности, тотъ измѣняетъ любви. А васъ, прекрасная Дельфина, я любилъ слишкомъ горячо и поэтому не могъ оставаться вамъ вѣрнымъ. Развѣ можетъ быть другое, болѣе сильное доказательство моей невѣрности, какъ то, что я сегодня повергаю себя къ вашимъ ногамъ? Съ тою удивительною способностью, которая присуща женщинѣ, измѣняющейся и приспособляющейся къ природѣ, какъ цвѣтокъ, который приспособляется къ веснѣ и лѣту, къ ночи и утру, къ дождю и солнечному свѣту, всегда оставаясь одинаковымъ и всегда другимъ—и вы стали теперь новой Дельфиной! Эту новую Дельфину, и только ее, я люблю теперь и долженъ буду любить безнадежно! Потому что въ моемъ лицѣ нѣтъ никакой перемѣны, великій художникъ—судьба, не коснулся его своей рукой и развѣ только время, этотъ грубый маляръ, начертило на немъ своею кистью нѣсколько маленькихъ морщинокъ.

Я не хочу вводить васъ въ заблужденіе, Дельфина. Изъ того, что я философствую теперь, еще не значитъ, что я дѣйствительно сдѣлался философомъ. Я изучалъ только одну науку—любовь! И такъ же вѣрно, какъ то, что нѣкогда я былъ настолько счастливъ, что могъ посвятить Дафнисъ въ сладчайшія тайны любви, я знаю теперь, что Дельфина томится и тоже жаждетъ любви!

Г. фонъ Альтенау разсказывалъ недавно съ такою гордостью, какъ будто это, дѣйствительно, было его дѣломъ—о тѣхъ книгахъ, которыя вы прочитали и о тѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, которыя вы основали во Фробергѣ. Я же смотрѣлъ на ваше худенькое личико, на ваши печальные глаза, и холодно становилось у меня на душѣ. Знаете ли, почему наша королева такъ ненасытно гоняется за развлеченіями, переходитъ отъ одного празднества къ другому, почему ей не хватаетъ холодныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, чтобы освѣжить ея горячее тѣло? Знаете ли вы, почему маркиза де-Нель и графиня де-Понсъ такъ увлекаются химическими опытами Руэлля и почему маленькая Куаньи учится

анатомировать трупы? Потому что любовь прошла мимо нихъ, потому что—изъ трусости или нравственности?—онѣ дали ей пройти мимо!

Вы имѣете супруга,—значитъ ли это познать счастье любви? У васъ былъ одинъ возлюбленный,—значитъ ли это исчерпать любовь? Любовь глубока какъ море, богата какъ нѣдра земли, разноцвѣтна какъ ваши наряды. Предметъ ея можетъ измѣняться, какъ измѣняются поколѣнія на землѣ, но сама она всегда остается одинаковой. Не будь на землѣ людей, развѣ она могла бы существовать? Кто бы видѣлъ, чувствовалъ, воспѣвалъ ея красоту тогда?..

Женщины старѣютъ быстрѣе мужчины, какъ говорятъ обыкновенно. А почему? Потому что мужчины любятъ дольше. Нинонъ де-Ланкло была вѣчно молодой, потому что она всегда любила.

Позволитъ ли мнѣ Дафнисъ взять въ свою школу Дельфину?

Іоганнъ ф. Альтенау—Дельфинѣ.

Парижъ, 25 августа 1778 г.

Вы ссылаетесь на мое послѣднее письмо, дорогая маркиза, и требуете, чтобы я покинулъ вашъ домъ, избѣгалъ бы вашей близости, потому что г. Месмеръ полагаетъ, что его лѣченіе можетъ оказаться недѣйствительнымъ въ моемъ присутствіи, такъ какъ мой магнетизмъ противодѣйствуетъ его магнетизму? Хотя я твердо знаю, что г. Месмеръ боится не моего магнетизма, а моего проницательнаго взгляда и моихъ сомнѣній, которыя могутъ лишить его столь выгоднаго паціента, тѣмъ не менѣе я повиновался вамъ. Я ушелъ отъ васъ въ темную, туманную ночь, даже не простившись съ вами, точно преступникъ. Но я боялся, что иначе не въ состояніи буду совладать съ собой!

Во время одного изъ нашихъ послѣднихъ длинныхъ разговоровъ вы сказали мнѣ: «Насколько счастливѣе были современники Гомера! Каждое дерево, каждый источникъ они населяли дріадами и нимфами, а для насъ даже небо стало пустымъ!..» Но если наше знаніе не можетъ намъ замѣнить потерянную вѣру, то развѣ такъ ужъ необходимо снова населять призраками образовавшуюся пустоту и, какъ въ средніе вѣка, вѣрить въ вѣдьмъ и въ заговоры? Вы устали, дорогая Дельфина, устали отъ безсонныхъ ночей, отъ мыслей, которыя терзаютъ васъ. Если бъ не это, то вы не могли бы такъ заблуждаться теперь, не могли бы отвернуться отъ тѣхъ познаній, которыми вы были такъ богаты недавно и которыя дѣлали васъ сильной. Вы занимаетесь ужаснымъ дѣломъ саморазрушенія, и все это ради существа, которое собственно хуже всякаго животнаго! Еще разъ умоляю васъ; не приносите себя въ жертву этому ребенку, не имѣющему никакого права на жизнь и которому лучше всего было бы въ какомъ-нибудь заведеніи для неизлѣчимыхъ. Я знаю, что вы отвѣтите мнѣ тѣми же самыми словами, какія вы такъ часто говорили

мнѣ: «Что же мнѣ тогда останется въ жизни?»—Жизнь, Дельфина! Я говорю вамъ какъ вашъ другъ, какъ человѣкъ, который похоронилъ свою самую смѣлую мечту—быть вашимъ руководителемъ въ новомъ мірѣ!

Вы жалуетесь на міръ, лишенный боговъ. И все же есть сила, которая можетъ возмѣстить всѣхъ боговъ міра и земли. Эта сила читаетъ въ сердцахъ людей лучше, чѣмъ они сами въ собственныхъ сердцахъ, она доставляетъ имъ болѣе прочную опору, даетъ большую силу чѣмъ вѣра, двигающая горами. И вотъ, потому что я самъ отдался этой силѣ съ той минуты, какъ Дельфина Лаваль вошла въ мою жизнь, я и могъ читать въ вашемъ сердцѣ, какъ въ раскрытой книгѣ. Я нашелъ тамъ затаенное чувство, дремлющую надежду, но пылкость моихъ чувствъ рисовала мнѣ яркую картину собственнаго счастья, и я не хотѣлъ видѣть то, что я видѣлъ. Теперь, когда я знаю, что женщина, которую я люблю всѣми силами своего сердца, никогда не будетъ моей, я хочу, по крайней мѣрѣ, спасти ее отъ ея самаго величайшаго врага—отъ нея самой!

Вы любите. Только ваша гордость мѣшаетъ вамъ сознаться въ этомъ себѣ самой. Вы надѣетесь. Но ваша больная совѣсть мѣшаетъ вамъ почерпнуть въ этой надеждѣ жизненную силу. Имѣйте же мужество для себя самой. Сохраните себя для человѣка, который отправился на чужбину, потому что думалъ, что вы его покинули!..

Каждое слово, которое я пишу вамъ, наноситъ мнѣ глубокую рану въ сердце. Но это все равно. Моя главная задача въ жизни—ваше счастье.

Іоганнъ ф. Альтенау—Дельфинѣ.

Парижъ, 18 сентября 1778 г.

Какъ мнѣ благодарить васъ за ту радость, которую доставили мнѣ ваши строки, дорогая Дельфина. Онѣ всего яснѣе говорятъ то, о чемъ умалчиваютъ. Вы называете меня своимъ единственнымъ другомъ, потому что только дружба, говорите вы, можетъ быть самоотверженной. Вы хотите мнѣ доказать этимъ, что я ошибаюсь въ собственныхъ чувствахъ... Я долженъ быть и далѣе вашимъ другомъ и писать вамъ о себѣ.

Мнѣ не хотѣлось бы отвѣчать вамъ банальными фразами, поэтому я лучше попробую продолжать наши прежніе разговоры и слѣдовательно, по возможности, постараюсь быть безличнымъ. Впечатлѣнія, полученныя мною по возвращеніи сюда, въ мой прежній кругъ, достаточно значительны сами по себѣ и заслуживаютъ того, чтобы я изложилъ ихъ вамъ.

Со времени смерти нашего великаго передового борца наступило глубокое уныніе. Мы видимъ передъ собой новое положеніе, видимъ безпокойную, лихорадочно возбужденную и часто сентиментальную толпу, въ которой преобладаетъ простонародный элементъ. Немногіе, оставшіеся

старики, потерявшіе силу и вліяніе, раздѣлились на группы. Неужели время энциклопедистовъ миновало и изъ посѣянныхъ ими сѣмянъ не выросло плодовъ, для которыхъ мы только и работали?

Преслѣдованія прежнихъ дней сдѣлали ихъ великими и сильными. Чтобы защитить себя отъ нихъ, бороться съ ними, надо было напрягать всѣ свои силы, надо было тѣсно сплотиться, чтобы огнемъ искренняго убѣжденія завоевать духовный міръ. Только такимъ путемъ можно было воздвигнуть среди бушующаго моря общественной жизни маякъ энциклопедіи, съ вершины котораго его строители обозрѣвали всю вселенную и указывали направленіе всѣмъ кораблямъ. Развѣ это одно уже недостаточно занимательно, что люди, создавшіе это дѣло, пишутъ теперь статьи для «Mercure ne France»?!

И вотъ наступило время, когда Европа превратила преслѣдуемыхъ въ своихъ героевъ, когда слава Вольтера, Монтескье, Руссо восторжествовала надъ кострами, гдѣ все еще сжигались ихъ книги, когда угнетенное человѣчество, пострадавшая невинность находили убѣжище у Фернейскаго патріарха и часто разумъ и справедливость одерживали его именемъ побѣду надъ всѣми властителями міра.

Преслѣдованія прекратились; нѣкоторые принципы философовъ достигли всеобщаго признанія, а ихъ идеи, точно сѣменная пыль, отдѣлявшаяся отъ цвѣтовъ и деревьевъ, наполнили воздухъ. Но въ то же время ослабѣло единеніе людей. Отпаденіе Руссо отъ энциклопедистовъ превратило внутреннее разъединеніе въ открытый скандалъ. Его оппозиція противъ матеріализма Гольбаха и его послѣдователей ясно указывала, что даже тѣ убѣжденія и рѣшенія, которыя были провозглашены съ такою твердостью, въ сущности покоились на зыбкой почвѣ.

Представители церкви и правительства, даже версальскій дворъ, перестали бояться философовъ. Тріумфальный въѣздъ Вольтера въ Парижъ въ сущности былъ его пораженіемъ.

Вчера, погруженный въ свои пессимистическія размышленія, я встрѣтилъ Гальяра въ кафе де ла Режансъ и долго разговаривалъ съ нимъ. Онъ смѣялся надъ моимъ угнетеннымъ состояніемъ, но это не былъ веселый смѣхъ; онъ звучалъ жестко. «Что за бѣда,—сказалъ онъ,—что Руссо оказался слабымъ человѣкомъ, а Вольтеръ—измѣнникомъ собственнаго ученія. Идеи мыслителей порождаютъ прежде всего людей дѣйствія». Я думалъ, что онъ намекаетъ на Неккера, дѣятельность котораго встрѣчаетъ такое сочувствіе въ народѣ. Онъ еще разъ засмѣялся. «Неккеръ?—вскричалъ онъ насмѣшливо,—человѣкъ, который въ своихъ писаніяхъ и публичныхъ рѣчахъ льститъ народу, а украдкой, вмѣстѣ съ королемъ, точитъ оружіе деспотизма»...

Вечеромъ онъ повелъ меня въ свой клубъ, гдѣ я былъ свидѣтелемъ самыхъ горячихъ споровъ. Молодые люди изъ городского сословія старались превзойти другъ друга въ дикихъ нападкахъ на все существующее. Религія, монархія, искусство, женщины, даже американская освободительная война, которую еще недавно такъ превозносили,—ничто не было

пощажено, и подвергалось самому жестокому осмѣянію. Недовольный, я собрался уходить. Гальяръ сопровождалъ меня. «Это ваши люди дѣйствія?» спросилъ я его. «Конечно, — отвѣчалъ онъ. — Вѣдь чтобы созидать, надо прежде разрушить».

У Пале-Рояля мы встрѣтили маркиза, который слишкомъ поздно закрылся своимъ широкимъ плащемъ, и поэтому мы узнали его. «Онъ— частый посѣтитель заднихъ комнатъ моей матери», сказалъ Гальяръ. Мнѣ кажется, дорогая Дельфина, что такое открытіе совершенно освобождаетъ васъ отъ всякой щепетильности въ отношеніи его. Я, конечно, постараюсь выслѣдить его, чтобы дать вамъ въ руки еще болѣе вѣрное оружіе противъ него.

Значитъ, черезъ четыре недѣли рѣшится судьба ребенка. Но я предполагаю, что г. Месмеръ будетъ достаточно уменъ, чтобы отложить это рѣшеніе еще на четыре недѣли.

Графъ Гиберъ—Дельфинѣ.

Парижъ, 25 сентября 1778 г.

Ваше возвращеніе, глубокоуважаемая маркиза, наполнило мою душу надеждой. Парижъ казался мнѣ очень пустыннымъ во всѣ эти годы вашего отсутствія. Салонъ Неккера — въ этомъ едва ли мнѣ нужно увѣрять васъ — не могъ служить умственнымъ убѣжищемъ для такихъ людей, какъ я. Вы сами, какъ я замѣтилъ, чувствуете себя несовсѣмъ ловко въ этомъ обществѣ министра, гордаго своею добродѣтелью и наполненнаго всякими сентенціями, его разсудительной и умной жены и рано созрѣвшей дочери, литературными дарованіями которой всѣ гости должны восхищаться. Тамъ не чувствуется вѣянія духа XVIII вѣка, и если такова должна быть атмосфера XIX вѣка, то я не хочу дожить до нея.

Впрочемъ, салонъ Неккера является типомъ множества другихъ салоновъ, которые, благодаря богатству, задаютъ тонъ, покровительствуютъ художникамъ и собираютъ художественныя произведенія. Какъ жены ихъ одѣваются только для другихъ, а въ тѣсномъ семейномъ кругу цѣлый день остаются въ неглиже, такъ и они украшаютъ свои комнаты знаменитыми именами, не для того, чтобы обогатить свою собственную жизнь, а только чтобы произвести впечатлѣніе. Иначе они не могутъ, поэтому ихъ надо извинить. Но что художники и писатели, пользующіеся извѣстностью, соглашаются служить имъ, это является печальнымъ знаменемъ умственнаго упадка.

Театръ только подтверждаетъ это положеніе дѣлъ, какъ вы сами вчера убѣдились. У насъ нѣтъ ни пьесъ ни актеровъ. Маленькіе таланты, обладающіе нѣкоторымъ остроуміемъ, но не умомъ, утонченныя декораціи, прелестные, обнаженные члены,—все это должно утѣшать насъ въ

томъ, что пьесы въ сущности являются только средствомъ для достиженія этихъ цѣлей.

Я предлагаю вамъ, прелестная маркиза, бросить всѣ эти посредственныя удовольствія и снова вернуться къ нашимъ, столь внезапно прекратившимся поѣздкамъ верхомъ. Но, разумѣется, мы хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ слишкомъ далеко удаляться отъ Парижа. Послѣ лѣтней засухи этого года, людей и животныхъ можетъ ожидать голодное бѣдствіе зимой. Страхъ ихъ вполнѣ понятенъ, и поэтому лучше держаться подальше отъ раздраженныхъ крестьянъ. Хотя помѣщики и финансисты стараются превзойти другъ друга, раздавая деньги и пищу, основывая больницы и пріюты, чтобы помочь нуждѣ, но поспѣшность, съ которой они это дѣлаютъ, заставляетъ думать, что ими двигаетъ скорѣе страхъ, нежели любовь къ человѣчеству, и это, разумѣется, только усиливаетъ возбужденіе умовъ, вмѣсто того, чтобы успокаивать ихъ. Притомъ же все рѣже и рѣже встрѣчаются богобоязненные люди, которыхъ можно удовлетворить благодѣяніями, такъ какъ теперь идеи правъ человѣка уже просвѣтили ихъ головы.

Но со мною вамъ нечего бояться, и я надѣюсь, что свѣжій воздухъ скоро зарумянитъ ваши щечки, и это будетъ тѣмъ восхитительнѣе, что для насъ, мужчинъ, естественный румянецъ представляетъ нѣчто совершенно необычное, потому что женщины всегда скрываютъ свой натуральный цвѣтъ кожи подъ стереотипными румянами.

Графъ Гиберъ — Дельфинѣ.

Парижъ, 30 октября 1778 г.

Многоуважаемая маркиза! Наконецъ я могу вздохнуть свободно. Хотя вы еще не хотите меня видѣть, но все же вы были настолько добры, что соблаговолили собственноручно написать мнѣ нѣсколько строкъ, для того, чтобы я зналъ, что мнѣ больше нечего дрожать за васъ.

Это были ужасныя недѣли, послѣдовавшія за нашей злополучной прогулкой. Я думалъ, что уже потерялъ васъ, когда я стоялъ на колѣняхъ возлѣ васъ и тщетно старался остановить кровь, которая текла изъ вашего бѣлаго лба. И хотя вы потомъ открыли ваши прекрасные глаза, тѣмъ не менѣе не прошло ни одного дня и ни одной ночи съ тѣхъ поръ, когда бы я не чувствовалъ смертельной тревоги за васъ! Съ отчаянія я застрѣлилъ вороную лошадь, на которой вы ѣхали. Она умерла невинная, но я не могъ ее видѣть больше.

До сихъ поръ для меня является загадкой, какъ могло случиться, что это спокойное животное, безъ всякаго внѣшняго повода, вдругъ понесла васъ и, въ концѣ-концовъ, перекувырнулась, перескакивая черезъ высокую изгородь.

Вы давно не были такъ веселы, какъ въ тотъ день. Возможность выздоровленія вашего сына, о чемъ вы говорили мнѣ, заставила и меня радоваться вмѣстѣ съ вами. А солнечный осенній день, обдававшій насъ своимъ тепломъ, казалось, раздѣлялъ наше веселье. Я могъ въ такой день разговаривать съ вами только о веселыхъ вещахъ, заставляющихъ смѣяться. Я сообщилъ вамъ занимавшую меня новость, только что услышанную мной, что нашъ храбрый Лафайетъ собирается покинуть Америку со своими друзьями, чтобы предоставить свои силы къ услугамъ отечества въ войнѣ съ Англіей. Въ этотъ самый моментъ я увидѣлъ, что вы поблѣднѣли и ваши широкораскрытые глаза устремились на меня, какъ будто передъ вами находился призракъ, и затѣмъ вы умчались, точно хотѣли броситься куда-то.

Съ очаровательной граціей умѣли вы, во время нашей прогулки верхомъ, отклонять разговоръ отъ той темы, на которую я хотѣлъ навести его. Но теперь, очаровательная маркиза, когда радость по поводу вашего выздоравливанія такъ велика, что лишаетъ меня всякаго самообладанія, вы не можете помѣшать мнѣ высказать вамъ, что еслибъ вы умерли, то и моя жизнь была бы кончена!

Іоганнъ ф. Алтенау—Дельфинъ.

Парижъ, 3 ноября 1778 г.

Сѣрый ноябрьскій туманъ, тяжело лежавшій на моемъ сердцѣ, исчезъ отъ одного дуновенія вашего дыханія, дорогая маркиза. Одного взгляда на ваше лицо было достаточно, чтобы я понялъ то, чему не хотѣлъ вѣрить, несмотря на ваши увѣренія. Не только рана на вашемъ лбу зажила, но зажили также и ваши внутреннія раны. Я не посмѣлъ больше мучить васъ своими сомнѣніями, когда увидѣлъ васъ снова, и какъ увидѣлъ! Исхудавшая и блѣдная, съ глазами, горящими какъ уголья, съ узкимъ краснымъ рубцомъ на бѣломъ лбу и ласковой улыбкой на полуоткрытыхъ устахъ, выражающихъ нетерпѣливое желаніе, вы лежали на кушеткѣ, и ваше ослабѣвшее тѣло было закутано въ бѣлый шелкъ и вся ваша фигура была залита краснымъ сіяніемъ отъ каминнаго огня. «Онъ говоритъ: мальчикъ будетъ здоровъ! — прошептали вы, протянувъ мнѣ обѣ руки, — и тогда я буду свободна, совершенно свободна... для новой жизни!»

Вы — точно вѣрующій ребенокъ. У кого же хватитъ жестокаго мужества сказать ему: «Богъ, которому ты молишься, не существуетъ!» Я хочу вѣрить вмѣстѣ съ вами. Въ день окончательнаго рѣшенія,— вы говорили о 21-мъ декабрѣ? — я буду ждать передъ вашимъ домомъ извѣстій. До этой же минуту я снова удаляюсь въ свое изгнаніе.

То, что я узналъ о маркизѣ, объ этомъ вы теперь не хотите слышать. «Мнѣ такъ это безразлично!» — сказали вы. Но если ваша свобода когда-нибудь окажется въ зависимости отъ знанія этихъ вещей, то помните, что я нахожусь въ вашимъ услугамъ.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Парижъ, 20 декабря 1778 г.

Вы призвали меня къ себѣ, прекрасная Дельфина! Вы смѣялись надъ всѣми исторіями, которыя я вамъ разсказывалъ. Міръ не обѣднѣлъ ими, хотя люди, охваченные рвеніемъ низвергать королей и Бога, продолжаютъ утверждать, что у нихъ не хватаетъ времени на всякія безумства.

Заставилъ ли знаменитый д-ръ Месмеръ снова забиться ваше парализованное сердечко или же сотрясеніе, вызванное паденіемъ, вывело васъ изъ летаргіи? Вы дозволили мнѣ расцѣловать каждый изъ вашихъ розовыхъ пальчиковъ. «Только не какъ любовникъ!» пригрозили вы. Я почти готовъ былъ бы впасть въ уныніе отъ этихъ словъ, еслибъ не то, что моя страшная тоска по васъ заставила меня поискать утѣшительницу.

Вспомните-ка! Вы видѣли въ оперѣ маленькую Тевененъ, незадолго до вашей злополучной поѣздки верхомъ. Она была самая молоденькая изъ нимфъ въ балетѣ Роза, и на ней ничего не было, кромѣ розоваго облака вокругъ бедеръ, да чудныхъ золотистыхъ волосъ на головѣ и черныхъ какъ смоль — въ другомъ мѣстѣ.

Пожалуйста: не прикрывайте ротика своей ручкой. Я знаю, что несмотря на ваши возмущенные взгляды, вы все-таки смѣетесь!

Я — говорящій попугай маркизы Дельфины, которому дозволяется болтать съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы это забавляло его госпожу! А въ эту минуту вы вѣдь одни! Нѣтъ возлѣ васъ страшнаго и серьезнаго домашняго философа и, навѣрное, нѣтъ маркиза. Долженъ я вамъ показать дальнѣйшія пробы своего искусства?

Г. Жанлисъ засталъ недавно м-lle Жюстинъ, свою прелестную любовницу, въ нѣжнѣйшемъ tête-á-tête съ маркизомъ Левенштейнъ. «Что вы хотите, милостивый государь? — отвѣчала она на его упреки, Но вѣдь я же изо всѣхъ силъ старалась заинтересовать г. маркиза вашей дочерью!» И дѣйствительно, въ ближайшіе дни маленькая Жанлисъ сдѣлалась счастливой невѣстой. Не послали ли и вы ей сердечныхъ поздравленій по этому поводу?

M-me Шаманъ увидала, что ея семнадцатилѣтняя дочка погружена въ чтеніе «Lettres du chevalier de Saint-Ilme». Возмущенная мать вырываетъ у нея книгу и говоритъ: «Ретифъ де ля Бретоннъ не могъ

написать болѣе отвратительной вещи!» Дочка чуть не умерла со смѣха. Вѣдь романъ-то написанъ про нее.

Герцогиня Д'Анвилль хотѣла возбудить ревность своего любовника, который оставлялъ желать многаго въ отношеніи страсти, и поэтому она начала восхищаться Д'Аламберомъ. «Это богъ!» говорила она восторженно. — «Ахъ, Madame, — отвѣчалъ небрежно любовникъ, — еслибъ онъ, дѣйствительно, былъ богомъ, то началъ бы съ того, что сдѣлалъ бы себя мужчиной!»

А вотъ еще недурная шутка, которая нѣсколько дней забавляла Парижъ во время вашей болѣзни. Какихъ-то два польскихъ дворянина, съ лучшими рекомендаціями, получили отъ графа Артуа разрѣшеніе осмотрѣть его павильонъ Bagatelle. Передъ однимъ изъ мраморныхъ бюстовъ они вдругъ залились слезами. «О, какъ она похожа на нашу умершую сестру!» говорили они. Предупредительный графъ тотчасъ же подарилъ имъ этотъ бюстъ. Они повторили этотъ удавшійся маневръ у цѣлаго ряда нашихъ меценатовъ, и прежде чѣмъ мошенничество было открыто, они успѣли исчезнуть со своей богатой художественной коллекціей.

Если вамъ опять захочется смѣяться, прелестная маркиза, то вспомните обо мнѣ, запасъ мой неистощимъ, а мое стараніе сдѣлаться для васъ необходимымъ тѣмъ болѣе сильно, что я уже слышу вдали бряцаніе оружія нашихъ возвращающихся военныхъ героевъ и, къ сожалѣнію, знаю, какъ поверхностны женщины! Онѣ мечтаютъ о забрызганныхъ кровью мундирахъ и не замѣчаютъ сердецъ, въ тиши истекающихъ кровью!

Впрочемъ, эти герои везутъ съ собой цѣлый гаремъ индіанокъ съ бронзовой кожей, и я уже предвижу, что ихъ туалетъ — три пера на головѣ и двадцать колецъ въ ушахъ — явится величайшей модой будущаго сезона. Вамъ, очаровательница, эта мода будетъ удивительно къ лицу!

Не забудьте своего обѣщанія, послѣ завтра мы должны встрѣтиться на балъ-маскарадѣ.

Іоганнъ фонъ Альтенау—Дельфинѣ.

21 декабря.

На колѣняхъ молю: впустите меня! Послѣ такого извѣстія вы не должны оставаться однѣ.

«Все кончено. Послѣ завтра я уѣзжаю съ ребенкомъ домой, чтобы тамъ похоронить себя съ нимъ навсегда!» Эта ужасная записка принесена мнѣ. Вы не должны уѣзжать! Вы должны бороться съ судьбой, а не покоряться ей. Я останусь у вашего порога и схвачу лошадей подъ уздцы, чтобы помѣшать вамъ. Послушайтесь же того, кого вы сами называете своимъ единственнымъ другомъ!

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

21 декабря.

Вы слишкомъ долго занимаетесь своимъ туалетомъ. Вы хотите ослѣпить всѣхъ своей красотой, только поэтому вы и заставляете меня ждать такъ долго, прелестная Дельфина? Если я не получу никакого отвѣта черезъ своего егеря, то черезъ часъ буду у васъ и силой увезу мою красавицу!

Іоганнъ фонъ Альтенау—Дельфинѣ.

Парижъ 22 декабря 1778 г.

Свершилось. Это сдѣлалъ я. Вы — единственная, знающая это, можете указать на меня, какъ на убійцу своего ребенка. Но и подъ висѣлицей я буду утверждать, что это было лучшимъ актомъ всей моей жизни!

Болѣе милосердный, чѣмъ его мать, я пустилъ пулю въ високъ бѣдному идіоту и вернулъ жизнь женщинѣ, которая хотѣла осудить себя на смерть!

То, что я встрѣтилъ ночью графа Шевреза, когда пробирался въ комнату ребенка, умѣрило мою радость. Правда, вы его не велѣли впускать, но онъ какъ будто имѣлъ право такъ просто являться къ вамъ. Я сожалѣю о вашемъ поспѣшномъ выборѣ, но своимъ актомъ я самъ лишилъ себя всякихъ правъ на вашу дружбу, а слѣдовательно, и права дѣлать вамъ предостереженія.

Прощайте, Дельфина. Будьте счастливы!

КАЛІОСТРО.

Баронъ Фердинандъ Вурмзеръ—Дельфинѣ.

Петербургъ, 2 іюля 1779 г.

Уважаемая кузина! Врядъ ли вы помните блѣднаго юношу, который тщетно старался отбить у своего соперника прелестную изъ нимфъ. Принцъ Фридрихъ-Евгеній остался побѣдителемъ, и его лба коснулись ея губы, посвящая его своимъ поцѣлуемъ. Я же, спрятавшись въ боскетѣ, оплакивалъ свое пораженіе и цѣлый день не разставался съ мрачною мыслью исчезнуть ночью въ черномъ лебединомъ прудѣ.

Внезапная смерть моего старшаго брата вынуждаетъ меня оставить мое мѣсто при дворѣ великаго князя Павла, чтобы посвятить себя

управленію нашими имѣніями. Я выѣзжаю на-дняхъ, и если горе, которое я испытываю, разставаясь со своею доброй повелительницей великой княгиней, смягчается радостью возвращенія на родину, то этому много способствуетъ мысль о васъ, чью красоту и радушное гостепріимство мнѣ такъ часто расхваливали.

Однако. можетъ-быть, я бы не осмѣлился теперь же увѣдомлять васъ о своемъ пріѣздѣ въ Страсбургъ, если бъ великая княгиня не поручила мнѣ напомнить вамъ прекрасные дни молодости, которые вы проводили вмѣстѣ въ Монбельярѣ и Этюпѣ и передать вамъ ея сердечный привѣтъ. «Скажите маркизѣ, что я прошу ее принять моего бывшаго камергера, какъ друга» — были ея слова, которыя она, по добротѣ своей, поручила мнѣ передать вамъ. Она надѣется, въ скоромъ времени, если состоится ея посѣщеніе Франціи, возобновить съ вами прежнія отношенія. Съ глубокимъ сочувствіемъ и искреннимъ сожалѣніемъ услышала она о горѣ, постигшемъ васъ, дорогая кузина.

Мнѣ въ особенности было тяжело узнать о страданіяхъ вашего ребенка, только послѣ его ужаснаго конца! Я въ состояніи былъ бы указать вамъ настоящаго врача. Быть-можетъ, вы уже слышали о необыкновенномъ человѣкѣ, который внезапно появился здѣсь, и никто не можетъ сказать, откуда онъ и кто онъ такой. Я говорю о графѣ Каліостро. Онъ разгуливаетъ и исцѣляетъ больныхъ, какъ Христосъ, раздаетъ деньги бѣднымъ, какъ Гарунъ-аль-Рашидъ и заставляетъ мертвыхъ выходить изъ нѣдръ своихъ темныхъ могилъ на свѣтъ его мистической лампы.

Вы, навѣрное, его встрѣтите, потому что онъ находится вездѣ.

Черезъ пять-шесть недѣль я надѣюсь быть въ Эльзасѣ и представиться вамъ. Прошу васъ передать мое почтеніе маркизу, съ которымъ я не имѣю чести быть лично знакомымъ, но котораго знаю по разсказамъ моего брата, представившаго мнѣ его какъ образецъ дворянина старой школы.

Графъ Гиберъ—Дельфинъ.

Парижъ, 25 августа 1779 г.

Встрѣча съ вами въ Спа, дорогая маркиза, преслѣдуетъ меня какъ потрясающее сновидѣніе, воспоминаніе о которомъ не исчезаетъ даже днемъ.

Ни одно изъ впечатлѣній во время моего путешествія—а они были достаточно сильны — не могло изгладить изъ моей памяти трогательной картины, которую я увидѣлъ. Вашъ нѣжный станъ, окутанный черной вуалью, и взглядъ вашихъ темныхъ горящихъ глазъ на мраморно-бѣломъ лицѣ — все это поразило меня до глубины души. Вы пріѣхали, чтобы лѣчиться въ этомъ знаменитомъ курортѣ.

«Маркизъ пожелалъ этого», сказали вы мнѣ съ горькой страдальческой улыбкой. «Маркизъ»?—повторилъ я про себя, удивленный. Вѣдь я же зналъ то, что было всѣмъ извѣстно. Ужъ не соединила ли трагедія ребенка съ ея ужаснымъ, загадочнымъ концомъ, двухъ разошедшихся супруговъ? Но еще прежде, чѣмъ я обдумалъ это до конца, отвѣтъ уже былъ мною полученъ. Подошелъ маркизъ, — сгорбившійся старикъ, съ осунувшимся лицомъ, — я едва узналъ его! Тутъ я вспомнилъ со страхомъ темные слухи, которые распространялись по поводу неудачныхъ спекуляцій Сенъ - Джемса и участіе въ нихъ маркиза и кардинала де Рогана. Но вскорѣ я увидалъ, что совсѣмъ другая тревога снѣдала его. Заботливо, какъ отецъ, закуталъ онъ васъ плащемъ, поздоровался со мной съ такою сердечностью, которая меня поразила,— вѣдь мы всегда были далеки!

«Какъ я радъ, что вы здѣсь находитесь!» нѣсколько разъ повторилъ онъ. Когда же я потомъ остался съ нимъ наединѣ, то былъ пораженъ еще больше. Страхъ за васъ заставилъ его позабыть всякія свѣтскія правила, и я внезапно увидѣлъ человѣка тамъ, гдѣ до сихъ поръ привыкъ видѣть только аристократа. Онъ просилъ меня занимать васъ, развлекать и заставить васъ снова заинтересоваться парижской жизнью.

Можно ли было найти для меня болѣе пріятную задачу? Вы знаете, съ какимъ горячимъ рвеніемъ я взялся за нее, но вы не подозрѣваете, какъ съ каждой каплей крови, медленно приливавшей къ вашимъ щекамъ, когда я изощрялъ передъ вами свое умѣнье разсказывать, свое остроуміе и пришпоривалъ свою фантазію, точно всадникъ своего коня, въ моемъ сердцѣ снова разгоралось пламя и тѣнь улыбки, мелькавшая на вашихъ губахъ, бурно подымала во мнѣ старыя, неудовлетворенныя желанія.

Я сказалъ вамъ, что приказъ военнаго министра требуетъ моего возвращенія въ Парижъ. Я солгалъ. И я даже не хотѣлъ разоблачать эту ложь. Только теперь, когда я нахожусь вдали отъ васъ, я чувствую, что долженъ сказать вамъ правду.

Два года тому назадъ я добивался вашей любви. Обладаніе вами явилось бы самымъ драгоцѣннымъ золотымъ лавровымъ листкомъ въ вѣнцѣ моей славы. Ни на одно мгновеніе не смущала меня мысль о вашемъ законномъ обладателѣ — маркизѣ Монжуа, о которомъ ничто не напоминало въ вашемъ домѣ. Маркизъ Монжуа, относящійся съ такою высокомѣрной холодностью къ прелестной Дельфинѣ, предпочитавшій заднія комнаты въ помѣщеніи М-me Гальяръ спальнѣ собственной супруги, отъ которой онъ выходилъ всегда съ сумрачнымъ скучающимъ лицомъ—какъ будто пребываніе съ нею было бы для него только выполненіемъ непріятнаго долга — не могъ, конечно, служить ни малѣйшимъ препятствіемъ на моемъ пути къ вамъ, но даже если бъ я зналъ, что онъ цѣнитъ васъ больше, нежели какую-нибудь особенно драгоцѣнную вещицу своего домашняго обихода, то все же это не могло бы

меня удержать. Пока мужчина въ борьбѣ за женщину имѣетъ передъ собой соперника равнаго ему — хотя бы даже это былъ супругъ его красавицы — то сама природа даетъ ему право оспаривать у него ея обладаніе. Не сила,. а слабость обезоруживаетъ!

Вотъ почему я долженъ отъ васъ бѣжать теперь. Я не могъ оставаться возлѣ васъ равнодушнымъ и не могъ, какъ честный человѣкъ, добиваться васъ. Старый, больной маркизъ больше не соперникъ.

И все-таки! Если бъ ваше сердце приняло когда-нибудь добровольное рѣшеніе... Милая Дельфина, я начинаю понимать, что вы не только можете быть золотымъ листкомъ въ вѣнкѣ побѣдителя, но сами по себѣ представляете тотъ розовый вѣнокъ, которымъ жизнь вѣнчаетъ своихъ любимцевъ.

Смѣю ли я въ награду за мое самоотреченіе, которому я не въ состояніи былъ бы подвергнуть себя во второй разъ, такъ какъ и теперь уже у меня едва хватаетъ силы переносить его, возобновить нашъ послѣдній разговоръ? Могу ли я надѣяться, что при вашемъ содѣйствіи онъ постепенно образуетъ между нами крѣпкую связь?

Съ тою геніальной, чисто женской добротой, которая даже можетъ замѣнить дѣловой интересъ, вы приняли участіе въ моей военной научной работѣ. Между тѣмъ эта работа возбудила такое общественное вниманіе, на которое я даже не могъ разсчитывать. Со времени блестящаго успѣха Ифигеніи Глюка наши великіе умы,—я почти готовъ былъ написать «великіе» въ кавычкахъ,—снова принялись истощать свои силы въ музыкальной войнѣ. Такое явленіе возможно только въ странѣ, гдѣ на гражданъ смотрятъ какъ на несовершеннолѣтнихъ, и ихъ дѣйственное участіе въ политической жизни страны награждаютъ Бастиліей.

Защищая свои идеи, я вступилъ въ очень горячій споръ съ г. Мениль-Дюранъ и вынужденъ былъ критически высказываться не только противъ него, но и противъ моего стараго друга и благодѣтеля герцога Брольи.

Въ то время, какъ я ограничивался только критикой по существу, они прибѣгали къ личнымъ нападкамъ, и весь Парижъ повторялъ, какъ эхо, ихъ слова и упрекалъ меня въ грубой неблагодарности: герцогъ Брольи отказалъ мнѣ отъ дома. Печальный признакъ, указывающій на полное отсутствіе убѣжденій у французскихъ гражданъ, требующихъ, чтобы я принесъ въ жертву любовь къ отечеству чувству личной благодарности!

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, я раздѣлилъ участь моего друга Кондорсе, который навлекъ на себя жестокую хулу за то, что осмѣлился подвергнуть критикѣ финансовую политику Неккера. «Какъ это вамъ пришло въ голову выступать судьей министра?» спрашивали его съ возмущеніемъ. «Развѣ же я долженъ оправдываться въ томъ, что меня занимаютъ общественныя дѣла? — отвѣчалъ онъ. — Это право и долгъ каждаго гражданина и не нужно никакой спеціальной миссіи для того.

чтобы вступаться за права народа или же бороться съ такими мѣропріятіями, которыя нарушаютъ эти права».

Испорченное версальское общество, не признающее другихъ законовъ, кромѣ придворнаго этикета, и убѣжденное въ превосходствѣ всѣхъ учрежденій, дающихъ возможность придворнымъ лизоблюдамъ получать свои пенсіи, а банкирамъ имѣть превосходныхъ поваровъ, конечно, смѣется надъ такими взглядами, какъ наши. Какъ будто не существуетъ никакихъ другихъ страданій, кромѣ тѣхъ, которыя касаются насъ лично! Какъ будто природа, вложившая въ насъ мужество и чувствующее сердце, сама не призвала насъ къ тому, чтобы мы были защитниками общественнаго блага!

Намъ пришлось пережить то, что наше общество гораздо больше заинтересовалось волненіями среди балетныхъ танцовщиковъ, нежели потерями, которыя понесла наша торговля, взятіемъ Пондишери и несчастной экспедиціи Сентъ-Люси. Если бы я незадолго передъ тѣмъ не былъ самъ свидѣтелемъ изступленныхъ восторговъ парижанъ, привѣтствовавшихъ вернувшихся героевъ американской освободительной войны, то я бы потерялъ всѣ свои надежды. Это былъ мгновенный взрывъ глубоко укоренившейся ненависти къ феодальному государству, быстро, однако, погасшій, потому что, когда маркизъ Лафайетъ и принцъ Монбельяръ, не давая себѣ ни минуты отдыха, чтобы насладиться оваціями, которыя всюду ихъ ожидали, немедленно предоставили себя и свое испытанное оружіе къ услугамъ французскаго флота для борьбы съ Англіей, то это удивило всѣхъ и никто ихъ не понялъ.

Я имѣлъ случай разговаривать съ принцемъ незадолго до его отплытія. Я былъ радъ найти въ немъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ патріотовъ, которые чувствуютъ не какъ отдѣльная единица, а какъ часть цѣлаго. Онъ былъ очень удрученъ всѣмъ, что нашелъ по возвращеніи во Францію. «Америка открыла мнѣ глаза на Францію, — сказалъ онъ.— Тамъ цѣлый народъ борется за свободу, отдавая всѣ свои силы и средства, а здѣсь отдѣльные члены государства смотрятъ на свое отечество какъ на завоеванную область, которую каждый имѣетъ право грабить изо всѣхъ силъ, соблюдая только свою выгоду. Тамъ мужчины, изъ которыхъ каждый считаетъ себя защитникомъ отечества, а здѣсь — офицеры, спальни которыхъ больше похожи на будуары куртизанокъ и которые ни къ чему такъ страстно не стремятся, какъ только къ тому, чтобы перещеголять другъ друга въ своихъ расходахъ на любовницъ».

Въ теченіе нашей длинной бесѣды съ принцемъ я чувствовалъ искушеніе заговорить также и о васъ, дорогая маркиза, и о вашемъ опасномъ паденіе съ лошади, которое страннымъ образомъ совпало съ упоминаніемъ его имени. Но моя скромность побѣдила мое любопытство. Впрочемъ, можетъ-быть, я втайнѣ боялся, что стою передъ соперникомъ, равнымъ мнѣ по силѣ?

Графъ Гиберъ — Дельфинъ.

Парижъ, 21-го іюля 1780 г.

Я едва смѣлъ надѣяться получить отъ васъ письмо, дорогая маркиза, и теперь не знаю, долженъ ли я радоваться, что, наконецъ, получилъ его. Это холодное и короткое письмо, и я готовъ былъ бы думать, что оно продиктовано только вѣжливостью, если бъ въ немъ не заключалось столько же вопросовъ, сколько и строкъ, вопросовъ, которые явно вызваны не однимъ только любопытствомъ, но за которыми скрывается такое чувство, какъ тайная тревога.

Нѣтъ сомнѣнія, времена теперь серьезныя, маркиза. Но мое путешествіе изъ Спа въ Парижъ, во время котораго я проѣхалъ мимо угольныхъ копей Анзена и Френа, указало мнѣ, для кого особенно страшны наши современныя условія. Я съ содроганіемъ видѣлъ дѣтей, видѣлъ женщинъ, готовящихся сдѣлаться матерями и работающихъ въ темныхъ подземныхъ шахтахъ. И это въ вѣкъ Руссо! Я видѣлъ надсмотрщиковъ, вооруженныхъ плетьми, которыми они подгоняли рабочихъ. И это въ вѣкъ освобожденія Америки! Кто видѣлъ это и хранитъ въ душѣ эти впечатлѣнія, тотъ можетъ только презрительно улыбаться, слушая жалобы «терпящихъ нужду», которые, красуясь въ шелковыхъ жилетахъ съ брильянтовыми запонками, наполняютъ переднюю министра и скорбятъ о плохихъ временахъ. Не сами ли они виноваты, что сельскіе рабочіе предпочитаютъ итти работать въ подземелья, нежели отбывать барщину въ ихъ помѣстьяхъ?

Если вамъ указали на финансовую политику Неккера, какъ на причину всеобщихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, то это невѣрно. Онъ не виноватъ ни въ чемъ,—ни въ хорошемъ ни въ дурномъ. Сдѣланныя имъ ограниченія расходовъ на содержаніе королевскаго штата, конечно, были очень непріятны для двора. Множество версальскихъ офицеровъ, вся обязанность которыхъ заключалась только въ наблюденіи надъ кухонной службой и надъ тѣмъ, чтобы жаркое подавалось во-время, откомандированы теперь во флотъ, гдѣ, разумѣется, должны ожидать отъ нихъ чудесъ храбрости, въ виду того, что они обладаютъ такимъ опытомъ въ командованіи надъ мертвыми гусями и свиньями!

Но эти жалкія мѣропріятія представляютъ лишь отчаянную попытку какъ-нибудь успокоить общественное мнѣніе. Онѣ такъ же мало приносятъ пользы, какъ принесла бы ее попытка превратить дѣвственный лѣсъ въ плодородное поле при помощи ножа, которымъ разрѣзываютъ жаркое! Налоги, которые Неккеръ частью отмѣняетъ, частью же назначаетъ вновь, тоже не ведутъ ни къ чему. Это Сизифова работа. Если удается заткнуть одну дыру, то сейчасъ же является рядомъ другая. Я повторяю: онъ невиновенъ, и ужасающій долгъ прошлаго не смогъ бы покрыть и другой, болѣе великій, чѣмъ онъ.

40 дней
!!! БЕЗПЛАТНО !!!

Если вы въ теченіе 40 дней не выучитесь свободно говорить, читать и писать по-нѣмецки, французски, англійски и латински по нашимъ самоучителямъ, составленнымъ по новѣйшему методу (всѣ другіе—реклама), **деньги возвращаемъ обратно.** Цѣна самоучителя одного языка съ перес. наложен. плат. 1 р. 10 к., 2-хъ 1 р. 90 к., 3-хъ 2 р. 80 к., 4-хъ 3 р. 65 к. Заказы исполняетъ единственный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большой проспектъ, 56—567.

Я. К. Петерсъ.

I-е заочные кулинарные курсы.

Полный курсъ лекцій для самообученія „**Скромный и постный столъ**“; около 1000 рецептовъ кушаній, напитковъ, печенья, компотовъ, вареній, сладкихъ блюдъ, пироговъ и др. 300 стр. убористаго шрифта. Цѣна съ перес. нал. плат. 2 р. 60 к. Наставленіе, какъ правильно вести домашнее хозяйство и приготовлять экономическіе, вкусные и питательные обѣды, съ приложеніемъ разрѣзки мяса и украшеніемъ стола и блюдъ, около 100 стр., съ рисунками. Цѣна 1 р. 20 коп. Обѣ книги вмѣстѣ 3 р. 35 коп. (можно марками). Съ заказами обращаться исключительно къ
Я. К. ПЕТЕРСУ, С.-Петербургъ,
Пет. стор., 556, Большой просп., № 56.

Историческая Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. З.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Книга для чтенія по исторіи новаго времени.

Томъ IV, часть I.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

Содержаніе: Соціально-экономическая политика и административныя реформы консульства и имперіи—*И. М. Хераскова.* Реформы въ Пруссіи—*В. Н. Перцева.* Вѣнскій конгрессъ—*С. А. Котляревскаго.* Священный союзъ и международная политика эпохи реакціи—*В. А. Бутенко.* Политическія движенія въ Испаніи и Италіи въ 1820-1823 гг.—*Е. В. Тарле.* Политическія теоріи во Франціи—*М. Фельдштейна.* Основные моменты реставраціи во Франціи—*А. М. Васютинскаго.* Внутренняя политика іюльской монархіи—*Н. И. Карѣева.* Сенъ-Симонъ и Фурье—*А. А. Боровою.* Коммунизмъ и религіозно-соціальныя ученія во Франціи передъ революціей 1848 г.—*А. А. Боровою.* Революція 1848 г. во Франціи—*В. В. Филатова.* Реакція въ Германіи—*В. Н. Перцева.* Либеральныя, радикальныя и соціалистическія идеи въ предреволюціонной Германіи—*П. А. Берлина.* Революція 1848 г. и контръ-революція въ Германіи—*И. И. Шитца.* Революція въ Пруссіи—*А. К. Дживелегова.* Соціальная и національная борьба въ Австріи въ 1848 г.—*И. О. Левина.* Дореформенное мѣстное самоуправленіе въ Англіи—*М. В. Бердоносова.* Борьба за избирательныя права въ Англіи и реформа 1832 г.—*И. В. Лучицкаго.* Рабочій классъ и рабочее движеніе въ Англіи 20—40 гг.—*В. П. Потемкина.* Англійская свободная торговля—*І. М. Кулишера.* **744 стр. Ц. 3 р. 25 к.**

Томъ I. IV+627 стр. XVI и XVII столѣтія. Ц. **2** р. **75** к.
Томъ II. 748 стр. Первая половина XVIII столѣтія. Ц. **3** р. **25** к.
Томъ III. 796 стр. Вторая половина XVIII столѣтія. Ц. **3** р. **25** к.
Томъ IV. часть II.—Исторія Восточной Европы, въ первой половинѣ XIX столѣтія—**печатается.**
Томъ V.—Готовится къ печати.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина и „Сотрудникъ школъ“.

Содержаніе вышедшихъ книгъ „Голоса Минувшаго“:

№ 1. (январь.)

I. Статьи:

Руссо—гражданинъ Женевы, М. М. Ковалевскаго.
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (біограф. очеркъ), В. И. Семевскаго.
Театръ и зрители. 1. Русскіе зрители XIX в., И. Н. Игнатова.
Королева Луиза и Александръ I, А. К. Джививелегова.
Народничество Н. Н. Златовратскаго, П. Н. Сакулина.

II. Воспоминанія:

А. В. Поджіо. Записки декабриста, съ предисловіемъ А. И. Яковлева.
Изъ далекихъ воспоминаній, К. К. Арсеньева.

III. Матеріалы:

Л. Н. Толстой о Наполеонѣ (письма Л. Н. Толстого къ А. И. Эртелю). П. И. Бирюкова.
М. Е. Салтыковъ въ Ниццѣ (изъ неизданной переписки съ Н. А. Бѣлоголовымъ), В. А. Розенберга.
Новые матеріалы о М. А. Бакунинѣ и А. И. Герценѣ, В. Я. Богучарскаго и М. О. Гершензона.

IV. Критика и библіографія:

Новая работа объ Александрѣ I (по поводу изслѣдованія великаго князя Николая Михайловича), С. П. Мельгунова.

V. Обзоръ журналовъ:

Статьи нѣмецкихъ авторовъ по русской исторіи въ нѣмецкомъ журналѣ Теодора Шимана, А. А. Кизеветтера.
Изъ иностранныхъ журналовъ, А. М. Васютинскаго.
Значеніе эпохи Отечественной войны (по поводу статьи г. Корнилова), М. Н. Покровскаго.

VI. Хроника:

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ѳ. Д. Батюшкова.
Памяти В. Е. Якушкина, В. И. Семевскаго.
П. И. Бартеневъ, В. В. Каллаша.
П. И. Щукинъ, А. В. Орѣшникова.
Артуръ Гергей, А. К. Дживелегова.
П. А. Крапоткинъ, какъ историкъ французской революціи.
М. Ѳ. Казаковъ, И. Е. Бондаренко.
Акварель E. Lami въ Румянцевскомъ музеѣ, Н. И. Романова.
Музей Александра III въ Москвѣ, В. Е. Степановой.
Выставка 1812 года, Е. Ѳ. Корша.
Хроника научныхъ обществъ и мелкія сообщенія.

VII. Приложеніе:

„Письма маркизы“, романъ Лили Браунъ (изъ второй половины XVIII в., переводъ Э. К. Пименовой).

VIII. Рисунки:

Акварель E. Lami, поморскіе лубки (сатира на театръ) портреты: А. В. Поджіо, В. Е. Якушкина, П. И. Щукина, П. И. Бартенева, Т. Корзона, С. Кшеминскаго, М. Ѳ. Казакова.

№ 2. (февраль).

I. Статьи:

В. И. Пичета. Смутное время въ русской исторіографіи.
А. А. Чебышевъ. Драма въ Мангеймѣ (убійство Коцебу).
Л. С. Козловскій. Польскіе романтики „украинской школы“.
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. I. Зрители нач. XIX в.
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

II. Воспоминанія:

Дневникъ Дюмона 1803 г. (съ портретомъ). Съ предисловіемъ С. М. Горяинова.
Записки А. В. Поджіо.
П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка“.

III. Матеріалы:

Дѣло о декабристѣ (кн. В. М. Голицынѣ).
М. О. Гершензонъ. Н. П. Огаревъ.
Изъ дневника А. И. Эртеля.

IV. Критика и библіографія.

V. Обзоръ журналовъ:

1) С. П. Мельгуновъ. „Настоящая Россія“ (по поводу статьи А. А. Кизеветтера о Растопчинѣ).
2) Н. Л. Бродскій. Изъ исторіи русской литературы.
3) А. М. Васютинскій. „Французское общество въ началѣ второй имперіи. Новое о Стендалѣ.
4) В. Н. Перцевъ. „Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры“.

VI. Хроника:

М. А. Дьяконовъ. Н. Е. Энгельманъ.
Ч. Вѣтринскій. Архивныя комиссіи.
К. С. Кузьминскій. Зауэрвейдъ (по повод. помѣщаемыхъ рисунковъ).
В. Н. Тукалевскій. Выставка въ память И. И. Срезневскаго.
Н. И. Херасковъ. Конгрессъ общества экономической исторіи революціи.

VII. Романъ:

Лили Браунъ. Письма маркизы.

№ 3. (Мартъ).

I. Статьи:

А. К. Дживелеговъ. „Памяти Т. Н. Грановскаго".

М. М. Покровскій. Греческіе, римскіе и новѣйшіе гуманисты о женщинѣ и ея образованіи.

В. Викторовъ-Топоровъ. „Светозаръ Марковичъ" (изъ исторіи общественнаго движенія въ Сербіи).

А. Е. Грузинскій. Источники разсказа Л. Н. Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ".

В. И. Семевскій. М. В. Петрашевскій-Буташевичъ (характеристика).

II. Воспоминанія:

Дневникъ Дюмона 1803 г. Сообщ. С. М. Горяиновъ.

Записки Поджіо (окончаніе). Сообщ. А. И. Яковлевъ.

Записки Л. В. Дубельта. Сообщено Л. Ѳ. Пантелѣевымъ. Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова.

П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка".

III. Матеріалы:

1) Изъ неизданной переписки Н. В. Гоголя. Сообщ. В. В. Каллашомъ и П. Н. Сакулинымъ. 2) „Грановскій и Шевыревъ" Ю. Соколова. 3) Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщ. В. И. Семевскимъ. 4) „Забота о довѣріи об-ва къ суду". Сообщ. В. Богучарскимъ.

IV. Обзоръ журналовъ:

А. А. Кизеветтеръ. „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова". 2) Н. С. Русановъ. „Воспоминанія г. Вырубова о П. Л. Лавровѣ". 3) Н. Л. Бродскій. „Изъ исторіи русской литературы". 4) А. М. Васютинскій. „Тайная полиція во Франціи и Австріи въ эпоху реставраціи. Мемуары гр. Аппоньи".

V. Критика и библіографія:

VI. Хроника:

Т. И. Полнеръ. „В. В. Самойловъ". Съ рисунками.

Л. И. Гальберштадтъ. „Къ юбилею Румянцевскаго музея".

М. С. Сергѣевъ. „Выставка древне-русскаго искусства".

В. Н. Щепкинъ. „Миніатюра Сійскаго Евангелія 1339 г." (къ рисунку).

И. Н. Романовъ. „Литографія Э. Манэ «La Barricade». (Рисунокъ).

VII. Романъ.

Лили Браунъ. Письма маркизы.

№ 4. (Апрѣль).

I. Статьи:

В. М. Фриче. „К. Гольдони" (обществ. значеніе его комедій).

И. Н. Игнатовъ. „Театръ и зрители II. Послѣ Отечественной войны".

Н. О. Лернеръ. „Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова".

К. Н. Левинъ. „Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена". (По неизданнымъ матеріаламъ).

В. И. Семевскій. „М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Пятницы Петрашевскаго въ 1845-48 гг.".

II. Воспоминанія:

„Дневникъ Э. Дюмона. 1803 г". Сообщ. С. М. Горяиновъ.

Максимовъ. В. М. „Автобіографическія записки". Съ предисловіемъ И. Е. Рѣпина.

Бѣлоконскій, И. П. „Отрывки изъ воспоминаній".

III. Матеріалы:

„Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи". Сообщ. В. И. Семевскій. „Къ біографіи Т. Н. Грановскаго". Сообщ. Д. М. Щепкинъ. „Неизвѣстная сатира" Сообщ. Н. П. Кашинъ.

IV. Критика и библіографія:

V. Обзоръ журналовъ:

С. П. Мельгуновъ. 1) „Изъ исторіи русскаго самосознанія. Защита Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ". 2) Н. Л. Бродскій. „Новое о Пушкинѣ". 3) И. В. Лучицкій. „О феодализмѣ при Людовикѣ XVI". 4) А. М. Васютинскій. „Дж. Мадзини на защитѣ римской республики 1849 г. Новый варіантъ Мефистофеля. Фаустъ въ балаганѣ"

VI. Рисунки:

Портреты (дуплексъ): Гольдони; Н. А. Спѣшнева и В. М. Максимова. Картина И. Е. Рѣпина. „Арестъ" (въ краскахъ). Заставки изъ изданій Струйскаго XVIII в.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма Маркизы".

Предполагаемое содержанiе Iюньской книги „Голоса Минувшаго".

I. Статьи:

Успенскiй, К. Н. Юстинiанъ и крестьянское землевладѣнiе сенатской знати.

Филипповъ, Н. А. Факты и легенды въ бiографiи Волкова.

Коноплева, М. С. «М. С. Жукова».

Колосовъ, Евг. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскiй въ старомъ народничествѣ (окончанiе).

Семевскiй, В. И. М. В. Буташевичъ-Петрашевскiй (продолженiе).

II. Воспоминанiя:

Максимовъ, В. М. Автобiографическiя замѣтки (продолженiе).

Ольнемъ, О. Н. Изъ репортерскихъ воспоминанiй.

Хижняковъ. В. М. Изъ разсказовъ бабушки.

Воспоминанiя пажа Людовика XVI.

III. Матерiалы:

«Казанскiй заговоръ 1863 г.» Сообщ. **А. Ершовъ.**

Каллашъ, В. В. О Гоголѣ Н. В.

IV—VI. Критика и библiографiя. Обзоръ журналовъ.

Хроника:

VII. Романъ. Л. Браунъ. «Письма маркизы».

Со второй половины года начинается печатанiе первой части **новой исторической трилогiи** извѣстнаго польскаго романиста **Ст. Реймонта.** Изъ возстанiя Костюшки 1794 г.

Въ отдѣльномъ изданiи на русскомъ языкѣ, на основанiи соглашенiя редакцiи съ г. Реймонтомъ, романъ появится только по окончанiи печатанiя его въ «Голосѣ Минувшаго», т.-е. въ **1915 году.**

Подписчики *„Голоса Минувшаго"*, въ силу соглашенiя редакцiи съ издательствомъ Д. Е. Жуковскаго, могутъ прiобрѣтать 3-е изданiе (изданiе „Общественной пользы")

Исторiи Россiи съ древнѣйшихъ временъ С. М. СОЛОВЬЕВА,

29 томовъ, въ 7 книгахъ: полный текстъ (съ указателемъ), 5300 стр., большого формата, въ 2 столбца; портретъ и факсимиле автора

вмѣсто 18 руб. за 9 руб. безъ пересылки.

Желающихъ прiобрѣсти это изданiе просятъ высылать 9 руб. въ контору „Голоса Минувшаго" (Тверская, 48); стоимость пересылки (1 р. 60 к. для Европейской Россiи, 2 р. 40 к. для Зап. Сибири и 4 р. для Вост. Сибири) будетъ взиматься налож. платежомъ, въ Москвѣ и Петербургѣ; за доставку уплачивается 50 коп.